

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

IX

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is fluid and appears to be the name of the man in the photograph above.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

IX

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчуев, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор, *В. А. Воропаева*

Ответственный редактор:

академик НАН КР *Т. К. Койчуев*

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф., В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчуев. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих ученых Кыргызстана, внесших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Атаюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награжден почетными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений ученого.

**Национальная Академия Наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет**

В. М. ПЛОСКИХ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КЫРГЫЗСТАНА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ РАЗНЫХ ЛЕТ**

Бишкек — 2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Ки)
П 82

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и культурного наследия
Национальной Академии наук Кыргызской Республики
Ученым советом гуманитарного факультета
Кыргызско-Российского Славянского Университета*

Плоских В. М.

П 82 **Проблемы истории Кыргызстана в исследованиях разных лет.** — Б.: Нео Принт, 2020. — 618 с.: ил. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских. — Т. IX).

ISBN 978-9967-19-301-7

В IX том собрания сочинений вошли монография «У истоков дружбы», посвященная истории Кыргызско-Российский взаимоотношений XVIII–XIX вв., и программные статьи разных лет, посвященные ключевым вопросам изучения истории Кыргызстана.

Издание является стереотипным.

В сводном виде публикуется впервые.

Часть первая

**У ИСТОКОВ
ДРУЖБЫ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дружба начинается со знакомства. И хотя не всякое знакомство перерастает в дружбу, можно сказать, что в отношениях между киргизами и русскими дружественные отношения по ряду причин складывались с первых же встреч.

Наиболее любознательные и образованные люди России, начиная с XVIII в., пытаются составить представление и обрисовать киргизов как самостоятельный народ, отличный от казахов, которых собирательно называли иногда тоже киргизами, иногда киргиз-кайсаками. Первые авторы сохранившихся рукописных документов и опубликованных источников благожелательно отзываются о народе, почти неизвестном европейцам. Уже одно это свидетельствует о попытках установить, пока с одной стороны, доброжелательные отношения.

Несомненно, впечатления о русском народе складывались и в среде киргизов на основе знакомств с передовыми его представителями. Известно, что первый непосредственный контакт киргизов с российским правительством был установлен по инициативе киргизов. Именно отдаленную Россию, а не среднеазиатские ханства или Китай просили киргизы о покровительстве и установлении дружеских отношений. Понятно, что к тому времени в Киргизии были уже достаточно обширные сведения о России. Первые контакты, установившиеся на дружеской основе, отражали стремление к сближению и сотрудничеству.

Показателен следующий пример. По прибытии русских посланцев на берега Иссык-Куля, где уже находились послы Кокандского ханства, народу было предоставлено право выбора подданства России или Коканда. Народное собрание

во главе с наиболее дальновидными представителями феодално-господствующего класса высказалось за союз с Россией. Это происходило в 1825 году, за три десятилетия до добровольного вхождения киргизов в состав России.

Среди лиц, стоявших у истоков дружбы двух народов, мы встречаем русских, киргизов, узбеков, татар, поляков, итальянцев, грузин, армян, казахов и представителей многих других национальностей. Это были путешественники и дипломаты, ученые и купцы. Следы их деятельности сохранились в дипломатических отчетах, путевых дневниках, записках и книгах, в отдельных документах, отложившихся в архивах. Многие из них уже известны читателям, с некоторыми он столкнется впервые. Одни стали позднее широко популярными, другие безвестно канули в прошлое. Но все они внесли свою лепту в дело развития связей между русскими и среднеазиатскими народами, стояли у истоков дружбы, выросшей в братство народов многонациональной страны.

ПОЛНОМОЧНЫЕ ПОСЛАННИКИ ПЕТРА

Перед нами два документа — свидетельства проявления интересов правительства Петра I к Средней Азии и попытки проникновения его посланцев в центр края. Два донесения полномочных царевых посланников.

«Со всякою покорностью Вашему Величеству последнее мое слово предлагаю, что ежели вы желаете себе авантаж добрый и довольную казну прибрать, лучшего способу я не сыскал, что ко описанным местам собираться (сила все резоны уничтожить); посторонних велико опасение не будет, а наипаче при нынешних случаях; ибо все дженерально между собою драки имеют: Озбеки Хивинские, Бухарские, также Пантханские, Авгани в войне давно с Кизильбашами; одни Индейцы остались, и те пуще всех в безпокойстве обретаются, для того, что тамошние князья между собою в жестокой войне. А что Такшенцы, Киргиси, Кара-калпаки и Казаки, и тие никакое помешательство учинить не могут, а наипаче ныне; ибо черные Калмыки оных Казаков в пень разорили и что наилучший городок у них взяли и тут засели...

Из Бухары,

10 марта 1722 г.»

Это — копия с «цифирной реляции», направленной Петру I его посланником в Бухару Флорио Беневени.

* * *

«...Того же числа приезжал от Санжи зайсана Калмык Цуй и говорил, дабы люди наши за кошею далеко без караульчиков не ходили, опасаясь будто от Казачьей

орды и от Бурутов, чтоб не увезли кого или не ограбили, о чем мне сумнительно стало быть. И на сие сказано ему: мне очень удивительно, чтоб так близко от Урги Казачьей орды люди, или Бороты, или какие неприятели учинили нам вред. И он, видя, что не хорошо ему приказано, с трусостью сказал: мы де опасая вас, чтоб полоненники Казачей орды и Бороты не ограбили. И то их лукавство видно, дабы наши люди ни с кем не виделись и ни о чем бы не уведомились...

И потом он, Контайша, Бухарцов, живущих в городах в Эркени, в Турфане, в Кашкаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городках, под свою власть привел... К тому ж народом, имянуемым Бурутами, завладел, которые кочуют около озера, имянуемого Тускель, и с Казачею ордою граничат. А оных народов около 5000 кибиток находится, а войска их около 3000 доброго собраться может...»

Из путевого журнала капитана от артиллерии Ивана Унковского о пребывании его у хун-тайчжи Цеван Рабтана в 1722—1724 гг.

Сведения обоих послов не «ахти» какие, если подходить к ним с меркой науки нынешнего дня. Но они представляли исключительную практическую ценность для познания Средней Азии в то время и представляют научно-историческую ценность сейчас.

Приведенные фрагменты из рапорта и путевого журнала посланцев Петра I в Среднюю Азию являются первыми в России свидетельствами о совершенно неведомом народе, живущем где-то далеко, в долинах Тянь-Шанских гор. Следует обратить внимание на два момента: посол в Бухару Флорио Беневени называет их собственным этнонимом — киргизы (к и р - г и с и), а посланник к джунгарскому правителю Иван Унковский — термином, известным у ойратов как буроты, и дает им краткую характеристику с чьих-то слов.

Кто же эти полномочные царевы посланники, принесшие в Россию первые сведения о киргизах, при каких обстоятельствах они оказались в Средней Азии?

Начало XVIII столетия — время активной внешней политики России с западными странами, проявления интереса правительства Петра к Востоку. Расправляющая плечи Россия завоевывает выход в Балтийское море, завязывает контакты со среднеазиатскими ханствами, общественно-государственный строй которых находился в этот период в состоянии безысходного застоя. Восточно-деспотический режим реакционных правителей Хивы, Бухары, Коканда тормозил развитие этих стран. Основная цель ханской политики заключалась в выкачивании прибылей путем налогов и безграничного грабежа как своих подданных, так и, по возможности, соседей — казахов и киргизов.

Межфеодальная борьба, мелкие усобицы отравляли жизнь тружеников, облегчали агрессивные действия могущественных государств против слабых.

Взоры Петра I, прорубившего «окно в Европу», обращались и на Восток — в Среднюю Азию, Персию. В Прикаспийских областях туркменский народ вел длительную борьбу за освобождение от ига персидских шахов, а затем против хивинско-узбекских ханов. Борьба эта сопровождалась внутренними междоусобицами. Часть прикаспийских туркмен искала помощи со стороны России. Одним из сторонников сближения туркмен с Россией являлся Ходжа Нефест, который бежал в 1713 г. в Астрахань. Он заявил, что имеет «государственное дело» к царю. Сложные перипетии внутренней смуты в среде туркменской верхушки в борьбе против хивинско-узбекских ханов склонили Ходжу Нефеста к мысли привлечь на свою сторону русское правительство, что дало бы возможность его группировке одержать верх.

По прибытии в Петербург Ходжа Нефест предложил царю завладеть районом низовий Аму-Дарьи. При этом,

желая возбудить больший интерес, он указывал на наличие здесь богатых золотоносных россыпей. Ходжа Нефест говорил, что будто река Аму-Дарья еще совсем недавно впадала в Каспийское море, но хивинские узбеки, опасаясь русских, якобы отвели воду в Аральское море. Русские с помощью туркмен могут, мол, легко восстановить старое русло и овладеть богатыми россыпями. Эти предложения хотя и содействовали, на первый взгляд, политике Петра по отношению к Персии, но осуществление их потребовало бы больших сил и средств, которые едва ли бы компенсировались за счет призрачных золотых россыпей.

Рассказ о них сам по себе так и остался бы без внимания, если бы не произошло курьезное совпадение. В 1714 г., почти одновременно с Ходжей Нефестом, поступает сообщение от сибирского губернатора князя М. П. Гагарина о золотоносном песке реки «Дарьи» в Малой Бухарии, у города Яркенда.

Географические представления о Средней Азии в петровской России были довольно смутные. Знали, что за Каспием лежит Хивинское ханство, а за ним — Бухария, Большая и Малая (Малой Бухарией обозначали районы Восточного Туркестана), через которые протекают реки Аму-Дарья и Дарья. И вот в нижнем течении Аму-Дарьи и в верховьях Дарьи, у города Яркенда, как представлялось, имеются россыпи золотого песка. Приходи и бери.

Сибирский губернатор М. П. Гагарин, мало осведомленный о Восточном Туркестане, предлагал авантюристический план овладения золотоносным Яркендом. Для этого надо было, по его мнению, построить ряд промежуточных крепостей от Иртыша до Восточного Туркестана, устройство и содержание которых князь хотел отнести на средства сибирской казны, но просил два или три полка против калмыков («калмыки» — русское искаженное название среднеазиатского «калмаки»; их самоназвание было «ойраты» или «джунгары»).

В это время в Москву прибыл посол хивинский Ашмур-бек с извещением о вступлении на престол нового хана. Он подтвердил сведения Гагарина и предложил русскому царю устроить крепость на Каспии, у старого русла Аму-Дарьи. Петр, давно намеревавшийся найти пути в азиатские страны, дал указ о снаряжении экспедиции в Хиву и Бухару. Если даже не оправдаются поиски золотосодержащих песков, царь рассчитывал утвердить российское влияние в Средней Азии на новом пути в сказочную Индию. В том же 1716 г. в Хиву направляется экспедиция под руководством поручика Преображенского полка Александра Бековича-Черкасского, кабардинского князя, любимца Петра. Царев посланник шел с поздравлениями новому хивинскому хану, от которого должен был проследовать в Бухару, найти город Яркенд и установить, нет ли оттуда речного пути к Каспию и в Индию.

Почти одновременно по распоряжению Петра, готовящегося в Кронштадте к решительному морскому сражению со шведами, была предпринята попытка проникнуть к Яркенду со стороны Сибири. Экспедицию возглавил подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц. Он должен был основать на Балхаше крепость, взять Яркенд и узнать все возможное о добыче золота в Средней Азии.

Обе экспедиции закончились трагически. Хивинский хан проявил незаурядное вероломство, а Бекович — чрезвычайное легкомыслие. Отряд Бековича был предательски истреблен хивинскими войсками. А продвижение Бухгольца встретило сильное противодействие калмыков. Возведенную на Ямышь-озере крепость вынуждены были оставить и с потерями возвратиться к реке Омь.

Однако эти экспедиции, хотя и не выполнили поставленных перед ними задач, послужили толчком к снаряжению последующих посольств. Именно эти посольства — Флорио Беневени по следам Бековича-Черкасского и Ивана Унковского по следам Бухгольца — принесли в Россию

первые известия о неизвестных обитателях Тянь-Шаня — о киргизах.

Посольство Ф. Беневени

В октябре 1717 г., после победы над шведами, Петр I возвратился в Петербург. Здесь его ждал бухарский посол Кули-бек. Хан предлагал установить мирные отношения и завязать торговлю, а для скрепления договора просил прислать «разумного человека». Выбор пал на образованного итальянца Флорио Беневени — секретаря Ориентальной экспедиции (Восточного отдела) Посольского Приказа.

Беневени отправился в путь вместе с возвращавшимся бухарским посольством в 1718 г. Как выше отмечено, в Петербурге имелись самые туманные и в некоторых отношениях совсем фантастические представления о положении Средней Азии и сопредельных районов. Поэтому инструкция, данная Беневени, предписывала главной задачей сбор общих сведений: «проведывать искусно» все пути, города и реки Бухарского ханства; «разведать прилежно» о взаимоотношениях хана с соседями — Турцией, Персией, Хивой и другими пограничными народами и, если хану потребуется, предложить ему в помощь особую русскую гвардию. Но главное, что занимало Петра и на что особое внимание должен был обратить посол, — это возможности сбыта российских товаров в Средней Азии и установление торговых путей в Индию. Царь не забыл и о призрачном золоте: необходимо было разведать речные россыпи и определить выгоды его добычи и ввоза для России.

Путь пролегал по Каспию, через Персию, где Беневени ждал шахский прием, и где он впервые столкнулся с восточной дипломатической медлительностью. «Сначала нас приняли хорошо, — доносил посол Петру, — но потом всякая противность показана». Тщетно Беневени пытался.

вырваться из Персии в Бухару. Его заверяли обещаниями скорой отправки, а сами и не помышляли о ней. Наконец, в марте 1721 г. двор шаха получил резкое письмо российского канцлера, а Беневени — указ Петра о немедленном следовании в Бухару. Если окажется невозможно проехать через Персию, то предписывалось возвращаться в Россию. Решительные действия посла побудили шаха отдать распоряжение об отправке Беневени. Но и после этого он смог выехать лишь 25 мая, т. е. через два месяца. В последнем донесении из Персии Беневени изливал царю душу: «Нынешнее сего Персидского двора поведение описать невозможно, ибо в сем непостоянстве обретается..., все министры дженерально смотрят на свою прибыль, а рассуждения об интересе Государственном никакого не имеют, и такие лгуны, что удивительно; одном моменте и слово дают с божбой и запираются».

В первых числах ноября Ф. Беневени, благополучно избежав дорожные опасности, прибыл в Бухару. Реляция и донесения Беневени из Бухары указывают на более чем плачевное состояние ханства и их соседей в первой четверти XVIII в.: неослабные разорительные войны с Хивой, внутренние междоусобицы и эфемерность власти самого хана, окруженного влиятельными «узбеками» и евнухами. В одном из донесений Беневени первым в России упомянул о киргизах — соседях бухарцев.

Уже 6 декабря молодой бухарский хан с длинным именем Сеит-Абдул-Феиз-Мухамед-Богадыр-хан торжественно принял посланника могущественной России. В отличие от других послов, входивших в ханский дворец пешком и до земли кланявшихся хану, Беневени въехал во двор верхом и кланялся по «европейскому» обычаю, в пояс. Нарушение общего этикета являлось выражением величия царя, которого посол представлял, а не следствием незнания местных обычаев. На ханское приветствие он отвечал на местном языке. Видимо, поэтому хан ответил ему по-русски,

хотя всего двумя словами: «хорошо, изрядно». Посланник Петра прожил в Бухаре более трех лет. Он прочувствовал на себе и любовь, и коварство хана. Как-то даже посла собирались убить. Спасло Беневени лишь заступничество ханского советника.

Беневени проявил незаурядные способности в выполнении своей миссии, подкупая приближенных хана и его любимца евнуха (без чего, впрочем, невозможно было обойтись при всеобщей продажности бухарских чиновников). Он собирал сведения о торговле и золотиносном песке в Бухаре; снарядил своего камердинера Николо Минера под видом купца в Балх и Бадахшан. Из опроса, видимо, торговцев он составил представление о положении в Восточном Туркестане, или, как его называли, Малой Бухарии, о городах Маргелане, Андижане и Ферганской долине, о Ташкенте и окружающих кочевниках. Интересно первое в России описание им способа добычи речного золота, традиционного и широко распространенного по всей территории Средней Азии. Остриженную шерсть (надо полагать, скатанную в войлок) кладут в воду и засыпают песком, затем вытаскивают на берег и просушивают. В шерсти остаются крупинцы самого чистого золота.

Николо Минер, прибывший в Москву раньше Беневени, рассказывал в коллегии иностранных дел в 1724 г. о золотиносных богатствах Средней Азии. По его словам, золота было много в Балхе и Бадахшане. Его добывали на реке Дарье, промывали в котлах, затем сушили на кожах и выбивали прутьями.

Беневени сумел передать с Минером в Москву на пробу несколько горстей песку золота из реки Сыр-Дарьи.

Минер, со слов приказчика Василия Попова, торговавшего от одного русского купца, дал сведения и о течении золотиносной реки Дарьи. По его представлению, на ней находились города «вольные», платившие дань калмыкам: Кашгар, Маргелан, Андижан и Ташкент. Причиной путаницы,

по-видимому, отчасти явилось широко распространенное в Средней Азии и Восточном Туркестане употребление иранского термина «дарья» — «река». В результате чего несколько рек с названием Дарья принималось за одну реку, русло которой приобретало фантастическое направление. Начало реки Дарьи оказывалось в Индии, у города Кабула, далее она текла в Бадахшан, затем по Бухарскому и Хивинскому ханствам и, наконец, впадала в Аральское море. Несмотря на досадные недоразумения с Дарьей, важно все же, что в поле зрения отечественной науки уже попадают конкретные города и новые местности.

В целом посольство Беневени не достигло поставленной цели. Торговый договор не был заключен. Хан боялся и оборонительного союза с Россией: придворное окружение могло его свергнуть — слишком призрачной казалась помощь русской гвардии. Но сведения о торговле и особенно большом спросе на русские товары, а также о золотоносном песке несомненно привлекли внимание Петра.

В это время в Бухаре находилось много русских пленных. Только при ханском дворе Беневени насчитал их до 250, до 1000 было в городе, а во всем ханстве — до 2000. Они тщетно просили переправить их в Россию. Но Беневени при всем желании не мог всех ни выкупить из рабства, ни, тем более, вывезти из Бухары, только часть удалось захватить с собой. Интересно во многих отношениях описание европейцем столичного города ханства. Бухара на 12 верст в окружности была обнесена полуобвалившимся валом, а в центре, за высокой стеной, располагались ханский дворец с башней и несколько мечетей.

И вот, находясь в Бухаре, итальянец на русской службе, полномочный царев посланник слышит о киргизах. Он, правда, только упоминает о них, но зато называет собственным именем — «киргиси», а не «буруты», как они именовались позднее в России по примеру калмыков. Причем Беневени ясно отличает их от киргиз-кайсаков.

² Том IX. В. М. Плоских

Казахи фигурируют у него также под собственным этнонимом «казак» в написанном по-русски донесении и как «casach» — в итальянском дневнике. Приведенное упоминание Ф. Беневени о киргизах является первым, насколько нам известно, упоминанием о тянь-шаньских киргизах в русских документальных источниках. Оно связано с общей оценкой состояния Бухарского ханства в начале XVIII века и предложениями правительству Петра, высказанными его дипломатическим посланцем. В «цифирной реляции» — зашифрованном тексте на полях обыкновенного письма Флорио Беневени предлагал Петру I присоединение Бухарского ханства к России, уверяя, что большого сопротивления он не встретит из-за междоусобиц хивинских и бухарских узбеков, афганцев, туркмен, из-за войн индийских князей, — «а что Такшенцы, Киргиси, Каракалпаки и Казаки, и тие никакое помешательство учинить не могут». Последние сами были связаны постоянными жестокими стычками с ойратами.

Если Ф. Беневени в целом слишком оптимистически смотрел на возможности продвижения России на восток именно в тот период, когда было много нерешенных проблем в Европе, когда не принес особого результата даже персидский поход Петра на южное побережье Каспия, то его сообщение о борьбе казахов и киргизов с калмакскими (ойратско-джунгарскими) завоевателями в первой половине XVIII в. имело под собой реальную историческую основу. Наступал последний этап борьбы местных народов Семиречья за свою национальную независимость. Этот этап взаимоотношений киргизов с ойратами нашел также отражение в путевом дневнике другого посланца Петра I к джунгарскому правителю Цэван Рабтану.

Начало 1725 г. для Беневени было очень трудным. Превратности и коварство ханского двора угрожали как самому послу, так и безопасности посольства. В такой обстановке Беневени 8 апреля 1725 г. тайно отправляет

вперед четырех водовозных верблюдов с одним проводником-татаринном, а в полночь бежит сам со своей свитой в 27 человек из Бухары в Хиву. Хивинский хан Ширгазы, стремясь загладить перед Петром вину за трагичную историю с князем Бековичем-Черкасским, хорошо принял посла. Менее чем через полгода Беневени уже из Астрахани со вздохом облегчения писал преемнице Петра, новой российской императрице Екатерине I: «При «варварах» немалые страсти я претерпел. Десница божия однако ж, что подобно удивлению, меня от таких страстей выручила». Посол едва ли преувеличивал. Действительно, удивлению подобны его приключения и благополучное избавление от множества опасностей, подстерегавших посла на дорогах и в ханских столицах. В условиях неустойчивости государственно-политического положения среднеазиатских ханств Беневени выручили в значительной мере его образованность, ум и находчивость, смелость и расчетливость, знание местных языков и обычаев, чувство граней возможного и невозможного.

Посольство И. Унковского

Флорио Беневени еще не возвратился в Россию, когда Петр направил другого своего полномочного посланца в Среднюю Азию, к калмакско-ойратскому правителю хун-тайчжи Цэван Рабтану. Он следовал по пути Ивана Бухгольца.

Джунгарское ханство претерпевало в этот период очень серьезные внутренние и внешнеполитические затруднения. Внутри обострялись борьба за престол и междоусобные стычки предводителей крупнейших племенных объединений. Вне нависали тучи маньчжуро-китайской экспансии. Китайский император Канси (Сюань Е) стремился захватить Восточный Туркестан, покорить ойратов силой.

С запада и севера ханство подвергалось набегам воинственных казахов и киргизов, отстаивавших независимость. Братья Цэван Рабтана, переметнувшиеся в Китай, предлагали Канси двинуть войска на распадавшееся ханство. Когда подданные Цэван Рабтана разбегутся, говорили они, он сам запросит подданства, так как «бежать к Бурутам Цэван Рабтану не удастся; ни в Малой Бухарин, ни в Яркенде, ни в Кашгаре он не усидит, Хасаки не пропустят его, а если и пропустят, так не иначе как одной душой». Китайский посланник Боочжу, возвратясь к Канси из Джунгарии в 1714 г., доносил своему императору, что идет раздор и недовольство и внутри ханства. Посол передавал ропот встреченных им ойратских караульных. «Мы со всех сторон окружены неприятелями, — сетовали караульные, — с одной стороны Хасаки, с другой Буруты, повсюду на караулы требуются большие отряды, и это ежегодно... Как-то устоит наше ханство?»

Одновременно, по настоятельной просьбе казахов, стал намечаться союз их Каип-хана с Россией, не на шутку встревоживший Цэван Рабтана. Сибирский губернатор М. П. Гагарин после провала экспедиции Бухгольца по возможности поддерживал стремление казахов усилить вооруженную борьбу с ойратами. Уже в сентябре 1716 г. он доносил в Петербург, что если император прикажет, то казахское войско в 20—30 тысяч выступит войной против ойратов. При этом напоминал, что город Яркенд лежит во владении ойратского правителя. Петр, находящийся в это время на пути в Голландию, наложил на донесении резолюцию, что согласен на посылку к Цэван Рабтану от своего имени грамоты, «однако ж, ежели они (ойраты — В. П.) будут смирно жить, то с ними не воевать». Каип-хан несколько раз обращался к сибирскому губернатору и царю с настойчивыми просьбами о принятии российского подданства и помощи войсками. Он «обещает служить царскому величеству на противника контайшу

(правителя ойратов хун-тайчжи Цэван Рабтана. — В. П.) и та его служба Царскому величеству весьма приятна будет», — говорилось в донесении по поводу предложения Каип-хана.

В такое напряженное время к ойратам от русского губернатора Сибири прибывает казацкий голова Иван Чередов «с листом» для выяснения вопроса о попавших в 1716 г. в плен русских. По-видимому, не имея на то особых полномочий, но следуя традиции сибирских первооткрывателей, он предложил хун-тайчжи Цэван Рабтану перейти в российское подданство. Правитель ойратов явно обрадовался этому: подданство отдаленному русскому государю казалось ему актом более формальным. Но, с другой стороны, оно давало ему определенные гарантии против китайской экспансии вплоть до возможного получения русской помощи. Цэван Рабтан думал об этом, по-видимому, еще до прибытия И. Чередова. Теперь он уверенно обращается прямо к русскому царю с просьбой о покровительстве, принятии подданства и оказании вооруженной помощи против китайцев. С этой целью в 1721 г. и направляются в Тобольск два его посланца. Один из них — Борокурган должен был проехать дальше, в Петербург. 6 сентября 1721 г. Борокургана принимает Петр I в окружении пышной свиты, состоящей из Меншикова, Апраксина и прочих вельмож, и выслушивает просьбу о помощи войсками для борьбы с китайцами и о разведке в ханстве «всяких руд». Борокурган заявил, что «Цэван Рабтан решительно желает вступить в подданство к русскому царю». Это устраивало Петра, так как открывало путь к далекому таинственному Яркенду. Для окончательных переговоров с Цэван Рабтаном и принятия от него присяги решено было направить в Джунгарию посла. Выбор пал на капитана от артиллерии Ивана Унковского, который по именному указу царя в последний день 1721 года должен был отправиться к ойратам. Унковскому по инструкции следовало добиться у хун-тайчжи Цэван

Рабтана позволения на постройку в ханстве ряда крепостей и выбрать для них удобные места, особенно там, «где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью». Всему следовало «учинить чертеж», т. е. карту. Для шифровки текстов Унковскому была вручена «цифирная азбука».

Петр направлял Цэван Рабтану богатые подарки, соответствовавшие цели и значению посольства. Были отпущены большие средства и на расходы самой экспедиции.

С Унковским следовала жена. В качестве сотрудников из Петербурга выехали «инженерный ученик» Михаил Апушкин, «геодезии ученик» Григорий Путилов, «горных дел ученик» Лаврентий Эскин, артиллеристы, кречетники и другие. В Тобольске к ним присоединились переводчики «сын боярский» Максим Этыгеров, Федор Плотников и казак Степан Григорьев, два писаря, фельдшер, кузнец и др. Всего в Джунгарию направлялось 57 человек. Это были первые русские люди, побывавшие на территории Киргизии и оставившие письменные свидетельства о ней.

Долог пусть в далекий край. В феврале 1722 г. посольство выехало из Москвы. Через несколько месяцев миновали Тобольск — столицу Сибири, крепости Омскую и Ямышеву. Лишь в ноябре увидели высланного им на встречу ближайшего советника Цэван Рабтана — Намышку. Цэван Рабтан, готовясь к переговорам о вступлении в подданство России, не исключал, однако, возможности уклониться от этого, если будет уменьшаться опасность со стороны Китая. Поэтому он с самого начала вел двойную игру. Его почетный конвой, высланный навстречу Унковскому, оказался скорее стражей. По пороге в ставку хун-тайчжи воины разгоняли всех встречных, «чтоб, — пишет Унковский, — с нашими людьми не виделись и ничего не говорили». В тесных горных расселинах попадались ойратские караулы. Возвратившийся с Унковским из России Борокурган выехал вперед, чтобы заранее доложить своему хану о результатах поездки.

Русских посланников расположили в версте от Урги, выделив им 13 юрт и караул в 10 человек. Для связи с ойратами и решения всех текущих вопросов в русском стане остался хун-тайчжийский чиновник Цуй, который должен был непосредственно сноситься с ханским двором через своего начальника Санжи. При этом русских посланников часто навещал и их бывший спутник Борокурган.

Длительный и мелочный церемониал ойратского правителя раздражал Унковского. При встрече с правителем ему предложили оставить в стороне всякое оружие, сойти с лошади вдалеке от ханской юрты, самому открыть ее полог, то есть совершить обряды, отличные от придворных в его государстве и, по мнению посла, ущемляющие достоинство представляемого им государства. Унковский, однако, согласился, оправдываясь тем, что он прибыл не для спора о «церемониях», а для дела «правды». Первый прием не дал определенных результатов. Хун-тайчжи, приняв грамоту, угостил гостей, и они отправились к себе. Здесь, в резиденции посла, приставленный к нему ойрат Цуй предупредил об опасности со стороны киргизов. В этом предупреждении явно прослеживалось начатое еще со вступления на Джунгарскую землю стремление ойратов оградить русских посланников от контактов с местным населением. Хотя угроза со стороны киргизов действительно могла быть, Унковский не верил, что реальная опасность подстерегает его в одной версте от главной ставки хун-тайчжи.

Через несколько дней Цуй, как писал Унковский, вновь напомнил о том, чтобы русские «для всяких потреб в лес без их караула не ходили, якобы опасаясь от Казачьей орды и Боротов полонных, чтоб какого грабительства не учинили, объявляя, что оные воры». Унковский с горечью вторично записывает в своем путевом дневнике: «И то видно, что для того б не ходили, дабы с кем не виделись и ни о чем бы не уведомлялись». А как при таком ограничении

выполнить наказ Петра? И Унковский шлет в столицу донесение.

Петр I, не обескураженный явными неудачами Унковского, вновь обращается к вопросу о более реальном присоединении казахов. В бумагах генерал-майора А. Тевкелева сохранились записи высказываний Петра о том, что казахская орда «всем азиатским странам и землям... ключ и врата». Петр решил присоединить ее к России, как писал А. Тевкелев, «несмотря на великие издержки, хотя бы до миллиона... и той ради причины она-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацию иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять». Но этому начинанию Петра суждено было свершиться много позже. Пока же Унковский настойчиво стремился выполнить свою миссию, недоумевая по поводу равнодушия к русскому посланнику со стороны ойратского хана.

Русский посол неоднократно бывал на приемах у хунтайчжи, которого интересовали и флотилия Петра, и религия в России, и войны с Турцией и Швецией. Особенно его волновало соотношение сил в мире: китайские послы говорили, что самой сильной державой является Китай, турки восхваляли свою империю, Унковский же — Россию. Посланник Петра старался достойно представить свое государство. Но однажды не удержался, чтобы дипломатично не подшутить над хунтайчжи и его сановниками. Унковский вытащил из кармана часы, решив продемонстрировать достижения российской техники. Цэван Рабтан с напускной высокомерностью заявил, что такие есть и у них. Посол предложил: если местные мастера разберутся в часах, он оставит их. Задача оказалась не по силам, и Унковский ушел с часами. На приеме гостей в своей юрте он предложил высокомерным чиновникам: тот, кто снимет цепочку с часов, станет их хозяином. Как ни крутили — цепочки не сняли. Унковский все же подарил часы Цэван

Рабтану «за честь императорского величества», но только перед отъездом.

На приемах у ойратского правителя русский посол впервые полакомился национальным казахско-киргизским блюдом — «биж бармак» (бешбармак), пил чай, но с неудовольствием отнесся к пшеничным лепешкам, за что имел даже выговор.

Находясь в ставке Цэвана Рабтана, Унковский впервые услышал об иноземном офицере Ренате, который отлил ойратам семь медных пушек и три мортиры. Иоган Густав Ренат, попавший к русским в плен во время шведской кампании Петра I, сопровождал Ивана Бухгольца вместе со своим соотечественником М. Албеком. В 1716 г. в Ямышевской крепости он второй раз попал в плен, уже к ойратам. Вместе с ним в плену оказался и дворянин из г. Кузнецка Иван Сорокин, вырвавшийся на родину лишь через 14 лет. Интересно сообщение последнего о добыче железной руды в Джунгарии. Можно полагать, что речь шла о добыче железной руды на озере Иссык-Куль. В пользу этого говорит ряд фактов. Ойраты и Унковский называли озеро Иссык-Куль — «Тускель» («Соленое озеро»); в передаче Сорокина оно звучало как «Тексел». В термине следует предполагать метатезу — изменение порядка звуков. Сорокин рассказывал, что в окрестностях озера довольно много железной руды, которую ойраты добывали на одном берегу, затем везли вокруг озера на противоположный берег — в лес на горе и плавил в горнах. Ренат с помощью 100 русских пленных усовершенствовал способ доставки руды, построив дощаник «для перевозу... через одно озеро Тексел на другой берег железной руды», а всего в производстве было занято около тысячи мастеров.

Ренат смог выехать на родину лишь в 1733 г. При этом он вывез карту ойратских владений на Тянь-Шане, и ему долгое время ошибочно приписывали ее авторство. На указанной карте рядом с изображением оз. Иссык-Куль,

названного «Тускель», дается примечание: «Здесь есть железный песок». Все это бесспорно свидетельствует, что разработка железной руды, о которой говорил Сорокин, была именно на Иссык-Куле.

Цэван Рабтан стремился вообще широко использовать мастеров-иностранцев для развития ремесел в Джунгарии. В начале XVIII в. для налаживания ружейного производства был привлечен русский слесарь Зеленовский. Ренат поставил литейное дело. В ханстве изготовлялся местный порох. Поручик Дебеш научил делать сукна и иглы. Русские пленные и беглые люди развили кожевенное производство (сырье имелось в изобилии). Восточнотуркестанские «бухарцы» занимались земледелием и садоводством.

В июне—июле хун-тайчжи кочевал со своей ставкой в Прииссыккулье и в верховьях реки Или. Российское посольство следовало за ним. В дневниковых записях Унковского проскальзывают сведения географического характера о Киргизии. 28 июня — «кочевали вверх по реке Каркаре на зюйд 5 часов», 19 — «кочевали через реку Тюп», 20 — «дневали при ручейке между гор, на которых ельнику и можжевельнику много», 21 — «кочевали через реку Джергалан на зюйд-вест до коши, которая построена в горах».

Здесь, на реке Джергалан, хун-тайчжи принял окончательное решение об уклонении от принятия подданства России. Собрав 31 июля из всех улусов родоправителей и посоветовавшись с ними, Цэван Рабтан решил направить в Россию нового своего посла. Он объявил о перемирии с китайцами после смерти императора Канси. Про разведку руд в ханстве силами русских хун-тайчжи умолчал, чем свел к минимуму результат посольства Унковского.

8 августа послы вместе с ойратской ставкой переправились через реку Джергалан в северном направлении. С 21 августа почти месяц кочевали на восток, вверх по реке Тюп.

Дальнейшее пребывание в ханстве было бесполезным и даже становилось опасным. Сыновья хун-тайчжи и его ближайшие советники предлагали уничтожить всех русских, но Цэван Рабтан не осмелился сделать это, говоря, что «с таким великим государем воевать не надлежит».

17 сентября миссия Ивана Унковского была фактически завершена. На прощанье Цэван Рабтан порекомендовал Унковскому не забывать Доржи — нового посланца ойратов в России, возвратил 10 русских пленных и пожелал успешного пути.

Итак, в целом посольство Унковского не выполнило поставленных Петром задач. Причина заключалась в том, что изменилось как внутреннее, так и внешнеполитическое положение в ханстве. Китайский император Канси умер. Занявший его место Инь Чжень направил в Джунгарию послов с выражением дружбы. Война с казахскими ханствами еще во время пребывания Унковского в Прииссыккулье закончилась поражением Большого и Среднего жузов. Ойратские правители стали более самоуверенными. Поэтому новый посол Цэван Рабтана в России—Доржи, будучи уже в Петербурге, на вопрос канцлера о подданстве ойратов предельно кратко ответил: «О том не приказано просить».

Однако определенную положительную роль посольство все же сыграло, оставив след в истории русской дипломатии на Востоке, расширив в России географические познания о Средней Азии. В путевом дневнике Унковского впервые было упомянуто о киргизах, называемых по-ойратски «бурутами».

«Геодезии учеником» Григорием Путиловым было составлено три подробных карты, сослуживших немалую роль и в восточной дипломатической практике. Копии с них были выданы посланнику, выехавшему в 1725 г. в Китай. Получил их и направлявшийся в Джунгарию в 30-х годах майор

Угрюмов. На фотокопии карты, приложенной к изданному лишь полтора века спустя путевому журналу, отчетливо виден маршрут посольства с переходами по рекам Тюп и Джергалан в Восточном Прииссыккулье, очертания самого озера Иссык-Куль («Тускель»); нанесена река Чу и указано кочевье киргизов к западу от ставки хун-тайчжи, между озерами Иссык-Куль и Балхаш. Это было первое в России графическое изображение Киргизии и киргизских кочевьев.

Сведения о киргизах, приведенные в журнале Унковского, отличаются конкретностью. У нас нет достаточных оснований считать, что посланник имел непосредственные контакты с киргизами. Тем не менее приводимые им подробные и точные сведения позволяют предположить, что его информаторами были вполне сведущие люди не только из окружения ойратского хана. Примечательна, например, запись в путевом дневнике Унковского о встрече 28 мая 1722 г. с пленным томским татаринном, который говорил ему, между прочим, о киргизских выходцах с Енисея, насильно переселенных ойратскими ханами на Тянь-Шань.

В 1702 г. Цэван Рабтан в принудительном порядке вывел подвластные ему киргизские айлы с Енисея и переселил их в глубь своих владений. Именно об этих киргизах, в отличие от тянь-шаньских, которых ойраты и Унковский называли бурутами, и имеются упоминания в журнале.

В связи с распространением власти ойратского хун-тайчжи в Восточном Туркестане (Малой Бухарин) в журнале Унковского имеется замечание о том, что подчиненные «бухарцы» Яркенда, Турфана (т. е. Уч-Турфана), Кашгара и Аксу завели в «контайшинных улусах» (а он кочевал летом в Прииссыккулье и Семиречье) пашни, культивировали зерновые и овощи. Здесь же упоминается о подчинении киргизов-бурутов, кочующих около озера Иссык-Куль («Тускель»), ойратам и дается их краткая характеристика: они граничат с казахами, имеют 3 тысячи «войска доброго», а всего около 5000 кибиток, или юрт, т. е. примерно 25 тысяч

человек. Это, вероятно, было одно из киргизских племен, не откочевавшее под натиском ойратских орд в Фергану. Перечисляя подданных хун-тайчжи, Унковский называет ферганцев, киргизов (енисейских), урянхайцев, теленгутов, мингашов, каютов, хошеутов, яркендских бухарцев («лучшие» из которых со ставкой кочуют), за ними следуют буруты, «которые около озера Тускель кочуют», барабинцы, платящие дань и России, и ойратам.

И. Унковский за два года собрал замечательные свидетельства о среднеазиатских народах, сослужил хорошую службу русской дипломатии, но, как часто это бывает в истории, оказался не только непонятым, но даже обвиненным в трате государственных денег. В первые месяцы после возвращения он оставался без жалования. Затем долго шло сличение записей об израсходованных деньгах. Бывший посол многократно обращался и писал в Коллегию иностранных дел. Только после долгих проволочек поступило распоряжение выдать ему «кормовые» деньги — по рублю в месяц. И это при стоимости в 41 рубль одних часов, врученных Цэван Рабтану и прочих подарков более чем на 500 рублей.

Записки поместного дворянина, капитана от артиллерии И. Унковского, полномочного посланника Петра, к хун-тайчжи джунгарскому Цэвану Рабтану полтора века пролежали в частных руках и делах Московского главного архива Министерства иностранных дел, пока не были опубликованы русским ориенталистом действительным членом Русского Географического общества Н. И. Веселовским. Они сразу же прочно вошли в научный оборот как ценный исторический источник.

Такова судьба дел и трудов петровских посланцев в Среднюю Азию, донесших в Россию первые сведения о тяньшаньских киргизах, судьба забытых или полузабытых первооткрывателей, не признанных в полной мере современниками и не оцененных в достаточной степени потомками.

ЗНАКОМСТВО С КИРГИЗАМИ

Оренбургский корреспондент

Знойным августовским днем 1749 года опальный екатерининский сановник В. Н. Татищев заканчивал в селе Болдино первое сводное сочинение о прошлом своей страны — «Историю Российскую с самых древнейших времен». Слабо мерцали настольные свечи. На бумагу ложились быстрые строчки витиеватого письма. Маститый академик, историк собирался отправить своему бывшему сослуживцу по Оренбургу рукопись главы о народах, обитавших восточнее российских границ. В. Н. Татищев просил просмотреть ее и, по возможности, дополнить сведения о сопредельных среднеазиатских народах. Корреспондент П. И. Рычков, к которому обращался вельможа, был пока еще малоизвестным оренбургским краеведом. Впоследствии он тоже стал видным ученым, членом-корреспондентом Российской Академии наук.

«Государь мой, Петр Иванович, — писал В. Н. Татищев, — Ваше тщание к истории обнадеживает меня многое ко известию достойное получить. В той надежде прилагаю, посылаю из первой части моей истории гл. VII и прошу, оную рассматривая, погрешности исправить, недостатки дополнить и, колико заблагорассудите, яснейшею и полнейшею сделав, ко мне прислать, чтоб прочее затем не остановилось. И если вам потребно, то могу вам и более глав, вчерне написанных, прислать». Татищеву были известны научные устремления скромного оренбургского служителя, который трудился над описанием пограничного края. И он надеялся,

что рукопись будет существенно дополнена материалами, собранными Рычковым.

Свою деятельность в далекой степи Рычков начал с должности простого бухгалтера Оренбургской экспедиции. Ему было тогда 22 года. В задачу экспедиции входило всестороннее изучения края: географии, геологии, истории, его производительных сил. Экспедицию возглавлял известный ученый того времени И. И. Кириллов, которого позже сменил В. Н. Татищев. Оба повлияли на развитие научных интересов способного молодого человека. Рычков стал уделять все больше внимания сбору сведений об Оренбургском крае, его географии и истории, многоязычном населении, среди которого не последнее место занимали тюркские народы: башкиры, татары, казахи и пр.

П. И. Рычков после получения письма В. Н. Татищева еще раз просматривает свои записи и дополняет их рассказами купцов, прибывавших в Оренбург из Средней Азии. Его нередко можно было видеть в местном караван-сараяе, в чайхане, возле мечети. Овладев тюркским языком, Рычков не упускает случая побеседовать с восточными гостями, скупает азиатские рукописи, просит присылать ему книги из Хивы и Бухары. Так он познакомился со знаменитым сочинением хивинского хана Аб-ул-Газы (1603—1663 гг.) «Родословное древо тюрков» — сводом сведений по истории туркмен, узбеков, казахов и др. народов, которое позже использует в своих трудах. Но главными его информаторами продолжают оставаться расторопные караванбаши, вездесущие торговцы.

11 октября Рычков отправляет в Болдино свою рукопись «Рассмотрение о имени татар...», которая служила дополнением к тексту В. Н. Татищева и была, по всей вероятности, извлечением из черновика «Топографии Оренбургской». Первый труд оренбургского краеведа привел в восторг историка. Благодаря за ответ, Татищев писал

в конце декабря: «...Ваше присланное описание народов многое мне удовольствие принесло, ибо в нем много того, что до днесь или не знали, или весьма смутно разумели».

Как всякое новое начинание (а рукопись о «татарах» была первой сводной работой такого рода на русском языке), текст требовал, по мнению Татищева, еще уточнения и многих разъяснений — «дальнейшего и внятнейшего уведомления». Усмотрев в рукописи не простое дополнение к своей «Истории», а оригинальный труд, который может иметь самостоятельное научное значение, Татищев направляет Рычкову вопросник. Он предлагал с учетом его доработать рукопись. Можно думать, что уже в этой первой рычковской рукописи (которая, кстати сказать, до нас в ее первоначальном виде не дошла) было упоминание о киргизах. Именно этим объясняется, что в инструкции, направленной Рычкову и озаглавленной «Напоминание на присланное описание народов», Татищев просил обратить внимание на месторасселение киргизов. Ученый слышал и знал только о киргизах на Енисее, с которыми русские столкнулись еще в XVII веке; хорошо знал и казахов, обычно также называемых киргизами, а в литературе чаще — киргиз-кайсаками. Рычков же говорил о каких-то неизвестных киргизах, кочевавших в окрестностях Ташкента, в горах Алатау. Отличаясь большой строгостью к фактам, Татищев высказывал сомнение по поводу местоположения киргизов в Средней Азии, а не на Енисее. Поэтому он просит уточнить, не допущена ли автором описка. Инструкция содержала перечень вопросов и наставлений из 13 пунктов, которые имели целью улучшение работы начинающего исследователя. Получив замечания, П. И. Рычков усердно занялся доработкой рукописи. Татищев, включив почти полностью текст Рычкова в «Историю Российскую», тем временем готовил к публикации свой многолетний труд. Одновременно академик обращается к президенту Российской Академии Шумахеру с предложени-

ем избрать П. И. Рычкова как автора оригинального труда советником или почетным членом Академии. Но Шумахер тянул с ответом. 15 июля 1750 года престарелый Татищев умер, и вопрос о признании научных заслуг Рычкова заглох.

Переработанную рукопись Рычков 10 апреля 1750 года направляет, надо полагать, прямо в Академию, в архиве которой она отложилась под названием «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских по сказкам бывалых в тех местах людей, к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания». Названная рукопись и пролежала там два столетия, пока в наши дни не была обнаружена Л. А. Шейманом и введена в научный оборот.

Перечень тюркских народов в ней открывается с «алатай-киргизов». Это было первое сравнительно полное для своего времени описание киргизов. Оно составлялось, как видно из сказанного, с учетом замечаний крупного историка В. Н. Татищева. «Алатай-киргизы, — писал Рычков, — народ кочевой и сильный, обитает за Ташкентом, кочует около городов Ходжент, Наманган и Маргелан, в горах каменных и неприступных. Горы именуются Алатау, от них происходит и название народа. Часть киргизов находится под властью джунгаров, а те, которые независимы — воюют с ними. На войну киргизов собирается от двадцати до тридцати тысяч».

Сравнивая «Краткое известие о татарах...» и книгу В. Н. Татищева «История Российская...», можно отчасти восстановить первоначальный вариант рукописи Рычкова «Рассмотрение о имени татар...». Поскольку переработанный ее вариант, датированный 10 апреля 1750 г., В. Н. Татищев, видимо, так и не просмотрел, то можно считать, что материал, вошедший в «Историю...» Татищева о киргизах и ряде тюркских народов, взят из первой рукописи Рычкова. Дополнительные и отличные сведения второй рукописи

³ Том IX. В. М. Плоских

были теми напластованиями, которые появились позже в связи с замечаниями историка. Обращаясь же к книге самого Рычкова, опубликованной в 1762 году, можно видеть и ту окончательную характеристику киргизов, которую он дал в своем многолетнем труде «Топография Оренбургская...». Так, во вторую редакцию рукописи и в книге Рычкова внесено пояснение, что название алатай-киргизы ведется от пролежавших между Ташкентом и городами Ферганы гор Алатау. Автор также решил внести уточнение о различении киргизов от киргиз-кайсаков, т. е. казахов. Последние-де «по разным сказаниям — суть отродие оных алатай киргизов». В «Топографии Оренбургской» он также поясняет свое мнение: «наши киргиз-кайсаки от оных алатай-киргизов подлинно произошли, а в нынешних местах не весьма давно усилились».

Если в первоначальном варианте рукописи говорилось, что войска киргизов, враждующих с джунгарами, может собраться до 30 тысяч (именно эта цифра вошла в труд Татищева), то после замечания академика во второй рукописи численность войска указывается только предположительно: от двадцати до тридцати тысяч.

П. И. Рычков устанавливает и дает правильное самоназвание не только киргизам, но казахам и другим тюркским народам, проживавшим в Средней Азии. Киргиз-кайсаки — правильное киргиз-казаки, или просто казаки, пишет он. При этом определяет их численность, расселение, положение и пр. Интересно и недалеко от истины выделение им кыпчаков как обособленной ветви узбеков, близкой также киргизам, с которыми они живут «во всегдашнем союзе». Этот союз еще более упрочится к концу XVIII в., когда киргизы и кыпчаки Ферганы нередко совместно выступали против кокандских ханов, особенно в первой половине следующего XIX столетия.

Несмотря на то, что рукопись, хранящаяся в архиве Академии наук СССР, была еще в 1959 г. описана, и све-

дения о киргизах тщательно прокомментированы историком литературы Л. А. Шейманом, она, к сожалению, до сих пор целиком не опубликована и в достаточной степени не оценена. Эта рукопись содержит свод исторических сведений. В ней в алфавитном порядке сгруппировано описание почти всех тюркских народов Средней Азии. Здесь, наряду с киргизами, казахами и кыпчаками, дана краткая характеристика кашгарцев — уйгур Малой Бухарии (как тогда называли Восточный Туркестан), узбеков, хивинцев, бухарцев, ташкентцев, туркмен, жителей Бадахшана, Балха и др. И это — в середине XVIII в., когда в Европе вообще все тюркские среднеазиатские народы назывались одним собирательным именем — «татары». П. И. Рычков, поддержанный академиком В. Н. Татищевым, выступил в своем оригинальном исследовании против такого туманно-средневекового именованя.

После смерти своего учителя и покровителя П. И. Рычков завязывает переписку с видным историком Сибири Г. Ф. Миллером, с великим русским ученым М. В. Ломоносовым. В рукописных фондах Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде имеется писарская копия труда П. И. Рычкова «Замечание о татарах», которое вошло в «Топографию Оренбургскую». Рукопись с пометами Г. Ф. Миллера проливает свет на источники, которые использовал Рычков при написании книги.

Как пишет Рычков, он «со многими учеными магометанами довольно говаривал, да и у посланных из Оренбурга в Хиву, в Малую и Большую Бухарию, достоверных и неоднократно бывалых там людей прилежно и любопытно выпрашивал, желая ведать, во употреблении ль у них те имяна, как их разумеют и производят, с прибавлением на то и моего мнения, хотя оно за точно и не утверждаю».

Самый существенный многолетний труд свой — «Топографию Оренбургскую» — П. И. Рычков закончил в 1755 году. Рукопись была отослана им в С.-Петербург

Михаилу Васильевичу Ломоносову. Бывший северный помор, достигший высот науки, «письмом своим весьма ее расхвалил». М. В. Ломоносов, незадолго до этого резко выступавший против норманнской теории Миллера, настоятельно рекомендовал труд оренбургского исследователя и дважды провел обсуждение рукописи в Академии. П. И. Рычкова избирают членом-корреспондентом Академии, а его книга, наконец, выходит в свет под пространным заглавием: «Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Часть первая. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук 1762 года».

Книга явилась одним из лучших географо-этнографических трудов своего времени, дважды переводилась на немецкий язык, трижды издавалась на русском. Интерес историков, географов, экономистов и дипломатов к книге был вызван обилием новых сведений, ставших достоянием широких кругов читателей. Перед ними в ином виде предстали приграничные восточные районы России, стали известны сопредельные с Зауральем области и народы вплоть до Средней Азии.

Совершенно новыми для читателя оказались впервые появившиеся в печати известия о тьяншаньских киргизах. Исконное свободолюбие и воинственность позволили им даже в неблагоприятном окружении более сильных среднеазиатских ханств, в условиях джунгарской агрессии сохранить в середине XVIII столетия свою самобытность и относительную самостоятельность. Не только агрессивные джунгарские феодалы, грабительские походы которых киргизам приходилось неоднократно отражать, но и никто из среднеазиатских «тамошних владетелей, — указывал Рычков, — преодолеть их не могут».

Собранные П. И. Рычковым сведения о сопредельных России более отдаленных владениях и народах лишь частично вошли в опубликованную им книгу.

...Позванивая колокольчиками, приходили в Оренбург и уходили на восток все новые караваны тяжело груженных верблюдов. Уходили в полуденную Азию, «благородную» Бухару и Хиву, в казахские степи и киргизские горы, манившие воображение оренбуржца своей неизведанностью.

П. И. Рычков продолжал встречать каждый новый караван, чтобы собрать более подробные сведения для задуманного им «Описания киргиз-кайсацких орд и разных областей в полуденной Азии находящихся. И кто знает, возможно, где-то в затаенных уголках архивов по сей день хранятся следы его заметок и записок, ожидая своего исследователя. Они для нас особенно важны, тем более, что и все другие исторические источники, в частности и среднеазиатские хроники, содержат о киргизах XVIII столетия очень отрывочные и разноречивые сообщения. Сами же киргизы, лишённые в условиях кочевой жизни цельных письменных памятников, сохранили об этом периоде своего прошлого смутные отголоски в народном эпосе и поэтических преданиях.

Известный русский просветитель XVIII в. Н. И. Новиков дал прекрасную характеристику оренбургскому ученому: «Рычков Петр Иванович, статский советник, императорской Академии наук корреспондент и Вольного экономического общества член, муж великого разума, искусства и знания в древностях российских. Сей трудолюбивый и рачительный муж полезными своими трудами заслужил великую себе похвалу». Нам хочется еще добавить: его заслуга и в том, что он был одним из первых распространителей в России новых сведений о народах Средней Азии, стоял у самых истоков научного киргизоведения.

Странник поневоле

В 1782 году во двор российского министра в Лондоне Си-молина со слезами на глазах явился странник, пробывший вне родины почти девять лет, и все эти годы неизменно живший одним — надеждой вернуться в Россию. За его плечами лежал путь от Урала через казахские степи в Бухару; военные походы в составе войск бухарского аталыка на Самарканд и Хиву; побег в Фергану; поход с торговым караваном через Алай в Кашгар и далее через Тибет, Кашмир в Индию; необычное плавание через два океана в Англию. Только 26 августа 1782 года он вновь вступил на родную землю. В Санкт-Петербурге приветливо встретили столь многоопытного и многознающего об азиатских странах человека. Его сразу определили «в государственную коллегияю иностранных дел по знанию бухарского, персидского и других азиатских языков» и, видимо, засадили за составление отчета о путешествии. Рукопись была закончена в 1784 году в виде краткого отчета и через два года в несколько расширенном виде вышла отдельной книгой: «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. Писанное им самим. В Санкт-Петербурге печатано с дозволения Указанного у Гека 1786 года».

Наступило время, когда Россия все внимательнее присматривалась к своим восточным и юго-восточным соседям. Она находилась накануне активной среднеазиатской политики. Появление книги должно было вызвать (и на самом деле вызвало) большой интерес. Только при жизни автора сочинение выдержало три издания — в 1786, 1794 и 1811 годах. В 1893 году журнал «Русская старина» опубликовал первоначальный вариант — рукопись 1784 года. В наше время книга переиздавалась дважды — в 1950

и 1952 годах по инициативе и под редакцией советского географа Э. Мурзаева.

Филипп Ефремов — один из немногих европейцев, прошедших по казахским степям, пустыням Кара-Кум и Кызыл-Кум, Ирану, Бухаре, Фергане, Киргизии, Кашгару, Тибету — по Средней, Передней и Центральной Азии. До него в Бухаре побывал только посол Петра I Флорио Беневени, а в Джунгарии — второй посланник, Иван Унковский. Он единственный из европейцев XVIII в., оставивший след в науке, прошел через Фергану, Алай, Терек-Даванский перевал в Киргизии, через высочайшие перевалы Кара-Корум на пути в Индию. Еще недавно в литературе, особенно западной, честь «открытия» Терек-Даванского перевала приписывалась Мир-Иззет-Улле, проследовавшему в 1811 г. из Индии в Коканд. Но за тридцать лет до него этот маршрут (только в обратном направлении) проделал наш соотечественник — странник поневоле Филипп Ефремов. Он первым в России рассказал о некогда оживленном и знаменитом в древности торговом пути, связавшем Восток через Среднюю Азию с Западом, первый сообщил сведения о южных киргизах, кочевавших в окрестностях Оша и по Алаю.

В предисловии к изданию книги в 1786 г. Ф. Ефремов скромно писал: «Не хвастовство тем, что претерпел я разные бедствия, неже безрассудное желание прославить себя описанием испытанных мною странных случаев побуждает меня представить краткое начертание своего похождения, но единственно то, что земли, в которых судьба определила мне страдать, и народы, которым долженствовал я рабствовать, малознаемы единоземцами моими и другими европейцами... Правда, европейцы с столь давнего времени отрясшие мглу неведения и беспрестанно старающиеся об открытии неизвестных областей, порывались неоднократно протещи в сии земли, но сколь к продолжению подвига

ни поощряли их торговые выгоды, сколь ни блистательным успехом венчались их поиски в других частях земного шара, однако, казалось, навсегда рок некий непреодолимый воспрещал им обозреть совершенно сии места и узнать нравы и обычаи обитающих там жителей».

Его записки, как и другие отчеты путешественников тех времен, до обидного кратки. Но сколь много за ними стоят страданий, переживаний и сколь мало радостных минут. Плен, рабство, войны за чуждые интересы, побег из плена, трудные переходы через горы, пески, пребывание среди чужих и враждебных народов и государств, встречи с немногими соотечественниками и доброжелателями и главное — сколь много виденного и слышанного! Он сумел выстоять и победить, не только вернуться на родину, но и сослужить ей хорошую службу. История его похождений-путешествий вкратце такова.

...В знойный июнь 1774 года на заставу Донгуз — одну из крепостей Оренбургского края — шел, обжигаемый степным суховеем, отряд из двадцати солдат и казаков с одной пушкой. Впереди гарцевал молодеватый унтер-офицер, сын секретаря Вятской духовной консистории. Он радовался предстоящим столкновениям с «разбойниками» и мечтал прославиться в бою. Впереди было беспокойно. Отряды пугачевцев наводнили все пространство по Уралу и Поволжью, в огне восстаний пылал Оренбургский край. Повстанцы осаждали города, крепости. Крестьянская война была в самом разгаре. Небольшой отряд солдат шел на подкрепление заставы Донгуз, расположенной на дороге к Илецкой защите, уже занятой войсками Емельяна Пугачева. Славы этот поход молодому унтер-офицеру не доставил, но положил начало его скитаниям, принесшим пользу науке. Отряд солдат вскоре был разбит пугачевцами, а сам Ефремов, получив несколько ранений и лишившись пальца на левой руке, с несколькими спутниками попал в плен. Ему с двумя товарищами ночью удалось бежать.

Но через три версты — новая неприятная встреча, уже с кочевниками-казахами. И вот трех пленников с подвязанными под крупом коней ногами гонят в глубь степи. Через два месяца они стали рабами, проданными на бухарском невольничьем рынке. Филипп Ефремов попадает к правителю Бухары аталыку Даниар-беку. Здесь он чрезвычайно быстро стал осваивать узбекский язык и скоро мог кое-как изъясняться по-казахски и по-узбекски. Поэтому его вызвали в качестве переводчика, когда потребовалось прочесть письмо Екатерины II к Даниар-беку. Бухарский посол Ир-Назар-бий Максютлов привез из Петербурга паспорт, выданный ему для беспрепятственного проезда через города России. На паспорте стояла царская печать, но аталык по недоразумению впал в раздражение: почему печать снизу, а не сверху документа. Не хотела ли этим российская императрица унижить владетеля Бухары? — «Россия имеет противу нас унижение, потому что мы истинной веры магометанской». Русскому и христианину Филиппу Ефремову тут же было предложено принять мусульманство как залог верности его будущей службы. Он не согласился, применили пытки. Жуть берет, до каких ухищрений могли додуматься изуверы, на какие муки обрекали своих пленников и провинившихся подданных. Насильно вливали через горло круто соленую воду, от чего желудок разъедало и человек мучительно долго умирал. Если же кого хотели спасти, то после «напитка» давали топленого сала и поджаренной пшеничной муки. Трехдневные пытки не сломили пленника, и аталык, нуждавшийся в знающих военных, вынужден был довольствоваться простым принятием Ефремовым присяги, которую пленник «сделал из пристрастия языком, а не сердцем». Так Ефремов стал бухарским офицером — «лензибашею». В его распоряжение поступило 50 солдат, среди которых было несколько русских.

Издавна русские попадали в Бухару разными путями. Нередко они состояли на службе у местных правителей,

то чтимые своими покровителями, то уничтожаемые ими по малейшему подозрению в неверности. Столетние старцы в Бухаре рассказывали Ефремову о судьбе пленников неудачного похода Бековича-Черкасского в Хиву в 1717 году. Поскольку мы о нем уже упоминали, то кратко расскажем о судьбе тех немногих пленных, уцелевших после рокового похода. Отряд Бековича был вероломно разгромлен и почти все его участники перебиты. Но хивинский ходжа втайне оставил в живых сто человек. Он отправил их в Бухару к хану Абдул-Фейзу. Бухарский хан обласкал пленных, намереваясь использовать их особым образом. Хан имел основания не доверять своему окружению из соотечественников. Поэтому сделал иноземцев своими ближайшими телохранителями, возложив на них охрану двора. Одного из пленных, имени которого не сохранилось, но которого бухарцы называли Капланом и присвоили ему чин топчибаши («полковника», как пишет Ефремов), поставили главным над отрядом, вскоре увеличившимся за счет других выходцев из России до 500 человек.

Флорио Беневени мог их еще встретить в Бухаре, хотя об этом и не упоминает в своих донесениях. Возможно, что во время его пребывания там отряд русских специально скрывали от российского посла. Дальнейшая героическая и трагическая судьба этого отряда описана Ф. Ефремовым спустя более полувека со слов служивших в нем воинов.

Во время одного из военных столкновений казахов с бухарцами воинственные степняки окружили столицу эмирата, намереваясь долгой осадой уморить жителей. Все вылазки бухарцев оказались безуспешными. Тогда топчибаши Каплан предложил хану освободить столицу от осады. Хан сначала упрямылся, потом согласился. Хорошо вооружив свой полутысячный отряд, одев воинов в кольчуги, Каплан незаметно ночью вышел из города и скрылся в густых камышах. Неожиданным нападением отряд сбил ряды казахов и преследовал их трое суток. Из пяти тысяч

кочевников спаслось бегством лишь около тысячи. Город был освобожден, Каплан вернулся триумфатором и получил от Абдул-Фейза во владение город Ванкент с прилегающими уездами.

После дворцового переворота в Бухаре, когда власть захватил Рахим-бек, Каплан был возведен в токсобай, т. е. «князья» и со своими людьми остается служить новому аталыку. Вскоре его обвинили в покушении на Рахим-бека и убили. Погибло и большинство русских. Лишь очень немногие спаслись. Будучи уже глубокими старцами, они-то и рассказали Ефремову о своих страданиях.

Ефремов в составе войск бухарского аталыка сражался под Самаркандом и Мервом, Чарджоу и в Хиве. Вскоре аталык, оценив воинские познания и умение своего пленника, пожаловал его землей и возвел в звание юзбаши — «сотника». Каждый пятый из его воинов был русским.

Интересны и ценны оставленные Ефремовым заметки о Бухарском ханстве. Многие их страницы как бы перекликаются с записями Флорио Беневени начала XVIII в. и путевым дневником Ивана Виткевича начала XIX столетия. Бухарский хан при Ефремове был лишь формальным правителем. Всеми делами заправлял аталык Даниар-бек. Ханство занимало обширную территорию: на юго-востоке оно граничило с Кокандом и Кашгарией, на юге — с Балхом и Афганистаном, отчасти с Персией, на западе — с Мангышлакской степью. Сам город Бухара, указывал русский «сотник», окружен глиняной стеной, снизу 2 сажени, сверху — 1 (сажень равнялась немногим более 2 метров); имеется 11 ворот. В городе 8 медресе и множество мечетей. Ефремов как военный тщательно описал вооружение бухарской армии. В записках мы находим подробные сведения о погоде, пище, наказаниях, о производстве хлопка и шелка, о правителях ханства и быте местных жителей. Он рассказывает о головном уборе женщин и парандже, при этом подчеркивает, что «старухи лица не показывают»;

«женщин посторонние видеть свободно не могут». Мужчины имеют по две-три жены, еще и наложниц, причем богатые — больше. Автор подчеркнул даже пикантную деталь, известную во все времена: несмотря на казалось бы непререкаемую строгость, «любители приходят в женском платье и веселятся, а иногда жены сказываются мужьям своим, якобы ушли в гости, а вместо того уходят в другое место, где с любителями пребывают».

Ефремов был молод, и его тяжелые думы скрашивали лишь надежда на побег да молодая персианка — ключница аталыка, которая «изъявляла прямое и усердное желание уйти, куда бы я ни пожелал», — рассказывал позже Ефремов.

Так шли годы, бесконечные мучительные годы на чужбине, постылой воинской службе, романтика которой улетучилась вместе со свободой в далеких степях Оренбуржья. Наконец, случай для побега подвернулся. Однажды Ефремов отличился в боях с хивинцами и главнокомандующий Бадал-бек послал его в Бухару с письмом, в котором просил послать войска и расхваливал заслуги русского. Пока в городе решали, как быть с ответом, сотник Ефремов подкупил за 100 червонцев писаря, составившего ему посольскую грамоту, но не в Хиву, а в противоположное направление — в Коканд. Возлюбленная персианка, бывшая ключницей у аталыка и мечтавшая о свободе, достала ханскую печать. Посольская грамота стала «законной». Получив через два дня ответ для Бадал-бека и приказание возвращаться в Хиву, Ефремов с двумя русскими товарищами и спутницей выехал в Коканд. Дорогой его везде принимали за бухарского посла, снабжали провизией и лошадьми. Впереди была свобода, но до границ родины предстоял еще долгий окружной путь. А пока перед глазами предстала Фергана, в которой он становился вольным человеком. Здесь Ефремов присоединился к торговому

каравану, выдав себя за татарина-купца, накупил товаров для торга в Кашгаре.

...Город Ош. До него из Маргелана Ефремов добирался три дня. «В оном городских ворот 2 и в небольшой речке вода проточная». Что нужно для новоиспеченного торговца? Наскоро отдохнуть и дальше в путь. И вот караван вышел из Оша. Захлопнувшиеся ворота проглотили городской шум и суетолюку. Далеко за спиной рвались последние цепи рабства.

Караван шел на юг. Верблюды поднимали клубы густой пыли. Она долго стояла между городом и удалявшимся караваном, медленно, словно нехотя, оседая на коричневых листьях хлопка. Вдоль дороги стояли безлистные тутовые деревья: жители разводили шелковичных червей. Душное марево долины сменилось освежающей прохладой предгорий Алая. Яркозеленые и пестрые ковры чередовались с красными отмывами обнаженных склонов. Караван зашагал бодрее. Здесь пролегал кочевья киргизов, которые, по опытному наблюдению Ефремова, «от киргис-кайсаков особого рода».

Сообщения, приводимые Ф. Ефремовым, это первые сведения о южных киргизах, сородичах «алатай-киргизов» П. И. Рычкова. Поэтому они заслуживают внимательного рассмотрения.

Скупые строки записок Ефремова о южных киргизах, их расселении и положении до сих пор являются важным историческим документом. «Киргизы, — пишет он, — обитают не в самой Бухарии, а близ оной, между городами Уш и Кашгариею, в горах и равнинах кочевьями в небольшом количестве». По этим сведениям, киргизы в конце XVIII века были независимыми: «Кукан (Коканд. — В. П.) смежен с землею диких киргизов, которые кочуют, как уже сказано, между подвластным ему городом и округою Уш и Кашгариею». Ефремов, подчеркивая отличие вообще

киргизов от казахов, дает чрезвычайно точное фонетическое произношение их имени, начальный звук которого не отражается даже в современной русской транскрипции: «...по-бухарски киргиз — кьиргыз; киргиз-кайсаk же — казак». Далее он упоминает о социальной верхушке киргизов, наличии у них крупных феодалов («Они имеют своих князьков»). Ефремов — «купец» первым сообщает очень важный факт о торговле киргизов: «ездят часто в Кукан, куда пригоняют для мены овец, быков и верблюдов...»

Караван медленно продвигался вверх по реке Гульче. В горах начал таять снег, и река, все больше набиравшая силу, билась о скалистые берега, с грохотом катя огромные валуны. В Гульче находилась главная ставка алайских киргизов. С наступлением весны они откочевывали выше в горы. Здесь стада спасались от жары и оводов, люди наслаждались просторами и свежестью.

С каждым днем караван поднимался все выше. Впереди белели снежные вершины и ложбина перевала Терек-Даван. Захватывало дух, кружилась голова. Проводник все чаще останавливал караван. Казалось, нет конца этому томительному восхождению, а тропа вилась выше, к отяжелевшим серым облакам. Пошел дождь, повалил снег. Путники дрожали от холода. У многих начался озноб. Здесь умер совсем ослабевший товарищ Ефремова по плену и побегу.

Ефремов пишет в своем дневнике: «Горы весьма высокие, лесу мало, травы довольно, а в зимнее время снегу бывает много. У одной горы воздух весьма тяжелый и захватывает дух, отчего иные умирают».

Это был Терек-Даван, перевал на территории Киргизии между Суфи-Курганом и Иркештамом, лежавший на высоте 4118 м над уровнем моря. Здесь проходила одна из ветвей исторического торгового пути — Великого шелкового пути, связывавшего Восток с Западом.

После переправы через Кызыл-Су при слиянии ее с отдающими синевой водами речки Кок-Су дорога пошла

прямо на Кашгар. «Сотник и купец» Ефремов окончательно избавился от угрозы преследования. Из Кашгара он намеревался было пробраться в Россию через Ак-Су, но неудачно. В рукописной записи (не повторенной, кстати, в его опубликованных книгах) имеются такие строки: «Из Кашгара ездил в город Ак-Су, хотел как-нибудь попасть в Россию, а как способу не нашел, то возвратился в Кашгар».

Впереди предстоял многомесячный путь через Индию, вокруг Африки, в Англию.

Закупив в Кашгаре новых товаров, а заодно и слугу-«арапа», Ефремов с попутным караваном купцов тронулся в путь. Но в Тибете их пути разошлись. Ефремову нужно было идти на Индию, и он присоединился к трем паломникам, направлявшимся в Мекку «для поклонения Магометову гробу». «Я сказал, — вспоминал позже Ефремов, — что туда же иду и, сообщаясь с ними, надел такую же нищенскую одежду». Нужно было полное знание языка, веры и обычаев Востока, чтобы мусульмане-фанатики не разоблачили обман. Трудно пришлось бы страннику поневоле! Но к его радости, по прибытии в Дели дервиши неожиданно исчезли.

В Индии Ефремову можно было уже не таиться. Он встретил здесь армянина, который направил его к английскому священнику, священник препроводил его в город Лакнау — к военному коменданту, а тот уже в Калькутту — к некоему мистеру Чамберу. Английские колониционные власти напомнили Ефремову повадки бухарского аталыка. Они сначала задерживали его, потом предлагали английскую службу. Лишь после того, как мистеру Чамберу был подарен слуга-«арап», Ефремов ступил на почтовый корабль. Непривычная морская качка двух океанов, блуждание по незнакомому Лондону — все позади. Наконец, при содействии графа Ивана Петровича Салтыкова он достиг заветной цели — России.

Достойное восхищения путешествие и удивительная его книга поведали о странах Средней и Центральной Азии,

которые самые образованные географы мира считали «белыми пятнами». Тогда, в XVIII в., Филипп Ефремов был единственным, кто сумел рассказать об этих таинственных, незнакомых европейцам землях. Он первым познакомил русскую и европейскую общественность с населением Ферганы, Алая и Кашгара, рассказал о кочевниках-киргизах, внося свои дополнения в мозаичную картину положения в Средней Азии, столь скрупулезно создаваемую в России. Небезынтересно и его предвидение относительно Бухары, которое можно в целом отнести к Средней Азии: «Впрочем, Бухария доселе не подлежит никакой иной державе: китайцы не хотят себя беспокоить чрез горы и степи для овладения оною; индейцы сами во всегдашнем беспокойствии; персиане также ведут непрестанно междоусобную войну, и весьма притом боятся переправляться и чрез самую малую реку. Кажется по всему, что России предоставлено утвердить и здесь верховное свое владычество». Именно ознакомлению с неведомыми краями, целям сближения России с отдаленными государствами и народами и были подчинены почти все предпринимавшиеся ранее и позже путешествия и экспедиции русских вольных и невольных странников, отдельных ученых и отрядов в Среднюю Азию, на Тянь-Шань.

По следам рукописи капитана Андреева

В XVIII веке центрами торгово-дипломатических и политических связей Русского государства со среднеазиатскими народами являлись пограничные города и крепости Оренбургского края и Западной Сибири. Здесь русским пограничным властям приходилось встречать посланцев Хивы, Бухары, представителей казахских жузов и киргизских племен, следовавших в Петербург и обратно в родные пределы.

Их рассказы о далеких странах и народах внимательно записывали. Так в архивах Оренбурга, Омска и других пограничных крепостей отложилось немало дел и документов, нередко объединенных общим названием «О слухах и событиях в Средней Азии».

В Оренбурге этими материалами широко пользовался Петр Иванович Рычков. В Омске их собирал инженер Иван Григорьевич Андреев.

Историки Киргизии и Казахстана, писавшие о XVIII столетии, до недавнего времени обязательно обращались к «рукописи капитана Андреева». Она стала широко известной после информационного сообщения на заседании Русского географического общества 17 января 1875 г. ученого, путешественника по Средней и Центральной Азии, друга Ч. Валиханова Григория Потанина. Но лишь много десятилетий спустя, уже в 50-х годах нашего столетия, казахскому этнографу Э. А. Масанову удалось установить (и обратить на это внимание историков), что И. Г. Андреев является автором опубликованного в 1795–1796 годах более крупного труда о казахах и киргизах. Он печатался главами на страницах журнала «Новые ежемесячные сочинения», но ввиду того, что журнал прекратил свое существование, последние разделы так и не были напечатаны. Однако глава «О диких черных или закаменных киргисцах» все же была опубликована в 62 томе. Она стала достоянием историков лишь спустя полтора столетия.

В архивах хранятся другие рукописи этого сибирского ученого, упоминания о которых мы встречаем в различных документах, пока не введенных в научный оборот. Кто же такой Иван Андреев, почему он оставил интересное для киргизоведения наследство и как оно стало использоваться?

В декабре 1784 года генерал-губернатор И. Якоби приказал командующему Сибирскими линиями генерал-поручику Н. Г. Огареву «избрать знающего и способного человека для

⁴ Том IX. В. М. Плоских

сочинения по именному указу истории о киргиз-кайсаках». Это была первая попытка официальных властей получить полную историю народа, принимаемого в подданство.

Екатерина II еще помнила об участии казахов в пугачевском восстании, которое, как известно, было жестоко подавлено. Но это не испугало свободолюбивый народ. В 1783 г. разгорелось восстание в Младшем жузе казахов, возглавляемое Батыр Срымом. Кочевники, восставшие против своего хана Нурали, нападали на русские военные отряды, купеческие караваны и пограничные крепости. Хан Среднего жуза Вали, преемник умершего Аблай-хана, 25 октября 1784 г. в письме к российской императрице заверял в усердном служении престолу и стараниях «истреблять непотребных воров и разбойников». Но чувствовал он себя неуверенно и очень опасался за свое ханское достоинство.

Казахские жузы пребывали в постоянных феодальных усобицах и их внутренние дела трудно было понять. Даже поездка в 1780 г. переводчика Мендияра Бекчурина в Омск и Семипалатинск для собрания сведений «о состоянии киргиз-кайсацкой Средней орды Аблай-хана» не внесла ясности. Он донес о барымте (взаимные разорительные набеги) между киргизами и казахами, об откочевке Аблай-хана в окрестности города Туркестана, где «киргизы же, выезжая из-за гор... своими набегами три раза у киргисцев его (т. е. казахов. — В. П.) конские табуны к себе отгоняли в немалом числе». Но в то же время успокоил, что основные казахские орды во главе с сыном Аблая Вали-султаном «кочуют по Сибирской линии в желаемом спокойствии, и никаких шалостей не видно». Однако положение к 1784 году изменилось. И вот Екатерина II дает распоряжение о составлении истории казахов, в которой предполагалось проследить и их взаимоотношения с киргизами Тянь-Шаня. Выбор пал на образованного инженера, уроженца Сибири и более тридцати лет там прослужившего,

знатока быта и обычаев местных народов капитана Ивана Григорьевича Андреева.

10 декабря Андреев выезжает в пограничные крепости и собирает как документы, так и рассказы бывавших на юге людей. Он проехал Усть-Каменогорск, Омск, крепости Семипалатинскую, Петропавловскую, Пресногорьковскую, Курган, был в горах Чингис-Тау. Используя дорожные расспросы купцов, переписку администрации, дела пограничных канцелярий и сведения своих предшественников, дополнив все это богатыми личными наблюдениями сцен казахской жизни, Иван Андреев буквально в два месяца создает замечательное исследование. Ссылка на книгу П. И. Рычкова и другие упоминания свидетельствуют о знакомстве автора с исторической литературой своего времени. В целом сочинение И. Андреева явилось новым научным трудом.

К сожалению, выяснилось, что его взгляды на историю и взгляды генерал-поручика Сибирского драгунского полка Н. Г. Огарева не совпали. В «Домовой летописи» — своеобразной семейной генеалогии, составленной Андреевым на закате жизни, он вспоминает: «...По собранным мною обстоятельствам и сведениям, сочиня порядком гисторическим и предав на рассмотрение генералу Огареву, который был впрочем, хотя добрый человек, но не сведущий никакого учения и понятия, представил себе за излишне, что *сочинение мое было гисторическим правилом основано*, приказал только выбрать к отношению их единственно краткие виды, чем меня тогда совершенно огорчил; но что же осталось делать приведенному в замешательство? Решился краткими терминами выбрать некоторые необходимые сведения, и тем сие дело окончил, и в феврале месяце 1785 г. ему представил в Омск же».

Так хорошее научное исследование, составленное по всем «гисторическим правилам», волею неразумного начальственного распоряжения было низведено до уровня

простой справки. Эта очень краткая статья под названием «Гистория на киргиз-кайсаков», по примечанию Г. Потанина, отложилась в архиве Главного управления Западной Сибири в Омске в деле «О родопроисхождении киргизского народа».

К чести И. Андреева нужно сказать, что он не уничтожил первый вариант рукописи. Правда, она почти столетие пролежала без движения. Только в 1874 году из Археологической комиссии попала в Русское географическое общество и была доложена на одном из его заседаний Г. Потаниным. Здесь, в архиве географического общества СССР, она находится и сейчас (разряд 64, оп. 1, д. 14), где мы с ней и познакомились. Это объемистая тетрадь. На ее титульном листе стоит: «Описание Средней Орды Киргис-кайсаков с прилежащими и касающимися до сего народа дополнениями прилежащих к Российской границе Сибирской линии по части Колыванской и Тобольской губерний к крепостям. Собранное 1785 года капитаном Андреевым». Третья глава ее — «О диких или закаменных киргисцах» (листы 16–18) целиком посвящены описанию границ, занятий и родоплеменному делению тьяншаньских киргизов.

Андреев говорит о происхождении и связях киргизского и казахского народов: они издревле «единоплеменны», но затем киргизы, «отделясь, положили себе особые пределы». Как это произошло, как разделились? На эти вопросы «и сами они никакого доказательства учинить не могут», и «никакого изъяснения более... баснословия сыскать не можно», — с сознанием трудности проблемы вынужден был констатировать Андреев.

Автор определяет места расселения киргизов: в горах «Ала-тау», в верховьях Сыр-Дарьи, в «полуденной части» от Коканда к Кашгару. Он указывает на хозяйственные занятия киргизов: «имеют довольно лошадей, скота»,

«изобильное хлебопашество», называет их численность — «ежели оным збиратца на войну, до 50 тысяч». Андреев впервые сообщает о родоплеменном делении северных киргизов, перечисляет их родоправителей («старшин») и десять «волостей», подчеркивает большую раздробленность киргизского общества, отсутствие у них единой власти, хотя родоправитель «багышской волости» князь или бий Атаке пользовался значительным влиянием и находился «во всей их орде в почтении».

Судьба рукописи И. Г. Андреева и ее жизнь оказались благоприятными. После информационного сообщения Г. Потанина рукопись широко цитировалась во всех трудах по истории казахов и киргизов. Андреев не только сохранил первый вариант рукописи, но расширил ее дополнительно собранными материалами, и в таком виде она предстала перед русскими читателями еще в конце XVIII века, хотя ученые XIX века об этом позабыли. Небольшой журнал «Новые ежемесячные, сочинения» в девяти своих книжечках отдельными главами с продолжением печатал ее в 1795—1796 годах. Заглавие печатного варианта почти не отличается от рукописного, аналогично и дробное деление по главам. В первой главе — «О древнем происхождении народа киргис-кайсацкого» И. Андреев ставит вопрос об этногенезе казахов и выделяет три первоначальных компонента: 1 — древний народ, некогда живший у китайской стены; 2 — киргизы, «прогнанные от калмык в черную гору и названные в Сибирской истории бурутами, а ныне дикие, черные, закаменные именуемые», т. е. находящиеся за дикими черными, закаменными горами; 3 — кайсаки, или казаки — жители степей, «шатающиеся и заблудшие люди». Таким образом, Андреев ошибочно принимал киргизов за часть казахов, полагая, что киргизы приняли участие в формировании казахской народности и были «единого племени».

Для нас наибольший интерес, естественно, представляет третья глава — «О диких черных или закаменных киргисцах».

Русский читатель конца XVIII века, развернувший на 26 странице книжечку «Новых ежемесячных сочинений», мог познакомиться с историей и жизнью народа горного Тянь-Шаньского края. Территория, на которой он жил, простирается на севере от реки Или до Сыр-Дарьи, на юге — от Ташкента и Коканда до китайских пределов. Киргизы обосновались в неприступных каменных горах, летом кочевали по рекам Чу, Джуука и Карасу. Андреев, собравший эти сведения, вероятно, от бывалых купцов, назвал лишь главные реки, лежащие на торговой трассе, издревле связывавшей Среднюю Азию с Восточным Туркестаном.

Киргизы представлялись Андрееву многочисленным и воинственным народом. Только такой народ мог выставить в случае необходимости 50 тысяч воинов. Он вел кочевой образ жизни, занимался земледелием. Самое примечательное заключалось в том, что, оказывается, у них «никакого хана и султана не находится», хотя все же князь или бий у них был. И звали его Атаке. Именно он, желая жить в дружбе и добрососедстве с могущественным русским народом, направил в столичный Петербург своих послов. Рассказ об этом посольстве — в следующей главе.

Все киргизы, как представлялось Андрееву в свете традиционного русского административного устройства, разделены на десять «волостей», во главе каждой стоит старшина: это — сарыбагышская и бий здесь Атаке, саякская — бий Гадай, кушчу — Ивалда-бий, бостумак — Башибек-бий, могол Бирназар-бий, Джелдей-кесек с Ташибек-бием, бугу с Бирназар-бием, ктай — с Муса-бием и сару во главе с бием Сары-батыром, сыном Саит-батыра.

Правда, автор не ограничивается только названными административными подразделениями киргизов. Он признает,

что могут быть по их «вольности» и более отдаленные, волости, в частности, 5 тыс. кибиток адыгине, кочующие к югу от Коканда и севернее Кашгара.

Киргизы, стесненные с северо-востока казахами, с юго-запада — кокандцами и с юго-востока — китайцами, представляли постоянный объект для нападений извне. Их часто беспокоили своими набегами казахи, увозя «у них жен и детей в рабство», грабя хозяйства, «по большей части когда народ сей в летнее время упражнялся в хлебопашестве».

Конечно, не следует рассматривать эти феодальные набеги как проявление исконной вражды между двумя соседями, к тому же близко родственными народами. Было тяжелое время, жестокие феодальные нравы, а ничем не ограниченная алчность ханов, султанов, биев находила свободный выход в нападениях на более слабого. Андреев пишет, что стоило им узнать о готовящемся нападении, как они собираются «великими партиями» и «жестoko себя защищают».

Тонкий знаток обычаев местных народов мог подметить многие особенности их жизни. Заслуживают внимания и полного доверия строки о степени религиозности киргизов: «Закон их мухаметанский, но несколько придерживаются обрядов идолопоклонства, во нравах, поведении и языке сходны весьма с кайсаками».

Внимание И. Андреева к истории киргизов не ограничилось приказом начальства. Во-первых, он не остановился на первой рукописи, а расширил ее и сумел опубликовать. Во-вторых, достаточно оснований считать, что интерес к истории киргизов сохранялся у И. Г. Андреева до конца жизни. Имеются сведения о киргизах в его дневнике — «Домовая летопись...», который автор закончил уже на закате своей жизни, в начале XIX века. Во всем усматривается не только случайный интерес, но и большое целенаправленное внимание к истории киргизов. За это

мы должны быть признательны автору, оставившему самое подробное описание киргизов конца XVIII в. и познакомившего русскую общественность с одним из отдаленных народов Средней Азии.

* * *

Мы остановились только на трех замечательных личностях, способствовавших знакомству общественности России с киргизским народом. Их исследования еще во многом фрагментарны, встречаются даже ошибочные описания. Но своей жизнью, своими трудами они приблизили установление непосредственных контактов между двумя народами, взаимно заинтересованными в сближении.

ВПЕРВЫЕ В РОССИЮ

Зима наступила рано. Несколько дней непрерывно падали крупные снежные хлопья, ударили морозы. Заиндевела белая юрта бия Атаке. Даже рваные и прокопченные бедняцкие шалаши, скучившиеся как застигнутые непогодой овцы, выглядели необычно богато под сплошным белым покрывалом. Несмотря на мороз, весь айыл вышел, чтобы добрым словом проводить путников, пожелать им удачи и легкой дороги. Но вот все было сказано, что обычно говорят в таких случаях, и три всадника двинулись в путь — на северо-запад.

Оживленно переговариваясь, люди расходились по юртам. А бий еще долго стоял, плотно запахнув полы подбитого барсом чепкена, смотрел вслед удалявшимся всадникам и о чем-то думал. Впереди долгие годы ожидания, тревог и барымты...

Лаконичные документы Центральных и пограничных русских учреждений, немногие записки современников донесли до нас отголоски довольно сложной обстановки конца XVIII столетия на Тянь-Шане, которая заставила киргизов обратить свои взоры к России.

Конец XVIII столетия был периодом напряженного внешнеполитического положения киргизского народа. На западе усиливается Кокандское ханство. На юге проявляет свои захватнические устремления Маньчжуро-китайская империя, разгромившая Джунгарское ханство. На северо-востоке временами вспыхивали схватки с казахскими феодалами. В то же время внутри не прекращались постоянные родоплеменные убоицы, раздиравшие киргизов.

Осложнение внутреннего и внешнеполитического положения киргизов заставляло их искать покровительства могущественного северного государства в надежде, что с принятием российского подданства, наконец, наступят мир и спокойствие в кочевьях.

Русское правительство не остается безучастным свидетелем попыток сближения с ним среднеазиатских народов. Существовавшие в XVI—XVII вв. торговые и посольские связи России с Хивой, Бухарой и Казахстаном расширились. Немалую роль в этом сыграли купцы, заинтересованные в торговле со Средней Азией и Востоком вообще, в освоении новых путей в Индию.

В «Замечаниях о способах к восстановлению в Средней киргиз-кайсацкой орде благоустройства и домоводства, а на линиях спокойствия и цветущего торга», представленных в 1795 г. генерал-майором Я. Боувером Екатерине II, было высказано предложение расширить торговлю с Востоком. Для этого надо было привлечь на свою сторону киргизов: «К восстановлению торговли сделать союз с Большою ордою, дикими киргисцами и другими прилежащими к ним народами, коих желание к тому давно приметно. Посредством сего союза можно от тех народов иметь ежегодных аманатов (заложников. — В. П.) к безопасности торговли, и сверх того, для оной нужно следующее постановление о торговле. По проведении Средней орды в вышеписанное устройство откроется удобность к торговле с дикими каменными киргисцами, ташкентцами, куканцами, кашкарцами, даже до Индии, а о пути туда ведущем, достоверные сведения собраны».

Территория Казахстана и Киргизии привлекала Россию главным образом как рынок сбыта своей продукции и источник сырья для развивающейся промышленности; как область, по которой проходил торговый путь. Наконец, принятие казахов в подданство означало, что Россия получала опору в своей восточной политике. Таким образом,

налицо были взаимные интересы. Инициатива в установлении и развитии посольских связей, исходившая от киргизов, встретила доброжелательное отношение со стороны России.

Во второй половине XVIII в. имели место крупные вооруженные столкновения между киргизами и частью казахов, в среде которых также царила феодальная раздробленность. Казахи делились на три больших группировки племен: Старший, Средний и Младший жузы. Киргизы жили в дружеском соседстве с казахами Старшего жуза, но враждовали с казахами Среднего жуза. По словам академика И. Г. Георги, путешествовавшего в 70 годах XVIII в. по Сибири, «Большая орда дружна с бурутами, да и почитается за один с ним народ, и притом еще коренной». Постоянные феодальные усобицы и барымта вспыхивали, с одной стороны, внутри Старшего жуза, с другой — между казахами Среднего жуза и киргизами. Частые ссоры возникали из-за взаимных грабительских набегов на стада, стремления поживиться за счет соседей. Другая причина заключалась в необходимости иметь хорошие пастбища для скота. Все это усугублялось претензиями усилившегося султана Среднего жуза Аблай-хана на власть не только над казахами, но и над соседними киргизами.

В 1778—1781 гг. Аблай-хан окончательно утверждает свою власть в Среднем жузе и совершает ряд набегов на киргизов и казахов Старшего жуза. В ответ он сам подвергается нападениям со стороны киргизов. Взаимная барымта настолько усиливается, что Аблай-хан обращается даже к российскому правительству с просьбой о помощи против киргизов, но получает отказ. Тогда он во главе большого отряда нападает на киргизские кочевья, разоряет их, берет аманатов (заложников) и остается кочевать в окрестностях города Туркестана. Здесь в 69-летнем возрасте Аблай-хан в 1781 г. умирает.

Во второй половине XVIII в. киргизы занимали более обширную территорию, чем ранее. Долина реки Арыси

и окрестности Туркестана, которые захватил Аблай-хан и с которых киргизы были вытеснены, в это время также принадлежали киргизам. Их кочевья на северо-западе простирались до самого Туркестана и Ташкента. Академик Фальк во время путешествия в 1771–1773 гг. из Оренбурга и Челябины в Тобольск, Омск, Барнаул, Томск и обратно через Екатеринбург в Казань (т. е. по пути, частично пройденному несколько позже киргизскими депутатами), собравший сведения о казахах, отмечал распространение киргизов по всему течению реки Талас и в окрестностях городов Туркестана и Ташкент. Сам Аблай в одном из писем (август 1779 г.) оренбургскому губернатору И. Рейнсдорфу жаловался, что его подданные казахи кочуют около городов Туркестана и Ташкента, «где также находятся воюющие со мной, называемые киргизы, которые в той области кочующим моим подчиненным киргисцам чинят несносные беспокойства и притеснения». Аблай-хан сообщал, что сам намерен отправиться для их наказания, то есть для захвата пастбищ и подчинения киргизов. Вполне понятно, почему Аблай-хан имел вооруженное столкновение с киргизами именно около города Туркестана.

После смерти Аблай-хана набеги на киргизов в тех же самых местах неоднократно совершает Бердыкожо — другой воинственный предводитель казахов Старшего жуза. Капитан Андреев записал со слов самого Бердыкожо, явившегося 13 июля 1785 г. в Семипалатинскую крепость, что он кочевья свои имеет «смежно с дикими киргисцами по рекам Аягузу и Каракулу, где оные стояли более 18 лет». Эта территория позже окончательно отошла к казахам. Правда, автор обширной и капитальной рукописи о киргизах, хранящейся в архиве Географического общества СССР, Н. А. Аристов считает, что речь в данном случае должна идти о казахах Старшего жуза. Но архивные документы, в частности объяснение омского купца Захара Пенъевтова от 14 мая 1786 г., подтверждают иную точку зрения. Захар

Пеньевтов, отправившись в степь «ради секретных разведываний», побывал в предгорьях Ала-Тоо. Он сообщил о киргизах, кочевавших от Ташкента до Китая, их борьбе с казахами и смерти Бердыкожо. В октябре 1785 г. Бердыкожо, с одной стороны, а китайские войска — с другой, напали на киргизов и нанесли им большой урон. В январе следующего года Бердыкожо предпринял новый поход на киргизов, но сам попал в плен и погиб. Его смерть вызывает новые походы казахов. Такие грабительские набеги казахских феодалов на киргизов и ответные нападения киргизов обостряли неустойчивые взаимоотношения между этими родственными соседними народами.

О систематических столкновениях киргизов в «ташкентских пределах» было известно также от русских и среднеазиатских купцов, прибывших в XVIII веке на Линию русских передовых постов Западной Сибири: киргизы, говорили они, «имеют частые ссоры с киргисцами Средней орды» (так именовалось тогда русскими это казахское ханство).

Взаимные междоусобицы ненадолго стихали лишь перед лицом смертельных опасностей для обоих народов со стороны Китайской империи. Как говорится в одной из осведомительных записок русским властям, к «кочующим между Ташкенией и китайской границей в каменистых горах, называемых Алатау, диким киргизам приезжали из Средней и Большой киргизских орд депутаты для заключения условия о прекращении... баранты». Киргизы «отозвались» на предложение своих соседей, теснимых маньчжуро-цинскими феодалами, заявив, что они «как для вас, так и для нас — общие неприятели». Едва лишь миновала общая угроза, распри возобновлялись. Обстановка осложнялась также захватническими устремлениями кокандских ханов.

Для установления более тесных политических и торговых связей с могущественным и далеким соседом (и то и другое благоприятствовало малым народам) в Россию

из Средней Азии и Казахстана следуют непрерывные посольства. В одном 1783 году в Петербург из пограничной крепости Петропавловск направляется депутация казахов Средней орды; на пути в Россию находится бухарское посольство; с императрицей Екатериной II ведут переговоры посланцы хивинского хана.

О заинтересованности казахов в установлении тесных отношений с Россией доносил еще в начале XVIII в. один из русских посланцев к ним — Борис Брянцев: «Казачьего народа все люди говорят, что с людьми российского народа быть в миру всегда они желают».

В России благосклонно относились к завязыванию дипломатических и расширению торговых отношений со среднеазиатскими государствами и народами. Кратчайший путь к ним лежал через степи казахского ханства. Вспомним, что еще Петр I говорил о казахах: «токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах коммуникацию иметь».

Благожелательное отношение русского правительства к бухарским, хивинским, казахским и другим азиатским посольствам выясняется по архивным документам конца XVIII века.

Екатерина II считала направление всех прибывших в Сибирь депутатий непосредственно в столицу «не только не излишним, но еще делом полезным службе ее, тем паче, — читаем мы в записках современников, — что посредством таковой присылки сии чиновные отдаленных орд могут ближе с нами познакомиться и чрез то оказывать будут готовность к доброй воле» и тем услугам, в которых была заинтересована на Востоке Россия. Оговоримся, кстати, что позже, начиная с XIX в., практика направления в Петербург всех прибывавших на пограничную Сибирскую линию среднеазиатских посольств будет ограничена.

Таковы были общие условия взаимоотношений России со среднеазиатскими народами и внутреннее положение в обществе последних, при которых киргизский бий Атаке решил направить в конце XVIII в. своих депутатов в Санкт-Петербург к Екатерине II.

Кто же такой был бий Атаке? По генеалогическим преданиям киргизов, Атаке был сыном Тыная от старшей его жены и прославился среди киргизов, казахов, кыпчаков и других среднеазиатских народов своей удалью в набегах, борьбой с ойратами, за что имел прозвище батыра.

Интересна легенда об Атаке, записанная бывшим токмакским уездным начальником Г. С. Загряжским. Она начинается с того, что киргизы, оттесненные ойратами, жили в Фергане, где их предводителем являлся Тынай-бий. До конца XIX в. в Фергане, возле Андижана, еще существовал оросительный канал, прорытый Тынаем и названный его именем. У Тыная было два сына — Атаке и Сатыбалды. Они отчаянно занимались барымтой, и отец, заявив, что больше не будет расплачиваться за их проделки, снял с себя всякую ответственность за сыновей перед правителем Ферганы. Тогда дружные братья решили действовать раздельно, чтобы не попадаться сразу обоим в руки правителя. Когда одного из них ловили и сажали в яму, то другой старался во что бы то ни стало его выручить. Так, например, если попадался Атаке, то Сатыбалды, чтобы выкупить брата, продавал себя в неволю, а потом, конечно, убегал. Это повторялось раз шесть. Наконец, правитель изгнал братьев. Атаке и Сатыбалды набрали себе джигитов, таких же удальцов, как сами, и перешли Нарын. На Сусамыре они разбили ойратов, оттеснили их сначала в Чуйскую долину, а затем еще дальше в Китай. С этого времени Атаке занял кочевья между Чуйской долиной и Иссык-Кулем, которые стали родовой территорией сарыбагышей. Память об Атаке как отважном киргизском батыре сохранилась надолго в среде его соплеменников.

Загряжский писал, что в конце XIX в. у сарыбагышей из рода Тынай был боевой призыв-уран: «Атаке!».

Об Атаке имеется упоминание и у Ч. Валиханова, проезжавшего Санташ по дороге на Иссык-Куль в 1856 г. В одной из пропастей на р. Чаты, притоке р. Тюп, ему показали тропинку и деревянные перила, ограждавшие пропасть, создание которых приписывали батыру Атаке, деду известного при Валиханове сарыбагышского манапа Джантая. В междоусобной вражде двух сарыбагышских манапов Исенгула и Атаке, пишет Валиханов, последний должен был укрыться от внезапного нападения и первым со своим кочевьем прошел через Чаты, где оставил глубокую память. Здесь же Валиханов увидел следы двух киргизских могил, одна из которых принадлежала Карабеку, сыну Атаке, убитому в верховьях р. Чилика при нападении Аблай-хана на сарыбагышей.

Обратим внимание на то, что Ч. Валиханов называет Атаке манапом, в то время как во всех других источниках встречается упоминание о нем как о бие или батыре. Возможно, титул батыра у известного феодала позднее был заменен киргизами более распространенным термином манапа, как стали называть в середине XIX в. вообще всех крупных феодалов. Во всяком случае, Атаке, живший во второй половине XVIII в., является самой ранней исторической личностью, к которой прилагается титул манапа.

Атаке-батыр, или, как его называет Ч. Валиханов, Атаке Жарык-бий, широко прославился именно борьбой против завоевательских походов Аблай-хана, — настолько широко, что о нем стали слагать песни. В 1855 г. Чоканом Валихановым была записана одна казахская песня, целиком посвященная Аблай-хану. В ней есть эпизод, рассказывающий о том, как дочь Атаке горюет по поводу смерти киргизского героя от руки Аблай-хана, который умер раньше его. Время внесло путаницу в хронологию рассказа. А может быть, это сделано умышленно в связи

с желанием возвеличить казахского хана. Но как бы то ни было, слава и память об Атаке сохранялась в народе долгое время.

Атаке, бий сарыбагышей — одного из крупнейших киргизских родоплеменных объединений, являлся, по словам историка Сибири П. А. Словцова, «главным родоначальником» киргизов.

Киргизские посланцы Атаке, по сведениям Словцова, явились первый раз на Сибирскую пограничную линию в 1784 г. Другой автор — современник событий, сибирский инженер И. Г. Андреев, который называет Атаке старшиной, князем или бием, сообщает, что это произошло в 1786 г. Разберемся, когда же в действительности было направлено первое киргизское посольство в Россию: в 1784 или 1786 году?

Сведения И. Г. Андреева заслуживают доверия. Он начал собирать материал для своего сочинения в 1785 году. Тогда же представил первый вариант своей рукописи. Автор почему-то не упоминает здесь о киргизском посольстве, хотя описанию киргизов отводится целая глава. Десять лет спустя И. Г. Андреев начал публиковать отдельными главами свою работу в журнале «Новые ежемесячные сочинения», пополнив первоначальную рукопись новыми материалами. В частности, добавилось сообщение о киргизском посольстве, отправленном в С.-Петербург в 1786 году. Кажется вполне естественным: раз посольство было снаряжено в 1786 г., то в рукописи от 1785 г. о нем не могло быть речи, но зато этот факт отражен в публикации 1795–1796 гг.

Однако нет особых оснований не доверять Словцову, писавшему в середине XIX века, но пользовавшемуся документами канцелярий, таможен, архивов Петропавловска, Омска, Тобольска, Иркутска и других сибирских центров, тем более, что в книге Словцова имеются такие подробности о киргизском посольстве, которые отсутствуют у Андреева.

⁵ Том IX. В. М. Плоских

Это свидетельствует о том, что Словцов самостоятельно и параллельно использовал дополнительные документы, которые, вероятно, не были известны Андрееву. Прямым доказательством в пользу 1784 г. служит письмо члена Государственного Совета и ближайшего сановника Екатерины II А. А. Вяземского от 27 октября 1785 г. Указанное письмо Вяземского адресовано начальнику Сибирских линий генералу Н. С. Федцову. В нем говорится о депутатах «от начальника киргисцов отдаленной киргис-кайсацкой степи Атаке Батыра», которые в Омске ждали разрешения на поездку в столицу России. Сам Вяземский дал необходимое распоряжение.

Киргизский бий Атаке в письме ошибочно назван предводителем киргис-кайсаков только потому, что подобное смешение имен киргизов и киргис-кайсаков было нередким явлением и в более позднее время.

Хорошо известно, что у казахов в 1784–1786 гг. не было какого-либо крупного предводителя с именем Атаке-батыр. Он был у киргизов. Сомневаться тут не в чем: речь шла именно о киргизском посольстве 1785 года, а Вяземский отвечал на рапорт Федцова, который докладывал о прибытии на Сибирскую линию киргизских посланцев.

По всей вероятности, первые киргизские послы выехали с тьянь-шаньских кочевий и прибыли на пограничную с Россией линию в 1784 г. Затем в 1785 г. завязывается переписка между сибирскими и петербургскими чиновниками, которая длилась более года, что по тем временам было обычным делом. Лишь в 1786 г. киргизское посольство получило разрешение и деньги для поездки из Омска в Петербург.

Документы не сохранили деталей путешествия из Чуйской долины в Сибирь, но основную его канву можно проследить с достаточной определенностью. Уже немолодой киргизский предводитель, прославившийся в борьбе с соседями, по собственному опыту знал, какого напряжения сил и средств требует бесконечная из поколения в поколение

борьба. На горизонте будущего он не предвидел улучшений. Дальновидность подсказывала ему выход: искать покровительство в лице России. Как ни могущественны были казахские султаны, они не могли быть ровней России. Надо полагать, что слухи о силе северного соседа достигли Киргизии через казахов, проезжих купцов и других лиц.

Атаке, безусловно, имел достаточную осведомленность о России, может быть, даже в гораздо большем объеме, чем мы ныне можем предполагать. Не случайно в Россию, а не в Китай, Бухару или соседний Коканд отправил Атаке-батыр своих послов. Выбор Атаке пал на опытного купца, бывшего ташкентского жителя Абдурахмана Кучакова. В Россию отправился также сын купца Сатынбай и один «природный киргизец». Архивные документы не раскрывают имени этого киргиза, но на помощь приходит книга Словцова, в которой киргизскими депутатами названы А. Кучаков и Шергазы. Шергазы, вероятно, и был тем самым «природным киргизцем», который отправился в многолетнее, трудное путешествие.

...Более месяца всадники провели в седлах, то и дело пересаживаясь на запасных лошадей, чтобы дать отдых уставшим. Они избегали встреч с людьми, ночевали вдали от жилья. К этому вынуждал обычай феодальных междоусобиц, оправдывавший нападение сильного на более слабого, прославлявший ограбление торговых караванов и воровской угон скота. Тепло тлеющего очага и аромат вареного мяса в юртах казахских аулов дразнили воображение наших путников, но трезвость ума и многолетняя опытность старшего заставляли их уединяться. Или, может быть, их проводник — купец Абдурахман — оказывался настолько изворотливым, что выдавал своих спутников то за помощников, то за родственников, и послы нередко имели сытный обед, хотя спали вполглаза, боясь разоблачения.

Вдох облегчения вырвался из груди всадников, когда, наконец, меж вековых сосен показали высокий вал

с пушкой и свежие срубы крепости Святого Петра. Главные трудности и дорожные тревоги позади...

Начальник Сибирских линий генерал-майор Н. С. Федцов был ревностным, осторожным служакой. Немало удивился он, когда увидел необыкновенное желание столь необычных киргизских депутатов предстать перед самой российской государыней. Отправить бы их сразу в столицу, да вдруг, не дай бог, не угодишь императрице — можно впасть в большую немилость! Надо испросить согласия двора. В Петербург к князю Вяземскому снаряжается курьер с депешей. Посланцы Атаке-батыра тем временем устраиваются в специально отведенном для них постоялом дворе. Медленно тянулись недели и месяцы в чужом краю, долго ждали они ответа из далекой столицы. Зато, когда он был получен, сборы были недолгими.

Где-то в конце января — самом начале февраля памятного 1786 года Абдурахман Кучаков с товарищами, получив «на прогоны и на путевое их содержание из заграничной суммы 320 рублей», отправились с пограничной линии в центр России в сопровождении адъютанта Сибирского драгунского полка поручика Ивана Сипайлова, снабженного ста рублями «из курьерской службы».

Сипайлов пытается понять, как далекий и, судя по всему, немногочисленный народ сумел снискать славу воинственного и беспокойного племени в среднеазиатских ханствах и Китайской империи. До Сибирской линии не раз доходили слезные стоны купцов, расплачивавшихся за предприимчивость немалыми товарами, да и риском «живота». Однако несмотря на все превратности, торговля «на Семиречах» и в сопредельных «землицах» притягивала купцов своими барышами, как магнит. Каждый год вновь и вновь снаряжались караваны верблюдов, груженные ходким в кочевьях и на Востоке товаром: котлами, выделанными кожами, тканями, металлическими орудиями и посудой.

Почтенный аксакал, как называли спутники Абдурахмана Кучакова, был уже изрядно дряхл, а его сын, пожалуй, слишком молод для таких ответственных и нелегких путешествий. Адъютант не мог понять, что заставило киргизов просить покровительства далекой России.

...Старик, дремавший под перезвон колокольчиков, встрепенулся. Дорога длинна. Слушатель терпелив, а говорить он умел, да и знал немало. Начался неторопливый полуфантастический, полуправдивый рассказ. Перед глазами Сипайлова предстала история древнего и некогда могущественного народа, жизнь в борьбе с соседями и даже соплеменниками, быт кочевников, женщины, подобные луне в темную ночь, — их щеки акыны сравнивали с горячей кровью кобылиц, пролитой на снег. Правда переплеталась с вымыслом, исторические события — со сказочными сюжетами.

Путники с интересом и достоинством, но без показного удивления, смотрели на сменяющиеся картины незнакомой природы, на почтовые станции, казацкие станицы и шумные города, наполненные разноязычными толпами. Уже далеко позади остались Омск и крепость Петропавловская, Челябинск и Екатеринбург. Потеплело. Мягкое спокойствие санной дороги сменилось тряской в тарантасе. То и дело экипаж подбрасывало на рытвинах, он увязал на размытых половодьем дорогах. Когда перед взором открылась необозримая Волга, путникам трудно было сразу понять, что это такое: ширь не менее Иссык-Куля, а течет, говорят, почти до самого Ала-Тоо. Тоскливо сжималось сердце горца и степняка, когда чем далее, тем более глухие леса начали обступать его со всех сторон. Сверкающие белизной рощи берез издали могли еще как-то напоминать снеговые долины родного края. Но в сумрачных сосновых лесах, как в ущелье: клочок неба над головой и стена перед глазами. Бесконечная стена изо дня в день. Где тут пасти скот и как найти его, если затеряется? Глаз степняка и горца

привык обозревать бескрайнюю даль. Такие, видимо, мысли роились в головах киргизских посланников.

...Москву миновали, почти не останавливаясь. Последние версты дороги — и будка петербургской заставы. Офицер и дипломатический чиновник из Азиатского департамента, прибывшие для встречи посланцев, торжественно проводили гостей в столицу. Петербург гостеприимно встречал посланцев далекого народа.

Киргизским депутатам были приготовлены «потребные квартиры». Восточным гостям обычно отводился дом, внутреннее убранство которого декорировалось в азиатском стиле. Так, депутату казахов Среднего жуза Сыр Батыру Султану с его людьми была предоставлена квартира, дрова, посуда, свечи, платье, преподносились подарки. На их содержание было определено: султану — по 1 руб., двум сопровождавшим его старшинам и одному мальчику — по 25 коп. в день. В аналогичном положении должны были находиться и киргизские посланцы. Абдурахмана Кучакова, Сатынбая и Шергазы, как и казахского султана, приняла сама Екатерина II. Они передали императрице подарок от бия Атаке — три барсовых и пять рысьих шкур.

Судя по тому, что депутаты находились в столице Российской империи с 1786 до осени 1788 года и на их содержание было истрачено около пяти тысяч рублей — огромная по тому времени сумма, — им был оказан теплый прием. Киргизские посланники неоднократно встречались с членами русского правительства. Переговоры хотя и затянулись, но проходили успешно. К просьбам Атаке о покровительстве России над подвластными ему киргизами отнеслись благосклонно. Императрица в ответ на подарки передала для бия 800 руб. серебром. Прием и переговоры удовлетворили послов. Видимо, были оговорены какие-то условия дальнейших киргизско-русских взаимоотношений, но, к сожалению, они пока неизвестны. От письма Абдурахмана Кучакова, доносившего в 1789 г. из Омска бию Атаке

о результатах поездки, осталась лишь запись в «экстракте» архивных дел, что он «съездил благополучно».

Обратный маршрут трех посланцев нам известен довольно подробно по рапорту поручика Сипайлова.

14 сентября 1788 г. депутаты по распоряжению Вяземского в сопровождении Сипайлова выехали из С.-Петербурга в Москву. В старой русской столице, по желанию А. Кучакова, они пробыли две недели: осматривали достопримечательности. На месяц их задержала распутица в Казани. Отсюда депутаты, согласно определенному заранее маршруту, должны были ехать в Екатеринбург. Но... по соседству с Уфой лежал родной городок Сипайлова, где проживали его родители.

Самовольное изменение предписанного маршрута да еще с задержкой, конечно, грозило офицеру наказанием, послы также могли иметь нарекания, но был найден удачный выход. Офицер для оправдания послал начальству рапорт, а сам, не дожидаясь ответа, повез гостей к себе домой. Здесь они провели целую неделю. Возвращались через Уфу и Челябину, редут Пещан и Петропавловскую крепость.

Киргизское посольство израсходовало на обратную дорогу (на питание и различные дорожные издержки) от С.-Петербурга 681 руб. Сипайлов представил в администрацию подробную ведомость о расходе денег на пути из С.-Петербурга в Петропавловскую крепость — прогонные деньги, за квартиру, дрова, свечи и т. п. Всего на содержание посольства, его поездку в Петербург и снаряжение в обратную дорогу было «издержано до нескольких тысяч рублей».

2 января 1789 г. Сипайлов с депутатами благополучно прибыли в Омскую крепость. Сипайлов рапортом доложил о поездке командиру Сибирского драгунского полка генерал-поручику И. Г. Огареву. Абдурахман Кучаков из Омска отправил письмо «своему старшине Этеке батырю», которым доносил о результатах посольства и его благополучном исходе.

Итак, до сих пор все шло как нельзя лучше. Послы на торжественном прощальном приеме получили соответствующие подарки; обратно почетно препровождались с тем же офицером, что с точки зрения дипломатического этикета являлось хорошим признаком. Но по прибытии в Омск начинаются недоразумения. Злоключения следовали одно за другим. Начало было положено ограблением торгового каравана в киргизских кочевьях. Почти одновременно с послами к Омску с другой стороны — с Тянь-Шаня — прибыл некий купец Нурматов. Он сообщил об ограблении его каравана киргизами и предъявил иск на сумму 2193 рубля. Претензии в какой-то связи относились к посланникам Атаке. Материалы расследования обстоятельств и места ограбления каравана нами не обнаружены, и может быть, вообще не сохранились. Противоестественно думать, что к этому были причастны Атаке или какой-нибудь из подвластных ему родов. Если ограбление не было случайным совпадением, то его следует отнести скорее на счет врагов Атаке. Возможностей «насолить» своему врагу было много. Во всяком случае, сам Кучаков в письме к Атаке просил содействовать возврату товаров, что косвенно указывает на причастность к ограблению кого-то из его недалеких соседей.

До наступления весны посланцы Атаке находились в таможенной пограничной крепости Святого Петра. Но когда они собрались домой с одним из ташкентских купеческих караванов, случилось другое неприятное событие, которое наложило отпечаток на взаимоотношения сибирских властей с соседними народами Средней Азии. Генерал-поручик Огарев, который с симпатией относился к киргизскому посольству и был горячим сторонником установления добрососедских отношений, внезапно умер. Его место занял тупой солдафон с немецко-прусскими ухватками Г. Г. Штрандман. Интересы России его менее всего заботили. Штрандман напоминал собою одного из тех иностранцев, которые топ-

тались у российского трона во времена немецкого засилья при предшествовавшем императоре, о которых М. Ю. Лермонтов позже скажет: «на ловлю счастья и чинов заброшен к нам по воле рока». В царствование Екатерины часть их была уже выдворена, оставшиеся отправлялись в «почетную» службу в глухие края, вроде Сибири. Россия являлась, конечно, централизованным государством, но местные губернаторы нередко действовали как сатрапы, чем возмущались, как увидим далее, люди вроде Е. П. Ковалевского.

Ограниченный Штрандман не понимал сложностей жизни раздробленного киргизского общества. Он подвергнул киргизских депутатов надзору, чтоб не «сбежали», распорядился приставить к ним «обер-офицера или надежного унтер-офицера». Дойди до столицы сведения о таком обращении с любезно принятыми ею послами — Штрандману грозила бы крупная неприятность.

Следом пришла третья беда. Опытный Абдурахман Кучаков, возможно, сумел бы выправить дело. Но престарелый полукупец-полудипломат тяжело заболел и умер 20 июня 1789 г. Депутация осталась без руководителя. Это было уже совсем плохо: дело во взаимодружественной обстановке четыре года назад начинали одни люди, завершать приходилось другим.

Сын Кучакова — Сатынбай — предложил Штрандману более или менее разумный выход. Он соглашался остаться в Петропавловске на время, необходимое для разбора дела об ограблении каравана. Приказчик пострадавшего купца должен был ехать с «природным киргизом», членом посольства Шергазы для выяснения на месте. На том, видимо, и порешили.

В архивах нами не найдено сведений об обстоятельствах и времени отъезда посланцев Атаке из Сибири в родные края, как и вообще о дальнейших делах посольства.

В киргизских краях в то время произошли большие перемены. Сарыбагыши, ослабевшие в междоусобной борьбе

с окружающими киргизскими племенами и казахами, подверглись давлению со стороны Кокандского ханства, и часть их вынуждена была в начале XIX в. признать его власть. Другая часть, во главе с сыновьями уже умершего Атаке-батыра, не желая покориться, откочевала из Чуйской долины в Восточное Прииссыккулье и оказалась в соседстве с бугинцами, также благожелательно настроенными к России.

Следует отметить, что торговля России с Восточным Туркестаном, Кашмиром и Индией в конце XVIII в. осуществлялась окружным путем: на западе — через Бухару, на востоке — через Чугучак. По территории, где жили киргизы, пролегал древний тракт в Китай, Кашмир, Индию. Понятно, что Россия отдавала предпочтение именно этому более удобному пути, имея в виду и то, что с ним связано экономическое оживление горного края.

С другой стороны, наиболее дальновидные из киргизских правителей ясно понимали необходимость сближения с Россией в интересах собственного киргизского народа. Один из примеров тому — направление в столицу России специального посольства во главе с А. Кучаковым, миссия которого, вообще говоря, имела успех. Но осложнения с киргизской стороны и неумелые действия со стороны местной сибирской администрации, а также стечение ряда неблагоприятных обстоятельств свели результаты его деятельности к минимуму.

Отсутствие документов не дают нам возможности узнать, оценили Атаке и его сторонники из киргизских предводителей работу посольства. Прошла ли она бесследно или дала знать о себе через два десятка лет, когда русско-киргизские отношения вновь оживились по инициативе сибирских властей. Но, во всяком случае, первый шаг навстречу дружбе был сделан.

С конца XVIII в. в рукописных дорожниках при обозначении торгового пути из России в Индию стали ука-

зываются киргизы, через территорию которых он пролегал. Так, в 1796 г. генерал-майор Яков Боувер в записке Екатерине II с «Описанием путевого ходу в Индию» перечислял: из крепости Святого Петра к Букай-султану Средней орды — 20 дней, оттуда через кочевья киргизов к Атаке-багадуру — 20 дней, далее через Кашгар и опять через киргизов в Тибет; затем от других групп киргизов через 20 дней до Индии.

Под группами киргизов в Восточном Туркестане следует подразумевать, по-видимому, тех, которые кочевали по предгорьям Куэнь-Луня, Тянь-Шаня и Памира после временного вытеснения их ойратами в первой половине XVIII в.

Строки дорожников были кратки и сухи. Но они, как стрелка компаса, указывали купцам направления развития торговли, которая приводила к расширению и упрочению российско-киргизских контактов.

НА ПУТИ В ИНДИЮ

Многие факты говорят, что русские и другие представители многонациональной России бывали на Тянь-Шане гораздо раньше, чем принято считать. Еще в самом начале XIX столетия в процессе развития экономических и политических связей России со Средней Азией стали устанавливаться непосредственные дружественные контакты представителей русского, грузинского, армянского, татарского и других народов России с киргизами, казахами, узбеками.

Где-то осенью или в самом конце 1812 года в пограничный сибирский городок Омск с торговым караваном прибывает грузинский дворянин Рафаил Данибегов. Начальником Сибирской линии в то время был генерал Г. И. Глазенап, который раньше занимал должность начальника Кавказской линии. Естественно, у уроженца Тбилиси Данибегова и прослужившего там несколько лет генерала нашлись общие интересы. Но особенно заинтересовал Глазенапа рассказ грузинского дворянина о странствиях по Индии, Кашмиру, о путешествии из восточных стран через Кашгар и Тянь-Шань в Сибирь.

Рафаил Данибегашвили (так звучала его фамилия по-грузински), дворянин и купец, совершил фантастическое путешествие по сказочным странам. Он покинул свою родину по поручению грузинского царя Ираклия II в 1795 году. Его маршрут пролегал через Малую Азию в Индию, где он должен был встретиться с армянским богачом, уже много лет проживавшим в Мадрасе. Дважды после этого Данибегашвили путешествовал по странам Азии, и в 1815 году в Москве издал книгу, в которой упоминает о казахах, киргизах, калмыках, встреченных им на пути из Кашгара

в Омск. Исследователи и биографы Данибегашвили считают, что его маршрут пролегал из Кашгара в Яркенд, затем в Аксу и Турфан и из Таримской впадины — в Семипалатинск и Омск. Выходит, что Киргизию путешественник обошел с юго-востока.

Однако анализ книги и сопоставление ее текста с архивными дорожниками и записями купцов говорит о другом. Во-первых, Турфаном, оказывается, называли еще один город, известный также как Уч-Турфан. Он расположен несколько западнее Аксу, по дороге на Иссык-Куль. Просто Турфаном называет его Л. Бубенов, сопровождавший в Восточный Туркестан торговый караван в 1813 г. Просто Турфаном назван город Уч-Турфан и на карте, составленной при штабе Отдельного Сибирского корпуса в 1841 году. Сам Данибегашвили пишет, что из Яркенда он шел в Аксу 13 дней, из Аксу в Турфан — 3 дня, а отсюда «в 20 верстах находятся границы, которыми отделяются здешние земли от земель киргизцев». При этом Данибегашвили имеет в виду именно киргизов, а не казахов, которых он правильно именует «казаками». В 20 верстах от границы киргизских земель мог находиться лишь Уч-Турфан, а не Турфан, расположенный в Таримской впадине. Расстояние, которое путешественник прошел из Аксу в Турфан за 3 дня, свидетельствует также о том, что был он в Уч-Турфане, так как путь от Аксу до Турфана в Таримской впадине почти вдвое более расстояния между Яркендом и Аксу. Эту дорогу, как мы узнали выше, путешественник прошел за 13 дней. Следовательно, путь в Таримскую впадину занял бы никак не меньшее время. Видимо, Данибегашвили, по тогдашнему обыкновению, назвал Уч-Турфан сокращенно — просто Турфаном, и шел именно по направлению к Иссык-Кулю. Именно в этих местах, по течению реки Джуука и Восточному Прииссыккулю, через перевал Бедель некогда пролегал древний торговый путь, почти забытый к XIX веку.

Следуя по этому торговому тракту, Данибегашвили действительно мог встретить на своем пути киргизов, казахов, калмыков. «Дорога, — пишет он, — для меня была очень приятна, потому что в продолжении оной видел я множество различных народов, как-то: калмыков, киргизцев, козаков, народов, которые все вообще кочуют по полям и живут в палатках, не упражняются совсем в земледелии, питаются молоком коровьим и лошадиным, из которого много делают творогу. Главное богатство их состоит в скоте. Скотоводство есть единственное их занятие. В торгу у них деньги не употребляются, на место их заступает мена вещами. Постоянных жилищ здесь вовсе не знают: где найдут хорошую пажить, там со всем скотом и останавливаются. Посему часто переменяют места жилищ своих».

Путешественник, вероятно, общался с этими народами, поскольку путь пролегал через айлы, разбросанные по всему Прииссыккулю. Сообщения Данибегашвили не могли не заинтересовать Глазенапа. Он еще до встречи с грузинским путешественником содействовал усилиям сибирского купечества завязать оживленную торговлю с Востоком именно в этом направлении. От развития торговли России с Индией ожидали многого.

Еще в 1803 году в Сибири была открыта Бухтарминская таможня для торга с Китаем и Индией. Несколько лет ее директором был Филипп Ефремов, переведенный сюда с Кавказа, где он ведал таможнями в Моздоке и Кизляре. Его перевод был не случаен. Он прекрасно знаком с казахами, узбеками, туркменами, киргизами. Под видом купца прошел он с торговым караваном из Средней Азии в Восточный Туркестан и Индию. Ефремов привлекал к торговле в этих районах не только сибирских и татарских, но и кавказских купцов, с которыми имел связи по месту прежней службы.

В эти годы налаживалась торговля и через Чугучак. В 1804 г. в Кульджу и Аксу был направлен первый торговый

караван, с которым следовал переводчик Безносиков. Через четыре года коммерции советник, «кабульский житель» Мехти Рафаилов попадает по дороге через Восточный Туркестан в Кашмир и Пенджаб. В государстве «пенджабского льва» его встречает сам правитель народа сикхов махараджа Ранджит Сингх. Если Безносиков сумел дойти только до Кульджи, то не исключено, что Рафаилов проходил через киргизские кочевья, хотя прямых сведений об этом не сохранилось. В Кашгар и Яркенд из Кульджи можно было пройти либо по восточной дороге, либо западным трактом через Киргизию. Западный тракт использовался местными купцами еще до появления здесь кокандских крепостей.

Свидетельства об этом сохранились в расспросных записях, отложившихся в Военно-историческом архиве и хранящихся в Москве. Сбор сведений о возможности открытия нового торгового тракта производился по поручению Глазенапа вскоре после его вступления в должность начальника Сибирской линии. В 1811 г. по его просьбе в путь отправились «знатнейшие торговцы» — ташкентский старшина Миркурбан Ниязов и казанский татарин Абдулгазы Омаров. Купцы, торговавшие через Семипалатинск, снарядили торговый караван с товарами на сумму в 110 тыс. рублей. Сведений о его судьбе пока не обнаружено.

Тот же Глазенап осенью 1812 г. уговаривает других купцов снарядить караван. Пять купцов — некий князь Абдулман Юсупов, тобольский служилый татарин Сафар Курбанбакиев, Мустафа Кулмаметшихов, Баки Авасов и купец 3-й гильдии Халид Амиров отправились по «затруднительному и прежде неопытному тракту» через казахские и киргизские кочевья к Восточному Туркестану. Караван сопровождал отряд казаков во главе с сотником Старковым.

Первые дни, казалось, предвещали неудачу. Султан казахов Юсуповской волости Адиль Аблайханов «с издревле» брал пошлину по своему усмотрению со всех караванов, проходящих через Семиречье. У купцов он взял товаров

на сумму 500 рублей. Однако до кочевьев киргизов на Иссык-Куле добрались благополучно. Купцы остановились у бугинцев, бия Шералы и его отца Шапака, и были тепло встречены местными жителями.

Это была вторая после посольства Унковского группа русских, прибывших на Тянь-Шань и увидевших Иссык-Куль своими глазами. (В литературе ошибочно принято считать, что первый отряд русских появился в Киргизии значительно позже). Другие караваны после утомительного пути по казахским степям обычно останавливались на восточных берегах Иссык-Куля, в долине Джергалан. На тучных пастбищах вьючный скот быстро набирался сил, и можно было снова отправляться в путь. Возможно, и этот караван сделал здесь длительный привал.

Дальше купцы должны были двигаться самостоятельно, а охранный отряд с сотником Старковым возвратился назад. Путь каравана лежал по южному побережью Иссык-Куля до речки Джуука, затем через перевал Бедель «в китайский город Турпан», т. е. Уч-Турфан, затем в Аксу и Кашгар. Где-то на пути между Иссык-Кулем и Уч-Турфаном бии саякских киргизов «насильственным образом, — как жаловались позже купцы, — под видом взятия в долг» оставили у себя часть товаров, обещая расплатиться сполна.

У киргизов были оставлены выделанные и юфтевые кожи, разные текстильные товары, ситец, сукно, шелк, халаты, предметы домашнего обихода из железа, удила и путы конские, котлы чугунные, топоры, медь, зеркала, украшения и другие товары на большую сумму, которую сами бии оценили в 5692 лисицы. Несомненно, чтобы добыть такое количество лисьего меха, нужно немало времени, и жалоба купцов имеет, видимо, лишь следующее основание: во-первых, их поразил непривычный способ торговли: во-вторых, раз возмещение убытков гарантировалось Г. И. Глазенапом, то купцы решили получить из сибирской

казны компенсацию за товары, не теряя в то же время надежды получить долг и с киргизских биев. К тому же они понесли немалые издержки, хотя торговля в Кашгаре прошла вполне успешно.

Сравнительная безопасность, установление между Старковым и бугинцами дружественных отношений дали толчок к снаряжению нового каравана. В сентябре 1813 г. он отправляется в путь. С ним следует с посольским заданием А. Л. Бубенов. Далее в Кашмир должен был направиться с особыми поручениями ранее упоминавшийся «кабульский житель» (теперь коммерции советник), неутомимый Мехти Рафаилов. Торговый караван сибирского купечества возглавил «ташкентский старшина» Миркурбан Ниязов, инициатор торговли по новому тракту еще в 1811 году. Начальником охранного отряда казаков был назначен тот же сотник Старков. Купцы к концу октября достигли знакомых Старкову киргизских кочевий.

Губернский секретарь и переводчик Андрей Леонтьевич Бубенов ехал со специальным заданием — установить дружественные отношения с местными жителями и склонить их к содействию российской торговле. Он имел открытое письмо от сибирского генерал-губернатора «ко всем султанам, старшинам и биям кочующих народов по сему новому тракту, коих убеждал к содействию и нечинению обид и грабительств, в особенности же прошены были о сем самые отдаленные киргисцы».

По распоряжению султана Адила Аблайханова посланцев России от территории казахов Старшего жуза до киргизов сопровождал один из его телохранителей, по имени Киммамат. Адиль Аблайханов в своем письме просил киргизов, «дабы они караван вперед и обратно препровождали и делали возможные пособия».

31 октября караван миновал перевал Санташ и по реке Тюп стал спускаться к Иссык-Кулю. Бубенов обратил внимание, что русло и берега речки каменистые. Впадает

⁶ Том IX. В. М. Плоских

она в озеро Иссык-Куль, что значит «теплое» и отстоит от гор Ала-тоо «к полудню», т. е. на юг. Озеро никогда не замерзает, принимает довольно речек, а вытекает из него одна — река Чу. Эта ошибка Бубенова, лично не бывшего на западной оконечности озера, потом еще повторится неоднократно. Даже ученые, приезжавшие в Киргизию в середине XIX в., не могли установить расположение истоков реки Чу.

Знакомый отряд казаков сотника Старкова и русского посланника с почетом встретили бии Шапак, Шералы, Ишим и др. Бубеннов зачитал собравшимся киргизам письмо сибирского губернатора и получил заверения в их намерении установить дружественные отношения. В ответном письме сообщалось, что «они (киргизы — В. П.) купечеству не только не будут делать притеснений, но будут всегда оказывать защиту, доброхотство и препровождать до желаемого пункта».

Глазенап остался доволен результатами первых встреч с иссык-кульскими киргизами. С сознанием исполненного долга он доносил в Санкт-Петербург: «...киргисцев почтеннейшие бии Шералы и Ниязбек по благоразумным внушениям, быв склонны в пользу россиян, обязались сопровождать караваны на своей ответственности и пошлины не брать». Первым конкретным шагом в этом направлении было сопровождение сыном Шералы — Аджибаем — каравана, следовавшего в Уч-Турфан («Турпан»). Оставив в кочевьях Шапака и Шералы большую часть отряда, Бубеннов и Рафаилов отправились далее. С собой они взяли только сотника Старкова, двух урядников и десять казаков. Проводником был Аджибай.

Шли на запад ровным местом, перешли Джергалан, Джеты-Огуз, что буквально значит, как объяснили Бубеннову, «семь быков». Объяснение-перевод простейшего названия не составляло, конечно, и особого труда. Но упоминание в дорожнике о нем и других названиях, встречавшихся

в пути, является отражением пытливей любознательности русских, желания хорошо ознакомиться с неизвестными местами.

Здесь много сена и обильные сенокосы; пашни, засеваемые киргизами просом и ячменем, — отмечал в своем донесении А. Л. Бубенов. По дороге они могли не раз увидеть каменные изваяния. Чокан Валиханов несколько позже сделает зарисовки и попытается объяснить тайну безмолвных стражей долин. Затем караван идет вверх по течению реки Джуука. Переход был затруднителен не только для вьючных лошадей, но и людей, страдавших от разреженности воздуха. Отсюда Бубенов с казаками возвратился в киргизские кочевья, а Мехти Рафаилов и караван направились в Восточный Туркестан. Проводник Аджибай на обратном пути из Уч-Турфана проводил до своих земель следовавший в Россию торговый караван «при ташкентце Исмаиле».

По возвращении Бубенова в кочевьях киргизов были заготовлены ответные письма к официальным лицам России и снаряжены киргизские посланцы — Качыбек Шералин и Джакыпбек Ниязбеков — просить «о покровительстве». После торжественных проводов 21 ноября тронулись в путь. Сотник Старков с двумя урядниками и двадцатью казаками остался гостить у киргизов, поджидая возвращения из Аксу каравана Миркурбана Ниязова, с которым ожидали возвращения небезызвестного в торговых кругах и на Сибирской пограничной линии Семена Мадатова, отправившегося незадолго до этого в Кашмир.

Надо заметить, что помимо путешествий Рафаила Данибегашвили и Мехти Рафаилова сохранились сведения о не менее успешных торговых вояжах другого кавказского купца С. Мадатова, проходившего через Тянь-Шань еще в 1803 году. В архивных документах он назван грузинским дворянином, хотя высказываются предположения, что Мадатов представлял армянских торговцев. Путь Мадатова

от Кульджи в Аксу и Кашгар подробно не описан. Он мог идти и по берегам Иссык-Куля, мог и миновать озеро. Известно лишь, что купец останавливался в кочевьях казахов.

Распродав по дороге товары, Мадатов берет в Тибете вексель для Кашмира и благополучно прибывает в эту обильную знаменитыми шальями страну. Купца из России, видимо, имевшего и некоторые дипломатические полномочия, благосклонно принимает «владельческий того города хан». Изъявив желание вступить с Россией в торговые сношения, хан заверил Мадатова, что будет покровительствовать российским купцам. В доказательство и в знак особого расположения он позволил Мадатову взять 20 фунтов всемирно известной шерсти, вывоз которой из страны карался смертной казнью. Купец закупил 250 тончайших шалей и благополучно направился обратно. Где-то в торговых центрах Восточного Туркестана Мадатов присоединяется к двум бывшим здесь российским торговым караванам. Один составляли пять татарских купцов — А. Юсупов, С. Курбанбакиев, М. Кулмаметшихов, Б. Аванесов и Х. Амиров, другой караван был ташкентского старшины Миркурбана Ниязова. Назад они возвращались весной 1814 г. и на побережье Иссык-Куля встретились с ожидавшими их казаками Старкова. Купцы, пострадавшие в 1812 г. от саякских биев, попытались было с помощью отряда получить долг с саякских биев. Однако те собрали более 300 человек и пригрозили, что и купцов, и весь отряд «по рукам разберут».

Расставшись с бугинцами, Мадатов и сотник Старков в мае 1814 г. возвратились в Семипалатинскую крепость. Купцы привезли товаров на миллион рублей, преимущественно в реване, чае, шалях, парче и «во многих редких азиатских произведениях».

Можно полагать, что в это же время благополучно возвратился из Кашмира и Мехти Рафаилов. После того, как кашмирскому правителю были вручены письма Глазенапа

с предложением свободных торговых взаимоотношений, он был обласкан и получил разрешение на беспошлинную торговлю. Правитель Кашмира просил передать в России, что «русскому купечеству будет оказываемо в его владениях всякое покровительство». Мехти Рафаилов по дороге собрал много сведений о странах, о происхождении, численности народов. К сожалению, сам отчет о поездке путешественника, в котором они сосредоточены, нам видеть пока не удалось, а косвенные архивные и литературные свидетельства о его странствовании довольно противоречивы: даже само путешествие почему-то отнесено к 1812 г., в то, время как документально установлена дата — 1813—1814 гг. Как сообщает И. Земляницын в «Историческом очерке Семипалатинска» (1876 г.), отчет отложился в архиве Семипалатинской таможни (дело № 1, разряды 545 и 613) и озаглавлен «Записка кабульского жителя Мехти Рафаилова, поданная сибирскому генерал-губернатору Чичерину о поездке в Китай и Кашмир».

Новый торговый тракт через Киргизию оказался очень выгодным.

А в Сибири к тому времени уже около пяти месяцев гостили посланцы с берегов Иссык-Куля — Качыбек и Джакыпбек. Бубеннов подает генерал-губернатору рапорт о результатах поездки, в котором доносит: «киргисцев бии Шапак, Шералы и протчая, желая быть навсегда престолу Российскому вернопреданными, по письму вашего превосходительства и по внушению моему прислали со мной для личного с вашим превосходительством переговору депутатов своих бия Шералы сына Качибека, бийского же сына Джакыпа при двух простых киргисцах, которые до получения от вашего превосходительства резолюции находиться имеют в крепости Семипалатной».

Встреча им была оказана, конечно, самая теплая и представительная. Качыбек и Джакып официально от имени своего народа «изъявили желание производить с ними

торговлю и готовность быть вспомоществователями к проведению через их область, которую, — как заявляли посланцы, — миновать нельзя, в китайский город Аксу, Кашгарию, Тибет, Яркенд и Кашемир». Послы из Киргизии настаивали, чтобы их отправили в С.-Петербург, чтобы принести присягу в подданстве «от себя и своего народа».

Однако начальник Сибирской линии просьбу их отклонил по причине, как он официально уведомил киргизских депутатов, отсутствия в столице императора. Но главная причина, как признался позже Глазенап в письме к министру иностранных дел К. В. Нессельроде, заключалась в том, что отправление посольства было сопряжено с большими финансовыми затратами. Конечно, немалую роль в отказе сыграло и сознание нереальности принятия в это время киргизов в подданство. Русские власти практически еще только знакомились со Средней Азией.

Но налаживание дружественных отношений с киргизами как нельзя более соответствовало и русским интересам. Генерал-губернатор лично принял киргизских депутатов. Это было, вероятно, в Тобольске, где находилось в то время Управление Сибирью. Он заверил в расположении к киргизам русского правительства и обещал всевозможное содействие и покровительство. Им показали сибирские города и крепости. Посланцы побывали на барнаульских заводах, «которые желали они из любопытства видеть». Качыбеку вручили золотую медаль на алой ленте, а Джакыпу бриллиантовый перстень. Обоих представили к воинскому чину капитана с выдачей именных сабель. Киргизские посланцы пробыли на пограничной линии около полутора лет и, довольные, летом 1815 года отправились в обратный путь.

Вслед за киргизами, буквально через два-три месяца, из Семипалатинска в Кашмир и Индию еще раз отправляется неутомимый грузинский купец-дворянин Рафаил Данибегашвили. Это было его четвертое путешествие на Востоке, впоследствии забытое. Нам удалось разыскать новые

материалы в Омском областном архиве. Правда, Сергей Марков в историко-биографической повести о Чокане Валиханове («Идущие к вершинам». Алма-Ата, 1963) высказал предположение о возможности путешествия, но конкретных доказательств не было.

Запись рассказа Р. Данибегашвили об этом путешествии представляет несомненную ценность, хотя составлена она по стандартному канцелярскому образцу каким-то сибирским таможенным чиновником — большим, видимо, формалистом. Документ скреплен собственноручной подписью путешественника, расписавшегося по-русски «Рафаил Данибегов». Это пока единственный автограф знаменитого грузина.

Обратимся к запискам. Рафаил Данибегашвили в очередное путешествие из Семипалатинской таможни отправился 11 октября 1815 г. «с позволения главного начальства», выдавшего ему заграничный «пашпорт». До киргизских кочевьев Данибегашвили сопровождал специальный отряд русских казаков. И хотя, по его рассказу, он шел в «заграничную сторону для торгу с товаром в город Кашемир», цель путешествия заключалась, видимо, не только в этом.

Дело в том, что за год до Данибегашвили, в 1814 г., «по высочайшему повелению» из Петербурга в Кашмир направлялся уже ранее выполнявший посольские задания и не раз бывавший там Мехти Рафаилов. (Он уже имел звание надворного советника). Собрав все в том же Семипалатинске торговый караван, Рафаилов с грамотой российского двора пошел по новому торговому тракту к Кашгару. До киргизских земель его сопровождал специальный отряд казаков, а караван вел ташкентский караван-баши мулла Мансур Мамасеитов. Рафаилов благополучно миновал Восточное Прииссыккулье, где, по примеру других караванов, сделал остановку. Казаки возвратились, караван пошел дальше. Миновали Уч-Турфан, Аксу,

Яркенд и Кашгар. Затем дорогой, по которой за тридцать лет до этого шел «странник поневоле» Филипп Ефремов и которая немного ранее М. Рафаилова была пройдена Семеном Мадатовым, достигли, видимо, Ладака. За три дня пути до Кашмира Рафаилов от неожиданно «приключившейся ему болезни помер». И здесь, надо полагать, вспоминают о грузинском купце.

Через год в Кашмир направляется неоднократно бывавший там Рафаил Данибегашвили. Следует иметь в виду, что он и в первые путешествия выполнял какие-то правительственные поручения. Можно предполагать и дипломатическую взаимосвязь путешествий двух бывалых людей.

Данибегашвили едет сначала к киргизскому морю — на Иссык-Куль. Рукописные дорожники сохранили упоминания некоторых пунктов этого пути. Он начинался в Семипалатинске, шел на юг, через реки Аягуз — Лепса — Каратал — Или, далее по горам Ала-Тау, через перевал Санташ в Иссык-Кульскую котловину. Здесь, по традиции, после отдыха в киргизских кочевьях Рафаил Данибегашвили распротился с сопровождавшими его казаками и с торговым караваном отбыл через Восточный Туркестан в Кашмир. В Кашмире Данибегашвили по каким-то делам задерживается на 10 месяцев. Затем, закупив товары, отправляется по городам Индии. Он побывал в Лахоре, Дели, Мируте, Канпуре, Бенаресе. Разменяв свои товары, грузинский купец возвращается в Кашмир и снова останавливается там на 9 месяцев. Со времени его предыдущего пребывания, как сообщает сам Данибегашвили, в Кашмире произошли существенные изменения. Англичане, которые имели войска и свои крепости в Северной Индии, продвинулись уже к Лахору и стали от него в 300 верстах. В январе прошлого года «индейцы того города Лахора... взяли под свое владение город Кашемир»,

В своем рассказе Данибегашвили как бы преднамеренно акцентирует внимание на продвижении и сосредоточении

англичан в Индии. Из его сообщения видно, что заморские колонизаторы направили значительные силы для расширения своих владений в этой огромной и богатейшей стране Азии.

Путешественника, который, вероятно, представлял не только торговые интересы России, занимают слухи об имевших место сношениях турецкого султана с бухарским эмиром. Он счел своим долгом немедленно сообщить, что в том же 1818 году, когда пала независимость Кашмира, турецкий султан отправляет в Бухару посланника с письмом к эмиру. Турецкий султан, взывая к памяти печально известного завоевателя средневековья Тамерлана — «Железного Хромца», пытался спровоцировать бухарского эмира на войну с Россией: «А если мало у него на сей предмет войска, то он может ему дать помощи казною сколько угодно». В войне он может, мол, использовать также киргизов и казахов, — писал турецкий султан. По словам Данибегашвили, бухарский эмир дал вполне благоразумный ответ: «Он с Россией войны иметь никак не может по той причине, что с давних лет находится с оной в спокое, а притом против оной не имеет у себя войска, а более, что Бухарин имеет с Россией всегда непрерывный торг».

Рафаил Данибегашвили показал себя не только активным сторонником России, но и приложил много сил для налаживания дружественных отношений казахов и киргизов с Россией. На обратном пути он пробыл одиннадцать дней в кочевьях по реке Или и добился полного расположения казахов. Более трех с половиной тысяч из них пожелали тут же вступить в подданство России. В присутствии мулл, с одной стороны, и Данибегашвили как представителя России — с другой, казахские старшины «по алкорану приведены в верности к присяге».

Неплохие отношения сложились у Данибегашвили с киргизами. Свою записку он заканчивает следующими словами: «Заразительной болезни на людях нигде нет, а на

рогатом скоте в китайском городе Кульдже и на семи реках (в Семиречье, как именовался Северо-Восточный Тянь-Шань. — В. П.) у киргисцев такая болезнь свирепствует жестоко, от которой довольно уже последовало и упадку. В прочих же местах и у соседственных киргисцев состоит благополучно и во время преследования никаких грабежей и притеснений от кочующих ордынцев не происходило».

Полукупец-полупосланник русских властей грузин Данибегашвили, выполнив поручение и отметившись 28 июля «при Семипалатных пограничных делах» отправился с письмами казахов о принятии ими российского подданства в столицу России — Санкт-Петербург.

Важным этапом в закреплении установившихся дружеских отношений русских с казахским и киргизским народами явилось путешествие в 1821 г. Омского военно-сиротского отделения смотрительного помощника 14-го класса Лещева по новому торговому тракту. Лещев, как и его предшественники, шел с торговым караваном в сопровождении казачьего отряда. Его записки конкретны и содержат подробные сведения о пройденном маршруте.

На территорию киргизских кочевий у перевала Санташ Лещев попадает 30 сентября. Справа остаются горы Ала-Тау, слева — Каркара. Между ними — перевал Сан-Таш. Окружающие склоны покрыты еловыми и пихтовыми лесами, годными для строительства. Зеленые луга сменились белым покровом. Перевал был уже в снегу. Лещев тщательно описывает характер местности и ее примечательности. Первое, на что он обратил внимание, ступив на киргизскую землю, — это две круглые каменные насыпи; верх одной был овальный, другой — плоский. Местные жители называли их «сан-таш», буквально — «миллион камней». Тут же путешественник счел нужным привести киргизскую легенду об этих курганах. Это — самая ранняя запись киргизской легенды, которую лишь тридцать пять

лет спустя запишут в своем дневнике Чокан Валиханов и П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Они и расскажут о легенде широкому кругу читателей. В записи Лещева она выглядит так.

Киргизы сказывают, что в давно прошедшие времена воин Темирлан, или Темир ак-сан, из Астрахани или с той стороны из другого места пришел со своим войском и овладел Ташкенией. Потом направился к Китайскому государству. Остановившись на этом перевале, он приказал каждому воину взять с берега реки по одному камню и положить в общую кучу для того, чтобы, возвратившись из Китая, взять из кургана каждому воину также по одному камню. Оставшаяся часть тех камней покажет потерю его войска. По возвращении воинами было взято из одного бугра не более четвертой доли камней, сброшенных в воду. А прочие остались на месте. Темирлан, видя такую чувствительную потерю войска, ушел в Ташкению. Он устроил там мечеть, восстановил магометанскую веру — того времени ташкентцы были идолопоклонники. Он владел Ташкениею долгое время...

Сейчас известно несколько вариантов этой легенды, большинство из них связывается с именем Тамерлана (Тимур-Ленга — известного эмира узбеков конца XIV — начала XV вв.). Религиозный налет в легенде, переданной Лещевым, надо полагать, объясняется тем, что ее мог рассказать малограмотный киргизский мулла или киргиз, пожелавший блеснуть своими познаниями перед русским. Однако в легенде есть и одно, на наш взгляд, рациональное зерно — представление о непродолжительности влияния ислама среди киргизов; поскольку даже ташкентцы, откуда в основном и шли распространители ислама в Киргизию, до Тимура, т. е. пять-семь поколений назад, были «идолопоклонники» (согласно киргизской легенде).

Кочевья киргизов, начавшиеся с Санташа, как замечает Лещев, тянутся до Кашгара, с одной стороны, и Коканда —

с другой. Горный хребет, белевший своими вершинами слева, киргизы называли Мыс-Тау, т. е. «Ледяным». Впереди простирались обильные сочные пастбища. Изголодавшиеся лошади жадно тянулись к траве. Вдали виднелся край изумрудной чаши — глазам путников представился серебристый Иссык-Куль. Приближалась пора привала. Люди и скот нуждались в отдыхе.

За рекой Тюп произошла торжественная встреча с киргизами. К каравану выехали бий Есенаман с двумя племянниками — Олджобаем и Качыбеком. Качыбек, бывший в Омске в 1814 г., пожалованный русским правительством чином титулярного советника (вероятно, имеется в виду воинский чин капитана), вышел с дарственной саблей и при медали. Их сопровождало еще четверо «почетных» киргизов. Хозяева просили русских быть гостями их айлов. Поблизости на р. Джергалан разбили бивуак. Киргизы поставили казакам три юрты и устроили угощение. Лещев попробовал киргизского хлебного вина — бузы и кумыса. Хозяева любезно согласились проводить караван до самого Уч-Турфана.

В киргизских кочевьях отдыхали четыре дня. Обессиленных лошадей сменили на низкорослых киргизских крепышей, привыкших к горным переходам. Купцы развязали свои тюки. Меняли товары на скот, запаслись баранами: предстоял длинный и трудный путь.

Любопытна деталь, выясненная в ходе путешествия и переданная Лещевым историку Сибири П. А. Словцову. В архивной записке Лещева, которую мы здесь использовали, ее нет. Лещев передавал, что в кочевьях киргизов нашли себе приют беглые из ташкентцев, татар и даже русских, что муллы у них из беглых татар. Язык у киргизов турецко-татарский, и они «свято исполняют» приказы биев.

Свидетельства современника всегда интересны для потомков. В данном случае они интересны вдвойне. При общей скудности сообщений о киргизах начала XIX в. они

говорят о более детальных познаниях русских о почти еще неведомом Европе народе.

7 октября отряд и караван свернули лагерь и в сопровождении трех киргизских биев и их 30 джигитов пошли вдоль берега озера на некотором от него расстоянии. Справа был Иссык-Куль. Слева величаво вставали на всем пути горы Мыс-Тау. Перешли стремительные горные речки Аксу, Каракол, Джетыюгуз. По дороге встречались многочисленные запашки. Киргизы культивировали пшеницу, просо, ячмень, горох. При проходе к речке Кызыл-Су увидели водяную мельницу. Она напоминала родные русские мутовки, так распространенные в центральных районах России.

Горы постепенно стали лысеть. Стройные ели и пихты уступили место голым каменистым скалам. Исчезли луга, обеднел даже подножный корм. Подъем вверх по реке Кызыл-Су, берущей начало где-то в отрогах Мыс-Тау, казался трудным. Небольшая речка то и дело с грохотом прорывалась сквозь узкое ущелье. Крутые подъемы и спуски, камнепады, обледенелые слои снега. Верблюды и лошади тяжело поднимались, с трудом выбирая дорогу. Воздух в ущелье стал очень разреженным, вызывал головокружение и полубморочное состояние.

Киргизы на своих низкорослых лошадях с завидной ловкостью пробирались между верблюдами, отяжеленными вьюками. По словам проводников-киргизов, горы Мыс-Тау должны были простираться еще на два дня ходу. Затем их сменяли высокие горы Бедель-Дуван, через которые караван будет идти до самого Уч-Турфана. Всего от крепости Семипалатинской было пройдено уже 1537 верст 170 сажен, из них снято на план 1303 версты. Лещев с отрядом казаков решил повернуть назад, караван купцов — продолжать путь.

Заметная активизация внешней политики России на Востоке после победоносного завершения Отечественной войны 1812 г. привела в начале XIX в. к установлению

контактов с правительством Кашмира и расширению русско-индийской торговли и торговли с Восточным Туркестаном. В страны Азии направлялись торговые караваны калужских купцов 1-й гильдии А. и И. Свешниковых, комиссионера Тобольской 1-й гильдии купца В. А. Пиленкова, тобольских купцов Большаковых, семипалатинского купца Степана Попова и др.

Важным звеном в цепи экономических и политических контактов России с Востоком являлась Киргизия, по территории которой проходил новый тракт. Установление в связи с этим дружественных отношений с киргизами было необходимо политическим деятелям и купцам России. Глазенап в начале 1814 г. доносил, в Петербург: «...от восстановления сношений и утверждения дружбы с ними... киргисцами торговля на Сибирской линии придет в цветущее состояние, почерпая богатство из источников Индии, Кашмира и других в смежности лежащих областей». осточную политику, проводимую сибирскими властями, полностью поддерживал и Департамент внешней торговли, отмечавший, что как торговле с Кокандом, «так и сопредельными до самой Индии (областями) способствовать бы могли... киргисцы, по обещанию их препровождать караваны наши до Кашмира». И, как мы видели, в налаживании связей и установлении дружественных отношений с киргизами в этот период принимали активное участие грузинский путешественник и армянский купец, надворный советник и казачьий сотник, губернский чиновник и казахский толмач, узбекское, татарское и русское купечество. Инициатива исходила как со стороны русских официальных властей, так и представителей киргизского народа.

ГЛАЗАМИ ГАРНИЗОННОГО ЛЕКАРЯ

Дорога от реки Талды-Су свернула вправо, и перед путниками открылась широкая долина. Истосковавшие по родным краям депутаты, около года находившиеся в России, заторопились и вскоре вырвались далеко вперед. Ф. К. Зибберштейн, прекрасно понимая нетерпение киргизских посланцев, поторопил отряд. Живее пошли кони, взбодрились казаки, предвидя продолжительный отдых в гостеприимных кочевьях.

Из-за сопки показалась группа всадников. С криками восторга кинулись к ним депутаты. Начались объятья, расспросы. Отряд остановился на короткий привал. Гарнизонный лекарь, как называли все Фаддея Карловича Зибберштейна, достал свою неизменную тетрадь и записал первые впечатления. Удивительным для него показался неподдельный восторг и депутатов, и встречавших их соотечественников. «Судя о той скорости, с какою появились последние из них для встречи, и о том восторге, какой был при свидании, к чести сего народа должно сказать, — писал Зибберштейн, — что чувства их нисколько не дики, добрых порывов приверженности к своим родовичам, то же самое оказали наши депутаты, они, горя нетерпением увидеть родителей и ближних своих родственников, прерывали друг друга в объяснениях, коими каждый из них хотел доказать близость своих аулов».

Три бугинских бия: Акымбек Олджобаев, Алгазы Шералин и Алымбек Джапалаков с четырьмя своими «старшинами» Мамбетом Умбетовым, Шербаком Исяновым, Токтогулом Асанбаевым и Бекбаем Айтназаровым представляли в России интересы 50 тысяч своих соплеменников.

В Семипалатинске их «надлежащим порядком» встречал начальник округа, усатый урядник переводил их беседу. В его же сопровождении киргизские депутаты в последний день 1824 года выехали в Омск. Генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич в это время отсутствовал, поэтому депутатов принял знаток жизни и быта казахов, сторонник установления добрососедских отношений со среднеазиатскими кочевниками, исполнявший обязанности начальника области Семен Богданович Броневский. Высокообразованный офицер, три десятилетия прослуживший в Сибири и написавший впоследствии «Записки... о киргиз-кайсаках Средней Орды», прекрасно понимал, какие выгоды для русской торговли и влияния России в Средней Азии принесет установление прочных дружественных отношений с киргизами. Броневскому были вручены написанные на берегах Иссык-Куля письма от киргизских родов арык-тукум, белек и джелден, в которых они просили принять их под покровительство России. Вот перевод одного из писем киргизов рода джелден, переданного с Алымбеком Джапалаковым С. Б. Броневскому.

«...Свидетельствуем наше почтение. В прошедших годах по приглашению торговцев мы не могли послать к вам от себя депутатов, потому что не имели с вами никакого сношения (имеется в виду лишь этот род. — В. П.). Назад же тому три года посланное от вас через следовавшего в Кашкарию с караваном купца Файзуллу Сейфуллина письмо мы получили, но того года отправить к вам депутатов время не было. Сего же года по приглашению прибывших к нам султана Галия Адылева, теленгута Уйсунбая Шукурова и того же Файзуллы Сейфуллина, а равно и Петра Андреевича (Пиленкова. — В. П.), препроводили мы от себя депутатов, уверены, что вы не оставите препроводить их к Высочайшему двору... Наша покорнейшая просьба состоит в том: желание наше есть препроводить караваны ваши в Кашкарию и Аксу, но как есть в Орде

нашей шалуны-киргизы, с коими управиться нам нет возможности, то к усмирению их не оставит употребить вашу власть, которых могли бы мы здесь выказать; за своих же подведомственных мы ручаемся, других же родов киргизы нас не слушают, потому что у нас султанов нет. Мы же, известясь, что подданные Государя Императора киргизы (казахи. — В. П.) пользуясь покровительством живут спокойно, а потому и мы изъявляем свое желание быть подданными Государю, для чего и посылаем мы от себя сына бия Джапалака Алымбека с товарищем при нем Айтназаром. В уверение чего по общему согласию всех бия Джапалака Кутлина печать приложили».

Броневский хорошо знал казахский язык и почти свободно, без переводчика, беседовал с киргизскими биями, которые рассказали ему, что положение в крае было очень беспокойно. Племенные усобицы затрудняли и без того нелегкую жизнь кочевника. Поэтому киргизов привлекала мирная обстановка в казахских аилах, состоявших в подданстве России. Надвигалась гроза и со стороны кокандцев: в центре Ферганы усиливалось Кокандское ханство узбеков. За счет соседей оно расширилось от предгорий Памира и Алая до Семиречья. Кокандцы делали набеги на чуйских киргизов и казахов Старшего жуза. Депутаты поведали и о кетмень-тюбинской трагедии. Еще в 1821 г. Омар-хан направил в плодородную долину Кетмень-Тюбе большое войско под предводительством коварного Сеиткул-бека, который, использовав междоусобицы киргизских феодалов, натравил род кутлук-сейт на другой — сарыбагыш. Сам же ночью неожиданно напал на киргизскую крепость и подверг все живое истреблению, а жилища — разграблению. Лишь разрозненные отряды сарыбагышей сумели бежать в горы. Часть из них, видимо, окончательно откочевала к своим северным сородичам. После этого, рассказывали депутаты, все чаще кокандские отряды делали набеги на Семиречье. Послы, присланные ханом

⁷ Том IX. В. М. Плоских

для привлечения на свою сторону исык-кульских киргизов, высматривают дорогу в кочевья и киргизский скот считают своим.

После беседы с Броневским киргизы составили «докладную записку» с аналогичным текстом на русском и киргизском языках и скрепили ее печатями биев и старшин. Итог переговоров киргизов в ней выражался ясно и недвусмысленно: «Всех желание состоит быть под покровительством России. Обязываются препровождать проходящие как из России в Кашгарию, а равно и отголь купеческие караваны, прикрывая оные от неблагонамеренных хищников».

В Петербург послов не направили. Но прибывший П. М. Капцевич от имени правительства заверил депутатов в дружеском расположении России к киргизам. Лично от себя он преподнес каждому по перстню. Всем сшили платья, одарили сукном, парчой, плисом, ситцем, бархатом. Генерал-губернатор Западной Сибири начал ходатайство о правительственных наградах: трех биев он представил к золотой медали на Александровской ленте, а одного — наиболее почетного и уважаемого в горах бия, отца депутата Джапалакова — к золотой медали на Андреевской ленте и золотой именной сабле с надписью «по-русски и по-татарски». Депутаты остались довольны, но им более всего импонировало, что возвращаться они будут с почетным эскортом казаков и русским ответным посланником, врачом Омского гарнизонного полка двадцативосьмилетним Зибберштейном.

Поляк по происхождению, он в 1821 г. по окончании курса «врачебных наук» в Виленском университете, был призван на воинскую службу и проявил себя способным и умным чиновником. После участия в открытии Каркаралинского внешнего округа он составил толковую «Записку» о казаках Среднего жуза, которая в оригинале на польском языке до сих пор хранится в архивных делах Главного

управления Западной Сибири и, насколько нам известно, пока не использована в исторической литературе о казахах.

Зибберштейн относился к разряду тех немногочисленных образованных и мыслящих людей, живущих на окраинах царской России, которые способствовали сближению с местными кочевыми народами. Позже сам П. М. Капцевич в рапорте Министерству иностранных дел отмечал, что Зибберштейн, «имея ум оборотливый, любопытный..., очень полезен в здешнем недостаточном образованными чиновниками краю своими учеными наблюдениями нравов азиатцев и описаниями всех предметов, необходимых для положительных понятий о пространной степи и образе действия на ее разнородных обитателей». На Зибберштейна была возложена задача ведения подробного путевого дневника, сбор сведений о кочевьях и правителях киргизов.

И вот он — в киргизских кочевьях. Понимая желание депутатов попасть в первую очередь в свой аил и именно у себя первым встретить русских гостей, Зибберштейн после совета с хорунжим Нюхаловым, возглавлявшим казаков, решил разделить отряд на две части. Нюхалов с одной из них отправился в аилы бия Шералы, старого русского знакомого. Зибберштейн с другой частью — в аилы бия Олджобая. Под музыку и народные песни, в окружении всадников, отряды с депутатами разъехались по киргизским аилам.

Аилы бия Олджобая располагались по течению р. Джергалана. Здесь гостей ждала новая приятная встреча. Олджобай в сопровождении почетных киргизов выехал навстречу Зибберштейну, на глазах у которого произошло свидание отца с депутатом. Олджобай устроил той для всего отряда. После трудного пути приятно было вкушать свежей баранины, выпить терпкого кумыса и выгнанного из него вина. «Доброе и вместе чувствительное его сердце, быв растрогано словами сына, с душевною простотою

изъявившего пребывание его в России, запечатлело на глазах его благодарные слезы, и он несколько раз безмолвно обращался то к нам, то к своему народу, который, имея к нему глубокую покорность, не из лести, но из чистосердечия и почитания разделял с ним свою радость», — написал вечером после обильного угощения Зибберштейн. Такой же теплый прием был оказан и отряду Нюхалова, расположившемуся с казаками в аилах дяди депутата — бия Худайменды, находившихся в пяти верстах от аилов бия Олджобая.

Отдав должное киргизскому гостеприимству, отряды соединились и в четвертом часу пополудни 1 августа двинулись для сопровождения последнего депутата в его кочевья. Дорога поворачивала вправо к озеру Иссык-Куль. Вокруг расстилались поля, засеянные зерновыми культурами и «другими потребностями». По живописной дороге незаметно достигли реки Каракол, у которой кочевали аилы белеков, управляемые старшим братом депутата Алымбека — Алгазою Джапалаковым. Здесь оказалось, что взаимоотношения между братьями были не просто плохими, а совершенно неприязненными. В той сложной обстановке они придерживались, может быть, даже разной внешнеполитической ориентации: один, опасаясь, не видел иного выхода, как признать притязания кокандского хана, другой определенно искал помощи России. Не исключено поэтому, что Алымбек сознательно последним повел к себе отряд. Он мог использовать или использовал время и влияние двух упомянутых выше биев для урегулирования отношений с братом. Алгазы удивил Зибберштейна враждебностью, нанес обиды «глупыми своими выражениями» и даже вздумал было грозить явным нападением. Племенные и внутриродовые усобицы киргизов были обычным явлением, но здесь, возможно, проявилась и иная внешнеполитическая ориентация Алгазы. Отряд, не вступая в пререкания, поднялся вверх по реке. Каракол. Нюхалов

разбил там лагерь, чтобы восстановить на хороших пастбищах силы изнуренных лошадей. Отсюда Зибберштейн в сопровождении сотенных атаманов Пантелеева, Загравского и Волкова с двадцатью казаками отправился с депутатом Алымбеком в аилы его отца бия Джапалака.

С Каракола следовало пройти до реки Джууки. Миновали речки Ирдык, Джетьюгуз. Пространства эти принадлежали наследникам умершего бия Шералы и их сородичам. За Джетьюгузом начиналась Джелденская волость — владения бия Джапалака. Шли по сочным лугам между пашнями. Справа оставалась бирюзовая чаша озера Иссык-Куля в оправе гор, менявшая свои краски при малейшем дуновении ветерка. Слева темнела гряда могучих хребтов, убеленных вечными снегами. Из-за них поднялось солнце, многоцветно озарив окрестности. В его ярких лучах засверкало озеро; остроконечные тени тьяншаньских елей контрастировали с изумрудной зеленью пастбищ: сиреневые склоны песчаника прорезывались синими пиками скал. И надо всем этим ослепительно сияли вечные ледники, спускавшиеся языками в мрачные ущелья.

На Джетьюгузе ждал отряд брат депутата бий Нурузбай. Он оказал «знаки хорошей дружбы», и кавалькада вскоре достигла главного аила. Бий Джапалак торжественно встретил сына и русских посланцев, которые были приняты «с хорошим уважением и дружбою». Семидесятилетний старец Джапалак произвел выгодное впечатление на Зибберштейна. Он оказался справедлив и тверд, за что пользовался всеобщим уважением. Перед собравшимся со всех окрестностей народом Джапалак рассказал о русских и России, призывая перейти под ее покровительство. «Он с таким духом говорил собравшемуся к нему народу, что бии и все почтенные киргизы из благодарности своей к России приняли нашу сторону», — записал Зибберштейн. Со стороны родоплеменной группы Джапалака это был не просто символический жест гостеприимства. Перед киргизами

стояла насущная проблема: уступить притязаниям узбекского хана и оказаться в подданстве Коканда или искать покровительства России. Дело в том, что именно в это время в киргизских кочевьях ждало ответа «посольство от ханского владетеля». Кокандский хан Мадали (Сеид Мухаммед Алым-хан), вступив на престол в 1822 г., продолжал экспансивную политику своего предшественника Омар-хана и активизировал завоевательные походы в Казахстан и Киргизию. В отдаленные киргизские кочевья, куда не могли пойти войска, он отправил своих послов склонять к подданству отдельных биев. Следуя политике «разделяй и властвуй», кокандцы провоцировали бугинских киргизов и казахов совместными усилиями истребить сарыбагышей. Но киргизы ждали возвращения из России своих посланцев и больше склонялись в пользу России. Они предложили устроить общую встречу предводителей киргизских родов с русским посольством и разослали гонцов для сбора народа.

Зибберштейн, воспользовавшись временем, решил осмотреть окрестности Иссык-Куля. Бий Джапалак выделил проводников, дал 18 лошадей. Зибберштейну объяснили, что озеро Иссык-Куль (буквально «Теплое озеро») названо так потому, что не замерзает зимой. Оно принимает воды 11 речек и многочисленных ключей, а из него вытекает только одна река — Чу. Здесь Зибберштейн, сам не видевший истоков Чу, впадает, видимо, по традиции в известное заблуждение, вследствие которого река Чу на всех русских картах до середины XIX в. оказывается истекающей из озера Иссык-Куль.

Русскому посланнику, уже знакомому с устройством казахского общества, была интересна сходная ему родоплеменная структура киргизов. Он подробно передает описание нравов подразделений бугинцев — белек, джелден, арык и кыдык, характеризует киргизских родоправителей. Ему понравились «хорошие и обстоятельные... суждения

о делах и совершенно доброе понятие о России» правителя арыков бия Олджобая.

От одного из киргизов Зибберштейн узнал легенду о Санташе, которая несколько отличалась от изложенной Лещевым. Зибберштейн, «следуя киргизскому баснословию», записал, что «Санташ» в переводе значит миллион камней и историю ведет не от Тамерлана, а от Чингис-хана. Чингис-хан, отправляясь на завоевание Китая, решил на привале пересчитать свое войско. А поскольку магометанский закон запрещает счет людей, то он приказал каждому всаднику взять камень и бросить его в общую кучу. Так образовался холм в целый миллион камней.

Как видим, это — более упрощенная легенда. Она не объясняет наличие на перевале двух курганов камней. (Легенда о Тимуре как более приемлемая в этом отношении сохранилась до наших дней). Здесь тоже имеется более поздний налет мусульманского влияния, хотя сами киргизы, как известно, не отличались особым пристрастием к мусульманству. К тому же и Чингис-хан (чего едва ли не знали в среде киргизов) не мог следовать мусульманским запретам. Тем не менее интересен и этот второй вариант легенды, донесший через устные рассказы — санжыру — факт семивековой давности, относящийся к завоеванию Чингис-ханом Китая.

После обозрения окрестностей Иссык-Куля Зибберштейн с отрядом и в сопровождении киргизов бия Джапалака отправился на собрание киргизских старейшин, на котором обсуждался один вопрос: к кому присоединиться — к русским или кокандцам. Дружба с Россией давала гарантию спокойной жизни, искоренение, наконец, барымты. Но, с другой стороны, кокандцы, настойчиво внушали муллы, интересы которых были тесно связаны с Кокандом, — единоверцы, не пристало мусульманам идти под власть кяфи́ров.

Письма сибирских властей, и особенно эффектный рассказ хорунжего Нюхалова о силе России и той помощи,

которую она могла при случае оказать киргизам, произвели должное впечатление на дальновидных киргизских биев. Первыми за союз с Россией выступили влиятельные бии Олджобай и Джапалак. Они «отторгнули всякую мысль о Кохании (Коканде — В. П.) и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы, увлекли за собой и всех прочих родоначальников, которые во исполнении требований наших, — писал Зибберштейн, — дали подписки и благодарные письма к г. генерал-губернатору Западной Сибири». Значительная часть северных киргизов решила принять Российское подданство. Исходя из этого, киргизские бии оформили официальные письма к русскому правительству.

Здесь мы несколько отступим от хода событий и выскажем несколько замечаний о письменности киргизов, наличие которой отрицалось многими исследователями.

О киргизских письмах конца XVIII — начала XIX в. имеются вполне определенные сведения и документы. Они упоминались в предшествующих главах. Киргизы вели в то время сравнительно широкую (по своему времени) переписку с русской администрацией Сибири. Начало ей было положено первым киргизским посольством в С.-Петербург. По возвращении из России Абдурахман Кучаков, задержавшись в Омске, письменно уведомлял отправлявшего его сарыбагышского бия Атаке, что «съездил благополучно» и доносил о результатах поездки. Это было в 1789 году. В 1813 году командующий Сибирскими линиями генерал Глазенап направляет киргизским биям письма, призывая к дружбе и сотрудничеству в торговле. Об этом же через русского посланника Бубенова просят и казахские султаны Старшего жуза, в частности Адиль Аблайханов. Переписка не была односторонней. Глазенапу писали киргизские бии Шапак, Шералы и другие.

Интенсивная переписка велась на протяжении 20-х годов на общепринятом среднеазиатском, так называемом

чагатайском языке. Лингвистический анализ писем показывает, что авторами (по крайней мере, части из них.) были киргизы, о чем говорят чисто киргизские слова и обороты. В архивах Ташкента, Алма-Аты, Омска нами подобрана коллекция более чем из ста документов, исходящих от киргизов и направлявшихся киргизами. Все они относятся к XIX веку, написаны традиционным чагатайским языком с арабской графикой и даже на диалектах киргизского языка.

Многих смущает упоминание русских ученых и путешественников прошлого столетия о полном отсутствии письменности у киргизов и поголовной безграмотности населения. В частности, это отмечал и авторитетный исследователь Чокан Валиханов, побывавший в середине XIX в. у киргизов. Киргизское общество в целом показалось высокообразованному человеку яркой противоположностью знакомой ему жизни сибирских городов. Вероятно, на этом основывается его заключение о неграмотности и отсутствия письменности у киргизов. Тем не менее, она существовала, о чем свидетельствовал Зибберштейн. Сохранились киргизские письменные документы и даже литературные произведения середины и второй половины XIX в. Так, в 1847 г. генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков в донесении вице-канцлеру Нессельроде упоминал о получении им нескольких «писем от родовичей дикокаменных киргизов», которые выражали признательность за награды и информировали пограничные русские власти о взаимоотношениях с кокандцами и кашгарцами. Аналогичные письма с просьбами о покровительстве, защите и оставлении воинских отрядов в кочевьях неоднократно направляли сибирским властям киргизские манапы Каджибек, Аджибай, Абдулгазы, Атантай. Переписка установилась не только между официальными русскими властями и киргизскими биями, манапами, но и между отдельными киргизским племенами. В архивах отложились письма

верховного сарыбагышского манапа Умбет-Алы к не менее известному манапу Джантаю, письма Рыскулбека, от Боромбая, прошения «алайской царицы» Курбанджан-датхи и др. В последние годы обнаружены санаты и героические песни Молдо Нияза (20-е годы XIX в. — 1896 г.), выходца из Южной Киргизии, писавшего на киргизском языке «с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта» (по определению проф. Б. М. Юнусалиева). На киргизском языке были составлены постановления съездов народных судей, записаны нормы обычного права. Сохранились в архивах и другие документы. Все они ждут исследователей.

Наше отступление вызвано желанием обратить внимание лингвистов, историков киргизской письменности и всех, интересующихся прошлым киргизского народа, на письменные документы, которые, являясь неопределимыми историческими и лингвистическими источниками, вносят поправку в бытующее мнение о времени распространения арабской графики в Киргизии (что, оказывается, совершенно не связано с кокандской колонизацией и относится по крайней мере к концу XVIII — началу XIX в.). Киргизская история не настолько богата письменными источниками, чтобы обойти вниманием вновь выявленные документы, которые исходили от представителей самого народа.

Но вернемся к ранее упомянутым официальным письмам киргизских биев в Россию. 4 августа 1825 г. Алгазы и его братья — наследники киргизского бия Шералы — составляют два письма. На следующий день пишут письма Олджобай с сыном и Джапалак с сыном, адресуя их Омскому областному начальнику Броневскому и генерал-губернатору Западной Сибири Капцевичу. Олджобай Тулебердиев писал Капцевичу: «...Сын мой депутат Акымбек, при нем с Мамбетом, с полученными... одеждами и прочими подарками, в сопровождении командированных по повелению вашему под командою хорунжего Нюхалова 50 человек

военных людей и с лекарем Зибберштейном, ко мне прибыл. В присутствии которых чиновников в собрании народов и почетных биев, прочитав письмо ваше, видеv подарки и служивых людей, были весьма довольны. За сие благополучное доставление теми чиновниками наших детей до места я покорнейше прошу не оставлять их вашим милостивым покровительством...» (Здесь дано в переводе коллежского регистратора Сейфуллина).

Аналогичные письма с той же просьбой не забыть отметить заслуги русских посланцев были переданы через Нюхалова и Джапалаком с сыновьями.

Более пространно и с некоторой обидой писал Качыбек Шералин. Его брата почему-то не выделили среди прочих киргизских депутатов, хотя сам Качыбек еще ранее, в 1814 г., был отмечен правительственными наградами. В его выдержанном в доброжелательном тоне письме проявлялось обычное соперничество, имевшее место, конечно, и среди дружественных киргизских родоправителей.

«От бия закаменных киргизов Качыбека Шералина. Великой Российской империи генералу Петру Михайловичу Капцевичу.

Свидетельствуя вам мое почтение, уведомляю вас, что при предместнике вашем генерале я ездил к нему и получил саблю, медаль и чин капитана, а вы брата моего Алгазу в наградах изволили сравнять с прочими двумя бийскими детьми, но мы думали, что он будет их преимущественнее, потому что мы прежде всех открыли дорогу, что самое нынешний раз для нас не очень приятно. На будущее же время простираем до вас большую надежду. Означенный брат мой Алгазы, вышед из Семипалатинска с начальником отряда (имеется в виду подполковник Ф. К. Шубин, дошедший с отрядом лишь до казахских кочевьев — В. П.) дошел до урочища Каратал, и от сего хорунжий Нюхалов при почести доставил его до нашего кочевья благополучно. Он же, Алгазы, бывший у вас,

подавал вам о просьбах своих бумагу, каковые же и с моей стороны покорнейше прошу удовлетворить, чем премного меня обяжете. По письму вашему относительно караванов, проходящих мимо нас, я дал о том хорунжему Нюхалову письмо, которому прошу вас верить, при сем я считаюсь довольным лекарю Зибберштейну.

В прочем остаюсь вашим покорнейшим слугою и прилагаю печать. Качыбек Шералин». Далее следовала приписка: «И я Абдулгаза Шералин прилагаю же свою печать свидетельствуя вашему высокопревосходительству мое почтение». (Перевел коллежский регистратор Сейфуллин).

Зибберштейн обратил внимание на то, что почти все встреченные самые «почетные» киргизские бии имели свои печати, которые к тому же были двуязычные. Рядом с витиеватой арабской резьбой шло вырезанное русскими буквами имя владельца. Число, месяц и год киргизские бии ставили не по мусульманскому календарю (хиджре), а по принятому в России — юлианскому.

Вопрос о появлении, изготовлении и, главное, употреблении этих двуязычных печатей представляет серьезный научный интерес. Любопытно также отметить, что ни Зибберштейн, ни сами киргизы не называют титула «манап». Даже те, которые позже стали широко известны именно как манапы (например, Качыбек Шералин), везде именуются биями и в письмах подписываются как бии. Термин «манап» вошел в широкое употребление, видимо, несколько позже.

Получив киргизские письма, Зибберштейн счел свою миссию исчерпанной. Пора было собираться домой. Перед отъездом он расспросил о торговых путях в Турфан (Уч-Турфан) и Кокандское ханство, о пути от киргизов в Кульджу. Затем с двадцатью казаками направился через Санташ в Старший жуз казахов. Нюхалов с частью отряда пошел левее через Кунгей-Алатоо, в горы Тобулгаты.

Соединившись в казахских кочевьях, отряд благополучно достиг сибирских городов.

Посольство Зибберштейна и экспедиция Нюхалова явились самыми результативными в развитии киргизско-русских экономических и политических связей в первой четверти XIX в. Налицо были выгоды как для России в ее торговле со Средней Азией и другими странами Востока, так и для киргизов. Для них это был единственный путь к прекращению разорительных межродовых и феодальных усабиц, гарантия от надвигавшейся опасности со стороны кокандских ханов.

Свои «Путевые замечания» Зибберштейн в соответствии с инструкциями Капцевича заканчивает соображениями о выгодах торговли, которые будет иметь Россия от принятия в подданство киргизов. В приложении он приводит маршрутный указатель пунктов и расстояние между ними по тракту к киргизам.

По данным Зибберштейна, в Киргизии скрещивались пути из России, Кокандского ханства и Казахстана, которые вели потом в Восточный Туркестан и далее в Индию. Представленный указатель очень подробен. Он дает представление об основных вариантах маршрута. Так, левая ветвь пути вела в г. Турфан (Уч-Турфан), а правая — прямо в Кашгар. Им перечислены родоплеменные группы: по турфанской дороге кочуют бугинские киргизы отделений калмак, шопак, абдаш, черик, чонбагыш. За семь дней караван с баранами достигал Турфана; верховые же преодолевали этот путь за двое и даже одни сутки. Кашгарская дорога отнимала у каравана 12 дней, верховой путь можно было одолеть на четвертый день.

По возвращении из экспедиции Зибберштейн подает на имя генерал-губернатора Западной Сибири докладную записку с предложениями по упрочению и развитию российской торговли в Туркестане и взаимоотношений с местными

народами. Она повлияла на отношения сибирских властей к киргизам, но назревшая новая ситуация не позволила использовать все его рекомендации.

Считая путь, которым прошло посольство, самым удобным караванным трактом для торговли с восточными странами, Зибберштейн обращается к властям с призывом «не позволять торговцам открывать новых караванных дорог», не уклоняться в сторону. Неизведанные места опасны: могут быть нападения непокорных и разбойных родов. Нередко наказывает безрассудных смельчаков и сама природа, «ибо часто случается проходить через такие места, где нет никакого корму». Иные купцы распускали слух о грабежах и трудностях пути. Зибберштейн, избобличая их, говорит, что на себе испытал всевозможные предостережения, пока находился в Семипалатинске и готовился к экспедиции в горы к киргизам. «Но во время следования по оным через горы Алатавские... я совсем не нашел тех трудностей в переходах, какие мне были описаны, а из сего ясно доказывается несправедливость рассеиваемых слухов». Ясно, что купцы, торговавшие с киргизами и лежащими за ними городами, не хотели терять явной торговой монополии и где угрозами, где хитростями предостерегали своих возможных конкурентов.

Одно из основных преимуществ Зибберштейн видел в доброжелательстве киргизов. Купцы имели бы возможность повсеместно и с большой выгодой выменивать товары на баранов, «ибо почти на всяком шагу будут встречать киргизские волости», тем более, что основная цель русских купцов в том и заключалась, «чтобы весь товар как можно скорее обратить в баранов посредством мены с киргизами».

Да, Зибберштейн ездил не зря. По мнению, высказанному в письме западносибирского генерал-губернатора Министерству иностранных дел, экспедиция свою задачу полностью выполнила. С киргизами были установлены прочные дружественные связи, обговорены условия торговли, состав-

лены маршрутники и дано описание кочевавших по тракту народов. Отряд собрал материалы, которые легли в основу карты путей к киргизским кочевьям, составленной при квартирмейстерской части Сибирского корпуса. К нашему большому сожалению, она затерялась среди многочисленных бумаг в Министерстве иностранных дел.

Не остался без внимания и намек киргизов на поощрения членов посольства. Капцевич вошел с ходатайством в правительство о награждении участников похода. Зибберштейн получил орден св. Владимира IV степени с золотой медалью на Александровской ленте. Нюхалов – орден св. Анны III степени. Не были обойдены также рядовые участники экспедиции.

Сибирские власти послали ответные письма киргизам. Капцевич в ответ на обидчивое письмо братьев Шералиных любезно уверял Качыбека: «...Я, отмечая брата вашего от прочих, непременно почту его лучшими подарками и тем отмечу от других бийских детей». Это писалось от имени «всепресветлейшего, державнейшего, великого государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского и прочая, прочая».

Письмо датировалось ноябрем 1825 года. Шел последний месяц царствования Александра I. Надвигались декабрьские дни знаменитого двадцать пятого года. Вооруженное восстание на Сенатской площади в определенной степени повлияло на деятельность сибирской администрации. Скоропостижная смерть Александра и восхождение по трупам на трон Николая I внесли растерянность в сибирские круги.

Вскоре сюда приехали первые ссыльные. Все это отодвинуло на задний план местные дела. Переписка с киргизами возобновилась лишь спустя более чем два месяца после отправления письма Качыбеку Шералину. Генерал-губернатор Капцевич только 12 января 1826 г. уже от имени нового царя отправил послания Олджобаю Тюлебердиеву, Акымбеку Олджобаеву и Джапалаку Коттожину (Кутлину),

которыми заверял киргизских биев в покровительстве российского правительства и поощрял желание их «к достижению благоденствия в народе киргизском законами твердыми восстановить... мир и спокойствие».

Пока в столице России шли внутренние неурядицы, сопровождавшиеся перетрубациями в правительстве, обстановка в Северной Киргизии резко изменилась к худшему. Кокандские отряды общей численностью в 4 тыс. человек заняли Чуйскую долину, возвели здесь ряд крепостей и установили контроль над торговлей семиреченских купцов. Часть сарыбагышей, возглавляемая потомками бия Атаке, избегая столкновений, откочевала к бугинцам в Восточное Прииссыккулье. Их приняли киргизские бии, которые вслед за Атаке установили контакты с сибирскими властями.

Купец Файзулла Сейфуллин, брат переводчика и коллежского регистратора, возвратившийся в конце 1825 г. из восточного Туркестана, доносил, по слухам, что кокандцы получили новое подкрепление и стали занимать прямую дорогу на Кашгар. Иссык-Кульские киргизы потеряли самостоятельность. Их наладившиеся были связи с Россией почти заглохли на два десятилетия.

НЕЗРИМАЯ ДУЭЛЬ

На рассвете 8 мая 1839 года в одном из номеров петербургской гостиницы, на которой красовалась вывеска «Отель де-Пари», раздался глухой выстрел. Коридорный, собиравшийся в 9 утра разбудить постояльца, нашел дверь закрытой. Полиция и понятые обнаружили в комнате уже остывшее тело, на полу валялся именной пистолет, на столе была оставлена записка с собственноручной подписью убитого. Это было краткое завещание о распределении по долгам двухгодичного жалованья с припиской: «Все бумаги, касающиеся моего последнего путешествия, сожжены мною и потому всякое об них разыскивание будет тщетно».

Так неожиданно, по крайней мере для окружающих, покончил с собой Ян (Иван Викторович) Виткевич — поляк по происхождению, вольнодумец и революционер, ссыльный солдат, выслужившийся в офицеры, знаток жизни и быта среднеазиатских народов, талантливый русский дипломат.

Восемь дней назад Виткевич прибыл в С.-Петербург, успешно выполнив дипломатическую миссию в Афганистане. Два года он пробыл в этой стране, борясь с кознями английских агентов и отстаивая интересы России. В Азиатском департаменте Министерства иностранных дел с интересом ждали письменного доклада Виткевича, а также вывезенной им в копиях переписки английских агентов с разными лицами в Афганистане.

Загадочное самоубийство вызвало много толков в столичных кругах. Поговаривали, что это происки английских шпионов. Обращали внимание на странное завещание, в котором ни слова не сказано ни о матери, ни о брате, судьба которого так волновала Виткевича в Петербурге

⁸ Том IX. В. М. Плоских

(шли слухи, что он замешан в антиправительственных делах).

Самоубийство казалось тем более странным, что дипломата в Петербурге встретили с почестями. В день его смерти был подготовлен доклад о переводе Виткевича в гвардию, награждении орденом и деньгами. Он был весел, в театре весь вечер проболтал с Салтыковым, последняя встреча — с Симоничем... Вот здесь-то, видимо, и крылась загадка, приведшая к столь неожиданному трагическому концу.

Успешное завершение русской миссии в Афганистане, в котором сталкивались интересы Англии и России, сводилось к тому, что афганский эмир Дост Мухаммед в 1838 г., отвергнув помощь англичан, принял предложение о союзе с Россией. Ян Виткевич, глава русской миссии в Афганистане, и И. О. Симонич, возглавлявший русское посольство в Иране, исходя из инструкций министра иностранных дел К. В. Нессельроде, гарантировали Дост Мухаммеду политическую поддержку. Но английское правительство решило взять реванш. Оно готовило вооруженное вторжение в Афганистан, одновременно оказывая нажим на Россию. И достигло успеха.

Царское правительство дезавуировало Виткевича и Симонича и отказалось воспользоваться результатами их дипломатической миссии. Было официально заявлено о самовольстве и превышении полномочий Симоничем и Виткевичем. Симонича отстранили с поста полномочного министра и отозвали из Тегерана. Почести, оказанные Виткевичу, носили чисто внешний характер. Фактически же его столь сложное и опасное противоборство с английской дипломатией, успешно выигранное, вызвало недовольство в верхах.

Духовный крах привел к трагической смерти. Десять лет назад почти при аналогичном стечении обстоятельств в Тегеране погиб великий русский поэт А. С. Грибоедов, теперь ушел из жизни знаток Востока, талантливый дипломат И. В. Виткевич.

...С детства судьба не жаловала отпрыска старинного рода польского дворянства. Еще гимназистом Ян Виткевич участвовал в конспиративной организации «Черные братья». Неопытность молодых поборников свободы привела к тому, что их вскоре арестовали и выслали на разные сроки в восточные окраины России. Так, Ян Виткевич, потомственный дворянин, в 1824 г. стал рядовым одной из оренбургских частей, расквартированных в Орске.

Бескрайние степи и облака пыли казахских просторов, ежедневная солдатская муштра, однообразие службы навевали апатию и безразличие к жизни. Но темпераментный Ян сумел преодолеть армейскую скуку. Он усиленно изучает персидский, арабский, казахский и другие тюркские языки. Репрессированные участники русского освободительного движения, сосланные польские повстанцы оказывают на него благотворное влияние. С 1824 г. сначала в крепости, а затем в Оренбургском крае отбывали наказание польские революционеры Томаш Зан, друг А. Мицкевича, поэт, ставший натуралистом, Адам Сузин и другие. Виткевич часто общается с участником русских революционных кружков Ю. П. Кольрейфом. Он был знаком с декабристом А. А. Фоком, служившим в Устькаменогорской крепости, недалеко от Орска. В Оренбурге жил, собирал сказки и материал для словаря В. И. Даль. Ян часто заходил к Далю, с упоением слушал русские народные сказки, вместе они обсуждали дела, связанные с составлением «Толкового словаря живого великорусского языка». Много позже Ян, Иван Виткевич, был свидетелем признания научных заслуг друга — его избрали членом-корреспондентом Российской Академии наук.

Оренбург и Орск лежали на пути из Европы в Азию, были центрами связи со среднеазиатскими ханствами и видели на своих улицах немало послов, военных и государственных деятелей, путешественников и ученых.

Прославленный ученый-естествоиспытатель Александр Гумбольдт во время посещения в 1829 г. восточных окраин России поразился, услышав об образованном поляке, упрятом под простой солдатской шинелью. В своих воспоминаниях он восхищался необычно одаренным ссыльным, с которым можно было свободно беседовать на европейских языках и который в совершенстве владел языками восточных народов.

В результате хлопот друзей и не без влияния Гумбольдта Виткевич переводится в Пограничную комиссию, которая подчинялась Министерству иностранных дел и ведала политическими и торговыми сношениями со Средней Азией. Ее многие годы возглавлял Григорий Федорович Генс. Умный, образованный офицер, слывший знатоком казахских степей и Средней Азии, сумел разжечь в Виткевиче интерес к восточным соседям России.

Сам Виткевич первый раз выезжает в казахские степи в 1830 г. Десять месяцев провел он в преследованиях шайки барымтачей, беседовал с казахским султаном, познакомился с бытом и национальными чертами казахов. Как результат — глубокие, переполненные любопытными деталями донесения. Командир Отдельного Оренбургского корпуса граф Сухтелен, посылая представление о производстве Виткевича в первый офицерский чин, отмечал, что «ни один из чиновников, до него находившихся в степи, не сумел столь хорошо судить о киргизах и вникнуть в их отношения». Ян Виткевич был произведен в прапорщики. Наконец-то сброшена солдатская шинель, и Ян почувствовал, что снова становится человеком.

Находясь в далеком Оренбурге, Виткевич следит, насколько это возможно, за действиями польских патриотов. Разгром восстания на родине 1830—1831 гг. горячей болью отозвался в сердцах ссыльных. Но ссыльные, находясь на Урале и в Сибири, не теряли надежды на новые выступления уже на восточных окраинах Российской империи.

Они готовились к восстанию, которое могло бы отразиться на ходе событий в Польше или, в худшем случае, обеспечило бы коллективный побег из неволи и возвращение через Хиву и Бухару, Индию и океан на родину. Они знали, что путь предстоит нелегкий. Живое и полное драматизма описание странника поневоле Филиппа Ефремова, познавшего рабство и казахов, и бухарцев, говорило о том, что могло ожидать беглецов. В архиве Ян прочитал докладную записку Ефремова, представившего в 1806 г. в Министерство иностранных дел план подчинения Хивы, с соображениями наиболее удобных путей продвижения.

Виткевич полностью разделял надежды друзей. Он настойчиво собирает сведения о наиболее удобных маршрутах в Бухару, через казахские степи и Хиву. Он уже знает, что из Бухары в Кокандское ханство можно пройти удобными путями, далее через киргизские кочевья в Кашгар, а там свободная, хотя и трудная, дорога в Индию. Ян с настойчивостью расспрашивает бухарских купцов и казахских скотоводов о землях и народах на пути в Индию. Он рискнул обменяться мнением даже с Г. Ф. Генсом по поводу киргизских и казахских кочевий, которые были разбросаны на огромном пространстве от Оренбурга до Сыр-Дарьи и далее до Восточного Туркестана.

У Бернса, прошедшего в 1832 г. через Среднюю Азию, Виткевич прочитал, что «киргизы и кайсаки, можно сказать, составляют один народ, различающийся по местности». Английский агент, правда, тут же отметил, что встреченные им киргизы имели лицо плоское и много походили на туркменов.

Генс, тщательно собиравший все сведения о казахах, указал Виткевичу на отличие киргизов и казахов. Он, в частности, пояснил, что под этим названием скрывается не один, а два народа, что название казахов киргиз-кайсаками связано с переселением русских в Сибирь, которые путали их с истинными киргизами. Впоследствии, мол,

когда узнали ошибку, казахов, для отличия от киргизов, стали называть киргиз-кайсаками, чтобы в то же время не смешивать с русскими казаками.

Именно Генс сообщил Виткевичу о древнем происхождении киргизов (хотя последний и сам проштудировал недавно вышедший труд Левшина). Оказывается, киргизы упоминались в источниках еще с VI столетия, когда тюркский каган Дизавул на Тянь-Шане подарил византийскому послу Зимарху пленницу — «она была из народа так называемых херхизов (киргизов)».

В 1831 г. после смерти военного губернатора Оренбурга и командира Отдельного Оренбургского корпуса П. П. Сухтелена новым начальником края назначается тридцативосьмилетний генерал В. А. Перовский.

Граф Василий Алексеевич Перовский, друг Гоголя и Жуковского, приятель Пушкина и генерал-адъютант из царской свиты, принял живое участие в судьбе Виткевича. Он приблизил опального поляка к себе и стал направлять его деятельность, сделав вскоре адъютантом по особо важным поручениям. Двадцать лет спустя судьбу Виткевича напомним ему ссыльный поэт Плещеев, который в том же Оренбурге при покровительстве В. А. Перовского сумеет подняться от ссыльного солдата до офицера и тем получить возможность выйти в отставку.

Вскоре происходит встреча, которая надолго останется в памяти польского патриота. В сентябре 1833 года в Оренбург для сбора материалов о восстании Пугачева приезжает Александр Сергеевич Пушкин. Он подолгу беседует с Владимиром Далем, записывает были и легенды о знаменитом мужицком бунтаре. Пушкин на правах давнего друга остановился на квартире В.А. Перовского и, видимо, не раз встречался с Виткевичем. Вполне понятно, что великий русский поэт и соотечественник великого польского поэта А. Мицкевича могли иметь общие интересы, Виткевич, Даль, Перовский прекрасно знали быт окрестных казахов,

были знакомы с приезжавшими на Оренбургскую линию хивинскими, бухарскими, кокандскими купцами, слышаны и в определенной мере осведомлены о более отдаленных народах, в том числе и о киргизах. Поэтому не удивительно, что в подготовительных набросках и материалах Пушкина к «Истории Пугачева» встречается более десяти терминов, относящихся как к казахам, так и к киргизам: бурут, казак, киргиз-казак, киргиз, кэргиз и др.

В конце 1833 года происходит событие, которое чуть было не погубило Виткевича. Польские ссыльные Т. Зан, А. Сузин, Я. Виткевич и другие были арестованы по доносу неких Старикова и Кшивицкого, однако тайные замыслы полностью раскрыть не удалось. Оренбургский генерал-губернатор не захотел раздувать дело, и поляков освободили. Тем не менее доверие к ним было подорвано, и в 1834 г. вместо Виткевича в экспедицию в Среднюю Азию и Бухару был направлен Демезон. (Его рукопись на французском языке о путешествии хранится в архиве).

Так потерпели крах все надежды Виткевича и его друзей, связанные с восстанием и коллективным побегом. Виткевич путь к свободе теперь видит в совместной борьбе с русскими революционерами, через низвержение царской тирании. Но это — дело будущего, пока же он решил употребить свои способности для облегчения участи азиатских народов, которые успел искренне полюбить. Большую роль в их развитии, считал он, должно сыграть сближение с Россией.

Ранним утром в один из дождливых дней осени 1835 года Перовский, задумавший собрать наиболее подробные сведения о пути в Хину, вдруг спросил Виткевича, как смотрит тот на небольшой вояж в Казахские степи.

— Как далеко я должен буду проникнуть? — осведомился прапорщик.

— Это зависит от обстановки, — сказал задумчиво Перовский и подошел к карте.

На стене висела составленная по расспросам карта путей в глубь Средней Азии. Большую часть ее занимала территория киргиз-кайсацких (казахских) владений, тремя разноцветными пятнами выделялись Хивинское, Бухарское и Кокандское ханства, между Кокандом и Кашгаром, вокруг озера Иссык-Куль, обозначены кочевья кара-киргизов (собственно киргизов).

Предстоял тяжелый, полный опасностей путь. Он осложнялся тем, что предстояло ехать не в качестве дипломатического представителя, посланника, а как частному лицу, на собственный страх и риск. Владевший восточными языками Виткевич мог ехать под видом мусульманина, как сделал это Демезон; можно было просто сказать азиатским купцом, но Виткевич выбрал путь самый открытый и в то же время наиболее рискованный — поехал как русский офицер,

Сохранилась записка Виткевича о путешествии, составленная по его рассказам. «Цель и предмет отправления моего в степь состояла собственно в том, чтобы вникнуть в положение и отношение дел отдаленных от линии родов киргизских, действовать внушением на умы и дух ордынцев, доставить возможно верные и подробные сведения по делам этим, проведать о влиянии Бухарцев, Хивинцев и Англичан и, наконец, стараться о вырубке захваченного в прошлом году в плен казака Степанова с женою».

Как видим, Виткевич предполагал побывать лишь в казахских степях, поездка в Бухару не предусматривалась. Но обстоятельства сложились так, что удалось посетить и Бухару. Поездка Демезона, который в 1834 г. заменил Виткевича, еще не исключала необходимости посещения Бухары, и Виткевич воспользовался обстоятельствами, чтобы осмотреть как можно больший район Средней Азии.

Рукописная копия записок Виткевича о поездке по Средней Азии отложилась в бывшем Первом Департаменте Министерства иностранных дел. Нами использована запись

рассказа Виткевича из Центрального Государственного военно-исторического архива. Документ озаглавлен: «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно». Она до настоящего времени не издана, хотя представляет несомненный интерес для более глубокого познания истории Средней Азии, освещения быта местных народов, налоговой системы ханства и по целому ряду других вопросов.

Из Орска вышли 9 ноября с бухарским купеческим караваном. Попутчиками были бывший письмоводитель башкир Наджметин и бухарский купец Ша-Булат. Ранняя зима застала Виткевича в казахских аулах. Глубокие снега прервали перекочевки, и дальше Виткевич пошел с торговым караваном, который держал путь на Бухару. Почти месяц шли по Каракумам. Ветер, песок, редкий снег и сильные ночные заморозки измотали людей. Даже ко всему привычные верблюды с трудом переносили тяготы пути. 5 декабря достигли, наконец, Сыр-Дарьи. Лед сковал реку. Скользя и падая, перешли на противоположный берег, где караван поджидали сборщики пошлин. 180 хивинцев под предводительством Ходжи-Нияза появились неожиданно, чтобы собрать подать с казахов и обобрать купцов. Виткевичу рассказали, что ранее казахи сами собирали и вносили подать хивинскому хану, но в 1831 г. в результате межродовой ссоры некий Утетляу-бий из отделения Джельдер, чумикейского племени, обратился к хану за помощью и сам призвал его сборщиков. С тех пор хивинские отряды стали рыскать зимой по всей Сыр-Дарье вплоть до кокандской крепости Ак-Мечеть и буквально грабить казахские кочевья. «Зякетчи эти, — жаловались казахи-проводники, — выезжают в степь зимой, в одном изодранном халатике и обирают первого встречного киргиза, сдирают с него тулуп, халат и говорят ему, что это в счет зякета». Налог со скота взимался помимо процента

с поголовья (от 40 одна единица) кошмами, вещами. При этом «хозяин отказать не волен — берут, что хотят». Одевались и питались налогоплательщики (обычно родственники ханских чиновников) за счет местных жителей. Наблюдая такое своеволие, Виткевич с горечью признавал, что царские власти, кроме обещаний, пока ничем конкретно не помогают казахам, хотя те и считаются подданными России. Он хорошо знал положение дел, потому что испытал на себе отношение властей к народу. Установление твердой власти, по его мнению, благоприятно сказалось бы на жизни казахских кочевников, избавило бы их как от межродовых усобиц, так и безнаказанных грабительских набегов отрядов соседних ханов, способствовало развитию русской торговли. Виткевич видел в этом положительную миссию России на Востоке. «Если согласишься своими глазами на эти самоуправства, о которых у нас едва ли кто имеет понятие, — доносил Виткевич, — то несколько нельзя удивляться застою нашей азиатской торговли. В Средней Азии по невежеству своему и тупости не имеют никакого понятия о силе и могуществе России, презирают в душе все немусульманское и коснеют в черством и однообразном невежестве своем, не заботясь о будущем, не занимаясь прошедшим».

Виткевич опровергает бытовавшее мнение, будто рабство в среднеазиатских ханствах распространяется только на немусульман. Он сам был свидетелем продажи в рабство коренных жителей, имевших несчастье попасть в плен к хивинцу или кочевнику-бухарцу.

Кочевники — вольнолюбивый народ и считают себя независимыми, отмечает Виткевич. «Они вовсе не знакомы с мыслью, что они чьи-либо подданные, а привыкли думать, что состоят временно под властью владельца, к землям которого они по необходимости должны приблизиться». В этом и бесхитрое решение сложного вопроса общественных отношений — чья земля, того и подданные.

Виткевич, пожалуй, первым из путешественников обратил внимание на остатки древней культуры народов Средней Азии. По дороге встречались остатки древних селений уже сравнявшихся с землей. Виткевич поднимал обломки кирпичей, черепки посуды. Вот запись, вероятно, самого раннего археологического упоминания европейцем о древних сооружениях Средней Азии: «Между реками Куваном, Сыром и Яны все пространство исполнено таких следов древнего жилья; черепки и осколки эти доказывают, что у древних жителей была такая посуда, какой ныне нет. Большею частью виден след зеленой, иногда и голубой поливы. Ныне здешние народы не делают ничего подобного..., глиняная посуда вся простая без поливы».

28 декабря увидели первых бухарцев. Навстречу Виткевичу, шедшему с торговым караваном, хан выслал своего любимца, — невольника персиянина Джилау-Дара, который, однако, занимал высокое положение при дворе.

Торговыми пошлинами ведал сам кушбеги Хаким-бий, высший чиновник ханства и главный визирь двора — кривой, пронырливый старик, слывший самым богатым человеком в ханстве: мусульмане платили $1/40$ часть, а немусульмане вдвое больше — $1/20$ часть с товаров. Желая побольше взять с Виткевича и в то же время соблюсти рамки приличия, Хаким-бий сказал, будто сам не знает, какая пошлина полагается с русских: раньше, кроме российских послов, в Бухару никто из русских не приходил. Он приказал позвать муллу. Объяснив тому по-узбекски положение, кушбеги по-персидски добавил, мол, следует сказать с десяти один.

Виткевич тут же по-персидски вставил, что кушбеги волен делать все, что пожелает: может взять с пяти один, может и все взять. Кушбеги смутился, но не надолго, он стал расспрашивать, где Виткевич научился персидскому. В конце концов взял двадцать из 197 золотых червонцев, которые были у Виткевича.

В «священный» город Бухару вошли 2 января нового 1836 года и остановились в караван-сараях Аяз. Виткевич решил осмотреть город, который был широко известен в Средней Азии и привлекал западноевропейских путешественников экзотикой. Не в пример Демезону, который и в Бухаре продолжал настаивать на том, что он мусульманин, чем немало забавлял двор эмира, Виткевич по приезде надел офицерский мундир. Толпа зевак неизменно сопровождала его по городу. Впервые иноземец открыто разъезжал в военном мундире. Он казался бухарцам недосягаемо могущественным человеком. Знание языков позволяло Виткевичу свободно ориентироваться в незнакомом городе и разговаривать с любым встречным. Он слышал ранее (и бухарцы подтвердили это), что в городе двенадцать ворот, из которых дороги расходятся в двенадцати направлениях по всей Средней Азии. Но как только Виткевич пытался выяснить названия ворот и посмотреть их, то неизменно оказывалось, что ворот одиннадцать. Только позже он узнал, что одни ворота давно завалены. Город поразил многочисленными мечетями (которых 300), караван-сараями, прилепившимися друг к другу мазанками с плоскими крышами. Глиняная наружная стена, окружавшая город, была уже полуразрушена и служила местом для наказания виновных. По словам бухарцев, в городе проживало до 100 тыс. человек. Это, конечно, было явным преувеличением.

В Бухаре Виткевичу предстояло выдержать незримую дуэль с Александром Бернсом. Агент английской колониальной политики Бернс путешествовал в восточном халате и чалме. Он афишировал мощь своей страны везде, где мог, и заодно выяснял отношения узбеков к русским. Кушбеги Хаким-бий, желая блеснуть знанием европейских дел, как-то вставил в разговор фразу (позже он признался, что заимствовал ее из уроков Н. Бернса), мол, «англичане на море, а русские на суше сильнейшие государства в Европе».

На этом познания европейских дел оканчивались. Хаким-бий стал расспрашивать об Искандере. Ян подумал было, что он интересуется Искандером Двурогим, как звали на Востоке Александра Македонского, но Кушбеги спрашивал об Александре Бернсе. Оказывается, тот подарил первому визирю Бухары какую-то персидскую книжку, и Хаким-бий не преминул похвастать своей ученостью. Однако книги показать не сумел: или затерял ее, или поленился отыскать. Виткевич польстил самолюбию кушбеги и сказал, как Бернс в своей книжке расхвалил его.

Виткевичу бросилось в глаза то, что англичане в отношении Бухарского ханства проводили более активную политику, чем русские. Он встретил осевшего в Бухаре английского агента — кашмирца Низаметдина, получающего ежегодно на содержание 20 тыс. рупий (40 тыс. рублей). «Он человек очень смысленный, знает со всеми и угощает знать Бухарскую; отправляет через нарочных тайных гонцов еженедельно и чаще письма в Кабул, где живет англичанин Масон, который доставляет известия эти далее». Низаметдин немедленно навестил Виткевича, выпрашивал о Ново-Александровском форте, о новой линии, об отношениях России с Хивой. На другой же день его донесение пошло через Карши в Кабул к Масону.

Противоборство Виткевича с английскими агентами было нелегким. Следовало, в первую очередь, развеять миф об англичанах как друзьях Бухары и о русских как ее основных врагах. Если бухарский эмир Хайдар (1800—1826), о котором рассказывал Данибегашвили, сумел отвергнуть предложение турецкого султана о нападении на Россию и обосновать необходимость дружбы с ней, то менее двадцати лет спустя Виткевичу пришлось расстраивать тонкие козни английских агентов и убедительно доказывать, что враг Бухары вовсе не Россия. В одном из донесений Виткевич прямо писал оренбургскому начальству об опасных англичанах, которые приложили немало сил, «убеждая

кушбеги в физической невозможности для англичан завоевать Бухару и указывая на опасных соседей, на русских, от коих могут они только быть в безопасности, заключив союз с Англией».

Во время встреч с кушбеги Виткевич неизменно вступал в незримый бой с Бернсом, отстаивая интересы России и стремясь приобрести в лице бухарцев друзей.

Ян не менее восьми раз встречался с кушбеги. Фактически прибравший всю власть в ханстве Хаким-бий, пронырливый и крайне корыстный, занимался и внешними сношениями ханства. Виткевич напомнил ему, что по обещанию бухарского правительства российскому посольству, бывшему ранее в ханстве, эмир обязался не держать русских пленников. Ян настаивал на выдаче ему пленных. Однако кушбеги оказался упрямым и вполне резонно заявил, что ведь «и русские сами держат мужиков своих в рабстве». Что мог ответить на это Виткевич, сам выступавший против насилия и поплатившийся за это? Как невыносимо больно ему было видеть простых русских людей, томящихся в рабстве, угнетаемых как «кяфыров», совершенно исправных. Не многим отличалось от рабского и положение местных бедняков, которых почти не считали за людей.

Бернс, прибыв в Бухару, снял чалму, чтобы не оскорблять чувства верующих, но в общем остался в мусульманском наряде. Демезон был в Бухаре под именем Мирзы Джафара, выдавал себя за мусульманина, хотя этот обман здесь разгадали, но не нарушили иллюзий российского посла, прибывшего со свитой в 500 воинов. Стараясь хоть как-то сломить лед отчужденности, Виткевич демонстративно разгуливал по Бухаре в своей лихой казацкой форме. Этим он «хотел сделать опыт, проложить и русским свободный путь в ханство».

Виткевич пытался завоевать доверие кушбеги: в откровенных беседах с Хаким-бием он говорил правду в глаза,

зная по опыту, что это лучшее средство против изощренных козней придворных, которые не боятся греха, а боятся гласности его.

В Бухаре Виткевич окончательно убедился, что посольство Демезона не достигло успеха. Кушбеги явно отдавал предпочтение Александру Бернсу. Он как-то сказал с угрозой, что бухарцы могут обойтись без России, торговать станут с Англией; Бернс, мол, уже делал предложение. Правда, Виткевичу не составило особого труда доказать невыгодность и практическую невозможность развития торговли Бухары с Англией и убедить кушбеги, что без России им все-таки не обойтись.

Александр Бернс действительно предлагал кушбеги основать в Бухаре английскую торговую факторию, расписывал «бескорыстие» англичан и убеждал кушбеги в физической невозможности Англии завоевать ханство, одновременно подчеркивая опасность со стороны России. Бернс уверял, что будто Бухара может чувствовать себя в безопасности, только заключив союз с Англией. Он обещал года через три вернуться. И Хаким-бий ждал его приезда.

Расстроить планы англичан помог Виткевичу сам Бернс. Дело в том, что Бернс в своей книге довольно подробно описал и военное состояние Бухарского ханства, подчеркнув, что «войско набирается из разных округов государства и не подчинено дисциплине». Стоило Виткевичу перечислить приводившиеся в книге имена бухарских военачальников с численностью их конников, как кушбеги вспылал и высыпал на голову англичанина тысячу проклятий.

За неделю до отъезда из Бухары Виткевича вызвали к эмиру. Насрулла-хан сидел на окне (из которого обычно показывался народу) в легком сером халате, с открытой грудью и в одной тюбетейке. Мехтер, беспрестанно и подобоострастно кланяясь, подвел Виткевича к окну со стороны двора и тщетно старался заставить его поклониться.

Насрулла важно взглянул на гостя и спросил Мехтера, понимает ли тот язык.

— Я говорю по-персидски и по-узбекски, — ответил сам Виткевич.

— А русский ли ты? — любопытствовал хан.

— Русский.

Беседа с Насруллой-ханом была недолгой. Эмир потерял к гостю интерес, узнав, что Виткевич частное лицо и не уполномочен правительством, что он даже не юзбаши (сотник) и что под его началом как капрала может быть всего 75 человек, что он не умеет стрелять из пушки, а тем более починить ее.

Эмир был жесток. Не просыхали слезы отцов и матерей, у которых отбирали детей в ханский гарем. Того, кто впадал в немилость, наказывали дубинами, ломали кости и нередко истязали до смерти. Виткевич сам был свидетелем, как с крепостной стены под рев толпы сбросили двух несчастных. Внимательно изучив среднеазиатских феодалов — султанов, биев, хивинских и бухарских ханов, кушбегиев и других, Виткевич, как видно по его впечатлениям, проникся к ним таким презрением, что с трудом скрывал свое отношение.

В Бухаре он встретил некоего Михальского, поляка из Подзамостья. В 1812 г. Фаддей Михальский, сражавшийся на стороне французов, был взят в плен и за побег сослан в Оренбург. В 1816 или 1817 г. он бежал, снова попал в плен и вскоре на бухарском невольничьем рынке был продан одному из приближенных хана. Отменный сапожник, столяр, слесарь, Михальский отлил хану две пушки. Его заставили принять мусульманство, женили на бухарке и постепенно передали под команду всех русских пленников, согласившихся служить хану. Ему даже сменили имя: Фаддей Михальский стал Уста-Матфеем.

Таков был феодальный Восток в его суровой действительности. Как все это отличалось от романтической

бернсовской чепухи! «Замечу при этом случае, вообще, — писал Виткевич, — что рассказы Бернса, издавшего путешествие свое в Бухару, странно противоречили всему, что мне случалось тут видеть. Он созерцает все в каком-то блеске и сиянии, между тем как я видел одно только отвратительное безобразие, жалкое и смешное. Или г. Бернс видел в преувеличенном и разукрашенном виде, или он был расположен глядеть на все глазами самыми пристрастными».

Взгляды на жизнь среднеазиатских народов были прямо противоположны у проводника английского колониализма Бернса и поборника свободы из Польши Виткевича. Если одного восхищает самоуправство ханов и эмиров, то второго это повергает в негодование; если одного вполне устраивает бесправие и нищенское положение местных народов, то у второго оно вызывает сочувствие и жалость. Если один преследовал только интересы английских колонизаторов, то второй видел в установлении дружественных связей между Россией и среднеазиатскими владениями пользу в первую очередь для местных народов.

Началом распространения российского влияния на Среднюю Азию Виткевич считал расширение торговли. Стремясь привлечь правительственные круги России к Средней Азии и показать преимущества России по сравнению с Англией, Виткевич писал: «Скажу при этом случае слово о торговых отношениях наших и об англичанах. Англичане заменить и вознаградить бухарцам торговли с Россией не могут — это вещь несбыточная... по двум причинам: во-первых, англичане железа, меди, чугуна, юфти и других русских товаров доставлять бухарцам не в состоянии уже по отдаленности и трудности пути; во-вторых, им брать взамен своих товаров нечего: звонкой монеты в Бухаре нет, золото все идет из России, серебро из Кашгара, за русские же товары, а произведения Бухары все в излишестве находятся во владении англичан. Мы, напротив, легко могли бы распространить круг торговли своей до самого Мульстана

⁹ Том IX. В. М. Плоских

и вытеснить английских промышленников из целой Средней Азии. Наш путь ближе, наши произведения и товары в большом ходу и славе, и мы можем вывозить из Средней Азии много предметов, между коими бумага всегда займет первое место... и, наконец, что также немногим известно, товары наши в Средней Азии до самой Индии ценятся выше английских; довольно странно, что английские ткани заготавливаются для Азии так дурно, что не могут выдержать ни даже самого поверхностного сравнения с русскими. Все ситцы их и другие бумажные ткани жидки, редки до невероятности и только полощены и подклеены, в холодной воде краска сходит и остается тряпка. Я сам сначала не верил этому, но убедился, наконец, собственными глазами, будучи в Бухаре, куда также завезены уже товары англичанами, хотя сбыт их плохой, потому что товары плохи. Но если с нашей стороны не будет взято никаких мер, то и эти плохие ткани должны, наконец, занять место наших, и торговля наша упадет еще более».

Отмечая возможности расширения торговли через Среднюю Азию с Кашгаром и Индией, Виткевич имел в виду и те две уже освоенные торговые трассы, которые пересекали киргизские кочевья — из Сибири через Иссык-Куль и со стороны Коканда и Ферганы в Восточный Туркестан и Индию. Они пролегали среди кочевий дружественных киргизов, были хорошо знакомы русским купцам и уже описаны Ф. Ефремовым, Бубеновым, Лещевым и соотечественником Виткевича Зибберштейном.

Виткевич даже предлагает конкретные меры: на пути из Петропавловской крепости со стороны Сибирской линии выслать отряд на караванную дорогу, дойти до Сыр-Дарьи, укрепиться здесь. По его мнению, необходимо было ограждать казахов от разбойных шаек хивинских и ташкентских правителей, снизить налоги с местных кочевников, установить лишь незначительный зякет. «Таким образом легко можно будет содержать отряд, а кайсаки ничего

не потеряют, потому что будут платить нам менее и уравнительнее, чем теперь хивинцам, ташкентцам и всякому, кто вздумает их обобрать».

Свою миссию Виткевич считал выполненной. Пора было собираться в дорогу. Приближающаяся весна оживила деятельность торговцев. Начались сборы караванов. Кушбеги пытался было задержать Виткевича и отправить его с новым бухарским посольством в Россию, но Виткевич спешил. Коварный Хаким-бий намеревался даже отравить или убить русского посланца, но Виткевич, предупрежденный заранее, сумел избежать смерти.

19 февраля он вышел с купеческим караваном через Самаркандские ворота. 9 марта были на Сыре, через месяц — на Иргизе, 18 апреля — в Орске. После успешной поездки в Бухару и составления отчета о путешествии прапорщик Виткевич производится в поручики и назначается старшим адъютантом оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского.

Слухи об отважном путешествии в глубь Средней Азии вскоре распространились сначала среди военных и дипломатических кругов России, затем проникли в печать и чем дальше, тем больше стали обрастать легендами.

Ссылному поляку Янушкевичу уже через десять лет после поездки Виткевича в казахские степи и Бухару будут рассказывать «о киргизе, которого Виткевич возил с собой в Литву». Надо полагать, речь шла о казахе. Однако в рассказе путешественника этот факт не упоминается... Виткевич решил показать степняку страну земледельцев и горожан. Кочевнику понравилась и страна, и особенно одна Антося, служанка родных Виткевича. Гость даже решил якобы сменить веру, жениться на ней и остаться в России. Но Виткевич, предвидя в этом будущую трагедию, не дал согласия. У одного из соседей оказался очень норовистый и злой конь, которого держали на цепи. Хозяин коня пообещал степняку несколько дукатов, если он усидит

на коне. «Киргиз без большого труда сел на коня, полетел на нем в поле и так там резвился, что из страха, чтобы он коня не замучил, пришлось за ним послать, уверяя, что он вполне выиграл заклад».

Успешная миссия Виткевича в Среднюю Азию придала ему вес как хорошему дипломату. Теперь он по крайней мере мог совсем освободиться от гнетущих обязанностей воинской службы и перейти на дипломатическое поприще. Летом 1836 г. Виткевич по поручению оренбургского генерал-губернатора Перовского сопровождает в С.-Петербург афганского посла Гусейна Али. 2 июля они прибыли в столицу. Оставив посла у заставы, Ян является в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Его директор К. К. Родофиникин в это время отсутствовал, и Виткевича принял вице-директор. Не имея никаких распоряжений от Родофиникина, он посоветовал пока остановиться у чиновника департамента Демезона, старого знакомого Яна.

Надо сказать, что в конце 20-х — начале 30-х годов в Азиатском департаменте работали способные востоковеды, дипломаты, оставившие след в истории. Достаточно назвать известного русского писателя и дипломата, героя Туркманчайского договора А. С. Грибоедова, полномочного российского министра в Иране и будущего друга Виткевича И. О. Симонича. От переводчика до титулярного советника вырос в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел ученый-востоковед и путешественник Петр Александрович Чихачев. Как помощник секретаря при русской миссии в Турции, он внимательно следил за состоянием российской дипломатии на Востоке и, без сомнения, был знаком с поездками Виткевича. После Чихачева в Азиатский департамент перешел Демезон.

Два дня Гусейн Али и Виткевич. были гостями Демезона, два дня прошли в непринужденных беседах о Средней Азии и Бухаре, Иране и Афганистане, проникновении

англичан в Азию. 4 июля прибыл, наконец, Родофиникин, и Виткевич с Гусейном Али были приняты начальником Азиатского департамента и перешли в «Отель де Пари», или, запросто, в гостиницу «Париж» на Малой морской.

Пройдет намного времени, и Виткевич уже в качестве официального русского посланника поедет сопровождать афганского посла на родину, в противоборстве с англичанами отстаивать интересы России в самом беспокойном очаге Азии.

Отправляя Виткевича в Афганистан, Нессельроде 14 мая 1837 г. вручил недвусмысленную инструкцию: «...примирить афганских владельцев (кабульского Дост Мухаммед-хана и кандагарского Кухондиль-хана), объяснить им, сколь полезно для них лично и для безопасности их владения состоять им в согласии и в тесной связи, дабы ограждать себя от внешних врагов и внутренних смут. Убедивши афганских владельцев в пользе тесного их между собой соединения, объяснить им и необходимость пользоваться благосклонностью и покровительством Персии, ибо одни они раздельно никак не в силах устоять против общих врагов их.

...При этом вы не оставите также объяснить им, что Россия по дальности расстояния, не может оказать им действительной помощи, но тем не менее принимает в них искреннее участие и всегда будет через посредство Персии оказывать дружеское за них заступление».

Таким образом, цель миссии Виткевича была более политической — добиться установления мира Афганистана с Персией и тем противодействовать английской экспансии на Ближнем Востоке.

Активизация английской экспансии в Афганистане и Иране в те годы сопровождалась политикой кнута и пряника, принципом которой был девиз — «разделяй и властвуй». Английские агенты, с одной стороны, подстрекали правителя афганского княжества Герата к неповиновению шаху Ирана, с другой стороны, требовали от последнего

уступок, провоцировали на войну с Кабулом и Кандагаром, пугая русской угрозой. Летом 1837 г. англичане сколотили против Кабула коалицию с участием правителя Пенджаба и правителя Кундуза Мурад-бека, владения которого простирались от Гиндукуша до Бухары, Коканда и Восточного Туркестана. Его пугали тем, что правители Бухары и Кабула могут якобы договориться о разделе Кундуза. Английский посол в Иране Мак Нейл в письме от 16 июня 1837 г. призывал шаха Ирана к завоеванию Средней Азии и Туркестана, чтобы отвлечь его внимание от подготовки кораблей и войска к вторжению в Персидский залив, Синд и Афганистан. Когда же над Гератом был поднят британский флаг как символ присоединения Афганистана к английским колониям, стало ясно, с какой стороны угрожают Кундузу. Следует отметить, что Виткевич немало содействовал тому, чтобы этот флаг вскоре был бесславно сорван.

Политика русского правительства на Ближнем Востоке во второй четверти XIX в. проводилась с оглядкой на Англию: как бы не вызвать ее неудовольствия. Между тем англичане все настойчивее продвигались к Северной Индии, Центральной и Средней Азии. Министр иностранных дел Нессельроде направил российскому послу в Англии оправдательное письмо, рассчитанное, что его содержание станет известно британскому правительству. Относя энергичную деятельность российского полномочного министра графа Симонича и российского офицера Виткевича в Афганистане и Персии на счет самих инициаторов, министр пытался обелить себя в глазах английской общественности: «При искренности и добросовестности нашего образа действий, нам никогда не представится необходимость умалчивать о наших замыслах и предприятиях или скрывать их.

Вот почему мы откровенно сознаемся перед Англией, что русский офицер недавно был отправлен в Кабул для собирания сведений, относящихся к торговле...

Для этого нам достаточно будет заметить, что отправка г. Виткевича в Кабул была вызвана не чем иным, как прибытием в 1837 г. в С.-Петербург от Доста Мухаммеда-хана агента с целью завязать торговые сношения с Россией...

Таково ясное и безыскусственное изложение тех обстоятельств, последствием которых было кратковременное появление русского путешественника в Кабуле. Эта командировка не имела целью ни заключения торгового трактата, ни каких-либо политических комбинаций, которые могли бы вызвать со стороны посторонней державы жалобы или подозрения. Она не имела и не должна была бы иметь никаких других последствий, кроме того, что познакомила нас со страной, отделенной от наших границ таким громадным пространством, что наше правительство было вынуждено действовать крайне осмотрительно, чтобы предохранить наших торговцев от рискованных предприятий, в которые они могли бы вовлечься без предварительного знакомства со всеми вероятностями успеха.

Восстановив таким образом дело в его настоящем свете, наш кабинет может обратиться к лондонскому кабинету с положительным удостоверением, что ни в командировке г-на Виткевича в Кабул, ни в его инструкциях, которыми он был снабжен, не было решительно ничего неприязненного к английскому правительству и не было решительно никакого намерения нарушить спокойствие британских владений в Индии».

Итак, весь смысл политической миссии Виткевича, по заверениям министра иностранных дел, сводился лишь к установлению торговых контактов. Только это теперь признавало российское правительство, только на это оно могло смотреть доброжелательно. Миссия Виткевича в Кабул, расстроившая агрессивные планы Англии и склонившая афганистанского правителя Дост Мухаммеда обращаться к России, была дезавуирована царским правительством.

В этот день, когда отозванный из Кабула Виткевич прибыл в С.-Петербург, Нессельроде получил план Перовского об экспедиции в Хиву, а неделю спустя царь утвердил ее. Цель экспедиции заключалась в том, чтобы «восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное долговременной ненаказанностью хивинцев, в особенности тем постоянством, с которым английское правительство во вред нашей промышленности и торговле стремится к распространению своего господства в тех краях».

Уже после смерти Виткевича, в ноябре 1839 г., Перовский организует свой печально известный поход на Хиву. Холода и снежные бури, многочисленные нелепые жертвы заставили Перовского отступить. Ф. Энгельс по этому поводу много позже напишет: «Тем не менее официальная цель похода была достигнута: в то время как Англия до сих пор еще не смогла отомстить за убийство в Бухаре своих послов Стоддарта и Конолли, хан хивинский отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Санкт-Петербург посольство, чтобы просить о мире».

Деятельность прогрессивных представителей России, направленная на установление контактов с коренным населением Средней Азии, стремление ускорить общественный прогресс народов, томящихся под деспотическим гнетом хивинских, бухарских, кокандских ханов и феодалов, мало помалу давала результаты. Медленно, но неуклонно приближалось слияние Средней Азии с Россией.

«СТРАНСТВОВАТЕЛЬ»... В СЕРДЦЕ ТЯНЬ-ШАНЯ

«Затеят ли экспедицию в Бухару, или зимний поход в Хиву, — в снежных степях уже качается на верблюде этот неутомимый путешественник; задумают ли пробиться дипломатическими факториями и консульствами в недоступные для них земли Китая; пошлют ли по Нилу ученую комиссию для менее ученого сближения с Магометом-Али, надо ли ехать в Пекин, или в земли славян в разгар европейской коалиции против России; наконец, быть в осажденном Севастополе: везде — в Африке и Китае, в Крыму и Хиве, в Черногории, Боснии, Сербии, Долмации, — везде и всюду знакомая нам тощая фигура усталого человека подвизается самоотверженно и неутомимо...» Так писал о Егоре Петровиче Ковалевском один из его первых биографов в предисловии к сочинению, третий том которого озаглавлен «Странствователь по суше и морям».

В прошлом столетии имя директора Азиатского департамента и помощника председателя Русского географического общества, сенатора и писателя Ковалевского было широко известно в России и за ее пределами. Он неутомимый путешественник и пытливый географ, специалист по горному делу и общественный деятель, дипломатический представитель России в Египте, на Балканах и в Восточной Азии.

Этот отважный и неутомимый энтузиаст сам, видимо, не был на Иссык-Куле, хотя и проезжал через Семиречье и, вероятно, встретился с киргизами. Будучи другом П. П. Семенова-Тян-Шанского, он из первых уст услышал захватывающий рассказ только что возвратившегося путешественника о поездке в страну «Небесных гор». Ковалевский пришел в такой восторг от озера Иссык-Куль, что

поставил его в один ряд с Женевским озером, а окрестности — со Швейцарией и Тиролем. Ковалевскому, как никому другому, в свое время удалось тонко подметить внутренние пружины киргизского общества середины XIX века; дать верную характеристику положения России в Средней Азии и на ее границах.

Со страниц литературного труда Ковалевского о своих путешествиях — «Странствователь по суше и морям» (С.-Петербург, 1871 г.) — встают перед нами во всем величии красоты Нила и яркие картины горных стремнин Черногории; скрытая высокими дувалами и стесненная запретами ислама семейная жизнь народов Средней Азии; лихая удаль и боевые набеги вольнолюбивых кочевников-киргизов. Среднеазиатские мотивы творчества Ковалевского разнообразны и пока не привлекали внимания исследователей. Назовем только некоторые из очерков-зарисовок и рассказов: «Зюльма, или женщина на Востоке (Ташкент)», «Насср-Улла хан и Куч-беги (Бухара)», «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы», «Пленный персиянин (Хива)», «Рассказ сипая (Афганистан)», «Поездка в Кульджу», «Встреча с Н. Н.» и др. Много людей и народностей под разными меридианами видели этого художавого, внешне скупающего, казавшегося слабым и ко всему равнодушным путника.

Однако он мог внезапно преображаться в энергичного и сильного человека. В самом деле, надо было обладать немалым личным и гражданским мужеством, чтобы проникнуть с купеческим караваном в Кульджинский край и Восточный Туркестан, ставшие в сороковых годах запретными для русских торговцев.

Остросюжетные путевые очерки, характеризующие тонкую наблюдательность и мягкий юмор автора, посвящены изображению жизни и быта далеких от России народов и земель, проникнуты гуманизмом и уважением к людям, независимо от цвета их кожи, сочувствием к свобододлюбивым

стремлениям народов, что было отмечено в свое время еще Н. Г. Чернышевским и В. Г. Белинским и за что любил автора Н. А. Некрасов.

Человек трудной, но счастливой судьбы, Ковалевский дважды побывал в Семиречье и Кульдже, где в качестве дипломата и офицера корпуса горных инженеров проводил также и геологические изыскания. Здесь он впервые и встретился с представителями свободолюбивого киргизского народа, стесненного с одной стороны Кокандским ханством, с другой — Китайско-Цинской империей. Этот народ самоотверженно отстаивал свою независимость и оставался фактически свободным, несмотря на раздираемые внутренние феодально-племенные усобицы и смуты. Но непосредственный толчок к написанию рассказа о киргизах дал Ковалевскому Семенов-Тянь-Шанский. В 1856–1857 годах член Русского географического общества, ученый-естествоиспытатель Семенов совершил полное опасностей путешествие, о котором только можно было мечтать. После возвращения его дневник и рассказ поразили воображение Ковалевского, который в один присест создает замечательный рассказ — «Встреча с Н. Н.», написанный как очерк воспоминаний о поездке по Тянь-Шаню. В рассказе переплелись личные впечатления Ковалевского и яркие картины, нарисованные Семеновым. Фантазия автора связала все в единый сюжетный клубок, и перед читателями России уже в 1858 г. предстало колоритное, экзотическое повествование под интригующим заглавием «Встреча с Н. Н.». Это как бы очерк из воспоминаний о пребывании среди киргизов безвестного героя — русского беженца, нашедшего в киргизских аилах покой и свободу, которых ему так недоставало в «цивилизованной» Европе.

Сам Ковалевский оставлял за собой право на строгую документальность описываемого, чем особенно привлекает читателя. В предисловии к «Странствователю...» читаем: «Описываю только то, что видел сам или слышал

от очевидцев. Судьба кидала меня большей частью в страны малоизвестные и почти недоступные для европейцев; на мою долю всегда доставались труд и лишения». Все это позволяет подходить нам к рассказу «Встреча с Н. Н.» как документальному очерку, подтвержденному материалами Семенова-Тян-Шанского.

На страницах рассказа автор встречается с Н. Н. как героем-мучеником своего долга в далеком Семиречье. «Мы шли караваном, — пишет Ковалевский, — он кочевал с аулом рода кыдык».

Сюжетная канва рассказа следующая. По склонам Заилийского Ала-Тау караван, с которым следовал автор, не без труда обогнул горы Богуты и остановился на привал у южного склона Турай-горы. До Иссык-Куля осталось всего два дня пути, если идти налегке, без каравана. И здесь у Ковалевского с Н. Н. произошел такой разговор:

«Вы знаете, что я здесь случайно, — сказал я, переходя к делам о положении края, — и не мешаюсь в ваши отношения. Не правда ли, что это слово и для вас звучит странно, когда под ним разумеют дела бурутов, или дикокаменных киргизов, как здесь их называют.

— Смейтесь, а для меня это вопрос жизненный. Вражда нашего бия с манапом Боромбаем разбила народ надвое и обессилила его. Теперь сарыбагышам легко одолеть нас. Нужно принять какие-нибудь решительные меры для безопасности рода кыдык, а старый наш бий Самсалы, надменный и гордый своим богатством и славой, не думает ни о чем.

— По-моему, лучше помириться с Боромбаем и соединить по-прежнему все айлы бугинцев в одно».

Этому диалогу предшествовал ряд событий, которые привели к драматическому положению киргизских родов. Дело в том, что самоуправный и могущественный манап Боромбай, стоявший во главе племени бугу, ущемил интересы другого манапа того же племени — Самсалы, воз-

главлявшего кыдыков. Тех самых кыдыков, которые также являлись бугинцами и которых посещал еще Зибберштейн в 1825 г. Самсалы, манап с дикими страстями, сквозь которые изредка все же прорывались черты благородства, был преклонного возраста. В молодости он слыл знаменитым в крае батыром, грозой кокандцев, казахов и кашгарцев. Во главе шести и даже семи тысяч всадников он неожиданно врвался в пределы Восточного Туркестана и навел ужас на население Кашгара. Даже теперь, будучи стариком, он держал в страхе весь свой род, который один, несмотря на свою сравнительную малочисленность, мог выставить более трех тысяч отважных воинов.

Поссорившись с Боромбаем, Самсалы откочевал в неприступные горы, но это не помогло: род кыдык сделался объектом межфеодальных усобиц, раздиравших киргизское общество 40-х — 50-х годов XIX в.

В это-то время и появился в горах Тянь-Шаня беглец от цивилизации, близнец байроновского Чайльд Гарольда, пушкинского Олеко и лермонтовского Печорина. Он решил проникнуть во внутренние районы Азии, в таинственные и никем не изведенные страны между Гималаями и Тянь-Шанем, которые составляли узел будущих границ России, Китая, Индии и зависимых от них государств. Поскольку с караваном туда нельзя было пройти, Н. Н. собрал вокруг себя дружину из киргизов, вооружил ее и научил стрелять. Сделать это, как он говорил, было нетрудно, ибо «здесь так много бедняков, оставшихся после какой-нибудь баранты без коня, без одежды, на жертву голодной смерти». Н. Н. начал подвигаться вверх по Чу. Отряд брал под свое покровительство разбросанные айлы.

Главным препятствием на пути в глубь Тянь-Шаня был казахский султан Тезек, который готовил нападение на род кыдык, отделившийся от Боромбая. Н. Н. послал гонца предупредить Самсалы, а сам стал готовиться к маневренному удару с тыла. К полю сражения подошли, когда

кыдыки готовы были бросить свои стада и бежать. Самсалы сражался мужественно. Возле него с редкой отвагой, поразившей Н. Н., женщина защищала лежавшего у ее ног окровавленного молодого человека. Это была Чонум, дочь Самсалы. Она спасала родного брата.

Дружный залп отряда Н. Н. вызвал замешательство и затем ужас в стане воинов Тезека. Они решили, что на помощь кыдыкам пришли русские и бросились врассыпную. Свой рассказ о случае, сведшем Н. Н. с кыдыками, герой закончил словами: «В минуту упоения победой Самсалы обратился ко мне: ты спас мне семейство, сказал он, располагай им как хочешь! С тех пор я присоединился к его аулам, не слишком рассчитывая на свои силы; но все-таки сохранил свободу действия и влияние на тех киргизов, которых привел с собой». Так таинственный Н. Н., вымышленный литературный герой Ковалевского, нашел пристанище в центре Тянь-Шаня и стал кочевать с кыдыками.

Автора удивляла не только жестокость Самсалы, он не мог понять, как с ним уживался свободолюбивый Н. Н. «Я не знал, чему более удивляться, — этим ли людям, столь непривычным к повиновениям, которые терпели его и переносили все жестокости, или своему новому знакомцу, который уживался с ним. Конечно, должны были существовать важные причины, чтобы понудить его к такой жертве. Понятно, что кочевая жизнь представляет много прелестей, но почему он не присоединился к аулам другого манапа с более человеческими побуждениями?»

Что же побудило Н. Н. остаться именно с кыдыками? На этот вопрос Ковалевский не дает прямого ответа. Он неясен, видимо, для него самого. Но те зарисовки, которые делает автор, находясь у кыдыков, говорят о многом.

Во-первых, Н. Н. полюбил благодатный край и восхищался его прелестями: «Из-за гряды лежавших в тени гор и едва проходимых ущелий возвышался величаво трехглавый Тянь-Шань, весь убранный снегом, как старец,

видавший еще создание мира и таинственно указывавший на свои пласты, как на рубцы, начертанные веком; ближе одинокие пихты, торчащие на склонах или группы хвойных деревьев, живописно перемешанные с кустами жимолости и боярышника, казалось, приветно склонялись к нам; порою вдали вскрикивала ночная птица и вдруг смолкала, как бы испуганная тем, что обеспокоила нас и нарушила тишину ночи; горные ручьи шумели ниспадая водопадами, глухо гармонически; соловей пел, когда только нам хотелось слушать его; будто все жило для нас, для того только, чтобы и мы жили для этой матери природы, заботливой, прекрасной, нежной для своих детей. Воздух был так мягок, тепл, влажен, что невольно улыбаешься от неги и счастья, вдыхая его. Счастливые всегда добрее».

Но это безмятежное счастье в благодатном краю было мимолетным и призрачным. Будни выглядели тяжелым трудом. Неожиданные набеги барымтачей, феодальные усобицы подстерегали со всех сторон.

Во-вторых, оказалась и серьезной привязанность Н. Н. к черноокой Чонум, дочери Самсалы, поразившей его храбростью во время первой встречи. На нее загляделся и автор рассказа, который привел подробное, полное ценных этнографических деталей описание наряда киргизской красавицы: «Тяжелая, хотя и твердая поступь азиатских женщин, походке которых, видимо, мешают неуклюжие шаровары, широкая одежда, скрывающая стан их, вообще мягкий и гибкий, производят всегда невыгодное впечатление при первой встрече с европейцами, которые никак не могут отрешиться от усвоенного ими образа воззрения на красоту женщины. Но Чонум с редким инстинктом женщины умела скорее угадать, чем понять немногие замечания Н. Н. и, сохраняя вполне свой бурутский костюм, ухитрилась сгруппировать его на себе в живописных складках, чему, конечно, много способствовал ее рост, довольно высокий, и гибкий стройный стан. Впрочем, одежда ее и не составляла

безобразного чапана, обыкновенного между степными киргизами (казахами. — В. П.): это был род длинной блузы, употребляемой особенно богатыми киргизами в прилежащих к ханствам краях; она окаймлялась спереди, вдоль разреза до самого пояса, плотно перехватывающего стан, серебряными бляхами или другими украшениями; бархатная, малиновая шапочка, отороченная узкой полоской бобрового меха, с орлиным пером за оторочкой, была конусообразна, но не так высока, как у других киргизок, и не закрывала лба, и без того низкого у всех киргизов; из-под шапочки высыпалось на плечи и на грудь бесчисленное множество косичек, черных, блестящих, унизанных бисером, блестками, монетами, с вплетенными в них лентами, спускавшимися ниже пояса, что очень рельефно обрамляло ее скуластое лицо. В самой поступи ее, если не было грации, то она была не без достоинства и изобличала характер самостоятельный и независимый». В эту девушку и влюбился герой Ковалевского; влюбился так, что остался жить под властью своенравного, вспыльчивого и жестокого манапа Самсалы.

Вот и теперь к Самсалы прибыли посланцы Боромбай с вестью о выступлении сарыбагышей, чтобы ограбить и истребить отделившийся от бугинцев род кыдыков. Боромбай не только извещал о приближающейся опасности, но предлагал помощь «своим родовичам». Умный и дальновзоркий бугинский манап понимал, что истребление сарыбагышами воинственного, хотя и непокорного рода приведет к ослаблению его самого, союз же с ним усилил бы обоих. Боромбай предлагал кыдыкам спокойно ждать нападения сарыбагышей, пока не подойдет подкрепление от бугинцев и не ударит с флангов. Так общими усилиями они могли бы сами зажать в тиски сарыбагышей и одержать победу над давним врагом.

Предложение было дельным, даже казалось великодушным. Снова представлялся случай помириться с Боромбаем

(хотя самолюбие кыдыкского манапа и ущемлялось тем, что он нуждался в чьей-то помощи), сохранить род и власть над ним. К тому же можно нанести поражение сарыбагышам. Однако Самсалы понимал, что такое великодушие не может не иметь особых причин. Он спросил у посланцев, чего требует Боромбай за помощь. Оказывается, старик польстился на черноокую Чонум. Самсалы в бешенстве вскочил и схватился за чокан — боевой топорик на длинной рукоятке, который торчал из-за пояса, но Н. Н. удалось вовремя остановить его.

Кыдыки остались один на один перед надвигавшейся опасностью. Н. Н. помогал, как мог, организовать отпор: давал дельные советы, обучал воинов. Но он понимал, что надежды на благополучный исход тщетны. Было решено обороняться, используя особенности местности. Кочевнику нетрудно сняться с насиженного места; в данном случае затруднение заключалось в том, что нужно было быстро перейти ущелье. Надо было скрыть свои намерения от соседей и не привлечь внимание казахов Старшего жуза и сарыбагышей, одинаково опасных для отдельного рода. На это требовалось три дня.

Описывавший эту картину Ковалевский с горечью отмечает вражду разрозненных киргизских родов, которые, объединившись, могли обезопасить собственные владения и распространить свое влияние на соседей.

«Иссык-Кульская возвышенная горная равнина, — читаем мы в рассказе и почти дословно позже прочитаем в докладной записке правительству, — представляет все условия обширной крепости, которой господство было бы страшно для всей Средней Азии в настоящем ее положении... Северные провинции Индии, наш Заилийский край и даже весь Семиреченский был бы в постоянной опасности от нападения владетелей Иссык-Куля даже и тогда, если бы ими оставались и буруты, только не раздробленные постоянною враждою, а признающие одну волю, одну

¹⁰ Том IX. В. М. Плоских

главу. Ташкент, Кокан, соседственные племена Большой Орды (Старший жуз казахов. — В. П.) подчинились бы ему безусловно. Окруженный одними из высочайших гор в мире, покрытыми вечными снегами и ледниками, далеко превосходящими знаменитые ледники Шамуни, — горами, представляющими едва проходимые ущелья, Иссык-Кульский край имеет все условия самостоятельного существования: роскошные долины, удобные к хлебопашеству, целые леса диких фруктовых деревьев и, верно, горы его, которых еще не коснулся пылливый глаз геолога, заключают в себе многие металлы».

Ученый и политик Ковалевский первым попытался взглянуть на окрестности Иссык-Куля с точки зрения богатства недр и оценил стратегическое значение края — ключа, открывающего или закрывающего путь к странам Востока. Он недвусмысленно намекает на то, что от Иссык-Куля ближе до пределов английской Индии, чем до сибирской границы России. Не авантюристическая ли идея привела в этот край Н. Н.? — невольно подумалось автору, вспоминая намерения своего героя обосноваться на пути в Индию. Однако тот сам разрешил все сомнения.

«Не думайте, — прибавил мне грустно Н. Н., — чтобы мысль осуществления подобного замысла увлекала меня на Иссык-Куль в настоящее время; я очень хорошо знаю всю недостаточность средств, которыми могу располагать, но непостижимо, как по сию пору ни одна из трех сильных держав не подумала укрепиться в этом пункте, обещающем господство над всею Средней Азией. Правда, китайцы прежде всего поняли это, но их усилия разбились об утесы Иссык-Куля, защищаемые даже таким народом, как буруты».

Да, Н. Н., а вместе с ним Ковалевский, были правы. Важное стратегическое значение Иссык-Кульского края явно принижалось российской дипломатией. Даже такие знаменательные, говорящие о многом события, как неодно-

кратные обращения киргизов с просьбами о покровительстве во многом недооценивались царским правительством.

Как тут не вспомнить сбивчивые исторические свидетельства, которые были известны Ковалевскому и подтверждали важное значение края, издавна служившего воротами народам, разлившимся потом по обширным просторам Европы и Азии. «Нельзя не верить этим указаниям, — подтверждал Н. Н. своему собеседнику: — еще сохранились громадные груды камней, которые, как здесь всякий скажет, набросаны сподвижниками Тамерлана». И хотя само обращение к данному факту (Н. Н. подразумевал санташские курганы. — В. П.) для нас сейчас явно бездоказательно, тем не менее сама мысль об исторической роли Прииссыккуля, на просторах которого в отдаленные и не слишком отдаленные времена разыгрывались страшные трагедии, взлеты и падения целых государств, — бесспорна.

В качестве примера Н. Н. сослался на то, что и Ташкент, и Коканд, и племена казахов Большой Орды (Старшего жуза) беспрестанно меняют свою политику и своих ханов по желанию горных киргизов. «Бог знает, — заканчивал уныло свое повествование Н. Н., — может быть и нам этот гостеприимный край даст, наконец, надежный приют и спокойствие в своих горах».

Казалось, на первых порах судьба благоволила кыдыкам. Они удачно избежали опасности, прочно обосновались в горах и зорко стерегли подступы к своим кочевьям. С ними жил, помогал во всем русский друг, таинственный Н. Н. Род кыдыков стал процветать: «они завели сады, которые быстро разрослись на девственной почве; хлеба было много; стада размножились несчетно». Благополучие успокаивает, притупляет бдительность. Кыдыки постепенно перестали думать об опасности.

И тогда неожиданно с гор на них ринулись отряды сарыбагышей. В мемуарах Семенова мы встречаем имена этих «героев» — манапов Умбет-Алы и Тюрягельды.

Застигнутые врасплох, кыдыки бежали, побросав гурты овец и табуны коней. Их поля были вытоптаны, зачатки оседлости уничтожены. Лишь единицы вырвались из окружения и вынуждены были вернуться под власть Боромбая.

Проезжавший летом 1857 года по Джуукинскому перевалу Семенов-Тянь-Шанский вышел на место рокового сражения, происходившего весной 1857 года между кыдыками и сарыбагышами, и был поражен жуткостью «мертвого поля», еще хранившего свежие следы большой трагедии. Строки из его дневника поражают мрачной обреченностью: «День уже склонялся к вечеру, когда мы, обогнув знакомую нам вершину, с ее подножья вышли на «мертвое поле», засыпанное замерзшими трупами, между которыми были и человеческие. Впечатление, произведенное на меня этим полем, было несравнимо сильнее, чем впечатление «морга» на Сан-Бернарде. Только тут я глубоко прочувствовал поэтическое обращение великого поэта Пушкина к подобной поляне со словами: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»».

Только тань-шаньский медведь, да стаи осиротевших собак лакомились на месте страшного побоища — печальном памятнике феодальных усобиц и жгучей межродовой вражды.

Автор, якобы прибывший в эти места девять лет спустя после первого своего путешествия, увидел только сиротливо торчащие деревья персиков, абрикосов и яблонь. Ему удалось узнать, что жизнь Самсалы оборвалась в мученьях, Н. Н. исчез бесследно, никто не вспомнил и о Чонум. «Ее подвиг самоотвержения и мужества прошел незамеченным между киргизами, да и у нас постарались бы поскорее забыть о нем, как о предмете соблазна», — с горечью подытожил Ковалевский судьбу отважной девушки, разделившей участь ее русского друга. «А чего мог бы сделать такой человек, — восклицает автор уже о своем герое Н. Н., — при другой обстановке общества!»

В рецензии на книгу Е. П. Ковалевского «Странствователь по суше и морям» (первое издание) В. Г. Белинский писал: «Каждая страница его занимательной книжки обнаруживает в нем сметливую наблюдательность, умение двумя, тремя резкими чертами обрисовать быт и характер народа, среди которого он жил, или замечательного лица, с которым он встречался... Путешественник обращает внимание не столько на физическую природу описываемой им страны, сколько на человека, в ней обитающего, на человека в разгаре его страстей, в роковые минуты его жизни, — и потому рассказ автора иногда облекается в легкость романтического повествования, а иногда доходит до драматического движения».

Эта строки написаны Белинским до публикации «Встречи с Н. Н.», но их можно отнести и к этому рассказу.

Ковалевский в образе Н. Н. сосредоточил благородные черты свободолюбивого человека, противника светской фальши, уединившегося в девственные просторы Тянь-Шаня и мечтавшего найти здесь успокоение своей мятежной душе. Свободу, дружбу, любовь воспевают отшельник из России, нашедший родину среди кочевников-киргизов на величавом Тянь-Шане. Он сродни не только героям Байрона, Пушкина, Лермонтова, он близок тем отважным путешественникам, которые жертвовали всем, даже жизнью, во имя сближения народов и государств.

Недаром Ковалевский подчеркивал, что судьба Н. Н. напоминает ему тех героев-мучеников нации и своего долга, которые погибли или пострадали на неизведанных путях к новому. Мы находим много общего у героя Ковалевского и путешественника Семенова. Идеи и предложения Н. Н. созвучны самому Ковалевскому, проведшему лучшие свои годы в странствиях по миру. Достаточно перечислить названия государств и годы, когда он в них побывал, чтобы понять, насколько неутомим был этот казавшийся внешне хрупким человек.

В 30-х годах, когда Виткевич совершал свой полный риска путь в Бухару, а затем отстаивал в Кабуле интересы афганцев, Ковалевский был горным инженером алтайских и уральских заводов, искал для восставших черногорцев золото в Балканских горах. В 1839 г. его направляют в Бухару. Он предварительно знакомится с материалами Демезона и Виткевича, изучает пути в ханство и быт жителей. В одном из писем Д. Г. Сенявину в Азиатский департамент Ковалевский сообщал, что деятельно занимался в Архиве пограничной комиссии в Оренбурге и даже выезжал в казахские степи с Г. Ф. Генсом, знатоком Средней Азии и председателем Пограничной комиссии. В ханство он проникнуть не сумел: был захвачен в плен хивинцами, от них в бурную темную ночь бежал и присоединился к экспедиции Перовского, направляющейся на Хиву и столь плачевно закончившейся.

Менее чем через десять лет по приглашению египетского правителя Магомет-Али он ведет геологические изыскания в Египте и Абиссинии. В 1849 г. Ковалевский сопровождает духовную миссию в Пекин, а через два года добивается заключения Кульджинского трактата, давшего начало выгодной торговле с Востоком. 1853 год он проводит в качестве русского комиссара в борющейся за независимость Черногории. Его имя в одной из майских корреспонденций 1854 г. упоминает К. Маркс, следивший за действиями черногорцев. В годы Крымской войны он, как и Л. Н. Толстой, — в числе защитников Севастополя, собирает материал о войне.

После поражения России в Крымской войне Ковалевский руководил Азиатским департаментом Министерства иностранных дел, являлся помощником председателя Русского географического общества. Он усиленно старается привлечь внимание к Средней Азии, представляет правительству ряд докладных записок о важности и необходимости как для России, так и местных народов продвижения и закрепления

русских в Средней Азии; помогает организации научно-исследовательских и военно-рекогносцировочных экспедиций в неисследованные азиатские приграничные районы. Он способствовал путешествиям Семенова-Тянь-Шанского в 1856—1857 гг. и явился инициатором отправления Чокана Валиханова в Кашгар для сбора новых данных о населении, торговле и хозяйстве Восточного Туркестана как раз перед утверждением там бадаулета Якуб-бека (сразу поддержанного англичанами).

Обзор (черновик) Ковалевского «Положение наше в Средней Азии и на ее границах», представляющий исторический интерес, имеется в рукописных фондах библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 356, Ковалевский Е. П., д. 46, л. 1—23) и датируется сороковыми годами. Чистовик рукописи хранится там же, только в другом деле (д. 86), которое относится к 40—50-м годам. Точной даты на рукописи нет, но, судя по ее содержанию, можно уверенно заключить, что она относится примерно к 40—50-м годам. В этом обзоре большое внимание уделяется Киргизии и киргизам. Кое в чем сведения о них перекликаются с рассказом «Встреча с Н. Н.».

Как бы полемизируя с западной литературой, особенно с английской, Ковалевский показывает пассивную роль России в Средней Азии, где российская политика зависела от случайностей, руководствовалась течением обстоятельств и личным произволом генерал-губернаторов. «Вновь назначаемый генерал-губернатор, при обычном между людьми соперничестве, действует большею частью по-своему, вопреки действий предшественника... Один генерал-губернатор находил, что земледелие и оседлость полезны для киргизов (В данном случае речь идет преимущественно о казахах. — В. П.), другой преследовал их как самое губительное для нашего влияния нововведение и истреблял бедные лачуги киргизов, их начатки оседлости. Вступил в управление краем новый генерал-губернатор, и опять

новый порядок вещей: земледелие и оседлость в киргизской степи поощряются и покровительствуются». Все это вело, в первую очередь, к ослаблению русского влияния на коренные народы и существенно поколебало их веру в Россию как избавителя от стихийности и самоуправства. Действия генерал-губернаторов перекликались с изменчивой и нерешительной политикой Министерства иностранных дел, у которого было постоянным лишь одно — желание избежать «как материального, так и политического» столкновения со среднеазиатскими ханами. С этой целью основные усилия направляются на то, чтобы среднеазиатские ханства и более мелкие владения, то поглощаемые друг другом, то распадающиеся на независимые осколки, служили своеобразным буфером, нейтральной полосой, разделяющей владения России и Англии. Однако если царское правительство пустило на самотек русско-среднеазиатские взаимоотношения, и они складывались скорее стихийно, чем целенаправленно, то англичане из Индии настойчиво продвигались на север, завоевали Лахор; существенно влияли на политику пенджабского правителя Ранджит Сингха; стремились захватить Афганистан и дважды направляли туда свои войска; угрожали Кундузу, сменяли ханов Герата. Их агентов Виткевич встречал в Бухаре и Кабуле. Они пробирались в Хиву и Коканд, в Сибирь и Оренбург.

Ковалевский посвятил их разоблачению специальную статью, озаглавленную «Английские офицеры в Средней Азии». Она была помещена в книге «Странствователь по суше и морям». Вот некоторые наиболее известные имена: капитан Конолли, полковник Стотгард, путешественники и офицеры Бернс, Вуд. Агент Конолли после многих приключений прошел туркестанские пустыни, сидел в тюрьме в Коканде, где едва избежал смерти. В Бухаре он встретился с другим своим соотечественником — полковником Стотгардом, состоявшим ранее при английской

миссии в Персии. Некий авантюрист Шекспир, итальянец по происхождению, исколесил всю Среднюю Азию. Шекспир побывал в Париже, Петербурге, Тифлисе. С Конолли он отправился в Коканд, затем в Ташкент; возможно, был в Кульдже, посетил Бухару и Хиву — «езде преследуемый нуждой, нередко побоями, пленом и угрожаемый смертью, которая два раза уже заглядывала ему прямо в лицо». За свои козни Конолли и Стотгард в конце концов пали под топором бухарского палача.

Ковалевский предлагал, во-первых, обезопасить Илийский край от внутренних усобиц и вторжения извне, принять киргизов в российское подданство. Киргизы, пишет он, вступили бы все в подданство, если бы находящиеся на их границах кокандские крепости не угрожали им неминуемой мезтью.

Ковалевский подчеркивает: «...Иссык-Кульский край, прекраснейший край, и может быть вполне сравнен по климату и естественной производительности с Швейцарией или Тиродем, а Иссык-Куль с Женевским озером; замечу, что узел гор Тянь-Шаньский, занимаемый дикокаменными киргизами, господствует над всею Средней Азией; отсюда вытекают главнейшие реки ее, это природная крепость, горные проходы к которой в руках всякого другого народа, а не буротов, недоступны».

Территория, где жили киргизы, представлялась для России важной в том отношении, что только через нее можно было проникнуть в богатые провинции Восточного Туркестана, Бадахшана и достигнуть северных провинций Индии. Чтобы закрепить свое влияние па киргизов, Ковалевский рекомендует незамедлительно взять кокандские укрепления, в первую очередь Пишпек, Мерке и Аулие-Ата. Это, говорил он, произведет сильное впечатление на киргизов и казахов, кочующих по реке Чу, «которые таким образом освободятся от тяжелого для них ига кокандцев».

Примечательно также его внимание к облегчению положения рядового кочевника, страдающего под тяжким бременем кокандских налогов.

Во-вторых, для защиты киргизов от кокандских набегов и от собственных междоусобиц Ковалевский предлагает построить в Иссык-Кульском крае укрепление. Киргизы сами будут об этом просить, так как, пишет Ковалевский, «мы достаточно сильны в тех краях и пользуемся влиянием, как нигде в киргизской степи, и даже в некоторой степени привязанностью к себе».

Нам понятно расположение и дружеское отношение Ковалевского к среднеазиатским народам и в особенности к киргизам. Забота ученого о кочевниках сквозит во многих докладных записках. В одной из ранних записок «Нынешнее политическое положение Киргиз-Кайсацкого народа» Е. П. Ковалевский прямо призывал: «Признав киргизов (казахов — В. П.) подданными, нужно сравнить их в правах с подданными Российской империи, уничтожить черту деления между ними как физическую, так и нравственную, т. е. не считать их жителями заграничными, потому что это несовместимо с названием подданных, и не признавать их людьми низшего свойства...»

Русские революционеры-демократы, петрашевцы, писатели Н. Г. Чернышевский, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, Т. Г. Шевченко, Л. Н. Толстой и другие с симпатией относились к Ковалевскому. А поэт Тютчев в день смерти путешественника написал стихи, где есть такие строки:

«Душа живая, он необоримо
Всегда себе был верен и везде —
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...»

Влияние Ковалевского на развитие российско-киргизских связей было многогранным. Как начальник Азиатского департамента МИД он содействовал официальной политике

России в благожелательном направлении, в качестве заместителя председателя Русского географического общества принимал непосредственное участие в организации экспедиций и вообще в изучении Киргизии. Наконец, Ковалевский — путешественник и публицист — благотворно влиял на широкие слои мыслящей и читающей публики, знакомя ее с жизнью и бытом киргизского народа.

ДНЕВНИК ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

В лощинах, на северных склонах Санташа еще лежал снег. Сказывалась высота: в долинах уже отцвели сады, а тут, в горах, всюду можно было увидеть следы зимы. Но путь к теплому озеру в Иссык-Кульскую котловину был уже открыт. Последний привал перед вступлением на землю киргизов сделали у Санташа. Это было наиболее удобное место для переговоров киргизского рода бугу и казахских родов дулат и адбан. Весь день разбирали взаимную барымту, подсчитывали потери и убытки, переводили все это на скот, пока не договорились: произвести взаимные расчеты, впредь жить в мире и дружбе. Чокан Валиханов остался доволен: он много сделал для того, чтобы два родственных соседних народа поклялись не нарушать спокойствия друг друга.

Чокан вдыхал утреннюю свежесть весны и смотрел на курганы Санташа. Величественный наброс камней киргизы связывали с именем Тимура, или Тимур-Гургана, как звали на востоке этого грозного завоевателя. Сан-таш — «Счетный камень». Здесь, по легенде, великий завоеватель подсчитывал свои потери после похода за дочь китаянского императора. Курган камней, символизирующий эти потери, и сейчас внушал удивление. Окружность его достигала более 75 метров, высота — до 6—7 метров.

Понимая несостоятельность легендарного объяснения кургана, Ч. Валиханов однако не мог еще дать ему объяснения, но был убежден в том, что это — «памятник, завещающий грядущим дням какой-нибудь замечательный факт в жизни какого-нибудь из прошедших (здесь) народов». От киргизов он слышал и другую версию легенды

о Санташе, которая показалась ему более приемлемой. Они приписывали сооружение кургана еще казахскому хану Ишиму как памятника его победы над джунгарами. Ишим действительно в свое время проходил по этим местам и одержал победу над джунгарским хун-тайчжи, но убедительных доказательств этой версии легенды все же не было.

Первые лучи солнца коснулись верха палатки. Заблестела роса на нежной зелени травы. Лагерь ожил. Киргизы и казахи собирали юрты. Настала пора расставания...

Экспедиция, в которой был двадцатилетний Чокан Валиханов, направлялась к озеру Иссык-Куль.

Мухаммед-Ханафия, прозванный матерью Чоканом и получивший фамилию по имени деда — казахского султана Вали-хана, имел счастливую судьбу быть понятым современниками и получить признание потомков. Это был талантливый ученый-просветитель, исследователь истории и быта среднеазиатских народов, особенно киргизов и казахов. Чокан рано привлек к себе внимание. Уже сверстники-кадеты по Сибирскому корпусу, где среди русских учился казах Чокан, смотрели на него как на будущего путешественника.

С детства мечта уносила Валиханова в загадочную даль, в чужие страны — к горам Тянь Шаня, в Тибет. «Он еще на школьной скамье, — вспоминал его друг Г. Н. Потанин, — готовился к роли путешественника, перечитывал Палласа, Рычкова, Левшина, Вельяминова-Зернова и массу других книг».

Живое участие в судьбе Валиханова принял отбывавший последние дни в сибирской неволе Федор Михайлович Достоевский. Настоятельно рекомендуя Чокану заняться образованием, он призывал его отдать все силы просвещению своего народа. «...Не велика ли цель, не святое ли дело, писал он Валиханову в 1856 г., — быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в России, что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России,

и в то же время служить своей родине посвященным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз (так нередко именовали тогда казахов. — В. П.), образованный по-европейски вполне. Судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам душу и сердце».

Пройдет всего восемь лет, полных деятельности и риска, и Чокан Валиханов признается в письме к начальнику Алатавского округа Г. А. Колпаковскому, что он не может удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно своих «страждущих земляков». Речь шла о наиболее рациональном управлении в казахском и киргизском обществах.

Чокан, старательный офицер и молодой ученый, отлично проявил себя в 1855 г. — во время поездки с генерал-губернатором Западной Сибири Г. Х. Гасфордом по Семиречью для основания укрепления. Его произвели из корнетов в поручики. В мае следующего года на Иссык-Куль была направлена русская военно-научная экспедиция, преследовавшая главным образом политические цели: решить вопросы взаимоотношений пограничных родов казахов и киргизов, укрепить позиции России в Киргизии в противовес устремлениям кокандских ханов. Ее участникам предлагалось рассмотреть возможности о строительстве на озере крепости с постоянным гарнизоном. Намечалось добиться примирения враждовавших между собой крупнейших киргизских племен бугу и сарыбагыш, а также произвести топографическую съемку окрестностей Иссык-Куля. Экспедицию возглавлял полковник М. М. Хоментовский — образованный офицер, друг П. П. Семенова-Тян-Шанского и Ф. М. Достоевского. В составе экспедиции, кроме Ч. Валиханова, были топограф Яновский, переводчик А. И. Бардашев, казахские султаны и бии, отряд казахов — всего около сотни человек.

Валиханов должен был собирать научные сведения о киргизском крае и способствовать примирению бугинцев с сарыбагышами.

Участие в экспедиции одаренного казахского исследователя Чокана Чингисовича Валиханова и переводчика-этнографа Андрея Ивановича Бардашева придало работам большую научную значимость. Собранные ими ценные географические и историко-этнографические материалы, опубликованные отдельными статьями, а особенно путевой дневник и другие рукописи Валиханова, оказались очень ценными для изучения истории Киргизии, а вся их работа — полезной для установления спокойствия и дружественных отношений в крае. Валиханов с радостью откликнулся на предложение посетить Тянь-Шань, собрать сведения о все еще малоизвестном народе киргизском народе, изучить растительный и животный мир края, составить коллекции и гербарии.

И вот Санташ — Рубикон свершения мечтаний. Впереди страна киргизов. Представительные манапы рода бугу Боромбай Бекмуратов, Мураталы Бекназаров, Качыбек Шералин и другие, недавно принявшие российское подданство, встретили Чокана при подходе к Тюпу. Могущественное покровительство России вселяло в сердца бугинцев надежду освободиться от кокандского ига и, если удастся, отвоевать у сарыбагышей свои земли.

Чокан внимательно вглядывался в даль. Горы сужались и местами нависали над стремительной рекой, низвергавшейся с оглушительным грохотом навстречу озеру. Дорога становилась все труднее, но верблюды и низкорослые киргизские лошади шли легко, как будто не чувствуя тяжести всадников и груза. Спускались по течению реки, то и дело пересекая небольшие притоки.

В том месте, где река Чаты прорезает пропасть в скалах, Валиханов увидел «памятник» батыру Атаке, первым проложившему дорогу киргизам в Россию. Тропинку ограживали деревянные перила, которые, по киргизским преданиям, сделал Атаке. Рядом возвышался курган, который киргизы называли могилой Карабека, сына Атаке.

В окрестностях кочевал Джантай, сын Карабека и внук Атаке. На юго-запад простирались кочевья Качыбека Шералина. Валиханов познакомился с этим манапом в Омске более года тому назад и многое знал о нем. Качыбек, наверное, не преминул рассказать ему, как он еще 14-летним юнцом был на сибирской границе. Многое помнилось, но и многое стерлось в памяти за минувшие сорок лет... К удивлению рассказчика, Чокан мог подсказать и напомнить ему кое о чем, как будто был свидетелем тех событий. Объяснялось это просто. Валиханов, знакомясь перед экспедицией с архивными документами, знал не только то, что говорил Качыбек и его спутники по второму посольству в Россию. Он знал, что в России бушевало пламя Отечественной войны, на полях Европы разворачивались грандиозные битвы. Качыбек и его спутники не попали тогда в С.-Петербург. Им были даны лишь заверения в дружбе к киргизам, а Качыбеку присвоили чин капитана русской армии.

Добровольное вхождение Киргизии в состав России произошло позднее. Качыбек первым принял присягу на подданство. Это было в январе прошлого года, и Чокан помнил все до мелочей.

Дело, как обычно, началось с переписки. В 1853 году самый влиятельный манап племени бугу Боромбай настоятельно добивается принятия российского подданства. Он надеется освободиться от кокандского господства с его хищными сборщиками налогов — зякетчи — и выстоять против сарыбагышей, которые оттеснили бугинцев в Прииссыккулье.

Сибирские власти к этому времени были уже готовы упрочить положение на торговой трассе в Восточный Туркестан и Индию. Сам Боромбай просил русских построить крепость на Иссык-Куле. Русское правительство дало согласие, и бугинцы снаряжают посольство в Сибирь. Выбор пал на Качыбека Шералина. Валиханов сам зачитывал письмо

бугинцев и саяков от 10 июля 1854 г. генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду. Киргизы от имени всех народов, «кочующих в алатавских горах, в окрестностях Иссык-Куля», давали полномочия пользующемуся между ними «уважением и доверенностью» капитану Качыбеку Шералину для принятия присяги на подданство. Качыбек давно был хорошо известен сибирским властям как сторонник сближения с русскими, с другой стороны, он являлся близким родственником главного бугинского манапа Боромбая.

Перед глазами Валиханова встала процедура принятия киргизами присяги. Она происходила не в столице, не в присутствии царя, но и в Омске все обставили торжественно. Качыбек находился в сопровождении двух биев: Мучана Бердыбекова и Джантая Султанаева. 17 января 1855 г. в торжественном присутствии военной администрации, сибирских высших сановников, а также специально приглашенных казахских султанов Качыбек Шералии принял на коране от имени своего народа присягу: «Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода бугу орды дикокаменных киргизов, неподведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь всемогущему богу, что род бугу... хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть...» — читал Качыбек присягу по-киргизски, а переводчик — по-русски. Как и полагалось, текст, составленный на двух языках, был соответствующе оформлен, скреплен печатями и подписями присутствующих и направлен на хранение в Министерство иностранных дел. С этого времени киргизы считались официально подданными России. Старшим манапом был назначен Боромбай, произведенный сразу в чин полковника.

Основные положения согласованного договора заключали в себе следующие пункты: защита бугинцами российских торговых караванов, проходящих по Иссык-Кульскому побережью; сдерживание и искоренение барымты;

¹¹ Том IX. В. М. Плоских

не прибегать к помощи иноземных государств, считать врагов России своими врагами; жить в мире и добром согласии с соседними казахами, российскими подданными; в случае необходимости содержать в кочевьях русский военный отряд для охраны киргизов и т. д.

Валиханов приветствовал принятие киргизами российского подданства: «быв поныне угнетаемы кокандцами, конечно, более для себя выгоды (будут иметь) в покровительстве России».

Для консультации и сношения русских с Качыбеком в киргизские кочевья был отправлен Файзулла Ногаев, который также неоднократно ездил по торговому тракту через Киргизию и еще в 1820 г. был переводчиком при миссии Негри в Бухару. Чокан сумел полностью оценить деятельность Ногаева, только находясь среди киргизов, у которых Файзулла пользовался полным доверием и уважением. Позже, уже в 1857 г., Файзулла Ногаев будет определен в распоряжение Валиханова во время второй поездки к киргизам.

26 мая на бивуаке к отряду присоединился киргизский ырчы-сказитель. Он познакомил Чокана с «Манасом» — одним из величайших мировых памятников устного народного творчества, энциклопедией старины, киргизской истории и быта. Валиханов сначала с интересом, а потом все с большим удивлением и, наконец, охваченный восторгом, зачарованно слушал то плавное, то быстрое, то напевное, то речитативное повествование сказителя, сопровождавшего выступление живой мимикой. Чокан слушал певца, и рука скорописью выводила строки эпоса. Впервые на бумагу ложились строфы героического «Манаса». Так была открыта для России поэтическая энциклопедия киргизского народа. Валиханов сделал первую запись, впервые перевел цикл-отрывок, названный им «Смерть Кукотай-хана и его поминки». Оригинал записи Валиханова обнаружен совсем недавно и воспроизведен казахским академиком

А. Х. Маргуланом в 1971 г. Перевод отрывка стал известен востоковедам уже после смерти Валиханова. Многие отмечали большие достоинства перевода, восхищались тем, до какой степени силы и образности Валиханов умел передать по-русски сжатую киргизскую речь».

Сам Валиханов очень высоко оценил эпос «Манас». «Манас», — пишет он, — это энциклопедия, собрание всех сказок, известий, преданий, географических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, (приуроченное) к одному времени... «Манас» — это произведение народа, созревавшее в течение многих лет, подобное «Илиаде», чтобы прослушать его, недостаточно трех ночей». Не принижая значения высказывания Валиханова, поправим: лучшие знатоки этой героической поэмы могут исполнять «Манас» в течение многих недель. Вариант известного манасчи нашего столетия Саякбая Каралаева имеет полмиллиона стихотворных строк. Это гигантский свод народной премудрости, знаний и опыта всех предшествующих поколений. Эпическая сага киргизского народа — «Манас», — запишет Валиханов, — является чрезвычайно древней, сохранившей элементы былой истории народа поэмой, имеющей собственные душевные воспоминания народа. Научное воссоздание в полном объеме древнейшего прошлого местных народов казалось ему тогда почти невозможным. Поэтому вывод делался несколько скептический: «История племен кочующих и вообще народов, не имеющих письмен, заключается (более) в их полубаснословных преданиях, нежели фактах (и) представляется нам в виде хаотических противоречий..., древнейшая судьба их покрыта мраком неизвестности»...

Пора было сниматься и двигаться к волшебному озеру. Днем начало парить, и жара невольно заставляла с надеждой думать о дожде. Потребность здесь в нем, видимо, постоянна и настолько желанна, что у киргизов, — отметил у себя в дневнике Валиханов, — широко практикуют

«шарлатаны, которые заклинаниями призывают дождь, они называются «джайчи».

Лаконичные записи в дневнике молодого ученого раскрывают много интересного из жизни и быта киргизского народа, вводят в мир его поэзии и истории. По дороге Валиханов зарисовал киргизские мазары — надгробные сооружения манапов. Некоторые из них (мазары Карабека, Ногая и др.) являлись хорошими архитектурно-художественными творениями. Мазар Карабека, например, имел внутреннюю роспись «разными цветами в восточном вкусе». Мазар Ногая расписан бытовыми сценами, которые перемежались фантастическими сюжетами. Валиханов не оставил его описания, но приехавший сюда через год Семенов-Тянь-Шанский рассказал, что памятник имел вид небольшого храма типично восточной архитектуры: с куполом и башней. Купол был расписан грубыми фресками: на первом плане изображен Ногай на коне с длинной пикой в руке, за ним его сын Чон-Карач и дальше все члены семейства, целый ряд вьючных верблюдов. И это при строжайшем запрете ислама рисовать людей и животных. Между фигурами — фантастические деревья и цветы. Все выглядело довольно привлекательно. Ласкали глаз красивые глазированные кирпичи, которые, по мнению Семенова, были собраны на более древних развалинах. Валиханов пришел к выводу, что «если у киргизов есть свое художество, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил».

На одном из привалов в устье Тюпа забросили невод. Попалась маринка, называемая киргизами «карабалык», язи (по-киргизски «канылтер»), чебаки и другая рыба. Ее было так много, что казаки в камышах рубили саблями. Берега реки и озера заросли джерганакom, который, по рассказам киргизов, еще несколько лет назад был серьезным препятствием коннику. Проводники-киргизы, спутники Валиханова, занимали его рассказами о многочисленных

оленьях, диких кабанах и бурых медведях, живущих на берегах озера. По их уверению, в окрестностях Иссык-Куля не редкость даже «полосатые кошки» — хищные тигры. Знакомый и ранее с рассказами охотников (кому они неизвестны и теперь?!) и зная им цену, Валиханов не придавал особого значения словам спутников, однако позже сам удостоверился в их правдивости.

1 июня Чокан, переодевшись в казахский национальный костюм, чтобы не смущать киргизов формой офицера, направился в аил старшего манапа племени бугу Боромбая, раскинувшийся в живописном урочище Тулпарташ. Для гостей поставили на возвышенном месте юрту, закололи барана и приготовили чай. Утром Боромбай повел Валиханова в свою юрту, стеная о бедности и кляня притесняющих соседей, из-за которых он не может-де встретить дорогого гостя с должным почетом. У входа в нарядную юрту сидело несколько почетных киргизов. При появлении Чокана хозяин громко воскликнул: удакоб! (встать разом). Гостя усадили на почетное место — пестрый дорогой ковер. Рядом на бараньей шкуре сидела жена хозяина в цветном халате. Галантный офицер, надевший форму по торжественному случаю, обратился к хозяйке с восточным приветствием. Он осведомился о ее «драгоценном» здоровье и о благополучии скота. Почтенная яач отвечала лишь кивком головы да широкой улыбкой, смущенно прикрывая пожелтевшие зубы.

Разговоры запивались традиционным кумысом. Киргизы жаловались на свое бедственное положение, на потерю тучных пастбищ по западному берегу Иссык-Куля; на притеснения все еще продолжающих наезжать кокандских налоговщиков — зякетчи.

Валиханов и М. М. Хоментовский обещали помощь в случае нападения кокандцев, но отвергли просьбу Боромбая разгромить сарыбагышей, используя поддержку русского отряда. Валиханов основную задачу видел в установлении

мира в кочевьях. Боромбай был несколько огорчен. Почувствовав, однако, себя уже достаточно уверенно от одного общения с русскими (что, как эхо, разнеслось по окрестным горам), Боромбай пока воздержался от предложения постройки русского пикета на озере.

Экспедиция занялась исследованием окрестностей озера. Была произведена первая топографическая съемка бассейна Иссык-Куля до Джууки. Валиханов, по поручению Семенова, занялся сбором гербария.

Валиханов познакомился и сдружился с Семеновым в Омске, в доме К. К. Гутковского, накануне экспедиции весной 1856 г. У Гутковского обычно собирались лучшие представители общества. Валиханов много беседовал с петербургским ученым, тоже прибывшим для обследования еще малоизвестных районов, о предстоящей экспедиции. Г. Н. Потанин вспомнил позже их встречу. «Я застал Чокана с восторженными воспоминаниями о только что приехавшем путешественнике».

Рад был встрече и Семенов, который в лице Валиханова приобрел отличного консультанта по вопросам жизни и быта среднеазиатских кочевников. Частые поездки к киргизам и казахам, — писал П. П. Семенов в октябре 1857 г. в Русское географическое общество, — «дали мне случай ознакомиться с жизнью этих народов, а в особенности полезны были для меня сведения, сообщенные лучшими здесь знатоками киргизского быта поручиком султаном Чоканом Валихановым и переводчиком Бардашевым».

А. И. Бардашев давно интересовался жизнью киргизов и написал ряд статей. В 1851 году на страницах «Известий РГО» появилась статья, озаглавленная «Сведения о дикокаменных киргизах». Редакция сообщила в примечании, что эта статья прислана из штаба Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Подробные сведения, приводимые в ней, говорили о хорошей осведомленности автора. Им в то время мог быть только один человек — Бардашев.

Он служил переводчиком, интересовался историей киргизов, снабдил Семенова интересными сведениями о киргизах. Его записками пользовался Валиханов.

Позже, в 1870 году, в газете «Туркестанские ведомости» была опубликована статья Бардашева. Она так и названа «Сведения о дикокаменных киргизах» (т. е., как уточнял Ч. Валиханов, о киргизах, обитающих в дикокаменных горах). В 1874 г. ее перепечатали без изменения в ежегоднике «Материалы для статистики Туркестанского края». В газетной статье перед фамилией Бардашева вместо инициалов А. И. (Андрей Иванович) стояла буква Г., обозначающая «господин» — довольно нередкое явление в печати в середине прошлого столетия. Заметим, что в отрывке из письма Валиханова А. И. Герцену, опубликованного в «Колоколе» в 1862 г., сам казахский путешественник в тексте назван Г. Валихановым, т. е. «Господином Валихановым». Разнобой в инициалах переводчика (А. И. Бардашева) и автора заметок о киргизах (Г. Бардашева) привел к путанице. Разночтение не устранено даже в современных библиографических указателях. Автором статьи о киргизах ошибочно оказывается не переводчик — знаток быта и соратник Валиханова — А. И. Бардашев, а некая не существующая личность Г. Бардашев. Эта путаница перешла и на страницы научно-исследовательских работ.

Бардашев собрал оригинальные материалы из жизни и быта киргизов. Его первую статью можно назвать первой энциклопедической справкой киргизской жизни. Она фрагментарно и во многом очень ориентировочно рассматривает разные стороны истории, хозяйства и быта киргизов в середине XIX столетия.

В бумагах Валиханова мы встречаем выписки, принадлежащие Бардашеву. В частности, примечательно его «Описание караванных путей от укрепления Верного до городов Турпана, Аксу, Кашгара, Яркенда, Хотана» — того самого «нового торгового тракта», который был освоен

русскими в начале века. Бардашев очень подробно рассказывает о путях через территорию киргизов, указывает достоинства и недостатки.

По сведениям, собранным Бардашевым в кочевьях, киргизы, кроме самоназвания «кыргыз», знали и название «кара-кыргыз» — иногда с прилагательным «ак-калпакты» (белоколпакий — их национальным головным убором была белая войлочная шапка). Этноним «кара-кыргыз», т. е. «черный киргиз», сами жители объясняли тем, что у них не было и нет «белой кости»: ханов, султанов, беков. Манапы же произошли от «черного отца» — простолюдина. Следовательно, в сам термин «кара» киргизы не вкладывали никакого негативного оттенка, он даже был предметом особой гордости, показывая равенство всех по происхождению. Хотя в наивности объяснения об общем равенстве прослеживается скорее желание такового, чем фактическая действительность, тем не менее примечателен сам по себе тот факт, что киргизы, неоднократно находившиеся под властью династии чингизидов и тимуридов, не пытались возводить свою генеалогию к великим завоевателям (как это делали их соседи — узбеки, казахи и др.). Термин «кара» в народной этимологии имел и другое значение — «главный, сильный, большой» (например, эпитеты кара-ханов в эпосе).

Валиханов полностью включил соображения Бардашева в свою записку о киргизах. У киргизов, пишет он, в отличие от казахов, возводящих происхождение своих султанов от сверхъестественного начала, как владетели, так и простой народ «имеют одного общего родоначальника и по происхождению составляют одно нераздельное тело — народ».

Образная и тонкая характеристика хозяйства киргизов, данная Чоканом Валихановым: «Кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргизов, как известно,

начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твоё семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует более, нежели целые страницы».

В междуречье Сарыбулака и Курменты, на северо-востоке Иссык-Куля, Валиханова поразило беспорядочное нагромождение валунов, среди которых им были обнаружены каменные изваяния, условно именуемые в литературе «каменными бабами» — памятники более чем тысячелетней давности. Делая зарисовки, Чокан с сожалением писал о том, что ему неизвестно их назначение. Наука в то время была еще не в состоянии помочь разгадать загадку многих историко-археологических памятников прошлого. Первый шаг к тайнам каменных изваяний был сделан, когда прочитали сохранившиеся на каменных стелах надписи на древнетюркском языке. Но это пришло сорок лет спустя. Письмена приоткрыли завесу, но до конца не объяснили, зачем древние люди ставили эти каменные скульптуры: убитым вождям своего племени или знатному врагу побежденного рода. Однако то, что каменные бабы все же выполнены с любовью и не карикатурно (что было бы объяснимо по отношению к врагу), что среди изваяний встречаются женские скульптуры (какая честь для воина в победе над женщиной?), что их «производство», несомненно, было делом рук мастера, который придавал своим произведениям определенное портретное сходство с натурой и не мог, конечно, знать в лицо убитых врагов, — все это склоняет нас к тому, что каменные изваяния ставились в честь знаменитых соплеменников. Однако в источниках встречаются упоминания о каменных скульптурах, олицетворявших поверженных врагов, что не позволяет окончательно решить вопрос о происхождении каменных баб.

Интересно и, на наш взгляд, вполне обоснованно Валиханов говорит о появлении термина «манап» и манапстве, как социальном институте киргизов. Манапы, по его словам,

являлись прямыми потомками древнейшего родоначальника рода, племени. В основании их власти лежало первоначально патриархальное право отца семейства, которое с течением времени трансформировалось в деспотические отношения владетеля и рабов. Манап стал полноправным господином имущества и самой жизни своих подданных. С содроганием Валиханов услышал о виселице сарыбагышского манапа Ормона, на которой деспотичный манап вешал своих подданных «для внушения вящего страха». Он был настолько жесток, что даже любимую жену застрелил якобы только за то, что она заставила его повторить дважды какое-то приказание. По объяснениям киргизов, первые манапы, как сильные и недоступные деспоты, появились именно среди сарыбагышей: «бий сарыбагышей по имени М а н а п был первый т и р а н». Постепенно термин «манап» получил распространение. При Валиханове он стал нарицательным именем родоправителя каждого поколения. Интересно замечание Валиханова о том, что истоком манапства как социального явления явилось бийство и патриархальное право старейшины: «неограниченная, почти деспотическая власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью отца семейства, бия, как назывались манапы прежде». Валиханов указывает на глубокую древность манапства как социального явления и сравнительно недавнее происхождение самого термина «манап». Действительно, как мы видели в предшествующих главах, даже родоправитель сарыбагышей Атаке в конце XVIII в., бугинские родоправители Шералы, Качыбек, Аджибек и другие в первой четверти XIX в. в письмах к западносибирским властям именовали себя биями, батырами, а не манапами. Насколько нам известно, в архивных документах термин «манап» впервые встречается в 1843 году.

Обобщая материалы экспедиции, Валиханов затронул многие вопросы истории, расселения, экономики, соци-

ального быта, обычаев, языка и письменности киргизов. Несмотря на прекрасное знание жизни и быта, Валиханов несколько односторонне подходит к вопросу о грамотности киргизов. Как мы видели выше, киргизы переписывались с западносибирскими властями, причем лексико-грамматический анализ писем позволяет отнести их именно к киргизским, а не традиционно чагатайским, которые были в обиходе в кокандской канцелярии. В 50-х годах Боромбай, Умбет-Алы и другие киргизские манапы составляли донесения русским властям. В дневнике М. С. Знаменского, участвовавшего вместе с Валихановым в походе на Аулие-Ата в 1864 г., зафиксирован факт, когда сам Чокан читал письмо киргизских манапов — читал и тут же переводил: «услышали мы, что идут русские и просим принять себя в подданство царя белого, желаем всю жизнь есть соль царскую. Мы прежде были подданными хана и ели его соль, но власть хана ослабела, просим охранять наши пашни от потравы. Пашни де царские и скот наш — скот царский. Если мы будем хорошими подданными, то жалуйте нас, а коли худыми, то наказывайте».

Некоторые из писцов были, вероятно, киргизами. Валиханов же говорит обо всех: «Во всей Орде нет ни одного грамотного человека, даже человека знакомого с первыми правилами своей религии. Полуграмотные ташкентцы и татары теперь только явились у немногих манапов в качестве мулл и отправляют религиозные требы, разумеется с грехом пополам».

Во многих отношениях мнение Валиханова остается бесспорным. Его свидетельства воспринимаются как первоклассный источник. Начав работу еще в экспедиции, Валиханов затем привлекает материалы архивов, рассказы современников и создает замечательный труд о киргизах. Он характеризует автора не только как прекрасного знатока жизни и быта киргизов, как талантливого ученого-востоковеда, но и как человека прогрессивных взглядов.

«Чокан был человек с поэтической душой и восточным воображением», — писал один из его друзей Ядринцев, а Потанин замечал у Валиханова черты, напоминающие черты характера Пушкина и Лермонтова, К отцу Чокана Чингису заезжали академик А. Ш. Шренк, декабристы Н. В. Басаргин, С. С. Семенов, В. И. Штейнгель, которые не могли не повлиять на любознательного казахского юношу. В Сибирском кадетском корпусе ему привили тягу к знаниям, развили природные способности

Друг Валиханова — Перемышльский был образованным, демократически настроенным офицером, товарищем Лермонтова по Московскому университету, выписывал из С.-Петербурга журнал «Современник», издаваемый Чернышевским. Другом Чокану стал позже знаменитый путешественник Потанин. Валиханов переписывался с Достоевским, ему покровительствовали Ковалевский и Семенов-Тянь-Шанский.

Е. П. Ковалевский, как и другие русские ориенталисты, считал Валиханова «замечательным ученым, лучшим другом киргизского народа и хранителем русских государственных интересов». Он активно помогал Валиханову в научной и общественной деятельности, был одним из инициаторов его экспедиции в Кашгар.

Валиханов после посещения Семиреченского края в 1855 г. перед поездкой на Иссык-Куль, писал о прогрессивном влиянии России на местные народы: «Вокруг нас на окраине Империи народы пробуждаются от сна, и невежественный мрак, в котором они были погружены многие столетия, начинает исчезать». Здесь же молодой Чокан Валиханов высказывает предостережение против усиления в Средней Азии турецкого и английского влияния, которое может привести вслед за распространением «поджигательных фирманов» турецкого султана, английских товаров и золота к влиянию «европейского усовершенствованного огнестрельного оружия».

Потанин, во многом разделявший взгляды молодого казахского ученого, подчеркивал, что подъем уровня образования и просвещения даст толчок расцвету своеобразной культуры местных азиатских народностей, «умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа».

Но перед глазами проходили картины угнетения, несправедливости. В письме к А. Н. Майкову Чокан признавался, что с местными султанами и богачами не ладит: на них все еще трудятся бывшие рабы, «зато с пролетариатом степным я в большей дружбе и скоро сходимся».

Валиханов активно и решительно выступал за дружбу казахского, киргизского и русского народов, в которой видел залог будущего прогресса Средней Азии. Он гневно протестовал против пренебрежительного отношения колониальных чиновников к местным народам, выступал против версии о их «дикости», неполноценности. «Говоря серьезно, — писал Валиханов, — киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства».

С глубоким сожалением и печалью отмечал Валиханов пренебрежительное отношение царских чиновников к своему народу, призывал власти к разумной политике: «Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности».

Валиханов даже выдвигал свою кандидатуру на должность султана одного из округов, надеясь посвятить себя деятельности на пользу соотечественников, «защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов». В одном из писем к Достоевскому Валиханов жаловался, что все

сибирское чиновничество выступило против него в этом начинании, стало подстрекать самолюбие богатых казахов, если его выберут султаном, то всем будет плохо, так как он «держится понятий о равенстве и отличать... по роду, богатству... не будет». Валиханов просил совета у Достоевского, как ему поступить в этом душном чиновничьем мире именно в то время, когда писатель заканчивал свои знаменитые «Записки из Мертвого дома». «Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, — писал Валиханов, (имея в виду казахов) — воспитавшихся в России). Земляки нас считают отступниками и неверными, потому что, согласишься сам, трудно без убеждения из-за одной только политики пять раз в день хвалить бога (совершать намаз. — В. П.), а генералы не любят потому, что мало этой восточной подобострастности. Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся». Но Чокан верил в прогрессивную миссию русского народа, в грядущее освобождение от социального и национального гнета. В нем, по словам Г. Потанина, «жило сознание, что улучшение положения его сородичей зависит от общего обновления России».

Пока Валиханов находился на Иссык-Куле среди киргизов, в Петербурге решался вопрос об отправке в Кульджу человека для налаживания русско-китайской торговли. Выбор пал на него. Полетела срочная депеша полковнику Хоментовскому о сворачивании экспедиции.

Основная цель первой поездки Ч. Валиханова на Иссык-Куль, как признавал сам путешественник, — «видеть киргизов» была достигнута. Задачи выполнены. Можно было отправляться в обратный путь.

Прощальным взором окинул путник прибрежные горы и Иссык-Куль, «озеро, сияя чистейшим кобальтом, сливалось с сиянием неба и дальним рельефом снежных гор, жаркое зноепалющее солнце бросало на долину круглообразные от облаков тени».

Возвращались в середине июля по новому малоизведанному маршруту: через крутые края гор, по перевалу Шаты. Сырая земля была скользкая. Из-под копыт лошадей то и дело срывались камни и, обрастая с каждым метром лавиной, скатывались на дно ущелья все сметающим на своем пути обвалом. Произошел случай, который едва ли не стоил жизни отважному исследователю. Неожиданно поперек горной тропы выросла еловая колода. Конь шарахнулся в сторону, встал на дыбы. Затем, задев копытом дерево, начал падать. Валиханова, к счастью, выбросило из седла в сторону и вперед. Когда он вскочил на ноги, лошадь, не удержавшая при падении равновесия, беспомощно кувыркалась вниз по обрыву, увлекая за собой клубы из камня и земли, грохочущим обвалом закрывшие на миг бурлящую внизу реку.

* * *

Так, балансируя на грани опасности и неизвестности, неутомимые землепроходцы, нередко жертвуя здоровьем и самой жизнью, устремлялись в новые еще не изведанные земли. Они обогащали науку важными открытиями, всей своей деятельностью утверждая дружбу между народами, разными по образу жизни, языку, культуре.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. У истоков дружбы. Фрунзе. Издательство «Кыргызстан». 1972.

Часть вторая

**АНТОЛОГИЯ
НАУЧНОГО ПОИСКА**

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КИРГИЗИИ

Дореволюционная историко-этнографическая литература представляет интерес и ценность для изучения общественно-экономической структуры Киргизстана только в источниковедческом плане. Проблема характера и сущности социально-экономических отношений у местных народов дореволюционными авторами не ставилась. Положение о родовом строе у киргизов и других народов Туркестана принималось как бесспорное.

Лишь в советское время появляется система взглядов на дореволюционный общественно-экономический строй Киргизии. Впервые изучение социально-экономических отношений вытекало из необходимости социалистических преобразований в крае¹. Авторские экскурсии в дореволюционную историю, попытка выяснить эволюцию социально-экономических отношений в Киргизстане основаны на сравнительно бедном фактическом материале и содержат много неточностей, противоречий и ошибок.

Были высказаны две прямо противоположные точки зрения. П. П. Кушнер считал, что Киргизия до революции находилась на самой ранней ступени развития феодализма и одновременно проходила стадию разложения родовых отношений, утверждая, что это — грань, рубеж двух социальных эпох — родового и феодального строя.

¹ Рыскулов Т. Джетысуйские вопросы, 1923; Буров-Петров. На борьбу с байством и манапством, 1927; Кушнер П. П. Горная Киргизия (социологическая разведка), 1929; Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана, 1930.

П. Погорельский и В. Батраков, подвергнув правильной критике теорию родового строя в кочевом хозяйстве, переоценивали, однако, роль товарно-денежных отношений в развитии аила¹.

Эти ошибки в определении общественно-экономической структуры дореволюционного Киргизстана объясняются тем, что авторы еще не овладели в совершенстве марксизмом-ленинизмом как методологической основой историко-экономического анализа².

В ходе длительной дискуссии об азиатском способе производства, переросшей в общеметодологическую дискуссию о социально-экономических формациях (30-е годы), общественный строй стран средневекового Востока признавался феодальным. В это время появляется концепция кочевого феодализма, в основе которого, по мнению ее автора Б. Я. Владимирцова, лежала прямая и завуалированная собственность кочевой знати на основные средства производства — землю и скот личная зависимость рядовых кочевников³. С. П. Толстовым предпринимается попытка определить формы земельной собственности в кочевых обществах, обосновать тезис о наличии у киргизов в кокандский период крупных помещичьих хозяйств, основанных на барщинном труде⁴.

В 40-х годах выходит в свет ряд статей по отдельным конкретным вопросам социально-экономического строя Киргизии, не решающих, однако, проблемы в целом

¹ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. 1930. С. 19.

² См.: Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960). 1961. С. 15.

³ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. 1934.

⁴ Изв. ГАИМК. Вып. 103. С. 190.

(С. М. Абрамзон, Б. Д. Джамгерчинов, С. И. Ильясов, А. Н. Бернштам). Киргизские историки Б. Д. Джамгерчинов и С. И. Ильясов, признавая феодальные в основе отношения у киргизов в дореволюционный период, связывали их развитие с крупным ско-товодческим хозяйством и собственностью на пастбища¹.

По мнению С. М. Абрамзона, выступившего вскоре с монографическим исследованием культуры киргизского народа, киргизы в первой половине XIX в. находились на стадии первобытно-общинных отношений: «Феодальные отношения в ту пору еще окончательно не сложились и не представляли собой определенной системы». Накануне Октябрьской революции, пишет автор, в общественном строе киргизов сочетались находившиеся в упадке патриархально-общинные отношения, развивающиеся элементы феодализма и нарождавшиеся капиталистические отношения, а «господствующим в киргизском обществе оставался полупатриархальный-полуфеодальный уклад»². Позже, развивая этот тезис, автор убедительно обосновывает наличие у кочевников Средней Азии патриархально-родового уклада. Но, недооценивая степень развитости здесь феодализма, он считает его не господствующей общественно-экономической формацией, а лишь укладом³.

Общий итог исследованиям по определению характера социально-экономических отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана подвела Ташкентская научная сессия 1954 г. Буржуазно-националистическая «теория» родового строя у кочевников была окончательно отвергнута. На сессии было признано правильным положение,

¹ Труды ИЯЛИ. Вып. 1, 1944. С. 113, 120.

² Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. 1946. С. 42

³ Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Тр. Ин-та этногр. АН СССР. Нов. сер. Т. XIV, 1951. С. 147.

что кочевым народам свойственны общие закономерности социально-экономического развития, подвергнута критике теория особого пути развития феодализма у кочевых народов. Всеми участниками сессии признавалось наличие у кочевников Средней Азии и Казахстана до революции феодальных отношений с сильными патриархально-родовыми пережитками¹.

Были высказаны различные мнения о сущности патриархально-феодальных отношений, об основном средстве производства у кочевников. Большинство ученых (Л. П. Потапов, И. Я. Златкин, А. Б. Турсунбаев и др.) считали, что в кочевом, как и оседло-земледельческом хозяйстве, в основе феодализма лежала собственность на землю и главным средством производства являлась земля. Меньшинство (В. Ф. Шахматов, С. И. Тольбеков) отстаивало точку зрения, что основным средством производства у кочевников служил скот. На прежних позициях оставался С. И. Ильсов, доказывая, что главным средством производства «был скот и пастбище одновременно».

В советской историографии этот вопрос дискутируется до сих пор. В Киргизии большинство авторов придерживаются первой точки зрения, одобренной сессией. Она развивается в работах Б. Д. Джамгерчинова «К вопросу об общественно экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (в середине XIX в.)» (В кн.: Первая научная сессия АН Киргизской ССР, 1955) и «Присоединение Киргизии к России» (1959) и С. И. Ильсова «К вопросу об общественно-экономическом строе киргизского народа в начале XX в.» (Тр. ИЯЛИ АН Киргиз. ССР. Вып. V. 1956). Господствующим стало мнение, что «общественный строй киргизов, несмотря на проникновение

¹ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. 1955. С. 582.

капиталистических отношений, оставался патриархально-феодальным с пережитками патриархально-родовых отношений в быту»¹. Это положение нашло отражение и в обобщающем труде «История Киргизии» (1956 и 1963 гг.).

Начинается дальнейшее углубленное исследование большого комплекса конкретных проблем, включаемых в обширное понятие общественно-экономической структуры, с привлечением новых, в первую очередь, архивных и малоизвестных литературных источников.

Одной из таких специальных работ по истории Киргизии первой половины XIX в. явилась книга К. У. Усенбаева «Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства» (1961). Считая право государства как верховного собственника земли чисто формальным, автор утверждает, что фактическими собственниками были киргизские феодалы, причем на юге «существовала ярко выраженная частная земельная собственность». Патриархально-феодальные отношения в целом автором признаются лишь «неразвитой формой феодального способа производства».

Феодальные виды землевладения, черты патриархально-общинных отношений в землепользовании Киргизии середины XIX в. рассматриваются в нашей работе «Очерк земельных отношений в Южной Киргизии накануне вхождения в состав России» (1965).

В качестве актуальной выдвигается проблема изучения процесса разложения патриархально-феодальных и развития капиталистических отношений, исследуются аграрные и товарно-денежные отношения, налоговая политика царизма, основы общественно-политического строя, история

¹ *Ильясов С. И.* К вопросу об общественно-экономическом строе киргизского народа в начале XX в. (Тр. ИЯЛИ АН Киргиз. ССР. Вып. V. 1956. С. 33.

развития промышленности и торговли, обострение национально-освободительной и классовой борьбы.

Появляются брошюра Б. Байбулатова «Социально-экономическое развитие Киргизии до Великой Октябрьской революции» (1959), монография М. Т. Айтбаева «Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX веков» (1962). Изменения в общественно-экономическом строе Киргизии, связанные с вовлечением ее в систему российского капитализма, освещаются в монографии Б. Д. Джемгерчинова «О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России» (1963).

С. И. Ильясовым основательно исследуются аграрные отношения в дореволюционном Киргизстане. Автор считает верховным собственником земель и юридически и фактически Российское государство, а киргизских феодалов — лишь пользователями и владельцами пастбищ. «Полными правами собственности могли пользоваться только те лица, которым земли были пожалованы самим императором»¹.

В работах А. У. Орузбаева проводится мысль о том, что в Киргизии были довольно зрелые феодальные отношения. Однако имели место и элементы других отношений — пережитки первобытного общества и проникающие капиталистические отношения, которые в русских старожильческих хозяйствах стали даже господствующими. В то же время автор, в противовес большинству исследователей, считает, что не земля, а «скот в условиях кочевого скотоводства являлся основным средством производства»².

Налоговая система как средство эксплуатации трудящихся масс и как экономический фактор, ускоряющий

¹ Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. 1963. С. 427.

² См.: Развитие народного хозяйства Киргизии. Краткий очерк. 1966. С. 310.

разложение патриархально-феодалных устоев, исследуется А. А. Сапелкиным¹.

В работах К. Джунушева «Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии» (1962), «Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии» (1965) делается попытка доказать широкое распространение частной земельной собственности и развитие товарно-денежных отношений в Киргизстане до революции. Однако не все положения автором достаточно аргументированы, преувеличивается роль капиталистического производства в сельском хозяйстве Киргизии.

Социально-экономические отношения киргизов соседних районов — Памира и Каратегина — исследовались Э. Маанаевым и А. Абышкаевым.

Вопросы общественно-политического строя и права дореволюционной Киргизии освещаются в содержательной работе К. Нурбекова «История государства и права Киргизской ССР» (Вып. 1. 1965). Автор придерживается уже установившихся к этому времени взглядов о господстве у киргизов феодализма с присущими ему производственными отношениями (в основе которых лежит феодальная собственность на землю), пережитками родового быта и зачатками капитализма.

До последнего времени недостаточно разработан вопрос возникновения промышленного производства в дореволюционной Киргизии и влияние его на развитие капиталистических отношений. Исследователи ограничиваются обычно рамками журнальных статей или вводными главами в историю индустриального развития Киргизской ССР (М. Рыскулбеков, Х. М. Мусин, С. А. Аттокуров, А. Ф. Сидоров).

¹ Налоговая политика царизма в Киргизии. Мат-лы по истории и экономике Киргизии. 1963.

В монографии М. П. Вяткина о проникновении монополистического капитала в Среднюю Азию, в том числе и в районы горнорудной промышленности Киргизстана, обосновывается вывод о том, что край, оставаясь колонией царизма в политическом отношении, в экономическом — постепенно превращался в колонию международного финансового капитала. Тем не менее Туркестан был страной мелкого полупатриархального хозяйства, так как промышленность перерабатывала сырье мелких дехканских хозяйств. Горнодобывающая промышленность была слабо развита и не влияла на экспроприацию крестьянских хозяйств (Монополистический капитал в Средней Азии. 1962. С. 160–161).

Истории развития торговли как следствия возникающих товарно-денежных отношений и проникновения капитализма посвящено первое в этой области исследование А. Б. Джаманкараева «Развитие торговли в Киргизии в конце XIX — начале XX вв.» (1965).

На степень развития общественно-экономических отношений указывают национально-освободительные движения и классовая борьба. К ним постоянно обращается внимание историков Киргизстана. Для выяснения характера национальных движений в Киргизии XIX–XX вв. во Фрунзе в 1953 г. была проведена научная сессия, на которой с докладами выступили А. В. Пясковский, К. Усенбаев, А. Ф. Лачко, А. Г. Зима¹.

Вопросам классовой борьбы в киргизском айыле посвящено несколько статей А. Х. Хасанова².

¹ См.: Тр. ИЯЛИ КирФАНа АН СССР. Вып. 4. 1954.

² Из истории классовой борьбы в Северной Киргизии в первой половине XIX века. Уч. зап. истфака КГУ. Вып. 8. 1954; Из истории классовой борьбы в Киргизии во второй половине XIX века; *там же*. Вып. 9. 1966.

История распространения марксистско-ленинских идей и начало революционного движения в Киргизии освещается в работах И. П. Мужикова, А. Г. Зима, А. А. Алтмышбаева, А. Ф. Лачко, В. Н. Семенкова, А. А. Чукубаева и К. Усенбаева.

К 50-летию юбилею Советской власти выпускается монография К. У. Усенбаева об одном из наиболее значительных национально-освободительных движений в Средней Азии и Казахстане — «Восстание 1916 г. в Киргизии» (1967).

История изучения социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии показывает, что на этом пути советской историографией уже достигнуты значительные успехи. В настоящее время назрела необходимость обратиться вновь к глубоким исследованиям обобщающего характера. На основе имеющихся конкретных исследований необходимо разрабатывать более широкие проблемы с теоретическими обобщениями, отталкиваясь от простого накопления исторического материала к его научному анализу. Требуется дальнейшая разработка проблемы о сущности патриархально-феодальных отношений, степени развития феодализма и характеристики укладов — патриархально-общинного и капиталистического. Следует увязать социально-экономическую историю средневековья, которая классифицируется авторами как феодальная формация (К. И. Петров. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII веках, 1961), с историей патриархально-феодальных отношений в Киргизии XIX в. Специального всестороннего изучения заслуживает проблема разложения патриархально-феодальных и развития капиталистических отношений. Чувствуется насущная потребность в характеристике социально-экономических отношений в Киргизии в целом, анализа классовой дифференциации киргизского айыла и переселенческой деревни, исследования форм и методов классовой борьбы. Встает задача выявления

общей исторический и специфический в социально-экономическом развитии Киргизии на основе глубокого анализа фактических материалов и широких теоретических обобщений.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии // Наука Киргизстана юбилею Великого Октября. Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Фрунзе: Илим, 1967.

ОБЩИНА И ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВОЙ УКЛАД У КИРГИЗОВ XIX в.

В данной статье ставится ограниченная задача: раскрыть характер киргизской общины XIX в. как носительницы патриархально-родового уклада. Приняв за исходный тезис о феодализме в Киргизии в XIX в., мы попытаемся показать важную роль в экономике и общественном строе киргизов патриархально-родового уклада, основной ячейкой которого была община, как оседлая земледельческая, так и кочевая скотоводческая, или, другими словами, пастбищно-кочевой аил.

Выступая в определенные моменты как хозяйственная и административная единица, община киргизов в XIX в., естественно, не представляла собой первобытной, родоплеменной организации. В последнее время часто поднимается вопрос о различиях в содержании употреблявшихся традиционных терминов для разных исторических эпох (хотя, казалось бы, это само собой должно подразумеваться)¹. В термины *род*, *община*, *родоплеменное деление*, *патриархально-общинный* или *патриархально-родовой* для XIX в. вкладывается совершенно иной смысл, чем если бы речь шла о древнейшем, доклассовом или раннеклассовом периодах. Традиционный термин сохраняется, но трансформируется

¹ См. напр.: *Стратанович Г. Г., Эрдниева У. Э.* Опыт анализа социальной терминологии. В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. IV. М., 1967. С. 306—312; *Утченко С. Л., Дьяконов И. М.* Социальная стратификация древнего общества. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г. Отдельный оттиск.

его значение. Использование тождественных, сходных по названию терминов для образования в сущности других понятий ведет обычно к неоправданным искажениям. Фактически традиционными терминами определяются различные конкретно-исторические явления социальной жизни различных исторических эпох.

В то же время архаическая терминология столь живуча потому, как правильно подчеркнул выступавший в дискуссии на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук В. К. Гарданов¹, что в ней определенным образом связаны традиционные формы общественной структуры. Но под их прикрытием развиваются новые и по своему характеру отличные социальные отношения.

В этом смысле стоит приветствовать употребление новых, более определенных и менее поддающихся произвольному толкованию терминов. Таков, в частности, предложенный в 1931 г. М. О. Косвенем (и все шире находящей сторонников) термин *патронимия*, обозначающий выросшую из семейной общины особую ее форму, в которой принцип родственных отношений вынесен за пределы ячейки непосредственного производственного коллектива². Однако и термины *род*, *племя*, *община* и другие, давно утвердившиеся в литературе, полно выражают определенные явления социально-экономической и общественной жизни народов.

Рассматриваемая нами община своими истоками уходит вглубь истории, но в новых условиях она представляла продукт классового развития с его резкой имущественной

¹ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. IV. С. 313.

² Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963; *его же*. Патронимия и ее роль в истории общества. В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. IV. С. 216–221. Отдельный оттиск. М., 1964.

дифференциацией, хозяйственным дуализмом и соответствующей идеологической надстройкой, хотя при этом сохраняла часть своих архаических признаков.

Специфические черты развития общины на Востоке, и особенно в кочевом обществе позволяют говорить о киргизской общине, или айле, как главном носителе традиций прошлого и патриархально-родового уклада.

Одним из первых заострил и особенно четко поставил вопрос об укладах в дореволюционной Средней Азии С. М. Абрамзон¹. Им, в частности, рассматривался и патриархально-общинный уклад у среднеазиатских народов, в том числе у киргизов, как базирующийся на определенной экономической основе. Мы принимаем несколько иную формулировку для определения этого уклада в киргизском обществе — *патриархально-родовой уклад*, как более соответствующую специфике кочевого киргизского общества XIX в. с его родоплеменным под-разделением, стойко сохранившимся даже после частичного оседания киргизов (имеется в виду, естественно, только досоветский период).

К. Маркс писал: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной

¹ Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. В со.: «Родовое общество». Тр. Ин-Та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XIV, М., 1951. С. 132–156; *его же*. Патриархально-общинный уклад и пути его изживания у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР. В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. IV. С. 271–277. Отдельный оттиск. М., 1964; *его же*. Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран. Автореф. докт. дисс. Л., 1968; *его же*. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

собственности»¹. Наряду с этим К. Маркс в наброске письма к В. Засулич подчеркивал, что сельская община, встречающаяся в Азии, в частности у афганцев и других народов, «повсюду представляет собой самый новый тип общины и, так сказать, последнее слово архаической общественной формации».

Изучение общины дает ценный материал для освещения интереснейших явлений ранних форм феодальных отношений. Общины различных регионов и континентов имеют много отличий и своеобразия, но в то же время содержат и единую сущность — определенную коллективность в производственной и общественной сферах. Сама по себе община может в основе являться носителем определенного уклада и встречаться в различных общественно-экономических формациях. Она бытовала в период первобытно-общинного, патриархального строя, рабовладельческого, феодального и в эпоху капитализма.

Родоплеменной строй кочевых обществ Средней Азии, в том числе Киргизии, есть продукт развития в особых исторических условиях того типа организации, который сложился еще во времена военной демократии². Патриархальная семейная община, возникнув в период военной демократии, существовала и позже, уже в классовом обществе, трансформировавшись в основную хозяйственно-экономическую и даже политическую ячейку. В условиях патриархально-феодальных отношений Киргизии XIX в. община была основным выразителем патриархально-родового уклада киргизского кочевого общества, живучесть которого базировалась на натуральном хозяйстве, специфич-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIX. С. 48.

² Абрамзон С. М. Энгельс и некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. В кн.: Тезисы докладов годичной научной сессии 1969 г. (Доклады, посвященные 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса). Л., 1969. С. 1.

ческой экономике и своеобразном характере прибавочного продукта.

Сельская община земледельцев, а также (и особенно часто) *кочевое общество*, община в документах Кокандского ханства и в устной киргизской речи назывались термином *джамаат*, *джамаа* (араб.). Этот термин, употреблялся в отношении родовой общины кочевого и полукочевого населения¹.

Если община земледельческого населения в целом была стабильной, то отличительной чертой пастбищно-кочевой общины являлась её мобильность. Основная часть жителей айла-общины передвигалась в соответствии с циклом кочевания по временам года. При этом община, представлявшая зимой аил с прочно закрепленными только за ним пастбищами и пашнями, летом расширяла свой ареал в результате совместного с соседями кочевания по общей, большей, но также определено установившейся территории.

После присоединения Киргизии к России, особенно в ходе поземельно-податного «устройства» края, появляются административные общины – искусственно созданные из нескольких айлов или селений новые административно-хозяйственные единицы. В результате в конце XIX в. мы встречаемся с фактами перекрестного, чересполосного землевладения и землепользования, когда жители одной общины пользовались землей в другой общине. Чаще это наблюдалось в оседло-земледельческих общинах, но иногда и в скотоводческих. В целом же сохранилось традиционное землепользование: общеродовое на летовках нескольких общин одного рода на осенне-весенних пастбищах и отдельного хозяйственного айла на зимовках и пашнях.

¹ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 224; Трошуккая А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., 1968. С. 541. Прим.; *её же*. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. По документам архива кокандских ханов. М., 1969. С. 18. Прим. 66.

¹³ Том IX. В. М. Плоских

Являясь основной ячейкой патриархально-родового уклада у киргизов, община, особенно пастбищно-кочевая (айльная), содержала в себе все элементы, отражавшие политико-экономическую и идеологическую его основу. Попытаемся на конкретных материалах проследить эти элементы в экономике, в общественных отношениях, в быту и идеологии с тем, чтобы показать роль и место патриархально-родового уклада в истории Киргизии XIX в.

Экономическая замкнутость общины, обуславливалась следующими причинами: натуральностью хозяйства, феодальной раздробленностью, военными усобицами и географическими условиями.

Исторически сложившийся кочевой тип хозяйства был натуральным. В. И. Ленин писал, разъясняя сущность патриархального хозяйства: «Патриархальное хозяйство — это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом»¹. Такое состояние для киргизского общества являлось органической частью общественного строя, наиболее ярко проявляющееся в патриархально-родовом укладе, как одном из институтов феодальной общественно-экономической структуры. При этом патриархально-родовой уклад пронизывал все её стороны: экономику, социальную структуру, быт, семейно-брачные отношения, идеологию. Община являлась как бы каплей воды, которая содержала все элементы общественно-экономических и идеологических взаимоотношений феодального Киргизстана прошлого столетия.

Именно в связи с этим В. И. Ленин писал по поводу русской деревни, что в общине следует усматривать не только коллективную форму землевладения, но феодальную и даже капиталистическую экономику деревни.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. XLIII. С. 158.

Исторически сложившаяся родовая, или айильно-общинная, организация, имевшая прочные внутренние связи, поддерживалась (в первой половине XIX в. Кокандским ханством). В частности, в кокандском войске были целые сотни, состоявшие из однородных обществ узбеков, кипчаков, киргизов. В одном из документов архива кокандских ханов упоминаются о выдаче довольствия воинским чинам — есаулам, курукчи, караулбеги «из сотни (*туб*) есаулов кочевого общества (*джамаат*) киргиз-кипчак»¹.

В ходе изучения одной из туркестанских комиссий поземельных отношений местного населения по вопросам кочевников и оседлых жителей (в декабре 1869 г.) было выяснено, что «самая распространенная форма пользования есть общинная, причем у киргизов она представляется самую чистою...»². В «Записке и поземельном устройстве Семиреченской области», составленной в 1871 г. Н. Аристовым, отмечалось, что основанием принадлежности земли тому или иному роду, общине являлась давность: «...местность, на которой кочует известный род, хотя одно поколение или несколько лет, почитается принадлежностью этого рода»³. Внутри родов поземельные отношения определялись патриархально-родовым и кочевым бытом киргизов. Летом айлы со всей массой скота кочевали в определенном направлении и в определенное время. При этом кочевые пути нескольких родов могли перекрещиваться. Такие смежные участки считались общим владением, но пользовались ими различные роды в разное время.

Пользование пашнями и зимовками было более стесненным и строго распределенным. Считаясь общим владением рода, они использовались самыми мелкими

¹ Троицкая А. Л. Каталог архива кокандских ханов... С. 128.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 3. Л. 93.

³ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-1. Оп. 14. Д. 56. Л. 29.

хозяйственными единицами — аилами из 5—15 юрт, редко больше. Обычно аил состоял из близких родственников и лишь в богатых аилах находились чужие слуги, рабы или потомки невольников. Н. Аристов сообщает, что скот в таких аилах выпасался в общих стадах, которые делились на гурты и табуны по видам скота: лошади, верблюды, овцы, рогатый скот и т. п. Пользование зимовками «по давности» принадлежало, как правило, единичным аилам и лишь в случае трудности их разделения по естественным урочищам ими пользовались совместно несколько родственников аилов¹.

Общинное пользование пастбищами при частной собственности на скот переплеталось с подворно-участковым использованием пашней. Процесс перехода к пахоте зафиксирован названной поземельной комиссией. Желающие заняться земледелием первоначально проводили арыки. Затем земля делилась по жребию на участки сообразно затраченной рабочей силе. Такое право на участки становилось наследственным, их отчуждение было стеснено правом соседа и необходимостью согласия всего общества — джамаат. По решению общины, передел земли мог происходить ежегодно или через определенный срок (3, 5, 10 лет), а также по мере надобности².

Преобладание общинных поземельных отношений подтверждалось в первой половине XIX в. почти полным отсутствием частных поземельных исков одного лица к другому и, напротив, множеством земельных тяжб между общинами, аилами, родами.

По наблюдениям Н. Аристова, пашни у киргизов считались принадлежностью рода, в пределах кочевок которого они располагались.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-1. Оп. 14. Д. 56. Л. 33.

² Там же. Оп. 22. Д. 3. Л. 93.

Пашни находились в постоянном владении и пользовании тех лиц, которые провели арыки и следили за их состоянием. Поскольку сооружение магистральных каналов для отдельных лиц было невозможным, так как требовало большого количества рабочих рук, то они проводились силами целого рода или отдельного айла. Так, Джиландузская волость (род джиландуз) Токмакского уезда имела пашни по одному арыку, вывезенному из р. Чу силами всего рода. Таким образом, кому принадлежали каналы, арыки, тому и пашни, ими орошаемые, — т. е. роду, его части или айлу. И Н. Аристов подтверждает, что «распределение пашен между совладельцами зависит от количества труда, каждым натраченного на проведение арыков, и обычая. От первых владельцев пашни переходят уже по наследству, сообразно обычаям до тех пор, пока владельцы обрабатывают свою землю и относят свою долю труда по поддержанию арыков»¹.

Подтверждение этого находим и в других, более ранних материалах Степной комиссии 1866 г. В них прямо отмечается, что по рекам Чуйской долины «с давних времен распределены кочевья кара киргизских родов, занимающихся там **каждый по своей речке** хлебопашеством»². При этом управляющий населением Левого фланга Туркестанской области подчеркивал отличие в общинном землепользовании оседлого населения, среди которого классовая дифференциация была более глубокой, и кочевого. Так, если у оседлых жителей Таласской долины каждое хозяйство могло выставить на коллективные работы своего рабочего или внести деньги вместо него, то у кочевников, как правило, рабочих выставляло каждое хозяйство,

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-1. Оп. 14. Д. 56. Л. 35.

² ЦГВИА. Ф. 38, Оп 31/287. Д. 6. Т. V. Св. 892-а. Л. 775—776.

а деньги собирались лишь на приобретение необходимого инвентаря¹.

Коллективное начало в пользовании пахотными землями не было прочным к середине XIX в. ни у оседлых жителей, ни даже у кочевников. Именно в связи с этим же первые исследователи поземельных отношений местного населения высказывали сомнения в пользу переделов общинных земель. В частности, М. Н. Николаев в конце 60-х годов писал: «Я имею основания полагать, что у киргиз бывшей Туркестанской области общинное начало на земли пахотные, орошенные, не распространяется после первого раздела»².

Наряду с правом давности владения землями у кочевников, как бы узаконенном обычаями — адатом, существовало и право хана, закреплявшего земли за целыми родами своими документами — жалованными грамотами (*инойат-наме*) у купчими крепостями (*васика*) и другими актами.

В одном из источников читаем: «Земли родовые приобретались преимущественно кочевниками завоеванием и отданы ханами целым родам за заслуги...». Земли раздавались также «на правах общинного владения с целью заселить пустынные для проездов места» или покупались общинами для расширения коллективного хозяйства³. Это касалось как пригодных к земледелию участков, так и пастбищ. Сами местные жители так характеризовали землевладение общин: неполивные земли, на которых засевался «сухой хлеб», обрабатывались коллективно; те земли, которые требовали орошения и на которых проводились общиной каналы и арыки, разделялись по жребию (на чеки) и были

¹ ЦГВИА. Ф. 38, Оп 31/287. Д. 6. Т. V. Св. 892-а. Л. 775—776.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-1. Оп. 14. Д. 9-а. Л. 31.

³ Газ. Туркестанские ведомости. 1885. № 20—21.

во владении общества в целом. Показателен в этом отношении разбор чиновником Чимкентского округа Южаковым поземельного спора между киргизскими (казахскими?) родами *конград и биштамгалы*¹.

В 1866 г. между названными родами разгорелся спор из-за пастбища в урочищах Арты-Тюбе и Уч-Тюбе. Обе стороны соглашались разрешить его по народному обычаю — на съезде биев². Конградцы предъявили «свои письменные документы на право пользования спорной землей». «Документ этот говорит, — пишет Южаков, — что так как вся земля принадлежит хану, то он и дарит её в пользование конградцам»³. Но биштамгалинцы сообщали, что, во-первых, подобным документам нельзя придавать никакого значения, так как их «при кокандцах можно было купить за 5 или 10 тиллей»⁴, а во-вторых, раньше

¹ Конград и биштамгалы — известные казахские роды, по такие же малые подразделения были и у киргизов, кочевавших в Таласской долине, в окрестностях Токмака и Пржевальска.

² Южаков сообщает (и это подтверждается другими материалами), что при спорах за землю местное население обычно обращалось как к мусульманскому праву — шариату, так и к разбору дела по обычаям — адату — на съездах биев. Кочевники же, киргизы и казахи, предпочитали «свой суд — суд биев по народным обычаям, тем более, что суд по шариату менее надежный, менее справедливый, чем их суд, — говорили биштамгалинцы. — Суд по шариату дает легкую возможность к плутням и мошенничеству со стороны казы... Поэтому киргизы, хотя и мусульмане, не доверяют этому суду и вовсе отстраняют его, когда обе тяжущиеся стороны киргизы». (ЦГА Узб. ССР. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 42. Л. 268—269). В данном случае следует учитывать, что биштамгалинцы, претендовали на землю по степным законам, по обычаям, а конградцы опирались на ханский документ, имевший законную силу по шариату.

³ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 42. Л. 269.

⁴ Тилля — кокандская золотая монета весом около 4 г, достоинством в 3 руб. 64 коп. по курсу 60-х годов XIX в. (ЦГА Узб. ССР. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 12740. Л. 5—6).

эта земля не была свободной, она принадлежала киргизам дулат, рода сейким, у которых отобрадена якобы быть не могла и не могла быть поэтому подарена хамом. Конградцы же заняли ее, когда однажды хозяева откочевали. Такова была практика земельных отношений.

По уверению киргизов, как видно из рапорта Южакова, и при кокандцах подобные грамоты не имели большого значения, «ибо ханы кокандские были щедры на такие грамоты, когда какие-нибудь роды киргиз бунтовали против них, но когда они снова мирились с этими родами, то и грамоты их теряли всякое значение. Так и эта грамота не мешала биштамгалинцам пользоваться этой землей и при кокандском владычестве»¹.

Из перевода грамоты, приложенной к делу (оригинал отсутствует), видно следующее:

«В окрестностях Туркестана земли незасеянные при урочищах: Китае, Уч-Тюбе, Акбулаке, Моралы-Булаке, Ушар-Булаке издавна принадлежат ханству Кокандскому, которые и были отданы в полное владение конградского рода, мангытайского и есеигуловского отделений биям Сору Баркулову, Заубасару Касымову, Мундыш Малдыбаеву, Усиру Асикпаеву и Дусинбе Сауранбаеву, и что они внесли ханству пятьдесят тиллей, поэтому посторонние отделения и роды, вмешивающиеся на спор этой земли, не имеют никакого права, в удостоверение чего приложены печати...». Документ скреплен печатями казы, муфтиев, Малля-хана, Худояр-хайа и Алимкула и отмечен датой 1282/1865—66 гг.²

Приведенный документ позволяет говорить о том, что хан на правах верховного собственника земель мог отобрать их у одного рода и передать другому по своему усмотрению, причем в коллективное владение, общинно-родовое, хотя

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 42. Л. 269—270.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 42. Л. 254.

в документе перечислялись имена биев родов. Аналогичные документы имели хождение как среди киргизов, так и казахов, узбеков, кипчаков.

Интересен документ, выданный в 1276/1859–60 г. Малля-ханом киргизам рода *кутлук-саид*: «Киргизы кутлук-саид со своими родовичами занимали уроч. Кара-Тюбе. От разных притеснений кокандских властей вы разошлись по разным сторонам. В настоящее время, опять собравшись в место, желаете быть нашими подданными, поэтому вам предоставляется занимать местность Кара-Тюбе на прежнем основании и никто препятствий делать вам не будет»¹.

Ханы могли жаловать пастбища своим чиновникам и в частное владение. Однако закрепленное за частным лицом пастбище с течением времени (или даже сразу, по желанию одариваемого) переходило в коллективное пользование сородичей или членов его рода, его пастбищно-кочевой общины. Проследим это на примере одного поземельного спора.

В 1883 г. киргизы рода кушчи обратились к военному губернатору Ферганской области с просьбой оградить их летовку, на которую они имели «от бывшего кокандского хана и маргеланского бека ярлык», от киргизов Наукатской волости, которые «переселяются на лето поблизости кочевков раньше нас, вытравляют корм, производят разные грабежи и нас совсем вытесняют»². Представленный ими документ свидетельствовал о том, что летовка в 1282/1865–66 г. была пожалована «по линии *тамлик*», т. е. в *мильк* — частное наследственное владение — кокандским ханом (судя по дате, Сеид Султаном) придворному киргизскому феодалу Шах Мирзоадхе. Пожалование определялось в частное, обеленное (освобожденное от налогов) владение: «дадхи, бии и фукара племени, — сказано в документе, — должны

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 12300. Л. 15.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1057. Л. 7, 11.

считать но пастбище вне товарищества, (считать) частью других *мильки халис*¹ упомянутого дадхи»². Несмотря на оговорку в документе о личном пользовании данной летовкой, скот рода Шах Мирзо-дадхи выпасался на ней коллективно. Это видно из последующего прошения о летовке от целого рода кушчи, а также из разрешения спора. Но приговору от 3 мая 1884 г., «спор, возникший между жителями о летовке Исен-Арча, между собою покончили миром и согласились пользоваться по равной части»³.

В XIX в. мы встречаемся с явлениями разрушения коллективной, общинной собственности и общинного владения землями. И чем дальше, тем больше таких примеров. Первоначально обособляются и постепенно выделяются в частное владение пахотные земли и (приусадебные участки. В этом случае наряду с документом, дающим право владения данной землей общине или роду, имелся документ и у частных владельцев на право владения личным участком. Такую трансформацию претерпели земли кишлака Гург-Тепе в Фергане⁴, владения киргизов рода тейит в урочище Кур-Чавай Ичкиликской волости⁵ и др. Уже широко известны случаи купли-продажи киргизами земель, причем целыми общинами, родами и частными лицами⁶.

¹ Освобожденных от налогов частных владений.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1057. Л. 9 (оригинал).

³ Там же. Л. 5–6.

⁴ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор. Тр. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. II (V). 1957. С. 205.

⁵ *Плоских В. М.* Очерки патриархальной-феодалных отношений в Южной Киргизии (50–70-е гг. XIX в.). Фрунзе, 1968. С. 65.

⁶ *Усенбаев К.* Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961. С. 89–90; *Айтбаев М. Т.* Социально-экономические отношения в киргизском айле в XIX и начале XX веков. Фрунзе, 1962. С. 59–63; *Ильясов С. И.* Земельные

Приведем ряд дополнительных материалов. В 1916 г. доверенные киргизов одного из обществ Куршабской волости Ошского уезда обращались к властям с просьбой причислить их не к кочевому обществу, а к земледельческому (с соответствующим налогообложением) и сообщали, что с куплей ими в местности Биль-Ачик орошаемых и неорошаемых (кайрачных) земель они основали пять больших кишлаков с тремя мечетями и постепенно «перестали кочевать, образуя постоянную оседлость». Просители писали, что то же самое происходит и с киргизами Узгенской и Ясинской волостей Ошского уезда, с которыми они имеют «некоторое дальнее родство». Было представлено 6 документов васик на куплю-продажу: 1) участка земли в местности Биль-Ачик Узгенской волости. «На нем имеются зимовые стойбища и хлебопахотные земли». В 1283/ 1866–67 г. 8 человек — доверенные от киргизского общества — «со всеми правами и преимуществами и принадлежностями, как собственность их», продали этот участок другой группе киргизов за 10 тилля; 2) участка земли в местности Тиечи Узгенской волости. Орошается водой ручья Сокут. В 1268/1851–52 г. киргизское общество «вышеописанный, собственно им принадлежащий участок со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» продало Алимбекбию Саадбиеву за один бархатный, два шелковых халата и полтора тилля; 3) участка земли в местности Биль-Ачик в 1268/1851–52 г. Курбан Али и Нияз Али Бабабековы «продали вышеописанный, собственно им принадлежащий участок земли со всеми правами и преимуществами и принадлежностями» Таирбеку Бойботаеву за 2 тилля и др.¹

отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963. С. 27–31; Джунушев К. Развитие товарно-денежных отношений в до-революционной Киргизии. Фрунзе, 1965. С. 59–62; Плоских В. М. Указ. работа. С. 42–79.

¹ ЦГА Узб. ССР. ф. И-19. Оп. 1. Д. 36763. Л. 4–11.

Таким образом, продажа и купля земель практиковалась как общинами, так и частными лицами. При этом частновладелец, выделившийся из общины, продолжал считаться членом ее коллектива, поскольку пользование водой, выгонами и прочее оставалось общинным.

Родоплеменная структура киргизского общества, поддерживавшаяся обычаями, традициями, условиями постоянных междоусобиц кочевников, оказалась живучей и при переходе к оседлости и земледелию.

Основной причиной оседания киргизов являлась потеря скота во время джута, барымты и т. п. Обедневшие кочевники вынуждены были либо идти в батраки и слуги к богатым, что для вольного скотовода было явно нежелательным, либо заняться земледелием. Общинные территории пастбищ и высокогорные районы были малопригодны для выращивания земледельческих культур или требовали для этого больших затрат труда. Оставался еще один выход — покупать за незначительную плату земли орошаемые или заброшенные, но еще пригодные для земледелия, у местного, оседлого населения или у государства. Так, в 30-х годах XIX в. возле Джалал-Абада (на месте будущего селения Хан-Абад) имелось несколько киргизских курганчей (рода *кара-багыш*), связанных между собой значительными участками обрабатываемой земли. В начале 40-х годов несколько семей киргизов другого рода — *тейит*, купив землю у кара-багышей, поселились рядом с ними и также начали заниматься земледелием¹. По соседству образовалось аналогичным образом селение Джигда-Могол. Прежде земли и этого селения принадлежали жителям Сузака, а затем были куплены киргизами родов могол и найман.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 33355. Л. 74.

Осевшие киргизы-бедняки, занявшись земледелием, расширили старые и прорыли новые арыки¹. Подобно им и Кампыр-Рабате издавна земледелием занимались киргизы рода *тейит*² и т. д.

Отличительная особенность таких общин заключалась в том, что, формируясь сначала по родам, они постепенно дополнялись представителями других родов; приобретенный коллективно земельный массив переходил и прочное подворно-участковое пользование, а затем и владение, становился отчуждаемым. В селении Хан-Абад рядом с первоителями кара-багышами стали жить *тейиты*, а позже также и киргизы родов *тюляяс*, *чонг-багыш* и др.; в с. Кампыр-Рабат перемешались киргизы родов *тейит*, *кара-багыш*, *кипчак*, хотя и продолжали сохранять свое родовое имя. С течением времени такой родственной пастбищно-родовой аил перерастал в земледельческую общину с частным землевладением и общинным пользованием водой и выгонами. В конце XIX – начале XX вв. он становится административным аилом (если хозяйства преимущественно скотоводческие) или административным сельским обществом, дачей (если хозяйства полностью земледельческие).

Хозяйственный дуализм общины (частное и общинное владение разными категориями земель) соседствовал с классовым, социальным дуализмом (бедняк и бай, букара и аксакал). И если феодала кочевого общества вполне устраивало коллективное владение и пользование пастбищами, то феодала оседло-земледельческой общины тяготили скованность и ограничения, исходившие из самой сущности общины. Он стремился вырваться из сдерживавших оков общины и прилагал усилия к обособлению своего частного владения.

¹ ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 33355. Л. 77.

² Там же. Л. 79.

Наделение феодала землей из общинного фонда и выделение его шло сначала формально юридически на добровольных началах, с согласия всех членов общины. Из практики хивинского землевладения колоритный документ, характеризующий этот процесс, приводит в своей докторской диссертации М. Ю. Юлдашев (Л., 1953. Кн. 1. С. 117.), из истории азербайджанского землевладения — И. П. Петрушевский¹. Документальное свидетельство закрепления большого массива прежде общинной земли в районе г. Оша во владение некоему Муллабаю Ахун Нарботобаеву (от 1254/1838 г.) обнаружено и нами². Все это лишний раз подтверждает факт, что несмотря на родоплеменную организацию, патриархально-общинную (для кочевого общества точнее — патриархально-родовую) структуру общества, классовая дифференциация проявлялась вполне отчетливо.

Для анализа этно-хозяйственной и социальной структуры киргизского общества XIX в. рассмотрим его вертикальную и горизонтальную стратификацию³. В плане вертикальной стратификации оно представляло следующую картину: этническая общность, родоплеменное объединение, отдел, племя, род, община, семья. Дробная структура киргизского общества по этнографическим материалам с использованием других источников приведена в работах Я. Р. Винникова и С. М. Абрамзона⁴.

¹ *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949.

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 22534. Л. 78–79; *Плоских В. М.* Указ. работа. С. 66.

³ Термин, употребляемый памп не только в значении «социальное расчленение» или «социальное деление», но и в более широком плане, в более полном значении — социальном и этнохозяйственном.

⁴ *Винников Я. Р.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспед. Т. I. М., 1956. С. 136–181; *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. Т. IV. М., 1960. С. 3–137.

У киргизов до XIX в. сохранялись большие патриархальные семьи в несколько десятков и даже сотен человек. Одна такая семья представляла самостоятельную хозяйственную единицу и фактически являлась общиной. Иногда община состояла из нескольких семейных групп, связанных между собой родством, общими хозяйственными интересами, идеологическим единством. Предложенный М. О. Косвеню для определения таких групп термин *патронимия* был принят советскими этнографами и получил широкое распространение. Патронимией автор называет «происшедшую от раздела одной большой семьи группу больших и малых семей, сохраняющих между собой хозяйственную, общественную и идеологическую связь»¹. Таким образом, характерной особенностью патронимии является наличие обязательной родственной связи между ее членами, что часто не обязательно для общины. М. О. Косвен выявив патронимию по материалам оседло-земледельческих народов и нашел ее подтверждение у кочевых: «Патронимия существует или существовала, — пишет он, — не только у оседлых, но и у кочевых и полукочевых народов, представляя собой группу родственных семей, имевших общие места кочевания и совместно кочующих»².

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что патронимия чаще сохранялась не у богачей, а у бедняков. Причина такого явления заключалась в слабости экономической базы бедняцких хозяйств, боящихся раздела имущества, в то время как богат в состоянии выделить отдельные юрты для своих сыновей и разделить имущество. Патронимия (по терминологии первых этнографов Киргизии — *ата* или *чон-уй*) включала представителей

¹ Косвен М. О. Патронимия и её роль в истории общества, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Отдельный оттиск. М., 1961. С. 1.

² Там же. С. 3.

трех поколений. В 20-х годах нашего столетия Й. Х. Калеминым была зафиксирована такая семья в Нарынской волости: это чон-уй Тухта Назара, состоявший из 15 человек. Основное богатство семьи — скот (150 баранов, 20 кобыл, 2 верблюда, 10 голов крупного рогатого скота) — фактически не разделен, хотя формально известная доля его считается собственностью старшего сына. Он живет в отдельном доме или юрте, ему выделена часть домашней утвари, но хозяйство общее, общий также запас продуктов, общее питание¹.

В XIX в. было значительно больше патронимий и состояли они из большего числа членов. Всей хозяйственной деятельностью патронимии управлял ее глава, которым мог быть только мужчина (женщина, если ей приходилось управлять хозяйством вследствие малолетства сыновей, считалась лишь опекуной и по достижению наследниками совершеннолетия должна была отдавать им отчет). Глава семьи бесконтрольно распоряжался семейным имуществом, хотя возрастное старшинство сына давало ему право в нужных случаях участвовать в семейном совете со стариком — аксакалом (которому обычно помогал один из членов семьи).

Однако для главы семьи было и сдерживающее начало — обычай. Так, обычай не разрешал аксакалу продавать землю, юрту, ценный скот без согласия взрослых сыновей. Обычай устанавливал определенную долю каждого сына в семейном хозяйстве при выделе, запрещал отцу лишать своих сыновей наследства или отказывать в выделе, если нет к тому веских оснований. В случае нарушения обычая в дело вмешивался айильный старшина (айильный аксакал) или *манан*. Кушнер заключает, что «родовой обычай, родовое общественное мнение имеют пока еще достаточную

¹ Калемин Н. Х. Указ, работа. Л. 1.

силу»¹. Это было еще до коренного социалистического переустройства киргизского айла обследованной территории.

Непоколебимыми родовые установления были в XIX в. Н. Х. Калемин приводит, со слов стариков, примеры. Очень большие семьи являлись типичными до середины XIX в. Если одна такая семья не составляла самостоятельного хозяйственного айла, то являлась составной частью общины, объединявшей нередко кровных родственников по отцовской линии. Родственная связь, хозяйственная общность обусловили солидарность между членами общины, соответствующие формы взаимоотношений между ними и общины в целом с чужеродцами. Совокупность форм взаимоотношений внутри общины, а также внешних связей определялась *нархом* (родовым укладом), который поддерживался неписанным правом «родовой чести» — *намусом*. Намус на основе *нарха* в конечном счете определял личную, семейную, общественную и политическую жизнь почти каждого члена рода в отдельности и рода в целом, стальные оковы, сплачивающие всю родовую общину с отдельными ее членами и наоборот»².

Хранителями *нарха* являлись старейшины родов, к которым обращались по поводу всякого рода недоразумений, возникавших между сородичами или в семьях. Их решение было безапелляционным. С возвышением власти *манапа* решение старейшины могло быть обжаловано ему, и только тогда оно считалось окончательным.

Таким образом, власть *аксакалов*, *биев*, *манапов*, т. е. родоплеменных правителей зиждилась не только на экономической основе, но и на традиционных, усиленно культивируемых привычках, обычаях, по которым им принадлежало «естественное» право руководить. Оно основывалось

¹ Отчет обследования проф. Кушнером... Л. 130.

² Калемин Н. Х. Указ. работа. Л. 1.

на первенствующей их роли в защите сородичей от внешнего нападения, на праве регулирования хозяйственной деятельностью айла, рода, племени.

Аил, община XIX в. — это классовая в структурном отношении ячейка, что накладывало отпечаток на всю её сущность. Рассмотрим поэтому горизонтальную стратификацию киргизского общества прошлого столетия, его классово-сословную структуру.

Основную массу киргизского кочевого и полукочевого общества составляли рядовые общинники — *букара*. Обладая в некоторой степени хозяйственной самостоятельностью, имея в частной собственности скот и право на общинное пользование пастбищами, общинник тем не менее был ограничен определенными рамками экономической и внеэкономической зависимости от аксакала айла-общины, от родоправителя, определявшего деятельность нескольких общин, входящих в данный род, от манаса — вершителя судеб родоплеменного объединения. На более низкой ступени общественного положения, по сравнению с *букарой*, стояли *малаи* — батраки-киргизы из чужого рода, *джатакчи* — обедневшие и неkochующие соплеменники, занимающиеся земледелием, и рабы — *кулы*, преимущественно военнопленные. У оседлых земледельцев, чаще на юге Киргизии, рядовые крестьяне назывались *игенчи*, по словам Л. Костенко, — «жалкий и отверженный класс»¹, а разоренные и неимущие — *байгуши*.

Рабство было патриархальным, и кул чаще находился на положении работника, чем раба в классическом его виде. С течением времени раб мог жениться на киргизке и становился членом коллектива, но на первых порах неполноправным. Представление о рабстве у киргизов дает бесхитростный рассказ казаха Кантая Бедегиева, попавшего

¹ Костенко Л. Земледельческая производительность Средней Азии. Газ. «Туркестанские ведомости», 1870. № 17.

к киргизам в плен и бежавшего в 1834 г., в то время как его товарищ, женившись на киргизке, остался у них жить¹.

На верхней ступени феодально-иерархической лестницы киргизского общества стояли манапы. Этот тип феодалов сформировался к середине XIX в. из биев-родоправителей. Манап был фактически неограниченным властителем в своем племени. И после присоединения к России он продолжал играть большую роль, хотя был более известен своим влиянием и богатством в среде киргизов, чем занимаемым административным положением. Хорошо знакомая с местной жизнью туркестанская администрация характеризовала манапа как «правителя правами на жизнь и имущество подданных»². После присоединения Киргизии к России юридически власть манапов была упразднена³, но моральная сила родоправителя позволяла им по-прежнему распоряжаться подданными соплеменниками.

Власть манапа, выросшая из власти «отца», «аксакала», «бия-родоправителя» время от времени встречала определенное сопротивление подданных. Так, малые манапы и бии-родоправители иногда проявляли непокорность своим верховным правителям (*чон-манапам*), откочевывали от них и не признавали их власти и авторитета. Сарыбагышский манап Худояр, вступивший в конфликт с верховным манапом Джантаем, имел намерение откочевать

¹ «Рассказ кайсака Сибирского ведомства Кантая Бедегиева, бывшего в плену у кара-киргизов в 1834 году», был зачитан на собрании членов РГО Савичем 5 февраля 1948 г. (Архив РГО в Ленинграде. Ф. 75. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–18).

² ЦГВИА. Ф. 400. Аз. часть. Оп. 1898 г. Д. 149. Л. 18.

³ Первоначально существовала должность «верховного манапа»; манапы и родоправители стали обращаться к царским властям с просьбой «о выдаче им именных свидетельств, которые были бы основанием начальствования их над своими родами» (ЦГА Каз. ССР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 555. Св. 27. Л. 1–3). Позже их власть полностью была заменена административной властью старшин, волостных управителей, уездных начальников и т. д.

от него, и начальник Алатавского округа предлагал ему избрать новое место: «Если у вас там мало зимовок, приходите сюда, я дам вам земли»¹. Известен случай, когда манап Самсалы, правитель рода кыдык из племени бугу, рассорившись с верховным манапом Бурамбаем, откочевал от него (правда, с печальными последствиями — был полностью разбит воспользовавшимися этим и напавшими на него сарыбагышами Умбеталы и Тюрегельды)². При принятии важного и ответственного для всего племени решения, например, о переходе в русское подданство, даже такой самовластный и могущественный манап, как Умбеталы, не нашел возможности обойтись без мнения совета подвластных ему родоправителей — биев, аксакалов. «Решение, — пишет путешественник Н. А. Северцов, — было принято всем родом и, по киргизскому обычаю, утверждено жертвоприношением»³.

Следует подчеркнуть одну деталь. Если в середине XIX в. манапы кичились своим богатством, распоряжаясь всем имуществом рода, имели и свои личные табуны и отары, то в начале XX в. в связи с разложением общин, патронимий и выделением самостоятельных малых семей они во время статистических обследований с целью поземельно-податного обложения стараются скрыть свое богатство. Распределив скот между сыновьями и родственниками, манап как бы отказывался от экономического могущества, но сохраненное за ним моральное право господина давало ему возможность воспользоваться имуществом любого из соплеменников и даже распоряжаться его жизнью.

¹ ЦГА Каз. ССР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 402. Св. 21. Л. 6.

² Ковалевский Е. П. Встреча с Н. Н. В кн.: Странствователь по суше и морям. СПб., 1871; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1946. С. 177.

³ Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. СПб., 1873. С. 308.

Так трансформируется манапство как общественный институт, хотя еще долго сохраняется его эксплуататорская сущность. В скотоводческих горных и степных районах XIX — начале XX вв. прочно сохранялись родоплеменные организации и связанные с ними подчас самые грубые формы эксплуатации, вплоть до бесплатной работы в хозяйствах баев, манапов в порядке «родовой взаимопомощи».

Род, племя, возникнув на основе общности происхождения от одного предка, фактического или мифического (знатоки киргизской генеалогии могли перечислить своих предков до десятого и более колена, незнание ближайших предков членом аила морально даже осуждалось), основывались позже на общности территории и цементировались традициями, общими духовными принципами (поклонение общеродовым культам, поддержанием племенных обычаев, проведением общих празднеств, а также свадеб, похорон, тоев, сопровождавшихся соответствующими архаическими приношениями, и т. п.).

Н. П. Дыренкова, исследовавшая в 20-х годах традиционные семейно-брачные отношения у нарынских киргизов, пришла к выводу, что они строго различали категории родства в собственном смысле от так называемого свойства; в киргизской терминологии родства явственно сохранились черты классификационной системы (так, термин *аке* применялся ко всем братьям отца — родным, двоюродным и т. д.). По ее мнению, род у киргизов исторически был агнатный. Настоящими родственниками считались лишь родственники по мужской линии. Причем родство уходило вглубь до седьмого колена. Родственники же отца по женской линии переходили в разряд племянников и родственность ограничивалась третьим коленом (род черик), иногда только седьмым¹.

¹ Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. Рукоп. фонды Отделения обществ. наук АН Киргиз. ССР.

Запрещение браков до седьмого колена, предполагавшее и знание генеалогии не менее чем с седьмого колена, бытовало, по сведениям Н. Х. Калемина, и в родах монолдор, сарыбагыш, саяк (обследованных автором). Причем оно строго соблюдалось до присоединения к России, а с течением времени, с постепенным разрушением родственных связей, возрастанием числа родовых подразделений и ветвей, запрет стал распространяться до третьего колена (при условии, если род многочисленный)¹. Ранее существовавшие брачные запреты быстрее утрачивались в экономически более развитых районах, в частности на юге Киргизии².

Широко распространенными формами брака, носящими архаичные черты, был обычай засватывать детей в младенческом возрасте (*бешик куда*)³ и даже до их рождения (*бел куда*). Заключение такого брака сопровождалось договором о калыме. Если жених или его родители затягивали с выплатой калыма, то родители невесты совершали баранту и насильственно забирали скот. Калым считался погашенным и жених (уже по экономическим причинам) должен был жениться. Родители же невесты в любом случае не имели права выдавать дочь за другого, иначе подвергались значительному штрафу⁴. В силу экономической несостоятельности семей в условиях патриархально-родового быта допускался и перекрестный брак двух дочерей и двух сыновей близких родственников без уплаты калыма — *кайчы куда* (буквально: *кайчы* — ножницы, *куда* —

Инв. № 94. Л. 1–2. Опул. в «Сборнике этнографических материалов», 1927. № 2. С. 7–24.

¹ Калемин Н. Х. Указ, работа. Л. 24–25.

² Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. С. 141.

³ Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960. С. 30–31.

⁴ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 31/287. Д. 6. Т. V, 1865 г. Св. 892-а. Л. 771.

сват)¹. Пережиточными формами брака, сохранявшимися еще в XIX в., были *левират* (когда ближайший родственник умершего мужчины, обычно брат, обязан был жениться на вдове) и *сорорат* (брак с младшей сестрой умершей жены). Корни названных выше форм брака восходят еще к первобытно-общинному строю.

Другим явлением, имеющим общеродовое начало, был обычай хоронить сородичей на родовом кладбище. По разъяснению стариков, опрошенных Н. Х. Калеминим, этот обычай до присоединения к России соблюдался настолько строго, что каждому вменялось в обязанность перевозить трупы «сородичей» для погребения на родовое кладбище даже с поля битвы². С течением времени в силу отпочкования самостоятельных родов появляются новые кладбища, но опять-таки родовые, кладбища общин и айлов. Умершего на чужбине кочевника, а в XIX в. даже пришлого рабочего-издольщика из Ферганы, увозили хоронить в его общину или к сородичам³. Первый киргизский посол в России (по происхождению ташкентский купец), умерший в 1789 г. в Омске по возвращении из С.-Петербурга, был на время вывезен в степь и подвешен на столбах с тем, чтобы позже можно было отвезти его тело за тысячи километров на родину, где и похоронить «по обычаям предков»⁴. Н. Х. Калемин приводит пример, когда уже разложившийся труп одного из манапов перевезли из-под

¹ Джумагулов А. Указ. работа. С. 32.

² Калемин Н. Х. Указ. работа. Л. 21.

³ Ср. Рассудова Р. Я. Издольные отношения в некоторых районах Средней Азии в конце XIX — начале XX вв. В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1969. Л., 1970. С. 58.

⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 10; Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг.). Фрунзе, 1970. С. 40.

Токмака за сотни километров для погребения на родовом кладбище у зимовки — кыштау Куртка¹.

Похоронный обряд был в основном мусульманским, но в то же время значительно от него отличался. Так, при неявке на похороны сородича или родственника из другой ветви, колена, рода возникали неприязненные отношения между неявившимся и семьей покойного. Правда, вина могла быть искуплена извинениями и подарками². Вопреки мусульманским запретам, киргизские могилы, надгробные мазары могли разукрашиваться бытовыми сценами. П. П. Семенова-Тян-Шанского в середине прошлого столетия поразила роспись *муллы-мазара* бугинского батыр-бия Ногая, умершего в 1842 г. На мазаре были красочные фресковые изображения самого похороненного и членов его семейства на фоне фантастических деревьев и цветов³.

Патриархально-родовой уклад, патриархально-феодалные отношения порождали идеологию, отличную и мусульманской. По заключению русских и зарубежных литературных источников XIX в., киргизы не отличались особой религиозностью, «они поклонялись неведомым силам, но часто прибегали и к помощи колдуна»⁴. У киргизов бытовали шаманские обряды, иногда исламизированные; *фетишизм* — поклонение камням, родникам, деревьям; *жертвоприношения* на труднодоступных горных вершинах, перевалах. Как бы в жертву различным духам, на деревья цепляли лоскутки материи, пучки волос. Как отмечал философ М. Абдылдаев, «священными» среди киргизов почитались гора *Жыланач бугу* («Голый олень») в Тогуз-Тороуском районе, на северо-западном склоне которой находится

¹ Калемин Н. Х. Указ. работа. Л. 21.

² Там же. Л. 23–24.

³ Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. С. 182.

⁴ Туркестанский кружок любителей археологии за второй год его деятельности (11 декабря 1896 — 11 декабря 1897 г). Ташкент, 1897. С. 56.

мазар *Кок-Таш* («Синий камень»); «Священное озеро» в селе Кызыл-Джол Баткенского района, водопад «Апшир» в Наукатском районе Ошской области и многие другие¹. Нередко фетишизм, обряды, жертвоприношения и поклонения мусульманским святыням причудливо переплетались. Помимо приведенных примеров можно указать на поклонение таласских киргизов мазару Тек-Турмас, у стен которого они приносили в жертву баранов, преимущественно по пятницам, культы природы и пр.²

Изменения в общественных отношениях и экономике XIX в. оказывали влияние и на идеологию. Нормы обычного права киргизов с первой половины XIX в. до начала XX в. трансформировались и подверглись почти полной феодализации, хотя и продолжали сохранять элементы архаичности, патриархальных обычаев. Манапы и баи, одобрявшие в первой половине XIX в. пренебрежительное отношение к муллам, способствовавшим, по их мнению, укреплению влияния кокандцев в Киргизии, после присоединения к России, когда патриархально-родовая идеология начала терять свое былое влияние, стали искать в исламе дополнительное идейное оружие для упрочения своего господствующего положения. Они выступают самыми яркими поборниками мусульманства, стремясь укрепить позиции исламской религии среди своих сородичей и соплеменников. Б. Аманалиев приходит к правильному выводу о большей склонности киргизов к мусульманству после присоединения

¹ *Абдылдаев М.* О психологическом влиянии культа и укрепление веры. В кн.: *Общественная психология и религиозные предрассудки.* Фрунзе, 1970. С. 26.

² *Каллаур В.* По поводу сообщения А. А. Диваева о древних сооружениях «Тек-Турмас» и «Кок-Кенесе». Протоколы заседания и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 12-й. Ташкент, 1908. С. 33. Подробнее см.: *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. Гл. I–II.

к России (когда ислам был своего рода противовесом российскому официальному христианству), чем до присоединения (когда отклонение от мусульманства выступало в форме протеста против кокандского господства)¹. Идеологи господствующего класса (например Калыгул), видя начавшийся процесс распада патриархально-родовых отношений, выступили певцами и защитниками старого². Но неумолимый ход исторического развития, ускоренный Октябрьской революцией, привел в конечном итоге к полному исчезновению патриархально-родового уклада сначала в экономике, а затем и в идеологии.

Агонией умирающего уклада явился своеобразный институт шилунства, описанный в середине 20-х годов Н. Х. Калеминим³.

Шилунство — это прошлый институт низшей туземной власти, «традиционно» связанный с манапами («ак-суяк», например, в Эсенгуловской волости) или главарями родов (род монолдор без потомственных манапов в Шаркратминской волости) и составлявший основное ядро верхушки киргизской общины 20-х годов Нарынского района. После революции термином *шилун*, (в условном переводе — сильный, смелый и беспощадный в драке джигит) стали называть *сородичей* (по роду, а не по родству), заполучивших в свои руки управление хозяйственной, общественной и политической жизнью общины. Шилуны в 20-х годах пытались решать все вопросы внутрисемейной и внутриобщинной жизни данного родового подразделения: выбор и установление порядка пользования сезонными пастбищами, полями и лугами; изыскание мер борьбы с бедствиями — джутами,

¹ *Аманалиев Б.* Об отражении религиозной идеологии и свободомыслия в историческом опыте киргизов. В кн.: *Общей венная психология и религиозные предрассудки.* С. 4–9.

² Там же. С. 4, 9.

³ *Калемин Н. Х.* Указ. работа. Л. 22, 43, 59 и др.

эпидемиями; устранение столкновений между сородичами или сородича с чужеродцем; улаживание недоразумений в семье; определение порядка похорон, выдачи замуж или женитьбы; выполнение общиной требований власти; шилуны вмешивались в судебные и наследственные тяжбы, даже в выборы Советов. Институт шилунства явился как бы следствием реакции местной общины, следовавшей старозаветным патриархальным обычаям, на новые условия. В этих новых условиях шилун выступал, во-первых, как аксакал, организатор общины, во-вторых, как эксплуататор. Патриархально-родовой по форме, институт шилунства являлся чисто эксплуататорским по своему содержанию.

Шилуны имелись во всех общинах, родовых подразделениях, но они полностью зависели от манапа или главы рода. Шилун не избирался общиной и никем не был уполномочен для управления ею. Его положение и власть основывались, по словам Н. Х. Калемина, на: 1) общественном влиянии, приобретенном по совместной работе с манапами — волостными управителями; 2) работе в прошлом или настоящем в государственном аппарате, в политических и общественных организациях; 3) поддержке шилуна в некоторых случаях представителями советского аппарата, в котором еще бытовали чуждые элементы; 4) связи с манапами данного района; 5) образовании, знании законов и распоряжений властей; 6) содержании своих джигитов; 7) безусловном следовании в своей личной жизни правилам нарха и намуса, охране и защите их в своей родовой общине.

Особым влиянием пользовались шилуны в наиболее отдаленных горных районах. Не подчиниться решению шилуна, по словам киргизов рода монолдор, писал Н. Х. Калемин, значило «положить руки на голову, выйти из общины и сказать, что я не из рода монолдор».

Наличие общины и патриархально-родового уклада, обусловленное натуральностью хозяйства, застойностью экономической жизни, глубокими традициями, затушевывало

и придавало специфическую форму социальной борьбе. Отвлекаясь от конкретного материала, можно отметить следующие ее виды: индивидуальные жалобы, коллективные выступления против выборных кандидатур на административные должности, баранта, откочевки общин и целых родов от манапов-притеснителей, переход от кочевания к земледелию целых общин и родов, национально-освободительная борьба и восстания (как под религиозными лозунгами, так и под влиянием революционного движения в России).

Если в целом патриархально-родовой уклад не играл прогрессивной роли, тормозил развитие экономики и новых общественных отношений, то община имела отдельные положительные для своего времени стороны: коллективизм, экономическая взаимопомощь, уважение старших, гостеприимство¹. Поэтому следует учитывать не только классовый дуализм общины, но и ее определенную общественную и историческую роль.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

У киргизов XIX в. патриархально-родовой уклад имел крепкие корни в экономике, социальной структуре и идеологии. Основной носительницей его была община, земледельческая у оседлых жителей и пастбищно-кочевая — скотоводов-кочевников.

Оседло-земледельческая община была стабильной, пастбищно-кочевая — мобильной; для последней были характерны изменчивость территории и зависимость от годового хозяйственного цикла. Экономическая замкнутость общины обуславливалась натуральностью хозяйства племенной и родовой раздробленностью и связанными с этим военными усобицами; определенную консервативную роль

¹ *Абрамзон С. М.* Патриархально-общинный уклад и пути его изживания... (Отд. оттиск). С. 6.

играла и географическая среда. Все это тормозило развитие киргизского общества.

В первой половине XIX в. существовала общинная земельная собственность с правом отчуждения. После присоединения Киргизии к России общинная земельная собственность (равно как в подавляющем большинстве мельковая и вакуфная) аннулируется, сохраняется общинное землевладение, общинное земле-и водопользование. Сообща использовались и пастбища. Пахотные земли находились в подворно-участковом пользовании отдельных хозяйств общинников. Таким образом, существовал хозяйственный дуализм общины в форме коллективной и частной собственности, владения, пользования.

В XIX в. стало заметным разложение общины: обособление и выделение в частное владение пахотных и приусадебных участков вплоть до полного выхода из общины ее членов, первоначально преимущественно состоятельных.

Вертикальная стратификация киргизского общества до революции была следующей: этническая общность, родоплеменное объединение, отдел, род, община, семья. Широко бытовала патронимия — группы родственных семей, сохранивших между собой хозяйственную, общественную и идеологическую общность.

Горизонтальная стратификация киргизского общества скрывает его классово-сословную структуру. Социальный дуализм общины выражался в классовой полярности феодалов-эксплуататоров (манапы, баи, бии) и эксплуатируемой бедноты (букара, кедеи, малаи, джатаки, игенчи и даже рабы — кулы).

Обычай и традиции цементировали патриархально-родовые устои, затушевывали классовую эксплуатацию культивировали подчинение родоправителям. Семейно брачные традиции, похоронные обряды, культ предков, религия служили задачам сохранения и поддержания патриархально-родового уклада, пережитков прошлого.

На последнем этапе существования пастбищно-кочевой общины появляется институт шилунства, традиционно связанный с манапством и родоправителями. Он был ликвидирован вместе с патриархально-родовым укладом и старой общиной мероприятиями Советской власти в ходе социалистического переустройства киргизского аила.

Обращение к прошлому, сравнение с настоящим показывает, каким могучим толчком, какой потенциальной энергией должна была обладать Великая Октябрьская социалистическая революция, чтобы при жизни только одного поколения перейти от патриархально-феодальных отношений с патриархально-родовым укладом к вершинам современного прогресса в экономике, политическом устройстве, социальной структуре, культуре. В связи с этим хочется закончить словами известного советского писателя Чингиза Айтматова, сказанными во время торжеств по случаю 100-летнего юбилея добровольного вхождения Киргизии в состав России: «Пусть изучают нашу историю многие поколения, пусть восхищаются потомки послеоктябрьским периодом в истории киргизского народа, прошедшего за годы Советской власти расстояние многих и многих столетий — огромный путь общественного и культурного развития от феодально-патриархального уклада к высшему строю современного мира — социализму, к этапу развернутого строительства коммунизма в составе великой семьи советских народов»¹.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в. // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе: Илим. 1972

¹ Родная Россия, ты наш утренний век. Фрунзе, 1964. С. 31.

О СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КИРГИЗИИ

Исследование структуры населения дореволюционной Киргизии имеет немаловажное значение для уяснения общесоциальных закономерностей и особенностей социально-экономического развития края. При этом ценность приобретают работы, базирующиеся на Демографических показателях — объективных источниках, способствующих определению уровня развития производительных сил и производственных отношений. Однако отсутствие сравнительно точных сведений о народонаселении Киргизии в целом при ее былой территориально-административной разобщенности, смешение в архивных и литературных материалах царского времени киргизов с соседними народностями и т. п. тормозят разработку историко-демографических сюжетов. Все это затрудняет рассмотрение структуры и даже динамики населения дореволюционной Киргизии.

Источниками для определения общей численности и структуры населения Киргизии могут служить сведения путешественников и исследователей времени вхождения киргизов в состав России (М. И. Венюкова, Л. Ф. Костенко, Н. А. Аристова и др.)¹, материалы Первой всеобщей переписи в России (1897 г.), труды поземельно-статистических обследований Киргизии (1907–1915 гг.), а также обзоры и статистически ежегодники Семиреченской, Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской областей.

Достоверных сведений о населении Киргизии первой половины XIX в. нет (исключая некоторые данные об отдельных

¹ См: Русские путешественники и исследователи о киргизах. — Фрунзе, 1973.

киргизских племенах) ввиду отсутствия в Кокандском ханстве вообще каких-либо переписей населения. «Определить число народонаселения Кокании не представляется никакой возможности, — вполне справедливо отмечалось в источнике 40-х годов XIX в., — его не знают ни сам хан, ни первые его сановники, так как налоги взимаются с произведений земли, а не с лиц, то перепись народа и не почитается там необходимостью, да при настоящем устройстве правления едва ли возможна»¹.

Первые попытки в этом направлении делаются в ходе и после присоединения края к России. Суммирование разрозненных сведений 60–70-х годов XIX в. (и частично 80–90-х годов) позволяет нарисовать следующую картину численности киргизов в середине XIX в.: 345 тыс. человек в границах современной Киргизской ССР, 358 тыс. — в Средней Азии и около 370 тыс. в Азии в целом².

Статистическое определение социальной структуры киргизского общества в этот период» по состоянию источников почти невозможно. Доступно констатации лишь следующее: основную массу населения составлял класс непосредственных производителей — скотоводов-кочевников и полукошачевников, за ними, шли крестьяне-земледельцы, далее — контингент батраков, наемных и отхожих чернорабочих и уже на следующей ступени по численности стояла байско-феодалная верхушка, прослойка мусульманского духовенства и торговцы. Совсем незначительное количество было явных или замаскированных рабов-слуг в бай-манапских хозяйствах.

Статистических данных о половозрастной структуре населения Киргизии первой половины XIX в., так же как

¹ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. ЦГАДА. Ф. 11. Д. 1214. Л. 24.

² Плоских В. М. Динамика численности населения Киргизии за столетия. «Изв. АН Киргиз. ССР», 1966. № 1. С. 22.

и о составе и численности киргизской семьи, нет. В литературе, однако, встречаются упоминания о большой, патриархальной нераздельной семье у киргизов, пережитки которой встречались еще в предреволюционное время и даже в первые годы после установления Советской власти — до коренных социалистических преобразований.

Со времени вхождения края в состав России население Киргизии заметно стало возрастать как за счет естественного прироста, так и вследствие миграции из России (крестьян-переселенцев, оставшихся после службы солдат, чиновников и т. п.) и сопредельных районов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана.

По данным Первой всеобщей переписи в стране, суммированным ЦСУ Киргизской ССР, все население Киргизии в 1897 г. составляло 663 тыс. человек¹. Однако показатели переписи не позволяют произвести анализ классовой структуры общества и дают лишь приблизительную картину национального состава населения вследствие неточности классификации, проводимой по языковому признаку. Так, численность киргизов в Семиреченской и Ферганской областях определялась более чем в 480 тыс. человек. При этом следует учесть, что если в Семиреченской области киргизы и казахи рассматривались раздельно, то в одном из уездов Южной Киргизии — Ошском — киргизы в основном оказались нерасчлененными с общей категорией «тюрко-татарских народностей». В результате численность киргизов по переписи составила всего 1741, в то время как численность всех представителей «тюрко-татарских народностей» была определена в 156,5 тыс. человек, среди которых, надо полагать, более половины составляли киргизы. К названным цифрам следует прибавить еще киргизов Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. Т. LXXXV. С. 52–53; Т. LXXXIX. С. 62–63.

¹⁵ Том IX. В. М. Плоских

Но, к сожалению, по переписи киргизы и казахи уезда также представлены нераздельно — общим числом 250988 человек¹, среди которых по крайней мере треть приходилась на киргизов. В результате общего суммирования с учетом условных поправок можно считать, что численность киргизов в конце XIX в. составляла где-то около 600 тыс., т. е. подавляющее большинство населения Киргизии.

Определенные изменения претерпевали семья и семейно-бытовой уклад киргизского населения. Несмотря на происходивший процесс распада, большая киргизская семья отчасти еще сохранялась не только, в бедных и средняцких хозяйствах, но и в богатых. Даже при некотором хозяйственном разделении, которое преобладало чаще в зажиточных семьях, в целом их общность сохранялась. Так, к примеру, многочисленная семья Курбанджан-датхи — известной «алайской царицы» — состояла из 183 человек, из которых в начале XX в. еще были живы 98 наследников². Даже в начале 20-х годов нашего столетия на Тянь-Шане встречались киргизские нераздельные семьи в 40–20 человек³.

Обращает на себя внимание заметно меньшее число женщин по сравнению с мужчинами как в среде коренного, так и переселенческого населения.

В XIX в. в Киргизии, равно как и в другом подобном феодальном обществе, не было непосредственных и явных ограничений для роста семей. Традиционность предраспо-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. Т. LXXXVI. С. 1.

² Ювачев И. Курбанджан-датха, кара-киргизская царица Алая. «Исторический вестник», 1907. № 12. С. 186.

³ Калемин Н. Х. О результатах исследования социальных отношений в ауле-кишлаке Шаркратминской, Эсенгуловской и Чоринской волостей Нарынского кантона Киргизии. Архив Киргизского филиала ИМЛ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 240.

лагала к обзаведению как можно большим числом детей, этому способствовали и ранние браки. В то же время дети не являлись большой обузой, так как с раннего возраста (6–8 лет) начинали принимать участие в производственном процессе, главным образом в уходе за скотом. Лишь большая детская смертность являлась серьезным тормозом для быстрого естественного прироста населения. В результате за полстолетие — с 70-х годов XIX в. до первой мировой войны — общая численность киргизского населения возросла примерно на одну треть.

Как известно, одной из причин сокращения и ограничения роста народонаселения является смертность от болезней и голода. В XIX в. в Киргизии было по крайней мере две массовые эпидемии. Грузинский путешественник Р. Данибегашвили и сибирский хорунжий Мокин отмечают большой падеж скота у киргизов Семиречья в 1820 г. Массовый падеж скота произошел в Семиречье в 1878 г.¹ Все это, естественно, вызывало голод, эпидемии среди населения и повышенную смертность. Значительно влияло на среднюю продолжительность жизни и тяжелое материальное положение трудящихся, социальный и национально-колониальный гнет в Киргизии.

Основная масса ее населения, особенно коренного, занималась сельским хозяйством — экстенсивным скотоводством и орошаемым земледелием. Сельские жители в крае составляли в 1897 г. 93% населения и только 7% были горожанами², социальная дифференциация среди которых проявлялась, пожалуй, еще резче, чем у сельского населения.

По общему своду данных Первой всеобщей переписи 1897 г. можно отчасти проследить занятие отдельных

¹ Отчет начальника Токмакского уезда за 1879 год. ЦГА Каз. ССР. Ф. И-44. Оп. 12. Д. 2.

² Киргизия в цифрах. С. 26.

групп киргизского общества конца XIX в. Если в целом численность киргизского населения, приведенная в сводном томе, не отвечала действительному положению, о чем мы уже говорили, то сословные группы (по дифференциации, но не численности) соответствовали действительности. Так, в графе «киргизы» значится 201682 чел. Из них немногим более 100 чел. было занято на административной и около 200 — на общественной работе, около 200 — служителей мусульманского культа, на поденной работе и в прислугах — около 3 тыс., в той или иной степени занималось земледелием 157 тыс., «животноводством» (надо полагать, кочевым скотоводством) — 31,4 тыс., в ремесленном производстве было занято немногим менее 6 тыс., в торговле более 1 тыс. человек¹. Учитывая, что общая численность киргизского населения занижена почти в три раза, можно условно считать, что в два с половиной — три раза была большей и численность каждой из рассмотренных групп населения. Если же сгруппировать киргизско-казахское население Семиреченской области по роду занятий, хозяйственной деятельности, то окажется, что здесь в 1897 г. земледелием занималось 41,14%, скотоводством — 54,23% и прочими отраслями — 4,63%².

Переселенцы из центральных губерний России и соседних районов Средней Азии, Казахстана и восточно-туркестанские выходцы к концу XIX в. составляли несколько десятков тысяч человек. Переселенцы из России в XIX в. оседали преимущественно в Северной Киргизии, а в Ош-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. 346—347.

² Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края... К. К. Паленом. Ч. 1, 1911. С. 85.

ском уезде численность русско-украинского населения уступала численности узбекско-таджикских и дунганских переселенцев. Всего же по трем основным уездам Киргизии — Пишпекскому, Пржевальскому и Ошскому — переселенцы из России составляли лишь несколько процентов от общего числа населения. В названных выше уездах их насчитывалось в 1897 г. 24,9 тыс. человек. Но приток переселенческого населения России не прерывался. Это были главным образом крестьян оставались в крае и некоторые категории городских трудящихся, солдаты, а также торговцы, купцы и чиновники. Очень быстро возрастало число европейского населения.

Миграция крестьян из европейской части России в Среднюю Азию и из деревень в города почти всегда была добровольной, но побуждали к этому крайне неудовлетворительные жизненные условия прежнего местожительства, голод. Однако нередко поиски лучших условий труда и жизни не оправдывали надежд трудящихся. Зачастую почти полностью разоренные крестьяне вынуждены были возвращаться на места выселения (так называемые обратные). Так, в 1896—1909 гг. из Семиреченской области возвратилось в Россию 12,8%, а из Сыр-Дарьинской — 18,9% переселенцев¹.

К 1913 г. общая численность населения Киргизии возросла до 864 тыс. человек. В силу различных социально-экономических факторов изменилось и соотношение пришельцев к коренному населению, отчасти изменилась и структура населения, его национальный состав.

Динамику численности и роста коренного и пришлого населения Северной Киргизии (Пишпекского и Пржевальского уездов) за 1897—1916 гг. можно проиллюстрировать

¹ Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С. 50–51; см. кн.: Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. С. 211.

материалами Первой всеобщей переписи 1897 г. и сельскохозяйственного обзора 1916 г.¹

Уезд	Переселенцы		Киргизы	
	1897 г.	1916 г.	1897 г.	1916 г.
Пишпекский	12280	56857	151107	175755
Пржевальский	11223	29607	128307	161219
По двум уездам	23503	86464	279414	336974

После жестокого подавления царскими войсками национально-освободительного восстания 1916 г. и бегства части киргизов за границу численность коренного населения в Пржевальском уезде сократилась на 123,6 тыс., а в Пишпекском — на 47,5 тыс. человек, т. е. в общей сложности вдвое².

Для уточнения структурного состава населения Киргизии предреволюционного периода важным является вопрос о соотношении городских и сельских жителей (в 1913 г. первые составляли всего 12% от общей численности населения Киргизии), а также о соотношении оседлых земледельцев и кочевников среди сельских хозяйств, по которому в литературе пока нет единого мнения. По ревизии края в 1908 г. в Ошском уезде было 8 оседлых волостей (до 20 тыс. хозяйств) и 1 кочевая (до 3 тыс. хозяйств). Иначе выглядело соотношение оседло-земледельческого и кочевого киргизского населения в северных уездах Киргизии — Пржевальском и Пишпекском. В последнем, например, из 23 киргизских волостей, с количеством 22,5 тыс. хозяйств, лишь 3 волости

¹ Первая всеобщая перепись... Т. LXXXV. С. 3; Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области 1916 года. С. 14–15.

² Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области 1916 года. С. 14–15.

были оседлыми, приблизительно с 2,5 тыс. хозяйств, а все остальные — коневыми. Другая картина — по статистическим данным 1915 г. Так, в Пишпекском, Пржевальском и Ошском уездах из 747 тыс. коренных жителей более половины (403 тыс.) значились уже оседлыми, а кочевыми — 345 тыс.¹ Такое соотношение получилось в результате зачисления полукочевых хозяйств в группу оседлых. В целом же в Киргизии кочевые и полукочевые хозяйства существенно превалировали над оседлыми.

Для выяснения общей структуры населения Киргизии немаловажно знание степени его грамотности. В литературе последняя обычно определяется от 0,6 до 3,8%, но без разграничения уровня грамотности всего населения и коренного, а нередко и без указания времени, к которому относится этот показатель. Изучение статистических материалов и результатов переписи вскрыло следующую картину результатов «просветительной» политики царизма. Так, по Аулие-Атинскому уезду в 1897 г. грамотных насчитывалось 2,6%², грамотность населения Семиреченской области составляла 4,19%, в том числе среди мужчин — 6,6% и среди женщин — 1,4%³.

Материалы переписи позволяют определить процент грамотности населения Пишпекского и Пржевальского уездов в целом, по городам и сельским местностям отдельно, а также по принадлежности к полу⁴.

¹ Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С. Народное хозяйство Киргизии в период Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции (1917–1920 гг.). Фрунзе, 1962. С. 10–11.

² Первая всеобщая перепись... Т. LXXXVI. Сырдарьинская область. СПб., 1905. С. 1.

³ Первая всеобщая перепись... Т. LXXXV. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 8.

⁴ Там же. С. 15.

Уезд, город	Население			Грамотных			Грамотность, %		
	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин
Пишпекский уезд	176577	95415	81162	5415	4915	500	3,1	5,2	0,6
Город Пишпек	6615	3826	2789	1171	961	210	17,8	25,0	7,5
Уезд без города	169962	91589	78373	4244	3954	290	2,5	4,3	0,36
Пржевальский уезд	147507	80584	66933	4278	2616	662	2,9	4,4	0,9
Город Пржевальск	81808	4677	3431	1646	1272	374	20,0	27,6	10,2
Уезд без города	139409	75907	63502	2632	2344	288	1,89	3,1	0,4
По двум уездам	324094	175999	148095	9693	8531	1162	2,8	4,8	0,8

Следовательно, общая грамотность по двум уездам Северной Киргизии составляла по переписи 1897 г. 2,8%, при этом грамотность мужчин — 4,8% женщин — 0,8%.

В сельской местности Пишпекского уезда грамотность населения составляла 2,5%, Пржевальского уезда — 2%. Значит, грамотных сельских жителей по двум уездам Северной Киргизии насчитывалось около 2,3%.

В городах грамотных было несколько больше: в Пишпекке — 17,8% (25% мужчин и 7,5% женщин), в Пржевальске — 20% (27,6% мужчин, 10,2% женщин). На селе, естественно, процент грамотности был существенно ниже.

Грамотность по Ошскому уезду составляла 1,9%, но по городу Ош — 5,8%. Интересно проследить степень грамотности среди кочевого населения. Типичным в этом отношении являлся Алай и его население. По айльным обследованиям статистиков в 1909 г. на 3800 постоянных жителей Алая приходилось 118 грамотных, т. е. 3%¹.

По данным общего свода результатов Первой всеобщей переписи населения из киргизов на учебно-воспитательном поприще было занято примерно 40 человек².

¹ Покровский Г. В., Стогов Н. И. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 году. Ташкент, 1913. С. 7, 11.

² Первая всеобщая перепись... Общий свод. Т. II. С. 346—347.

Обращаясь к материалам статистического обследования П. П. Румянцева за 1913 г., наблюдаем картину повышения грамотности сельского населения Киргизии. Так, по сельским районам Пишпекского уезда на 177 754 человека приходилось грамотных 9 304, или 5,2%¹, по Пржевальскому уезду из 152 369 человек только 5 910, т. е. 3,9%². Суммировав эти данные по двум уездам (без городов), получим: на 330 123 человека приходилось 15 214 грамотных, или 4,6%. Таким образом, хотя численность грамотных по Северной Киргизии за 15 лет увеличилась вдвое, общее положение было крайне безотрадным.

Говоря о структуре населения Киргизии, следует иметь в виду и его социальные группы. Так, коренные сельские жители состояли из свободных дехкан и различных зависимых категорий крестьянства (малаев, джатакчи), а также из эксплуататорской верхушки — бай-манапов, биев и т. п. С расслоением переселенческой деревни из среды русско-украинских, белорусских и других крестьян из европейской России выделялись крайние классово-полярные группы — батраки и богатые мироеды и кулаки, «вымывались» середняки.

Усилившаяся потребность в мелкопромышленном производстве вызывала рост числа ремесленников, а позже появление первых промышленных пролетариев.

В эпоху империализма киргизский аил, как и переселенческая деревня, переживал процесс усиления социальной дифференциации³. Одним из характерных явлений

¹ Румянцев П. П. Материалы по обследованию... Т. VII. Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство. Вып. 1. Таблицы. Пг., 1916. С. 202—203.

² Румянцев П. П. Материалы по обследованию... Т. VIII. Пржевальский уезд. С. 390—391.

³ См.: Сапелкин А. Дифференциация крестьянства. В кн.: Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1970. С. 3—63.

разложения патриархально-феодальных и возникновения капиталистических отношений в Киргизии было появление представителей зарождающейся торгово-ростовщической буржуазии. Судя по материалам переписи 1897 г., в одной лишь Ферганской области всеми видами торговли занимались 403 человека из среды киргизов, а торговым посредничеством — еще 328 человек¹.

Хотя Киргизстан и миновал стадию развития промышленного капитализма, однако активное включение его экономики в сферу всероссийского капиталистического рынка наряду с внутренними социально-экономическими процессами привели к генезису капитализма в его промышленности и сельском хозяйстве, увеличению численности ремесленников и появлению уже определенного количества наемных рабочих. По данным статистических обследований, проводившихся в Киргизии и соседних областях Средней Азии и Казахстана в 1907–1915 гг., в сельском хозяйстве Киргизии в предвоенное время насчитывалось около 20 тыс. батраков². С учетом отходников и полупролетарских элементов на селе и в аиле общая численность сельскохозяйственных рабочих намного превышала число наемных рабочих в промышленности Киргизии. По подсчетам проф. М. П. Вяткина, специально изучавшего вопрос о численности наемных рабочих в промышленности Киргизии, на ценовых предприятиях их было до 3000 (из них около 1600–1700 киргизов), к тому же в местной кустарной промышленности было занято еще около 4200 человек³ т. е. общее число промышленных рабочих в Киргизии превышало

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи, произведенной 28 января 1897 г. Ч. 2. — СПб., 190. С. 346–347.

² *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1963. С. 389.

³ История Киргизской ССР. Т. I. 1968. С. 433.

7 тыс. Можно полагать, что с учетом рабочих-строителей (в вышеприведенном случае не учтенных) общая численность рабочих в Киргизии к 1917 г. достигала примерно 10 тыс. человек¹. Следовательно, общий контингент наемных рабочих в сельском хозяйстве и промышленности Киргизии накануне победы Великого Октября составлял примерно 30 тыс. человек, т. е. немногим более 3% всего населения.

Таковы статистико-демографические сведения о численности, грамотности и составе населения Киргизии XIX — начала XX вв. Они отражают постепенную эволюцию в структуре народонаселения края, происходившую под влиянием процесса разложения патриархально-феодальных и возникновения капиталистических отношений.

В целом рассмотрение структуры населения дореволюционной Киргизии подтверждает вывод о том, что если в отсталой экономике и разнослойном социальном обществе колониального Киргизстана капитализм являлся одним из укладов, то в среду киргизского народа, еще опутанного патриархально-феодальными пережитками, капиталистические отношения только-только начали проникать. Победа Великого Октября в горном крае predeterminedила последующие коренные сдвиги в демографических показателях населения Киргизской ССР.

Публикуется по изданию:

Галицкий В. Я., Плоских В. М. О структуре населения дореволюционной Киргизии // страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период) (XIX — начало XX вв.) Фрунзе: Илим, 1975.

¹ Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. Фрунзе, 1970. С. 248.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КИРГИЗСТАНА

Основную источниковедческую базу для исследования исторического прошлого киргизского народа составляют три круга памятников: нарративные письменные источники; записки а отчеты путешественников и ученых, посещавших Киргизию; архивные документы.

Нарративные письменные источники — это обычно дворцовые хроники, написанные на таджикском, чагатайском, уйгурском и других языках. Большинство из них в рукописях и сосредоточено в хранилищах Ташкента, Душанбе, Ленинграда, Москвы.

Основные труды ученых и путешественников изданы и широко известны, отдельные рукописные материалы также доступны для исследователя.

Архивные материалы постепенно вводятся в научный оборот по мере исследования определенных проблем и тем. В ходе работы в архивах по выявлению материалов по истории Киргизии второй половины XVIII—XIX вв. мы обратили внимание на оригинальные документы, которые могут быть отнесены одновременно и к первому и к третьему кругу источников. Это — деловые бумаги, прошения и жалобы трудящихся, постановления съездов биев и записи норм «обычного права», рукописи, написанные киргизами, или под их диктовку, то есть исходящие непосредственно от киргизов. Все они в той или иной степени несут в себе историческую информационную нагрузку и могут быть использованы как ценный источник по истории

Киргизии, источник, специально еще не исследованный и не проанализированный¹.

Известно, что многие народности колониальной России, том числе и киргизы, не имели до революции своей национальной письменности. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» подчеркивается, что более 40 народов СССР обрели свою письменность только в советский период². Однако это не исключало попыток до революции «создать алфавит, написать письма, составить какой-нибудь текст» на киргизском языке. Мы полностью согласны с положением, что в отношении до-советской Киргизии «неправомерно говорить о каком-то едином письменном языке и собственной национальной письменности с выработанной или приспособленной к его требованиям графической системой»³.

В то же время в процессе исторических исследований необходимо привлекать и использовать как можно больший круг источников, скрупулезно собирая и критически анализируя и те «немногочисленные печатные и рукописные памятники, относящиеся к дореволюционному периоду, письменные источники, зафиксированные арабским алфавитом»⁴.

Оставляя в стороне вопрос лингвистического анализа, а также всестороннюю характеристику материалов, круг которых уже достаточно широк, мы попытаемся вкратце рассмотреть лишь в историческом плане значение вновь

¹ В то же время, надо отметить, они никогда историками и не игнорировались. Первыми сравнительно широко их стали использовать в своих трудах Б. Д. Джамгерчинов, А. Х. Хасанов, К. У. Усенбаев.

² О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 года. — М., 1972. С. 15.

³ *Каракеев К., Джамгерчинов Б., Орузбаева Б.* Язык науки, культуры и прогресса. «Советская Киргизия», 1972. 15 июня.

⁴ Там же.

выявленных оригинальных источников, в первую очередь ряд киргизских писем 60-х годов XIX в. (общее количество выявленных нами писем превысило 100 единиц) и санат¹ Молдо Нияза, несущих информацию об отдельных сторонах прошлого киргизского народа.

В киргизских письмах туркестанским властям нередко дается оценка политического положения кокандцев и кокандских крепостей на территории Киргизии, видны отношения киргизов к Кокандскому ханству и России, взаимоотношения с казахами и между отдельными племенами.

В одном из своих писем (от 1863 г.) Джантай сообщал начальнику Алатавского округа генералу Г. А. Колпаковскому об усилении кокандских гарнизонов в центрально-тяньшаньских крепостях. Так, в Куртке было оставлено около 100 человек, в Мерке был сменен бек, им стал теперь кыпчак, а гарнизон дополнительно усилен 40 солдатами.

В апреле 1864 г. киргизский манап Абдылда информировал Колпаковского о приезде в г. Аулие-Ата из Ташкента кокандского сановника Нармухаммеда, который сразу же пригласил на совещание местных феодалов казахов и киргизов. Съехались все таласские манапы, предводитель солтинцев Джангарач и др. Одновременно из г. Аулие-Аты в Мерке было отправлено 400 человек для «устрашения» киргизов и усиления кокандского гарнизона.

В одном из своих писем от 30 октября 1855 г. Качыбек называет численность бугинцев — «16 тысяч семей»². Следует отметить, что в большинстве русских источников сказано, что их около 10 тыс. юрт, или хозяйств³.

¹ Санат (кирг.) — поучение, песня, состоящая из рифмовых афоризмов. Киргизско-русский словарь. Сост. К. К. Юдахин. М., 1965. С. 632.

² ЦГА Каз. ССР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 348. Св. 49. Л. 31 (оригинал).

³ П. П. Семенов-Тянь-Шанский считал, что «численность бугу простирается до 11 тыс. юрт». *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. II. СПб., 1865. С. 287.

Манап Алыбек Калыгулов от своего имени и от имени Рыскулбека жаловался русским властям на притеснения кокандцев. После феодальных усобиц с казахским султаном Кенесары они вынуждены были под натиском кокандцев покинуть свои кочевья и бежать на Талас (1848 г.). Через семь лет они соединились с Джантаем, но продолжали подвергаться нападкам кокандцев и не получили ожидаемой помощи от русских, хотя раньше оказывали им услуги и надеялись на них.

Алыбек вспоминает киргизскую пословицу («Сама лягушка хоть и на безводье, а глаза ее смотрят в озеро»), призывая к сочувствию, что сейчас они как бы отвержены и беззащитны и только взирают с мольбой на русских, ожидая помощи от России¹.

Из писем видно, что принятие киргизами русского подданства сопровождалось не только временным освобождением от налогов, но и вызвало обложение новыми повинностями. Как видно из письма некоего Адыла-батыра (1864 г.), после взятия и разрушения царскими войсками крепости Мерке киргизы выставили им 27 быков, потом по просьбе капитана дали ещё 10 быков. Находясь на Сон-Куле, они вынуждены были поставить 100 баранов.

Приведем образец историко-информационного письма Байтыка Канаева начальнику Алатавского округа Колпаковскому.

«Высокостепенному уважаемому начальнику округа Ала-Тау, управителю казахов и киргизов генерал-майору Колпаковскому шлю привет. Примите наши доброжелания на долгие годы жизни. Ваше письмо получил и остался очень доволен.

В знак уважения вы отправили нам одежду, за что мы благодарны. Бог Вам воздаст добром.

¹ ЦГА Каз. ССР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 484. Св. 24. Л. 31.

Вы просили сообщать обо всем происходящем у нас. Извещаю, что Кокандским ханом стал 12-летний мальчик Султан-Сейдалы-хан¹. Предводитель войск Алымкул правит киргизами и кыпчаками, находясь в Ташкенте.

В свите правителя Нармухаммед-парваначи есть и минбай. Он находится в составе войск Нармухаммеда, но сколько дней будет здесь, мы не знаем. Войска Нармухаммеда вернулись (в Коканд), а сам он не больше чем с одной тысячью остался в Аулие-Ате.

Слышали мы, что и он возвратится. Еще слышали, что в Ходженте находится парваначи Мирза Ахмед, а в Туркестане — таджик Мирза Давлат.

В Аулие-Ате находится Сыдык Назир, родом из Чимкента. Еще мы слышали, что в Мерке во главе 30 человек стоит один кыпчак, они, видимо, охраняют (крепость).

От нижнего юрта (своего рода) Джангарач отправил к хану представителей Тыналу и Махсуна. Слышали мы также, что от казахов тоже отправились к хану Ботхай, Тулаберды, Кашкар и Карабай.

Почему это я вам сообщаю? Потому что думаю служить царю. Я считаю опорой народа Вас, поэтому просил у Вас 200 человек, но ответа не получил. Наши кара-киргизы очень нахальный народ. Если нет среди них властителя подобного Вам, тогда они спокойно себя не ведут. У нас нет повелителя, на нас никто не обращает внимания и не думает о нас. В результате все рассыпается...»².

В письмах, исходящих от лица баев, биев, манаров, трудно встретить объективную оценку происходящих событий. Как видно из приведенного документа, представители феодальной верхушки киргизского общества стремились зарекомендовать себя лояльными царской власти, заручиться

¹ Кокандский сан Султан-Сеид (1863—1865 гг.).

² ЦГА Каз. ССР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 167. Св. 8. Л. 92.

их поддержкой в борьбе не только против внешнего врага — кокандцев, но и для подавления сопротивления «своей» букары — трудящихся масс. Да и трудно было от них ожидать другого. Но стремление к сближению и сотрудничеству с Россией объективно совпадало с интересами всего киргизского общества. Кроме того, исторические фрагменты, встречающиеся в письмах, интересны своей фактической информацией, да небезынтересно и само отношение авторов писем к излагаемым событиям, в какой-то мере свидетельствующие о сложившихся взаимоотношениях киргизских феодалов с кокандскими ханами и их ставленниками на окраинах.

Письма, рассматриваемые в комплексе, содержат ценные материалы о политической ситуации в Киргизии накануне и в момент вхождения в состав России, занятиях населения, быте и культуре. Их ценность прежде всего в том, что здесь информация исходит непосредственно от киргизов, в то время как историкам чаще всего приходится оперировать источниками соседей, нередко враждебно относящихся к киргизам и в силу этого искажающих и без того неясную историческую действительность. Обращение к оригинальным письменным источникам будет способствовать уточнению отдельных моментов из истории киргизского народа XIX века.

Своеобразным источником по истории киргизско-кокандско-русских взаимоотношений 60-х годов служат две рукописи Молдо Нияза¹.

В одной из последних своих работ, посвященных исследованию языка санат Молдо Нияза, проф. Б. М. Юнусалиев отметил большую научную ценность подобных памятников киргизов, которые имеют «первостепенное значение не только для изучения истории языка, но и для изучения

¹ Рукоп. фонды ООИ АН Киргиз. ССР. Инв. № 1732 и 5072.

политической, экономической и культурной жизни народа той или иной эпохи»¹.

Об авторе санат биографических сведений нет ни в документальных источниках, ни в разбираемых рукописях. По свидетельству аксакалов — земляков певца, он прожил более 70 лет (примерно, 1820—1896 гг.), объездил со своими песнями почти всю территорию Киргизии, Каратегина и Кашгара. В его санатах и песнях есть упоминания о Фергане, Чуйской и Таласской долинах, Сусамыре, Нарыне и Ат-Баши.

Судя по содержанию произведений Молдо Нияза и времени его жизни, поэт был свидетелем или участником важных исторических событий в Кокандском ханстве. Именно с 40-х годов XIX в. киргизы принимают особенно активное участие в политической жизни ханства. Это было время, когда к узбекской генеалогии правящей династии Минг примешивается по женской линии кровь киргизских феодалов, когда киргизско-кыпчакские феодалы Мусульманкул, Алымбек-датга, Алымкул и др. становятся регентами, первыми сановниками и фактически правителями Кокандского ханства. Это было время активного выступления киргизских трудящихся вместе с трудящимися узбеками против гнета Кокандского ханства, борьбы с местными феодалами — бай манапами.

В санатах нет единой, изложенной в систематическом плане темы. Скорее, можно говорить о ряде тем, скомпонованных в определенном порядке. По всему тексту разбросаны описания бытовых и исторических сценок, рассказы нравоучительного характера. В одном месте повествуется о времени кокандских ханов, власти биев, их безжалостном,

¹ Юнусалиев Б. М. Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза. В кн.: Тюркологические исследования. Сб. статей, посвященных 80-летию академика Константина Кузьмича Юдахина. Фрунзе, 1970. С. 49.

жестоком правлении, в другом — затрагиваются вопросы этики, морали, поведения, отношения между полами среди киргизов. Останавливаясь на каждой из тем отдельно, Молдо Нияз критикует жестокость власть имущих, с сарказмом описывает недостойное поведение ханских посланцев среди киргизского населения и т. д.

В целом в санатах можно выделить условно следующие темы:

- а) о женщинах и джигитах,
- б) о быте,
- в) о морали,
- г) об Алымкуле и Якуб-беке,
- д) о религии.

Эпоха и идеология восточно-ханского деспотизма, фанатизм мусульманства, естественно, наложили свой отпечаток на мировоззрение автора. Немалое место в его санатах занимают религиозные мотивы. Но это все — наслоения времени и окружения. Интерес в санатах представляют фактические сведения и их оценка, которые при определенном критическом анализе могут быть использованы в научных исследованиях.

Будучи современником описываемых событий, Молдо Нияз оставил рукопись, которая является единственным историческим сочинением представителя киргизского народа 50–60-х годов прошлого столетия, она написана киргизом «на киргизском языке с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкиликского) диалекта», — констатирует историк киргизского языка акад. Б. М. Юнусалиев¹.

В настоящее время известны документальные материалы, опубликованные, а также выявленные в архивах,

¹ Юнусалиев Б. М. Указ. соч. С. 50.

которые позволяют проверить факты и определить историческую значимость рассматриваемой рукописи. В этом плане представляют интерес сочинение кокандского историка Муллы Ниязи-Мухаммеда «Тарих-и Шахрухи»¹, рассказ Мирзы Ахмеда о кокандских событиях 50–60-х гг. и Якуб-беке Кашгарском², автобиография Шабдана Джантаева, записанная Н. А. Аристовым³, и киргизские письма русским властям, в которых затрагиваются взаимоотношения киргизов с кокандцами, каза-хами, а также кашгарцами.

В исторических санатах Молдо Нияза бичуются социальная несправедливость и насилия ханских джигитов, освещается сражение кокандцев с царскими войсками и взятие Чимкента и Ташкента, показана роль Алымкула в истории. Коканда и Киргизии, рассказывается о бегстве киргизов и кыпчаков от Худояр-хана в Восточный Туркестан, о деспотизме Якуб-бека.

В отдельных строках Молдо Нияза звучит прямая, хотя и несколько наивная, критика местных киргизских феодалов и духовенства. Он возмущается тем, что баи и казы наживаются за счет букары и жестоко угнетают простой народ. Их пища, одежда — все добыто чужим трудом, — восклицает поэт. Высмеивая ханских прислужников, «бесчестных джигитов», Молдо Нияз говорит, что лучше он умрет простым алайцем, чем уподобится им, дерущимся между собой.

¹ *Мулла Ниязи-Мухаммед бен Ашур-Мухаммед*. Тарих-и Шахрухи. Изд. Н. Н. Пантусовым (на перс. яз.). — Казань, 1885. Извлечения переведены и опубликованы В. В. Бартольдом. См. его соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 350–358.

² *Веселовский Н.* Бадаулет Якуб-бек, аталык Кашгарский. ЗВОРАО. Т. II, 1897–1898 гг. СПб., 1899. С. 90–103.

³ *Аристов Н. А.* Западный Тянь-Шань. Усуни и кыргызы или каракиргызы. Ч. II. СПб., 1893 (рукоп.), АГО СССР. Р. 65. Оп. I. Д. 11. Л. 581–590.

Молдо Нияз воспеваёт народных предводителей, борцов против кокандского произвола Суванкула и Таира и призывает их к более активной борьбе. («Найманын баарын жедирип, Нарктуу ишти кылвадын. Тайыр менен Суванкул, Наклбу ишти кылвадын. Намартдыгын билдирип»). Трудно ожидать в санатах классового обличения эксплуататоров, но даже простой показ угнетённых и призыв к сопротивлению в то время — дело большого гражданского мужества.

Находясь в стане кокандцев, защищавших Чимкент и Ташкент от царских войск, Молдо Нияз, на мировоззрение которого определенное влияние оказала мусульманская идеология, неправильно понял характер ханско-царской борьбы и роль в этой борьбе Алымкула. Поэт считал войну «священной» борьбой («газаватом») против «неверных» (русских). Кокандский предводитель Алымкул в санатах Молдо Нияза выступает как народный предводитель, герой, борющийся против «кяфиров». Нужно сказать, что подобная трактовка событий 50-х годов и борьбы царизма с кокандскими войсками является традиционной в среднеазиатских хрониках прошлого века и проводится всеми без исключения кокандскими авторами. Как борьбу мусульман с «неверными» рассматривает эти события и Мулла Нияз Мухаммед, который, однако, отмечает, что кочевники были на стороне русских войск и даже предлагали им быстрее занять Ташкент¹. Но если Мулла Нияз Мухаммед, для которого Алымкул был узурпатором «законной» власти кокандских ханов, всю вину в поражении кокандцев под Чимкентом и Ташкентом сваливал на всесильного временщика, то Молдо Нияз, видя в Алымкуле народного героя, наоборот, приписывает ему все победы, а сдачу городов объясняет лишь ранением и последовавшей за ним смертью Алымкула. В своем описании событий Молдо Нияз

¹ Извлечение из «Тарих-и Шахрухи». Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 2. С. 356–357.

выделяет именно киргизов, подчеркивает их политическую активность в кокандском ханстве.

Санаты Молдо Нияза проливают новый свет на киргизско-кашгарские взаимоотношения при Якуб-беке.

После смерти «льва-Алымкула», сообщает автор, из Бухары возвратился Худояр-хан¹ и «весь угнетенный народ попал в беду: сын остался сиротой, жена стала вдовой, джигиты Алымкула одни бежали на Сары-Кол, другие — в Кашгар». У киргизов, бежавших от гнева Худояр-хана в Кашгар, по словам Молдо Нияза, — «кровавый день настал».

Якуб-бек, бывший в Кокандском ханстве одно время соперником Алымкула, а теперь возвысившийся до правителя Кашгара, стал мстить сторонникам и воинам Алымкула. Несмотря на то, что Якуб-бек захватил власть в Кашгаре все с той же помощью и при участии киргизских феодалов, он жестоко обошелся с киргизами, бежавшими от гнета из Кокандского ханства после смерти Алымкула. Молдо Нияз отрицательно характеризует Якуб-бека, считая его «предателем народа».

Как историк, Молдо Нияз не сумел подняться до обобщения или анализа фактов. События он преподносит так, как их воспринимал — несколько наивно и субъективно в силу ограниченности своего мировоззрения, иногда из-за пристрастного отношения к участникам событий. Все это и понятно. Трудно ожидать большего от воспитанника ортодоксального мусульманского учебного заведения (только такое и мог окончить в свое время Молдо Нияз). Его исторические сведения более скудны, чем некоторые кокандские источники, но ценность их в другом. Как подчеркивал

¹ Правление Худояр-хана дважды прерывалось междоусобицами, в ходе которых хану приходилось бежать в Бухару и искать защиты у эмира. Правил Худояр в 1845–1858, 1862–1863, 1865–1875 гг. (См.: *Лэн Пуль С.* Мусульманские династии. СПб., 1899).

проф. Б. М. Юнусалиев, «это пока еще единственное высказывание представителя народа (киргизского. — В. П.) о современных ему исторических и политических событиях»¹.

Таким образом, обращение к новому кругу оригинальных источников — отдельным письмам, документам, рукописям прошлого века, исходящим непосредственно от киргизов — может пополнить не только общие знания об истории этого времени Киргизстана, но и позволит нам глубже понять взаимоотношения киргизских феодалов с соседями и между собой, в какой-то степени соприкоснуться с внутренней оценкой определенными кругами киргизского общества событий XIX в., свидетелями и участниками которых они были. При всем при этом нужен строго критический подход к источникам, памятуя их естественный в такого рода документах субъективизм.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М., Назаралиев Т. Оригинальные источники по истории Киргизстана // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период) (XIX — начало XX вв.) Фрунзе: Илим, 1975.

¹ Юнусалиев Б. М. Указ. соч. С. 50.

КОКАНДСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В СИНЬЦЗЯНЕ

Историки КНР в последние годы много пишут о прошлом народов Синьцзяна — уйгурского автономного района КНР, пытаются доказать существование его «древних» и «тесных» исторических связей с собственно Китаем¹. Однако они всячески замалчивают политические и экономические связи неханьских народов этого региона с этнически родственными и близкими им в культурном отношении населением Средней Азии и Казахстана. Это в первую очередь относится к истории совместной борьбы народов Синьцзяна и Средней Азии против чужеземных завоевателей, одним из ярких эпизодов которой является участие населения Кокандского ханства в национально-освободительном движении уйгуров Восточного Туркестана в первой половине XIX в. под руководством потомков его бывших феодально-теократических правителей — ходжей.

Уже в начале XIX в. в связи с успехами завоевательной политики Кокандского ханства в отношении соседних народов Средней Азии и Казахстана усиливается его влияние в Восточном Туркестане. Этому способствовала создававшая здесь обстановка. После крушения своих широких экспансионистских замыслов маньчжурские правители превращают Синьцзян в форпост, предназначенный для

¹ Люй Чжэньюй. Исторические связи Синьцзяна с нашей родиной. — «Миньцзу гуаньцзе» («Единство национальностей»), 1962. № 7; Китайско-русский Илийский договор. Пекин, 1978 и др.

обороны завоеванных ими территорий в Центральной Азии, а казахские и киргизские земли по обе стороны рубежей этого имперского наместничества они рассматривают как своеобразную буферную зону¹, которая должна обеспечивать «безопасность границ» Цинской империи.

Режим жестокого угнетения и произвола, установленный в Джунгарии и Восточном Туркестане цинским правительством, был причиной начавшихся волнений среди некитайских народов Синьцзяна — уйгуров, казахов, киргизов, ойратов и др. Этим решили воспользоваться бывшие правители Восточного Туркестана из династии белогорских ходжей, которые нашли приют в Коканде. Они рассчитывали на поддержку кокандских ханов. Этническая близость народов Средней Азии с населением Восточного Туркестана, тесные хозяйственные и культурные связи, издавна существовавшие между ними, позволили правителям Кокандекого ханства принять активное участие в военно-политических событиях в Восточном Туркестане.

Укрывательство ходжей в Средней Азии являлось для кокандских ханов большим козырем. Маньчжурский император неоднократно, но безуспешно пытался заполучить этих претендентов на власть в Восточном Туркестане. Наконец он смирился с тем, что потомки ходжей для него недоступны и заключил договор с кокандским ханом, который по условиям этого договора должен был следить за ходжами и не пускать их в Восточный Туркестан. За это цинские власти стали регулярно направлять кокандскому

¹ См.: *Сун Юнь*. Циньдин Синьцзян шилуе. Высочайше утвержденное краткое описание Синьцзяна. [Б. м.], 1821. Цз. 12. Л. 1 а; «Циньдин пиндин Хуэйцзян чаоцзинь ни-и фанлюе (Высочайше утвержденные планы умиротворения Восточного Туркестана и уничтожения потомков мятежников). [Б. м.], 1830. Цз. 62. Л. 10 а.

хану своеобразную дань — ежегодно по 200 ямб (около 20 тыс. руб. по курсу российской валюты)¹.

Таким образом, кокандские ханы использовали ходжей как источник дохода и зорко следили за ними, хотя нередко были не прочь припугнуть ими богдыхана. Официально ханы запрещали кому бы то ни было поддерживать ходжей в случае их побега: не хотели обострять отношения с Китаем да и лишаться постоянной статьи дохода². При хане Омаре была сделана попытка установить через кокандского торгового старшину в Кашгаре (худай да) контроль над делами кокандских купцов, торгующих в Восточном Туркестане, с целью сбора с них пошлины лишь в пользу ханской казны³. Однако эта попытка успеха не имела и, более того, цинские власти, решив почему-то, что все потомство ходжей уже вымерло, отказываются от своей политики уступок кокандским ханам. Одновременно с этим у цинского правительства обостряются взаимоотношения с киргизскими племенами. Так, если на первых порах маньчжурские власти заигрывали с отдельными представителями родо-племенной верхушки киргизов, наделяя их знаками отличия и одаривая подарками, то теперь положение изменилось.

Служивший в Синьцзяне в 1805—1809 гг. маньчжурский сановник Ци Юнын был вынужден признать, что солдаты и офицеры цинских экспедиционных отрядов, проникавшие в кочевья киргизов, которые населяли как внутренние

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. II. Алма-Ата. 1962. С. 317; Куропаткина А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 113.

² Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1839. С. 109.

³ Сун Юнь. Указ. соч. Цз. 3. Л. 21-6; Коншин Н. Материалы для истории Степного края. Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Вып. 6. Семипалатинск, 1901. С. 13—14.

районы Восточного Туркестана, так и его пограничные области со Средней Азией, бесчинствовали здесь и не упускали ни одного повода причинить местному населению «беспокойство»¹. Это вызывало сопротивление киргизов. «После (правления императора Цян-луна), — отмечается также в китайской хронике «Цин шигао», — пограничные чиновники потеряли (чувство) меры (и) злоупотребляли властью (в кочевьях), где постоянно возникали беспорядки»², т. е. проявлялось недовольство киргизов.

В 1814 и 1816 гг. жители Кашгарского округа, доведенные до отчаяния маньчжурскими чиновниками, дважды поднимали восстание в Ташмалыке под руководством киргизского бия Турдымамата и уйгура Зияветдина. Большую роль в этих восстаниях играли киргизы. Такие бии, как Шергазы из племени жамантеит, Жукасандык из кыпчаков, Байболот из чонбагышей, возглавляли отдельные повстанческие отряды. После поражения восстания многие киргизы, принимавшие в нем участие, бежали на Тянь-Шань. Преследуя их, маньчжуро-цинские отряды стали совершать карательные набеги на киргизские кочевья. Отряды захватчиков отнимали имущество у киргизов, сжигали их айлы, безжалостно убивали мирное население.

Жестокие репрессии маньчжуров подняли киргизов на всеобщую антицинскую борьбу. Бий Суранчи, имевший земельные наделы в кишлаке Артуш Кашгарского округа, стал одним из главных организаторов борьбы против Цинской империи и сподвижником одного из потомков ходжей Джангира.

В 1818 г. Джангир-Тюре и Хак-Кули бежали от кокандской опеки на Алай. Здесь они не только нашли приют,

¹ *Ци Юньши*. Сичуй яолкое (Сводка важнейших сведений о Западном крае). Шанхай, 1936. С. 49.

² *Цин Шигао* (Черновая история династии Цин). Мукден, 1937. Цз. 534. Л. 86.

несмотря на официальный запрет ханов, но и получили реальную помощь от киргизов для похода в Восточный Туркестан. До 500 киргизских воинов-чонбагышей во главе с бием Суранчи примкнуло к ходжам. Сравнительно немногочисленный отряд в надежде на то, что за ним поднимутся все недовольные цинским правлением жители Восточного Туркестана, двинулся на Кашгар. Но поход не увенчался успехом. Это выступление ходжей известно под названием «бунта бурута Суранчи»¹.

Ходжи вынуждены были возвратиться в Коканд. Некоторое время они находились под арестом, потом были выпущены, но оставались все-же под надзором ханских чиновников². Поддержка киргизами антицинских восстаний кашгарских ходжей и их участие в политических событиях (нередко вопреки воле кокандских ханов) Восточного Туркестана были одной из форм протеста киргизов не только против гнета цинов, но и господства ханской власти в Киргизии.

В 1822 г. была предпринята еще одна попытка ходжей захватить власть в Кашгаре. Воспользовавшись смертью Омар-хана, Джангир-Тюре вновь бежал из-под надзора и около трех лет провел у киргизов Алая. Здесь он собрал отряд из нескольких сотен человек и снова двинулся на Кашгар. Вскоре к нему примкнуло около 6 тыс. киргизов рода чонбагыш, а затем и отряд с Кызыл-Су. На стороне ходжей выступили и киргизские народные предводители саяков со среднего течения Нарына Атантай и Тайлак, позже прославившиеся как организаторы борьбы с кокандскими ханами.

Участие киргизского населения в восстании Джангира было вызвано стремлением заставить цинские власти

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. II. С. 317.

² Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1839. С. 109.

прекратить притеснения их сородичей в Синьцзяне, предотвратить разбойничьи набеги на киргизские айлы. Кокандские власти негласно участвовали в восстании с целью усиления своего влияния в Восточном Туркестане и получения права беспошлинной торговли в этом районе.

С подавлением восстания в Ташмалыке синьцзянские киргизы бежали на Тянь-Шань и присоединились к Тайлаку и Атантаю, чтобы продолжить антицинскую борьбу. Кочевья Тайлака стали как бы центром, от которого тянулись нити ко всем недовольным киргизским племенам. Противник высоко оценивал роль Тайлак-батыра как организатора антицинской борьбы. В одной из официальных цинских хроник того времени читаем: «...Варварские начальники¹ Тайлак, Байбахаш и другие разослали людей, чтобы собрать все соседние племена и (чтобы) вместе явиться в Кашгар для поднятия мятежа».

Стремясь предотвратить новые выступления Джангира, поддерживаемого киргизами, маньчжуро-китайские власти организуют поход в приграничные районы Киргизии, чтобы разгромить там антицинские силы. В своих донесениях императору о результатах похода маньчжурские командиры писали: «Приблизительно свыше 300 человек бандитов уже уничтожено или схвачено правительственными войсками, а более 100 человек бандитов, увидев правительственные войска, уничтожавшие и пленившие их, немедленно бежали в беспорядке»². Для захвата Джангира и Тайлака на Тянь-Шань к Нарыну направляется отряд численностью около тысячи человек (разные источники называют разное число) под командованием генерала Баян-Бату. Захватчики задумали одним ударом разгромить антицинский центр

¹ Так называли некитайских предводителей в цинских официальных источниках.

² *Мадеюев Н.* Борьба киргизов против цинских агрессоров в 20-х годах XIX века.

в Нарыне и схватить Джангира. Войска двигались скрытно, только ночью, нигде не задерживаясь. В полночь китайцы внезапно напали на тыл Тайлака, без разбора истребляя всех, даже детей стариков и женщин. Речка Акчий была заполнена трупами убитых¹. Китайский источник сообщал, что отряд Баян-Бату «перебил свыше 100 человек — мужчин и женщин, старших и младших членов семей Тайла-кэ и его подчиненных». Эти события нашли отражение в киргизском фольклоре — в поэме о Тайлак-батыре². Несмотря на тщательные поиски, захватчики не смогли найти Джангира и Тайлака. Узнав о нападении маньчжуров, Тайлак собирает людей из ближайших айлов и устраивает врагу засаду.

Тот же китайский источник сообщает: «Тайла-кэ, собрав людей из нескольких киргизских племен, отрезал путь к отступлению, войскам Баян-Бату». Захватчики, обремененные награбленным имуществом, не могли быстро передвигаться. Киргизы вынудили их отступать по дороге, идущей через глубокое ущелье, у которого Тайлак устроил засаду. С двух сторон оно было стеснено горами с нависшими огромными каменными глыбами, готовыми при малейшей неосторожности обрушиться. Когда маньчжуры приблизились к этому ущелью, сверху на них обрушились камни, со всех сторон полетели стрелы. Сражение длилось целую ночь. К утру весь вражеский стан был разбит, а Баян-Бату покончил с собой³. Эти события вызвали беспокойство цинских властей, которые опасались, что киргизы

¹ Чоробаев А. Тайлак-батыр. Фрунзе, 1959 С. 61.

² Абдурахманов И. Тайлак-батыр. Рукоп. фонды Отделения общественных наук АН Киргиз. ССР.

³ Мадеюев Н. Из истории антицинской борьбы народов Центральной Азии в 20-х годах XIX века. // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Вып. 2. М., 1974. С. 208—212.

более активно включатся в антиманьчжурскую борьбу народов Восточного Туркестана.

Успехи киргизов, возглавляемых Тайлаком, воодушевили Джангира на дальнейшую борьбу с маньчжурами. Новое наступление на Кашгар было ускорено известиями о начавшихся в окрестностях города весной 1826 г. народных волнениях, которые вскоре распространились на все западные районы Восточного Туркестана. Это обещало успех новому выступлению Джангира. Летом того же года во главе большой группы кашгарских эмигрантов, киргизских ополченцев, кыпчаков и горных таджиков он появился в Восточном Туркестане¹.

В развернувшейся борьбе с Цинской империей Джангир, как и окружавшие его феодалы, преследовал свои узоклассовые интересы, но объективно восстание носило национально-освободительный характер. В то же время интересы трудового населения, принимавшего участие в восстании и связывавшего с ним осуществление своих надежд на лучшее будущее, не совпадали с интересами феодалов.

Участие киргизов в восстании Джангира явилось большой помощью уйгурскому народу и киргизам Восточного Туркестана в их борьбе за свержение маньчжурского ига. Опираясь на эту помощь, Джангир появился в окрестностях Кашгара, но долго не мог взять его. На помощь к нему со всех сторон стали подходить отряды, и вскоре ходжа, объявивший свой поход «газаватом» — борьбой против «неверных» (китайцев) стал во главе большой (до 200 тыс. человек) и сравнительно хорошо вооруженной армии. Затем в Восточный Туркестан прибыл и кокандский хан Мадали. Джангир, не сумевший взять цитадель, решил предоставить эту «честь» кокандскому хану. После безуспешной 12—15-дневной осады войско Мадали-хана, разуверившись

¹ Зияев Х. Восстание 1826 года в Восточном Туркестане. М., 1952. С. 11 (Автореф. канд. дисс.).

в скорой и легкой победе, стало разбегаться. Сам хан вынужден был бесславно возвратиться в Коканд, хотя после этого «и начал бить монету с титулом «гази»¹. Джангир все же сумел овладеть Кашгаром, а вскоре и почти всеми городами Восточного Туркестана. Он решил упрочить свое положение созданием военно-политического блока мусульманских государств Средней Азии — Коканда, Бухары, Хивы и Бадахшана против Цинской империи². Однако через девять месяцев подоспевшая свежая цинская армия ворвалась в Кашгар. Джангир бежал к алайским киргизам. Мадали послал было отряд на помощь «единоверцам» — попавшим в беду беглецам, но кокандцы опоздали. Джангир был схвачен, его увезли в Пекин и там казнили.

Маньчжуро-китайские каратели жестоко расправились с уйгурскими повстанцами Восточного Туркестана. Цинские войска устроили побоище в киргизских кочевьях. По словам одного из представителей русской пограничной администрации, «китайцы в усмирение и отмщение дико-каменным киргизам (как тогда именовались в русской литературе киргизы. — *Авт.*) сделали нападение на сопредельные Кашгарии их кочевья, многих киргизов смертью казнили...»³.

Так как в Коканде и Бухаре все еще скрывались потомки ходжей — сын Джангира Бузрук, брат Мад-Юсуф и др., то цинские власти требовали их выдачи, предлагая за это крупное вознаграждение. Отказ кокандского хана Мадали вызвал новое обострение в его взаимоотношениях с маньчжурами. Пытаясь оказать давление на кокандского

¹ Гуревич Б. П. Вторжение цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России — История СССР. 1973, №2. С. 57.

² Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. II. С. 319.

³ Цит. по статье Б. П. Гуревича. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках. // Вопросы истории. № 9, 1974. С. 57.

правителя, цинская администрация во второй половине 1828 г. ввела запрет на торговые сношения между Синьцзяном и Кокандским ханством, а затем изгнала значительную часть кокандских купцов из Восточного Туркестана, конфисковав их имущество и товары. В китайско-кокандских отношениях назревал конфликт, связанный с тем, что правители Коканда, уже давно именовавшие себя ханами, в китайских дипломатических и прочих документах по-прежнему фигурировали как беки. Пекинское правительство, стремясь принизить Мадали-хана, требовало от его послов согласиться на такой же унижительный церемониал, какой существовал в Китае по отношению к представителям так называемых подвассальных территорий¹.

Уже осенью 1829 г. мероприятия цинских властей по оказанию экономического давления на Кокандское ханство начали проводиться в жизнь. Однако Мадали-хан, значительно укрепивший и расширивший к тому времени свои позиции в Средней Азии, рассчитывавший восстановить свои прежние торговые привилегии в Восточном Туркестане, решил использовать против маньчжуров Мад-Юсуфа-ходжу. Осенью 1830 г. цинские войска потерпели два поражения от войск Мадали-хана и кашгарских эмигрантов, которые подошли к Кашгару и освободили его. Только возобновление уوبيц между Бухарским эмиратом и Кокандом заставило Мадали-хана отозвать войска, значительная часть которых состояла из киргизов. Не надеясь на собственные силы, отошел и Мад-Юсуф-ходжа. Вслед за войсками из Восточного Туркестана в пределы Кокандского ханства переселилось до 70 тыс. кашгарцев (уйгуров и киргизов), получивших здесь десятилетние налоговые льготы². Маньчжурское правительство, окончательно

¹ Циньдин пиндин Хуэйцзян чаоцзинь ни-и фанлю. Цз. 80. № 10.

² Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. II. С. 324.

уверившись в непрочности своего положения в Восточном Туркестане, выступило с инициативой заключения мирного договора с Кокандским ханством и прислало послов.

Характерно, что когда после подавления восстания Мад-Юсуфа синьцзянский наместник Юй Линь, опьяненный быстрой победой, захотел двинуть свои войска дальше, на территорию Кокандского ханства, то император Даогуан резонно заметил: «Этот план (похода на Коканд) давно [лелеем] в Нашей душе. Поступая, как ты предлагаешь, [мы] нанесем удар в самое сердце. Однако легко говорить и трудно сделать... Представь себе, сколько нужно средств на военные нужды. Ведь за кордоном что ни шаг — то не наша земля, что ни местность то не наши люди...»¹. Не случайно автор одной из первых исторических работ о киргизах А. Левшин замечал, что киргизов, «привыкших к вечным сражениям, нелегко было победить. Китайцы также испытали действия их храбрости и не раз были ими отражаемы»².

Не имея достаточных сил для проведения жестокой политики в Восточном Туркестане и опасаясь новых выступлений Коканда и киргизов, цинский Китай в 1832 г. был вынужден пойти на унижительное для себя соглашение с Мадали-ханом. За обещание не выпускать ходжей за кордон маньчжуро-цинские власти не только возвращали кокандскому хану его прежние льготы в Восточном Туркестане, но и предоставляли ряд новых привилегий³.

¹ Цит. по кн.: *Кузнецов В. С.* Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М., 1973. С. 134–135.

² *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или хиргиз-казачьих орд и степей. Ч. 2. Исторические известия. СПб., 1832. С. 273.

³ *Валиханов Ч. Ч.* Соч. Т. II. С. 325. (Здесь, однако, ошибочно приводится дата заключения этого соглашения — 1831 год, а не 1832 год, как следовало бы).

Так, прежде всего торговый представитель Мадали-хана в Кашгаре купец Алим-паша получил здесь широкие права и полномочия. Он, по словам Ч. Ч. Валиханова, стал со временем как бы «отдельным губернатором» Восточного Туркестана¹. Позже эту должность занимали уже не купцы, а военные.

Значительно расширились владения кокандского хана в Средней Азии и в частности на Памире, в то время как влияние цинского Китая здесь все более падало. И все же кокандским ханам было не под силу сдерживать антицинские выступления ходжей Восточного Туркестана. Уйгуры, киргизы, казахи и другие некитайские народы Синьцзяна не прекращали освободительной борьбы против национально-колониальной политики маньчжуро-цинского Китая. На их стороне оставалось киргизское и узбекское население Кокандского ханства, сочувствовавшее этой борьбе.

Существовавшая тогда военно-административная система управления Синьцзяна давала широкие возможности для цинских властей и их ставленников уйгурских беков беззастенчиво грабить и угнетать трудящиеся массы. По некоторым сведениям, маньчжурские чиновники произвольно облагали местное население чрезмерно большими податями и, пользуясь бесконтрольностью, 80% собранного оставляли себе², а остальное шло на содержание войска и государственного аппарата. Население Синьцзяна угнетали и грабили маньчжурская армия, цинские чиновники, китайские ростовщики совместно с местными феодалами-беками, которые составляли одну эксплуататорскую клику во главе с богдыханом. Оно, по словам китайского историка Фань Вэнь-ляня, страдало от гнета Цинской империи «значительно больше, чем национальные

¹ Валиханов Ч. Ч. Соч. Т. II. С. 325. .

² ЦГА Узб. ССР. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 675. Л. 253.

меньшинства Внутреннего Китая»¹. Все это вызывало постоянное недовольство трудящихся, систематические волнения и вооруженные восстания. По-прежнему в кочевьях киргизов восточно-туркестанские повстанцы находили активных сторонников борьбы против маньчжуро-китайского засилья, а при неудачах — приют, дружескую, поддержку и помощь. Так было в 1847 г., когда повстанцы, из восточно-туркестанских жителей и киргизы осадили Кашгар (маньчжуры называли это антицинское выступление «бунтом ходжей»). Подобные восстания происходили в 1855, 1856 и 1857 гг. В 1861 г. киргизы и другие выходцы из Средней Азии (кокандцы), возглавляемые одним из потомков Джангира, уничтожили гарнизон на одном из цинских пикетов.

Таким образом, история Восточного Туркестана со времени его насильственного захвата Цинской империей была по сути историей непрекращавшихся освободительных восстаний некитайских народов. Это движение было направлено прежде всего против невыносимого гнета, ханьских поработителей, за освобождение Восточного Туркестана и восстановление уйгурской национальной государственности. В этой борьбе народы Синьцзяна постоянно получали поддержку населения Средней Азии и прежде всего киргизов.

Назревал кризис национально-колониальной политики Цинской империи в северо-западных районах. Маньчжурским властям в Синьцзяне уже не хватало сил не только для вмешательства во внутренние дела Казахстана и Киргизии, но и для оказания противодействия растущему влиянию России в Центральной Азии.

В 1867 г. кокандский чиновник Якуб-бек, выходец из Средней Азии, воспользовавшись плодами победоносного восстания против маньчжуро-цинских наместников в Вос-

¹ Фань Вэнь-лань Новая история Китая. Т. I. М., 1955. С. 331.

точном Туркестане, основывает здесь самостоятельное уйгурское государство, вошедшее в историю под названием Йеттышар, которое просуществовало до 1878 г. и было уничтожено карателями Цинской империи.

Публикуется по изданию:

Гуревич Б. П. Плоских В. М. Кокандско-китайские отношения и кризис национально-колониальной политики Цинской империи в Синьцзяне // Известия Академии Наук Киргизской ССР. № 5. Фрунзе: Илим, 1980.

ДРЕВНИЕ РАЗРАБОТКИ ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ

Изучение истории рудного дела — его возникновения, использования металла для производства орудий труда, начала накопления геологических знаний, горнорудной и металлургической практики — представляет интерес для понимания процесса поступательного экономического и социального развития народов древнего и средневекового Киргизстана. Металлургическое производство, охватывающее добычу руды и выплавку металлов, и производство изделий из металлов с самого начала оказывало большое влияние на развитие средств производства, а тем самым и на характер общественных отношений. С развитием металлургии оживился обмен, прогрессировала неравномерность хозяйственного развития отдельных племен и районов. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» — отмечал К. Маркс¹.

Задача исследования горнорудного промысла и горной техники Киргизии на данном этапе — выявление и изучение древних рудников, способов добычи и первичной обработки сырья. Максимальный эффект при этом возможен только при совместных усилиях археологов, историков, геологов, химиков и специалистов других профессий. Задача специального комплексного изучения указанной темы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXIII. С. 191.

не раз настоятельно выдвигалась в трудах ряда исследователей, пока не была решением Президиума АН Киргизской ССР включена с 1977 г. в научно-исследовательский план работы трех институтов: истории, геологии, физики и механики горных пород. Мы здесь попытались подвести итог работе, уже проделанной нашими предшественниками, и изложить предварительные результаты археологических изысканий последних полевых сезонов. В изучении истории горнорудного промысла большое значение имеют археологические исследования, позволяющие установить место расположения выработок, характер добычи руд, планы проходок, определить по остаткам материальной культуры время и способы добычи полезных ископаемых и их переработки, выявить и изучить поселения рудокопов, их быт, культуру, решить отдельные вопросы социальных отношений.

В этом плане немалая работа проделана М. Е. Массоном, П. П. Ивановым, А. Н. Бернштамом, Б. А. Литвинским, П. Н. Кожемяко, М. А. Бубновой, Ю. Н. Буряковым.

Места добычи отдельных руд и минералов, а иногда и способы их добычи упоминаются в трудах средневековых ученых ал-Истахри, ибн Хаукаля, ал-Макдиси, ал-Бируни, Хамдаллаха Казвини и др. Наиболее ценные сведения в этих сочинениях относятся к районам верхнего течения реки Талас и предгорной Ферганы времени раннего средневековья.

Для этого же периода небезынтересны лингвистические данные, содержащиеся в древнетюркских письменных источниках, и древнетюркские генеалогические предания.

Историю горного дела в Киргизии на современном уровне наших знаний можно начинать с мустьерского времени (около 100–50 тыс. лет тому назад). В северных отрогах Алайского хребта в ущелье Денгирек-Дере, которое образовано бурной рекой Халкомайн, в местности Капчигай краеведом Т. П. Коноплей найдены каменоломни неандертальцев.

Узкий каньон приводит к относительно широкой долине, в центре которой почти отвесно вздымается одинокая скалистая вершина. В ней выступают сплошные пласты кремня мощностью до 2–3 м. Преобладает черная порода с красивым зеленоватым и голубоватым отливом. Качество кремня превосходно, он легко обрабатывается, дает при сколах гладкие поверхности с острыми прочными режущими краями. Для обработки использовались куски минерала, отвалившиеся от корневой породы в результате действия различных сил стихии и времени, а также, что особенно важно, непосредственно отбитые от скалы самим человеком. «Кирками» древним рудокопам служили массивные куски кремня, концы которых несут на себе характерные выбоины, затупленность и «смятость», присущую обычным отбойникам. Они же использовались и для изготовления орудий. В Капчигае найдены нуклеусы различных форм, типичных для леваллуа-мустьерской техники обработки камня, длинные и правильные пластины, иногда ретушированные по краям (ножи), остроконечники и скребки. Подобная мастерская была обнаружена и у кишлака Охна, расположенного на берегу реки Шахимардан-Сай¹.

Каменоломни Капчигая — убедительное свидетельство сознательной разработки горных богатств земли, прогресса не только в технике, но и мышлении неандертальцев к концу мустьерского времени.

Науке в настоящее время почти неизвестны прямые свидетельства (твердо датированные рудники, орудия горнорудного промысла) о разработке полезных ископаемых на территории Киргизии в эпоху бронзы. С большей долей

¹ *Окладников А. П.* Работы палеолитического отряда в 1958 г. (предварительное сообщение). — ИАН Узб. ССР. Серия обществ. наук, 1958. № 4. С. 55; *его же.* Средний палеолит — мустьерское время в Средней Азии. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 40–44.

вероятности можно констатировать лишь добычу золота в Таласской долине, так как химический состав золотых изделий из могильника эпохи бронзы Таш-Тюбе II соответствует составу золота из коренных месторождений долины¹. Тем не менее косвенные свидетельства позволяют предполагать возможность наличия очагов добычи руды и металлообработки, по крайней мере, еще в двух регионах.

Изделия из металла были распространены довольно широко у племен эпохи бронзы: применялись в хозяйстве, быту, в военном деле. Изделия из металла не редкость на поселениях и особенно в погребениях. На территории Чуйской долины, Иссык-Кульской котловины и Центрального Тянь-Шаня известны крупные клады, содержащие в отдельных случаях более двадцати массивных вещей из бронзы².

На поселениях чувстской культуры в Северо-Восточной Фергане, значительная часть которых расположена на территории современной Киргизии, найдены формы из песчаника для отливки зеркал и серпов, изделия из оловянистой и мышьяковистой бронзы. Как показали специальные исследования, химический состав чувстской бронзы и изделий из сопредельных областей Средней Азии различен.

¹ Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 242–243.

² Бернштам А. Н. Историко-археологическое прошлое Северной Киргизии. По материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; Зима Б. М. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. — ТИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР. Вып. 2. Фрунзе, 1948; Кибиров А. К., Кожемяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы. — ТИИ АН Киргиз. ССР. Вып. 2. Фрунзе, 1956; Кузьмина Е. Е. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии поздней эпохи бронзы (по материалам иссык-кульского клада). — ИАН Киргиз. ССР. Т. 3. Серия обществ. наук. Вып. 3 (история), 1961.

Объясняется это использованием в основном местной руды¹. Известны находки литейных форм эпохи бронзы и в Северной Киргизии².

Важные свидетельства о древних разработках оловянных руд в Северной Киргизии получены во время рекогносцировочных работ в 1977–1978 гг. При участии геолога О. В. Антонова в долине реки Сары-Джаз зафиксированы следующие древние выработки.

1. Сай Лесистый. Левый приток р. Иныльчек, примерно в одном километре от выхода в долину р. Иныльчек в скалистых обнажениях в виде жил среди пластов серых гранитов и роговика залегает оловянная руда. Состав руды: касситерит и черный турмалин (шерл). Древняя выработка была обнаружена геологом С. С. Малышевым при проходке шурфа на глубине 10 м. Выработка имеет форму рудного тела. В штольне обнаружен скелет человека. Поблизости лежало несколько каменных молотков (предположительно, из базальта или габбро-диабазы) овальной формы с небольшим пережимом в середине. У одного из них сохранились остатки деревянной ручки и кожаного ремня крепления ее к камню. К сожалению, подобные орудия употреблялись с древнейших и до недавних времен, и не являются датирующими.
2. Ат-Джайлоо. На правом берегу р. Каинды, в 30 км от устья. Выработка представляет собой штольню, расположенную в отвесной стене скалы, на высоте 10 м. Руда очень плотная, состоит из кристаллов олова, турмалина с вкраплением сульфидов мышьяка (арсенопирита) и меди (халькопирита).

¹ Богданова-Березовская З. И. Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа. — В кн.: *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118. М.; Л., 1962.

² *Заднепровский Ю. А.* Памятники андроновской культуры. — В кн.: *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы.* М.; Л., 1966. С. 228.

По предположению геологов, обследовавших месторождение, штольня была пройдена с поверхности ледника, который в настоящее время отступил далеко вверх по реке. В пользу этой гипотезы приводится убедительное доказательство: в стене значительно ниже штольни и на уровне почвы имеются выходы рудных тел, которые не разрабатывались. Очевидно, что во время проходки штольни они были скрыты. Приведенное наблюдение свидетельствует об очень большой древности выработки.

По течению р. Каинды кроме штольни Ат-Джайлоо, отмечены древние выработки на олово в местностях Ташкоро и Суходол.

3. Джиланды. Выработка расположена в 1 км выше пос. Кургак, по правому склону сая Джиланды. Здесь видны две штольни с входным отверстием до 1,2 м. В метре от устья выработки заполнены обвалом.

Не исключено, что разработка сары-джазских месторождений олова была начата в глубокой древности, возможно, уже в эпоху бронзы. В пользу этого предположения можно привести ряд фактов. В Средней Азии в древности и в средневековье было известно два месторождения олова. Оба находились на территории современного Узбекистана¹. Северокиргизский очаг бронзовой индустрии характеризуется использованием высококачественной оловянистой бронзы. Древние разработки на олово кроме сары-джазских здесь пока не известны. На возможность начала добычи олова в период бронзы на Сары-Джазе косвенно указывает то обстоятельство, что эта высокогорная территория была обжита человеком еще в неолитическое время.

¹ Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела в Таджикистане и других республиках Средней Азии. Душанбе, 1954. С. 19–22.

Очень большая древность добычи олова здесь подтверждается наблюдениями условий проходки штольни месторождений Ат-Джайлоо.

Приведенных фактов недостаточно для доказательства добычи олова в долине р. Сары-Джаз в эпоху бронзы. Они свидетельствуют лишь в пользу ее вероятности уже в этот период. Добыча олова продолжалась и позже, вплоть до новейшего времени. Предположение должно быть проверено специальными комплексными археологическими, геологическими, геохимическими и, возможно, гляциологическими исследованиями.

Б. А. Литвинский, опираясь на находку кирки из рога марала на одной из таласских выработок, сделал очень осторожное предположение, что уже в эпоху бронзы здесь добывали свинец¹.

Кроме основных металлов, составляющих сплав бронзы, племена «эпохи первого металла», населяющие территорию Киргизии, употребляли для изготовления украшений серебро и сурьму. Для этих же целей использовались некоторые минералы, однако достоверных фактов, свидетельствующих о добыче этих полезных ископаемых на территории Тянь-Шаня в столь отдаленное время, пока не имеется.

Таким образом, с большой долей достоверности можно полагать, что в эпоху бронзы на современной территории Киргизстана было, по меньшей мере, два очага горнорудного промысла и металлообработки: северокиргизский (андроновский) и восточноферганский (чустский). В верховьях р. Талас добывали золото и, возможно, свинец. Специальные исследования дополняют и уточняют этот перечень.

Фактологическая база относительно разработки недр и выплавки металла в античное время пока также весьма ограничена и основана на археологических изысканиях.

¹ Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела... С. 23.

Однако по сравнению с предшествующим периодом она отличается большей степенью конкретности, позволяющей отметить места и более точно установить время добычи тех или иных полезных ископаемых.

На рубеже нашей эры железо и серебро добывали в руднике Кан-и-Гут в Баткенском районе. Разработки здесь велись вплоть до нового времени.

К первым векам нашей эры относится рождение поселения рудокопов и металлургов южнее современного села Рават. Найдены скопления шлаков и плавильные печи. Жизнь на поселении продолжалась и в средние века¹. Какой-то металл выплавляли на городище Урус-тепе, близ Иски-Науката². В III—V вв., как можно предположить на основании находки трехперой железной стрелы, велась добыча серебра на месторождении Текели в Таласской долине³. Других сведений в настоящее время нет. Тем не менее обилие железа, цветных и драгоценных металлов, различного рода самоцветов в погребениях сако-усуньского времени, а также в катакомбах и подбойных погребениях косвенно указывает на то, что в античное время горнодобывающий промысел и обработка металла были развиты гораздо больше, чем можно представить по конкретным фактам.

Наибольшее число сведений письменных и археологических источников о горном деле и металлургии имеется для времени раннего средневековья. Однако противоречивость источников и, как результат — дискуссионность многих данных, касающихся исторической географии, затрудняют локализацию многих месторождений.

¹ Литвинский Б. А. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). — ТАН Тадж. ССР. Т. XXVII. Сталинабад, 1954. № 121. С. 165—167.

² Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960. С. 156.

³ Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд... С. 238—239.

К VI в. источники относят начало интенсивной разработки железных руд, выплавки металла и изготовление изделий из него алтайскими тюрками еще в составе Каганата жуужан. В генеалогическом предании тюрков описывается, как их предки вышли из замкнутой крутыми горами долины: «Один кузнец приметил, что гора в одном месте была не очень толста и состояла из железных кусков. Он присоветовал наносить к той горе множество лесу и углей и зажечь. Гора действительно несколько растопилась, и через то открылся проход...»¹. Очевидно, здесь налицо отголоски из приемов добычи руды при помощи огня с последующим охлаждением водой, что приводило к образованию трещин, облегчавших разработку рудных тел.

Видимо, тюрки производили большое количество железа и на Тянь-Шане, так как предлагали его византийскому послу Зимарху. В древнетюркских погребениях отмечается множество самых разнообразных изделий из железа.

Немногочисленные памятники древнетюркской письменности донесли до нас терминологию, связанную с металлургическим делом. Так, в словаре Махмуда Кашгари и в сочинении Юсуфа Баласагуни встречаются термины *железо*, *железная окалина*, *кузнец*, *место плавки железа*, *имеющий (содержащий) железо* и др.²

Раннесредневековые письменные источники сообщают, что в рустаке Минк области Уструшана есть город Марсманда. Здесь ежемесячно (по другим источникам — ежегодно) проходили ярмарки. Они пользовались широкой известностью, их посещали люди из очень отдаленных мест. Ярмарка длилась всего один день, оборот же ее достигал 100 тысяч динаров. Главным товаром на ярмарке

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М., 1950. С. 224–225.

² См.: Древнетюркский словарь... С. 551.

было железо. Железо это добывалось и обрабатывалось в Уструшане и было очень высокого качества. Оружие из него доходило до Хорасана, Ирака и Багдада. Рустак Минк, а следовательно и город Марсманда, локализируются в районе современного города Сулюкта¹.

Во времена ал-Бируни в Средней Азии вырабатывали четыре вида черного металла: кричное железо, сырцовую сталь, тигельную сталь, чугун. На территории горных рустак Уструшаны известно поселение металлургов в долине р. Ходжа-Бакырган к востоку от с. Чурбек. Выплавка и обработка железа производилась и на поселении Кара-Булак. При раскопках его найдены железные мотыги, топоры, серпы, ножи, подковы, бритвы, гвозди, кресала, скобы, стрелы, кинжалы, кепкиры². Это далеко не полный перечень изделий уструшанских мастеров.

Продолжали функционировать рудник Кан-и-Гут и уже упоминавшееся поселение рудокопов и металлургов, расположенное южнее с. Рават Ляйлякского района Ошской области. Поселение состоит из трех тепе и торткуля, расположенных на значительном расстоянии друг от друга. На самом большом тепе вскрыты производственные помещения, где производилась плавка руды. К востоку от него расчищены литейная печь, литейные трубы, шлаки, скопления которых местами достигают метровой толщины. Плавильная печь обнаружена и при раскопках тепе³.

Отвалы шлака зарегистрированы на правом берегу р. Сох, южнее селения Кан. По лабораторным данным,

¹ Негматов Н. Н. Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен до X в. н. э. — МИА, 37. М.; Л., 1953. С. 249–250.

² Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974. С. 85–92, 104.

³ Литвинский Б. А. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX–XII вв.); Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962. С. 122.

шлаки с большим содержанием железа¹. Истахри упоминает железные рудники у Исфиджаба.

В Таласской долине при раскопках городища Садыр-Курган А. Н. Бернштам зарегистрировал выходы шлака — отходов при плавке чугуна и остатки литейной печи. Тем не менее следует учитывать наблюдения М. А. Бубновой, что в верховьях Таласа богатые магнетитовые руды (до 75% железа) и еще более богатые железом окисленные руды не использовались совершенно. На месторождениях и рудопроявлениях данных районов не обнаружено ни одной древней выработки железа. Бурые и красные железняки не разрабатывались².

Овальные железные крицы находят на раннесредневековых городищах Чуйской долины. Великолепный экземпляр одной из них хранится в историческом музее школы № 10 г. Фрунзе.

В 1977 и 1979 гг. исследования, проведенные Д. Ф. Винником³ на поселении в местности Сары-Булун, выявили металлургический комплекс. Объект расположен в Иссык-Кульской котловине на второй надпойменной террасе правого берега реки Чу (в 9 км к югу от г. Рыбачье, по дороге Фрунзе—Нарын).

В плане поселение представляет тепе подквадратной формы, возвышающееся над окружающей местностью до 2 м. Стороны размером 40 × 40 м, пологие, оплывшие, верх уплощенный. Поверхность тепе усыпана шлаками металлургического производства.

Раскопкам была подвергнута вся площадь объекта. Опływ с внешней стороны шириной 5—5,5 м, легко отделя-

¹ *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области... С. 159.

² *Бубнова М. А.* Добыча серебро-свинцовых руд... С. 225.

³ Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

ется от плоскости стен. Под ним, на дневной поверхности, с внешней стороны южной стены у въезда в городище прослеживается больших размеров зольник. Его происхождение можно объяснить тем, что сюда какое-то время выбрасывали золу из внутренней части поселения.

После зачистки оплыва оконтурились внешние стены, размер их 29 и 33 м. Внешние стены глинобитные, возводились на материковом слое без фундамента. Толщина их у основания 2 м, вверху они сужались и на отметке 1–1,6 м достигали толщины 1,7–1,8 м.

Въезд в городище находился в южной стене. Ширина его 2,7 м, длина 9,5 м. У начала въезда на полу лежало бревно длиной 3 м, диаметром около 30 см.

Площадь внутри основных стен городища — это 22 помещения, три коридора и двор. Помещения располагались вдоль всех внешних стен. В плане они прямоугольной формы, размерам от 5,76 до 22 кв. м. Стены глинобитные, сохранившаяся высота 1,1–1,86 м, толщина 0,7–1 м. Полы глинобитные. Из 22 комнат только 5–6 были жилыми, остальные имели производственное назначение. В каждом из такого рода помещений обнаружены следы печей, в которых производилась плавка железной руды. Об этом говорят мощные слои золы, древесный уголь и шлак. Большое число находок в комнатах — кости животных, мясо которых употреблялось в пищу: мелкого и крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов.

Часть помещений соединялись между собой дверными проемами, другие имели отдельные выходы в коридор. Ширина проемов 0,8–1 м.

С восточной, северной и западной сторон коридоры отделяли помещения от внутреннего двора. С южной стороны коридора нет, и помещения здесь расположены в два ряда. Ширина коридоров 1 м. В заполнении их встречаются зольники, шлаки, камни.

Центр городища занимал двор, размеры его $12,5 \times 14$ м. Вся площадь двора заполнена производственными отходами — шлаками, рудой, золой, камнями. Значительную долю находок составляют глинобитные остатки печей. В восточной части двора обнаружены две хорошо сохранившиеся печи для плавки железной руды. Они округлой формы, основание сложено из продолговатых речных валунов, верхняя часть глинобитная. Стены сильно прокалены, с внутренней стороны сохранились застывшие слои шлака. В стены печей вмонтированы глиняные трубки — сопла, через которые мехами подавался воздух. Внутренний диаметр печей 0,7–0,8 м, высота — 0,7–0,9 м. Под печей округлой формы, углублен на 0,25 м, заполнен золой, древесным углем и шлаком. Перекрытие, по-видимому, также округлой формы; топки с западной стороны.

Во дворе и комнатах около 6 тонн отходов плавки, это говорит о мощном металлургическом производстве.

На всей вскрытой площади собрано около 350 фрагментов неполивной глиняной посуды — станковой и лепной. Поливная посуда представлена только тремя фрагментами. Судя по керамике, время функционирования поселения — X–XII вв. Обнаружены также камни для дробления руды, ручка котла и несколько обломков железных изделий — ножей и предметов неизвестного назначения, а также стекло. Малочисленность находок свидетельствует о том, что на поселении производилась только плавка железной руды, а предметы из железа изготавливались где-то в другом месте.

Поиски месторождений железной руды были проведены на прилегающей к городищу местности на площади около 250 кв. м, но результатов не дали. По-видимому, руда в Сары-Булун привозилась из районов Внутреннего Тянь-Шаня, где геологами в ряде мест обнаружены ее залежи.

Таким образом, рассмотренный памятник представляет собой пока крупнейший металлургический центр Иссык-

Кульской котловины X–XII вв. Аналогии ему в археологической литературе Средней Азии, Казахстана и Сибири неизвестны.

Завершение работ на объекте даст в распоряжение исследователей интереснейшие материалы по изучению производительных сил средневекового Киргизстана.

По данным геолога Ю. К. Алексеева, небольшие древние разработки железной руды отмечены в Боомском ущелье, на левом берегу р. Чу, в бассейне ручья Коморчек (Бала-Тегерек). Им же обнаружены железные шлаки близ поселка Кара-Ункур Нарынской области.

В сезон 1977 г. Южнокиргизский археологический отряд, которым руководил В. П. Мокрынин, у места впадения сая Иштам-берды в р. Касан обнаружил поселение, представляющее собой подпрямоугольную возвышенность размерами 60 × 25 м. На поверхности в южной части поселения отмечены каменные фундаменты строений. Здесь же найдена половина нижней части каменного жернова с приподнятыми бортами. Диаметр его 0,5 м. По всей площади поселения рассеяны различных размеров куски железных шлаков. Судя по керамике, поселение функционировало в средние века.

Крупные куски железных шлаков найдены в одном из помещений рудничного поселка Чакмак-Суу в Чаткальской долине. По определению геолога Д. Д. Дженчураева, один из кусков слабо коррозированного металла, подобранный на поселении, представляет собою метеоритное железо.

Не исключено, что скотоводы использовали для производства высококачественного оружия метеоритное железо. В этой связи любопытно упоминание в хронике Таншу, что киргизы «в каждый дождь обычно получают железо, называют его: цзя-ша. Делают оружие крайне острое. Киргизы держали в тайне способы получения железа небесного дождя»¹.

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 352; Кызласов Р. Л. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 119.

В горах Шельджи (верховья р. Талас) были известные во всем мире горные выработки серебра. М. А. Бубновой здесь зарегистрировано 78 пунктов со следами древних выработок и плавки руды. Известны четыре типа выработок: штольне- и шурфообразные, щелевидные, карьеры. Преобладали штольнеобразные выработки с системой горизонтальной и вертикальной проходки с ответвлениями непостоянного сечения и извилистыми контурами длиной от нескольких метров до 60–70 м, в единичных случаях длина проходки достигала 150–300 м. Как уникальные отмечены спиралеобразная шахта и системы выработок с двумя горизонтами. Во всех случаях сечение шахты зависело от мощности рудного тела, поэтому отмечены самые узкие ходы — $0,5 \times 0,4$ м, а также громадные камеры, длина которых достигает 20 м, ширина 6–10 м, высота 15–20 м.

Интересно отметить, что имеются приметы того, что соблюдался минимум техники безопасности. В случаях, когда верхние слои склонов состояли из рыхлых пород, устья выработок крепились каменными плитами. Применялось крепление из безрудного или бедного рудой материала, а также крепление деревянными опорами, возможно, с поперечинами. Вентиляция естественная, а также, возможно, и искусственная, зафиксированы водоотводные канавки. Для освещения применялись чираки, которые располагались в специально выдолбленных в стенах нишах на расстоянии 15–40 см друг от друга.

На месторождении Текели найдена сланцевая плита, на поверхности которой выбит план древней выработки, что свидетельствует о зачатках маркшейдерского дела у древних таласских горняков. На одном из месторождений зафиксирован ранее неизвестный для Средней Азии способ транспортировки руды на поверхность из горизонтальных выработок при помощи деревянных «санок» с ящиком.

На поверхности руда обогащалась и поступала на переплавку. Для плавки свинцово-серебряных руд сооружались

специальные печи, остатки которых известны на городище у села Орловка в Таласской долине. Чистое серебро, как свидетельствуют письменные источники и анализ монет, получали купелированием.

Поселки рудокопов располагались в ущельях вблизи месторождений. Здесь они и выплавляли металл, о чем свидетельствуют находки шлаков, плавильных печей, фрагментов сопел, а также отвалов пустой породы. Иногда пещерообразное временное жилище устраивалось непосредственно у устья выработки. В пользу предположения об обработке руд и металла и вдали от месторождений говорят громадные скопления шлаков почти на всех поселениях Таласской долины.

В определенной степени условия жизни, работы и обычного права рудокопов в Шельджи можно представить по яркому описанию Якута, относящемуся к рудникам в Гиндукуше, где, как и в Шельджи, по словам ибн Хаукаля, насчитывалось десять тысяч рудокопов, которые «с головой погрязли в распрях и пороках». Серебро там таится в недрах горы, которая из-за сплошных ям похожа на решето. Рудокопы разрабатывают лишь те жилы, которые ведут к серебру. Дороговизна продуктов была необычайной: ломтик овощей стоил серебряный дирхем. Если два рудокопа с разных сторон пробираются к одной жиле, то, по обычаю, руда доставалась тому, кто первый достигнет ее, если же оба нападут на руду одновременно, тогда добыча делится поровну. Случается, что рудокопы выкапывают до 300 тысяч дирхемов, а чаще зарабатывают лишь столько, что хватает только покрыть издержки, связанные с работой, зачастую рудокопы так и остаются нищими. «Бывают такие случаи, что кто-нибудь утром богат, а к вечеру беден или утром беден, а вечером богат»¹.

¹ Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966. С. 344–345.

По мнению М. А. Бубновой, разработки серебра в Шельджи в IX—XII вв. велись выходцами из Шаша. Существует предположение, что этим занимались и переселенцы из Исфагана. Однако не исключено, что серебро добывалось и местным тюркоязычным населением. Ал-Бируни наряду с греческим, сирийским, персидским и индийским терминами приводит тюркское название серебра — *кумуш*.

Идриси упоминает еще одно название серебрянорудной области в верховьях Таласа в XII в. — Гарбиан. Купцы из Шаша обменивали там свои товары на серебро и верблюдов. С. Г. Агаджанов отметил, что само наименование Гарбиан, по-видимому, связано с одним из названий серебра, которое приводит ал-Бируни — «гараб»¹.

В сезон 1977 г. в Боомском ущелье близ местности Капчигай отмечены древние разработки свинцовых руд.

Ал-Истахри писал, что в Ферганских горах добывали золото. М. А. Бубнова зарегистрировала в Таласской долине шесть пунктов выработок его. Здесь разрабатывалось коренное и россыпное золото. Следы добычи последнего заметны и сейчас по берегам рек Кара-Бура и Чокур. Например, на протяжении 6—7 км вдоль русла Чокура возвышаются отвалы аллювия высотой 10—12 м и шириной 6—7 м.

Спектральный полуколичественный анализ раннесредневековых изделий из золота, найденных в Таласе, показал, что они изготовлены из металла, добытого здесь же². Возможно, что о металле из этого или сопредельного региона писал ал-Бируни: «Золото областей тогузов и афганское — легковесное не то по природе, не то из-за имеющихся в нем пузырьков, наполненных воздухом и водой». По мнению

¹ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XII вв. Ашхабад, 1969. С. 69—70.

² Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд... С. 242—243.

А. М. Беленицкого, речь идет о металле из каких-либо месторождений в Семиречье или Восточном Туркестане¹.

Вопрос о применении ртути при добыче золота в средневековой Средней Азии долгое время был спорным. Все сомнения были устранены после публикации труда великого хорезмийца. В его минералогическом трактате описывается несколько вариантов технологии получения чистого золота как из коренных пород, так и россыпного, описаны орудия и приспособления, которые при этом использовались. Так, для размельчения породы применялись специальные мельницы, толчеи с тяжелым пестом. Наиболее крупные из них приводились в движение водой. После размола и промывки золото окончательно очищалось погружением в ртуть. Ртуть отделялась отжиманием через кусок кожи, остатки ее выпаривались над огнем.

Россыпное золото, по сообщению ал-Бируни, жители добывали из вод Джейхуна при помощи козьих шкур, в шерсти которых задерживались золотые чешуйки. На реке Синд золотодобытчики выкапывали небольшие ямы в дне и заполняли их ртутью, здесь тяжелые золотые песчинки задерживались. Через год ртуть с осевшим золотом изымали².

Методы, описанные ал-Бируни, вполне могли применяться при извлечении золота в Фергане, с ее обильными ртутными месторождениями.

В сезон 1977 г. на реках Чаткал и Чандалаш были отмечены громадные отвалы аллювия, оставленные при промывке золота. В X—XII вв., судя по керамике, а возможно и позже, в верховьях р. Касан-Сай добывали золото из коренных пород.

¹ Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал Абу-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) / Перевод А. Н. Беленицкого. М., 1963. С. 219, 348. В дальнейшем: Ал-Бируни. Минералогия.

² Леммлейн Г. Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни. — В кн.: Ал-Бируни. Минералогия. С. 350—351.

Отдельные древние выработки ртути в южных районах Киргизии были зафиксированы и описаны М. Е. Массоном и А. А. Сауковым.

Древние горные выработки встречаются на всем протяжении Туркестанского и Алайского хребтов. В. Т. Сургай приводит описание четырех характерных выработок: Сарт-Истаган, Донгурек, Керпи и Чаён-Камар.

В X–XI вв. было известно два способа извлечения ртути из руд. Ал-Бируни указал на оба: «Она (ртуть. — Р.) добывается из каких-то красных камней, которые раскаляют в печах, пока они не трескаются и из трещин их не вытекает ртуть; некоторые же размалывают эти камни и перегоняют их посредством дистилляции в приспособлениях в виде тыквенных бутылей и перегонных кубов, а ртуть собирается в приемнике»¹. По археологическим находкам остатков орудий труда древних рудокопов В. Т. Сургай реставрировал второй способ выработки ртути. Эта технологическая схема обработки ртутных руд, по его мнению, «мало чем отличается от современного ретортного пирометаллургического способа передела ртутных руд..., но претерпевшего усовершенствования в соответствии с прогрессом техники». Внешне она выглядела следующим образом:

- дробление руды и отсортировка концентрата;
- загрузка его в большие глиняные сосуды — реторты;
- монтаж реторт с газоотводными трубками и двугорлыми сосудами — конденсаторами;
- обжиг руды и конденсация выводимых ртутных паров.

Затем сливом ступы и отбивкой ртути с получением чистого металла происходила разгрузка печи. После этого происходила загрузка вспомогательной печи. Ступа загружалась в тигель, который закрывался и обмазывался

¹ Ал-Бируни. Минералогия. С. 217.

глиной. Загруженный тигель с конденсационной системой обжигался в печи, после чего металл для очистки сливался в сосуд и, наконец, расфасовывался для хранения и транспортировок¹.

На основании собранных археологических материалов В. Т. Сургай дает довольно высокую характеристику мастерам древних выработок ртутных руд, которые при закладывании разведочных эксплуатационных выработок руководствовались «тонким познанием геологических структур». «Доминирующее большинство крупных выработок приурочено к рудоносным тектоническим разломам, достаточно четко выраженным на поверхности обнажений. Приурочивая горные выработки к этим разломам, древние рудокопы иногда уходили на значительную глубину от дневной поверхности, обрабатывая наиболее богатые и легко доступные участки оруденения»².

Об организации труда на ртутных рудниках Киргизии в раннем средневековье сведений нет. Некоторые представления о ней могут дать аналогии. Описывая крупнейшие месторождения ртути близ Толедо, Идриси отмечает широкое разделение труда и специализацию: одни рубили породу, другие доставляли дрова, третьи изготовляли тигли для плавки и сосуды для дистилляции, четвертые Город Ош, видимо, был крупным перевалочным пунктом в торговле ртутью. Археолог Е. В. Дружинина обнаружила здесь мастерскую по изготовлению сфероконических сосудов, в которых транспортировалась ртуть, и большое скопление продукции. Фрагменты и даже целые сфероконусы находят почти на всех городищах Средней Азии. Г. Г. Леммлейн пришел к выводу, что большая часть ртути, добывавшейся

¹ Сургай В. Т. К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1961. с. 12, 14.

² Сургай В. Т. К истории горного промысла в Киргизии... С. 6.

в средние века, расходовалась на технические нужды при очистке золота¹.

Единственные значительные месторождения нашатыря в раннем средневековье были известны в Сицилии и в Фергане, причем последнее было наиболее важным. Самые полные данные о ферганских месторождениях находим у ибн Хаукаля и ал-Истахри. Крупное месторождение в раннем средневековье находилось в области Буттем, которая занимала горную территорию у истоков Зеравшана. Нашатырь добывали в горах близ Узгена. О тянь-шаньском месторождении нашатыря удивительные сведения сообщает ал-Масуди².

И в Буттеме, и в Тянь-Шане нашатырь добывали одним способом. Он описан ал-Истахри: «Месторождение нашатыря — в горе. В ней есть особая пещера, из нее поднимается пар, который днем похож на дым, а ночью на огонь. И в этом месте, где этот пар поднимается, строят особый домик для (собираения) пара, в нем плотно закрывают все отверстия, так что пар не может выйти наружу. И в верхней части дома собирается нашатырь»³. Собирали нашатырь с большими предосторожностями, так как температура пара была очень высокой.

Нашатырь высоко ценился, главным образом как составная часть различных целебных средств.

В ряде источников отмечалось, что медные рудники имелись в Фергане. Возможно, они были и в Чуйской долине. Махмуд Кашгари сообщал, что близ Баласагуна есть местность Бакырлыг, то есть «Медная»⁴.

Иссык-кульские металлурги, проживавшие в городе Барсхан, умели делать из меди, цинка, никеля, железа,

¹ Леммлейн Г. Г. Минералогические сведения... С. 353.

² Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 343.

³ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 27.

⁴ Древнетюркский словарь. С. 82.

серебра и мышьяка особые сплавы — харсини. Секрет их не был известен в странах халифата. Изделия барсханских мастеров из Харсини — грубые котлы и различные сосуды — высоко ценились.

В 1977 году в Чаткальской долине на берегах р. Чакмак-Суу М. А. Бубнова и В. П. Мокрынин обнаружили следы рудничного поселения, компактно сочетавшего:

1. жилой комплекс, состоящий из остатков вытянутых в линию помещений;
2. изолированный комплекс с постройками, связанный, как выяснилось, с производственным процессом;
3. плавильные печи с медными шлаковыми отвалами, расположенные по обе стороны производственного комплекса;
4. верхние и нижние части каменных жерновов, разбросанные по всей площади поселения;
5. выше рудничного поселения геологами зарегистрированы две горные выработки.

Для раскопок были выбраны четыре объекта: дом, здание с пятью помещениями и две площадки, оконтуренные валунами.

Дом представляет собой постройку, прямоугольную в плане. Вход через узкий коридор ведет в два смежных помещения размерами $3,55 \times 4,02$ м и $3,84 \times 5,62$ м. Остатки стен, сложенных из речных валунов и медных шлаков, сохранились до высоты 0,5 м, толщина их колеблется от 0,45 до 0,6 м.

В здании связующим звеном оказалось большое центральное помещение размером $6,5 \times 6,5$ м, с входом в западной стене. К нему с северной и южной сторон пристроено по два маленьких помещения. В двух из них в суфы были встроены тандыры, имелись небольшие очаги. Стены центрального помещения сложены из крупных речных валунов, стены пристроек — из шлаков и валунов.

Кроме дома в здании расчищены две площадки размерами $3,07 \times 5,47$ м и $1,92 \times 2,83$ м. Поверхность их ровная, края оконтурены валунами. Находок нет.

Функциональное назначение зданий еще предстоит выяснить, площадки же, очевидно, использовались для обогащения руды.

Находки представлены фрагментами керамики (главным образом с белой глазурью), обрезками медных листов, каменным подпятником, железным гвоздем и бусиной. Весь комплекс находок позволяет датировать поселение Чакмак-Суу X—XI вв.

В Фергане добывали и каменный уголь. Его использовали кузнецы и ювелиры. Ослиный вьюк каменного угля продавали за дирхем. Есть предположение, что одним из мест, где добывали уголь, мог быть район современного Шураба.

Ал-Истахри упоминал, что в горах Ферганы добывают различные камни красного, желтого, зеленого и белого цвета. Трудно конкретизировать, к каким минералам относится это сообщение. Наджиб Бекран писал, что в районе Ходжента добывалась бирюза, которую вывозили в Хорасан. Ходжентская бирюза, по его словам, не обладала высокими качествами: цвет ее неровен и неоднороден, она быстро теряет его и становится желтоватой¹. По данным новейших геологических и археологических исследований, эти копи локализируются в 18 км к югу от города Исфары, у села и урочища Самаркандек. На площади месторождения зарегистрировано более 30 древних выработок двух типов: карьерообразные врезы и подземные камеры. Мощность бирюзовых прожилков в породе достигает толщины 0,5—1,0 см, протяженность их до 5 м. Цвет бирюзы от слабо-голубого с прозеленью до яркого небесно-голубого. Глубина бывших выработок до 20 м, мощность — до 2 м. В отвалах

¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. С. 50—51.

найдена керамика IX—XII и XIX вв., что, по-видимому, и соответствует двум периодам эксплуатаций месторождения¹.

Ал-Бируни, со слов рейских ювелиров, отметил кусок илакской бирюзы весом в 200 дирхемов и ценой в 200 динаров. Он же упомянул, что рудник в Илаке иссяк и заброшен.

Ал-Бируни, будучи хорошо осведомленным о восточно-туркестанских месторождениях нефрита, тем не менее утверждал, что этот самоцвет молочного оттенка находят в потоках рек, текущих с гор в Чуйскую долину. Находка великолепного наборного пояса из белого нефрита К. М. Байпаковым, и резюме минералогов о семиреченском происхождении его как будто подтверждают сообщения ал-Бируни.

Не исключено, что раннесредневековые города Чуйской долины были лишь посредниками в торговле нефритом из Восточного Туркестана. По-видимому, в Чуйской долине, как и в Восточном Туркестане, коренные месторождения нефрита не разрабатывались. Поиски его велись в поймах горных рек. Методика поиска предельно проста. В лунную ночь выходили к реке и по особому блеску находили окатанные голыши нефрита. В другое время искатели выстраивались в ряд и босиком брели по реке. Нефрит безошибочно определялся по ощущению «скользкости».

С нефритом связано множество поверий. Цена его на рынках всегда была высока.

В раннесредневековых источниках есть упоминания, что в Фергане добывали асбест, различные смолы, свинец. Подробности локализации месторождений, размеры и способы добычи этих ископаемых нам не известны.

Зачастую большие скопления шлаков на городищах, свидетельствующие о металлургическом производстве, фиксировались, но не подвергались химическим анализам.

¹ Пругер Е. В. Ферганская бирюза. — В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975. С. 81—84.

Поэтому судить о выплавке того или иного конкретного металла не представляется возможным.

Приведенными сведениями, пожалуй, исчерпываются наши знания о горнодобывающем промысле и металлообработке в Киргизстане с древнейших времен и до начала XIII в. В настоящее время на территории Тянь-Шаня можно считать наиболее изученным только район добычи серебра с IX—XII вв. в р. Талас, исследования его проводились в тесном содружестве с геологами. Однако и здесь остается много дискуссионных и нерешенных вопросов. Зачастую даже те данные, которые имеются в письменных источниках, не уточнены и не проверены современными исследователями, локализация большинства месторождений весьма условна.

Плодотворными были археологические сезоны 1977—1980 гг., во время которых при исследовании темы «История горнорудных промыслов Киргизии» были открыты новые древние и средневековые выработки различных металлических руд, а также производственно-бытовых комплексов металлургов. Впервые в археологической практике Киргизии произведены широкие раскопочные работы на поселениях, специализировавшихся на выплавке железа и меди. Добыты новые интересные материалы, на основе которых подготавливается специальная монография.

Естественно, что подавляющее большинство месторождений и связанных с ними поселений горняков и металлургов предстоит еще открыть и изучить.

Публикуется по изданию:

Мокрынин В. П. Плоских В. М. Древние разработки глазами ученых // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1982.

В ПОИСКАХ РУКОПИСЕЙ И КНИГ

Летний экспедиционный сезон! Разведчики недр природы, флоры и фауны, разведчики путей в историю прошлых поколений с нетерпением ожидают выезда в поле. В последние годы отряды поисковиков республики пополнились экспедициями за документальными памятниками: старинными рукописями и книгами, отдельными актовыми документами и воспоминаниями героев войны и ударных строек. Такая экспедиция стала называться полевой археографической экспедицией за документальными памятниками.

Материальные и духовные богатства страны, созданные трудом и талантом народа, стали достоянием трудящихся лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Еще по инициативе В. И. Ленина были приняты меры по обеспечению учета и охраны памятников истории и культуры, их использованию в просвещении и воспитании трудящихся. С созданием в 1966 г. Киргизского республиканского добровольного общества охраны памятников истории и культуры и с принятием 28 декабря 1977 г. соответствующего Закона охрана и использование памятников истории и культуры народа осуществляются на уровне акта государственной важности.

Киргизия богата памятниками древности: только на учете состоит более 2,5 тысяч, причем 22 из них — памятники общесоюзного значения. Это и повсеместно встречающиеся древние курганы, средневековые поселения и городища, мавзолеи, наскальные рисунки и каменные изваяния, памятники эпиграфики и др.

Наряду с памятниками материальной культуры под охрану взяты и памятники духовного наследия.

«Государство заботится об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня», — записано в 27 статье Конституции Киргизской ССР.

В нашей республике систематическим выявлением и изучением документальных памятников — этого духовного наследия предшествовавших поколений — с 1976 г. занимается специальная экспедиция. Киргизия в плане полевого археографического обследования до последнего времени оставалась нетронутой, можно сказать, «белым пятном» среднеазиатского региона. Толчком к первым специальным полевым поискам книг, рукописей, документов в республике послужило всенародное обсуждение проекта, а затем и принятие Закона об охране и использовании памятников истории и культуры, который предусматривает заботу о памятниках как материальной культуры, так и духовной. К их категории были отнесены и документальные памятники: акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, записи фольклора и музыки, а также редкие печатные издания, древние рукописи и личные архивы.

Археографические работы на территории Узбекистана и Таджикистана ведутся уже столетие, и в научных книгохранилищах этих республик собраны тысячи единиц рукописей. Было решено провести разведочные поиски и на территории Киргизии.

В составе комплексной Киргизской археолого-этнографической экспедиции, организованной в 1976 г. Институтом истории Академии наук республики, была образована специальная археографическая группа, в задачу которой входили фиксация и сбор отдельных документов, рукописей и ценных старопечатных книг в районах Иссык-Кульской,

Нарынской и Ошской областей. Позже группа выросла в самостоятельную экспедицию.

Известно, что киргизский народ до революции не имел своей письменности, на 98 процентов был безграмотным. Не потому ли долгое время бытовало нигилистическое отношение к полевой археографии в Киргизии? Ведь во всех библиотеках республики и научных хранилищах имелись буквально единицы не представляющих особой ценности старопечатных книг на арабской графике. Правда, историкам, археологам, этнографам нередко приходилось слышать о старых молдо и муллах — владельцах книг и рукописей... И вот несколько лет назад республиканской библиотекой им. Н. Г. Чернышевского совершенно случайно была приобретена интереснейшая из рукописей, ее привез аксакал из Центрального Тянь-Шаня. Это была копия трех известных арабских трактатов по логике, созданных в XII—XIV вв. А на юге Киргизии неожиданно обнаруживается и приобретается Институтом языка и литературы (рукописными фондами) копия памятника XVI в. «Маджму ат-таварих» («Собрание историй») Муллы Сай-фаддина, в которой содержатся первые записанные в средневековые сюжеты из киргизского героического эпоса «Манас». Археологи во время полевых работ изредка встречали в мазарах хранилища книг. Так, еще в 1949 г. Д. Ф. Винником, работавшим в составе тянь-шаньской экспедиции А. Н. Бернштама, в долине Алабакан на кладбище Узгуруш в мавзолее Генотая обнаружен архив книг и рукописей. Среди них оказались даже сочинения Физули. В 60-х годах другим археологом, Е. З. Зауровой, подобный книжный архив был встречен в одной из Ляйлякских пещер. Гляциологом Р. Д. Забириным несколько книг вывезено из тайника, неожиданно открывшегося в обвалившемся утесе на Иссык-Куле. Имелись и другие такого рода упоминания, но поскольку специально никто сбором старых

¹⁹ Том IX. В. М. Плоских

книг, рукописей, документов не занимался, эти находки в последующем были забыты.

Итак, отправная точка для полевых исследований была найдена.

Для работы в археографической экспедиции был приглашен опытный востоковед старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения арабист А. Б. Халидов, знающий таджикский язык, а тюркский для него является родным. Таким образом, можно было более или менее квалифицированно на месте просматривать рукописи на тюркском и арабском языках. В составе экспедиции были также научные сотрудники Института истории Академии наук Киргизской ССР Д. Нурмаатов, А. Ормушев, В. Абылгазиев, А. Мокеев и др.

За пять лет (1976—1980 гг.) полевых экспедиций обследованы многие районы Ферганы, Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккуля. Участники экспедиций встречались и беседовали с десятками киргизских аксакалов, молдо, мулл, получивших в свое время традиционное мусульманское образование и владеющих старыми книгами и рукописными материалами, либо с их наследниками. Были обследованы пещеры в Ат-Башинском и Ляйлякском районах, в которых, по словам местных жителей, некогда хранились старые книги. И, надо сказать, небезрезультатно. Собраны отдельные листы и документы из Ляйлякской пещеры в Фергане, вывезен целый ящик книг и документов из Ат-Башинской пещеры в Центральном Тянь-Шане, не один десяток книг набрали в Кочкорском мазаре. Зарегистрировали нахождение книг и рукописей в мазарах Ак-Талинского района и ряд частных собраний.

Экспедиции помогали учителя местных школ, колхозники и рабочие, к которым научные сотрудники обращались с расспросами.

Открывались заветные шкафчики и сундуки, извлекались кожаные курджумы и полотняные мешочки: личные

«библиотеки» киргизских молдо обещали немало интересных находок. Но все это стало возможным только после продолжительных и интересных разговоров с аксакалами. После того, как ученые «рассекречивали» одних владельцев книжных богатств, тут же становились известны новые имена. Правда, то и дело заходили разговоры о том, что прежде — четыре десятилетия, полвека назад — таких книг было гораздо больше. Но естественный износ бумаги при далеко не лучшем хранении, стихийные бедствия, обычай захоронения книг в могилах и мазарах сделали свое роковое дело.

И тем не менее экспедиция была удачной. За пять полевых сезонов собрано 500 старопечатных и литографических изданий, около 200 рукописей и десятки документов, исполненных на тюркском, таджикском и арабском языках. Большинство материалов относится к XIX или к началу XX вв. Лишь редкие рукописи можно датировать XVIII в. Но имелись копии рукописей XII—XVI вв.

По месту происхождения документы и рукописи связаны со среднеазиатским регионом в целом, некоторые переписаны киргизскими молдо, хотя судить об этом зачастую приходится по совокупности внешних признаков. Насколько специфичен «киргизский набор» сочинений из общего арабско-тюркско-персидско-мусульманского (или просто среднеазиатского) фонда, покажут дальнейшие археографические изыскания и тщательное научное исследование собранных материалов.

Печатные книги явно привозились издалека; об этом красноречиво свидетельствуют названия городов, где находились типографии: Ташкент, Казань, Бухара, Стамбул, Лакхнау и Канпур.

По содержанию книги и рукописные материалы отражают те формы, в которых были распространены в Киргизии грамотность и образованность, исламское учение, литература. Книги и рукописи как светского содержания,

так и духовного — изложение положений ислама в специфическом суфийском варианте, как он был распространен в Средней Азии, особенно в Киргизии прошлого столетия.

Ученые еще раз нашли подтверждение тому, что ислам в Киргизии особого распространения не получил. Печатные и рукописные экземпляры Корана встречаются редко, комментарии к нему и сборники преданий об изречениях и поступках Мухаммеда крайне малочисленны. Зато сравнительно много руководств по законоведению, практической этике, ритуалу.

Среди интересных находок — наборные, литографические, рукописные книги со стихами Бедиля и Хафиза, Омара Хайяма, Джами и Алишера Навои.

Самой уникальной явилась рукопись, приобретенная в Баткенском районе. Это копия (самая полная и ранняя из всех известных) грамматики Абдуррахмана Джами — последнего произведения великого средневекового поэта и мыслителя.

Каждый из приобретенных памятников имеет свою интереснейшую историю. Ученым помогают их открывать местные учителя, краеведы, просто энтузиасты сохранения духовного наследия прошлых поколений.

Заслуга обнаружения книгохранилищ в Ат-Башинской пещере и Кочкорском мазаре принадлежит неутомимым «всезнающим» школьникам. В Ат-Баши неизменным помощником экспедиции был директор восьмилетней школы-интерната К. Сатыбеков, на Иссык-Куле — учитель У. Касымакунов и директор Торуайгырской средней школы З. Бирназаров. В Баткенском районе постоянными корреспондентами являются директор Кара-Булакской средней школы С. Эрматов и кузнец совхоза им. 100-летия В. И. Ленина Н. А. Абдуллаев.

С помощью С. Эрматова была получена версифицированная рукопись на тюркском языке духовно-назидательного содержания. Рукопись дефектна, без начала и конца, с лакунами в середине, пострадала от сырости и небрежного

хранения. Текст писан уверенной рукой, крупным насталиком. Рукопись приблизительно можно датировать XIX в., но только сличением текста с аналогичными рукописями можно будет более точно установить дату, а также название, имя и время жизни автора.

В с. Ак-Татыр Баткенского района с помощью Н. Абдуллаева (отца одного из участников экспедиции) было получено более двух десятков книг и несколько рукописей. В этом же селе мы видели рукопись под названием «Мухтасар ал-Викайя» («Сокращение ал-Викайи») в тюркском переложении. Копия датирована 1222 годом хиджры, т. е. 1807 г. современного летосчисления (оригинал был написан по-арабски еще в XII в.). Фрагменты сняты на фотопленку и отпечатаны отдельные страницы. Здесь же в дар получили энциклопедический словарь «Гийас ал-лугат» («Гийасов словарь»), составленный Мевлеви Гийас ад-дином в 1826–1827 гг. и напечатанный литографическим способом в типографии Мунши Нолкишвара в индийском городе Канпур в 1899 г. Книга большого формата, насчитывает 518 страниц, с вклейкой карты мира. Она написана на персидско-таджикском и урду языках и содержит объяснение терминов, названий, имен арабских, персидских, урду, тюркских и других, то есть является своего рода толковым энциклопедическим словарем.

Представляет ценность и другая книга, полученная от того же хозяина, — «Ал-Хидайя» («Праведный путь»), литографическое издание 1872 г. индийского города Лакхнау. Это необычайно авторитетное и популярное сочинение среднеазиатского автора XII в. Бурхан ад-дина ал-Маргинани по исламскому ритуалу, этике, законоведению. В «Ал-Хидайя» 628 страниц большого формата, текст на арабском языке, сопровождается комментариями на полях, ему предпослано предисловие Мухаммеда Абд ал-Хайя ал-Лакнави, в котором приводится биографический словарь упоминаемых в сочинении лиц, алфавитный перечень

географических названий, названий народов, религий и сект. Упомянуты Азербайджан, а также Узген, Бухара, Герат и другие города.

В разных местах приобретены поэтические сборники — диваны знаменитого азербайджанского поэта Физули в литографическом издании конца XIX в.; диван Алишера Навои, также в литографическом издании конца XIX — начала XX в., потрепанный, с лакунами; диваны Бедиля, Хафиза; интересный рукописный сборник в деревянном переплете (не позднее середины XIX в.) с разными записями и стихами на тюркском языке.

В ящике из Ат-Башинской пещеры оказалась объемистая рукопись сочинения Суфи Аллаяра «Маслак ал-муттакин» («Путь праведных»). Рукопись написана по-тюркски и датируется приблизительно XIX в., содержит разъяснения по широкому кругу практической этики и ритуалу, изложенных в духе учений суфийских дервишских орденов. Отдельные (без начала и конца) книжечки-дефтеры производят впечатление записей киргизских молдо XIX в.

В селе Тору-Айгыр обнаружены тетради Наамата Укубаева — одного из первых советских учителей киргизов на Иссык-Куле. В тетрадях записи киргизских стихов. Авторские ли они или фольклорные — предстоит определить специалистам по киргизской литературе.

Собранные экспедицией отдельные актовые документы уже определены и частично переведены востоковедами. Это чрезвычайно интересная грамота 1655/56 г. из Бухары — многометровый бумажный свиток — свидетельствующая о пожертвовании в вакф (собственность мусульманского учреждения) 11 участков земли.

Были собраны также подлинники документов XIX в. на продажу и аренду земли в местности Баткен, о зякете с киргизов, прогоняющих скот в Гиссар, и другие.

Во время экспедиции сделана магнитофонная запись одного из малоизвестных эпических произведений киргизов.

Собранные экспедицией материалы заслуживают хранения и научного изучения. Сейчас уже ведется и еще предстоит большая работа по дезинфицированию, реставрации, снабжению шифрами, каталогизации рукописей и книг.

Некоторые из памятников несут историческую бытовую информационную нагрузку, содержат, хотя и в малом количестве, имена и даты. Раскрытие содержания рукописей, книг и документов, их исследование позволит выяснить круг чтения и репертуар книг, имевших хождение в Киргизии в XVIII — начале XX в., какие литературные и научные знания были доступны грамотным киргизам в прошлом, какие идеи их привлекали, какими нравственными нормами они руководствовались.

Тюркоязычные материалы интересны и с лингвистической точки зрения. Во многих из них, конечно же, обнаружится влияние языка тех, кто их переписывал и читал, то есть и киргизского языка.

Таким образом, можно считать, что археографическое освещение Киргизии началось. Работа продолжается, ведется планомерно и систематично в рамках одного научного учреждения — Института истории Академии наук Киргизской ССР, где комплектуется рукописное собрание, а также хранятся редкие издания старинных книг.

Проведенные работы показали важность и целесообразность продолжения изыскания в области полевой археографии, поисков и сбора старых документов, рукописей и книг. Однако при этом не следует ограничиваться обследованием только киргизского населения. Подобные материалы должны иметься у уйгур и дунган, столетие назад переселившихся в Киргизию из Восточного Туркестана. Ученые зафиксировали находки и среди старожилов — переселенцев с Украины, из центральных районов России, из Сибири и других районов страны.

Надо сказать, что круг интересов ученых не ограничивается седой стариной. Обнаружены некоторые рукописи

ученого с мировым именем — Евгения Дмитриевича Поливанова. Ученые старшего поколения — историки, лингвисты прекрасно знают это имя. Поливанов сыграл значительную роль в публикации тайных договоров царского правительства, предпринятой по инициативе В. И. Ленина. Он активно участвовал в разработке письменности народов Средней Азии, является автором статей по сравнительному языкознанию, опередивших свое время на несколько десятилетий, создал крупные труды по японскому, китайскому, дунганскому и киргизскому языкам. С 1934 г. Е. Д. Поливанов работал в Киргизском институте культурного строительства во Фрунзе. Пока найдена только часть научного наследия Поливанова, записаны воспоминания о нем. Продолжение поисков, несомненно, увеличит число находок.

Сейчас археографы обратились также к сбору интересных документов личного происхождения — воспоминаний участников гражданской войны, писем с фронтов Великой Отечественной войны, записок и дневников участников социалистического строительства в республике и всесоюзных ударных строек.

Впереди большая работа. И если за нее наряду с учеными и архивными работниками возьмутся учителя, краеведы, школьники и народные музеи, мы сохраним для науки, для истории бесценные богатства духовного наследия прошлого и героических свершений наших современников. Создание секции документальных памятников добровольного Республиканского общества охраны памятников истории и культуры должно способствовать этому делу.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. В поисках рукописей и книг // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1982.

УНИКАЛЬНАЯ РУКОПИСЬ ДЖАМИ

Очередной полевой сезон оказался на редкость удачным. Археографическая группа Института истории возвращалась с десятками старинных книг и рукописей на восточных языках. Некоторое время после приезда, как обычно, занимает организационная суэта: отчеты, разбор накопившихся за лето дел. Но вот наконец можно заняться и новыми находками.

Внимательно рассматриваем «Книгу о торговле» — рукописный трактат о правилах торговых операций, сочиненный арабским автором без малого тысячу лет назад; толковый словарь персидского языка «Гийас ал-лугат» индийского автора XIX в., в котором содержатся ценные оригинальные сведения по истории, географии и этнографии Средней Азии, Ирана и других стран в средневековье; изящно оформленные диваны — сборники стихов Омара Хайяма, Навои, Бедия...

Но что это? На столе очередная рукопись в красивом тисненном переплете. Первая страница украшена великолепным унваном — многоцветной заставкой с тонким орнаментом. Четкие строки арабской вязи оживляются многочисленными киноварными вставками. Прекрасный, явно старый почерк и лощеная, добротная, ручной выделки бумага говорят о почтенном возрасте манускрипта. Этого достаточно, чтобы на время отложить в сторону все остальные находки.

Снова раскрываем первую страницу рукописи: здесь, прямо в тексте, по старой восточной традиции, должны упоминаться имя автора и название сочинения. (Кстати, начало арабской книги находится там, где мы привыкли

видеть конец). Одновременно прочитываем и последние строки сочинения, в которых сообщается дата его окончания, а также сведения о переписчике. Затем, параллельно с изучением основного текста рукописи — работа в библиотеке, выявление сведений об авторе и его труде. И вот первые итоги исследования.

«Фава'ид вафийа би-халли мушкилат ал-Кафийа» («Полезные сведения, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафии») — сочинение по арабской грамматике, написанное одним из известнейших поэтов и ученых XV века Абдуррахманом Джамии. Задуманное как комментарий к грамматическому компендиуму «ал-Кафийа фи-н-нахв» ибн ал-Хаджиба (1175—1249 гг.) сочинение Джамии в сущности представляет собой самостоятельный трактат, в котором разъясняются основные положения и трудности арабского языка. Автор посвятил свой труд сыну, Зияуддину Юсуфу, и поэтому дал книге второе название, тоже упомянутое во вступлении к трактату: «ал-Фава'ид аз-Зийа'ийа» — «Полезные сведения, [посвященные] Зия».

В колофоне на последней странице рукописи указана дата окончания авторской работы над сочинением: суббота, 11 размазана 897 г. хиджры, т. е. 7 июля 1492 г.

Исторические источники говорят о том, что это произведение Джамии быстро завоевало признание и популярность у тех, кто брался за изучение основного языка науки и поэзии на средневековом Востоке. Зайнаддин Васифи в своих мемуарах «Бада'и ал-вака'и» («Удивительные события») упоминает о том, что уже в 1511 г. «ал-Фава'ид» входил в курс обязательной подготовки для учащихся медресе. Сочинение было упомянуто и описано в антологии (тазкира) «Тухфа-и Сами», составленной в 1550 г. Сам-мирзой, сыном сефевидского шаха Исмаила I. Интересно, что название трактата, приведенное в антологии, отличается от того, которое дано в нашей рукописи: «ал-Фава'ид аз-Зийа'ийа фи шарх ал-Кафийа» — «Полезные замечания, [посвященные] Зия,

о толковании ал-Кафии». Позднее он был известен в Средней Азии и Поволжье под более краткими названиями — «Шарх-и хазрат мулла Абд ар-Рахман ал-Джами» (поздняя приписка в нашей рукописи на «титულном» листе 2 а), «Шарх-и мулла Джами» или даже просто «Шарх-и мулла»¹.

Такое разнообразие названий, приписываемых одному сочинению, говорит о распространенности и, следовательно, о достаточно большом числе списков трактата, существовавших в различных странах мусульманского Востока, и каждым из переписанных заново экземпляров наверняка пользовался не один десяток учащихся. Достаточно обратить внимание на широкие поля нашей рукописи, испещренные многочисленными пометками и дополнениями ее читателей. Некоторые из пометок написаны весьма поздними «среднеазиатскими» почерками, типичными для конца XIX — начала XX в.

Кто же он — автор столь популярного сочинения, один из лучших, без сомнения, списков которого, пережив столетия, оказался в наших руках?

Нураддин Абдурахман ибн Ахмад Джами, знаменитый средневековый поэт и ученый, крупный деятель суфизма, знаток мусульманского права, близкий друг и учитель основателя средневековой тюркской поэзии Алишера Навои, родился 7 ноября 1414 г. в местечке Харджирд, неподалеку от города Джам в Хорасане. Получив блистательное образование в Герате и Самарканде, Джами отказался от придворной карьеры и примкнул к суфийскому ордену «Накшбандийа», который привлек его своими призывами к деятельному добру. Начав рано писать, Джами еще в молодости приобрел широкую известность. Отличаясь разносторонностью поэта и философа, знатока преданий и тонкого аналитика современных ему социальных явлений,

¹ *Страницы* Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. Ч. 1. М., 1972. С. 561.

Джами ценил и понимал жизнь простого народа, выходцем из которого был и он сам. «Мы по самой природе своей люди степные, деревенские»¹, — говорил он неоднократно. Даже посвящая свои произведения носителям власти, наставляя и поучая их, Джами оставался деятельным гуманистом, сторонником человеческой справедливости; ни благосклонность гератского двора, ни многолетняя дружба с Навои, занимавшим пост вазира, не могли повлиять на независимость его идеологии. Наиболее полно социальное мировоззрение поэта отражено в его «Книге мудрости Искандара» — своеобразной и оригинальной легенде о счастливом царстве на земле. Джами выступает здесь как выразитель утопических идей о лучшем будущем². Поэтому не просто красивые слова, а именно глубокую убежденность гуманиста видим мы в его вольнолюбивых призывах, звучавших в век жесточайшего восточного деспотизма и бесправия:

«Не верой, не обрядами страна —
Законом справедливости сильна»

(из поэмы «Саламан и Абсаль», одной из частей знаменитой «Семерицы», посвященной Якубу ибн Узун-Хасану, правителю из династии Ак-Коюнлу).

В сравнении с вычурным, напыщенным слогом придворной поэзии XV века сочинения Джами отличаются относительной ясностью и простотой языка. Это дало повод отдельным исследователям прийти к необоснованному выводу о том, что Джами, будучи блестящим эпигоном, приспособлял свою поэзию к вкусам и требованиям эпохи³.

¹ *Бертельс Е. Э.* Избр. труды. Навои и Джами. С. 222.

² *Брагинский И.* 12 миниатюр. От Рудаки до Джами. М., 1976. С. 286.

³ См., например: *Рипка Ян.* История персидской и таджикской литературы. М., 1970. С. 273.

Сорок лет активной творческой жизни поэта и ученого подарили миру богатое литературное наследие — не менее 40 произведений различного жанра. Здесь и эпические поэмы, и философские сочинения, и жизнеописания видных деятелей суфизма, и шедевры лирической поэзии. Сочинения Джами благодаря своей огромной популярности расходились в многочисленных списках еще при его жизни. Значительное число рукописей, дошедших до нас, датируются XV — началом XVI в. А в XIX в., с развитием книгопечатания в Средней Азии, Иране и Индии, появляются литографии и печатные издания. Сохранились и автографы поэта, ныне они находятся в рукописных собраниях Ташкента, Москвы и Ленинграда¹. Как отмечает Е. Э. Бертельс, Джами обладал характерным почерком: он не может быть назван красивым с точки зрения каллиграфического искусства (о чем, кстати, упоминал и сам поэт), но узнать его можно тотчас².

* * *

...Вся первая половина 1492 года для Джами прошла в напряженном труде. Знаменитый поэт заканчивал составление большого и сложного трактата по арабской грамматике. Хотя работа была в основе завершена, ее предстояло переписать заново: черновик был так испещрен пометками, дополнениями и рабочими замечаниями, что и самый грамотный насих — переписчик — не смог бы в них разобраться. Поэтому понятен вздох облегчения, когда семидесятисемилетний автор дописывал последнюю фразу: «Избавился от мук подготовки этого толковника с черновика на чистовик сей ничтожный раб Абд ар-Рахман ал-Джами...

¹ Опубликован аннотированный каталог: Рукописи произведений Абдуррахмана Джами в собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР. Ташкент, 1965.

² Бертельс Е. Э. Избр. труды. Навои и Джами. С. 238.

утром в субботу одиннадцатого рамазана... года восемьсот девяносто седьмого» (в переводе на европейское летоисчисление — 7 июля 1492 года). Очевидно, это было его последнее произведение: Джамии оставалось жить всего четыре месяца.

Осенью 1492 г. Джамии простудился и слег в постель. Весь Герат с сочувствием следил за болезнью своего кумира. Каждый день его навещал блистательный ученик, друг и покровитель Мир Алишер Навои, на руках которого Джамии и скончался 18 мухаррама 898 года хиджры — 9 ноября 1492 г.¹

Поэт умер, произведениям его суждено было пережить века. Уже современники почитали его величайшим мыслителем и преемником классической средневековой персидско-таджикской литературы. Абдуррахман Джамии стоит в одном ряду с такими прославленными поэтами Востока, как Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сина, Хайям, Саади, Хафиз. Один из последних по времени в плеяде звезд средневековой восточной поэзии, Джамии оказал огромное влияние на развитие всей последующей литературы мусульманского мира.

* * *

Но вернемся к нашей находке.

Рукопись дошла до нас в полном списке и хорошей сохранности, имеет прекрасное художественное оформление. Титульная страница (лист 26), как уже отмечалось, украшена унваном, в котором преобладают золотая и темно-голубая краски. Теми же красками выполнены тонкие изящные рамки на каждой странице рукописи. Текст написан

¹ Дата 18 мухаррама (9 ноября) вошла во все основные справочные издания, в том числе и в БСЭ. Но некоторые источники, в частности Навои и Низами, указывают дату смерти Джамии — 17 мухаррама (8 ноября). Эту дату принимает Е. Э. Бертельс (Избранные труды. Навои и Джамии. С. 237).

красивым четким почерком группы насх с многочисленными «рубриками» — названиями грамматических разделов, отдельными словами и фразами, исполненными красной киноварью великолепным декоративным почерком сульс. Книги, изготовленные с таким мастерством, ценились очень высоко, и их могли приобретать только состоятельные люди. Довольно часто такие рукописи делались по заказу правителей и богатых меценатов.

Однако основное достоинство обнаруженного списка заключается в том, что он является одной из самых ранних копий трактата, если не восходит непосредственно к авторскому оригиналу. В колофоне (лист 1506) указаны место и дата переписки — «в преславном городе Балхе» в 994 году хиджры (1585/86 г.). Мы вправе считать, что оригинальное название сочинения именно таково, как оно приведено в нашей рукописи.

Колофон сохранил нам и имя переписчика — Даулат-Мухаммад ибн Тенгри-берди кушчи. Тюрк по происхождению (о чем свидетельствует тюркское языческое имя его отца), он, вероятно, относился к тому кругу художественно-ремесленной интеллигенции, которую так ярко описал в своих мемуарах выходец из той же среды, младший современник Джами и Навои Зайнадин Васифи¹. А слово «кушчи» (так называемая нисба), по-видимому, указывает на его происхождение из тюркского племени кушчи. По мере формирования с XVI в. самостоятельных народностей — узбекской, казахской, киргизской — отдельные роды этого древнего племени, сохранив свое самоназвание, вошли этническими компонентами в состав этих народностей².

¹ О Васифи и его мемуарах см.: *Болдырев А. Н.* Зайнадин Васифи. Сталинабад, 1957.

² *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 26, 30–34, 42; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977. С. 192.

Даулат-Мухаммад кушчи, бесспорно, был не только прекрасным каллиграфом, но и хорошим знатоком арабского языка — иначе как он смог бы точно и без ошибок переписать столь сложный и объемистый арабский текст? А приписка под колофоном той же рукой, что и остальной текст, но почерком насталик, говорит о том, что переписчик был знаком и с персидским языком:

Хатт дар варак дахр бемонад,

Бичораи нависанда ки дар хок равад.

(Написанное на листе останется вечно,

А бедный писец обратится в прах.)

Наверное, подобные приписки делали многие мастера, из рук которых выходили эти удивительные плоды долгих месяцев кропотливой, филигранной работы. А ведь сколько таких уникальных творений не дошло до нас, затерявшись где-то в лабиринтах веков! Нашей рукописи действительно повезло; почти пять столетий переходила она из рук в руки, пока не попала на стол исследователя. Аккуратно подклеивались ее поврежденные страницы, вписывались испорченные временем и многократным использованием места в тексте. На последней странице внизу колофона сохранилась интересная запись по-персидски: «Дата покупки этой книги — 1134» (т. е. 1722—23 г.) Под этой пометкой видны следы стертой надписи — возможно, аналогичной приписки прежнего владельца книги. Значит, сам факт покупки такого манускрипта стоил того, чтобы специально отметить это на его страницах.

Переплет рукописи, сделанный уже в XIX в., бесспорно, далеко не первый за ее долгую «жизнь». Мастер, изготовивший его, работал со своим «личным клеймом»: в одной из фигурных орнаментальных виньеток, оттиснутых на крышках из плотного цветного картона, мы читаем: «Работа муллы Надир-Мухаммада сах-хафа (переплетчика)», и дата — 1257 (соответственно 1841—42 г.). Особенности

оформления переплета и техника работы типичны для кокандских мастеров XIX в., чьи произведения украшают еще несколько рукописных и печатных книг, собранных экспедицией.

Согласно каталогу произведений Джами в собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР здесь имеется несколько списков этого трактата, названных «Наставление Зийааддину» или «Комментарий Муллы»¹. На последнем листе одного из них сделана приписка Мухинаддина Раф ата, датированная 1344/1925–26 г.: «Знатоками каллиграфии высказано предположение, что рукопись представляет собой автограф Джами».

О популярности сочинений Абдуррахмана Джами среди населения южных районов Киргизии, примыкающих к Таджикистану и Узбекистану, говорят и факты приобретения нами у населения других его книг. Интересно, что в том же районе Киргизии мы обнаружили печатный комментарий к грамматическому трактату Джами — к тому самому комментарию на «ал-Кафию» ибн ал-Хаджиба, рукописи которого посвящены эти строки! Книга написана Хаджи Абдаллахом бен Салихом бен Исма'илом (Махрам-афанди) в 1237/1821–22 г. и издана в Константинополе в 1890–91 г. Объем комментария 512 страниц, да и сам факт его появления — убедительное свидетельство того, что трактат Джами был не просто вспомогательным учебным пособием, а воспринимался как самостоятельный научный труд. И этот комментарий пополнил коллекцию Института.

Нам посчастливилось приобрести и редкое литографическое издание двух других произведений Джами — «Нафахат ал-унс» («Веяния дружбы») и «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь»), объемом в 467 страниц, опубликованные в Канпуре (Индия) в 1893 г. Первое сочинение содержит

¹ Рукописи произведений Абдуррахмана Джами... С. 46–47.

²⁰ Том IX. В. М. Плоских

биографии в прозе знаменитых суфиев. Второе — эпическая поэма, вошедшая в знаменитую «Хафт ауранг» — «Семерицу» поэта и посвященная Султан-Хусейну Байкара — правителю Герата, вазиром которого был ученик и покровитель Джами Алишер Навои.

Краткий разбор поэмы «Золотая цепь» приводит в своем произведении о Джами Е. Э. Бертельс¹, который считает ее первой по времени написания среди остальных поэм «Семерицы». Но к ней поэт возвращался еще трижды; адресуя последнюю тетрадь поэмы османскому султану Баязиду II (1481—1512 гг.), Джами целиком посвятил ее своему представлению о справедливом управлении страной и о качествах образцового правителя.

...Жизнь Джами внешне протекала благополучно и спокойно. Но внутренний мир поэта, как явствует из его произведений, нередко был противоречивым: от смирения перед идеями суфизма с его фатализмом и покорностью «высшему разуму» до обличения несправедливости жизни, поисков воплощения социальной утопии царства равных. Впрочем, как справедливо подчеркивает И. Брагинский, обращаясь к произведениям великого поэта и мыслителя, нельзя допускать ни идеализации суфизма ради возвышения Джами, ни унижения Джами из-за реакционной сущности религиозно-мистической идеологии².

* * *

Находки пяти полевых сезонов археографической группы, сотни выявленных и собранных книг и рукописей на арабском, персидском и тюркском языках свидетельствуют о давней письменной традиции в Средней Азии, о роли знания в общественной и культурной жизни населения

¹ Бертельс Е. Э. Избр. труды. Навои и Джами. С. 269—270.

² Брагинский И. 12 миниатюр. От Рудаки до Джами. С. 392.

Киргизии в средневековье и, между прочим, о бережном отношении к книге, об уважении к людям, вложившим в нее свои познания и нелегкий труд.

Всестороннее научное исследование уникальной рукописи Джами будет продолжено. Но уже сейчас можно сказать, что коллекция Института истории Академии наук республики пополнилась редким и чрезвычайно ценным экспонатом, который, даже если бы он был найден один, оправдывает все расходы и трудности археографической экспедиции. Впереди — новые поиски и надежды на новые интересные находки.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Уникальная рукопись Джами // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1982.

К ВОПРОСУ О ЧЕКОВОЙ ФОРМЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В КИРГИЗИИ

Этимология и смысловое значение термина *чек* (*чак*) ясны: слово иранской группы языков с основным значением жребий, *доля, граница, рубеж*. Терминологическое значение слова «чек» до сих пор не утрачено, что видно из рассмотрения проф. А. Л. Троицкой документов кокандского архива с упоминанием особой платы за право пользования землей¹. Другие исследователи земельных отношений в Средней Азии этого вопроса не касались. Поэтому кратко остановимся на рассмотрении вопроса о чеках как специфической формы землепользования, распространенной на территории южной части Киргизии в первые три четверти XIX в. и в Кокандском ханстве в целом.

Одно из значений слова «чек» обозначает участок общинной земли, который время от времени перераспределялся по жребию (чек) между членами общины сообразно фактическим возможностям каждого крестьянина обработать определенных размеров участок, что, в свою очередь, зависело от количества выставленных пар волов (кошей)².

Такое положение было характерно для всех общин с периодическими переделами земли, где определенной участок составлял крестьянский надел. На Украине он назы-

¹ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор. Тр. ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. II (V). Л., 1957. С. 199–200.

² Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб., 1898. С. 441–442; Маев Н. Азиатский Ташкент. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 4. Ташкент, 1876. С. 271.

вался «жребий»¹, в России — «дым», «плуг», позже «выть», в Англии — «гайда», в Германии — «гуфа», во Франции — «корраката»². Эти наделы выступали одновременно и единицей земельной площади с различным реальным значением. На севере Ферганы, например, чек был равен 432—439 кв. гязям, т. е. окол. 530—538 кв. м³.

В одной васике (купчей крепости) читаем, что некий мулла Халь Мухаммед, мутаваллий вакфа мечети Маулян Ходжи Ишана в кишлаке Кара-Палван Намнганского вилайета продал 64 чека вакфной земли и купил другие 64 чека, которые присоединил в вакф взамен проданных.

Следует обратить внимание и на второе значение слова «чек», в котором оно выступает в большинстве архивных документов, относящихся к периоду Кокандского ханства. Это наследственный земельный надел, выдаваемый на определенных условиях феодалом или ханом дехканину для обработки.

В Алайской долине на берегу р. Кок-Су — притоке р. Кызыл-Су, в 10—15 км к западу от с. Дараут-Курган расположено село Чек. Своим основанием и названием селение обязано чековой форме землепользования.

Рассмотрим происхождение и условия образования чеков. Обычно феодал или хан, орошая определенную земельную площадь, ограничивался проведением магистрального

¹ Слово «жребий» восходит к общеславянскому «жерб» — «кусок», «доля», «счастье». См.: *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961. С. 110.

² *Колганов М. В.* Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962. С. 341.

³ *Андреев М. С.* Поездка летом 1923 года в Касанский район. Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. I. Ташкент, 1928. С. 124—125; *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970. С. 131. Перевод в метрическую систему произведен с учетом гяза, равного 110—111 см.

канала. Но, чтобы сделать землю пригодной для обработки, необходимо было приложить еще много труда по выравниванию участков и созданию оросительной системы, проведению полевых (шахи) и отводных (кулаки) арыков¹ и т. д. С целью эксплуатации земли и приведения ее в пригодное для орошаемого земледелия состояние весь массив делился на небольшие наделы — чеки и раздавался дехканам для обработки. Чеки образовывались либо на землях феодалов, освобожденных от государственной подати (мильки хурри холис) и полностью присваивавших себе доход, либо на государственных землях, орошенных по инициативе правительства, с которых поземельный налог поступал непосредственно в казну.

Известный временщик Кокандского ханства кипчак Мусульманкул в 1263/1846—47 гг. выстроил в кишлаке Чуама медресе и оформил ему в вакф земли местности Чуртамлык и Байсакал в Андижанском вилайете, которые раздал в чеки крестьянам с обязательством выплачивать хераджные и танапные подати в пользу обеленного ханом вакфного учреждения². Обелительная ханская грамота (иноят-наме) гласила: «...Мусульманкул минбаши построил на собственные средства медресе в местности Мингут и для благоустройства его пожертвовал в вакф ему арык с землями в местности Куркурау и еще арык в местности Байсакал, почему и поставляются все в известность, что подати танапные, хераджные, сборы за венчание (никахана) и сборы за разделы наследства (тарикане) оставляются в пользу вакфа, и никто не должен с этого вакфа ничего требовать, 1269 (1852—33 гг.)³.

¹ *Наливкин В.* Положение вакфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. Ежегодник Ферганской области. Т. III. Ташкент, 1904. С. 13.

² ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34221. Л. 34—35.

³ Там же. Л. 18, 19.

Судя по всему, чекчи выплачивали лишь поземельную подать херадж и не вносили дополнительной платы за пользование землей.

Проведение магистральных каналов для крупных феодалов, занимающих высокое административное положение в ханстве, а тем более для ханов, не представляло особого труда. Они привлекали крестьян окрестных селений к этим работам в качестве трудовой повинности (корган мардикори, хашар)¹.

Кипчакский феодал Хотамкул, будучи батыр-башой (начальником военного отряда) Андижанского вилайета и часто бывая по служебным делам в кишлаке Сузак, скупил за бесценок окрестные полузаброшенные земли, оросил их с «помощью» сузакцев и затем «раздал даром в чеки населению с одним лишь условием: платить херадж и танап в пользу медресе», т. е. оформил в вакф медресе, построенное им в Сузаке, которое ввиду высокого служебного положения владельца было освобождено от государственных податей². Впоследствии в протоколе показаний мутаваллия медресе поземельно-податдому комиссару сказано, что земля была роздана в чеки «даром», т. е. никакой дополнительной оплаты за пользование землей с населения не взималось и, как заявил мутаваллий, херадж и танап с этих земель был единственным источником существования вакфного учреждения³.

¹ Архив ЛО ИНА АНН СССР. Ф. 33 (Куна). Оп.1. Д. 25. Л. 33; *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра. — Тр. ГПБ им. М. Е. Салтакова-Щедрина. Вып. 3. Л., 1955. С. 147–149. А. П. Федченко писал, что кокандский начальник алайских киргизов так часто привлекал ближайшие аулы к всевозможным повинностям, что киргизы предпочитали не подкочевывать близко к кургану. См.: *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. Т. I. Ч. 2. В Кокандском ханстве. СПб., 1875. С. 150.

² ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34194. Л. 11–12.

³ Там же.

«Даровая», как казалось на первый взгляд, раздача земли дехканам объясняется необходимостью огромных усилий, чтобы привести участки в пригодный для обработки вид. Некоторые места «орошенной» Хотамкулом земли требовали настолько большого труда, что не нашлось желающих занять их, поэтому они остались неразобранными в чеки¹. Однако со временем, когда в ханстве все больше стала проявляться нехватка земли и труднообрабатываемые участки земли в местности Найман (Андижанский вилайет) Мусульканкул постепенно заселил, отдавая их в чеки крестьянам².

Приведем еще один пример. По показанию мутаваллия медресе Хотамкула-дадхи в кишлаке Сузак муллы Низамутдина в мае 1890 г., медресе было построено 42 года назад (т. е. в 1848 г.) кипчаком рода Тайльды Хотамкул-дадха Дуст-Батыр-оглы, жителем местности Тюяча (входящей в Метле, Избаскентской волости Андижанского уезда). Хотамкул в то время был батыр-башой (т. е. помощником хакима) в г. Андижане. В Сузак часто приезжал по делам службы, здесь женился на дочери «сарта» Базарбая (тот позже был зарезан в Коканде по повелению всеильного Мусульманкула в 1866 г.).

В 1865 г. Хотамкул пожертвовал землю в вакф. Медресе существовало на херадж и танап, получаемый с урожая земель, входящих в черту вакфского селения Кызыл-Яр³.

При вторичном опросе мутаваллия (в мае в том же 1890 г.) земельно-податным комиссаром Койшевским было уточнено, что при пожертвовании земля представляла сплошной пустырь. Хотамкул «при помощи жителей села Сузака расширил и углубил арыки и «тогда же раздал

¹ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34194. Л. 11–12.

² ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34221. Л. 29–30.

³ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34194. Л. 8–9.

землю в чеки безземельным». Но некоторые участки вакфной земли остались неразобранными, так как «расчистка и приведение в удобный для культуры вид коих представляли большие затруднения».

Таким образом (как вынужден был признать сам мутаваллий), значительная часть вакфа была роздана населению в чеки и очень незначительное количество земель — самых неудобных — оставалось в непосредственном владении медресе. Мутаваллий сообщил, что в первые годы владельцы чеков платили подати не в ханскую казну, а медресе. Первоначально они были небольшие, но с каждым годом запашка возрастала, и вакф медресе мог попасть под налогообложение. Тогда «выборные почетные старики от сел. Сузака отправились в г. Коканд к Худояр-хану с просьбой об освобождении от податей этой вакфной земли», получив от него особую грамоту — иноят-наме¹.

В результате опроса населения выяснилось (11 ноября 1890 года), что Хотамкул землю у сузакцев купил, затем пожертвовал в вакф. Для этого землю оросил, очистил каналы и потом «раздал в чеки даром населению» с условием внесения ими хераджа и танапа в пользу медресе².

По справке поземельно-податной комиссии к даче Кызыл-Яр относилось 121 дес. 1776 кв. саж.³

Вполне вероятно, что земля в чек раздавалась и целым обществом, оседавшим киргизам. В одной из васик на продажу участка земли в местности Караван Наманганского уезда продавцом выступал некий киргиз Курбан Калыкбаев из рода (общины) Тубел-чек⁴ (туб-группа).

¹ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34194. Л. 12.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 32–33.

⁴ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 33517. Л. 94.

В Ассакинской волости был кишлак Янги-чек Кызыл-Аяк¹.

О труде, затрачиваемом на чеках, дает представление прошение жителей Гулихан-чек (Маргиланский уезд) о разрешении поземельного спора. Как писал доверенный шестидесяти домовладельцев, в 70-х годах XIX в. мулла Иса Аулие раздал по приказанию Худояр-хана «пустолежащие солончаковые земли, над которыми они трудились в течение многих лет, стараясь сделать их годными к обработке, что и было достигнуто неимоверными усилиями, и таким образом они обзавелись хозяйством, насадив деревья, построив дома и т. п.»². А позже некоторые лица заявили иск на эту землю. Жители кишлака Гулихан-чек просили разобрать дело.

Для поощрения крестьянам, чеки которые требовали больших затрат труда, предоставлялись некоторые льготы³. Киргизский феодал Алымбек-дадха в 1859 г. «оросил» и раздал в чеки крестьянам 5 тыс. кошей⁴ земли в районе Чин-Абад Андижанского вилайета, хакимом которого он был. Крестьяне-чекчи были обложены поземельной податью в пользу обеленного медресе Алымбека в г. Оше, но по 2 танапа земли при каждом чеке Алымбек освободил от податей⁵. По всей вероятности, освобожденные 2 танапа и являлись той компенсацией за труд, который должны были вложить дехкане в землю, чтобы она давала урожай.

¹ Материалы для статистического описания Ферганской области... Вып. 2. Приложение 1. С. 10–11. Кызыл-Аяк — одно из семи основных подразделений киргизов группы кесек, входившей в состав ичкиликов. См.: *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. — Тр. КАЭЭ. Т. 1. М., 1968. С. 168.

² ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3460. Л. 2.

³ *Наливкин В.* Положение вакуфного дела... С. 13.

⁴ Один кош равен 2–2,5 танапа. Одна десятая состоит из 6 танапов.

⁵ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 12. Д. 647. Л. 3–6.

В этом смысле нужно рассматривать и следующее распоряжение маргиланского бека от 1875 года: «Начальствующим лицам да будет известно: в Акбар-Абаде проведены нами семь арыков. Каждому лицу, выстроившему на земле, орошаемой семью арыками, дом или курганчу, даю в пользование по четыре танапа земли. 1292»¹.

По-видимому, эти четыре танапа являлись полностью или частично освобожденными от поземельного налога приусадебными участками. Размеры самого надела — чека — были различны и нередко зависели от практической возможности крестьянина обработать определенный участок — от наличия в его хозяйстве пар волов (кошей).

В кишлаке Алымбек-чек, основанном на земле киргизского феодала Алымбека, к концу XIX века было 62 хозяйства на 1146 дес. 1110 саж. орошаемой земли, из которой культурными растениями засеивалось лишь 93,1 дес. 190 саж.² Одно хозяйство, следовательно, в среднем имело свыше 18 дес. орошаемой земли. В кишлаке Акбар-Абад-чек на 124 землевладельца приходилось 438 дес. 1605 саж. орошаемой земли³, т. е. в среднем по 3,5 дес. на одно хозяйство. В двух кишлаках Иса-Аулие-чек (один в Шахриханской волости, другой — в Кулинской волости Маргиланского уезда) одно хозяйство располагало около 10 дес., другое — 1,6 дес. орошаемой и 1,2 дес. богарной земли⁴. По приведенным средним цифрам можно судить

¹ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 12. Д. 231. Л. 11.

² Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. 1. Н. Маргилан. 1897. Приложение 1. С. 18–19.

³ Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. 2. Н. Маргилан. 1897. Приложение 1. С. 22.

⁴ Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. 1. Н. Маргилан. 1897. Приложение 1. С. 48–49.

о колебаниях в величине наделов по разным селениям. Наличие крупных наделов — чеков — дает возможность предположить, что они могли обрабатываться, как и большинство феодальных владений ханства, издольщиками.

Лучшие наделы-чеки выдавались правителями в качестве вознаграждений за службу. В одном из документов, адресованных из ханской канцелярии курукчи¹ Мухаммеду Садику, читает: «...О, достопочтенный! Их величество, высказав милость, дали участки-чек благородным махрамам². Всего 30 чек, каждый по пять семей. А посему из дружеского (к вам) расположения посылаю письмо...»³.

Но чаще всего крестьяне, которым раздавались чеки, обязаны были вносить землевладельцу определенную плату за право пользования землей, которая обозначалась определенным термином — ир-хаки⁴. Плата за землю была различна в зависимости от ценности участка в данное время. Даже те чеки, которые первоначально имели некоторые льготы и освобождались от дополнительной подати, со временем стали платить ир-хаки. Уже к 1877 г. дехкане кишлака Алымбек-чек платили за право пользования землей ошскому медресе Алымбека 437 рублей⁵, а к 1884, последнему году пользования медресе доходом с вакфных

¹ Курукчи — охранник и распорядитель ханских «заповедников» — курук. См.: *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра... С. 121–125.

² Махрамы — всадники из эскорта хана. См.: *Хорошихин А. П.* Заметки о Коканде // *Русский инвалид*, 1869. № 75–76; *Туркестанский сборник*. Т. XXIII. С. 195.

³ Цит. по.: *Троицкая А. Л.* «Заповедники» — курук кокандского хана Худояра... С. 146.

⁴ Ир-хаки (узб.) — дословно «право» (на) землю. Земин-хаки — обузбеченное таджикское выражение хаки-замин в том же значении. См.: *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов... С. 199.

⁵ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 22507. Л. 54.

земель Алымбек-чек¹, сумма возросла до 1500 рублей в год², в то время как сумма государственного налога составляла 3139 рублей 72 коп.³

На рубеже XVIII и XIX столетий некий феодал Перимкул оросил земельный массив в местности Макиан Андиганского вилайета и раздал в чеки населению. Затем образованный таким образом кишлак Макиян был пожертвован Перимкулом в вакф медресе его брата Мухаммедкула. Впоследствии (как показал мутаваллий медресе поземельно-податному комиссару Янцыну) «обрабатывавшие земли люди половину дохода отдавали Перимкулу, который в свою очередь отдавал мутаваллиям медресе»⁴. Следовательно, кроме основного поземельного налога херадж в размере 1/5 части урожая дехкане дополнительно выплачивали феодалу-землевладельцу еще 3/10 (1/2–1/5) доли урожая за право пользования землей.

Дополнительные подати, усиленная эксплуатация на землях феодалов разоряли крестьянские хозяйства, препятствовали интенсивности развития земледелия и привели с течением времени к обеднению и запустению земель. Во второй половине XIX в. медресе под угрозой полного разорения своих земель могло собирать только херадж в размере 1/5 части урожая⁵. В конце концов та часть вакфной земли, которая оказалась «совершенно необработанной», т. е. попросту заброшенной⁶, была отобрана у медресе

¹ ЦГА Уз. ССР. Ф. 1. Оп. 12. Д. 647. Л. 3–8.

² ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 33514. Л. 14.

³ Материалы для статистического описания Ферганской области... Вып. 1. Приложение 1. С. 19.

⁴ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34979. Л. 25–26.

⁵ Там же.

⁶ В момент пожертвования земля была обрабатываемой, так как шариат признает только такое пожертвование в вакф имущества, которое приносит доход.

Худояр-ханом, которой вновь «раздал ее для обработки в чек пришедшим с разных сторон людям»¹.

О характере налогообложения земель дают представление дафтары — списки по району Ер-Масчит Маргиланского вилайета, где находились «удельные» земли Худояр-хана. В списках приводятся имена чекчи, количество корзин на право пользование землей (ир-хаки или замин-хаки), взнос по хераджу и количество семян, выделенных на посев².

В налоговых списках записывалось обычно имя старосты группы (туб) или название селения³. А. Л. Троицкая приводят следующие выдержки из дафтатов: «Нияз Мухаммед чекчи гумайлинец: двадцать четыре корзины неочищенного риса (шали) — ир-хаки; две с половиной корзины хераджа; четыре корзины семян. Хал Мухаммед Амин гумайлинец: тридцать две корзины ир-хаки; три корзины хераджа, два черьяка три чаксы⁴ семян поступило в руки крестьян. Из группы (туб) Мир Юсуф чекчи — тридцать шесть корзин неочищенного риса ир-хаки, три корзины хераджа, два чарьяка на семена»⁵. На семена выдавалось, по всей вероятности, отборное зерно, чтобы получить с «удельных» земель лучшие сорта риса.

Список о поступлении риса с издольщиков, работавших на ханских землях, датированный 1291/1875 г., начинается

¹ ЦГА Уз. ССР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 34979. Л. 25–26.

² Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... С. 199.

³ «...Обычно имена издольщиков на ханских землях не вносились в хераджные списки и назывались лишь старосты селений, которым они были подведомственны». См.: Троицкая А. Л. Сагира в Кокандском ханстве (XIX в.). В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 277.

⁴ Чарьяк — мера веса в Кокандском ханстве, около 2 пудов, чакса — 1/16 чарьяка. См.: Давидович Е. А. Материалы по метрологии... С. 106–107.

⁵ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... С. 199.

следующими сведениями: «Карандан Чекчика (?) Халал-бай. Пятьдесят корзин хераджа, исполу (карандан тае) двадцать корзин взял.

Мухаммед Сахиб. Тридцать корзин неочищенного тира — (ир-хаки), три корзины хераджа, исполу получено семь корзин зерна...

Из группы упомянутого Халал-бая: двадцать четыре корзины ир-хаки, две корзины хераджа, исполу поступило три корзины семян»¹. Термин «карандан чекчика» следует, по-видимому, понимать как «издольщики владельца чека», которые использовались на больших наделах и несли основное бремя феодального обложения: налог — херадж, особую плату на надел (ир-хаки), которую чекчи вносил верховному владетелю земли и, помимо всего, издольщик выплачивал обусловленную договором арендную плату, которую присваивал владелец чека.

Чековая форма землепользования имела довольно широкое рас-пространение в Кокандском ханстве. Судить о распространении чеков и наличии крупных земельных владений у киргизских феодалов можно по материалам поземельно-податных работ, в которых фиксировались названия кишлаков по именам их владельцев. Например, в Джалал-Абадской волости кишлак Бадальбай-чек получил название от владельца земли Бадальбая; в основанном им чековом кишлаке к концу XIX в. находилось 159 дес. 845 саж. обрабатываемой земли, у владельца земли Пиратбая было 165 дес. 226 саж. земли; в Нарынской волости Андижанского уезда крупным феодалом был Яркинбай (Джаркинбай), владевший 548 дес. 1200 саж., и др. Но следует принять во внимание, что приведенные в статистических материалах данные не являются точными. Нередко добавление «чек» к названиям кишлаков опускалось.

¹ Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов... С. 200.

Кишлак Алымбек-чек упоминается просто как дача Алымбека, Акбар-Абад-чек зафиксирован как кишлак Акбар-Абад, чековые кишлаки Чуама и Байсакал были записаны просто как вакфные селения Чуама и Байсакал. В списке дач Наманганского уезда вообще нет указаний на чеки, что, конечно, говорит не об отсутствии таковых в Наманганском вилайете, а просто о том, что их не принимал во внимание поземельно-податной комиссар при составлении списков кишлаков.

Резюмируем изложенное: чеки и чековая форма землепользования на территории южной части Киргизии, как и в Кокандском ханстве в целом, явились тем связующим звеном между феодальным землевладением и мелким крестьянским землепользованием, которое в известной степени помогает объяснить причину отсутствия крупных, основанных на барщинном труде, земледельческих хозяйств. Получаемая феодалами постоянная натуральная рента с чековых дежкан (чекчи) делала ненужным ведение своего господского хозяйства.

Приложение

Чековые селения Киргизии XIX в.¹

Административный район и название кишлака	Число землепользователей	Облагаемая земля	
		десятина	сажень
АНДИЖАНСКИЙ УЕЗД			
<i>Алтынкульская волость</i>			
Гафур-чек	39	433	1360
Мадьяр-чек	1130	131	1910

¹ Составлена по кн.: Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. 1. Н. Маргилан. 1897. Приложение 1.

Административный район и название кишлака	Число землепользователей	Облагаемая земля	
		десятина	сажень
Ишан-чек	83	229	990
Автобачи-чек	138	481	2230
Алям-чек	11	23	1175
Балыкчинская волость			
Урман-бек-чек	23	542	1190
Сулейман-бек-чек	18	37	2140
Султан-Мурад-бек-чек	18	186	2200
Ишан-чек	20	216	1740
Джалал-Абадская волость			
Бадальбай-чек	19	159	845
Пиратбай-чек	26	165	226
Курган-Тепинская волость			
Чек-Тура-Яиан	55	364	810
Кокандская волость			
Уста-Ша-Мат-чек	30	172	240
Инги-чек	41	241	900
Нарынская волость			
Чек-Яркимбай	35	548	1200
МАРГИЛАНСКИЙ УЕЗД			
Ассакинская волость			
Чек-Халь-мат-Датха	356	200	1010
Янги-чек-Кизил-Аяк	50	61	950
Чек-Даль-Мат-Датха	65	200	435
Кокан-Кишлакская волость			
Бузахур и иги-чек	96	363	500
Кулинская волость			
Чек-Иса-Аулие	46	191	200
Шариханская волость			
Шифм-бек-ходжа-чек	49	359	575

²¹ Том IX. В. М. Плоских

Административный район и название кишлака	Число землепользователей	Облагаемая земля	
		десятина	сажень
Иса-Аулие-чек	29	269	515
Чек-Шур-Теп	54	261	490
Чек-Озин	20	154	450
Чек-Насреддин-бек	95	313	1830
Чек-Самп-Магаум	123	666	2000
Яккатукская волость			
Иги-чек	99	773	2304
Яз-Яванская волость			
Чек-Рават	32	49	1380
Чек-Курма-кипчак	36	190	530
Чек-Азия	15	377	801
Чек-Дурманча	18	330	2290
КОКАНДСКИЙ УЕЗД			
Биш-Арыкская волость			
Алта-Чек-Курганча	89	224	1110
Чек-Карабуин	34	75	670
Чек-Серан	117	110	1255
Ганджированская волость			
Чек-Нур-Дивана	60	85	1050
Джан-Джалъская волость			
Какыр-чек (иги)-чек	23	66	2300
Заданская волость			
Чек-Мирза-Абад	129	299	1630
Кайнарская волость			
Чек-Джурабек	165	506	540
Чек-Чуулдак	170	659	1000
Канибадамская волость			
Чек-Андаржан	58	67	1800

Административный район и название кишлака	Число землепользователей	Облагаемая земля	
		десятина	сажень
Каракалпакская волость			
Кырк-чек	76	169	1920
Ишак-чек	48	206	850
Кудашская волость			
Малля-хан-чек	124	307	1830
Худояр-хан-чек	118	467	130
Махмуд-Дастарханчи-чек	23	203	570
Джумабай-чек	37	102	2350
Ультарминская волость			
Чек-Хтай	39	57	2060
Чирик-Джижинская волость			
Чек-Ма-Шариф-Саркар	351	510	1512
Чек-Мухаммед-Амин-бек	137	189	2040
Яйпанская волость			
Чек-Мухаммед-Амин-бек	61	224	—
Чек-Нар-Кузы	34	118	1742
Янги-Курганская волость			
Мадамин-бек-чек	245	584	1420
ОШСКИЙ УЕЗД			
Кашгар-Кишлакская волость			
Янги-чек	20	86	110
Дулян-чек	60	209	2000
Батыр-бек-чек	искусственно богарных	орошаемых 296	земель нет 1100
Кузген-ман-Джар-Кой-кольды-чек (богарных)		542	720
Куршабская волость			
Джури-чек — под зимовками и		7	1200

Административный район и название кишлака	Число землепользователей	Облагаемая земля	
		десятина	сажень
Джури-чек — курганчами богарных земель		2131	

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. К вопросу о чековой форме землепользования в Киргизии // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1985.

ЭТНОГЕНЕЗ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КЫРГЫЗОВ

Происхождение кыргызского народа

Уважаемый читатель, попробуйте воссоздать свое генеалогическое древо и вы тут же убедитесь, какую непростую задачу поставили перед собой, поймете, насколько сложна, многослойна проблема происхождения любого народа. Сегодня, пожалуй, невозможно назвать народ, в родословной которого было бы все ясно, и ученые не ломали бы копья в спорах по поводу всевозможных гипотез. Отвечая на один из кардинальнейших вопросов всемирной истории, советский востоковед Л. Н. Гумилев образно заметил: «Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все эти этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать».

Полно загадок и происхождение кыргызского народа. Казалось бы, так просто: в древние времена кыргызы жили на Енисее, а потом перебрались на Тянь-Шань, и все. Но эта простота кажущаяся, потому что народ — это не группа беззаботных туристов, путешествующих из города в город. Многовековые миграции народа всегда связаны с этническими изменениями в его среде. Как их проследить? Письменные источники скудны, но дело даже не в них: одна из основных трудностей в том, что одновременно (или почти одновременно) мы встречаем разные этносы со своеобразной жизнью и специфической культурой, разделенные тысячами километров, но, оказывается, имеющие общее название — «кыргызы». Это вводило в заблуждение многих ученых, до предела накаляло научные

дуэли, и все же сегодня существует несколько гипотез о происхождении кыргызов.

В 1956 г. во Фрунзе состоялась всесоюзная научная конференция по этногенезу (происхождению) кыргызского народа, которая наметила общую тенденцию и пути дальнейшего изучения проблемы. И вот уже более трети века ученые работают в русле этой концепции (о ней ниже), уточняя и конкретизируя лишь отдельные детали.

Итак, что можно теперь сказать о происхождении кыргызского народа? Поинтересуемся прежде, как на этот вопрос отвечал сам кыргызский народ?

В народном эпосе «Манас» юный герой спрашивает отца о происхождении своего рода. Но аксакал в затруднении:

Сказав: «Откуда ты ведешь свой род?»

Сказав: «О своей родословной расскажи,

От кого пошел твой род?

Всех перечисли, (о них) расскажи», —

Мальчик (Манас) расспрашивал о родословной своей,

Стоял и растерянно смотрел Джакып.

Расспрашивал мальчик о предках своих —

Стоял, помрачнев, Джакып и сказал:

«О дитя мое, род твой из тюрок-кыргызов.

Правил предок наш,

Потеснив род кытай,

Растеряли мы свой народ

Тогда, когда в разных местах

Каждый из нас в правителях ходил...

Прародина кыргызов в эпосе не указана, но место рождения Манаса — Алтай и многие события происходят на Алтае (Енисей не упоминается), откуда он с дружинниками возвращается на отнятые недругами у его предков земли, а именно — на Тянь-Шань. Так по эпосу. Однако память человеческая, как известно, существует по своим законам, и ее надо подкреплять документами.

Без сомнения, истоки родословной кыргызов уходят в глубь тысячелетий: этноним «кыргыз» — самый древний из самоназваний современных тюркских народов. Впервые его упомянули письменные источники в конце III в., а точнее — в 201 г. до н. э. Как обозначение отдельного племени (или группы племен) он возник в Центральной Азии далеко от занимаемых ныне народом мест. Прошло немало веков, прежде чем кыргызы обрели родину в нынешних границах.

В настоящее время установлено, что этнонимы гэгунь, гяньгунь, кигу, цигу, гегу, хэгусы, хягасы, встречающиеся в различных китайских летописях, есть разновременные фонетические варианты одного и того же этнонима — кыргыз. Являясь самоназванием народа, в несколько отличающихся, но созвучных фонетических вариантах, он встречается в древнетюркских («кыргыз» — VIII в.), греческих («херхис», «херхир» — VI в.), арабо-персидских («кергис», «хиргиз», «кыргыз», «хырхыр» и др. — IX–XIII вв.) источниках. Народная этимология термина «кыргыз» уводит нас к легенде о происхождении кыргызского народа от сорока («кырк») девушек («кыз»).

Научная трактовка, естественно, отличается от простонародной: числительное «кырк» — сорок плюс окончание множественного числа «-ыз», т. е. «сороковики», «народ сорока племен»; числительное «кырк» — сорок плюс «юз» («джуз») — сто, сотня, что означает «сорокасотенный народ»; прилагательное «кырг, кыргу» — красный (древнетюркское) плюс окончание множественного числа «-ыз», т. е. «рыжий» народ, племя.

Ни одна из предложенных расшифровок еще не получила единодушного признания специалистов. Дискуссия по этому поводу продолжается. Здесь необходимы дальнейшие научные поиски и не только историков, но и филологов, лингвистов, фольклористов и других специалистов.

В результате широкого обмена мнениями между крупнейшими специалистами разного профиля АН СССР, АН Киргизской ССР и научных учреждений других братских республик на упомянутой уже научной сессии было сделано заключение: «Киргизский народ и его культура сложились... в результате взаимодействия, по меньшей мере, двух этнических элементов: центральноазиатского и местного — средне-азиатского. Один из важнейших «узловых» моментов этногенеза киргизского народа, ближайший по времени, связан с событиями первой половины второго тысячелетия нашей эры. В эту эпоху на территорию Киргизии проникает с Востока значительное большинство предков современных киргизов, говоривших уже на сложившемся киргизском языке... Начиная с указанной даты, которая должна быть уточнена в дальнейшем, киргизы становятся численно преобладающей группой населения на территории Киргизии, чего ни в коем случае нельзя сказать по отношению к более ранним эпохам».

Судя по названию, киргизы уже в конце III в. до н. э. были тюркоязычны и, наряду с другими племенами, составляли своеобразную протюркскую этническую и культурную питательную среду Центральной Азии и Южной Сибири. Первоначально они занимали территорию северо-западной Монголии, возможно, в районе озера Кыргыз-нор, а затем переселились на реку Енисей в Минусинскую котловину, где, как сообщают письменные китайские источники, перемешались с динлинами. Расовый облик киргизов того времени неизвестен, динлины же являлись представителями древней европеоидной расы Центральной Азии. Однако ряд ученых полагает, что в среде динлинов, по крайней мере с I в. н. э., были и тюркоязычные племена.

Наглядное представление о сложности этнокультурных процессов в Минусинской котловине дают и археологические материалы. В так называемой таштыкской археологической культуре, особенно на ее заключительном

этапе (III–V вв.), наряду с традиционными, отмечаются элементы центральноазиатского происхождения, связанные с переселением кыргызов. Кроме того, в формировании таштыкской культуры, помимо динлинов и кыргызов, как предполагается, участвовали переселенцы из Тувы, носители кокельской культуры, этническая принадлежность которых окончательно не выяснена. Большинство же исследователей относят их к гуннским племенам. Только в III–V вв. местные и привнесенные извне компоненты сплотились и составили основу культуры енисейских кыргызов, а конгломерат пришлых и местных племен стал этнической основой формирования енисейских кыргызов.

Как уже отмечалось, этническая история раннесредневековых енисейских кыргызов в письменных источниках освещена крайне недостаточно. Но все же известно, что их государство представляло собой сложную общность, состоящую из этноса-элиты, которую представляли собственно кыргызы, а также ряда подвластных им горно-таежных племен (упоминается, в частности, племя дубо). Кроме общего этнонима, известны названия племен кыргызов — «доблестный народ булсаров», «народ ач» и кэштим. Отличительными чертами кыргызов того времени были рыжие волосы, голубые глаза и румяное лицо.

Судя по археологическим материалам, кыргызская культура VI–VII вв., развиваясь на основе традиционной таштыкской, сохраняла обособленность от культур остальных регионов древнетюркского мира. Но с начала VIII в. ощущается сильное влияние культуры алтае-телеских тюрок, что достаточно убедительно отразилось в особенностях погребального обряда и сопроводительного инвентаря, в письменных источниках, подтверждающих активные широчайшие связи кыргызов с тюрками, тюргешами, карлуками, чиками и другими древнетюркскими народами. Тюркокыргызские браки стали обычными в период подчинения кыргызов Второму Тюркскому каганату (с 711 г.

и максимум до 730 г.). Начался процесс «тюркизации» традиционной кыргызской культуры, который усилился в последующее время.

Связи кыргызов достигли пика активности на огромной территории в эпоху «великодержавия» (IX—X вв.). Разгромив уйгур, кыргызы заняли Центральную Азию, а со временем их военные отряды устремились на север, восток и запад. Часть их расселилась на захваченных землях и ассимилировалась местным населением. Это привело к образованию ряда кыргызских субэтносов, что подтверждают археологические материалы.

Ученые насчитывают шесть локальных вариантов культуры кыргызов IX—X вв.: минусинский, тувинский, алтайский, восточно-казахстанский, красноярско-канский и прибайкальский. Всем им присущи как общие черты, так и отличия, возникшие в результате адаптации к культурным особенностям местного населения. Эти шесть вариантов продолжали существовать и после завершения экспансии кыргызов. Регионы, где расселялись новые этнические образования, явились основными местами распространения кыргызского влияния на соседние народы. Начиная с эпохи «великодержавия» и позже племена с этнонимом «кыргыз» появляются в составе многих тюркоязычных народов — от якутов Прибайкалья до башкир Приуралья,

В основных чертах древняя и средневековая история происхождения народов Семиречья и Тянь-Шаня изучена довольно полно. В I тыс. до н. э. она характеризовалась объединением в одно целое потомков населения эпохи поздней бронзы различных ираноязычных сакских племен, большая часть представителей которых по внешнему облику принадлежала к европеоидному памиро-ферганскому типу. Только на отдельных черепахах антропологи прослеживают следы монголоидности центральноазиатского происхождения, причем на женских чаще, чем на мужских.

Это свидетельствует об исторически недавнем, механическом смешении двух расовых типов.

Со II в. до н. э. процессы консолидации и интеграции протекали в рамках Усуньского государства. Пока языковая принадлежность усуней не выяснена, хотя многие ученые считают их ираноязычными, но есть и сторонники тюркоязычности. Потомками усуней, которые внешне резко отличались от остального населения Средней Азии, считают рыжебородых и голубоглазых тюрок. В государстве усуней преобладают восточно-ираноязычные саки и юэджи (тохары), значительно увеличивается монголоидный компонент. Отдельные племена древних саков и усуней в какой-то мере послужили пластом, вошедшим позже (через ряд трансформационных процессов) в состав кыргызской народности.

В целом этнический процесс в Семиречье и Тянь-Шане в I тысячелетии н. э. развивался в направлении тюркизации ираноязычного населения, которая связана с вторжением сюда гуннских и родственных им племен. Тюркизация усилилась со времени образования Тюркского каганата. В VI–VIII вв. на Тянь-Шане происходило постоянное общение трех социально и политически неравноправных этнических массивов: тюркских племен, недавнее прошлое которых было связано с Центральной Азией; дотюркского автохтонного скотоводческого населения — потомков сако-усуньских племен, частично тюркизированных гуннами, и согдийского (восточноиранского) населения, переселившегося в Семиречье из оазисов Средней Азии.

Этнические контакты и взаимовлияния в VI–VIII вв., хотя и имели общую направленность тюркизации автохтонного скотоводческого и в какой-то мере оседло-земледельческого (согдийского населения), протекали медленно. В большей степени она затронула знать, чем рядовое население. Так, в согдийской среде распространились тюркская феодальная титулатура, одежда, вооружение, обычай заплетать

волосы в косы. Судя по коллекции документов с горы Муг, согдийские писцы усвоили тюркскую лексику.

Среди местного населения распространялись тюркские обычаи и поверья: в катакомбных погребениях обнаружены захоронения с конем, унифицированный «под тюрок» погребальный инвентарь. Но неизмеримо большим было обратное культурное влияние: тюрки в VI в. восприняли согдийское письмо и на основе его создали собственную (руническую) письменность. Письменные источники отмечали браки между тюркской и согдийской знатью. На первом этапе этнических процессов (VI–VIII вв.) еще не исчезли ни племенные, ни культурные, ни языковые, ни расовые различия. Но мы уже встречаем здесь названия ряда племен, которые позже оказались в генеалогической таблице родоплеменного состава кыргызов.

Переселение на Тянь-Шань и в Семиречье новой массы тюркоязычных скотоводов карлуков (746–766 гг.) не изменило основного направления, но значительно ускорило течение этнических процессов. Карлуки, а также входившие в их состав чигили и ягма частично изгнали огузские племена за пределы Семиречья, других потеснили, отняв у них лучшие пастбища. В результате к IX в. полностью исчезает культура автохтонного скотоводческого населения, хоронившего покойных в катакомбах и подвоях. Зато подобные погребения обнаружены в Краснореченском, Ак-Бешимском, Беловодской крепости, других городах и поселениях, где они соседствуют с традиционными погребальными сооружениями согдийского оседло-земледельческого населения. На городских кладбищах появляются типичные для тюрок погребения с конем. Это значит, что докарлуковское население оседало в городах и поселениях, и они быстро разрослись. Оседлые поселения возникают даже в глубинных районах Тянь-Шаня, где их прежде не было (Джумгал, Чаткал). В IX–X вв. оседлыми становятся и представители племен из карлуковского объединения:

красноречивое свидетельство тому — названия городов Ягма, Джикиль и Карлук.

Поселившиеся в городах скотоводы попадали в совершенно незнакомую среду. Совместное проживание тюрков и согдийцев не могло не привести к интенсификации этнических процессов и культурного взаимовлияния. Оказавшись в зоне мощного воздействия согдийской цивилизации, турки-горожане стали исповедовать манихейство¹ и христианство, а некоторые из вновь обращенных со временем даже возглавили согдийско-тюркские религиозные общины и епархии. Приобщение к городской цивилизации быстро меняло этнический и культурный облик бывших скотоводов.

Таким образом, в IX—X вв. в Семиречье и на Тянь-Шане полностью завершился процесс тюркизации автохтонного скотоводческого населения, который перешел в новую фазу — тюркизацию земледельцев, закончившуюся через полтора-два столетия.

В эпоху Караханидов Семиречье и Тянь-Шань всецело оказываются под сильным влиянием более чем полутора-тысячелетней культуры оазисов Средней Азии и Кашгара. Утвердилась новая религия — ислам, и регион стал частью огромного мусульманского мира. В середине XI в., как об этом свидетельствует Махмуд Кашгари, основными носителями оседлой культуры являлись тюрки. Ученый был свидетелем завершения процесса ассимиляции согдийцев в Северном Притяньшанье: «Жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски. Так же жители Тараза и Белого города (Исфиджаб, близ современного Чимкента)». Среди согдийцев уже не было таких, которые говорили только по-согдийски. Они «выглядели как тюрки и приняли их обычай», — констатирует Махмуд Кашгари.

¹ Манихейство — религиозно-философское учение, возникшее в III в. н. э. в Иране и основанное на борьбе добра и зла, света и тьмы, требовало строжайшего аскетизма.

Параллельно с тюркизацией в X–XII вв. разрушались былое единство и солидарность тюркских племен. Едва ли можно считать случайным, что в сочинении Юсуфа Баласагуни характеризуются не те или иные племена, а различные социальные группы караханидского общества. Это отнюдь не означало полную детрибализацию общества и усвоение надплеменной государственной традиции. Племенное и родовое деление продолжало сохраняться, однако ни одно из тюркских племен в государстве не занимало привилегированного положения. Племена были рассредоточены, мелкие присоединялись к более крупным и теряли свое этническое лицо. Крупные объединения утрачивали племенную солидарность. Ничего, кроме этнонима, например, не связывало чигилей, кочевавших в Илийской долине и вокруг оз. Иссык-Куль, с жителями го рода Чигиль в Таласской долине, поселившимися там в столь отдаленные времена, что Махмуд Кашгари приписал постройку их города Александру Македонскому.

Таким образом, одна из тенденций этнического развития в XI–XII вв. заключалась в замене родоплеменных связей территориальными, что нашло свое политическое выражение в удельной системе.

Формирование единого тюркского литературного языка, который назывался «бограхановским» или «хаканийским» и отличался от речи туркмен, огузов, чигилей, ягма и кыргызов, в значительной степени сплотило тюркские племена. Все известные ему тюркские языки Махмуд Кашгари делит на две группы: чистые, несмешанные, правильные языки и смешанные, неправильные, порченые. Самый «чистый» язык был у семиреченских племен тухси и тянь-шаньских ягма, которые вели кочевой образ жизни, а «порченные» — у горожан и тех тюркских племен, которые постоянно общались с ними, так как в городах вместе с тюрками жили согдаки и кенджаки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты.

В итоге этнических изменений на Тянь-Шане и в Семиречье в XI—XII вв. образовалась тюркоязычная этносоциальная общность с обозначившимися надплеменными признаками, одним из проявлений которых стало формирование литературного языка, единого для всей восточной части Средней Азии. Процесс развития этой общности и образования на ее основе народности прервало монгольское нашествие.

Итак, вплоть до начала XIII в. на территории современного Кыргызстана формировалась тюркоязычная этническая общность, генетически не имеющая ничего общего с кыргызами Южной Сибири, даже если учесть то обстоятельство, что в эпоху великодержавия (IX—X вв.) кыргызы заняли Восточный Тянь-Шань и подошли вплотную к границам Семиречья.

Здесь особое значение приобретает вопрос: долго ли кыргызы пробыли в Восточном Туркестане и в долине р. Или? Ответ на него связан с длительностью кыргызского великодержавия, которое, как отмечают большинство ученых, было сравнительно недолгим: уже в X в. основная масса кыргызов вернулась из Центральной Азии на Енисей. По всей видимости, в это же время они также ушли из Восточного Туркестана и пределов Семиречья. По крайней мере, во второй половине X в. войска Караханидов, достигшие в своих восточных и северо-восточных походах Таримской впадины (г. Куча и р. Иртыш), не встречали кыргызов ни в качестве врагов, ни в качестве союзников.

Это загадка, от ответа на которую зависит общая историческая оценка дальнейших судеб кыргызского этноса как в Средней Азии, так и в Южной Сибири. Тем не менее, как и двести лет назад, никто не может осмелиться сделать вывод. Правда, уже в XVIII в. высказывалось предположение о тождестве предков тянь-шаньских кыргызов с кыргызами Енисея, и оно свыше ста лет вполне соответствовало уровню развития исторической науки, так

как было простым, стало привычным. Однако и тогда возникла мысль, что енисейские и тянь-шаньские кыргызы не имели ничего общего (Ч. Валиханов). В конце XIX в. впервые состоялась острая дискуссия между В. В. Радловым, убежденным сторонником переселения енисейских кыргызов, и Н. А. Аристовым, обосновавшим автохтонность происхождения кыргызов Тянь-Шаня.

В. В. Бартольд, автор первой книги о кыргызах, считал, что переселение кыргызов на Тянь-Шань происходило не в эпоху «великодержавия», а гораздо позже. Археолог А. Н. Бернштам в ряде своих работ обосновал гипотезу о поэтапном, растянувшемся более чем на тысячелетие переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань. Однако эта гипотеза не получила признания в дискуссии и решениях специальной сессии, занимавшейся проблемой этногенеза кыргызского народа. Сложившуюся ситуацию наиболее точно охарактеризовал этнограф С. М. Абрамзон: «Если в настоящее время давно стала очевидной невозможность отождествления енисейских и тянь-шаньских кыргызов, то столь же очевидна необоснованность полного отрицания и некоторых этногенетических связей между ними».

Первый шаг вперед в затянувшейся дискуссии сделал К. И. Петров, выдвинув положение о промежуточной зоне между Енисеем и Тянь-Шанем, которая находилась в Обь-Иртышском междуречье. Там и смешивались кыргызские, кимакские и другие племена, а вновь образовавшийся этнический субстрат с этнонимом «кыргыз» переселился на Тянь-Шань в XIII–XV вв. С критикой идеи выступил О. Караев, который продолжал отстаивать точку зрения о переселении на Восточный Тянь-Шань енисейских кыргызов еще в IX–X вв. Мысль о возможности проникновения военных отрядов кыргызов в Чуйскую долину, не связывая это проникновение с массовым переселением, высказал ленинградский ученый Д. Г. Савинов.

Гипотезу о промежуточной зоне развил С. М. Абрамзон, полагавший, что на территорию современного Кыргызстана переселились не преимущественно енисейские кыргызы, а в основном тюркоязычные племена, обитавшие ранее в Восточном Притяньшанье, отчасти в Прииртышье и на Алтае. Ряд новых предложений относительно происхождения кыргызов внесли авторы первого тома пятитомной «Истории Киргизской ССР», обосновав положение об изменении сущности термина «кыргыз», который в IX–X вв. и позже стал не столько этнонимом, сколько этнополитонимом: термином «кыргыз» обозначались не главным образом кыргызские по происхождению племена, но и другие, которые им подчинялись. Промежуточной зоной формирования кыргызского народа, по их мнению, стала область с названием Кыргыз, находившаяся на Алтае и в Прииртышье.

Как видно, проблема взаимоотношений енисейских и тянь-шаньских кыргызов еще не прояснилась окончательно. Поэтому и по сей день продолжается дискуссия между сторонниками гипотезы о прямом переселении енисейских кыргызов, как уже сложившейся народности, в IX в. на Тянь-Шань и сторонниками новой концепции о сложении кыргызской народности в результате слияния местных, древнетюркских и монгольских племен с пришлыми кыргызскими племенами, переместившимися на Тянь-Шань в середине XV в. с Алтая и из Прииртышья.

Представляем концепцию авторов главы об этногенезе кыргызского народа первого тома четвертого издания «Истории Киргизской ССР», которые придают важное значение промежуточному, алтайскому этапу этногенеза кыргызского народа (X–XIV вв.), сыгравшему решающую роль в становлении центральноазиатского протоядра кыргызского этноса.

В настоящее время перспективной представляется идея о промежуточной между Енисеем и Тянь-Шанем

²² Том IX. В. М. Плоских

территориальной зоне, где в IX–XI вв. расселялись енисейские кыргызы и, взаимодействуя с местными народами, в течение последующих веков обрели свое новое этническое лицо. Такой зоной могли быть Восточный Тянь-Шань, Джунгария или Алтай, включая и монгольский Алтай. На наш взгляд, ключ к решению проблемы могут дать кыргызские эпическое наследие и лингвистика: во всех вариантах эпоса «Манас» родиной героя назван Алтай; современный язык кыргызов входит в одну группу с языком алтайцев, но совсем не в ту, в которую включены языки древних енисейских кыргызов, хакасов и тувинцев.

Видные языковеды Б. М. Юнусалиев, И. А. Батманов, Б. У. Орузбаева убедительно доказали, что язык алтайцев предельно близок и является генетическим предшественником современного кыргызского языка. Новейшие исследования его истории Э. Р. Тенишевым показали, что переломным моментом в развитии был алтайский этап. В общей классификации тюркских языков язык кыргызов, алтайцев и казахов входит в одну группу, а язык енисейских кыргызов, хакасов и тувинцев — в другую. Это свидетельствует о том, что основное ядро переселившихся на Тянь-Шань в XV в. кыргызов и алтайцев долгое время проживало на одной (или соседних) территориях.

Падение Уйгурского каганата (840 г.) дало толчок образованию не только кыргызской державы, но и соперничавшего с ней каганата кимаков с центром на Иртыше, поэтому определяющими этнокультурными связями в IX–X вв. стали контакты кимакской (сросткинской) и кыргызской культур на Алтае, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники. Анонимный арабский источник X в. «Худуд ал-алам», описывая располагавшиеся к западу от собственно кыргызов племена кыштымов, отмечает: «Кесим (кыштым) — название другого народа, также из хырхызов, (они) поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один

из хырхызских народов, их речь ближе к халлукской (карлукской), а по одежде они напоминают кимаков». Описаны и другие «разновидности хырхызов», вплоть до курыкан Прибайкалья, которые были тоже из кыргызов, но «не смешиваются с прочими хырхызами... их языка другие хырхызы не понимают».

Анализ источника позволяет сделать по крайней мере два важных вывода. Во-первых, термин «кыргыз» в X в. приобретает не только этническое, но и политическое значение. Кыргызами теперь называют и племена на р. Енисей, которые являлись кыргызскими по своему происхождению, и другие тюркоязычные племена, вошедшие в государство кыргызов. Этноним, как это было принято в Центральной Азии со времен гуннов, стал этнополитонимом. Во-вторых, этнокультурное влияние кыргызов на Горный Алтай и несколько западнее его наглядно подтверждают археологические материалы.

При распаде государства кимаков, как отмечено в «Худуд ал-алам», выделилась область Кыргызхан, обычай населения которой «немного похожи на кыргызов». Эту область исследователи локализуют в различных местах, наиболее обоснованным из которых является предположение казахского ученого Б. Е. Кумекова, связывающего ее с Тарбагатаем. В связи с этим обращает на себя внимание предание в источнике XVI в. «Маджму ат-таварих», согласно которому одна из областей кыргызов именовалась Кыркыры (Каркары). Примечательно, что поминки по одному из героев эпоса «Манас» — Кокетей-хану — кыргызы отмечали в местности Каркара.

Расселение группы енисейских кыргызов в Горном Алтае и Прииртышье подтверждают археологи. В Горном Алтае кыргызские погребения по обряду кремации отмечены в могильниках Узунтал, Карболиха (IX—X вв.), Чарыш, Яконур, Акташ (XI—XII вв.), в Прииртышье — Гилево, Камышинское, Зевакино, Мечеть (IX—X вв.). Одно погребение

кыргыза IX–X вв. обнаружено в Илийской долине (Текели). О взаимовлиянии с местными алтайскими племенами свидетельствуют расположение кыргызских и кимакских погребений на одном могильном поле и похожесть погребального инвентаря. Заметим, что кыргызских погребений на территории Алтая и Прииртышья по сравнению с могилами местных племен намного меньше, и это отражает реальное соотношение пришлого и местного населения, так как происходил процесс «кыпчакизации» их культуры. К XII в., по свидетельству Марвази, средневекового историка, он зашел настолько далеко, что кыргызы, обитавшие вне пределов своей родины на Енисее, отказались от обряда кремации и перешли на захоронение умерших. В XIII в. здесь было отдельное владение, которое историк Рашид ад-дин назвал Кыргыз. В XII в. группа кыргызов обитала и в Монгольском Алтае. Именно она оказала сопротивление кара-китаям при их движении на р. Эмил.

Таким образом, в Горном Алтае и в примыкающем к нему Прииртышье (включая истоки реки) в течение IX–XII вв. сложилась тюркоязычная этническая общность из енисейских кыргызов и местных тюркоязычных племен, входивших в кимакско-кыпчакскую группировку. В культурном отношении они уже мало чем походили на коренных енисейских кыргызов, но сохраняли общее самоназвание «кыргыз». В этой этнической среде вполне могло существовать и двойное название «кыргыз-кыпчак», зафиксированное в эпосе «Манас».

Нашествие монголов привлекло на территорию Кыргызстана монгольские и подвластные им южносибирские тюркские по происхождению племена, которые частично вытесняют, частично ассимилируют местных тюрок. Оседло-земледельческое население вынужденно покидает разоренные города. О собственно кыргызах XIII–XIV вв. сведений крайне мало, только известно, что в 1260 г. в стране Кыргыз учредил свою ставку монгольский царевич

Арик Бука, враждовавший со своим верховным ханом. Затем области Енисея и Алтая вошли в государство Хайду, административный центр которого находился в Чуйской долине. Конец XIII в. был очень тяжелым для кыргызов: монгольские феодалы неоднократно переселяют множество кыргызских семей с их родины в Маньчжурию, Монголию и Китай.

В истории монгольской династии Юань под 1295 г. отмечено, что часть кыргызов, занимавших Горный Алтай, тоже переместили в провинции Шаньдун. Земли Прииртышья и Алтая, которые прочно удерживал Хайду, позже стали северо-восточными пределами Моголистана. Проследить этническую историю моголистанских кыргызов чрезвычайно трудно, так как в XIV—XV вв. мусульманские авторы зачастую обозначали их общими терминами «чагатаи», «джете» или «моголы», а лучший знаток истории народов Моголистана, могол по происхождению Мухаммед Хайдар, прямо писал: «Кыргызы тоже из могольских племен». Однако он же отметил: они держались обособленно от остальных могольских племен, потому что еще не приняли ислам, «как прежде, оставались во власти неверия». Кыргызы жили в удаленных от культурных мусульманских центров высокогорных лесных районах страны, тогда как значительная часть моголов жила в городах Восточного Туркестана.

Во второй половине XV в. Моголистан пришел в упадок из-за постоянных усобиц и опустошительных набегов соседей. На землях Семиречья и Тянь-Шаня значительно сократилось население. Воспользовавшись этим, кыргызы стали постепенно занимать их, а к 1510 г., как писал Мухаммед Хайдар, «никто из моголов не мог оставаться в Моголистане из-за кыргызов».

Приблизительное время переселения кыргызов на Тянь-Шань может быть установлено только на основании сообщения китайского источника «Си-юй чжи» («Описание

Западных земель»), составление которого завершилось в 70-х годах XVIII в. «Поскольку народ из-за тесноты не мог разместиться, — сообщают цинские чиновники, воспроизводя рассказы кыргызских старейшин, — подняли воинов на завоевание окраин. Они все простолюдины, не выдержали отпора и пришли в смятение от трудностей и опасностей и разбежались в разные стороны. Сейчас уже прошло более 330 лет с тех пор, как они бежали от беспорядков и в горах (Тянь-Шаня) нашли приют». Как видно из текста цитированного источника, хронологические рамки этих событий, связанных с перемещением кыргызов из отдельных лесных районов Моголистана в Притяньшанье, относятся примерно к середине XV в.

По сведениям известного знатока кыргызской генеалогии, автора рукописи «Кыргыз тарыхы» («История кыргызов») Белека Солтоноева, примерно к середине XV в. относится также рождение легендарного родо-начальника кыргызских племен «онг канат» — «правого крыла» Тагай-бия. Со ссылкой на недошедшее до нас сочинение «Джаваб-намэ» (1825–1830 гг.), Белек Солтоноев пишет, что Тагай-бий родился около 1460–1470 гг. в местности Сары-Бел, недалеко от города Ош.

Таким образом, зафиксированные в независимых друг от друга источниках «Си-юй чжи» и «Джаваб-намэ» генеалогические предания самих кыргызов однозначно указывают на вторую половину XV в. как важнейший этап в истории кыргызского народа, связанной с территорией Тянь-Шаня.

Сама по себе эта крупная политическая акция, предопределившая необходимость освоения и подчинения новых земель, расселения на этих землях и коллективной защиты вновь обретенной территории, с одной стороны, способствовала более яркому проявлению ощущения этнического единства, с другой — требовала создания действенной этнополитической ситуации среди кыргызских

племен Тянь-Шаня во второй половине XV в. В «Си-юй чжи» сообщается: «Когда они (кыргызы) впервые проникли в горы (Тянь-Шаня), не позволяли соединенным отрядам распыляться, а в соответствии с обстановкой пользовались пастбищами в горных долинах, куда проникли первоначально. Специально выделили места кочевий и по местам кочевий и названиям гор именовали каждое племя».

Решающим моментом в процессе формирования кыргызского народа явилось возрождение унаследованной от древних тюрков дуальной этнополитической организации — «онг канат» («правое крыло») и «сол канат» («левое крыло»), с возникновением которой мы можем говорить о восхождении этнической истории собственно кыргызских родоплеменных объединений и местных древнетюркских и могольских племен к новой фазе — фазе сложения кыргызской народности.

О времени создания подобной дуальной системы у кыргызов сообщается в упомянутом китайском сочинении: «Постепенно население увеличилось; всем охоты не хватало и по этой причине среди них поднялась борьба за землю. От разладов никто пользы не добился. 220 лет тому назад они сообща вели мирные переговоры и разделили население на равные части. Выделили два подразделения, выбрали из богатых двух предводителей, каждому указали владения: земли, реки, горы. Разделились на две ветви — северную и южную. Южная называлась — отуз-огул, северная — кыргыз. Именование ветви является названием изначально главного племени. Каждая делилась внутри на ветви».

Хронологические указания о создании такой дуальной системы у кыргызов, полученные маньчжурскими чиновниками Восточного Туркестана после опроса кыргызских старейшин и знатоков генеалогии, могут быть отнесены к началу XVI в. Они свидетельствуют о начале важнейшего этапа этнической и социально-политической истории

кыргызских племенных объединений, организованных теперь не только по принципу кровнородственных связей, но и в рамках более жесткой структуры территориально-политической организации.

Другое предание о происхождении кыргызов и возникновении у них дуальной организации зафиксировано в анонимном сочинении под названием «Шаджарат ал-атрак», представляющем собой переработку недошедшей до нас рукописи «Тарих-и арба-и улус», обычно приписываемой Улугбеку.

При изложении легендарной истории тюрко-монгольских племен автор «Шаджарат ал-атрак» рассказывает следующее предание. Через тысячу лет после смерти Огуз-хана, во время правления Ильхана ибн Тенгиз-хана, Шах Афридун-Тур ибн Фаридун с многочисленным войском отправился в Мавераннахр и Туркестан. Тогда Суюнч-хан, который был восьмым правителем татар, воспользовавшись удачным моментом для отмщения потомкам Огуз-хана, соединился с Туром ибн Фаридуном и они вместе напали на Ильхана. В жестоком сражении моголы были разгромлены и полностью уничтожены. Живыми остались только сын Ильхана Кыян и его племянник Нокуз, а также две женщины, которые скрывались в горах Эркене-Кун. Позже от их потомства произошли монголы (Кыят и Дарлекиен). «По другим рассказам, — продолжает анонимный автор, — во время поражения из народа моголов сорок девушек бежали в одном направлении и тридцать юношей бежали в другом направлении. От потомков тех сорока девушек произошли кыргызы, а от потомков тридцати юношей отуз-огулы произошли». Хотя легенда о поражении моголов во главе с Иль-ханом от войска Шаха Афридун-Тура и татарского правителя Суюнч-хана с разной степенью полноты приводится почти во всех трудах мусульманских авторов по всеобщей истории, но упомянутую легенду о происхождении кыргызов и деление их

на две ветви — кыргыз и отуз-огул — мы находим только в «Шаджарат ал-атрак».

Очевидно, это связано с тем, что время написания «Шаджарат ал-атрак» хронологически совпадает с эпохой завершения формирования кыргызской народности на Тянь-Шане во второй половине XV — начале XVI в., в рамках дуальной этнополитической структуры «онг» — «правое крыло» и «сол» — «левое крыло».

Таким образом, если китайский источник фиксирует реальное деление родоплеменной структуры кыргызов на «кыргыз» («правое крыло») и «отуз-огул» («левое крыло»), то анонимный автор «Шаджарат ал-атрак» пытается объяснить, каким образом и когда произошло подобное деление. Очевидно, при этом была принята за основу народная этимология этнонима «кыргыз» — «сорок девушек», которая была весьма распространена среди как кыргызского народа, так и других, соседних народов Средней и Центральной Азии.

В «Маджму ат-таварих» Сайф ад-дина Ахсикенди возникновение «онг» — «правого крыла» и «сол» — «левого крыла» связывается с борьбой кыргызов Андижана против кара-китаев в XII в., а само создание этой дуальной организации приписывается прибывшему из Багдада Иمامу Ибрахиму. «Имам пошел и овладел Минг-Джубой, сделал (эту область) мусульманской), отдал Минг-Джубу Лур-хану, а Андуган Лур-бузургу; правому крылу дал название онг, левому — сол. Создание у кыргызов правого и левого крыла было делом Имама Ибрахима Султан Заранджиша. (Это) было в 521 (1127 г.), когда Имам Ибрахим Султан Малик Заранджиш завоевал Касан».

Хронологические указания Сайф ад-дина Ахсикенди относительно времени возникновения этой организации в свете рассмотренных выше сведений более достоверного источника «Си-юй чжи» представляются весьма преувеличенными. Очевидно, автор «Маджму ат-таварих» специально

приписывает это чрезвычайно важное в жизни кыргызского общества событие одному из генеалогических предков суфийских шейхов Касана Иمامу Ибрахиму Заранджишу с целью упрочения позиции суфийских шейхов Ферганы среди кыргызских племен.

К тому же дуальная структура, столь характерная форма социально-политической и этнической организации кочевых народов Средней и Центральной Азии, ничего общего с исламской религией не имеет и возникла намного раньше, чем Арабский халифат.

Возникнув в глубокой древности из нужд военного построения, эта система вскоре превратилась в постоянный военно-административный принцип этнополитической организации формировавшихся народностей кочевников Центральной Азии. Впервые проявившись в законченной форме на первых же этапах образования империи гуннов в III—II вв. до н. э., дуальная этническая структура наиболее полное развитие получила в тюркских и уйгурских каганатах. Особенно ярко все элементы этой структуры проявились в Западно-Тюркском и Тюркешском каганатах, а легендарные сказания огузов приписывают создание дуальной системы прародителю западнотюркских племен Огуз-хану, разделившему громадный огузский эль на учуков и бузуков.

Так или иначе, дуальная этнополитическая организация (структура военно-административной организации) имела прочные корни в социально-политической и этнической истории тюркоязычных племен Центральной Азии и проявлялась в большинстве случаев вместе с созданием новой государственной общности, с появлением новой господствующей этнополитической группировки.

Почти одновременное появление в сочинениях среднеазиатских авторов XVI в. — «Шаджарат ал-атрак» и «Маджму ат-таварих» — легендарных преданий о возникновении у кыргызов реально существующей в это время дуальной организации (кыргыз и отуз-огул или «онг» и «сол»)

и следует рассматривать как попытку в доступной форме объяснить жителям западных областей Средней Азии происхождение сравнительно новой этнополитической общности — кыргызского народа, самостоятельное существование которого в северо-восточных районах Средней Азии в конце XV — начале XVI в. стало реальным фактом.

Разумеется, процесс разделения кыргызских родоплеменных объединений на два «крыла» начался в результате действия определенных экономических, политических, этнических, демографических и географических факторов. В плане этническом создание дуальной организации диктовалось необходимостью консолидации всего населения Кыргызстана под властью кыргызских племен. На существование определенного демографического фактора намекает сообщение китайского источника о том, что «постепенно население увеличилось, всем охоты не хватало, и по этой причине среди них поднялась борьба за землю». Несомненно, этот фактор создавал определенную напряженность внутри еще аморфного общества и также требовал создания соответствующей организации, способной своевременно уладить возникающие внутренние конфликты.

С другой стороны, политическая самостоятельность Кыргызстана, определившаяся после падения государства Моголистан в начале XVI в., способствовала дальнейшему развитию внутренних хозяйственно-экономических и этнических связей. Вместе с тем связи между северными и южными районами, разделенными мощными отрогами Тянь-Шаня, развивались гораздо медленнее, чем внутри этих двух областей. В то же время родоплеменные объединения, входившие в «правое крыло», в большей степени тяготели к городам Восточного Туркестана, тогда как племена «левого крыла» экономически были тесно связаны с оседлыми районами Ферганской долины.

На разделение кыргызских племен на «онг» — «правое крыло» и «сол» — «левое крыло» исходя из географического

фактора указывают и сообщения Белека Солтоноева. Северные и южные кыргызы разделились на две ветви (во времена Тагай-бия). Границей между ними стали горы Ала-Тоо (Тянь-Шань). Тем племенам, которые проживали на правой стороне (северные склоны Ала-Тоо), дали название «онг», а племенам, проживавшим на левой стороне (южные склоны Ала-Тоо), дали название «сол», — утверждает автор «Истории киргизов» со ссылкой на исторические предания кыргызского народа.

Однако, как показывают сведения «Си-юй чжи», существование дуальной этнополитической организации отнюдь не мешало переходу представителей «правого крыла» к «левому крылу», и наоборот. «На этой линии в северных горах есть южные ветви, — фиксирует источник, — в южных горах есть северные ветви. Причина в том, что после того, как они с самого начала разделились на ветви, не прекращали грабить уйгурских купцов и (виновники) скрывались от расплаты, а управляющие (племенами) старейшины расследовали и брали (их) под арест. Своеволие к перемене места со временем стало привычкой и (откочевывавшие роды) не возвращались на первоначальные места. Ныне живут смешанно...»

Таким образом, хотя эти два территориально-политических объединения первоначально соответствовали традиционному делению кыргызских племен на «правое» и «левое» крыло, но уже в середине XVIII в. их родоплеменной состав был довольно пестрым и мало соответствовал генеалогическим канонам.

«Правое крыло» (или северная ветвь — кыргыз) занимало в основном территорию Северного Кыргызстана и включало в себя следующие родоплеменные объединения: саяк, сары, багыш, кытай, кушчу, саруу, монолдор, солто, ават, мундуз, басыз, черик. В «левое крыло» (или южная ветвь — отуз-огул) входили родоплеменные объединения, проживавшие в пределах Южного Кыргызстана.

К их числу относились кыпчак, каратегин, багыш, адигине, берю, найман, жору, теелес.

Значительное изменение претерпел этнический состав кыргызов в процессе взаимодействия с местными племенами Тянь-Шаня. Несомненно, в связи с нашествием монголов и установлением их господства погибли многие достижения культуры и экономики древнетюркских племен Притяньшанья — потомков того тюркоязычного населения, впитавшего в себя еще более древние традиции ираноязычных племен, расцвет исторической жизни которого приходился на Караханидскую эпоху. Значительная часть местного населения была уничтожена или угнана в рабство. Но все же уцелела определенная часть коренного тюркоязычного населения, сохранившая прежние хозяйственные навыки и быт. Упомянуты в источниках и тюркские скотоводческие племена, не покидавшие родных кочевий. Однако в монгольскую эпоху все они стали именоваться общим этнонимом «могол».

К числу таких тюркоязычных племен, которые, приспособившись к новым политическим условиям, постепенно стали называть себя моголами, Рашид ад-дин относит уйгур, кыпчаков, туркмен, халаджей и карлуков, хотя в той же ситуации другие группы перечисленных этнических объединений сумели сохранить свои прежние самоназвания. Так, на Восточном Тянь-Шане в XV в. вновь появились племена чигиль-моголов, что свидетельствует о сохранении какой то части одного из самых крупных союзов тюркских племен карлукской и караханидской эпохи. Имя одного влиятельного кыргызского вельможи Чигиль-бия, зафиксированное в сочинении «Тарих-и Кашгар» в связи с событиями в Восточном Туркестане в XVII в., свидетельствует об определенных генеалогических связях чигиль-моголов с кыргызскими племенами.

Некоторые древние племена в условиях господства монголов стали называться именами знатных людей из их

среды, занявших видное место в могольской политической иерархии. Так, по сведениям Мухаммеда Хайдара, какие-то группы племени канглы стали называться «бекчик» по имени правителя Бекчика, жившего в первой половине XV в. Однако после распада государства Моголистан и перемещения на Тянь-Шань с Алтая и из Прииртышья кыргызских племен бекчики вновь возродились как канглы и вошли в состав кыргызского и казахского народов соответственно под названиями кангды и канглы.

Освободившись от политического господства моголов, древнее население Семиречья и Тянь-Шаня в сравнительно короткий исторический срок включилось в дуальную этнополитическую структуру, созданную кыргызами, восприняло общее этническое наименование и в свою очередь внесло в первоначальный родоплеменной состав «правого» и «левого» крыла немалые изменения. Вплоть до недавнего прошлого среди кыргызских племен и родов упоминались и те, что в своих наименованиях сохраняли этническую номенклатуру тюркского населения Притяньшанья домонгольского времени. К их числу следует отнести следующие племена и родовые подразделения кыргызов: бичине (печенег), жедигер (игдер), ават (ива), оргу (аргу), сокулук (сугдак-согдиец), тердеш (тардуш), бостон (ср. карлукский этноним «бистан»), мачак (ср. карлукское родовое название «мажак»), килет (ср. карлукский этноним «гилат»), жабагы (ябагу — кирлук), кангды, азык (азы — ветвь тюргешей), кытай, черик (чарук) и др.

В дуальную этнополитическую структуру кыргызов вошла и значительная часть могольских племен. В период окончательного распада государства Моголистан те могольские племена, которые больше тяготели к оседло-земледельческой культуре Восточного Туркестана и признавали власть чагатаидских ханов, еще долго сохраняли название могол и заняли господствующее положение в так называемом Могольском государстве в Восточном Туркестане. Другие

могольские родоплеменные объединения, которые вели преимущественно скотоводческое хозяйство, испытывали антипатии к оседлому образу жизни, отчасти вошли в состав кочевых узбеков и казахов, а отчасти влились в этнополитическую структуру кыргызской народности. Сопоставление генеалогических преданий моголов и кыргызов, зафиксированных в «Маджму ат-таварих», показывает значительное сходство генеалогий Ак-Огула, легендарного предка кыргызских племен «правого крыла», с могольскими генеалогическими преданиями. Это свидетельствует о том, что первоначально могольские племена влились в основном в «правое крыло».

Именно эти глубокие генеалогические связи кыргызских и могольских племен в значительной мере способствовали ускорению интеграции могольских племен в рамках дуальной этнополитической организации кыргызского общества. Исследователи включают в число явно могольских и общие с могольскими компоненты в составе кыргызов: баарын, барак, дулат, кайдуулат, керейит, кушчу, монгол, монголдор, баргы, нойгут, меркит, булгачы, узунджете, туменджете и др.

Этническое смешение местных древнетюркских и могольских племен с кыргызами произошло в сравнительно короткий исторический срок, ибо в условиях подвижного полукочевого хозяйства быстро развивались экономические и культурные связи между отдельными районами Кыргызстана. Вскоре этноним «кыргыз» стал общим для всех племен Кыргызстана. Во второй половине XV — начале XVI в. сформировалась кыргызская народность со своей территорией, языком, известной экономической и культурной общностью, чему способствовал ряд факторов.

По заключению известного советского специалиста в области теории этноса академика Ю. В. Бромлея, «в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступивших в роли его структурообразующей

формы. Притом эту роль могут выполнять самые различные социальные общности: от семьи до государства». Наличие собственной структуры организованной власти в качестве необходимого и обязательного признака этнической общности как общественного явления рассматривает и большинство других исследователей этнографической науки.

В этой связи трудно переоценить роль рассмотренной выше дуальной этнополитической организации «онг канат» — «правое крыло» и «сол канат» — «левое крыло» кыргызских племен, которая, будучи специфической формой государственно-политической структуры кыргызского общества, служила ядром, вокруг которого происходила этническая консолидация. В процессе интеграции местных древнетюркских и могольских племен в рамках дуальной этнополитической структуры постепенно созревало этническое самосознание последних, что нашло отражение в новых вариантах племенных и общекыргызских генеалогических преданий («Маджму ат-таварих») и в двойных наименованиях ряда родоплеменных объединений (кыргыз-кыпчак, кыргыз-кытай, отуз-уул-кушчу и др.).

Определенную роль в консолидации пришлых и местных компонентов в единую народность сыграла религия ислам, распространение которой всячески поддерживалось правящей верхушкой кыргызского общества для обоснования и укрепления своей власти над всеми племенами Притяньшанья.

Как показывают достаточно подробные сведения агиографических сочинений, составленных в Восточном Туркестане и Фергане в XVI—XVIII вв., таких как «Зийа ал-кулуб», «Джалис ал-муштакин», «Рафик ат-талибин», «Тазкира-ий ходжаган», «Актаб-и Тоглук-Тимур-хан» и др., исламизация пришлых кыргызских племен завершилась не позднее первой половины XVII в. под влиянием новой конфессионально-культурной среды Восточного Туркестана

и Средней Азии, благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов, подвизавшихся в этом регионе.

В историографии Кыргызстана до сих пор господствует мнение о том, что у подавляющего большинства кыргызского населения не было религиозной приверженности исламу и она насаждалась исключительно в интересах правящего класса. Безусловно, кыргызские феодалы использовали ислам, с одной стороны, для укрепления своей власти над всеми родоплеменными объединениями Кыргызстана, а с другой — для упрочения своего статуса среди других среднеазиатских и восточно-туркестанских государств. Но в то же время следует признать, что для самосохранения и дальнейшего развития как самостоятельный этнос в этнополитической структуре среднеазиатско-восточно-туркестанского региона кыргызский народ должен был адаптироваться в культурной среде народов Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана. А основой всех сторон духовной и материальной культуры народов этого региона являлась идеология ислама. К тому же местные древнетюркские и могольские племена Тянь-Шаня также давно исповедовали ислам.

Поэтому большие изменения, происшедшие в этот период, вызвали существенные сдвиги в идеологии пришлых кыргызских племен. Древний шаманизм, возникший еще в недрах родового строя, уже не мог в новых условиях удовлетворять нужды не только класса феодалов, но и всего кыргызского общества. Завершение исламизации кыргызских племен в XVI — начале XVII в. имело большое значение в тот период. Учение исламской религии, одним из основных принципов которого является вера в единого верховного Бога — Аллаха, способствовало преодолению политеизма и консолидации всех кыргызских племен, возрождению письменности на основе арабской графики и распространению грамотности среди населения, сближению

Кыргызстана с другими мусульманскими странами, а также обогащало его культуру. Следовательно, распространение религии ислама в XVI — начале XVII в. носило прогрессивный характер. Однако идеология ислама постепенно, как и в других мусульманских странах, превращалась в идеологию феодального строя, укрепляла власть феодалов, способствуя усилению феодальной эксплуатации.

Именно при активном участии суфийских шейхов кыргызскими феодалами были составлены новые редакции шеджере — генеалогий кыргызских племен и общекыргызских генеалогических преданий, которые отражали сущность новой идеологии, порожденной образованием на Тянь-Шане дуальной этнополитической организации кыргызского общества и распространением среди кыргызских племен религии ислама.

Однако при всем разнообразии генеалогических обоснований мнимого родства всех племен и родоплеменных объединений Тянь-Шаня, включенных в дуальную этнополитическую структуру кыргызов в условиях отсутствия строго централизованного государственного управления, а также постоянных культурных и религиозных центров, главным консолидирующим кыргызов Тянь-Шаня фактором в области идеологии становится эпос «Манас». Неслучайно, что именно здесь, на Тянь-Шане, в XVI — первой половине XVIII в. происходило окончательное сложение этого выдающегося произведения эпической традиции кыргызского народа на наддиалектном общекыргызском языке, где нашли отражение и генеалогия, и обычное право — «торе», и история народа, не столько реальная, сколько воображаемая, какую хотели бы иметь сами кыргызы. Эпос «Манас» воплотил в себе прогрессивную для своего времени идею объединения племен перед лицом внешней опасности, а в образе Манаса кыргызские сказители создали фигуру того идеального вождя, который мог бы встать во главе всех кыргызов, сплотить их в силу, способную

противостоять любому врагу. Это уникальное явление, когда наряду с религией и другими формами идеологии основным консолидирующим фактором становится эпическое сказание, представляет собой главную особенность развития собственной культуры кыргызов на Тянь-Шане.

Как показывают свидетельства письменных источников, в процессе освоения территории Притяньшанья, у кыргызов сложилось комплексное хозяйство нового типа, в котором, наряду со скотоводством, заметную роль играло поливное земледелие. Сформировалось полусоседное хозяйство со скотоводством альпийского типа (вертикальные перекочки в горных районах Тянь-Шаня), что позволяет говорить о завершении формирования социально-экономической структуры кыргызского общества.

В результате воздействия всех этих факторов в политической, социально-экономической, религиозной, идеологической и культурной областях кыргызское общество уже к концу XVI в. настолько сплотилось, что последующие трагические события в жизни народа, вызванные постоянными притеснениями со стороны более могущественного Джунгарского ханства, не смогли остановить ход консолидационных этнических процессов, и кыргызы сумели отстоять свою независимость благодаря жизнеспособности этнополитической и социальной структуры.

В дальнейшем, в XVII в., в процессе длительных контактов с казахскими жузами некоторые казахские племена (катаган, алакчин и др.) также вошли в состав кыргызов. Последние значительные вкрапления иноэтнических элементов в кыргызский этнос относятся ко второй половине XVII — первой половине XVIII в., когда значительная часть кыргызских племен под натиском Джунгарского ханства временно откочевала в Ферганскую долину, на Каратегин, Бадахшан, Памир. Эти события привели к вхождению в состав кыргызской народности небольших групп узбеков, таджиков и калмыков Джунгарии.

В середине XVIII в. после разгрома Джунгарского ханства и возвращения северокиргызских родоплеменных объединений на свою исконную территорию практически прекратились крупные миграции киргызских племен. К этому времени окончательно сформировалась этнополитическая организация киргызской народности, ее этническое самосознание, определился устойчивый хозяйственно-культурный тип, сложилось фольклорное выражение историко-культурного единства киргызских племен и утвердилась новая религиозная идеология.

Таким образом, наши знания о происхождении киргызской народности на сегодняшнем этапе развития науки сводятся к следующему.

Истоки формирования киргызского этноса уходят своими корнями более чем в двухтысячелетнюю древность и связаны с территорией Центральной Азии,

В первой половине I тысячелетия н. э. на Енисее (Минусинская котловина) в результате смешения местных (динлины) и пришлых (киргызы) племен формируется новая этническая общность — енисейские киргызы.

В эпоху «великодержавия» (IX—X вв.) енисейские киргызы расселялись на территории, простиравшейся от Байкала до Иртыша с востока на запад, от Ангары до Восточного Туркестана с севера на юг. В результате смешения местного населения и киргызов образовался ряд (по археологическим данным шесть) новых субэтносов. Значение термина «киргыз» изменилось: он становится не только этнонимом, но и этнополитонимом, т. е. киргызами стали называть себя и не киргызские по происхождению племена, находившиеся в политической зависимости от енисейских киргызов.

Один из таких киргызских субэтносов в IX—X вв. образовался на Алтае и в Джунгарии. Здесь енисейские киргызы в результате длительных взаимосвязей с численно преобладающими местными народами, входившими

в кимакско-кипчакское объединение, приобрели новое этническое лицо (включая язык), но сохранили этноним «кыргызы».

В XV в. алтайские кыргызы, входившие в государство Моголистан, заняли земли Тянь-Шаня и Притяньшанья. Они ассимилировали местные тюрко-могольские племена и стали основным ядром нового этнического образования — кыргызской народности на Тянь-Шане. Заключительным этапом формирования кыргызской народности явилось образование в начале XVI в. дуальной этнополитической организации правого и левого крыла с примкнувшей к ним группой ичкилик.

Такова современная научная трактовка сложившейся проблемы, но и она, скажем, еще далеко не окончательная. Много в ней белых пятен. Поэтому долгосрочная программа исторических исследований предполагает комплекс работ по дальнейшей разработке проблемы происхождения кыргызского народа. Намечается провести экспедиции не только в Кыргызстане, но и на Алтае, Енисее, а также в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китайской Народной Республики (на территории Восточного Туркестана) и Монгольской Народной Республике с участием археологов, антропологов, этнографов, фольклористов и лингвистов. Предстоят работы по выявлению новых письменных источников, связанных с древней и средневековой историей кыргызов.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Этногенез и политическая история кыргызов // Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Бишкек: Илим, 1994.

БАРС-БЕГ И ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ КЫРГЫЗОВ

Средневековое население Минусинской котловины в греческих источниках именовалось херкис, в арабских и персидских — хырхыз, хыркыр, в средневековых китайских — в основном сяцзясы, цзилицсисы, в рунических древнетюркских и уйгурских, а также согдийских — кыргыз. Последний термин точно передавал самоназвание народа.

Кыргызы оставили яркий след в истории Южной Сибири и Центральной Азии, но сведения о них в письменных источниках скудны и отрывочны. Известно лишь, что в VI—XII вв. они занимались скотоводством и земледелием, удачно охотились на лосей, кабаргу и пушных зверей, используя лыжи. Значительного развития достигли ремесла, особенно выплавка железа и кузнечное дело. Торговали с Китаем, Восточным Туркестаном и Средней Азией. Покупали иноземные шелковые ткани, лемехи для плугов и роскошные сосуды. Выменивали меха у «лесных народов» на ремесленные изделия и хлеб. Продавали скот, пушнину, мускус, ископаемые бивни мамонта, ценные сорта капа (нароста на березах), чрезвычайно прочные и острые мечи.

Кыргызы жили большими патриархальными семьями. Многоженство было обычным явлением. За невесту выплачивали калым скотом, который иногда достигал тысячи голов. Одежду богатых шили из привозных шелковых тканей, собольих и рысьих мехов, бедноты — из овчин. Знать можно было отличить по высоким войлочным белым колпакам с загнутыми вверх полями. Эта древняя особенность

сохранилась на Тянь-Шане до сих пор в традиционных головных уборах мужчин (отсюда иносказательное самоназвание кыргызов в эпосе «Манас» — ак-калпак).

Кыргызы были язычниками, а верховными божествами они считали супружескую чету Тенгри и Умай. Наиболее ярко их верования в VIII в. описал персидский историк Гардизи: «Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь — самая чистая вещь: все, что попадает в огонь, очищается; так и мертвого огонь очищает от грязи и грехов». Некоторые из кыргызов поклоняются корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям. Среди них есть люди, которые называются фагинунами(?); каждый год они приходят в определенный день, приводя всех музыкантов, и приготавливают все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает и большей частью бывает так, как он сказал»¹. Это первое подробное описание камлания кыргызских бакши — шаманов.

Раннефеодальное государство енисейских кыргызов представляло собой сложную этносоциальную общность, состоящую из этноса-элиты (собственно кыргызы) и ряда подвластных им племен, занимавших разные места в обществе. Кроме кыргызов известно явно привилегированное племя доблестного народа булсар и народ ач. Самую низкую ступеньку занимали горно-таежные племена охотников и оленеводов. Положение племени дубо в системе кыргызского государства китайский источник характеризует

¹ Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 48.

следующим образом: «Хагясы (кыргызы. — Ред.) ловят их и употребляют в работу»¹.

К концу VII в. сложилась административно-военная система государства, верховный правитель которого в зависимости от внешнеполитических успехов получал титул эльтебер, ажо (инал) или каган. Делами управляли три «министра». Вся территория делилась на шесть округов (багов), где властвовали крупные феодалы — беги. Судя по тому, что ажо или каган тоже имел титул бег, в феодалной иерархии кыргызов верховный правитель был лишь «первым среди равных». В IX в. собственно кыргызы могли выставить 30, а вместе с ополчением вассальных племен — 100—110 тыс. воинов.

В VI—VIII вв. история кыргызов характеризуется постоянной борьбой за независимость. В 554—555 гг. земли по Енисею тюркский владыка Мухан-каган использовал в качестве источника рабов и первоклассного вооружения, которое здешнее население, согласно летописи, делало из метеоритного железа. Как отмечает китайская хроника 583 г., кыргызы «со скрежетом зубным» ожидали своей возможности отомстить тюркам. Поэтому тюркские каганы рода Ашина разместили на Енисее сильные гарнизоны.

После падения Первого тюркского каганата в 630 г. кыргызы обрели долгожданную свободу, но не надолго, потому что предки кыпчаков — племена сиров (сеянь-то) — под водительством кагана Иенчу Бильге заняли почти все земли восточных тюрков. Границами Сирского каганата стали Алтай, Хинган, Гоби и Керулен. Иенчу Бильге-каган, завоевав земли енисейских кыргызов, держал там «для верховного надзора» своего наместника — эльтебера. После разгрома сиров уйгурами в июне 646 г. началось усиление государства енисейских кыргызов. В 648 г. их посольство впервые

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 354.

было принято императором Китая, который достиг тогда вершины могущества. Шибоцзюй-эльтебер, возглавлявший его, получил высокий военный чин. Формально государство, как и вся Центральная Азия, вошло в состав Китая и кыргызские правители использовали покровительство империи для усиления своих позиций среди кочевников.

В конце VII — начале VIII в., когда во главе его стал Барс-бег, государство кыргызов заставило соседей серьезно считаться с собой. Судьба этой неординарной личности в истории народа примечательна. Несмотря на то, что этноним «кыргыз» впервые был упомянут китайской хроникой под 201 г. до н. э., ни в одном иноязычном письменном источнике практически не упоминалось кыргызских имен до тех пор, пока тюркские народы сами не научились писать. Первое кыргызское имя, записанное в начале VIII в. кыргызами и родственными, но враждебными им тюрками, было именем кыргызского кагана Барс-бега.

В древнетюркских текстах освещаются одни и те же события конца VII — первой трети VIII веков, связанные с отчаянной борьбой тюрков за воссоздание своего государства, разбитого и поработенного китайцами еще в 630 г. За господство в Центральной Азии тюркам пришлось схватиться с кыргызами, и в надписи в честь Кюль-тегина впервые было упомянуто имя кыргызского кагана: «... был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру-княжну. Но он изменил нам. И вот каган был убит, а его народ стал рабами и рабынями». Далее из текста надписи Кюль-тегина мы узнаем о месте гибели Барс-бега: «...мы разбили кыргызский народ, когда он спал. С их каганом мы сразились в черни (лесистая местность. — Ред.) Сунга... Кыргызского кагана мы убили, а его эль взяли»¹. Истинность сообщения

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951. С. 38—41; Кляшторный С. Г. Стрелы Золотого озера. Л., 1976. С. 265—266.

источника не вызывает сомнения, потому что эти же сведения иными словами, нисколько не меняющими суть дела, изложены в других текстах — надписях Бильге-кагана и Тоньюкука.

Словом, древнетюркская высшая аристократия, если судить по орхонским текстам, в лице кыргызского кагана создавала образ врага, злого и неблагодарного жезде (зятя), изменившего старшим родственникам. За это самого кагана Барс-бега убили, а его подданные — народ кыргызов — стали рабами. Так писали о Барс-беге его враги на трех высоких и издалека видных стелах, которые стояли в разных оживленных местах поблизости от каганских ставок. Многие кочевники читали эти официальные прокламации аристократии, верили им, оправдывали мудрую политику своих каганов, ругали чужих — глупых и неблагодарных. Так создавалось средневековое общественное мнение.

Совсем другим представлен Барс-бег в тексте, написанном в его честь самими кыргызами: «(1) Десять лун носила меня, моя мать! Она принесла меня моему элю (народу). Я утвердился на земле, благодаря моей доблести. (2) Я храбро сражался с многочисленным врагом и покинул мой эль, оставив его в раскаянии. Увы! (3) Своим младшим и старшим братьям Вы снимали-сгружали верблюжьи вьюки с дарами. (4) Тем, что было на земле, — моими деяниями и моей доблестью, — Барс не пресытился! (5) Без отца Вы героем были! Когда псы преследовали дичь, Вы пронеслись мимо кочевий! Сгинь, дух смерти со своей младшей братией! О, Барс, не покидай нас! Увы! (6) Наше звание таково — мы умай-беги, мы храбрые воины нашего рода-племени! Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Скакуна с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, моя драгоценность! О, мое сокровище! Не покидай нас!... Мы прежде радовались. (7) О, дичь золотой черни Сунга, множься! Рождай свое потомство! Мой Барс покинул коней и быков, весь этот мир, он ушел! Увы! (9) Ради

моей воинской доблести, ради могущества моих старших братьев и моих младших братьев мне воздвигли этот вечный памятник»¹.

Перед нами самый древний (VIII в.) зафиксированный орхоно-енисейскими письменами плач по умершему — кыргызский кошок. Характерно, что в 1, 2, 4 и 9-й строках речь ведется от первого лица, то есть самого умершего, в остальных — выражена скорбь ближайших родственников. Удивительна живучесть традиций: до недавнего времени, да и в наши дни, опытные плакальщицы, особенно лично знакомые с умершим, вплетали в кошок известные родственникам фразы от первого лица, которые при жизни говорил (или якобы говорил) покойный.

Научное значение надмогильных надписей для истории кыргызов трудно переоценить. Это скудные, но пока единственные известные науке сведения биографического характера о выдающейся личности, выходеце из среды енисейских кыргызов, имя которого в конце VII — начале VIII вв. было хорошо известно в Центральной Азии, Китае, Тибете, в Семиречье и на Тянь-Шане. И если для врагов Барс-бег был неблагодарным изменником, то для кыргызов — «доблестным героем», «драгоценностью», «сокровищем». Что же он совершил, каково его место в средневековой истории кыргызов? Для ответа на эти непростые вопросы сопоставим уже известные нам сведения из орхонских и енисейских рунических текстов со сведениями из китайских династических хроник.

Как теперь известно, Барс-бег происходил из древней правящей кыргызской династии, рано остался без отца, имел четырех братьев, был страстным почитателем псовой охоты. Род Барс-бега, как считалось, находился под особым покровительством богини Умай-эне; его родственники

¹ *Кляиторный С. Г.* Стрелы Золотого озера. С. 261.

носили редкий титул — Умай-бег. Не исключено, что кыргызский ажо (или его род), помимо светских, обладал и жреческими обязанностями по отношению к этой богине. У Барс-бега были старшие и младшие братья. В условиях сложной внешнеполитической обстановки он, скорее всего, обойдя старших, выдвинулся на первое место в государстве кыргызов благодаря своим исключительным личным качествам.

Барс-бег стал во главе кыргызов, когда политическая ситуация в Центральной Азии резко изменилась. Против гнета империи Тан восстали орхонские тюрки, которые нанесли ряд поражений китайским войскам и их союзникам в степи. Они, возглавляемые членом старой династии Ашина — Кутлугом, образовали Второй Тюркский каганат. Кыргызы, как и другие степняки, не желали менять фиктивное китайское владычество на вполне реальное тюркское, поэтому совместно с токуз-огузами Баз-кагана, курыканами, отуз-татами, кытаями, татабами выступили союзниками империи Тан. В 688 г. тюрки разгромили коалицию Баз-кагана и стали полными хозяевами в степи. Кыргызы сохранили свои войска, потому что не участвовали в этом сражении. Барс-бег возглавил оставшиеся антитюркские силы на северных границах каганата. Вскоре после 688 г. он, поняв, что кыргызы сильны, совершил важный политический акт: принял титул кагана с тронным именем Ынанчу Алп Бильге. Верховный владетель кыргызов, таким образом, бросил решительный вызов Тюркскому каганату, открыто притязая на господство в Центральной Азии.

Каган тюрков Капаган (693—717 гг.) решил покончить с кыргызской опасностью. Но первый поход его войск на Енисей во главе с принцем (впоследствии каганом) Бильге закончился неудачно: они были остановлены на границах кыргызов. Заключается мир, согласно условиям которого Капаган признал Барс-бега каганом и отдал ему в жены

свою племянницу, сестру Бильге. Кыргызы, в свою очередь, видимо, обязались быть лояльными по отношению к Тюркскому каганату. Выгодный мир легализовал и упрочил положение кагана Барс-бега Ынанчу Алп Бильге, но не удовлетворил его далеких притязаний.

В начале VIII в. Барс-бег смело проводил активную антитюркскую внешнюю политику. В 707–709 гг. он направил два посольства в воевавший тогда с тюрками Китай. Дипломатическая инициатива Барс-бега по организации антитюркского союза распространилась и на Тюргешский каганат, куда направляется посольство во главе с Эзгене. К 709 г. кагану кыргызов удалось создать мощную антитюркскую коалицию, в которую, кроме кыргызов, вошли империя Тан и Тюргешский каганат. Один из крупнейших политических и военных деятелей Тюркского каганата Тоньюкук так оценил политическую ситуацию, сложившуюся в Центральной Азии: «Каган народа табчач (китайцев. — Ред.) был нашим врагом. Каган народа десяти стрел (тюргешей. — Ред.) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган»¹. Тюрки решили не выжидать, а разбить союзников поодиночке.

Из приведенного выше текста видно, что наибольшую опасность для степного гегемона представляли не далекие китайцы и тюргеши, а войска Барс-бега. С них он и начал. В 709 г. отряды тюрков форсировали верховья Енисея и разбили союзные Барс-бегу племена чиков и азов. Они заняли Туву, сделав ее плацдармом для наступления на кыргызов, но главную дорогу из Тувы по ущелью Енисея кыргызы перегородили высоким валом, следы которого сохранились по сей день. Зимой вал из бревен и снега укладывался и по льду Енисея. Преодолеть это препятствие не могла никакая армия.

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 66.

Барс-бег занял важные перевалы через Саяны и, как он полагал, в полной безопасности ждал помощи от своих союзников. Но ни тюргеши, связанные войной с арабами в Средней Азии, ни китайцы, несмотря на договор, не поддержали кыргызов. Они ограничились защитой своих рубежей, бросив Барс-бега на произвол судьбы. Отчаявшийся каган, оставшись один на один с мощным Тюркским каганатом, срочно переориентировался: не позже осени 710 г. направил посольство в Тибет, который в то время враждовал с империей Тан и государством тюргешей. Посольство возглавил выходец из сильного кыргызского племени булсар Эрен Улуг. Опытный дипломат, он уже участвовал в четырех успешных посольствах кыргызов за рубеж, за что был особо отмечен Барс-бегом.

О миссии Эрен Улуга кыргызский каган, естественно, не уведомил Китай, но сведения о нем умышленно широко распространялись в кочевом мире, вероятно, не столько для устрашения тюрков, сколько для активизации военных действий Китая и тюргешей. Но было уже поздно. Эрен Улуг по неизвестной причине умер (или был убит) на чужбине, Тибет не стал союзником Барс-бега, Китай и тюргеши так и не выступили в поход, зато тюркские полководцы решились на отчаянный шаг: преодолеть Саянский хребет, зимой трудным обходным путем, минуя дороги, охраняемые кыргызами. В этом походе участвовали будущий каган тюрков Бильге и его храбрый брат Кюль-тегин, но фактически возглавил его старый и опытный Тоньюкук. Он отыскал изменника из народа азов, который, как оказалось, на свою беду согласился провести войска тюрков в Минусинскую котловину тайными тропами в почти неприступных горах.

Тоньюкук так описал трудности похода: «Я приказал двинуться войску, я сказал: «Садись на коней!» Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взшел (с другими) вверх (горы), ведя

лошадей в поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди протоптали снег, и мы перевалили через покрытую лесом вершину. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот»¹.

Что ж, зимний переход через Саяны делает честь любому войску. Замысел тюркок удался, и их войска внезапно обрушились на кыргызов. Первое сражение произошло ночью: «На кыргызов мы напали во время их сна... проложили путь копьями», — отмечено в древнетюркском руническом памятнике. Основные силы кыргызов были разбиты. Уцелевших Барс-бег собрал в черни Сунга и пытался организовать отпор. Сеча была злой и упорной. Здесь показал свою доблесть Кюль-тегин: «Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он по разил стрелю, двух мужей заколол пикой одного, после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского кагана мы убили и эль его взяли».

Да, кыргызы потерпели полное поражение. Барс-бег пал в открытом бою. Тело его даже не удалось похоронить с подобающими почестями по старинному обряду. Это отмечено в эпитафии из Алтын-келя: «Скакуна ты с собой не взял! Трех сосудов с собой ты не взял!» Соплеменники воздвигли в честь кагана каменную плиту выше человеческого роста, где кыргызскими рунами выразили печаль по поводу его гибели. В последний раз кыргызский каган Барс-бег Ынанчу Алп Бильге был лишь вскользь упомянут в 716 г., когда на могильном сооружении в честь умершего тюркского Капаган-кагана (победителя Барс-бега) в самом начале вереницы камней, изображающих его павших врагов, был поставлен «балбал», символизирующий главного врага — кыргызского кагана.

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 67.

Поражение кыргызов в битве при черни Сунга, видимо, имело для народа и его государства очень серьезные последствия, потому что более сорока лет после него кыргызы не участвовали в военных действиях.

Несмотря на то, что во главе государства был поставлен владетель из кыргызов, оно фактически стало зависимым от Тюркского каганата вплоть до его падения в 745 г. Таким образом, первая попытка кыргызов в борьбе за господство в Центральной Азии закончилась поражением. В VIII в. они еще не имели достаточно сил для борьбы за гегемонию в Центральной Азии, хотя и ставили такую задачу. По уровню военной организации они отставали от государств Центральной Азии. Отсюда вытекала оборонительная стратегия и ставка на сильных союзников, которые не оправдали себя.

В 751 г. кыргызы объединили свои силы с карлуками, которые к тому времени уже заняли Семиречье, а также с чиками и остатками тюркских племен для борьбы с уйгурским каганом Элетмиш Бильге (747–759 гг.). Среди тюркских бегов нашлись предатели, которые предупредили кагана. Тот действовал решительно и разбил союзников поодиночке. В 758 г. уйгуры завоевали страну кыргызов на Среднем Енисее, последние в 795 г. восстали, но были разгромлены. И вот в течение двадцати пяти лет кыргызские ажо копили силы для реванша.

В начале IX в. сила и слава Уйгурского каганата были уже в прошлом. Его раздирали центробежные силы, что чутко уловили кыргызы: «Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши (тюргешку. — Ред.), — вдовствующею ханшею, жену, дочь Гэллу-шеху (карлукского джабгу. — Ред.), — ханшею»¹. Это важное событие в истории кыргызов произошло в 820 г. Оно означало, что кыргызы,

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. С. 355.

заручившиеся поддержкой карлуков, провозгласили себя независимыми от Уйгурского каганата и, как во времена Барс-бега, стали претендовать на гегемонию в Центральной Азии. За этими претензиями теперь стояли реальные возможности.

После поражения в 795 г. кыргызы сумели создать военно-административную систему, приспособленную для длительных войн. Ажо значительно расширил пределы государства за счет других южносибирских племен и обладал уже куда большими материальными и людскими ресурсами, чем в начале VIII в. Он стоял во главе администрации и военных сил и подчинял себе три бэя и иерархию чиновников, которая разделялась на шесть разрядов. Регулярное войско состояло из латной кавалерии (гвардия), а во время войны набиралось ополчение «вассальных» народов. В IX в. кыргызы вместе с зависимыми племенами могли выставить сотысячную хорошо вооруженную армию¹.

Уйгуры в ответ на вызов ажо направили на Енисей войско. Война затянулась на двадцать лет. Ход военных действий был описан на каменном памятнике в честь уйгурского кагана, который был установлен в уйгурской столице Орду-Балыке на реке Орхон. Там бывали дипломаты и купцы из многих стран. Поэтому надпись была высечена тюркскими рунами, китайскими иероглифами и согдийскими письменами. Китайский текст гласит, что «чудодейственный каган уйгур наголову разгромил четырёхсоттысячное войско кыргызов, убил их кагана, взял огромное количество трофеев («...коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами») и ликвидировал кыргызскую государственность заодно с кыргызами («...государственные дела прекратились; на земле не стало живых

¹ Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. С. 139–140.

²⁴ Том IX. В. М. Плоских

людей»¹). Китайскому тексту вторит согдийский. Согласно ему, уйгурский каган почему-то только двухсоттысячную армию кыргызов «...разогнал одной рукой во всех направлениях друг от друга и взял его (кыргызского кагана) государство»². Эти тексты нельзя рассматривать как достоверный исторический источник. Они являлись политической прокламацией, рассчитанной на дезинформацию иностранцев для поднятия внешнеполитического престижа дряхлеющего каганата уйгур. На самом деле борьба была тяжелой и упорной. В сражениях кыргызы, видимо, одержали верх, что позволило аж в обращении к кагану уйгур надменно заявить: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую орду твою, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь, то скорее уходи»³.

Военные неудачи обострили усобицу внутри Уйгурского каганата, а многоснежная зима 840 г. стала причиной массового падежа скота, голода и эпидемии. В это тяжелое время один из мятежных уйгурских вельмож призвал на помощь кыргызов, у которых нашлись и «живые люди», и государство, организовавшее их. Аж бросил под стены столицы уйгурского кагана Орду-Балыка стотысячную армию, которая наголову разгромила уйгурское войско, взяла, разграбила и сожгла ставку. Каган уйгур пал в бою. Остатки его народа, спасаясь от истребления, бежали в Китай, Забайкалье и Восточный Туркестан, оставив в руках кыргызов лучшие земли, скот и накопленные сокровища.

В 843 г., преследуя уйгур, кыргызы вторглись в Восточный Туркестан, где взяли города Аньси и Беш-балык.

¹ *Васильев В. П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. — Сб. ТОЭ. СПб., 1987. З. С. 25.

² *Hansen O.* Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denktal von Karabalgasun. — *Journal de la Societe Finno-Ougrienne.* XVII. 3. Helsingfors, 1930. P. 19–20.

³ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 354.

Их сильные отряды вели успешные действия в Восточной Монголии, в Джунгарии и Забайкалье. В 848 г. последний претендент на уйгурский престол, скрывавшийся у таталов, а затем у татар (шивэй), с женой, сыном и эскортом из девяти всадников уехал в степь и пропал без вести. Надежды уйгур на реванш рухнули окончательно.

На развалинах Уйгурского каганата в середине IX в. возникла держава кыргызов. Границы ее вырисовываются вполне определенно: «Хягас (кыргыз. — Ред.) было сильное государство; по пространству равнялось тюркским владениям (имеются в виду пределы второго Тюркского каганата. — Ред.). На восток простиралось до Гулигани (Прибайкалье. — Ред.), на юг — до Тибета (Восточный Туркестан. — Ред.), на юго-запад — до Гэлону (Семиречье. — Ред.)»¹. Примерные северные границы намечены по археологическим памятникам: они достигали современных городов Томска и Красноярска. Время, когда кыргызы сумели подчинить себе просторы Центральной Азии (IX—X вв.), справедливо названо «кыргызским великодержавием». Согласно древней степной традиции, тот, кто владел Хангаем, считался номинальным владыкой всех остальных кочевых народов. Такие державы в свое время создавали гунны, жуань-жуани (авары?), тюрки, кыпчаки (сеянтот), уйгуры, а после кыргызов — монголы. За гегемонию в Центральной Азии кыргызам пришлось запла-тить своей репутацией. Автор «Худуд ал-алам» дает им крайне отрицательную характеристику: «И это люди, которые нравом напоминают диких зверей; лица (у них) грубые, волос мало, (они) несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям: со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют»².

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. I. С. 355—356.

² Худуд ал-алам // МИКК. Вып. 1. М, 1973. С. 41.

«Кыргызское великодержавие» не было продолжительным. Уже в первой половине X в. основная масса кыргызов оставила степи и ушла к северу за Саянский хребет. Это возвращение не было результатом военного давления противника. В длительных кровопролитных войнах и так немногочисленные людские ресурсы кыргызского народа были истощены и рассеяны по обширным пространствам. Кроме того, степи Центральной Азии не стали нормальной «экологической нишей» кыргызов. Та часть народа, которая на Енисее занималась ремеслом и земледелием, не нашла себе применения на сухих плоскогорьях Центральной Азии, где не было крупных поселений и ирригационной сети. В X в. кыргызы удерживали Алтай и Западную Монголию как плацдарм для контроля за богатыми ремесленно-земледельческими оазисами Восточного Туркестана.

Сведения о кыргызах XI–XII вв. немногочисленны. В это время усилились монгольские племена, которые отрезали кыргызским феодалам пути для набегов на юг. Лишенные возможности обогащаться за счет грабежа, знать усилила эксплуатацию собственного народа. Это повлекло дальнейшее развитие феодальных отношений, междоусобные войны, децентрализацию военной и гражданской власти. В письменных источниках упомянуты то пять, то три отдельных владения кыргызов. Накануне монгольского завоевания кыргызы образовали два княжества: Кем-Кем-джиут, которое располагалось на Енисее, и Кыргыз, занимавшее территорию в трех днях пути (около 100 км) к северу от Монгольского Алтая. Скорее всего, княжество Кыргыз занимало северные районы Джун-гарии и Горный Алтай, которые кыргызы, оставив Монголию, продолжали контролировать в IX–X вв. Владетели обоих кыргызских княжеств имели титул инал.

В 1207 г. старший сын Чингисхана Джучи завоевал все «лесные» народы и подступил к границам кыргызов. Тогда к нему прибыли кыргызские князья и выразили

покорность, одарив кагана белыми кречетами, белыми лошадьми и белыми соболями. Зависимость кыргызов была номинальной и выражалась только в выплате дани. Монголам, занятым войной с чжурчженями и Китаем, было не до северных народов. Однако с усилением государства Чингисхана монгольские сборщики налогов стали терять чувство меры. В 1218 г. они потребовали от туматов, обитавших в Баргуджин-Токуме, кроме положенных мехов и скота, туматских девушек для монгольских феодалов. В напряженных экономических и политических отношениях подобные унижительные требования способны стать последней каплей. Оскорбленные туматы восстали. Монголы потребовали у кыргызов войско для подавления непокорных. Вместо этого кыргызы под предводительством Курлука сами восстали против монголов. Их поддержали урасуты, теленгуты и другие кыштымы (зависимые племена) кыргызов. Восстание было жестоко подавлено войсками Чингисхана, которыми командовал Джучи.

После смерти Джучи в 1226 г. земли кыргызов вышли из его улуса и стали принадлежать улусу кагана Тулуя. По-видимому, изменилась и политика подавления по отношению к кыргызам. Великий каган Угэдей (1229–1241 гг.) с целью политического урегулирования отношений с северными народами женился на кыргызке по имени Джачин. Она стала четвертой «главной» женой повелителя многих народов¹.

Но борьба кыргызов за независимость еще не завершилась. Кыргызы были беспокойные подданные и среди них постоянно происходили брожения, недовольства и мятежи. Поэтому в 1270 г. император Хубилай назначил правителем кыргызов и их кыштымов опытного и не склонного к насилию администратора китайца Лю Хаоли. Резиденция его

¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 8–9.

была в Минусинской котловине на левом берегу р. Элегест. Однако в 1273 г. кыргызы восстали и изгнали монгольского наместника.

Момент для восстания был выбран удачно. В это время разгорелась ожесточенная междоусобная борьба между Хубилаем и верховным владыкой Средней Азии Хайду, ставка которого была в Чуйской долине. Это помогло кыргызам восстановить свою государственность, но не надолго. Зимой 1292 г. командующий тюркскими войсками монголов кыпчак Тутуха получил приказ Хубилая покончить с кыргызским сепаратизмом. Ранней весной 1293 г. еще до ледохода на Енисее армия Тутухи прошла по льду реки, разгромила войска кыргызов и оккупировала всю Минусинскую котловину. Хан Хайду из Семиречья направил на выручку кыргызам войска во главе с полководцем Болочем, но Тутухе удалось их разбить и пленить самого полководца.

Последняя двадцатилетняя вспышка кыргызской независимости была залита кровью. Год 1293 стал годом окончательной гибели кыргызского государства на Енисее.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Барс-бег и великодержавие кыргызов // Кыргызы и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Бишкек: Илим, 1994.

ТРАЙБАЛИЗМ: ИСТОКИ И СОСТОЯНИЕ

Конституционно закрепленная задача создания независимого, процветающего, демократического и светского Кыргызстана, возрождения кыргызской нации и вооружения кыргызстанцев общенациональной идеологией, выражающей наиболее общие и жизненно важные интересы всех граждан республики, сделала особо актуальными углубленное изучение и использование общемирового опыта решения подобной проблемы. В то же время усилилась потребность в объективном осмыслении специфики исторического пути развития самого кыргызского народа. Это обусловлено, по крайней мере, двумя объективными причинами. Во-первых, в соответствии с главным законом развития и в природе, и в общественной жизни — законом **отрицания отрицания**, основополагающим принципом которого является преемственность, все новое, прогрессивное и передовое хорошо приживается и дает желаемые результаты только тогда, когда опирается на положительное и перспективное из предыдущей стадии развития, отрицнув все то, что мешает поступательному движению в новых условиях. Во-вторых, более полное познание причин и последствий — как достижений, счастливых поворотов в судьбе народа, так и деформаций, трагических процессов — важно не только для установления исторической правды (что само по себе очень важно), но и для правильного извлечения уроков истории.

Начавшийся с эпохи перестройки и гласности процесс восстановления правды и объективности относительно истории кыргызского народа с вступлением Кыргызстана

на путь суверенного развития усилился и дает заметные результаты. Однако в большинстве публикаций, появившихся в последнее время на эту тему, просматривается тенденция объяснять негативные явления и процессы, имевшие место в историческом прошлом (особенно в недавнем), только извне навязанными отступлениями от пути естественно-исторического развития народа. Действительно, это имело место. Но если мы ограничимся лишь ссылкой на «отступления», не выявив сущности и последствий других явлений, обусловленных специфическими особенностями образа жизни, менталитета, массового сознания, общественной самоорганизации киргизов в прошлом, то извлеченные уроки истории не будут полноценными и вряд ли смогут эффективно способствовать возрождению нации.

В этом плане большое научное и практическое значение имеет изучение сущности и принципов традиционного общественного устройства киргизов периода, когда еще не было активного внешнего вмешательства. На наш взгляд, именно там лежит то, что в течение тысячелетий сохраняло этническую самобытность, самостоятельность и менталитет киргизов и может стать стержнем общественного устройства, возрождения духовных ценностей нации. Там же найдем истоки явлений, которые в современных условиях представляют собой тормоз общественного прогресса и воспринимаются как негативные. Сложность задачи состоит в том, что в результате внутренней эволюции народа в силу объективных условий последнего столетия и целенаправленной борьбы в советский период против господствовавшей среди киргизов феодально-клерикальной и все еще сильной патриархально-родовой идеологии эти изменились во многих своих внешних и внутренних проявлениях, адаптировались к условиям новых общественных реалий.

В научной литературе Кыргызстана советского периода довольно подробно рассмотрены с позиции пресловутого

классового подхода сущность и формы проявления буржуазной и особенно феодально-клерикальной идеологии, хотя первая никогда не имела особого влияния в среде кыргызов. Поэтому многие выводы и обобщения исследователей того периода нуждаются в серьезном переосмыслении. Что касается сущности, места и роли родоплеменных отношений — трайбализма (англ. tribal — племенной; кырг. уруучулук), то они изучены и освещены слабо. Материалы этнографических исследований среди кыргызов, начатых русскими учеными в дооктябрьский период, разрознены и малочисленны. Исследования советского периода страдают однобокостью, акцентом на выявление классовой структуры кыргызского общества. На это были определенные причины. Уже к середине 20-х годов некоторые научные, руководящие, партийные и советские работники Средней Азии, в том числе и Кыргызстана, из-за недостаточного знания местных условий и специфики (как правило, они — выдвиненцы центра) и особенно из-за стремления показать «успешность общественных преобразований» начинают высказывать как бы общее мнение, что с наиболее очевидными проявлениями родоплеменных отношений среди кыргызов покончено. Так, исследовавший горный Кыргызстан в 1925 г. профессор Б. Б. Кушнер пришел к заключению: «родового строя, собственно, больше не существует в горной Киргизии»¹. Примерно такое же «забегание вперед» относительно внутрипартийной жизни было у первого секретаря Киробкома партии М. Д. Каменского, его преемника Н. А. Узюкова и у руководства Средазбюро ЦК ВКП(б)².

¹ Кушнер (Кнышев) Б. Б. Горная Киргизия (социалистическая разведка). М., 1929. С. 35.

² ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 33. Л. 133.

По мнению общепризнанного авторитета советской этнографии С. М. Абрамзона, «эта некоторая “односторонность” была вызвана неотложными потребностями борьбы с контрреволюционным буржуазным национализмом, с правооппортунистическими “теориями”, пытавшимися идеализировать патриархально-родовые пережитки и необходимость их сохранения, притупить или свести на нет классовую борьбу, обострившуюся накануне коллективизации сельского хозяйства и продолжавшуюся в новых формах в период ликвидации кулачества и байства как класса в первые годы коллективизацию»¹. Он признавал, что в обстановке, когда и практические работники, и деятели науки, «руководимые большевистской партией и товарищем Сталиным, весь огонь направляли против враждебных “теорий” и оппортунистической практики, главное внимание было отдано обоснованию и утверждению тезисов о наличии у кочевников классов, эксплуатации и классовой борьбы»². Результатом такого подхода, по его мнению, было «образование пробела в характеристике тех черт патриархального уклада, само существование которых не отрицалось, но которым часто отводилась роль “формы”, а иногда и просто окостеневших паритетов, не играющих существенной роли в социальной жизни»³.

Высказывания и признания С. М. Абрамзона в духе тех лет обтекаемо осторожны, политизированы и, как следствие, во многих своих моментах далеки от реальной действительности. Во-первых, в 20-х годах среди кыргызов, как свидетельствуют документы самих партийных комитетов, не было четкого классового расслоения. Именно поэтому

¹ Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — Родовое общество: материалы и исследования. М., 1951. С. 133.

² Там же.

³ Там же.

проводилась навязанная сверху широкомасштабная работа по классовому расслоению кыргызского общества и формированию «классового самосознания» у его бедняцкой части. Во-вторых, классовая борьба, «обострившаяся накануне коллективизации и продолжавшаяся в последующем “в иных формах” (в виде басмаческого движения. — Авт.)», была не результатом классового антагонизма, а лишь естественной ответной реакцией определенной части кыргызов на насильственные методы ликвидации байства, кулачества и коллективизации. В-третьих, даже с позиции простой логики никак нельзя было определить как контрреволюционное, тем более буржуазно-националистическое, стремление к приспособлению некоторых механизмов доклассового общественного устройства к условиям строящегося бесклассового общества. В-четвертых, концепция «о наличии у кыргызов классов, эксплуатации и классовой борьбы» привела не только к известному пробелу, но и к непоправимому изъяну, поскольку ученые-этнографы отошли от исследования по горячим следам вопросов самоорганизации и управления родового строя, которые не только не давали доказательств наличия классового расслоения среди кыргызов, но, наоборот, отрицали его. Они концентрировали внимание в основном на общих описаниях быта, традиций, проблемах этногенеза, материальной культуры, особенно — на вопросах семейно-брачных отношений.

В последующем далекая от объективной реальности концепция о наличии классового расслоения среди кыргызов дополнилась иными подобными концепциями, согласно которым кыргызский народ уже к концу 30-х годов объявляется «всесторонне развитой, процветающей социалистической нацией», а к 70-м годам — составной частью доселе неизвестной в истории человечества наднациональной общности — «советского народа». В этих условиях поиск проявлений пережитков «допотопных» родоплеменных отношений среди некоторых народов, в том числе и кыргызов,

для исследователей из центра стал «неэтичным», для местных — «непатриотичным», для тех и других — аполитичным и опасным. Правда, реальность феномена трайбализма никем не отрицалась и изучалась... на примере аборигенов Полинезии, Австралии, Африки и даже давно исчезнувших индейских племен Северной Америки.

Между тем тысячелетиями выступавшие в качестве испытанной, отшлифованной многовековым жизненным опытом народа формы социально-экономических связей рода, игравшие определяющую роль в производстве, распределении, культовых действиях, управлении и т. д. родоплеменные отношения и их идеология не могли сойти со сцены за несколько лет и даже в течение жизни двух — трех поколений.

Они всегда требовали глубокого анализа и взвешенного подхода.

Многие моменты доклассового мировоззрения и общественных отношений более гуманны и человечны, чем более позднего периода, поскольку не извращены узкоклассовыми, клановыми и националистическими интересами. К ним, например, можно отнести некоторые традиции и правила коллективизма, внутриобщинной демократии, ответственности коллектива (племени, рода, колена) за поступки и судьбу каждого его члена, заботы о воспроизводстве и воспитании потомства, способного к труду и общепринятым социальным отношениям, взаимопомощи и взаимовыручки в требующих значительных материальных и трудовых затрат мероприятиях (поминки, похороны, той, уплата долгов, штрафов и т. д.).

Нынешняя реальность показывает, что советская система со своими многочисленными разнохарактерными «преобразованиями» и «перестройками», карательно-запретительными средствами сумела создать кыргызскому трайбализму лишь некоторые неудобства, образно говоря, не большие, чем ежегодная зимовка его носителям — кочевникам.

скотоводам. Стало очевидно, что трайбализм благополучно, даже с некоторой пользой для себя, «перезимовав советскую стужу», ныне «вышел на летние просторы».

В последние годы с явными открытыми проявлениями трайбализма общественность столкнулась с началом выборов народных депутатов и руководителей трудовых коллективов из числа альтернативных кандидатов. В дальнейшем, охватывая все новые и новые сферы общественной практики, феномен трайбализма особенно обнажился в процессе строительства суверенной государственности Кыргызстана. Ныне о нем заговорили многие: политики, публицисты, ученые и «активисты». В устах некоторых из них понятие «трайбализм» имеет то же значение, что и многие нелестные «измы» советского периода, у других — он «не так страшен, как его малюют». Основная же масса людей, увлеченная идеей «возрождения нации», относится к нему, как к возвращению традиционного «журтчулука», издревле способствовавшего сплочению людей, хотя он почти всегда выражал и защищал интересы лишь рода или его подразделения, а не народа в целом. Многие еще не осознают, что некоторые проявления «возрожденного» трайбализма могут стать опасными для стабильности и целостности молодого кыргызского государства.

В чем причина живучести трайбализма? В силу каких причин этот феномен дожил до наших дней? Каковы вероятные последствия его нынешнего всплеска? На эти актуальные для современной общественной жизни Кыргызстана вопросы, на наш взгляд, можно с большой степенью точности ответить, лишь разобравшись в причинах возникновения, функциях и принципах трайбализма, в причинах, сущности и последствиях процессов эволюционного, а иногда революционного изменения общественного устройства кыргызов. Предлагаемое вниманию читателя исследование является первой попыткой изучения проблемы в указанном аспекте.

Феномен трайбализма и его сущность

Принципы трайбализма начали складываться еще в стадную эпоху человеческой истории. Имея несовершенные орудия труда, древнейшие люди не могли жить в одиночку. В борьбе с природой, хищниками и себе подобными выживали, лишь сплотившись в коллектив. Поэтому люди той эпохи жили группами — стадами, соблюдая определенные нормы поведения при добывании пищи и обороне.

Совместный труд и борьба за выживание, развитие связанной речи сплачивали людей. Со временем стада превратились в постоянные коллективы родственников — роды. Несколько родов, живших в одной местности и говорящих на одном языке, составляли племя.

В условиях того далекого периода только целому роду было под силу с несовершенными каменными орудиями обеспечить жизнь людей. В дальнейшем в связи с переходом от присваивающего хозяйства (сборительство плодов и корней растений, охота) к производящему (земледелие, скотоводство), особенно с переходом к оседлости, родовые общины начинают сменяться соседскими, или так называемыми земледельческо-крестьянскими, общинами.

Как показывают историко-археологические исследования, это начало происходит в некоторых регионах земли еще в эпоху неолита, т. е. 6—7 тысяч лет тому назад, в других — позже — в эпоху железа. Однако, если во многих земледельческих обществах земного шара в результате умелого использования орудий труда возникла довольно развитая социальная организация, перешагнувшая предклассовые или раннеклассовые отношения, то в районах эффективного присваивающего хозяйства общественное устройство таких народностей, как австралийские аборигены, африканские бушмены и др., осталось почти неизменным вплоть до современности. Эффективное присваивающее хозяйство во многих случаях служило тормозом,

препятствующим проникновению земледелия и скотоводства, и одновременно консервировало доклассовые общественные отношения.

Было еще одно исключение из общечеловеческой тенденции развития, связанное с кочевым скотоводством, являющимся одной из разновидностей производящего хозяйства, и в силу своей специфики также не позволявшее обществу подняться выше раннеклассовых отношений. Именно в такой обстановке жила большая часть кыргызов до начала 30-х годов нынешнего столетия. Поэтому проявление отдельных моментов трайбализма, составляющего основу принципов общественной организации доклассового периода, в современной общественной жизни Кыргызстана вполне закономерно.

Сущность и функции трайбализма, как мы уже отметили, почти не исследовались этнографической наукой. В ранних изданиях, даже в многотомной Большой Советской Энциклопедии (считавшейся универсальной), феномен трайбализма даже не затрагивался. Лишь в самом последнем издании¹ имеется несколько строчек, посвященных раскрытию сущности трайбализма с позиций марксистской науки. Отмечается, что трайбализм в современной литературе и политической жизни понимается в широком значении, как сохраняющиеся архаичные институты и организации, связанные с родоплеменным строем; архаичность социального развития; низкий уровень этнических процессов; враждебное отношение одной этнической группы к другой; этношовинистическая политика, направленная на предоставление льгот и привилегий этнической группе в целом или отдельным ее представителям; использование этнического фактора в политических целях. И, конечно же, подчеркивается, что все это имеет место

¹ Большая Советская Энциклопедия. Т. XXVI. М., 1977.

в отсталых колониальных странах, используется неоконизаторами для реализации своего курса под лозунгом «разделяй и властвуй»¹.

Можно не согласиться с некоторыми моментами цитированной статьи, можно даже отрицать наличие трайбализма в современном кыргызском обществе. Однако реальные события, происходящие в современном Кыргызстане (шумная кампания вокруг восстановления и уточнения родословия кыргызских племен — «санжыра»; появление сообществ земляков (читай — «сородичей»); попытки проведения родоплеменных съездов; призывы к сохранению чистоты генофонда народа; перехлесты вокруг реализации Закона «О государственном языке»; не всегда оправданное при подборе кадров предпочтение представителей одного региона и поочередное «избиение» выходцев из других; прочно утверждающаяся практика избрания депутатов только из числа своих сородичей, недоброжелательное отношение к руководящим работникам из других регионов; непродуманные и не всегда справедливые по отношению к представителям других народностей Кыргызстана мероприятия по выделению земельных участков кыргызской молодежи и обеспечению самозастройщиков денежными средствами, которые уходят без реальных результатов, и т. п.), показывают, что от отдельных проявлений трайбализма вовсе не свободна и в недавнем прошлом характеризовавшаяся как «всесторонне развитая, процветающая социалистическая кыргызская нация, перешагнувшая от раннеклассовых отношений прямо к социализму, минуя все остальные стадии эволюции человеческого общества».

В чем причина живучести принципов трайбализма среди кыргызов, даже современных? Единственно верный ответ на этот вопрос — наличие общественной потребности

¹ Большая Советская Энциклопедия. Т. XXVI. М., 1977. С. 136.

в их сохранении и упрочении на протяжении всей многовековой истории кыргызов. А какова сущность этой потребности? На этот вопрос крупный авторитет советской этнографии, уже цитированный нами С. М. Абрамзон, руководствуясь, по его признанию, положением Сталина, «каков образ жизни людей, таков образ их мыслей»¹, дает такой ответ: «Образ жизни кочевников в прошлом, вынужденных пребывать в постоянном, за редкими исключениями, напряжении, в условиях необходимости охранять свое имущество от покушений со стороны враждебных (хотя иногда и родственных) племен и соседних государств, и в то же время организовывавших военно-кочевые группировки для захвата чужих территорий и богатств, — этот образ жизни приводил к естественным и необходимым общественно-политическим союзам, к объединениям разного количественного, племенного и родового состава»².

Объяснение, данное авторитетным ученым характеру общественной потребности, приведшей к образованию родоплеменных союзов, верно лишь частично. Во-первых, первая и главная причина возникновения родоплеменных объединений — это необходимость совместной борьбы за выживание в условиях малоэффективного хозяйства, а родовые объединения формировались задолго до появления скотоводства. Во-вторых, из групп, сколоченных лишь ради сохранения своего и захвата чужого добра, в лучшем случае формируются временные военные союзы, в худшем — шайки грабителей, не имеющие перспектив на тысячелетия. В-третьих, по нашему глубокому убеждению, главная причина живучести трайбализма — постоянная потребность в сохранении благополучия, самобытности,

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 116.

² *Абрамзон С. М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии... С. 137.

²⁵ Том IX. В. М. Плоских

целостности и самостоятельности этнического образования в условиях отсутствия общей государственности.

Иными словами, причина сохранения среди кыргызов проявлений трайбализма до современности — это специфика кочевого скотоводства. Оно в силу своих особенностей мешало проникновению земледелия и оседлости, консервировало доклассовые общественные отношения, а отсутствие, к тому же, общей государственности у кыргызов на многие века сделало защиту самостоятельности и целостности рода или племени делом самих родоплеменных объединений.

История всех кочевых народов-скотоводов показывает, что лишь те из них, в том числе и кыргызы, которые в условиях отсутствия государственности наиболее последовательно придерживались принципов трайбализма, сумели сохранить свою этническую самостоятельность и целостность, тогда как другие — гуны, саки, усунь, половцы, сформировавшиеся в племена почти одновременно с кыргызами, растворились среди иных этнических образований или стали известными под другими этническими названиями (казахи, узбеки и др.). В этом смысле трайбализму должны быть благодарны не только прошлые и нынешнее, но и будущие поколения кыргызов — за сохранение самобытности и целостности народа.

Самоорганизация общества на принципах трайбализма, исходя из потребностей общественной практики, распространилась почти на все сферы жизни рода и имела целью обеспечение жизненного благополучия, самобытности, самостоятельности и целостности рода; регулирование хозяйственных, имущественных, семейных, межгрупповых и межличностных отношений; воспитание дееспособного поколения; охрану рода, племени и их имущества от внешних посягательств и, конечно же, умножение его способом, вполне «легитимным» в условиях той эпохи, — барымтой (угоном скота у других народов или племен). Принципы и правила трайбализма составляли основу организационной,

управленческой, хозяйственной, воспитательной, оборонной, судебно-правовой деятельности.

Экономической основой родового объединения всегда была общность основных источников к существованию. Без такой общности, только на основе кровного родства родовой строй не смог бы сохраниться на многие века. Правда, ученые-обществоведы с 20-х годов до недавнего времени по известным причинам почти единодушно доказывали наличие классового расслоения и жестокой эксплуатации человека человеком в кыргызском обществе уже в XIX в. Однако свидетельства исследований раннего периода, еще «не вооруженных» марксистской (вернее — сталинской) методологией, а также объективный анализ других материалов дают основание для утверждения, что к началу XX в. у кыргызов собственность была формально частной, а фактически обще-родовой. В первую очередь это распространялось на землю.

В книге «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт» (Ташкент, 1889), вышедшей под авторством тогдашнего военного губернатора Н. И. Гродекова (действительный автор книги А. Н. Вышнегородский, проводивший исследование в Аулиеатинском уезде по поручению губернатора Гродекова)¹, сказано, что «у каракиргизов никто не может занять летовку, где издавна кочует известный род. Можно просить: “у меня нет летовки, позвольте быть вашим соседом (коншулаш)”. При отказе нельзя ничего делать...»².

Наличие коллективной собственности на землю у кыргызских родов подтверждается и свидетельствами одного из образованнейших людей своего времени, большого

¹ Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 111.

² Там же.

знатока образа жизни кыргызов Талыпа Молдо (1849—1949 гг.). Подчеркнув, что у кыргызов раньше не было широко распространенной сенозаготовки, не говоря уже о развитом земледелии, он отмечал: «В эпоху воинственности («жоокерчилик заманда» — имеются в виду времена, предшествовавшие присоединению к России. — Авт.), памятуя о том, что те, кто оторвется от своих на вершок, не увидятся до старости (карыш ажыраган карыганча керушпейт), люди жили вместе. Человек, оставшийся в одиночестве, попав в руки неприятелей, мог оказаться на чужбине. Поэтому в землепользовании и богатые, и бедные были вместе, вместе кочевали, вместе обосновывались на новом месте. Земля, принадлежащая одному роду, делилась на внутривидовые колена и айлы. Эта земля не переходила от отца к сыну в качестве наследства. Однако у каждой семьи было определенное, ей принадлежащее место, где обосновывались после каждой перекочевки. Деление и использование земли происходило по решению авторитетов айла»¹.

В известной степени общеродовым был и скот, составлявший основу хозяйственной деятельности и благополучия кочевника-скотовода. В книге кыргызского дореволюционного историка Осмоналы Сыдыкова «Тарых кыргыз Шабдания. Кыргыз санжырасы» (Бишкек, 1990) говорится, что в похоронах известного манаса Шабдана (в 1912 г.) участвовало около 15 тысяч человек. Людям помимо трехдневного обильного угощения было роздано 300 лошадей, 15 лисьих шуб, тройка, 9 скакунов с серебряными сбруями и около 3000 рублей, а для проведения поминок было поставлено 1900 юрт для гостей, в течение 10 дней устраивались различные состязания с дорогими призами,

¹ Кыргыздар. Т. II. Бишкек, 1993. С. 527—528. (Здесь и далее перевод с кыргызского автора).

сопровождавшиеся столь же обильным угощением. Весь сарыбагышский род тогда не жалел своего скота¹.

В упомянутой выше книге Н. И. Гродекова утверждается, что общность имущества кыргызов основывается на родовом начале. Чем теснее круг родства, тем бесконтрольнее члены его пользуются имуществом друг друга. Дети берут у родителей, что им нужно или что им угодно. Воровство в семейном кругу называется только тайным взятием (керсетпей алган). Поведение племянников по женской линии (жеен) оценивается в точном соответствии с поговоркой: «Лучше приход семи волков, чем одного жеена» («Жеен келгенче жети беру келсин»), т. е. они всегда берут у дядей. В пользу нуждающихся совершается сбор с народа (журтчулук) аксакалом, даже против воли людей².

Такие сборы проводились в случаях организации похорон, поминок, при проведении тоев, уплате выкупа за невесту, куна за убийство, штрафов за нанесение телесного повреждения и неуплату долгов. Среди бугинцев, например, за убийство мужчины налагался кун в размере 300 лошадей, женщины — 150, за повреждение глаза мужчины — 150, а женщины — 75 лошадей. Конечно же, не все ответчики и не всегда были в состоянии выплатить штраф такого размера. Тогда указанное количество скота собиралось со всего рода, а в случае сопротивления род, колена или аил подвергался разбою (талонго) с молчаливого согласия соседствующих³.

Все эти примеры — яркие доказательства в известной степени формальности частной собственности у кыргызов в недавнем прошлом.

¹ См.: *Сыдыков О.* Тарых кыргыз Шабдания. Кыргыз санжырасы. Бишкек, 1990. С. 50.

² *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. С. 114.

³ Кыргыздар. Т. II. Бишкек, 1993. С. 528—529.

Система управления родовыми общинами также была подчинена достижению главной цели — обеспечению благополучия, сохранению самобытности, самостоятельности и целостности этнического образования. История родоплеменного этапа развития всего человечества свидетельствует, что в ту эпоху родом управлял вождь с помощью совета старейшин. У кыргызов родоплеменные вожди разных эпох назывались по-разному. В далекий енисейский период кыргызской истории он назывался «ажо». До сих пор кыргызы называют период безвластия и анархии «периодом отсутствия сдерживающего ажо» («Ай! — деген ажо жок, Кой! — деген кожо жок»). В более позднее время вождь именовался «бий» (Тагай-бий, Кубат-бий и др.). На смену «бию» пришло название «манап».

В. Радлову — одному из первых исследователей кыргызов — в 60-х годах прошлого века сами кыргызы рассказывали о том, что название «манап» появилось в XVIII в. Первоначально это было имя одного из биев племени сарыбагыш — самого авторитетного человека своего племени, а потому после его смерти все бии стали называться манапами (по расчетам, основанным на кыргызских генеалогиях, время жизни сарыбагышского предводителя Манапа относится к XVII в.). В написанной в 1897 г. статье пишпекский уездный начальник А. Талызин тоже говорит, что название «манап» перешло к остальным кыргызским племенам от сарыбагышей.

В книге Н. И. Гродекова есть сведения о том, что манапы у кыргызов — это просто лучшие люди, пользующиеся почетом не большим, чем вообще другие авторитетные люди рода, что манап есть не вполне потомственное звание: если сын манапа хуже отца, злой или обедневший, то он перестает быть манапом. В подтверждение сказанного приводятся слова манапа Асана Джангельдина: «Манап есть звание, вроде русского князя. Ни один манап не произошел из дома Чингисхана (из потомков. — Авт.).

Манапами стали те, которые выделялись из народа (журттан озуп), отличались храбростью и щедростью, во время неприятельских нашествий собирали весь народ и предводительствовали им (эл баштаган), те, которые сами выделялись среди других (озу осуп чыккан). Их не выбирали, но если бы выбирать, то выбирали бы их»¹.

Наличие своеобразного естественного отбора в системе манапства подтверждается и иерархией названий манапов: чон манап (главный манап), жаны манап (новый манап), чала манап (еще не утвердившийся манап), а также народными преданиями об истории отдельных предводителей племен. Согласно одному из них, знаменитый Байтик-батыр, верховный манап племени солто, провел свое детство и юношество среди чужого для него племени в Таласе не от хорошей жизни. Вернулся в отчий край — Чуйскую долину — лишь тогда, когда самоутвердился в качестве отважного джигита, приближенного человека, но не своего — солтинского — манапа, а чужого — сарыбагышского — манапа Жантая. Только после того, как он благодаря своей отваге, щедрости и прозорливости стал широко известен в народе (эл оозуна кирет), он был замечен верховным манапом солтинцев Жангарачем. Его чаще приглашают на советы. Со временем Жангарач станет поручать Байтику решение некоторых (сначала малозначительных) вопросов (Байтик менен чечкиле). Дальнейшее развитие событий привело к тому, что к моменту кончины Жангарача главенство Байтика среди остальных солтинских манапов стало неоспоримым.

Другой пример. Правая рука верховного манапа племени буту — знаменитого Боромбая — Балбай-батыр имел незнатное происхождение. Только благодаря личной отваге, предводительским способностям при отражении частых

¹ Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. С. 6.

набегов чужих племен и при организации столь же регулярной барымты бугинцев к соседям он стал самым влиятельным человеком среди соплеменников.

Авторы исторической литературы недавнего прошлого, руководствуясь марксистским положением: «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов», почти единогласно и безапелляционно говорили о наличии классового противостояния в кыргызском обществе, о жестокости и безжалостности биев и манапов в отношении простых людей и приводили, казалось бы, убедительные примеры.

Были ли случаи деспотизма или иного, особенно по нынешним меркам, самодурства со стороны родоплеменных предводителей? Конечно же, были, ибо от злоупотребления властью, как оказалось, не застрахован ни один общественный строй — даже демократический. В работе Юсупа Абдрахманова «О восстании 1916 года», например, приводятся такие факты: главный манап сарыбагышей Ормон за несвоевременное возвращение потерянного его людьми во время перекочевки кегена (веревка с петлями для привязывания ягнят) наложил айып (штраф) на нашедшего: две девушки (по числу колов, вбиваемых в землю, к которым привязываются концы кегена) и по барану за каждую петлю, т. е. около 300 баранов. Другой сарыбагышский манап отобрал у саяков земли, расположенные в районе нынешнего г. Балыкчи, мотивируя это тем, что в этой местности собираются охотиться на фазанов его сыновья. Бугинский манап Боромбай настоял на выселении кыргызов рода саяк на каменистые и неудобные земли Торуайгыра, Чолпонаты и Таштака в Иссык-Кульской котловине, цинично заявив: «К саякам и сорокам не может быть жалости» («Саяк менен сагызганга увал жок») ¹.

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 238–239.

Эти и другие известные исторические факты позволяют говорить, что в кыргызском обществе имели место проявления противоборства, несправедливости и жестокости. Однако они, как становится ясно при внимательном анализе, больше межродовые и межплеменные, нежели «межклассовые». И беспощадность Ормона, обобрававшего «счастливец», нашедшего кеген, и его знаменитые виселицы, на которых периодически казнили провинившихся не столько ради справедливого наказания, сколько для устрашения, и другие дикие по нынешним меркам «художества» манапов были направлены на обеспечение порядка по принципам и правилам той эпохи: они должны были отличаться особой «назидательной силой», чтобы оставались в народной памяти надолго, поскольку тогда не было общепринятого четко исполняемого законодательства, постоянно действующих структур обеспечения общественного порядка. Надо сказать, однако, что назидательно жестоко карались в основном представители не своих родовых объединений или более отдаленных колен родичей.

Утверждение о жестокой эксплуатации трудового народа со стороны баев и манапов нуждается в коррекции и с учетом объективных реалий той эпохи. Дело в том, что в условиях кочевого животноводства не было широкого поля для применения эксплуатируемого труда. Эксплуатация не распространялась дальше выпаса скота, заготовки дров и приготовления пищи. Поэтому наемный труд использовался ограниченно, правда, и оплачивался невысоко.

То же самое можно сказать о чыгымах (сборы на крупные мероприятия: похороны, поминки, той и т. п.). В традиционном кыргызском обществе они собирались (собираются и ныне среди близких сородичей) в таких случаях для любого члена рода или колена, независимо от его социального положения. Правда, в ту эпоху «усерднее и щедрее» собирали для авторитетов рода и не только из опасения немилости предводителя, но и для возвеличивания

его авторитета и тем самым рода в целом. Но такие моменты были не столь уж частыми. В остальном манапы и бии не обладали особыми привилегиями. Вся «заработная плата» биев в основном состояла из лучших кусков мяса, подносимых «подданными» в период согума (забой скота в начале зимы до утери упитанности для употребления в зимнее время). Желающих за такие «льготы» быть постоянно в центре «разборок» было, по-видимому, не так много, если бий одного из родов племени бугу некто Аныр предлагал свое бийство любому желающему, правда... за определенные «выкупные»¹.

В традиционном кыргызском обществе между манапами и рядовыми членами рода существовала взаимозависимость. Влияние и сила манапа в среде себе подобных в межплеменных отношениях в определяющей степени зависели от величины и хозяйственного состояния, уровня имиджа его рода. Поэтому манапы всегда заботились о численном и экономическом росте рода, о сохранении порядка внутри него с тем, чтобы не давать повода для появления дурной славы. В свою очередь, авторитет рода, защищенность каждого его члена во многом зависели от политического веса и авторитета предводителя.

Иными словами, все члены родового объединения были заинтересованы в укреплении мощи и возвеличивании рода. Это обуславливалось общностью жизненных интересов. Каждый мог находить защиту и подмогу только у своего рода. Народный обычай, построенный на принципах трайбализма, не только допускал и поощрял, но обязывал всех сородичей мстить за совершенные несправедливость или преступление против любого члена рода. Даже оскорбление любому рядовому члену рода должно было быть отмщено. С другой стороны, за проступки каждого из родовичей

¹ Кыргыздар. Т. II. С. 528–529.

в первую очередь отвечал род. Очистительная присяга (ант ичуу) налагалась не на совершившего проступок, а на более авторитетное лицо рода. Взыскание получал и расплачивался не виновный, а род. При неуплате куна убивали не обязательно убийцу, а любого члена его рода.

Необходимость сохранения единства, сплоченности и целостности рода и племени порождала определенные генеалогические предания — легенды, идеальные родословные схемы — санжыра, призванные обосновать существование данного родового союза, связь между его частями, иногда весьма далекими по своему происхождению. Согласно этой схеме, каждый кыргыз представлял себе свой род, вернее — родословную, в виде цепочки предков по мужской линии, начиная от близких (берки ата) и кончая отдаленными (аркы ата), во главе с родоначальником (туп ата).

Мнение многих исследователей, начиная с Н. И. Гродекова и кончая С. М. Абрамзоном и более поздними, что в генеалогических преданиях имеет место отражение классовой идеологии, объясняемое только тем, что основными носителями (сказителями) преданий являются в основном состоятельные люди и старейшины, не выдерживает критики. Во-первых, генеалогическая схема — санжыра — продукт доклассового общественного сознания. Во-вторых, основная тяжесть заботы о целостности и благополучии рода выпадала на долю именно авторитетов рода — старейшин. Знание сложнейших родословных схем и других народных преданий входило в своеобразную «программу их профессиональной подготовки и служебную обязанность», служило гарантом правильности их решений в духе народных традиций и мудрости. В-третьих, именно они имели больше возможности для изучения всех перипетий родословия дальних и близких кыргызских племен, нежели простые скотоводы. Однако и последние обязаны были четко знать названия своего рода и колена, имена прямых предков до седьмого колена: ата (отец), чон ата (дед), баба

(прадед), бува (прапрадед), кубары (предок в 5-м колене), жото (в 6-м) и жете (в 7-м). Без этого человек не мог доказать свою принадлежность к тому или иному роду в качестве «ак сеек» («белая кость») или «кара сеек» («черная кость») со всеми вытекающими отсюда последствиями. Деление на «белую» и «черную кость» среди кыргызов не было имущественным или сословным. Прямые потомки родоначальника (туп ата) считались «ак сеек», а потомки примкнувших к этому роду позже — «кара сеек». Конечно, принадлежность к первым была предпочтительнее во многих отношениях.

Знание родословия служило также своеобразным паспортом или удостоверением личности кочевника вне рода. По откровенности и полноте рассказа незнакомого гостя или путника о своем происхождении делали выводы о достоинстве и надежности, об истинных намерениях незнакомца.

Сохранению целостности и сплоченности родственников служили и семейно-брачные отношения. Браки заключались чаще между представителями различных племен, допускались и внутри рода, но дальше седьмого колена родства по отцовской линии. Причины недопущения брачных отношений среди более близких родственников были таковы: во-первых, потому что возможные разводы семейных пар сопровождались бы осложнением отношений среди близких родственников — сватов; во-вторых, было бы труднее добиться того послушания и покорности родственницы — невестки, которые требовались в условиях патриархальных отношений; в-третьих, на основе многовекового опыта народ знал, что кровосмешение при браках ближайших родственников пагубно отражается на потомстве: оно, как правило, малочисленно и болезненно (тукум еспейт), а сами семейные пары — слабые (кем кубат) в половом отношении.

Воспитание дееспособного поколения, которое в состоянии бороться за сохранение и приумножение материального богатства рода, за его честь и достоинство, было

общеродовой заботой. Считалось, что рождение девочки — своего рода прибавление к табуну (имеется в виду будущий калым за нее. — Авт.), рождение мальчика — прибавление защитников («Кыз туулса — кырк байтал, уул туулса — союл кармаар»). Дети с подросткового возраста приучались к общественно полезному труду, осуждалось безделье среди них: «Орозойдун баласы онго чыкса да жаш имиш» («У непутового Орозя сын и после десяти лет ребенок»).

В случае смерти мужчины его жена, дети и имущество оставались на попечении рода. Вдова выходила замуж за одного из ближайших младших родственников умершего, который становился приемным отцом ее детей. Если ближайших родственников не было, она становилась женой кого-то из дальних родственников умершего мужа. В данном случае имущество умершего оставалось у его ближайших родственников, кроме того, новый муж вдовы платил им еще жесир доо («плата за вдову») Если вдова, не согласившись выйти замуж за родственника мужа, уходила к своим родителям, то только пройдя через кереге (образное выражение: кереге — подвижные деревянные стенки юрты с ячейками 25 на 25 см, прохождение через них означало оставлять все, включая и детей). Если же она выходила замуж, то ее родители отдавали родственникам бывшего мужа часть калыма, полученного от нового мужа. Вернуться к своим родителям с детьми вдова могла только в том случае, если у умершего мужа не было родни. И даже тогда дети, выросшие в роду матери, не переставали считаться членами рода отца. В случае убийства ребенка кун за него требовал и получал род его отца, а не матери. После достижения совершеннолетия юноши, выросшие среди родственников по материнской линии, обязаны были вернуться в отцовский род (тегине кетуу, уйрун табуу — «возвращение к истокам», «нахождение своего табуна»).

Ребенок, даже в утробе матери попавший по какой-то причине в чужой род, принадлежал к роду зачавшего.

Невозвращение такого ребенка роду отца часто приводило к межродовым, межплеменным столкновениям. Так, имеются исторические сведения о том, что в период первой попытки завоевания кокандцами племени бугу, проживавшего в Иссык-Кульской долине, инициаторами похода и помощниками захватчиков выступили предводители племени саяк, обиженные тем, что некто Шапак, от потомков которого произошел влиятельный бугинский род, будто бы будучи зачатым саяком, попал к бугинцам в утробе своей матери, предводители племени бугу не давали согласия на возвращение шапаковцев к «своему» племени¹.

В целях увеличения потомства и сохранения рода широко практиковалось воспитание приемного ребенка — энчилеш бала, тонсуз бала («ребенок с наследственными правами», «внеутробный ребенок»). Усыновление могло происходить в любом, даже зрелом возрасте. Достаточно было прикладывания к груди жены усыновляющего при свидетелях с клятвами быть их верным сыном. Усыновивший отвечал за действия усыновленного: платил штрафы, кун и получал таковые за него, как и за родного ребенка. Права и обязанности усыновленного были такие же, как у сводных братьев, однако в отличие от них он мог в любое время уйти к своему настоящему роду.

Маналы крупных племен и родов в соперничестве за власть, влияние и территорию с другими родовыми объединениями старались переманить и «усыновить» авторитетных людей малочисленных, часто притесняемых подродов и колен, не входящих в основной род своего соперника. Так, во времена соперничества верховного бугинского манала Боромбая и манала сарыбагышей Ормона малочисленное ответвление племени саяков, находившееся до этого в подчинении Ормона, откочевывает к бугинцам. Их пред-

¹ Кыргыздар. Т. II. С. 530.

водитель Алибек «усыновляется» в соответствии с пришедшим обрядом Боромбаем. На требование Ормона вернуть беглецов Боромбай отвечает: «Птица, спасающаяся от ястреба, находит укрытие в кустарнике. Неужели Ормон не воспринимает племени бугу даже в качестве кустарника?» Это событие потом станет одной из главных причин междоусобиц, унесших жизни более 5 тысяч бугинцев и сарыбагышей во главе с самим Ормоном¹.

Основу имущественного благополучия рода составляла коллективная забота о его сохранности и увеличении. В эпоху воинственности (жоокерчилик заманда) основное имущество состояло из скота, который можно было угнать с собой при нападении неприятеля и захватить у него при своих удачных походах. Защита родичей и их имущества считалась главной заботой мужчин, и готовились они к этому с малолетства, росли, «играя на гриве коня» (аттын жалында ойноп). Для мужчины было позором отсутствие высокого мастерства в верховой езде и личной отваги. Каждый мужчина должен был иметь вооружение, доспехи и специально подготовленного коня (жоого минеер ат), чтобы достойно противостоять врагу, прибыв к месту сбора по призыву «Аттан! Жоо келди» («Седлай! Враг подошел»).

Близкородственные семьи составляли аил. Все айлы, входившие в род или племя, опасаясь разграблений и пленения враждебными родами или племенами, кочевали вместе. По свидетельству Талыпа Молдо, бугинцы, например, зимовку проводили в Кульдже и Текесе, а летовку — на Иссык-Куле. День перекочевки определялся главным манапом племени Боромбаем, о чем оповещали старейшин всех айлов. Нарушить дни общей перекочевки не мог никто и ничто (ни непогода, ни какие-то другие причины). Отложить перекочевку на день имел право какой-нибудь один

¹ Кыргыздар. Т. II. С. 530.

аил и только по случаю похорон. Однако и этим правом пользовались редко. Обычно увозили умершего с собой и хоронили во время короткой остановки. Для защиты кочующих выделялись специальные отряды. Бугинцев северного побережья Иссык-Куля обычно охранял Балбай батыр со своими воинами, южного — Жапек-батыр, а на авангарде — Омур-батыр¹. На новом месте род располагался поаульно в линию, простирающуюся на десятки километров.

Для различения принадлежности скота при такой скученности использовались тамга (тавро) и эн (метка). Тамга была единой для всего рода. Тамги кыргызских племен по силуэту разделялись на орок тамга (серповидная), ай тамга (луновидная), кылыч тамга (саблевидная), кайчы тамга (скрещенная), кыйшык тамга (кривая). Для определения принадлежности скота внутри рода или колена использовали эн — метку, наносимую на ухо (безболезненное и самое видное, непокрытое густой шерстью место) животного.

Во время важных хозяйственных кампаний, таких, как окот скота, стрижка овец, сев, молотьба, подготовка снаряжения и юрты и т. п., родичи помогали друг другу². Материальную помощь оказывали родичи друг другу и при устройстве семейных праздников, похорон и поминок. Формы помощи и взаимопомощи назывались по-разному: тууганчылык (родство), журтчулук (этническая общность), коншулук (соседство), ынтымак (сплоченность), жардам (помощь), кошумча (материальная поддержка), ашар, саан беруу (дача бедному родичу дойной коровы), мингич беруу (дача бедному родичу лошади во временное пользование) и т. д.

¹ Кыргыздар. Т. II. С. 530.

² Там же.

Честь и имидж благородного, добропорядочного рода также относились к числу ценностей, оберегаемых не менее заботливо, чем жизнь и имущество. Даже общеизвестное кыргызское гостеприимство было не только проявлением человеческой гуманности к путнику в условиях отсутствия платных услуг, но и способом демонстрации добропорядочности хозяина дома и его рода в целом. В среде кыргызов были строго соблюдаемые правила приема гостей, их было три вида: милдеттуу конок («гости по обязательке») — при проведении тоев, поминок, похорон гости из других родов распределялись по домам, хозяева которых содержали гостей исключительно за счет собственных средств; тааныш конок («знакомый гость» — дальние родственники, друзья, товарищи); кудайы конок («гость от бога» — незнакомец, наприсившийся на ночлег).

Самым разорительным, ответственным и даже опасным был милдеттуу конок. Хозяин дома оказывался на время в полном распоряжении гостей, которые могли безнаказанно его оскорбить или даже избить, если их не устроило его гостеприимство. Бывали и более серьезные случаи. Так, во время поминок волостного управителя рода арык гости из рода шапак устроили барымту и угнали табуны лошадей арыковцев только за то, что те замешкались с распределением их по семьям. Легче было при тааныш конок, когда гость принимался по усмотрению и возможности хозяина и в зависимости от сложившихся между ними взаимоотношений. Иначе обстояло дело при кудайы конок — при приеме незваного гостя. По строгим правилам того времени каждая кыргызская семья была обязана безвозмездно обеспечить пищей, ночлегом любого путника, который перед закатом солнца останавливался около его жилища и просился на ночлег. Причем существовало правило: выставлялось угощение и гость оставался один («Коноктун алдына аш кой, колун бош кой»). Пригласить хозяина к столу или отдать ему остатки (кешик) угощения — было делом гостя.

²⁶ Том IX. В. М. Плоских

Если угощение показалось гостю недостаточным, он имел право собственноручно заколоть барана из стада юрто-владельца. В спорах, возможных в таких случаях, правым всегда признавался гость. Если хозяин оказывался настолько бедным, что не мог принять гостя как положено, он обращался за помощью к родичам, которые по неписаным законам трайбализма и опасаясь распространения «дурной славы» об их роде, унижения сородича, всегда оказывали нужную помощь. Поэтому кыргызские семьи среднего и ниже среднего достатка лучшую еду оставляли для возможных незваных гостей, пряча ее даже от собственных детей. Хозяин отвечал за жизнь и имущество гостя, если их роды не были в состоянии войны, барымты или кровной мести. Остальные обиды и вражда отодвигались на время. Главными становились принципы: «алдына келгени — намысынын кеткени» («появление пред очи — изъятие покорности»), «уйуне клесе, уйдей доон болсо да айтпа» («гостю не напоминай о его долге») За обиду гостя взыскивали строго. В случае внезапной смерти гостя или пропажи его имущества хозяин платил кун или возмещал ущерб. Иными словами, гостеприимство было общепринятым, почетным, ответственным, а для кого-то — разорительным. Поэтому говорили: «Конок бир консо — кут, эки консо — жут» («Если гость раз остановится — счастье, два — бедствие»).

В условиях отсутствия письменности основные правила общественного поведения были сформулированы образно, кратко и сущностно — в виде пословиц, поговорок, преданий, передавались от поколения к поколению, шлифовались общественной практикой и временем. Они, представляя собой сгусток народной мудрости, касались всех сторон жизни родового общества. Если такие пословицы, как: «Эл мазар, элден кеткен азар» («Народ — святыня, без народа — ничтожество»), «Эрден ашмак бар, элден ашмак жок» («Превзойти богатыря — да, народ — нет»), «Элин

жарды болсо, жеке байлык курусун» («Будь проклято личное богатство, если твой народ бедствует»), «Элдуу тулку ачтан елбейт» («С народом и лиса не подохнет с голоду») и т. п., были направлены на обеспечение единства и сплоченности рода, то другие, такие, как «Жакшы бий журтгун камын жейт, жаман бий — малын жейт» («Хороший бий печется о народе, плохой тратит его добро»), «Туура бийде тууган жок, туугандуу бийде ыйман жок» («У справедливого бия не бывает близких, у бия с близкими не бывает справедливости») и т. п., касались сферы управления обществом. Особенно много пословиц, поговорок и преданий посвящено защите рода, племени, народа, отчего края. «Эр жигит эл черинде, жоо бетинде» («Смелый джигит — на защите народа, перед лицом врага»), «Эр жигит энеден туулат, жоодон елет» («Смелый джигит жизнь получает от матери, смерть — от врага»), «Жаздыкта елген жаманат, жоодон елген салтанат» («Смерть на подушке — позор, на поле битвы — почет») и т. д. Имелись многочисленные поговорки и пословицы, касающиеся сфер хозяйственной деятельности, семейно-бытовых отношений, дружбы, чело-вечности и т. п., т. е. всех сфер общественной и личной жизни кочевников в условиях родового строя.

История всех народов, перешагнувших в своем развитии этап родоплеменных отношений, показывает, что главными условиями отхода от трайбалистских принципов регулирования общественных отношений являются: во-первых, переход к оседлому земледелию, в результате чего резко повышается эффективность производящего хозяйства и значительно снижается зависимость отдельной семьи от родовой взаимовыручки, происходит замена родовой общности соседской, во-вторых, образование государственности, которая берет на себя функции защиты населения от внешнего нападения, обязанности правового регулирования внутренних экономических, социальных, политических, семейно-бытовых и многих других отношений. Именно этих

условий не было в кыргызском обществе почти до первой четверти XX в.

Кыргызский трайбализм в колониальную эпоху

Начав в 1762 г. подчинение кыргызов, Кокандское ханство к 1832 г. подчинило себе почти все кыргызские племена. Этому в большой степени способствовало то обстоятельство, что, как писал Ф. Гельвальд, «кара-киргызы не имеют между собой ни малейшей связи и никаких общегосударственных учреждений. Их многочисленные племена совершенно отдалены друг от друга и враждуют между собой, и даже каждое отдельное племя разветвляется в свою очередь на новые подразделения, которые равным образом находятся между собой во вражде. Все их военные поглощены бесконечной внутренней борьбой». Например, в 1821 г. после упорной борьбы, не без помощи некоторых южных кыргызских племен, кокандцы подчинит себе кетмень-тюбинских саяков. В том же году кокандский хан Омар направил главу кыргызского племени кутлуг сеид Бекназара — хакима города Касана против племени сарыбагыш. Поход Бекназара повсеместно сопровождался грабежами и убийствами кыргызов в соответствии с ханским приказом «истреблять все время сарыбагышей, никому из оногo злодейского племени пощады не давать». В 1825 г. Мадали-хан, узнав о новой вспышке междоусобицы между племенами солто и сарыбагыш, направил в Чуйскую долину около 4 тысяч воинов. Племя солто и часть сарыбагышей подчинились силе и стали платить кокандцам подати. В 1831–1832 гг., используя распри между племенами сарыбагыш, саяк и бугу, кокандцы овладели Прииссыккульем.

Как видим, кыргызский трайбализм отличала внутриплеменная или внутритродовая объединительная способ-

ность, но в масштабе народа в целом эта способность была уже с противоположным знаком. И это было естественно, ибо узкородоплеменные интересы и потребности, которые обслуживает трайбализм, во многих своих моментах противоречат общенациональным и общенародным.

Хотя с включением Кыргызстана в состав Кокандского ханства будто бы создалось одно из условий преодоления трайбализма (появление государственности), но радикальных изменений в функциях и роли кыргызского трайбализма не произошло. Во-первых, политика ханства ограничивалась в основном сбором податей и распространением ислама на подчиненных территориях и не затрагивала устоев общественного строя кыргызов. Во-вторых, кокандские ханы, овладев Кыргызстаном, разжигали межплеменные и межродовые усобицы, следуя старому, как мир, принципу: «разделяй и властвуй». В-третьих, довольно кратковременным в историческом масштабе был период владычества ханства над киргизами — 24–100 лет.

Первый ощутимый удар по кыргызскому трайбализму был нанесен после присоединения кыргызских племен к России, что и было отмечено русскими исследователями еще в конце XIX в.

Законом 1867 г. об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях было предусмотрено разделение кочевое население на волости и аулы (вместо родовых объединений). Причем волости создавались по возможности смешанные — из разных родов. Разведение кыргызских родов по разным волостям было сделано исключительно по политическим соображениям — чтобы не оставлять большие роды под властью одного родоначальника, что сохраняло бы власть и авторитет традиционной кыргызской администрации и вызывало бы ее соперничество с колониальной администрацией.

Социально-экономические изменения, происходившие после присоединения Кыргызстана к России, обусловили

появление предпосылок для создания второго условия преодоления трайбализма — оседлости.

В ходе проведения поземельно-податной реформы в Фергане большинство кыргызских волостей землеустроивалось на оседлых началах, в результате чего к 90-м годам XIX в. на юге возникли вполне оседлые поселения — кыштаки. Что касается северной части Кыргызстана, бывшей объектом активной колонизации, где природно-климатические условия были близкими к российским, то здесь даже не планировались подобные мероприятия. В 90-х годах XIX в. и в начале XX в. беднейшая часть населения почти всех волостей Кыргызстана, не охваченных землеустройством, изъявляла желание перейти на оседлость. Число прошений о переводе на оседлость было довольно большим, однако они не носили массового характера. Сказывались традиции трайбализма — всегда быть вместе со своим родом, да и родовые авторитеты активно препятствовали переходу сородичей к оседлости, которая грозила нарушением традиционного образа жизни кыргызов, а значит — уменьшением их власти и авторитета. В 1898 г. в Чуйской долине 33 хозяйства Талкановской волости образовали первое оседлое селение Таш-Тюбе. К началу 1915 г. было уже 10 оседлых кыргызских волостей и в них имелось 67 селений с 8267 дворами. В Пржевальском уезде было образовано 5 кыргызских селений, причисленных к русским волостям.

Необходимо отметить, что процесс оседания кыргызов тормозился многими факторами: уровнем трайбалистского сознания, противодействием феодалов, а также бюрократизмом и волокитой колониальных властей, нежеланием наделять кыргызов их исконными землями, которыми наделялись переселенцы из России. Тем не менее, он шел. Н. И. Гродеков в своей книге, вышедшей в 1889 г., отмечает, что со времени присоединения к России у кыргызов «родовое начало потеряло свое первоначальное значение». В качестве причин этого приводятся следующие моменты:

- «а) в народных судах присяжные назначаются биями уже не из того рода или объединения, к которому принадлежит обвиняемый или доказчик, а из той волости, аула, пятидесятка, где они числятся;
- б) при несостоятельности виновных к платежу присужденного скота по уголовным делам привлекаются уже не родственники, а одноаульцы обвиняемого и, смотря по величине иска, в платеже скота участвует весь аил или же те 50 или 10 кибиток, к которым принадлежит обвиняемый.
- в) перечисления кочевников из одной волости в другую или из аула в аул происходят, большей частью, для приобретения поземельных прав для хлебопашества, так как в настоящее время кочевое население придает весьма большое значение поземельному пользованию;
- г) теперь баранта в сильных размерах прекратилась, грабежи весьма незначительные; по убийствам нет надобности прибегать к кровной мести для получения удовлетворения; по искам и обидам нет надобности прибегать к насилию, так как, в случае неполучения удовлетворения, они могут обратиться к русской власти, которая заставит народных судей разобрать дело и удовлетворить истцов, а потому во всех таких делах не настает необходимости искать защиты у родовичей;
- д) теперь не существует захвата земель одним родом у другого, в защиту которого прочие роды соединились бы между собою»¹.

Действительно, указанные автором обстоятельства способствовали снижению «первоначального» значения

¹ *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. С. 111.

трайбализма. Но были другие моменты колониальной политики, которые способствовали не только сохранению, но и усилению функционального значения некоторых принципов трайбализма. Они не были «замечены», а может быть не должны были быть «замеченными», особенно главой областной колониальной администрации — военным губернатором.

Сами же кыргызы эти моменты прекрасно «замечали», ибо испытывали их на себе и на судьбе своего народа. Так, Талып Молдо, детально характеризуя все позитивные и негативные последствия присоединения к России, в числе последних указывал на групповую борьбу (по родовым признакам) во время выборов волостных управителей, а также непомерное увеличение поборов на выборы и содержание аильной и волостной администрации, размеры которых определялись самой местной властью¹.

Осмоналы Сыдыков в книге «Тарых кыргыз Шадмания» с горечью писал²:

Партиялык басып кетти,
Жылдан жылга ашып кетти.
Куулук шумдук ташып кетти
Мээр, шафкат качып кетти...
Кемессия кетер болсо
Партиялык бугер болсо .

(Увеличиваясь из года в год.
Захлестнула партийность.
Под напором подлости и зла
Покинула порядочность...
Пришел бы конец комиссиям
И межпартийным раздорам).

¹ Кыргыздар. Т. II. С. 540.

² Сыдыков О. Тарых кыргыз Шадмания. С. 15.

Другой знаток истории кыргызов начала XX в. Юсуп Абдрахманов в книге «Восстание 1916 г.» отмечал: «В эпоху царизма в деле административного устройства киргиз стало правилом, когда волость образовывалась из 500—600 хозяйств, т. е. это была такая карликовая волость, которая с точки зрения экономической не могла выдержать тех расходов, которые падали на население данной волости. Но с точки зрения баев и манаров, с точки зрения царской администрации, которая из числа последних создавала царизму армию услужливых элементов (волостных управителей и старшин) это было вполне целесообразно»¹.

Всякие выборы волостных управителей, биев и старшин, их поездки «по служебным делам» сопровождалась сборами чыгыма — «расходных». Существовали так называемые «необязательные» общественные сборы на строительство дорог, арыков, мостов, почтовых трактов, общественных сооружений и т. п., которые были в несколько раз больше, чем официально-обязательные, зафиксированные в актовых документах государственные налоги — кибиточная подать (в размере 2 руб. 75 коп. в период мировой войны выросла до 15 руб.).

Поскольку государственные обязательные налоги распределялись в порядке уравнительности по кибиткам, а львиная доля «необязательных» и общественных сборов падала на сторонников проигравшей в ходе выборов стороны, страдали прежде всего бедняцкие хозяйства и родичи неудачливого конкурента. В основном по этой причине в царскую эпоху особую силу обрел трайбалистский принцип: «Жаман болсо да эз улагынан теке сал» («Хоть паршивый — но вожак из своего стада»).

Роды всеми средствами (подкуп должностных лиц уездной колониальной администрации, переманивание к себе недовольных семейств или ответвления рода соперничающей

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. С. 259.

стороны, открытое жульничество и т. п.) старались добиться избрания «своего» волостным управителем, бием, старшиной, на худой конец хотя бы «устроить» жасоолом (конный стражник из числа кыргызов; само слово — от искаженного «есаул»).

Так, жители старшего поколения Тюпского района до сих пор помнят предание о том, как проходили «выборы» волостного управителя, назначенные в местности Каркыра в начале нашего столетия. Один из претендентов на должность волостного управителя путем подкупа уговорил уездного представителя под «веским» предлогом задержаться и приехать в день выборов для наблюдения за ходом выборов уже после обеда. Сам с утра назначенного дня распространяет среди выборщиков слух о возможном переносе выборов на следующий день из-за особой занятости уездного начальника, что «подтверждается» и сообщением «специального посыльного». К полудню на месте предстоящих выборов остаются в основном заранее предупрежденные его сторонники. После прибытия уездного начальника были проведены выборы «без нарушения закона», т. е. в назначенный день, и с «законным» исходом. Соперничающая сторона лишилась не только искомой должности, но и была вынуждена выплатить большую часть выборных расходов как проявившая неуважение к закону. Пострадавшие «рассчитались» через несколько лет, после смерти соперника, привязав к его могиле собаку («жил как собака и умер как собака»), что было несмываемым позором для всего рода.

В таком состоянии дошел кыргызский трайбализм до советского времени.

Борьба с трайбализмом в советскую эпоху

Задача коммунистической партии в ее работе среди 30-миллионного, по преимуществу тюркского, населения, не успевшего пройти путь капиталистического развития

к моменту установления советской власти, сохранившего в основном скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедшего дальше полупатриархального, полуфеодального быта, была определена на X съезде РКП(б). В его резолюции по вопросу «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» было указано, что партия сплачивает и объединяет трудящиеся массы восточных окраин для окончательной ликвидации патриархально-феодальных отношений и для приобщения их к коммунистическому строительству. Первым шагом на этом пути должно стать классовое расслоение на восточных окраинах, «отстранение всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления»¹.

Причин для постановки задачи «окончательной ликвидации патриархально-феодальных отношений», по мнению лидеров большевистской партии, было предостаточно.

В идеологическом плане она заключалась в том, что согласно марксистскому формационному подходу к истории человечества были реакционными идеология и практика всех предыдущих общественно-экономических формаций, а значит, они подлежали отрицанию, а в большевистском понимании — «окончательной ликвидации». Ставя задачу «ликвидации», ленинцы забыли положение, выдвинутое самим Лениным, о том, что общественное развитие идет по спирали, повторяя пройденное, но на более высоком уровне. Следовательно, отдельные принципы и правила общественных отношений бесклассового «первобытного коммунизма» могут быть полезными в строительстве нового бесклассового общества.

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1940. С. 386.

В политическом плане родовые авторитеты, естественно, могли занять ключевые позиции в органах «советского самоуправления» или составить сильную оппозицию местным партийно-советским органам.

В экономическом плане пережитки трайбализма могли быть тормозом на пути внедрения новых, более прогрессивных способов производства, а самое главное — на пути обобществления производства, сверхцентрализации управления и распределения.

Комплекс этих и других причин конъюнктурно-временного характера обусловил постоянную борьбу с идеологией и практикой трайбалистских отношений. В зависимости от бесконечных политических, экономических кампаний и преобразований борьба эта называлась по-разному: классовое расслоение общества, ликвидация бай-манапства и кулачества, обатрачивание советских и хозяйственных органов, борьба с патриархальщиной, национализмом, групповщиной, местничеством, индустриализация, коллективизация, культурная революция и т. д., и всегда главным ее содержанием было коренное изменение традиционного общественного устройства и общественных отношений кыргызов.

Первый шаг борьбы с кыргызским трайбализмом начался с попыток классового расслоения кыргызов на эксплуататоров и эксплуатируемых, утверждения сознания не кровнородственной, а классовой общности людей. Методами этого направления борьбы были поддержка и выдвижение на руководящие должности представителей бедняцко-средняцких слоев населения; пренебрежение знанием и опытом людей только из-за того, что они — выходцы из имущественных слоев, и преследование их, создание разветвленной системы политграмоты, а в последующем — политического просвещения партийцев, беспартийных активистов и комсомольцев; периодические чистки партийно-советского аппарата от бай-манапских элементов, замалчивание

и преследование народных преданий о родословии кыргызов (санжыра) и др.

Не случайно в первые годы советской власти все чиновники бывшей царской администрации в одночасье превратились в выходцев из «бедняцких слоев» (более совестливые — из «середняцких») и сохранили свое положение. Сегодня ситуация повторяется, но по схеме «наоборот». Так, после августа 1991 г. большинство руководящих партийно-советских и хозяйственных работников Кыргызстана с бедняцким по анкетам происхождением оказались «потомками знаменитых баев и манапов», современное общекыргызское состязание «санжиристов» по массовости, масштабности, общественному резонансу и последствиям не уступает многим официальным юбилеям. И становится ясным, что более чем 70-летняя борьба по утверждению классового сознания кыргызов не достигла своей цели.

В первые годы советской власти проявления принципов трайбализма привели к открытой групповой борьбе партийных, советских, хозяйственных работников — представителей коренной национальности. Следует отметить, что групповая борьба не была чисто кыргызским явлением, она была характерна для всей Средней Азии и Казахстана. Это обуславливалось трайбалистскими традициями прошлого образа жизни населения региона, стремлением родовых авторитетов проникнуть в ряды партии, чтобы использовать новые порядки в родовых и личных интересах. Даже выдвигенцы из трудового народа на первых порах действовали по трайбалистским принципам, ибо не знали других.

Наличие в рядах партии социально чуждых для советской системы людей было закономерно. Так, многие стороны политики партии большевиков в вопросах оказания помощи беженцам восстания 1916 г., возвращения кыргызам отнятых колонизаторами земель, восстановления давно утраченной кыргызской государственности (хотя

и с ограниченной автономией), развития культуры, образования и т. п. совпадали с интересами демократически настроенных представителей имущих слоев кыргызского общества и это определяло мотивы вступления в партию. Другие становились членами партии из карьеристских соображений. Указывая на своеобразие становления партийной организации Кыргызстана, один из крупных политических и государственных деятелей республики 20 – начала 30-х годов Ю. Абдрахманов писал: «Наряду с теми малочисленными людьми, которые шли в партию как к авангарду рабочего класса, трудового крестьянства, дехканства в их борьбе за свое лучшее будущее, шли баи, манапы, кулаки, карьеристы и иные проходимцы. Хотя чистки рядов РКП в последующих годах дали весьма ценные результаты, но все же более увертливые элементы продолжали и продолжают оставаться в рядах РКП»¹.

Носители трайбализма, проникая в партийные ряды и аппарат управления, вносили туда традиции былого родового противоборства из-за пастбищ, угодий и господства друг над другом. Но изменилась цель, иными стали формы и методы борьбы. Она велась теперь за те или иные руководящие посты в партийно-государственном аппарате. Как отмечалось в резолюции I областной партконференции большевиков Кыргызстана, «манап продолжает стремиться к управлению, лишь с той разницей, что в прошлом он покупал место волостного управителя, а теперь пытается получить его путем использования родственных связей»².

Как показывают архивные документы, все годы переходного периода групповая борьба внутри кыргызской партийной организации то разгоралась, особенно в периоды

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 804. Л. 22–23.

² Компартия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. С. 15.

выборов и формирования руководящих органов, то притупляла, но постоянно оставалась фактором, не только ослабляющим парторганизацию, но и тормозящим решение многих безотлагательных политических, экономических и социальных проблем.

Это особенно отчетливо видно из истории борьбы наиболее крупных сыдыковской и худайкуловской групп, продолжавшейся почти десять лет.

Вскоре после Февральской революции в Пишпекке и его окрестностях разворачивается активная деятельность левых эсеров во главе с инженером Агафонцевым. Членами этой партии из числа представителей местной национальности становятся А. Сыдыков, А. Айдарбеков, Т. Худайбергенов, И. Кобеков, С. Мураталин, Т. Чукин, Тулин и др., в основном выходцы из бай-манапской среды, занимавшие различные посты в царской колониальной администрации. В это же время Сыдыков и Тулин создают пишпекское отделение казахской партии «Алаш». Отдельные кыргызы, такие, как К. Сарыкулаков, К. Сандыбаев, Ш. Бообеков, Ж. Бапаков, И. Худайбергенов и другие, становятся членами большевистской ячейки. Под руководством большевиков Сарыкулакова, Сандыбаева, Муратова в мае 1917 г. создается кыргызский демократический союз «Букара» («Бедняк»), который к осени того же года объединял более 7 тысяч человек. В дальнейшем он станет базой для другой массовой организации — союза «Кошчи» («Пахарь»), к руководству которым приходит Р. Худайкулов.

Закономерно, что бескомпромиссные конфликты между Советами и Временным правительством, большевиками и другими партиями за влияние на массы и власть до и после Октябрьской революции стали и борьбой между представителями кыргызского народа, принадлежавшими к той или иной партии.

Непрекращающаяся борьба среди ответработников-кыргызов по политическим, служебно-карьеристским мотивам

приводит к оформлению по родовым признакам соперничающих групп, возглавляемых Сыдыковым, Абдрахмановым, Арабаевым и др. Однако то обстоятельство, что Северный Кыргызстан входил в состав Джеты-Суйской и Сыр-Дарьинской областей, где кыргызы составляли этническое меньшинство, а потому социально-экономические и культурно-образовательные интересы их часто игнорировались, привело к объединению этих групп во главе с Сыдыковым под флагом борьбы против национальной эмансипации.

Учитывая важность союза «Кошчи» в реализации своих замыслов, сыдыковцы стремились подчинить его себе, что вызвало яростное сопротивление Худайкулова.

В ходе борьбы Сыдыков не преминул использовать высокое служебное положение (был зампредом Облисполкома) и «привычные» методы борьбы. Он добился ареста Сандыбаева и Худайкулова (первый просидит в тюрьме долго, а второй вскоре был освобожден). В свою очередь Худайкулов, будучи уполномоченным по проведению земельной реформы в Пишпекском уезде, настаивал на принятии решения о выселении из Кыргызстана брата сыдыковца Чукина, братьев и отца самого Сыдыкова. Таким образом, на начальном этапе борьбы сыдыковской и худайкуловской групп переплетались социальные, родовые, национальные мотивы, личные амбиции и интриги их лидеров — все в «лучших традициях» трайбалистского противостояния.

В 1922 г. группа кыргызских работников во главе с Сыдыковым, Арабаевым и Абдрахмановым поднимает вопрос о создании самостоятельной кыргызской Горной области. Худайкуловцы выступают против, объясняя это тем, что уровень экономического и культурного развития кыргызов еще недостаточен для самостоятельной государственности. Конечно, это было лишь предлогом, ибо всего через два года, без особых осложнений (кроме вызванных той же групповой борьбой) была образована самостоятельная автономная

область, хотя коренных изменений в уровне развития экономики и культуры населения не произошло.

Истинная причина была в другом — в личной незаинтересованности Худайкулова в выделении Северного Кыргызстана из состава Джеты-Суйской области. Он являлся представителем натурализовавшегося среди кыргызов казахского рода абла, что использовалось им в стремительной карьере. Образование же отдельной Горной области и лишение поддержки казахских покровителей в условиях ожесточенной групповой борьбы на основе родоплеменного противоборства не сулило Худайкулову ничего хорошего.

Однако выделение кыргызского населения Джеты-Суйской и Сыр-Дарьинской областей в отдельную Горную область оговаривается на всех уровнях Туркестанской АССР, санкционируется созыв учредительного съезда. Съезд, открывшийся 4 июня 1922 г., стараниями Худайкулова и его покровителей получил статус «подготовительного», «совещательного». В этом сказалось сталинское опасение возникновения буржуазно-националистического государственного образования как следствие не чисто рабоче-крестьянского состава делегатов. Худайкуловцы «доказали», что 90% делегатов являются бай-манапскими элементами, а 10% — подставными лицами и наймитами баев. Решающую роль в исходе процесса сыграла ожесточенная групповая борьба (выливавшаяся даже в массовые драки) между «выделенцами» — сыдыковцами и «невыделенцами» — худайкуловцами. Таким образом, групповая борьба отложила на неопределенное время исполнение естественного желания кыргызского народа получить самостоятельное государственное образование.

Наивысшего накала борьба между группами достигает в период национально-государственного размежевания Средней Азии и образования Кара-Киргизской автономной области. Главная причина — стремление занять ключевые посты во вновь образуемой области. Правда, сам Сыдыков,

²⁷ Том IX. В. М. Плоских

будучи к этому моменту вне партии, не может принимать открытое активное участие в формировании аппарата управления областью. Но он максимально использует возможности своего сторонника Ю. Абдрахманова, которому было поручено составление оргпартбюро будущего Киробкома РКП(б)).

Естественно, в оргпартбюро худаикюловцы оказались в меньшинстве. Используя союз «Кошчи», они переносят борьбу в массы. Создаются отряды «Кедей-токмок» («Бедняцкий кулак»), «Ур-токмок» («Бей кулак») — по существу хулиганско-погромные отряды для устрашения и избиения сторонников противоборствующей группировки. Организация протестов по поводу облоргпартбюро, облревкома, срыв отдельных мероприятий создаваемого областного аппарата управления, подача групповых жалоб, избиения и убийства противников станут главными средствами борьбы.

В этой сложной обстановке от нейтральной части партийного руководства, прежде всего от первого секретаря облоргпартбюро М. Д. Каменского требовались высокая компетентность, гибкость и принципиальность. К сожалению, он оказался не на высоте, пытался бороться с групповщиной с помощью групповщиков, используя одних против других.

Исходя из того, что Худаикюлов по своему социальному происхождению был не из бай-манапов (из середняков), симпатизируя его левацко-демагогическим заявлениям, не поняв, что сплоченная с помощью аппарата союза «Кошчи» группа по своей сути является такой же, как сыдыковская, Каменский делает ставку на худаикюловскую группу и начинает очищать партийно-советский аппарат от сыдыковцев. Это не только не снизило, но, наоборот, усилило накал борьбы, спровоцировало печально известное заявление «тридцатки», направленное в ЦК РКП(б), Средазбюро ЦК и Киробком партии, а также начало массового «избиения» национальных кадров Кыргызстана.

Проявление трайбалистских традиций имело место на всех уровнях борьбы за власть. В апреле 1926 г., отвечая на вопросы Центральной Контрольной комиссии ЦК РКП(б) о причинах слабости советского аппарата на местах, один из крупных советских работников того времени указал на засилье патриархально-родовых отношений и их реальное отражение на практике проиллюстрировал рядом примеров. «Перевыборы Советов, — писал он, — как они проходят, какие имеются в этом цели. Прежде всего надо указать на существующий обычай очередности по годам председательствований в волостных и аульных Советах представителей того или иного рода. Допустим, в прошлые перевыборы попал председателем представитель одного рода, то уже в эти перевыборы должен попасть представитель другого рода. На этот счет сначала договариваются между собой руководители родов, «советские аткаминеры». При этом руководители рода, уступающие другому место председателя, получают подарки. Этот подарок потом возмещается за счет населения, иногда без подарков договариваются.

Но в случае, если руководители родов не договорились, тогда объявляется борьба... В это время идет переманивание людей из одной группы в другую, с целью увеличения количества избирателей. Причем переманивают таких лиц, которые имеют под своим авторитетом группу дехкан в несколько человек или кибитковладельцев»¹.

Трудно поверить в то, что такое могло иметь место в условиях набирающего силу тоталитарного режима. Но факты, как говорится, вещь — упрямая. Вот несколько из них.

Пригородная волость, Кентуевский сельский Совет. Председательствовавший до новых выборов (конец 1925 г.) представитель ветви токбай рода солто С. Касымбеков

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. ? Д. 33. Л. 151.????

по решению аксакалов должен уступить должность представителю ветви карамерген того же рода.

Председатель Узунгыровского сельского Совета выступает в роли продавца должности. Претендентов двое: родственник манапа Баястан и простой труженик Сабыр. Должность досталась первому и «обошлась» ему в 9 породистых лошадей и около 800 рублей.

Жаилгановский сельский Совет Беловодской волости. Поддерживаемая родовыми авторитетами группа, имея всего 810 голосов против 1909 голосов соперника, за значительную мзду сумела добиться своей цели. Все было устроено просто: избирательная комиссия, назначив перевыборы на 25 декабря 1925 г., не предупредила об этом противоборствующую группу¹.

В таких условиях, как правильно указывал И. Тойчинов, абсолютно отсутствовало выдвижение по деловым, нравственным качествам. Поскольку все решалось представителями родов, выборные советские работники не чувствовали ответственности перед избирателями, были послушными орудиями родовых авторитетов.

Такая ненормальная с позиции интересов укрепления диктатуры пролетариата обстановка привела к широко-масштабному применению уже неоднократно испытанного средства — физической ликвидации препятствия. Первая массовая высылка манапов — родовых авторитетов за пределы Кыргызстана происходила в 1921–1922 гг. во время земельно-водной реформы. В марте 1927 г. I Учредительный съезд Советов Киргизской АССР, исходя из того, что бай-манапские элементы мешают советской власти, принимает решение о высылке баев, манапов и кулаков. К августу того же года было выслано 20 семейств. А в октябре 1928 г. исполбюро Киробкома принимает решение следующего

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 179.

содержания: «Исходя из слабости партийных и советских организаций в Нарынском, Каракольском, Таласском и в некоторых пастбищно-кочевых районах южных кантонов, где при наличии натурального хозяйства сохранились в довольно, сильной степени пережитки родовых отношений, дающих возможность байскому, манапскому элементу распространять свое влияние над бедняцкими прослойками, — в административном порядке выселить первых из пределов Киргизии»¹.

К весне 1929 г. было выслано 44 семьи крупнейших манапов. Для нейтрализации общественного мнения вокруг этой репрессивной кампании была организована раздача имущества высланных бедноте. Но это не помогло. Подводя итоги этой работы, 11 марта 1929 г. исполбюро Киробкома констатировало, что «директива ОК о широкой агитационно-разъяснительной работе о задачах и значении выселения выполнена была недостаточно, в результате чего имелись случаи массового провожания баев и манапов с участием батраков и бедноты, а также случаи неправильного отношения к выселению трудящихся аула, рассматривающих конфискацию имущества манапов и их выселение как ущерб роду».

В декабре 1929 г. пришла очередная установка на выселение — теперь кулаков. Уже в феврале 1930 г. в одном Беловодском районе было решено выселить 97 кулацких хозяйств. Обком, «подправив» местные власти, округлил счет до 100. «Старались» и другие районы (Араван-Буринский, Базар-Курганский, Кара-Букинский, Рыковский, Сталинский), объявленные зонами сплошной коллективизации. К августу 1932 г. из 700 выявленных кулацких хозяйств Северного Кыргызстана значительная часть была выселена. На основе решения исполбюро Киробкома от 11 апреля

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 210. Л. 29.

1932 г было выселено большое количество кулацких хозяйств на юге Кыргызстана

В 1933 г. была следующая установка, теперь уже на проведение чистки колхозов от кулацких и бай-манапских элементов. Под «зорким контролем» политотделов МТС из колхоза было исключено 2461 так называемое кулацкое хозяйство.

Если учесть, что в Кыргызстане, особенно Северном, не было настоящих кулацких хозяйств (русско-украинское кулачество было в основном ликвидировано еще в 1921—1922 гг. в ходе земельно-водной реформы, кыргызы после восстания 1916 г. остались почти без ничего, а в начале 30-х годов начали переходить к оседлости, которая требовала также огромных расходов), то становится ясно, что в ходе массового раскулачивания пострадали в основном родовые авторитеты.

Борьба с родоплеменными отношениями велась и в процессе коллективизации крестьянских хозяйств. Не знающие специфики образа жизни кыргызов направленные на места партийные функционеры усмотрели проявление оппортунизма, извращение линии ЦК ВКП(б) в стремлении дыйкан объединяться в колхозы по традиционно-родовому принципу. «Извращение» состояло в том, что «при организации “родовых” колхозов состав колхозных правлений подбирался исключительно по родовому принципу. В колхоз принимались даже манапы своего рода». И следовал вывод: «в “родовых” объединениях трудно проводить мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению колхозов».

«Сверхбдительные» в атаке против «родовых колхозов» не задумывались даже над такими очевидными моментами: что плохого в том, если в правление колхоза подбираются свои люди, хорошо знающие характер, производственные навыки и возможности каждого члена колхоза? Что выгоднее колхозу — отношение людей к его собственности

и производству как родовому, близкому, почти собственному, или как к колхозному, почти чужому?

Надо отметить, что борьба против «родовых колхозов», как и против «родовых сел», не достигла своей цели. Тысячелетняя традиция народа — почти закон. Кыргызские колхозы создавались по родовому принципу и таковыми оставались до хрущевского укрупнения колхозов.

Как видим, велась широкомасштабная борьба против традиционной общественной организации кыргызов: от преследования проявлений патриархальщины, уничтожения родовых авторитетов (насильственная высылка бай-манапов) до ликвидации экономических, политических и организационных основ трайбализма путем перевода кочевников на оседлость, внедрения современных форм производства, повышений тоталитарной, всерегулирующей роли государства, утверждения сознания не родоплеменной, а классовой общности людей. В ходе этой борьбы жертвами стали не только родовые авторитеты, но и цвет кыргызской интеллигенции, обвиненной в идеализации прошлого, национализме, местничестве и т. д.

Но самая большая беда подобной борьбы с трайбализмом заключалась в том, что из-за огульного отрицания положительного значения почти всего из прошлого, в том числе и непреходящих общечеловеческих ценностей, причинен невосполнимый ущерб многим прогрессивным, охраняющим нравственные устои кыргызского общества моментам.

В кыргызском обществе получают более заметное распространение такие негативные явления, как индивидуализм, пренебрежительное отношение к жизненному опыту и мудрости старших поколений, отказ от близких, исходя из классовых и политических, а по существу — карьеристских соображений и т. д. Предпринимавшиеся в последующем попытки утверждения этих недавно отрицавшихся ценностей (только под другими названиями — «морального кодекса строителей коммунизма», «правил поведения

учащихся», «уставов коллективов коммунистического труда», «народных дружин» и «товарищеских судов» и т. д. и т. п.) не всегда были успешными.

В то же время многие принципы советской эпохи, такие, как централизованное планирование, централизованное распределение, система подбора кадров, превращенная в «монополию партии», создавали почву для консервации и нелегального, но широкого применения в общественной практике законов трайбализма.

Причины и вероятные последствия нового всплеска трайбализма

Признаки трайбализма, проявившиеся с началом выборов народных депутатов и руководителей тогда еще советских предприятий, организаций, колхозов и совхозов, особенно явственно обнажились с началом строительства суверенной государственности Кыргызстана. Для этого был ряд причин объективного и субъективного характера.

1. Тысячелетиями выступавшие в качестве основы организации социально-экономических отношений членов рода, игравшие определяющую роль в производстве, культовых действиях, управлении, воспитании и т. д. родоплеменные отношения и их идеология, как было сказано выше, не могли сойти со сцены за несколько лет и даже в течение жизни двух — трех поколений. Трайбализм приспособлялся к новым условиям, проявлялся то открыто, то замаскированно, но постоянно. Кыргызы старшего поколения хорошо помнят, что в конце 70-х — начале 80-х годов почти все первые руководители республиканских партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов были представителями одного племени, уроженцами трех разных областей. Другой пример. Жители любого села Кыргызстана, особенно

северного региона, могут назвать десятки примеров, когда растратившие огромные суммы государственных средств торговые работники, потерявшие сотни голов скота из колхозно-совхозных стад животноводы восставляли растрату за счет родственников и не несли уголовного наказания.

2. Нынешний экономический кризис переходного периода, постоянное снижение уровня жизни народа, борьба за выживание активизировали процессы сплочения людей по кровнородственной общности, что вело к превращению приватизации общественного достояния в «прихватизацию» и к появлению клановых объединений
3. Трайбализм получил возможность открытого, без опаски, как раньше, «участия» в государственном строительстве. Немаловажное значение имеет и то, что многие принципы трайбализма (особенно воспитательные) не потеряли своего созидательно-позитивного потенциала и в современных условиях.

Однако многие принципы и правила трайбализма, оправданные и даже необходимые в условиях примитивного производства, отсутствия оседлости и государственности, не соответствуют реалиям и интересам современной общественной практики, более того — представляют серьезную опасность для стабильности в обществе и целостности суверенного кыргызского государства.

Так, многовековая практика жизни под постоянной угрозой нападения «чужих», забота о безотлагательной защите «своих» любыми средствами закрепили у народа действия по принципу: «Всегда прав сородич» или «Сначала защити своего, а потом разбирайся, кто прав».

На первый взгляд, действия по этим принципам не должны иметь места в нынешней общественной практике. Однако чем иным объяснить, что в ходе последних

президентских выборов члены всех политических партий юга республики, стоящих, казалось бы, на диаметрально противоположных позициях, отбросив на время все политические и идеологические разногласия, почти единогласно (как в прежние времена) проголосовали за лидера коммунистов земляка-сородича А. Масалиева? Или другой пример. Многие иссык-кульцы, жаловавшиеся на зарвавшегося губернатора области Д. Сааданбекова и требовавшие для него строгого наказания, когда свершилось то, чего они так добивались, подняли крик о начале процесса «избиения иссык-кульских кадров».

Многовековая традиция соперничества предводителей кыргызских родов и племен за главенство, подкрепленная в последующем «правилами» выборов волостных управителей в царское время и «партийным подходом к подбору кадров» — в советское, породила действия по принципу: «Вождь — из своих». За примером, подтверждающим действенность данного принципа, и в наши дни далеко ходить не надо. Подавляющее, если не абсолютное, большинство народных депутатов всех уровней избраны только благодаря тому, что они баллотировались на «родине предков», т. е. среди сородичей и соплеменников. Образно говоря, древняя традиция «теркулее» (приезд в гости к сородичам на несколько месяцев замужней женщины), касавшаяся ранее девушек рода, выданных замуж в другой род, ныне как бы распространяется на кыргызских джигитов — горожан, стремящихся быть избранными в представительные органы страны.

Экономической основой кыргызского (и не только) трибализма были общность собственности на земельные угодья. В известной степени общеродовым был и скот, составлявший основу хозяйственной деятельности кочевников, особенно при проведении общественно значимых мероприятий: похороны, поминки, уплата откупных за убийство, штрафов и т. п. Колхозно-кооперативная собственность,

введенная советской системой, не внесла кардинальных изменений в традиционные отношения собственности, поскольку колхозы и совхоз по существу были родовыми. Иными словами, до недавнего прошлого частная собственность в кыргызском обществе в значительной степени была формальной. А потому безоглядное возрождение всех принципов трайбализма без учета цели, задач и направлений современных экономических реформ может создать ситуацию, противостоящую курсу нынешних экономических преобразований: приватизации, утверждению приоритетности частной собственности. Следствием этого может стать недовольство и даже противостояние групп людей, объединенных по родовым признакам, в борьбе за удобные и плодородные земли, сенокос и пастбища, поливную воду, могут иметь место групповые угоны скота, образование территориально-родовых кланов.

Высшей формой проявления последствий возрождения трайбализма может стать всплеск регионализма, а в последующем — сепаратизма, что представляет одну из серьезнейших опасностей для целостности государства. Симптомы уже есть. Уже в открытую протаскиваются утверждения, что ошане смогли бы жить «припеваючи» за счет хлопка, цветных металлов и других ископаемых, иссык-кульцы — за счет золота Кумтора и курортно-оздоровительных учреждений, а чуйцы — за счет относительно высокого экономического потенциала региона.

В соответствии с принципами трайбализма человек мог найти защиту только у своего рода. Эти принципы не только допускали, но и обязывали всех членов рода мстить за совершенное против любого его представителя преступление. За поступок каждого члена рода также отвечал весь род. Но как быть сегодня с попытками реанимации подобного принципа? Совместимо ли возрождение таких «правил» (в виде «суда аксакалов») со стремлением к правовому строю, верховенству прав личности и закона?

Где гарантия, что действия «судов аксакалов», руководствующихся народными обычаями, субъективными представлениями о справедливости и наказании, а не законом, не создадут межродовых, межэтнических конфликтных ситуаций?

В прошлом авторитет, политический вес и влияние предводителя рода в межродовых взаимоотношениях в определяющей степени зависели от величины, сплоченности и хозяйственного состояния рода. В свою очередь защищенность рода и каждого его члена во многом зависела от авторитета предводителя. Поэтому все члены родового объединения были заинтересованы в усилении и укреплении мощи рода, повышении его авторитета всеми средствами — от переманивания обиженных из других родов, охраны своего и угона чужого скота до доходящей до безрассудства демонстрации благополучия рода, сановитости его предводителя при каждом удобном случае — на любых торжествах и даже на похоронах и поминках.

Эта трайбалистская традиция ныне возродилась во всей своей полноте: Началось общекыргызское соревнование в организации юбилеев усопших и живых, заслуженных и ничем не отличившихся, но имеющих «пробивных» или влиятельных сородичей.

Возрождение такой доброй традиции, как уважение памяти предков, — дело нужное и важное. Но нельзя ли обойтись без нынешних разорительных излишеств, когда значительная часть населения живет за чертой бедности, в нищете? Нельзя ли найти более современные и цивилизованные формы чествования заслуженных людей? Да и навязчивые напоминания «подвигов» родоплеменных предводителей, которые проявлялись в основном в родоплеменных междоусобицах, вряд ли будут способствовать сплочению кыргызского народа.

Таковы реальные на сегодняшний день и вероятные на будущее последствия непродуманного возрождения лишь

некоторых из традиций трайбализма. Своевременно поддерживать позитивные и полезные для современной общественной практики моменты трайбализма, предупредить наиболее вредные его проявления можно взвешенным подходом к возрождению национальных традиций и обычаев. Должны быть внесены определенные коррективы в экономическую, социальную политику, политические преобразования с учетом исторических традиций народа, интересов и потребностей современной общественной практики, прежде всего сохранения стабильности и безопасности в государстве.

Во-первых, стратегической задачей экономического развития Кыргызстана должно быть не только утверждение рыночных отношений, но и создание единой экономической общности всех регионов республики. Это ускорит завершение процесса формирования кыргызской нации, значительно ослабит деление кыргызов по родоплеменным признакам, явится серьезным препятствием проявлению регионализма и сепаратизма.

Во-вторых, с учетом исторических традиций кыргызского народа, опыта азиатских стран Тихоокеанского региона следует умно использовать корпоративно-коллективную форму хозяйствования (разумеется, при сохранении равноправия всех форм собственности и превращения коллективной собственности в казенную, с командным управлением, как это было в советское время).

В-третьих, должна быть выработана стройная система кадровой политики, учитывающая специфические особенности этнических традиций населения Кыргызстана.

В-четвертых, нуждается в совершенствовании избирательная система. В нынешних условиях Кыргызстана более предпочтительными для сохранения стабильности и недопущения межродовых и межэтнических противоречий являются выборы депутатов по «представительским» спискам партий, общественных движений, ассоциаций и союзов, административно-территориальных органов.

В-пятых, необходимо совершенствовать административно-территориальную структуру государства. При отсутствии тоталитарного режима, централизованного планирования и распределения, ради интересов которых был введена сохраняющаяся структура административного деления республики, нет необходимости в сохранении областных структур.

Публикуется по изданию:

Плоских В., Джунушалиев Д., Койчуев Т., Джунушалиева Г. Трайбализм: истоки и состояние // Суверенный Кыргызстан: проблема традиций и социальной целостности / Ред. Д. Джунушалиев, В. Плоских. НАН КР. Бишкек: Илим, 1999.

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО И ТЮРКСКИЙ МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В связи с двухтысячелетием христианства в Центральной Азии (и в Кыргызстане, в частности) заметно оживился интерес к памятникам этой одной из величайших религий мира. Все чаще появляются публикации на эту тему, не только в теологической, но и в светской историографии. И Кыргызстану в этой литературе отводится все большее внимание. Это вызвано, на наш взгляд, двумя причинами: первая — снятие идеологических ограничений (запретов) с религиозной тематики после семидесятилетнего тоталитарного правления; вторая — очень слабая разработанность, но большая насыщенность разнохарактерных религиозных памятников на небольшой территории Кыргызстана.

Здесь, по трассе Великого Шелкового пути, исторически мирно сосуществовали и зороастризм, и буддизм, и христианство, и ислам, и традиционные верования тюркских народов (тенгризм, шаманизм и др.), иудаизм и другие конфессии. И история не знает примеров вооруженного столкновения здесь народов на религиозной почве.

Сирия, Малая Азия и Эллада — вот родина первой апостольской церкви. В III в. христианство было сильно в Персидском царстве, давшем приют христианам, гонимым в Римской империи.

Церковное и культурное единство греко-римского и восточного мира было впервые нарушено несторианской ересью (431 г.). Несториане, оказавшись гонимы, нашли приют в Персии и далее распространились в Среднюю Азию. Здесь они развили широкую миссионерскую деятельность и, то расцветая, то угасая, просуществовали до времен Тамерлана

**Артефакты
христианской культуры**

(XIV в.), толерантно сосуществуя с другими местными религиями: язычеством, буддизмом, исламом.

На территории Кыргызстана и у кыргызов Енисея христианство преимущественно имело форму несторианства. К настоящему времени на Тянь-Шане известно более 700 несторианских эпиграфических памятников и, по крайней мере, четыре христианских монастыря и церкви. Количество открываемых археологами памятников неизменно увеличивается. Нарастает и число исследовательских и информационных публикаций о них. Обобщающие сведения и конкретные дешифровки и переводы ранних

христианских текстов с территории Кыргызстана мы находим в трудах В. В. Бартольда, С. Е. Малова, В. А. Лившица, С. Г. Кляшторного, Ч. Д. Джумагулова, в последних публикациях В. Д. Горячевой, С. Я. Перегудовой, Ю. С. Худякова, Г. Л. Семенова, В. Кляйна. Но чем больше публикаций появляется, тем больше всплывает новых нерешенных вопросов. Обнадёживает, однако, то, что открытие новых памятников и введение в научный оборот новых источников позволят со временем представить стройную картину истории раннего христианства в Кыргызстане.

...Шел 280 год хиджры (893 год от Рождества Христова). В Мавераннахре крепил свою власть создатель нового государства, эмир Исмаил Самани. Ему предстояла тяжелая борьба за Хорасан, но начать ее эмир не мог — на востоке, за Сыр-Дарьей, у границ вассального Исфиджаба (область по среднему течению Сыр-Дарьи), тюркские племена,

объединенные под властью карлукского ябгу, были вечной угрозой. Вести войну на два фронта эмир Исмаил опасался. А ведь он уже пообещал жителям своей столицы — «благородной Бухары» — не допустить вторжения с востока и даже прекратил дорогостоящий ремонт «длинных стен» вокруг Бухарского оазиса. Его слова «я — стена Бухары» стали известны всем жителям страны.

И вот в 280 г. х. войско эмира из Исфиджаба стремительно двинулось в степь, к Орду — ставке ябгу карлуков. Полевая армия ябгу не выдержала внезапного нападения и была разгромлена, ябгу бежал на восток, а саманидское войско, не опасаясь за тылы, повернуло на юг, к самому богатому торговому центру страны Аргу (так тюрки именовали нынешнее Семиречье), «золотому городу» Таразу.

Жители Тараза оказали столь стойкое сопротивление мусульманским воителям, что через много лет бухарский историк Нершахи отметил в своем рассказе, сколь тяжелой для эмира Исмаила была эта осада. В конце концов город капитулировал, а Исмаил в знак новой победы ислама над «неверными» приказал обратить главный храм города в соборную мечеть. Главным храмом города, где жили согдийцы и тюрки, была христианская церковь.

Это сообщение Нершахи, кажется резко диссонирует с привычными представлениями о конфессиональном преобладании зороастризма, манихейства и буддизма, традиционных в городских центрах по Великому Шелковому пути¹.

Был ли Тараз исключением? Но в расположенном далее к востоку городе Мерке (Мирки) главным храмом также была христианская церковь. И она была обращена в соборную мечеть, но уже в X в. И далее по северному торговому пути в Восточный Туркестан, в пределах владений карлукского ябгу, политическое преобладание во многих

¹ *Klyashtornyi S. G. Manichaen monasteries in the land of Arghni // Studia Manichaica. — Berlin, 2000. — 8.374–379.*

²⁸ Том IX. В. М. Плоских

городских центрах принадлежало христианам. Мусульманские купцы из Ирана и Мавераннахра облагались там дополнительной податью. К востоку от Тараза и Мерке христианское кладбище VIII—IX вв. обнаружено археологами в Красной Речке (древний Невакет), а церковь раскопана на городище Ак-Бешим (древний Суяб). Последним городом на стыке торговых путей из Семиречья в Восточный Туркестан, где, по сообщению мусульманского автора, преобладали христиане, был Бай, к югу от перевала Музарт.

Следует еще раз оговорить, что преобладание христиан в карлукском Семиречье IX — начала X в. являлось не столько конфессиональным, сколько политическим фактором и было связано с внешнеполитическими приоритетами Карлукского государства. К этой теме мы еще вернемся, а пока попытаемся определить, когда же тенденции к восприятию христианства стали преобладающим фактором религиозной жизни карлуков.

Для этого следует обратиться к сирийским церковным источникам, отрывочным и не всегда ясным в том, что касалось столь отдаленных от центров христианского мира стран и народов. Ведь именно сирийская церковь осуществляла христианскую миссию в Иране и Центральной Азии, и здесь следует коснуться тех вероучительных догматов, которые в этой церкви исповедовались.

Начиная с V в. христианство уже не было единым учением и не имело единой организационной структуры. Сирийская церковь отделилась тогда от константинопольского патриархата, но и сама оказалась расколотой на восточную и западную. Восточная сирийская церковь склонилась к диофизитству, т. е. учению, разграничивающему две природы Христа и допускавшему возможность лишь внешнего их соединения. По имени одного из апостолов диофизитства константинопольского патриарха Нестория (умер в 431 г.) это направление было названо несторианством. И оно было осуждено как ересь на III Вселенском

соборе в Эфесе (431 г.) Западная сирийская церковь избрала иную вероисповедную формулу — монофизитство, т. е. учение о единой божественной природе Христа. По имени одного из деятелей этой церкви — Якова Цанцала — сторонники монофизитского направления иногда именуется яковитами.

Окончательный разрыв обеих сирийских церквей с православием произошел в 451 г., когда на IV Вселенском соборе в Халкедоне был принят догмат о неслиянности и нераздельности божественной и человеческой природы Христа. Еще до этого события подвергшиеся гонениям в Византии сирийские несториане переместили свои религиозные центры в Иран, и в 484 г. персидские христиане приняли на своем соборе несторианское вероисповедание. Резиденцией несторианского патриарха стал Ктесифон. Несторианская церковь Ирана оказалась по ряду причин чрезвычайно активна в распространении своего учения на востоке. В Индии, Средней Азии, Восточном Туркестане и Китае появились несторианские миссионеры.

Распространение христианства оказалось тесно связанным с возникновением торговых колоний и формированием полиэтнических и поликультурных городских центров на путях, связывавших две великие суперцивилизации — переднеазиатскую и дальневосточную. Центральная Азия оказалась в зоне воздействия всех великих мировых религий того времени, и христианство не могло не занять среди них своего места. В 549 г. христиане Средней Азии, входившей тогда в государство эфталитов, просили главу несторианской церкви патриарха Мар Аббу назначить им епископа. В 578 г. появились первые сообщения о несторианах в Западном Китае, а в 635 г. в столицу Танской империи Чанъянь, которую сирийцы и персы именовали Кумданом, прибыла христианская миссия. Позже, в 781 г., здесь в столице будет установлена стела с надписью на китайском языке. Автор текста Язедбузид кратко изложил историю

Миниатюра
«Евангелист Матфей»

гических раскопках в Турфанском оазисе. Прежде всего следует отметить находки сирийских молитвенных текстов. Ведь литургия в несторианских храмах, независимо от языковой принадлежности прихожан, велась на сирийском языке. Но огромный фонд христианских памятников оказался переведенным на среднеперсидский, согдийский и тюркский языки. И это не удивительно, так как без активной переводческой деятельности была бы невозможна сама христианская миссия.

Согдийские и тюркские переводы делались как непосредственно с сирийского, так и со среднеперсидского языков. В результате наряду с оригинальными версиями несторианской богословской литературы закономерно появлялись ее согдийские и тюркские аналоги. Сохранились лишь фрагменты этих сочинений — согдийские переводы

несторианской церкви в Китае и упомянул имя ее основателя — епископа Алобэня из страны Дацины, т. е. из византийской Сирии. Это были годы расцвета миссионерской деятельности сирийской церкви, и они пришлось на время патриаршества Иешуяба 11 (628—643 гг.). Ему приписывается создание первых митрополий в Самарканде, Герате, Индии и Китае, а ведь митрополиям должно было предшествовать создание епископств.

Важнейшими памятниками христианской культуры в Центральной Азии для исследователей XX в. оказались многочисленные тексты, обнаруженные главным образом при археологических

псалмов, новозаветных текстов (50 отрывков), неканонических произведений (согдийская версия «Речений Иисуса»), апокрифических текстов, апостолического канона, согдийская версия повествования о епископе Бар Шаббе и царице Шир и о христианизации Восточного Ирана, гимнов, «Речений св. Отцов», произведений греческих и сирийских теологов. Среди прочих фрагментов следует выделить исторический текст об основании христианской общины в Восточном Туркестане — один из руководителей несторианской церкви в Месопотамии посылает своего брата в отдаленную местность Аргин для освящения там часовни. Речь идет о Карашаре, древнее название которого Аркене (тохарское) или Аргина (хотано-сакское). Вероятно, найденный текст — отрывок из хроники согдийской христианской общины Карашара.

Фрагменты тюркских сочинений написаны уйгурским и сирийским письмом. Самый крупный фрагмент содержал тюркскую версию о поклонении волхвов младенцу Христу. Основой текста было апокрифическое Евангелие от Иакова. Повествование Иакова уже в центральноазиатской среде было дополнено еще одним эпизодом, известным только в тюркской версии: младенец Христос отламывает кусок каменных яслей и вручает его волхвам. Волхвы бросают слишком тяжелый камень в колодец, и над колодцем поднимается сияние. Волхвы каются в содеянном, и «от того случая причиной почитания огня магами (т. е. волхвами) служит это обстоятельство». Другие фрагменты — отрывок из жития св. Георгия, отрывки из христианской гадательной книги, возможно, отрывки молитв.

Взлет несторианской миссии наступил в период понтифика патриарха Тимофея I (780—823 гг.). В своих «Письмах» Тимофей сообщает о принятии христианства «царем турок, оставившем свои старые заблуждения», и его подданными. Это сообщение относится не к уйгурам, как ошибочно считали некоторые ученые, а к карлукам Семиречья.

В списке несторианских митрополий, составленном Амром б. Матта около 1350 г., но суммировавшем данные, которые относятся ко всей истории христианской церкви, наряду с Мервом, Туркестаном, Самаркандом, Тангутом, Кашгаром, Невакетом упомянут этноним Карлук, оставшийся долго непонятным. Сообщение Амра б. Матты, перекликающееся со сведениями писем Тимофея I, позволяет утверждать, по меньшей мере, о прямом покровительстве несторианству со стороны карлукских ябгу¹.

Об ином направлении несторианской миссии свидетельствует знаменитая Суджинская руническая надпись, обнаруженная в Северной Монголии. Она относится к эпохе «Кыргызского великодержавия», датируется временем разгрома Уйгурского Каганата енисейскими кыргызами (вскоре после 840 г.) и убедительно свидетельствует о христианстве у кыргызов². Наставник героя надписи, кыргызского вельможи Бойла Кутлугяргана, назван в надписях арамейским словом *mag* «господин, учитель». В тюркских языках Центральной Азии это слово получило специфическое значение «манихейский или христианский наставник в вере, клирик». Наличие слов *mag* в надписи привело Г. Рамстедта к выводу о манихействе кыргызов. К такому же заключению независимо от Г. Рамстедта пришел О. Менчен-Хелфен на основании анализа минусинских наскальных изображений, которые хорошо датируются древнекыргызской эпохой, но, несомненно, чужды комплексу кыргызской петроглифики.

На приенисейских скалах изображены люди с высокими носами и густыми бровями, в широких и длинных одеяниях и высоких митрообразных шапках. Убедительные параллели в манихейской и христианской живописи Восточного

¹ *Кляшторный С. Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. — 1959, № 5. — С. 168.

² *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959. — С. 85

Туркестана позволили О. Менчен-Хелфену сделать вывод о сирийском или согдийском происхождении кыргызских «жрецов» и их манихейском вероисповедании. Последнее утверждение, однако, основано лишь на том, что манихейство в Центральной Азии было более широко распространено, чем христианство.

На приенисейских скалах изображены те священнослужители, которые в древнекыргызской эпиграфике носят название *mag*, а в уйгурских текстах из Синьцзяна нередко обозначаются тюркским словом *uzuntonlu* (долгополые). Существование у кыргызов нешаманской религиозной обрядности засвидетельствовано и Абу Дулафом, который сообщает о молитвенных домах кыргызов и наличии у них мерной речи во время молитвы.

Религиозный синкретизм, наблюдаемый в манихействе и отчасти в центральноазиатском христианстве, делает затруднительным более точное отнесение языкового и иконографического материала к тому или другому культу.

Сибирский археолог Ю. С. Худяков также считает, что у южносибирских кыргызов Енисея и Минусинской котловины присутствовали как христианство в форме несторианства и манихейства, так и буддизм. Их каноническая символика широко представлена на кыргызской торевтике — рельефной обработке художественных изделий из металла¹.

Возможно, однако, привлечение новых фактов. К настоящему времени изданы сотни древнетюркских рунических памятников VI—IX вв., обнаруженных на территории средневекового Кыргызского государства. Некоторые из них имеют символ креста. По форме он несколько отличается

¹ Худяков Ю. С. К вопросу о проникновении мировых религий в Южную Сибирь в эпоху средневековья // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. — СПб., 1999. — С. 156.

от распространенного в Средней и Центральной Азии несторианского креста, но генетически близок ему. Особенно сходны с несторианскими крестами из Семиречья кресты Уюк-Тарлака и Элегеша. Общим для семиреченских и енисейских крестов является изображение их на «горке» (символ Голгофы).

В этой связи получают объяснения отмеченные С. Е. Маловым¹ параллели в ономастике сиро-тюркских христианских надписей Семиречья и енисейской эпиграфики, а также не понятые О. Менчен-Хелфеном предметы в руках клириков на скалах, являющиеся древнехристианскими рипидами. Позади одного из клириков с рипидой изображен алтарь с потиром. Этот сюжет сравним с изображением потира на стене христианского храма VIII–X вв. в Ходжо (Восточный Туркестан). Подобные потиры на высокой ножке нередки в ранних списках Евангелия. Показателем крупных изменений в религиозной идеологии кыргызов является совершившаяся в IX в. частичная замена древнего обряда сожжения трупов обрядом их захоронения. Последний мог возникнуть только под влиянием христианства, так как манихеи не предавали тело покойника земле, а, облачив его в похоронный наряд, помещали в специальные постройки (surpurghan). Вместе с тем вплоть до XI в. у кыргызов сохранился обряд сожжения трупов, а шаманские радения играли в культовых действиях едва ли не большую роль, чем христианская литургия².

Таким образом, к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоев получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил

¹ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. — М.; Л., 1952. — С. 14.

² Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. — С. 167.

Артефакты различных культур

местных шаманских культов. Христианство кыргызской аристократии было в достаточной мере поверхностным: его восприятию содействовали не столько идеологические сдвиги в древнекыргызском обществе, сколько особенности политической ситуации.

Тем не менее, в конце VIII — начале X в. карлуки Семиречья и кыргызы Енисея, связанные союзными отношениями в противостоянии мусульманскому Мавераннахру и манихейской Уйгурии, нашли конфессиональную опору в несторианском христианстве, не удержавшем позднее своих позиций.

Другим свидетельством довольно широкого распространения христианства на территории Тянь-Шаня являются

эпитафии на кайраках и отдельные галечники с изображением креста. Их свод опубликован кыргызским ученым Ч. Джумагуловым и постоянно пополняется все новыми и новыми находками.

Однако во второй половине XX в. археологами были раскопаны и архитектурные памятники христианской обители — монастыри и церкви.

Самым замечательным таким сохранившимся архитектурным памятником христианства на Тянь-Шане является Таш-Рабатский монастырь (ранее считавшийся торговым караван-сараям). Построенный в X в. по традициям среднеазиатского зодчества, Таш-Рабат представлял собой стационарное жилище монастырского типа, функции которого со временем менялись и позже здание использовалось также как караван-сарай на одном из ответвлений Великого Шелкового пути. В 1901 г. местным краеведом Н. Пантусовым у Таш-Рабата был найден надгробный кайрак с сирийской надписью, что также подтверждает его несторианскую принадлежность¹.

Другим наиболее ярким (и самым ранним) христианским памятником на территории Кыргызстана являются небольшая церковь и погребения VII—VIII вв., раскопанные археологом Л. Р. Кызласовым в 1953—1954 гг. на городище Ак-Бешим — средневековый г. Суяб. В архитектуре церкви наглядно отражен культурный синкретизм, выразившийся в сочетании сирийской крестово-купольной церкви со среднеазиатским открытым двором, имеющим айваны вдоль стен. Такая христианская церковная архитектура позже использовалась и заимствовалась мусульманскими

¹ См.: *Перегудова С. Я.* Таш-Рабат (По материалам архитектурно-археологического исследования). Фрунзе, 1989. — С. 53, 57, 65; *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.; Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции. — Т. 11. — М., 1959. — С. 231—233; Там же. — С. 233.

культовыми учреждениями в период исламизации края.

Почти через полвека на том же Суябе работы были продолжены археологами Санкт-Петербургского Эрмитажа и Академии наук Кыргызстана. Сенсацией сезона стали раскопки монументального здания с двумя внутренними дворами. Находки несторианских крестов (нефритовый нательный крест, керамические предметы с оттисками крестов, глиняная форма для изготовления крестов с сирийской надписью), настенные росписи, архитектура и планировка здания позволили определить объект как несторианскую церковь X – начала XI в. Лишним свидетельством явилось обнаружение на полу одного из помещений остатков рукописной книги (обложки с фрагментом бумаги), выполненной согдийским шрифтом¹. Находится на исследовании у крупнейшего российского согдолога проф. В. А. Лившица.

Раскопки были продолжены в 2000 г., они дополнили христианскую коллекцию новыми предметами быта и обихода.

Памятник Суяб, безусловно, заслуживает особого внимания, так как славится не только христианскими, но и буддийскими сооружениями предкараханидского периода и является одним из шедевров культовой архитектуры всего Центральноазиатского региона (к сожалению или к счастью, он в основном находится под землей).

Другие ранние памятники погребения христиан с нательными крестиками из бронзы и нефрита, датируемые VIII–IX вв., были обнаружены и исследованы археологом В. Д. Горячевой в захоронениях средневекового Невакета (городище Красная Речка).

¹ Семенов Г. Л., Зеймаль Т. Н., Ташбаева К. Л., Ведутова Л. М. Раскопки в Суябе в 1998 г. // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1998 год: Тезисы докладов. – СПб., 1999. – С. 30–33.

Здесь еще в 1919 г. археологом М. Е. Массоном, а позже, в 1938 г., А. Н. Бернштамом, в наше время В. Д. Горячевой обнаружены в могильниках свидетельства несторианской их принадлежности — кайраки, с эпитафией и крестами, нательные кресты из бронзы, кости и нефрита. Письменные источники подтвердили важное значение Невакета как центра христианской культуры на Тянь-Шане. Здесь уже в XII в. была учреждена несторианская митрополия, а глава церкви именовал себя «митрополитом Кашгара и Невакета».

Известны христианские комплексы на Буранинском городище (средневековый Баласагун), на Иссык-Куле и в других местах Кыргызстана. Наиболее изучены христианские эпитафии из окрестности села Кара-Джигач (в зоне г. Бишкек) Чуйской долины. Здесь в XIII—XIV вв. находился город Тарсакент (букв. «Город христиан»: от персидского «тарса» — христианин и согдийского «кент» — город). Город широкой известности, где, по последним находкам нумизмата А. Камышева, был даже свой чекан монет с датой 1333 г. — эпоха Чагатайских ханов.

Первичные сведения о Тарсакенте исходят от авторитетного персидского историка Рашид ад-Дина (1247—1318 гг.) и вместе с кара-джигачскими эпитафиями несториан они убедительно прокомментированы современным немецким ученым В. Кляйном.

По его мнению, в Тарсакенте церковная организация следовала традиционным образцам, но была адаптирована к местным условиям. Во главе несторианской общины стоял не епископ, а архидиакон. Причину гибели города в XIV в. ученый видит не в нашествии монголов и не в исламском антагонизме, а в эпидемии чумы, распространившейся из Семиречья в Китай и Европу.

На Иссык-Куле уже в наше время найдено только одно кладбище с несторианскими кайраками — эпитафиями на камне — на южном побережье озера, у с. Саруу.

Отдельная эпитафия найдена к югу от озера Иссык-Куль в ущелье Жууку. Кыргызский палеолингвист Ч. Джумагулов прочитал и опубликовал их. По устной информации краеведа Н. Д. Черкасова, возле Тору-Айгыра обнаружен (как случайная находка) несторианский крест. После смерти краеведа его богатая коллекция как-то «расползлась» по любителям, и следы находки потерялись. Известна галька с крестом, найденная в свое время у с. Покровское на южном побережье (позже также затерявшаяся).

Сарууйский несторианский памятник эпитафия некоего Чангши-кана в честь жены, умершей в двадцатилетнем возрасте — в 1647 г. по счету лет от Александра Македонского (т. е. в 1336 г. н. э.), состоит из креста и слов религиозного смысла: «Ей память сделали, пусть не забудется (она) среди друзей».

Судя по выявленным памятникам, сирийское несторианское письмо употреблялось на Тянь-Шане с VIII—XIV вв., со времени принятия христианства тюрками кагана Арслан Иль Тюргук (766—840 гг.) и до гибели семиреченских несториан в середине XIV в.

Наиболее интригующими, по всей вероятности, являются разноречивые сведения об иссык-кульских христианских монастырях (двух или одном?).

В свое время, в период путешествия на Тянь-Шань в 1856—1857 гг., путешественник П. П. Семенов-Тян-Шанский опубликовал сведения о так называемой Каталанской карте 1375 г., с изображением озера Иссык-Куль, на северном-восточном побережье которого обозначены город и монастырь несторианских христиан (В. В. Бартольд и Н. Мар называют его армянским монастырем). П. П. Семенов считает, что это несториане-христиане, бежавшие с Ближнего Востока (из Сирии) в глубь Азии, основали его в XII в. Ученый не нашел на побережье следов монастыря, но высказал предположение, что он вполне мог быть построен

в Курментинской бухте¹. Надо сказать, что позже, в конце XIX в., именно на том же месте православные переселенцы построили свой монастырь, который в начале XX в. был разрушен, к настоящему времени сохранились лишь остатки монастырских хозяйственных строений.

Средневековый монастырь, по мнению В. В. Бартольда, вполне мог вместе с древним городом оказаться под водой на дне озера. В районе современного с. Курменты до сих пор встречаются предметы средневекового быта, в том числе поднятые и со дна озера. Но целенаправленные археологические работы под водой здесь не проводились.

Вообще Иссык-Куль — благодатная археологическая среда, во многом не тронутая. Время от времени то тут, то там волны выносят на берег то лампу с неизвестными письменами (конец XIX в.), то фрагменты керамики с письменными знаками.

Так, еще в прошлом веке на Иссык-Куле была найдена глиняная ваза, покрытая синей глазурью, с изображением 12 апостолов (как пишет В. В. Бартольд, «не тюркского типа»). И хотя Бартольд сомневается в их христианском происхождении, другие источники пишут об этом весьма уверенно.

Во время своего путешествия по Иссык-Кулю в 1983—1894 гг. В. В. Бартольд неоднократно слышал от тору-айгырских кыргызов поверье о некоем кладе, зарытом в горах, над которым по ночам горят свечи, пугающие людей и скот.

В своем отчете о путешествии Бартольд несколько уточняет сведения о Каталанской карте 1375 г. Город Иссык-

¹ *Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань. — М., 1946. — С. 186—187; Ср.: *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1892—1894 гг. // Соч. — Т. IV. — М., 1966. — С. 75—76; *Горячева В. Д., Перегудова С. Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана. — С. 91; *Бартольд В. В.* Соч. — Т. IV. — С. 75; См.: Журнал Московской патриархии русской православной церкви. Специальный выпуск. — М., 1997. — С.51.

Куль на ней отмечен на северном побережье. В городе — «монастырь армянских братьев, где, по слухам, хранятся мощи св. апостола и евангелиста Матфея». Они были принесены сюда из Сирии во втором или третьем веке. Этот город еще упоминается несколько раз в истории походов Тимура. Но все попытки найти город и конкретные следы христианства на Иссык-Куле ни П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, ни В. В. Бартольд у не удалось.

По нашему мнению, в поисках средневекового города и монастыря следует еще внимательно обследовать северо-западное побережье Иссык-Куля, конкретно — дно у современной турбазы «Улан», что находится близ с. Тору-Айгыр. Здесь на побережье обнаружено еще В. В. Бартольдом средневековое строение, которое он назвал кирпичным заводом. Позже, в конце 1950—1960-х гг., его раскопал кыргызский археолог Д. В. Винник, который также (следуя за Бартольдом) посчитал его сначала «кирпичным заводом». На самом деле объект оказался средневековым баннным комплексом. А на дне озера — масса средневековой керамики и отдельных предметов, которые вылавливают отдыхающие и развозят по разным странам. Нам представляется, что именно здесь нужно в первую очередь развернуть археологические работы в поиске Иссык-Кульского монастыря христиан. И эта задача стоит в наших планах на ближайшие полевые сезоны. (Если, конечно, удастся определиться с финансированием.) Но надежды на это есть. Мы хотим связать работы с попутными поисками легендарных кладов христиан или Чингисхана¹.

В связи с этим хотелось бы затронуть еще один вопрос: не совсем научный, требующий проверки, но перспективный. О легендарных кладах на Иссык-Куле — в центре

¹ См.: Мокрынин В., Плоских В. Клады в Кыргызстане. Мифы и реальность. — Бишкек, 1992. — С. 146–154; Правда: Орган ЦК КПСС. — 1975. — 27 августа.

Тянь-Шаня. Насколько они могут быть реальными, и не являются ли чистой авантюрой их поиски с участием ученых.

Рассказы о легендарных сокровищах на Иссык-Куле более полутысячелетия будоражили воображение местных жителей. Имеются сведения, что в конце XIX — начале XX в. усиленными поисками клада христиан, спрятанного от Чингисхана, занимался верховный манап кыргызского племени сарыбагыш Шабдан Джантаев, а в 30-х годах нашего столетия — уроженец Прииссыккуля, будущий генерал армии и герой второй мировой войны Н. Г. Лященко.

Легенда? Да! Но имеет под собой и основания. Настолько убедительные, что в 1952 г. очень уж серьезные организации, такие, как МВД СССР и Министерство госбезопасности Киргизской ССР, сами занялись поисками клада на Иссык-Куле, о котором сообщала и такая серьезная партийная газета, как «Правда», в статье «Возвращение к тайне». Тогда занимались поисками в обстановке строжайшей секретности. Почему?

По сведениям чекистов, в 20-х годах из китайской эмиграции возвратился на Иссык-Куль бывший царский офицер некто Успенский. Он привез карту-план, переданную ему за границей умиравшим православным священником. На плане крестиком было отмечено недалеко от Тюпа, на северо-восточном побережье озера, место укрытия клада. В 1926 г. кладоискатели определили место и начали копать. Углубились до 8 метров. Обнаружили (как в легенде) плиту со знаками-письменами, разгребли завал. Нашли «один медный, другой — золотой молотки». Но тут с грохотом стали рушиться незакрепленные стены, и кладоискатели с трудом выбрались наружу. Золотой «молоток» тогда же был сдан в контору «Золотоснаб» г. Пржевальска, что было документально зафиксировано.

Больше «старателям» копать не разрешили, пока в 1952 г. этим не занялись сами представители Министерства госбезопасности. Обо всем этом поведал в официальные

органы — тогдашнее правительство и ЦК Компартии Киргизии — участник тех событий генерал МВД Э. А. Алиев. Тот же, кто руководил охраной секретного объекта в 1952 г. на берегах Иссык-Куля, бывший подполковник КГБ, а ныне доктор исторических наук Дж. Малабаев и сейчас верит, что клад есть, только не в том месте его искали. Есть предположение, что сокровища несториан-беженцев были затоплены в Иссык-Куле у стен христианского монастыря и запрятаны в Курментинской пещере¹.

Сейчас наряду с научными исследованиями археологов на берегах и под волнами Иссык-Куля ученые и энтузиасты проверяют следы кладов и легенды о них. Тем более, что последнее мероприятие может привлечь и спонсоров: по новому кыргызскому законодательству, лицу, вложившему средства в поиски и нашедшему клад, 50% законно отходит в личную собственность. В целях изыскания возможностей финансирования научных экспедиций ученые берут на вооружение и энтузиазм любителей экзотики и кладоискателей.

В заключение хочется сказать: Кыргызстан, Тянь-Шань, Иссык-Куль богаты памятниками истории, культуры, различных религий и конфессий. Они еще мало исследованы, здесь больше проблем и вопросов, чем решений и ответов. Но это — и свидетельство перспективности научных изысканий.

Публикуется по изданию:

В. М. Плоских, С. Г. Кляшторный, В. П. Мокрынин. Раннее христианство и тюркский мир Центральной Азии // Диалог цивилизаций. Вып. II. — Бишкек; Лейпциг: Илим, 2000.

¹ Мокрынин В., Плоских В. Клады в Кыргызстане ... — С. 146—154.

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ

Провозглашение Кыргызстаном государственного суверенитета и связанные с этим новые социально-политические реалии вызвали значительную трансформацию исторического самосознания общества. Сегодня формируется сознание того, что историю и культуру следует рассматривать на фоне мировой истории и культуры в контексте истории Евразии, взаимодействия исторических процессов стран Центральной Азии.

Создание объективной картины прошлого в этих условиях становится одним из главных факторов формирования общенационального единства, становления государственного суверенитета, воспитания гражданственности, нравственности и патриотизма.

История приобретает особое значение именно в переходные периоды развития общества. Интерес к ней возрастает потому, что в прошлом пытаются отыскать аналогии происходящему, найти решение современных проблем. Повышенное внимание к истории объясняется и тем, что в условиях выбора моделей государственности и модернизации общества народ постепенно осознает себя субъектом исторического процесса.

В наши дни, когда реально творится новая история независимого Кыргызстана, которая еще ждет своего осмысления, взгляд на прошлую, каноническую, историю нуждается в корректировке. Обществу нужны гуманитарные науки, свободные от идеологических догм, схематизации, упрощений и натяжек. При этом недопустимо нигилистическое отношение как к исторической науке в целом, так и к исследованиям отдельных периодов и культур. Необходимы

сохранение преемственности, использование исторических знаний, уважительное отношение к исследованиям ученых предшествующих поколений.

Первоначально следует определить методологическую базу — основу исследования.

Ранее таковой был марксизм-ленинизм, от которого нельзя было отступать. Он превратился в догму, с которой мало считались, но ее декларировали. Сейчас все большее применение получает цивилизационный метод, нашедший широкое признание в мировой научной практике, как универсальный метод, позволяющий разнопланово исследовать уникальность и самобытность любой человеческой организации, ее общих и особенных сторон, место в общечеловеческом порядке. Используется также система частных научных методов, таких, как логический, источниковедческий, социологический, эмпирический, сравнительно-исторический, психолого-исторический и т. д.

Приоритеты исторических и культурологических знаний

В свое время А. А. Акаев в беседе с главным редактором издательства «Совершенно секретно» Артемом Боровиком «выдал» вовсе не секретную информацию: «Убежден, что именно культура, духовность, знания, сопряженные с высокой нравственностью, будут в третьем тысячелетии подлинной движущей силой прогресса и созидания, более того, сохранения всего человечества».

А мы знаем — истоки культуры, духовности, уведат нас в глубину веков.

На территории Кыргызстана исторически имело место взаимовлияние ираноязычных итюркских культур. Важным для нашей истории было взаимообогащение славянской и тюркской, китайской и тюркской, монгольской

и тюркской цивилизаций. Одностороннее их противопоставление и представление о приоритете какой-либо из них, что нередко предпринимается, опровергаются данными современной археологии и письменными источниками.

Здесь исторически мирно соседствовали шаманизм, тотемизм, зороастризм, христианство и буддизм.

С проникновением ислама кыргызская культура восприняла многие ценности исламской цивилизации.

Все это с древности определяло полиэтничность и многоконфессиональность историко-культурного ареала. По сей день страна не утратила своей уникальности, определенной этими факторами.

Непрерывность истории Кыргызстана, преемственность культур народов, населявших страну, продолжение в истории кыргызского народа традиций и культуры кочевых тюркоязычных племен Евразии, автохтонность и миграция кыргызов с Енисея — принципиальные идеи, которые смогут стать основой исторического знания, должны являться стержнем патриотического воспитания молодежи.

Проблемы исторической и культурологической науки

Фундамент историко-культурного сознания закладывают гуманитарные науки. В недавнем прошлом они были идеологизированы, методологически превратились в догмы. Сейчас раскрепощаются. В то же время многие принципиальные вопросы отечественной истории и культуры все еще не получили достаточной проработки. Сегодня на новом уровне требуется комплексное исследование проблемы происхождения этнонима кыргыз, этногенез кыргызского народа, эволюция кочевого общества, культурогенез кыргызского народа, становление государственности, международные отношения.

Объективной оценки требует история присоединения Кыргызстана к России. С позиций критического реализма следует рассмотреть развитие Кыргызстана в составе СССР. Ждут своего исследования проблемы, связанные с историей переселения и депортации этнических общностей в Кыргызстан и обретения ими здесь своей родины, современные миграционные процессы.

При всем иногда имеющем место нигилизме относительно прошлых взаимосвязей кыргызов с Россией необходимо следовать документам: русский и российский компонент исторически занимают прочное место в материальном и духовном фундаменте формирующегося здания государственности в нашей стране. Факты истории и культуры, кыргызско-российских взаимоотношений, в частности, отраженные в сборнике документов, вышедшем в свет к пятилетию юбилею КРСУ, прямое свидетельство того.

Итак, можно констатировать, что исторической науке Кыргызстана предстоит:

- воссоздать объективную картину исторического прошлого, устранив фрагментарность и тенденциозность исторического знания;
- усилить внимание к древней и средневековой истории;
- переосмыслить историю Кыргызстана советского периода;
- расширить исследование проблем новейшей истории страны;
- изучить историю кыргызских диаспор за рубежом;
- уделить должное внимание истории этнических групп населения Кыргызстана;
- начать исследования по исторической культурологии и психологии истории;
- наконец, срочно и комплексно провести историко-культурологические исследования суверенного Кыргызстана.

В 1995 г. по инициативе А. А. Акаева была организована Комиссия по восстановлению исторической справедливости и увековечиванию памяти основателей кыргызской национальной государственности. Комиссия, в состав которой входят ученые, ветераны государственного строительства, провела большую серьезную работу. Была издана книга «У истоков кыргызской государственности», посвященная тем, кто заложил фундамент национальной государственности, создана и аллея памяти, где воздвигнуты памятники первым государственным деятелям Кыргызстана.

Сегодня нашей почетной и ответственной задачей является возвращение народу имен тех, кто стоял у истоков созидания новой цивилизации и погиб в годы репрессий тоталитарного режима. Они действовали в свое время так, как им велели гражданская совесть, понимание ситуации и видение будущего. Не все они были истинными государственными деятелями, политиками и дипломатами. Не все умели понять значение сплоченности и единства, порой действовали, руководствуясь традициями и обычаями, исходя из родоплеменных принципов, что в их время по существу являлось нормой. Не все. Но всех их объединяла одна цель — создать независимое государство, одна вера, одно стремление — сделать свой народ счастливым. И мы должны сегодня воздать им должное.

Перспективы исторического образования и просвещения

Историческое просвещение и воспитание призваны содействовать приобщению молодежи к духовному миру своего народа, пониманию истоков его культуры, истории, способствовать восприятию народной поэзии, музыки, живописи, воспитанию любви к Родине, патриотизма. В этих целях следует возродить краеведческую работу, усилить

охрану и исследование памятников истории, культуры и природы.

Основными путями формирования исторического сознания и культуры являются: система дошкольного, школьного и вузовского образования, научные исследования, деятельность средств массовой информации, учреждений культуры. Их главная задача — создание в обществе атмосферы знания истории и культуры, уважения, почитания, соприкосновения с историей. История и культура прежних эпох должны стать аурой современного общества.

Историко-культурологическое образование начало реформироваться, необходимо продолжить его коренную трансформацию. Желательно, чтобы оно опиралось на принципы: историзма и научной объективности; методологического и концептуального плюрализма; толерантности и непредвзятости; приверженности исторической истине. Важно отойти от схематизации гуманитарных наук, подгонки под старые или новые идеологические догмы. Необходимо воспринять идеи культурно-исторической плюральности, нелинейности истории и культуры, их цикличности.

При кардинальном обновлении исторического образования следует максимально гуманизировать школьные и вузовские курсы истории, придать им большую культурологическую направленность, акцентировать внимание на духовных поисках человечества. В программах средних учебных заведений целесообразно предусмотреть преподавание истории и культуры собственных регионов, областей, городов. Воспитание патриотизма основывается на знании истории малой Родины, большой Отчизны, всего мира.

Сейчас каждая новая страна вводит в школьные общеобразовательные и вузовские программы курсы истории Отечества, т. е. истории своей Родины. Задерживается это лишь в Кыргызстане. Коллективными усилиями историков КРСУ, КГНУ, НАН КР подготовлены и опубликованы программы по истории для старшеклассников и студентов,

учебник для школ и пособия, в том числе хрестоматии по истории Кыргызстана для вузов. Все они пока имеются в академическом издательстве, хотя отсутствуют в школах и вузах.

Беда в том, что в школе почти не ведется предмет «История Кыргызстана», не на каждом факультете вузов он включен в программу. Но ведь известно — благодатнее всего патриотизм, любовь к Родине воспитываются именно на родной истории, на культуре народа.

Доходит иногда дело до парадоксов. Так, при посещении школ в районах (в частности, в г. Канте) я обратил внимание на предмет в школьном расписании «История Отечества». Обрадовался, подумав: есть исключения! Ведется история Кыргызстана в классах! Ан, нет. Оказывается, это «История России» — по московским учебникам. Как в былые, давние времена. А где же история нашего «общего дома» — нашего отечества? Где «История Кыргызстана»? Такого предмета в школе нет. Нет и квалифицированных преподавателей.

Как далеко может зайти пренебрежение собственной историей?

В существенных изменениях нуждается система подготовки профессиональных историков. Нам необходимо в перспективе готовить своих ученых-историков, краеведов, архивистов, этнографов и других специалистов, которые преподавали бы историю.

Наряду с литературой и политикой история — наиболее часто встречающееся пристрастие дилетантов. Удовлетворить интерес населения, а также приезжающих к нам из-за рубежа, временно или на постоянное место жительства, должны различные курсы по изучению истории Кыргызстана.

Историко-культурное наследие

Еще одно сожаление. Не только приезжающие туристы, но даже местные жители иногда с пренебрежением говорят о Кыргызстане: «Да что же здесь смотреть? Какие памятники в горах у бывших кочевников?»

А на самом деле — это памятники мирового значения!

Как по капле воды можно определить состав воды целого океана, озера или реки, так и по истории одной, даже самой небольшой страны можно проследить ход всемирной истории. История кыргызов и Кыргызстана — составная часть мировой истории. На территории нашей республики можно встретить памятники древнейших времен — от палеолитического человека до современности. Историки составили кадастр таких памятников Кыргызстана, составляют археологическую карту историко-культурных памятников страны. И кадастр этот насчитывает более 4 тысяч наименований! Среди них и уникальные шедевры мировой культуры. Возьмем для примера наскальную галерею «Саймалы-Таш» в горах Тянь-Шаня, где более 100 тыс. петроглифов. Или единственную в своем роде пещеру «Ак-Чункур» у подножья пика Хан-Тенгри с росписями охрой, сделанными первобытным человеком!

На территории Кыргызстана в былые времена мирно соседствовали храмы зороастрийцев и буддистов, христиан и мусульман, шедевры прикладного искусства древних саков и усуней, каменные скульптуры — балбалы — тюрок, цитадели и мавзолеи согдийцев и тюрок, караханидов и кыргызов. Здесь найдены памятники так называемой рунической письменности, художественные произведения и словари древних тюрок. Юсуф Баласагуни (из древнего Баласагуна — у совр. г. Токмока) и Махмуд Кашгари (из Барсхана — средневекового города на южном берегу Иссык-Куля) своей первой стихотворной поэмой на тюрки

и первым словарем древнетюркских наречий прославили Кыргызстан на весь мир.

Вслушайтесь только в эти двестишестидесять — бейты поэмы Юсуфа хас-хаджиба Баласагуни «Благодатное знание», написанной вдохновенным поэтом без малого тысячу лет назад:

Да будет, о мудрый, мой умысел ведом.

Я зов обращаю к идущему следом.

Оты, кто начнет эту книгу читать,

Познаешь ты тюркских речей благодать.

Паслось слово тюрков оленем нагорным,

А я приручил его, сделал покорным.

(Бейты 192, 33, 6618)

Его современник Махмуд из Барсхана составил «Карту мира», в центре которой поместил озеро Иссык-Куль — свою Родину.

А подводные города! Затонувшие города на дне Иссык-Куля до сих пор будоражат воображение и влекут аквалангистов-исследователей археологии со всего мира. У нас работали москвичи и японцы, ожидаем россиян и американцев, немцев и итальянцев. Ведь под водой Иссык-Куля ждут своего часа более 10 древних и средневековых городищ, в том числе и открытая нами столица древнеусуньского государства Чигу (Чигучен) в Тюпском заливе.

Слайды отдельных уникальных памятников, в том числе в буквальном смысле золотых сокровищ можно посмотреть в коллекции методкабинета или музея университета.

История и культура должны работать на общество, воспитанием общества служить будущему.

Мы с коллегой А. А. Брудным и другими сотрудниками кафедры подготовили методическое пособие по истории и культуре. И задаемся вопросом: Можно ли извлечь уроки из истории?

Можно, но извлекают ли их? Один ученый заметил, что главный урок истории в том, что у нее никто не учится.

Действительно, многие исторические ошибки повторяются. Причем с такой частотой, что возникает вопрос: ошибки ли это?

Тем не менее изучать историю и строить на ее основе прогнозы и гипотезы о возможном будущем необходимо. Собственно с этой целью и следует изучать прошлое.

В чем же состоит содержание истории?

Государственные, этнические, экономические, религиозные и многие иные аспекты исторического процесса не должны заслонять главного содержания истории. Главное содержание истории — это судьбы людей и, лишь поняв, что нет ничего выше человека, его жизни, его интересов, его детей, продолжающих его личное существование, можно понять, в чем заключается содержание истории как процесса, в который вовлечены этносы, страны и государства, образующие человечество как полиморфную структуру.

В последние пять лет появилось несколько монографий, как правило, коллективных, либо целиком посвященных истории кыргызской государственности, либо серьезно затрагивающих эту проблему (как, например, «Введение в историю кыргызской государственности», «Кыргызы и их предки», «У истоков кыргызской национальной государственности», «Государство Хайду», «История енисейских кыргызов», «Суверенный Кыргызстан» и др.).

Тем не менее, чем больше изучается проблема, тем более высвечиваются неясных и неисследованных вопросов. Так, остались неисследованными древнейшие государства на территории Кыргызстана (была ли государственность у саков? каков характер усуньского государства?). Все это — пока белые страницы кыргызской многовековой истории.

Другой пример. Парадоксальный, мягко говоря. Оказывается, и в наше время проблема государственной истории

енисейских кыргызов приобрела особо острый характер. Это связано с полным отрицанием хакасскими учеными из МГУ — доктором наук Л. Р. Кызласовым и его научным продолжателем-сыном кыргызского этноса в истории средневекового Енисея. Согласно с их, считаем, не научной, политизированной гипотезой, на Енисее была мифическая «древнехакасская цивилизация» ...и ни каких кыргызов! Но ведь признано подавляющим большинством ученых (Яхонтов, Кляшторный, Бутанаев, Худяков и др.), что само слово «хягас», упоминаемое в китайских источниках, есть не что иное, как транскрипция этнонима «кыргыз». И тем более странно, что за комплекс своих научных трудов Л. Р. Кызласов был удостоен Государственной премии СССР (одной из последних).

Однако история на то и история — со временем она все расставляет на свои места. И сегодня кыргызские историки в согласии с ведущими российскими учеными убедительно доказали: енисейский период средневековой государственности — это составная часть кыргызской государственности. Однако до сих пор не известны в должной мере характер власти в древних государствах, их правовая основа, структура, ветви власти, полномочия правителей и подданных. Специальные исследования в этой области еще впереди. Равно как и создание полноценного учебника по истории кыргызской государственности.

В наши дни, на переломном этапе развития общества, интерес к прошлому — не дань моде, а органическая потребность. Знание пройденного пути крайне необходимо для глубокого осмысления происходящего, для того, чтобы не повторить совершенных ранее ошибок. При этом важны не просто различные точки зрения на прошлое, субъективные мнения и эмоциональные суждения и предположения, но подлинные, исторические факты, события, как их видели и понимали наши отцы и деды, оказавшиеся в вихре

революционных бурь крушения старого. Важно также, как их действия оцениваем мы, их потомки.

Университет и школа

Гуманитарии нашего университета, следуя хорошему примеру коллег из Фонда «Сороса», активно входят в школьный учебный процесс. При университете есть своя школа, но вуз еще и шефствует над рядом республиканских школ, помогая им методическими советами, проведением консультаций и т. п.

Стоит упомянуть о контактах наших историков и культурологов со школами. На базе школы № 72, что находится в микрорайоне Джал, мы апробировали свой школьный учебник для 8–9 классов «История Кыргызстана». В последние три года, в период летних каникул мы с учениками школ и студентами побывали в археологической экспедиции по памятникам Великого Шелкового пути вокруг Иссык-Куля. Провели ряд встреч с учителями и учениками Чуйского и Беловодского районов. Совместно с общеобразовательной школой-гимназией № 6 г. Бишкека выпустили книжечку для детей «Кыргызы. Исторические предания и легенды».

Работа со школьниками продолжается научной работой со студентами. В свое время студент второго года обучения Асан Торгоев после экспедиции по памятникам Великого Шелкового пути издал путеводитель, который дает основные ориентиры для туристов и любознательных путешественников. Это первый результат студенческих научных исследований в КРСУ. В 1996 г. проведена студенческая секция международной научно-практической конференции «Кыргызстан и Россия — в XXI век», издана брошюра сообщений и тезисов выступлений студентов «Кто есть кто

в истории кыргызско-российских взаимоотношений». А в 1997 г. проведена студенческая конференция «Кыргызстан – Россия. Пять лет дипломатических отношений» и изданы материалы этой студенческой конференции. Опубликованы материалы студенческой конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. По каждому курсу для студентов размножаются программы и методические пособия.

О создании учебников нового поколения

Кыргызстан, отечественное книгоиздание вступают в новое столетие в сложной ситуации, когда наука, знание, литература оказались вне первостепенного внимания общества и государства. В трудное положение попали образовательные учреждения, не имеющие новых учебников, созданных на современном уровне знания. Это негативно сказывается на общеобразовательном процессе, на подготовке специалистов в различных областях знаний.

Учебная книга в первую очередь должна отражать последние достижения в своей области знаний и отвечать изданиям лучшего мирового опыта. Хороших учебников остро недостает. Рынок учебных изданий нередко заполняется суррогатами учебной литературы.

В рамках программы «Учебник XXI века» предусматривается выпуск в свет учебной литературы, отвечающей следующим критериям: высокий научный и методический уровень; соответствие требованиям государственных образовательных стандартов; наличие современного методического и справочного аппарата; глубокое освещение перспектив развития соответствующей области знания и практики.

Естественно, что при создании таких учебников самое пристальное внимание следует уделить поиску новаторских методических решений, повышающих обучающие возможности учебной литературы с учетом решающей роли само-

стоятельных занятий в развитии творческих способностей личности.

Столь жесткие требования не исключают, а предполагают авторское разнообразие учебников, их самобытность при общих требованиях стандартизации.

Сегодня на российском пространстве, гуманитарными учебниками которого мы пользуемся, выпускаются разные по качеству учебники. И у студентов, и у преподавателей практически нет возможности выбрать из нескольких вариантов нужный, качественный учебник. Это связано с тем, что в настоящее время нет четкой программы по созданию и выпуску вузовской литературы. Издаваемые учебники подчас не вписываются в современную учебную программу.

При всем этом не следует забывать, что матрица учебной литературы создавалась тысячелетиями, отражая и выражая фундаментальные закономерности становления и функционирования познавательного аппарата человека. Поэтому необходимо соблюдать преемственность.

Если обратимся к публикациям учебников для вуза в области гуманитарных дисциплин в нашей республике, видим, что наиболее благоприятная ситуация в этом плане с вузовскими учебниками по истории Кыргызстана.

Первый учебник «История кыргызов и Кыргызстана» коллектива авторов — ученых НАН КР, преподавателей КРСУ и МУК вышел в издательстве «Илим» в 1995 г. (под редакцией Т. Койчуева, В. Плоских и С. Даниярова).

В 2000 г. на грант Президента Кыргызстана А. А. Акаева вышло уже третье издание — исправленное и дополненное. Издание доработано в основном в духе новых требований (хотя, надо честно признать, не по всем параметрам). С учетом пожеланий и рекомендаций педагогов вузов в новый учебник введен раздел «Историография», расширена и обновлена библиография, дан хронологический указатель, изложение событий доведено до 2000 г. В учебник введены карты и некоторые иллюстрации.

Хочется отметить следующее: программа для вузов по истории Кыргызстана пока одна (выпущенная в 1995 г. коллективом историков НАН КР и КГНУ, переизданная в 1998 г.), а учебники (и наши и других авторов) написаны как бы сами по себе. Нужен стандарт по истории для разных специальностей и строго следующие ему учебники для студентов разных специальностей (ибо часовая нагрузка везде различная). И при всем этом особо важно следовать исторической преемственности учебника.

В то же время наблюдается какой-то парадокс: мы постоянно говорим о важности и необходимости патриотического воспитания, на всех уровнях — от рядового преподавателя до президента страны, сожалеем об отсутствии государственной идеологии, осознаем, что все это возможно лишь на базе исторического материала (истории отечества, истории крае-ведения и регионоведения, истории культуры, истории философии, истории психологии, менталитета и т. д.) и в то же время наблюдаем, как неуклонно сокращаются вузовские часы по истории, в некоторых вузах (а ныне это все — университеты) на отдельных факультетах вообще нет предмета «История отечества» (т. е. «История Кыргызстана»).

Необходимо обратить самое пристальное внимание на преподавание истории как учебной дисциплины; на создание новых универсальных (по стандарту) и по направлениям дисциплин учебных программ; на издание красочных учебников нового поколения, в рамках проекта «Учебник XXI века».

Не будем забывать, что культура и цивилизация держатся на учебных книгах.

О духовности воспитания

Хотелось бы несколько затронуть и тему духовности, духовного воспитания молодежи. В университете созданы центры изучения русской, кыргызской и еврейской куль-

тур, кабинеты иранистики, китаистики, американистики. Спецкурсы лекций читают католический и православный священники, на очереди — представители исламской религии и иудаизма, буддизма, индуизма, конфуцианства и других конфессий.

Мы все еще находимся в условиях глубокого общественного кризиса, и не только экономического. Продолжает оставаться значительной проблемой духовная дезориентация, охватившая широкие слои нашего общества. Многие люди утратили нравственный стержень жизни. В нравственном воспитании, в соприкосновении с источниками духовности нуждается вся молодежь.

От того, насколько нам удастся сохранить и развить лучшее в нашем образовании сегодня, как никогда прежде зависит будущее нашей страны. У каждого народа собственное лицо, уникальный душевный склад, неповторимый характер. В разных народах раскрываются разные способности, у каждого свой образ мысли и мировосприятия. Бездумное подражание чужому может только помешать раскрыться своему. Подражание — вообще не творческое дело, нужно не подражать, но усваивать все лучшее, что есть в ином. Только возрождение лучшего в народе, полнейшее раскрытие его способностей, развитых веками, может дать людям и отечеству возможность не только выжить, но и достойно жить в новом тысячелетии.

Как подчеркнул в одном из своих посланий патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, преобладающее внимание должно быть направлено не на видоизменения всякого рода, а на сохранение ядра образования, на его важнейшие основы. «Не растекаться по древу» должна мысль учеников, а собираться, концентрироваться, быть целостной, сильной, ясной и чистой. В основе обучения должны лежать вечные ценности, воспринимаемые в преемственности традиций, — то, что не устарело и никогда устареть не может. Все остальные знания должны как бы

³⁰ Том IX. В. М. Плоских

группироваться вокруг этого ядра, слагаясь в стройную и гармоничную систему.

Развитие новейших информационных систем ведет к качественным переменам самого характера образования. Школа изменяет свой тип обучения. Сегодня еще нельзя в полной мере уяснить себе определяющие черты новой школы. Но какой бы она ни сложилась, она должна унаследовать лучшее из отечественной школы и выполнить свое главнейшее назначение — дать нравственные и ценностные ориентиры, научить детей самому необходимому, привить им способность научения новому и различения существенного от несущественного. В современном информационном море человек, как никогда прежде, нуждается в опытном лоцмане. И таким лоцманом должен быть современный учитель. А компасом для него должны служить нравственная чистота, живая совесть и, конечно, прекрасное знание предмета. Без глубокого освоения родной отечественной традиции, выверенной опытом многих поколений людей, живших до нас, этого заведомо не получится.

Сегодня многие согласны, что в XXI веке культура сыграет решающую роль в сохранении человечества и его развитии.

Гуманитарии университета приняли самое непосредственное участие в разработке Концепции народного образования. Сейчас трудятся над составлением Декларации прав культуры Кыргызстана, вносят свой вклад в образовательную и культурную политику республики.

И последнее. Думается, наш Кыргызско-Российский Славянский университет как высшее учебное заведение состоялся. Сейчас настало время стать ему флагманом как в науке, так и в методическом руководстве школьным образованием, флагманом создания школьных и вузовских программ и учебников. Научно-педагогический потенциал имеется.

Пора разработать концепцию дальнейшего развития университета, в основу которой положить становление фундаментальных научных исследований, создать для этого преподавателям необходимые условия. Стоит еще сказать о науке: наука делает лицо вуза! Такая возможность для нас сегодня реальна. И тогда будет соблюдена столь необходимая для современного уровня триада: школа – вуз – наука!

Все воспитание историей и культурой в КРСУ направлено на достижение этих целей.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Воспитание историей и культурой // Вестник КРСУ. Бишкек, 2001. Т. I. № 1.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСЕДЛЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(по материалам христианского наследия)

Тянь-Шань — высокогорный регион, издревле осваивался как зона кочевнического скотоводства. В долинах Таласа, Чу и Иссык-Куля, являвшихся также зоной кочевых цивилизаций, издревле культивировалось и земледелие. Последние археологические работы Иссык-Кульской экспедиции, позволившие идентифицировать остатки затопленного городища со столицей усуней городом Чигу — на дне Тюпского залива Иссык-Куля — свидетельствуют о хозяйственном взаимодействии оседлых цивилизаций и кочевых обществ в регионе еще с первого тысячелетия до новой эры.

Особый интерес представляют духовные аспекты такого взаимодействия. В кочевой среде с ее шаманско-языческими, тенгрианскими представлениями и обрядами уже с начала первых веков новой эры появляются миссионеры христианства в его несторианском проявлении.

Христианские надписи были открыты на Тянь-Шане в 1886 г. и впервые исследованы профессором Д. А. Хвольсоном и академиком В. В. Радловым. К настоящему времени обнаружено на Тянь-Шане более 700 несторианских эпиграфических памятников и четыре христианских архитектурных памятника средневековья: две церкви и два монастыря.

Христианство начало проникать на территорию Кыргызстана с проникновением сюда согдийцев, несших земледельческую культуру и новую веру, с середины I тысячелетия н. э. Самым ранним памятником, расположенным

на территории Кыргызстана, является небольшая церковь VII—VIII вв. в средневековом Суябе — столице тюркских каганов в Чуйской долине.

Основатели христианских церквей и монастырей были проповедниками оседлого образа жизни и городской культуры среди подавляющего аборигенного кочевого населения.

Оседлая цивилизация проникла в кочевую среду, неся не только новый образ хозяйствования, новый образ бытия, но и новую идеологию, новую духовную культуру, новую религию.

С VI в. и некоторые тюркские каганы стали принимать христианство, а на рубеже VIII—IX вв. епископ Тимофей обратил тюрков в христианство. В IX в. в Таласе была главная христианская церковь, а таласский эмир исповедовал христианство. В караханидском каганате на Тянь-Шане, где ислам стал государственной религией, христиане проживали спокойно и не подвергались гонениям со стороны ислама. Сильные несторианские общины в XI—XII вв. были на Иссык-Куле.

В XII в. несторианский патриарх Илья III добился учреждения митрополии в Кашгаре — столице гурханов киданей. Новый митрополит назывался митрополитом Кашгара и Невакета и ведал всеми христианами Тянь-Шаня, в т. ч. Иссык-Куля.

Когда последний караханидский владетель Баласагуна Кучлук, сам бывший христианином, стал мусульман заставлять силой принимать христианство, он вызвал ожесточенную ненависть местного населения. Это послужило одной из причин легкого признания жителями Караханидского каганата власти Чингисхана, которому добровольно сдали свой город. Кучлук вынужден был бежать и погиб.

* * *

Первый памятник христиан был раскопан в Ак-Бешиме Л. Р. Кызласовым в 1954 г.: это была церковь с христианским кладбищем. Тогда все считали Ак-Бешим

средневековым Баласагуном. В чем Л. Р. Кызласов усомнился, считая его другим каким-то городом. Позднее ученые это подтвердили. Сначала была высказана гипотеза, что Ак-Бешим — это средневековый Суяб, а с обнаружением здесь каменной ступы с китайской надписью предположение подтвердилось.

Раскопанная церковь представляла собой здание 36 на 15 метров, вытянутое с запада на восток, с большим двором, вокруг которого располагалось кладбище. На территории раскопок были обнаружены керамические предметы с христианскими крестами (несторианскими), тюргешские датируемые монеты, бронзовые нательные кресты.

Раскопками кыргызских археологов в сотрудничестве с учеными Эрмитажа из С-Петербурга (Г. Л. Семенов) в 1998 году на Ак-Бешимском городище были вскрыты остатки двухъярусной христианской церкви. Судя по предварительному отсчету, церковь, располагавшаяся на площади примерно 60 на 40 метров, датируется X в. — т. е. караканидским периодом. Обнаружены предметы, указывающие на христианскую ее принадлежность. Это — глиняная плитка с выдавленным изображением креста, кирпичи с изображением креста и др.

Самой примечательной находкой явилась деревянная обложка в кожаном переплете с остатками страниц или их оттисков священной христианской рукописи. По предварительному заключению ученые предполагают, что религиозная книга написана на согдийском или сирийском языке.

Самым замечательным архитектурным памятником христианской обители на Тянь-Шане является Таш-Рабатский монастырь, известный уже с раннего средневековья. Построенный на рубеже X—XI вв., Таш-Рабат представлял из себя стационарное жилище монастырского типа, функции которого со временем менялись и позже здание использовалось также как караван-сарай на одном из ответвлений Великого Шелкового пути. В 1901 г. местным краеведом

Н. Пантусовым у Таш-Рабата был найден надгробный кайрак с сирийской надписью, что также подтверждает его несторианскую принадлежность.

Другие ранние памятники — погребения христиан с нательными крестиками из бронзы и нефрита этого же времени были обнаружены во многих местах Тянь-Шаня, исследованы археологом доцентом В. Д. Горячевой в захоронениях средневекового Невакета, известны христианские комплексы на средневековом Баласагуне, на Иссык-Куле и др. местах Кыргызстана. Наиболее изучены несторианские эпитафии (24 памятника) из окрестностей села Кара-Джигач (в зоне г. Бишкек) в Чуйской долине. Здесь в XIII—XIV вв. находился город Тарсакент (букв. «Город христиан»).

Не так давно с Карабалтинского городища доставили в музей КРСУ тюркское каменное изваяние (правда, без головы). Хорошо видны детали одежды. Примечательно, что сзади, вдоль спины просматривается надпись, сделанная предположительно согдийским письмом. Здесь же, на городище, обнаружена и бляшка с изображением несторианского креста.

На Иссык-Куле уже в наше время найдено только одно кладбище с несторианским кайраком — т. е. эпитафиями на камне. Это — на южном побережье озера у с. Саруу и отдельная эпитафия — также к югу от Иссык-Куля в ущелье Жууку. Кыргызский палеолингвист Ч. Джумагулов прочитал и опубликовал их.

Сарууйский памятник XIV века из 13 строк — это эпитафия некоего Чангши-кана в честь жены, умершей на 1647 году по счету лет от Александра Македонского: «ей память сделали, пусть не забудется (она) среди друзей».

Судя по памятникам, сирийское несторианское письмо употреблялось на Тянь-Шане с VIII по XIV вв. со времени принятия христианства тюрками кагана Арслан Иль Тюргук (766—840 гг.) и до гибели семиреченских несториан в середине XIV в. вероятнее всего от чумы 1338—1342 гг.,

распространившейся отсюда на Китай и в Европу и унесшей миллионы жизней.

* * *

Иссык-Куль таит в себе немало тайн. Здесь и подводные (затопленные средневековые) города, и античные курганы.

Наиболее перспективно на сегодняшний день продолжение поисков христианского монастыря, ушедшего в XV в. под воду.

В архивной записке сведений о церквях Семиреченской области, составленной 1 февраля 1915 года, записано одним из обследователей: «В 9 часов вечера 8-го сентября я прибыл в Иссык-Кульский Свято-Троицкий миссионерский монастырь, расположенный на северо-восточном берегу Иссык-Кульского озера в 41 версте от города Пржевальска. Замечательно, что вблизи монастыря, около устья рек Тюп и Кой-Су, сохранились под водой останки древнего города. В этом именно городе, по предположению ученых-археологов, и существовал армянский монастырь...»

А вот что сообщает в книге митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир «Земля потомков патриарха Тюрка», изданной в Москве в 2002 г.: «На Киргизской земле нашло посмертное упокоение тело святого апостола и Евангелиста Матфея. Как известно, мученическую кончину за Христа он принял в Сирии. Откуда, по-видимому, еще во II или III веке бежавшими от древнеримских гонений христианами честные мощи апостола были унесены в край, славившийся широкой веротерпимостью. Эта святыня хранилась в монастыре, расположенном на берегу озера Иссык-Куль; весь христианский мир знал о ее местонахождении.

На Каталанской карте мира, датированной 1375 г., на северном берегу озера Иссык-Куль изображено здание с крестом, а рядом имеется надпись:

«Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте монастырь братьев армянских, где пребывает тело святого

Матфея, апостола и Евангелиста». Впоследствии город, где находилась древняя армянская обитель, был затоплен водами озера... П. П. Семенов-Тянь-Шанский, изучавший Каталанскую карту, полагал, что монастырь армян находится в бухте Курменты, между селами Светлый Мыс и Тюп. Именно поблизости от затонувшей святыни в 1882 году был основан русский Свято-Троицкий мужской монастырь. Побывавший в этих местах в конце XIX века российский чиновник барон А. Каульбарс писал: «Замечательно, что неподалеку от Иссык-Кульской троицкой обители, у устья рек Тюп и Кой-Су сохранились под водой развалины древнего города». В этом городе, по предположению археологов, и существовал тот армянский монастырь, где находятся мощи Евангелиста Матфея».

В своем отчете о путешествии В. Бартольд уточняет сведения о Каталанской карте, пишет, что город Иссык-Куль на ней отмечен на северном побережье; здесь — «монастырь армянских братьев, где, по слухам, хранятся мощи св. апостола и Евангелиста Матфея».

Средневековый монастырь, по мнению академика В. Бартольда, с чем мы согласны, вполне мог вместе с древним городом оказаться под водой на дне озера в районе современного с. Курменты (сев.-вост. Иссык-Куля), где встречаются предметы средневекового быта. Но целенаправленные археологические работы здесь не проводились.

Археологические обследования 2001 и 2002 гг. убеждают нас в необходимости именно здесь, в бухте Светлый Мыс, в первую очередь провести археологические работы в поисках затонувшего монастыря христиан.

Теперь — о другой христианской обители — город Тарсакент (город христиан) в Чуйской долине, в зоне современных застроек Бишкека.

Книга и диссертация православного священника из Германии, доктора философии и теологии Василиуса Кляйна посвящена несторианской культуре Кыргызстана

и ее гибели в XIV веке. Целиком христианский город Тарсакент оставил после себя десятки камней с эпитафиями на сирийском языке. Их оставили тюркоязычные христиане Кыргызстана. Город играл позитивную роль в жизни края, хотя литературные источники практически не фиксируют это.

Нужно сказать и о Невакете — городе с полирелигиозной культурой в центре Чуйской долины. Христианская община была здесь представлена также согдийскими выходцами, которые кроме религии несли в кочевую среду и новый быт, и хозяйственный уклад.

Впереди новые археологические поиски и исследования религиозных памятников на территории Кыргызстана и их роли во взаимодействии оседлых цивилизаций и кочевых обществ.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Взаимодействие оседлых цивилизаций и кочевых обществ как геополитический фактор в истории Центральной Азии (по материалам христианского наследия) // Диалог цивилизаций. Информационный бюллетень научного направления «Великий Шелковый путь и взаимодействие культур». Вып. 1. Бишкек, 2002.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Провозглашение на Евразийском пространстве суверенитета отдельных государств и связанные с этим новые социально-политические реалии вызвали значительную трансформацию исторического самосознания общества. Формируется сознание того, что историю и культуру следует рассматривать на фоне и в контексте исторического взаимодействия стран Центральной Азии в геополитическом пространстве.

Создание объективной картины прошлого является одним из главных факторов формирования общенационального единства, становления государственного суверенитета, воспитания гражданственности, нравственности и патриотизма.

В наши дни, когда реально творится новая история независимых государств, взгляд на прошлую, каноническую историю нуждается в корректировке. Обществу нужны гуманитарные науки, свободные от идеологических догм, схематизации, упрощения и натяжек.

При этом недопустимо нигилистическое отношение как к исторической науке в целом, так и к отдельным проблемам периодов и культур. Необходимы сохранение преемственности, использование накопившихся исторических знаний, уважительное отношение к наследию ученых прошлых поколений.

Прежде всего следует определить методологическую базу — основу исследования. Ранее господствовал марксизм-

ленинизм и формационный метод, который возводился в абсолют. Он превратился в догму: с ней мало считались, но ее декларировали.

Сегодня наиболее актуален сравнительно-исторический метод, цивилизованный подход к оценке исторических событий и взаимоотношений народов.

Все более привлекательным становится цивилизованный метод, нашедший широкое признание в мировой научной практике, как универсальный, позволяющий разнопланово исследовать уникальность и самобытность любой человеческой организации, ее общих и особенных сторон, место в общечеловеческом порядке. Согласно цивилизованному подходу, общество образует совокупность цивилизаций, которые зарождаются на определенных территориях планеты и могут либо взаимодействовать, либо сосуществовать независимо друг от друга.

Используется также система частных научных методов, таких, как логический, источниковедческий, социологический, эмпирический, сравнительно-исторический, психолого-исторический и т. п.

Исторический метод предусматривает изучение явлений во взаимосвязи различных причин (экономических, политических, культурологических, идеологических, социальных), рассмотрение процесса в комплексном развитии: как он возник, каким был вначале, какой путь прошел в связи с изменением обстановки и внутреннего содержания, как оценивался на том или ином этапе развития.

Кроме того, в исторической науке применяются следующие методы:

1. Хронологический, суть которого состоит в том, что явления излагаются строго во временном (хронологическом порядке).
2. Хронологическо-проблемный, предусматривающий изучение и исследование истории по периодам (темам) или эпохам, а внутри их — по проблемам.

3. Проблемно-хронологический, изучающий и исследующий какую-либо одну сторону жизни и деятельности государства или общества в ее последовательном развитии.
4. Синхронистический, позволяющий установить взаимосвязи между процессами и явлениями, протекающими в одно и то же время в разных регионах.

В современной исторической науке находят применение следующие методы: сравнительно-исторический, ретроспективный, системно-структурный, статистический, математического анализа и социологических исследований.

История любой страны является неотъемлемой частью всемирной истории. Такой подход основывается на философских категориях общего и особенного. Применение этих категорий позволяет показать особенности развития государства в Евразийском пространстве как многонационального, многоконфессионального, обладающего сложившимися за многие столетия традициями, собственными жизненными устоями.

При этом особое внимание, на наш взгляд, следует уделить наиболее значимым для истории вопросам: становлению и развитию этносов, истории государственности, судьбам цивилизаций, национальным обычаям и традициям, духовным ценностям и т. д.

Центральная Азия представляет собой цивилизованный регион, самобытное развитие которого определяется природно-климатическими, геополитическими, конфессиональными (религиозными), социологическими и другими факторами. И в этом плане, последовательно изучая историю государств Центральной Азии, в исторических исследованиях допустимо использовать разнообразные категории и понятия, преимущественно социологические (модернизация, стадийность, формация), политологические (тоталитаризм), экономические (индустриализм и постиндустриализм).

А теперь непосредственно о проблемах истории кыргызской государственности.

Требуются невероятные комплексные усилия ученых-историков, археологов, лингвистов, антропологов и художественные реконструкции, чтобы воскресить самобытные и яркие страницы далекой старины. Это касается, в первую очередь, истории Кыргызской государственности, которую скептики от науки еще недавно отрицали.

В конце I тысячелетия до новой эры на территории от Ферганы до Восточного Туркестана (озеро Кыргыз-Нур) существовало три государства, непосредственно связанных с историей современного Кыргызстана: царство Дувань (в Фергане), государство Усунь (территория Северного Кыргызстана и Южного Казахстана) со столицей Чигу (ныне под волнами Иссык-Куля) и страна (владение) кыргыз (последнее утверждение — на территории Восточного Тянь-Шаня). Все три государства в той или иной степени были связаны с историей мощной кочевой державы гуннов. Основные сводки о них содержатся в «Исторических записках» («Ши цзи») отца китайской историографии Сыма Цяня. В их основе лежат сообщения китайского дипломата, первооткрывателя Великого Шелкового пути Чжан Цяня, посетившего эти государства во II в. до н. э.

Сведения лаконичны, однако дают исходные представления о древнейших государствах и их населении. В них же и первое упоминание о кыргызах и их государстве, относящиеся к III веку до н. э.

Гуннская держава многие десятилетия соперничала и воевала с государством Усунь и Китайской империей. Сосуществовала с кыргызской страной и неоднократно ее завоевывала (а она восставала и вновь освобождалась). Именно благодаря гуннской державе кыргызы усвоили основополагающие принципы государственности.

Процитируем самый ранний китайский источник («Ши цзи» Сыма Цяня) о древнекыргызском государстве (в переводе Н. Я. Бичурина) о событиях 201 г. до н. э.:

«При Модэ Дом хуннов чрезвычайно усилился и возвысился.

*Впоследствии на севере они покорили **владения** Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь¹ и Цайли».*

Современные историки выяснили, что место пребывания кыргызов и истоки их государственности уводят нас в регион Восточного Притяньшанья (хребет Боро-Хоро) и озера Кыргыз-Нур в северо-западной Монголии. Отсюда этнос под напором мощных кочевых племен передвигался в верховья Енисея, затем через Алтай на свою современную родину Тянь-Шань, по дороге ассимилируя встречающиеся племена и народы. Таким образом, в течение двух с лишним тысячелетий этнос в результате сложных этнополитических процессов развивался и трансформировался на базе местных автохтонных и пришлых миграционных племен. Соответственно трансформировалась и государственность кыргызского народа, прошедшая несколько этапов развития, познав взлет и претерпев разрушения.

Следует сказать, что процесс образования государственности в Центральной Азии не был моноцентричным и не ограничивался только державой гуннов. Параллельно протекали процессы государственного генезиса и других соседних народов, которые сумели организовать свои отнюдь не эфемерные государственные образования, коль скоро они стали известны в далеком Китае и вошли в его официальные исторические сочинения.

Несомненно также другое: находясь в III—I в. до н. э. рядом или в составе могущественной гуннской империи,

¹ Гэгунь — китайская транскрипция этнонима и государства **кыргыз**.

представлявшей кочевую цивилизацию Центральной Азии, кыргызы, как и другие народы, восприняли уроки политического управления государственной властью гуннов при создании собственных государств.

Упомянутые государства, естественно, отличались от современных. Они находились *на ранней стадии становления, но обладали уже основными институтами государственности.*

Имелся народ, осознающий свою этническую общность, менталитет, язык и культуру.

Имелся правитель, вождь или государь.

Имелись властные структуры управления и подчинения. Имелась армия, налоги, дипломатические внешние связи.

Но, поскольку они были кочевыми, в основном скотоводческими, границы их не имели строго определенных рамок, хотя и осознавалась общность территории конкретного народа.

В 99 г. до н. э. войска китайского императора под предводительством талантливого полководца Ли Лина вторглись во владения хуннов. Хуннский шаньюй Цзуйдихэу заманил китайские войска в засаду и разгромил их. Ли Лин попал в плен, но вместо того, чтобы казнить, именно шаньюй, оценивший храбрость и ратное мастерство Ли Лина, оказал ему почести, женил на одной из своих дочерей и назначил правителем «Владения Кыргыз».

Ли Лин и его потомки правили кыргызским владением в течение нескольких поколений, сначала как зависимым от верховного шаньюя, а с 56 г. до н. э., когда восставшие динлины добились в ходе восстания политической независимости, как самостоятельным государством. Таким образом, к этому времени — середине I в до н. э. — кыргызы обладали собственным опытом правления государством, усвоили опыт хуннской империи и овладели через Ли Лина китайским опытом военного и административного

управления территориями. Так были освоены основополагающие принципы государственности.

Приведенные свидетельства, как нам представляется, убедительно говорят, что *истоки кыргызской государственности берут свое начало в III—I вв. до н. э.*

Обнаруженные Иссык-Кульской археологической экспедицией (август 2003 г.) на дне озера бронзовые предметы быта и культа (жертвенные котлы, удила, оружие, украшения и пр.) наглядно свидетельствуют о существовании здесь во второй половине первого тысячелетия до н. э. сако-усуньской и гуннской цивилизаций, в орбиту которых входило и государство кыргызов.

Первая половина первого тысячелетия новой эры пока остается «белым пятном» истории кыргызов и кыргызской государственности. Сведения о них почти отсутствуют. По косвенным свидетельствам, можно судить, что шла борьба за выживание и завоевание независимости.

Древнетюркская генеалогическая легенда, фиксирующая факт родства между кыргызами и тюрками, отмечает, что один из общих потомков по имени Кыргыз (Цигу — в китайских источниках) переселился с Алтая в Минусинскую котловину, где *царствовал* между реками Абакан и Енисей. Письменные и археологические источники подтверждают возрождение кыргызской государственности в середине первого тысячелетия новой эры. И связано это с древнетюркской общей государственностью.

Поэтому мы вправе говорить, что *кыргызы стояли у самых истоков общетюркской государственности*. Этот важный факт — несомненная историческая заслуга кыргызского народа, как одного из самых древних носителей государственной идеи среди ныне здравствующих народов тюркского корня.

Во главе государства, которое называлось Кыргыз, в VII—VIII вв. был правитель с титулом ажо, позже —

³¹ Том IX. В. М. Плоских

каган — Барс-бег. Он был выдающимся политическим деятелем своего времени. Происходил из древней правящей кыргызской династии. Род его, как считалось, находился под особым покровительством богини Умай-эне, а родственники носили титул — Умай-бег. Не исключено, что каган помимо светских исполнял и жреческие функции.

Его идея о гегемонии кыргызов в Центральной Азии была осуществлена полтора века спустя в период *Кыргызского великодержавия* (IX в.).

Были ли позже, в дальнейшем, попытки — восстановления кыргызской государственности?

Мы знаем, что в XVI в. Мухаммед-кыргыз возглавлял Могольское государство на Тянь-Шане. В середине XIX в. такую попытку предпринимал визирь Кокандского ханства правитель Алая, муж Курманджан-датхи — Алымбек-датха, но был убит по приказу хана.

На белом войлоке подняли и объявили кыргызским ханом верховного сарыбагышского манана — Ормон-хана. Но его не признали другие правители родов и племен, и государство возродить не удалось.

Идея суверенной государственности возродилась и осуществилась лишь в XX столетии.

Суверенный Кыргызстан XX в. — это страна будущего, определившая свой путь развития, наращивающая экономические темпы и уверено вошедшая в мировое сообщество.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Современные проблемы методологии и комплексного исследования истории государственности центральноазиатского региона // Вестник КРСУ. 2003. Т. III. № 3.

«ГОРДИЕВ УЗЕЛ» ТЯНЬ-ШАНЯ

Известное выражение «Гордиев узел» олицетворяет собой трудноразрешимую многоаспектную проблему. По преданию, фригийский царь Гордий привязал ярмо к дышлу телеги сложным узлом, распутать который было практически невозможно. И древнегреческий оракул предсказал: кто развяжет узел — получит господство над миром. Многие пытались стать владыками мира, но никто не смог распутать узел. Когда Александру Македонскому предложили развязать узел, он разрубил его мечом. Отсюда пошло: «разрубить Гордиев узел», что значит — принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса.

Проблема разрешения спорных границ Тянь-Шаня — это «Гордиев узел» между Россией и Китаем на протяжении двух веков — XIX—XX. Кыргызстан, добившись независимости, получил в наследство и спорную проблему границ с Великим соседом...

Но поскольку вопрос нельзя было решить как Александр Македонский, предстояло терпеливо и настойчиво распутывать этот узел. И только в последнее время проблема была решена усилиями Президента Кыргызстана А. Акаева и Председателя КНР Цзян Цзэмина, в ходе кропотливой работы дипломатов двух стран.

Вопрос о границах всегда предполагал примат территории, хотя, разумеется, имелось в виду население, которому эта территория принадлежит. В случае с неоднократно повторяемыми уже в XX веке претензиями китайских официальных лиц и ученых на территорию Кыргызстана, впрочем, как практически и на всю Среднюю Азию и Казахстан, то здесь очевидно имеет важное значение

историческая ретроспектива динамики китайского влияния на эти территории и населяющие их народы, своеобразные «приливы и «отливы» этого влияния.

История свидетельствует, что китайские правители вели активную политическую и военную деятельность в этом регионе, подчиняли себе отдельные племена, населявшие в разное время территорию современного Кыргызстана, как и всего Среднеазиатско-Казахстанского региона. Но это не означает автоматического признания неких «исторических прав» на эти территории, названные китайцами «Западным краем».

Китайское влияние в этом крае прослеживается со времени эпохи Хань с конца первого тысячелетия до нашей эры. Тогда китайцы отражали постоянные военные набеги первой великой кочевой империи на северо-западе своих границ Хунну (гунны). Согласно древним письменным источникам, во время противостояния китайской державы и хуннской кочевой империи, в 209–201 гг. до н. э. на западной границе хуннов располагался народ и страна кыргыз (гэгунь — в китайской транскрипции). Это первое в истории упоминание о кыргызском государстве, истоки которого таким образом восходят к III в. до н. э. и связаны они с империями Хунну и Хань (Китай). Кочевые народы сливались и распадались, государства возникали и разрушались, твердо установленных границ, естественно, не было. И всякий раз, сталкиваясь с новыми народами — усунями, кыргызами, тюрками, тюргешами, карлуками, уйгурами и т. п., китайцы строили свои отношения с ними заново. Были периоды, когда они даже платили дань «варварам». Никакие «исторические прецеденты» ханьского времени не имели значения, они не воспринимались новыми обитателями. Кстати, китайские чиновники это отчетливо понимали и налаживали отношения с новыми этносами, а не с территорией.

В VI–IX веках нашей эры активные дипломатические контакты Китай имел и с кыргызскими государствами Центральной Азии, пик которых приходится на IX век – время так называемого «кыргызского великодержавия», распространившего свою власть от Монголии до Тянь-Шаня.

Тысячелетие спустя, в середине XVIII в. после разгрома Джунгарского ханства Цинский Китай на завоеванных территориях создал новую провинцию Синьцзян. Кочевавшие там кыргызы, как и их северные соплеменники современной территории Кыргызстана оказались в вассальной зависимости от Китая, который считал себя правопреемником разгромленного ханства. Поэтому многие кыргызские представители, такие как Топчу бий из саяков, Черикчи бий из сарыбагышей, Ажы бий из адигине, Куватбий из кушчу, Эшбото бий с Таласа, Бирназар бий с Иссык-Куля и другие ездили сами в Китай или направляли свои посольства с признанием «вассалитета». Это, однако, было чисто формальным актом, позволявшим вести собственную политику, часто не считаясь с китайскими наместниками в Синьцзяне.

Разумеется, проблема территорий не могла не беспокоить цинских правителей. Однако закордонный «Западный край», как и другие окраинные земли империи, традиционно рассматривались лишь как зона обитания «данников», своеобразный буфер безопасности внутреннего Китая и не более того. Она расширялась или сжималась в зависимости от политических обстоятельств момента, но никогда она не была строго ограничена. А потому с точки зрения территориальных притязаний, пограничных проблем в этом регионе ссылки на древние «исторические прецеденты» несостоятельны. В лучшем случае они свидетельствуют о контактах Китая с различными этническими и государственными образованиями, но никоим образом не о праве на владение территориями «Западного края».

Для вопроса о границах территория имеет первостепенное значение. Ведь, в конце концов, именно территорию делят, когда речь идет о пограничном размежевании. В «Западном крае» этот вопрос для Китая приобрел практическое значение лишь тогда, когда на смену неопределенным взаимоотношениям с различного рода «данниками» и «вассалами», или просто с соседями-«варварами» пришла необходимость четкого размежевания с другой великой державой — Россией, стремительно утверждавшейся в XIX веке в туркестанских пределах.

Правовой основой переговорного процесса по проблемам кыргызско-китайского пограничного урегулирования служили российско-китайские и советско-китайские соглашения по пограничным вопросам, заключенные в период с 1860 по 1991 годы. Это продиктовано тем, что существующая ныне граница между Кыргызской Республикой и КНР была установлена во второй половине XIX в., как часть российско-китайской границы, и в советское время только уточнялась. В основе русско-китайского разграничения лежат Пекинский договор 1860 г. и Чугучакский протокол 1864 г., сформулировавшие принципы территориального размежевания Китая и России в Средней Азии, а также Петербургский договор 1881 г. и принятые в его исполнение Кашгарский 1882 г. и Ново-Маргеланский 1884 г. протоколы о разграничении между Россией и Китаем на кыргызско-китайском контактном участке.

Следует отметить, что кыргызы в этих переговорах не участвовали. Их интересы и потребности никем не учитывались. Две крупные державы, исходя из собственных интересов, разделили единый народ и его территорию на две части. Одна отошла к России, другая осталась в распоряжении Китая. Та договорная пограничная линия, демаркированная в 80-х годах XIX в., в советское время не претерпела никаких изменений. Хотя уже в середине 1920-х годов китайская сторона выдвинула требование

о принципиально новом урегулировании, ибо, по их мнению, «современная линия границы является результатом военной агрессии бывшего царского правительства». В 30–40-е годы гоминьдановский Китай не предъявлял каких-либо территориальных претензий. Новая их волна связана с маоистским Китаем и относится к 60-м годам, когда общий климат советско-китайских отношений резко ухудшился. К тому же выяснилось, что на советских и китайских картах разграничительная линия проходит по разным хребтам, одни и те же горные пики и хребты имеют разные названия. В результате границы оказались не состыкованными и советский вариант не накладывался на китайский.

Тогда и возникли сегодняшние 5 участков на кыргызско-китайской границе, которые считались «спорными». Суммарная длина границы на этих участках превышает 300 км, а общая площадь «спорных районов» приблизилась к 4000 кв. км. Согласившись считать в качестве основы для уточнения прохождения границы русско-китайские договоры о границе, китайские официальные лица обосновывали «спорность» ряда участков границы тем, что советская сторона якобы не соблюдала эти договоры и, произвольно отодвинув границы, захватила часть территории КНР.

Несколько попыток переговоров в 60–70-х годах не дали существенных результатов. И только на переговорах 1987–1991 гг. наметилось продвижение вперед, но развал СССР остановил их.

Могут спросить, почему мы, суверенное государство, должны в вопросах о границах опираться на договоренности бывшего СССР, да еще и царской России? Ответ на этот вопрос чрезвычайно важен, ибо при подготовке к переговорному процессу было необходимо однозначно решить, считает ли Кыргызская Республика себя правопреемницей СССР, а исторически и Российской империи, в вопросе о границах с КНР?

Отрицательное решение автоматически исключало бы правомочность и договорную основу всей границы Кыргызстана с КНР. В этом случае переговоры могли увести нас в глубь веков и всплывают «исторические притязания» китайцев на всю территорию Кыргызстана. Результаты подобного шага были бы непредсказуемы.

Признание Кыргызстаном своего правопреемничества СССР в вопросах пограничного урегулирования в пределах Кыргызстана упростило ситуацию, она в принципе поддавалась прогнозированию. Кыргызстан должен был соблюдать и договорную основу прохождения границы, зафиксированную в русско-китайских договорных документах и протоколах XIX в., и документы советско-китайские, фиксирующие принципы переговорного процесса: исходить из действующих договоров, соблюдать принципы взаимных уступок и экономической заинтересованности в этих участках местного населения. Кроме того, следовало учитывать и советско-китайские договоренности, достигнутые в 1987–1991 гг.

При разработке тактики переговоров тщательно учитывалась вся история российско-китайского разграничения и советско-китайского пограничного урегулирования, их договорная основа, международная практика решения этих сложных вопросов и другие материалы. В результате был сделан однозначный вывод: следовало всеми силами добиваться сохранения статус-кво на границах. Здесь необходимы были максимум государственных усилий по дипломатическим каналам, активизация средств народной дипломатии, а при необходимости принимать политические шаги и решения на высшем уровне.

Вместе с тем, понимая, что дипломатия — это искусство возможного, шел поиск таких вариантов решений и компромиссов, которые бы имели достаточно твердую и недвусмысленную договорно-правовую основу и позволяли бы обойтись минимальными территориальными потерями.

Все эти обстоятельства и диктовали позицию кыргызстанской стороны в ходе переговоров. Нам нужен был договор о границе с Китаем. Нужна была уверенность, что великий сосед не будет предъявлять территориальных претензий. Нужно было юридическое закрепление отказа. Это составило бы прочную основу наших двусторонних отношений. Пока же с точки зрения международного права такой основы не имелось, порождались опасения и неуверенность и в суверенитете и в мирной жизни людей. Создание прочной, вечной юридической основы кыргызско-китайских отношений — единственный ключ к решению проблемы. И ее не следовало оставлять потомкам.

В ходе переговоров делегаций Китайской Народной Республики и Кыргызской Республики 4 июня 1996 г. был подписан документ, по которому «Договаривающиеся стороны согласились... справедливо и рационально разрешить оставшиеся от истории пограничные вопросы между Кыргызстаном и Китаем, уточнить и определить прохождение линии границы между обоими государствами» (подчеркнуто нами — авт.). По соглашению принцип договоренности принимался следующий: линия госграницы проходит на пограничных горных участках — по водоразделу, а на пограничной реке — посередине реки или середине её главного рукава.

Это — общемировой принцип практики решения пограничных споров. В результате была проведена новая пограничная линия, разрешающая спор. Фактически никто никакой земли никому не отдавал. Просто разночтение границ по картам китайским и российским (в результате которого и оказались «спорные» участки) было приведено к единому знаменателю: был достигнут консенсус, устраивающий обе стороны. Проведена новая граница, отличная от китайского и кыргызского (российско-советского) вариантов, по которой 70% оспариваемой территории отходило кыргызской стороне, 30% — китайской. Это фактически беспрецедентный

случай в китайской дипломатии, что она пошла на такие уступки. Тем не менее, законодательный орган КНР договор ратифицировал. Хватило терпения, настойчивости, взаимопонимания и у кыргызских парламентариев. Договор ратифицировал и Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. Теперь гарантом неизменности границ, стабильности ситуации и безопасности выступит международная Организация Объединенных Наций. Потомки получают мир и спокойствие на кыргызско-китайской границе.

«Гордиев узел» Тянь-Шаня распутан, удовлетворив интересы обеих соседних, дружественных стран. Это был бесспорный успех кыргызской дипломатии и, как подчеркнул А. Акаев, доброго отношения к нам великого соседа, с которым у нас общие горы и реки. И история, уходящая в глубь веков. Отныне граница между Китаем и Кыргызстаном превращается в границу мира и согласия.

Публикуется по изданию:

Плоских В., Джунушалиев Дж., Харченко Г. «Гордиев узел» Тянь-Шаня// Материалы и документы о кыргызско-китайской государственной границе. Бишкек, 2003.

АКТОВЫЕ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ И ИСТОЧНИКИ XVIII в. — 70-х годов XIX в.

Основной круг источников по истории Кыргызстана конца XVIII в. — 70-х годов XIX в. — периода, когда значительная часть ее территории была подвластна Кокандскому ханству, довольно обширен, а сами они и по своей форме, и по содержанию весьма разнообразны. Рассматриваемые ниже категории источников не были еще в целом объектом специального источниковедческого анализа.

Наиболее важными и многочисленными видами источников, которые служат основой для исследований по позднесредневековому периоду истории Кыргызстана, являются письменные источники. Их состав и структуру условно можно подразделить на следующие группы:

1. Законодательные документы, а также актовые материалы, исходящие от имени кокандского хана.
2. Документы ханской канцелярии и ханских наместников, в том числе и переписка кыргызских феодалов с ханом и его чиновниками.
3. Постановления («эреже») чрезвычайных съездов киргизских судей (биев) и «санжыра» — генеалогии и устные родословные предания кыргызов, записанные в разное время.
4. Нарративные рукописные сочинения кокандских, бухарских и других восточных авторов.
5. Русские документальные источники (присяжные листы кыргызов, переписка с их родоправителями и кокандскими властями и т. п.), а также информационные обзоры пограничных властей, различные исторические справки и экскурсы в виде официальных

докладных записок, составленные чиновниками Туркестанского генерал-губернаторства.

Перечисленные источники имеются во многих архивах и рукописехранилищах, библиотеках и научных учреждениях республик бывшего СССР. Важнейшие из них уже выявлены исследователями в центральных государственных архивах Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, в Центральном государственном историческом архиве России в Ленинграде, в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов РФ, в Архиве внешней политики России МИД РФ, в государственных архивах Омской и Оренбургской областей, в архивах Географического общества России и других научных учреждений. Но лишь незначительная часть этих документов опубликована в дореволюционных¹, советских и современных изданиях². Подавляющее боль-

¹ *Каллаур В. А.* Грамоты (ярлыки) и приказы кокандских ханов и ташкентского хакима, известные Кыдралы Нуракову. — ПЗСТКЛА. Ташкент, 1903. Год 8-й; *Остроумов Н.* Объяснение к ярлыку Сейид Мухаммед-Али, кокандского хана, известного в истории под именем «Мадали-хана», правившего Ферганой с 1822—1842 г. хр. эры. — ПЗСТКЛА. Ташкент, 1917. Год 21-й; *Он же.* Перевод двух ярлыков Сейид Мадали-хана. — ПЗСТКЛА. Ташкент, 1903. Год 8-й; *Покровский Г. В., Стогов Н. И.* Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. — Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский, Кокандский уезды). Ташкент, 1915; и др.

² *Джуванмардиев А.* Ценный документ по истории Кокандского ханства (Указ Шир-Мухаммед-Али-хана, находившегося на престоле в 1842—1845 гг.). — Изв. АН УзССР. Сер. обществ, наук. № 3; Материалы по истории Ура-Тюбе: Сборник актов XVII—XIX вв. / Сост. перев. предисл. А. М. Мухтарова. Ташкент, 1963; *Троицкая А. Л.* Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969; *Она же.* Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1969; *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827 гг.). Фрунзе, 1970 и др.

шинство введенных в научный оборот документов использовано в различных монографиях по истории Кыргызстана XVIII–XIX вв.¹

Отдельные законодательные документы, а также актовые материалы времени ханского правления, преимущественно 40–70-х годов XIX в.², в том числе документы на отчуждение частных владений (васики), официальная переписка, исходящая от ханов и их чиновников, характеризуют землевладение и землепользование в Коканде, хозяйство населения, а также налоговую политику в ханстве и на его окраинах, одной из которых и был Кыргызстан. Они проливают свет на некоторые стороны административного устройства Киргизии указанного времени, взаимоотношения ханского двора с кыргызскими племенами и отдельными влиятельными феодалами, отражают довольно активное вмешательство кокандских феодалов в политическую жизнь кыргызского края, а также влияние ханско-феодальных порядков на аграрные отношения в Кыргызстане.

Некоторые документы о пожалованиях хана за службу (инаят-наме), распоряжения (мубарак-наме) членов ханского дома и высших придворных чиновников позволяют охарактеризовать структуру земельной собственности в ханстве и на завоеванных им землях, а косвенно — и социально-экономические отношения в Кыргызстане.

¹ Речь идет о монографиях Б. Д. Джамгерчинова, А. Х. Хасанова, К. У. Усенбаева, К. И. Петрова, В. М. Плоских, работах М. Б. Джамгерчинова, Г. П. Супруненко и др.

² Таковы, например, некоторые документы из архива кокандских ханов, прежде хранившиеся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а в 1962 г. переданные после их обработки в ЦГА УзССР. Содержание их известно в основном по превосходному каталогу, составленному А. Л. Троицкой, и ее публикациям. Но многие из них отложились в исторических фондах ЦГА УзССР и в некоторых других архивах вместе с их смысловыми переводами, сделанными в свое время чиновниками царской администрации в Туркестанском крае.

Размеры земельных владений мусульманского духовенства, а также другие виды церковного имущества на юге Кыргызстана выясняются из ханских грамот (вакф-наме). Предварительный анализ их подлинности был проведен еще в 80-х годах XIX в. чиновниками Туркестанской краевой администрации, выявившими при этом множество фальшивых и подложных документов местных феодалов — светских и духовных. Это, однако, не освобождает современных исследователей от их источниковедческой критики с целью установления подлинности и степени достоверности содержащихся в них данных.

Оригинальными и компактными источниками по хозяйственной жизни в ханстве и отчасти на его окраинных землях в 40—70-х годах XIX в., пока еще недостаточно введенными в научный оборот исследователями Кыргызстана, являются документы известного архива кокандских ханов. Архив состоит в основном из хозяйственных документов 1866—1875 гг., т. е. времени третьего правления Худояр-хана, написанных на таджикском и чагатайском языках, которыми кыргызские и кипчакские феодалы пользовались в переписке с ханским двором.

О характере правления ханов на завоеванной территории говорят лишь отдельные документы, например, свиток о расходах по Араванскому бекству — поименный список киргизских биев родов адыгине и мункуш, написанный на узбекском языке¹.

Одним из важных источников истории кыргызского и других народов² позднего средневековья и нового времени

¹ *Троицкая А. Л.* Архив кокандских ханов XIX в. Предварительный обзор. — Труды Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. II, 1957. С. 208; *Она же.* Каталог архива кокандских ханов. С. 331.

² См. например: *Оморов А. С.* Памятники обычного права Дагестана XVI—XVII вв. — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

служат памятники обычного права (адат). В немногих записях юридического быта кыргызов¹, а также в рукописных и печатных малых сводах обычного права («эреже») имеются руководящие постановления (положения) чрезвычайных съездов биев северных районов Киргизии 80—90-х годов XIX в. В них содержатся также сведения, дополняющие исторические документы, о хозяйстве, быте, правовом положении различных социальных слоев в кыргызском обществе, о деятельности суда биев и т. п. Хотя «эреже» в отдельных случаях использовались в историко-юридических работах², однако в целом как исторический источник они специально не рассматривались.

При соответствующей научно-критической фильтрации можно извлечь довольно ценные историко-этнографические сведения из устной родословной истории кыргызов (санжыра)³, широко распространенной в дореволюционном прошлом кыргызского народа⁴.

¹ *Загряжский Г. С.* Юридический обычай кыргыз. О различных родах состояний и правах, им присвоенных. — Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 4. СПб., 1876; *Он же.* О народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан); Там же; *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент, 1899.

² *Кожоналиев С. К.* Суд и уголовное обычное право кыргызов до Октябрьской революции. Фрунзе, 1963; *Нурбеков Н.* История государства и права Киргизской ССР. Вып. 1. Фрунзе, 1965.

³ Рукописные записки родословных сказаний (санжыра) по родоплеменному составу кыргызов хранятся в Рукописных фондах отделения общественных наук НАН КР. Инв. № 128, 278, 286, 287, 288, 292, 1016 (авторство Тоголока Молдо) и др.

⁴ См.: *Дублицкий Н.* Родословная таблица кара-киргызов, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история. Алма-Ата, 1923; *Винников Я. Р.* Родоплеменной состав и расселение кыргызов на территории Южной Киргизии. — ТКАЭЭ. Т. 1. М., 1956; В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Сб. статей. Ташкент, 1927; *Джамгерчинов Б.* Из генеалогии кыргызов; *Белек С. Е.* Малову. —

Кыргызские предания генеалогического цикла под явно легендарными и исламскими наслоениями сохраняют следы этнической истории, многие черты былой родоплеменной организации киргизов и ее пережитки после их добровольного вхождения в состав России¹.

Нарративные источники (отчасти изданные²), характеризующие внутри- и внешнеполитическое положение в Кокандском и соседнем ханствах, важны для выяснения кыргызско-кокандских отношений, определения роли активного участия кыргызской правящей верхушки в событиях военно-политической жизни Коканда. В подавляющем большинстве придворные хроники Коканда и Бухары почти не отражают экономической стороны жизни кыргызского общества, не содержат существенно важных сведений по социальной структуре и классовым отношениям у кыргызов, о положении трудящихся. Правда, изредка в них упоминаются антикокандские восстания и отзвуки социального протеста и народного недовольства против жесткого ханско-феодалного гнета. И хотя эти исторические события трактуются явно тенденциозно, значение подобного рода немногочисленных сведений в источниках трудно переоценить.

Сб. статей. Фрунзе, 1946; *Джамгерчинов Б. Д.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959. С. 13–28.

¹ *Абрамзон С. М.* Фольклорные мотивы в киргизских преданиях генеалогического цикла. — Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 154 и др.

² Интересным и ценным подспорьем для источниковедения Киргизии рассматриваемого периода является и такой источник, как труд В. П. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства» (Казань, 1866), вобравший в себя целый ряд не дошедших до нашего времени рукописей среднеазиатских авторов. В литературе он даже иногда рассматривается как их своеобразная сводка в обработке В. П. Наливкина, к сожалению, использовавшего их в своем тексте без точных отсылок на нарративные источники.

Отдельные факты политической истории Кыргызстана в связи с событиями в Коканде с конца XVIII в. до 70-х годов XIX в. можно почерпнуть из сочинения кокандского автора Муллы Нияз-Мухаммеда Хоканди «Тарихи Шахрохи»¹. Оно написано по велению кокандского хана Худояра и закончено в 1277 г. Х./1871–72 г. Автор отразил в нем преимущественно свои личные наблюдения современных ему событий, а также использовал устную информацию и данные несохранившихся нарративных сочинений, что повышает значение этого труда как исторического источника. В нем особо интересны сообщения об антикокандских восстаниях кыргызов в районе Оша в 1845 г. и в 1847 или 1848 г. «выше Намангана», а также рассказ о походе кокандских войск на Пишпек и Узун-Агач в 1861 г. при участии кыргызов во главе с Алымбеком-датхой из Алая. Он также важен и для выяснения позиции южных киргизов в столкновении России с Кокандом.

Переводы выдержек из сочинений ферганских авторов времени Кокандского ханства о событиях, связанных с борьбой России против Коканда в начале 60-х годов XIX в., опубликованы в свое время академиком В. В. Бартольдом². А извлечения со сведениями о кыргызах за длительный (полуторавековой) промежуток времени изданы и прокомментированы В. А. Ромодиным³. Ему также

¹ *Мулла Нияз Мухаммед Бен Ашур Мухаммед*. Тарихи Шахрохи. История владельцев Ферганы / Изд. Н. Н. Пантусова. Казань, 1885. (Сочинение полностью опубликовано на персидском языке Н. Н. Пантусовым).

² *Бартольд В. В.* Туземец о русском завоевании. Соч. Т. II. Ч 2. М., 1964. С. 330–349; *Он же*. Извлечение из Тарихи Шахрохи // Соч. Т. II. Ч 2. С. 350–358.

³ Здесь и далее основные данные о кокандских авторах, их сочинениях и сохранившихся рукописях как источниках для истории Киргизии XVIII в. – 70-х годов XIX в. привлечены преимущественно из работ В. А. Ромодина или изданных с его участием, как, например: МИКК.

³² Том IX. В. М. Плоских

принадлежат переводы отрывков из рукописей Мирзы Каландара Мушриффа Исфараги «Шах-Наме», или «Тарих-и Омар-хани» — «Истории Омар-хана» (ок. 1810–1822 гг.) и Мухаммеда Хаким-хан-тюри «Мунта-хаб ат-таварих», заключающие некоторые материалы из истории кыргызов указанного времени. Эти важнейшие источники по истории Кокандского ханства хранятся в фондах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Для некоторых хронологических периодов исторического прошлого Кыргызстана они носят характер первоисточников. Так, например, Мирза Каландар Мушриф в упомянутом сочинении, начатом в 1822 г., описывает походы кокандцев против кетмень-тюбинских кыргызов. А автор «Мунтахаб ат-таварих» — историко-мемуарного сочинения, Мухаммед-Хаким хан, написанного в 1842–1843 гг., излагая участие кыргызов в политических событиях в Коканде при его первых правителях и в Восточном Туркестане в XVIII — начале XIX в., пользовался сведениями информаторов, слышавших их от непосредственных участников и осведомленных современников описываемых событий.

Заслуживают тщательного изучения и сочинения других авторов, в том числе рукопись Абдулгафура «Зафар-наме-и Худояр-хан» («Книга о победах Худояр-хана»)¹.

«Сведения о кыргызах в этих источниках, — отмечает В. А. Ромодин, — немногочисленны и кратки, приводятся лишь попутно, при наложении непосредственно интересовавших авторов событий политической жизни ферганского владения биев из династии Минг и их потомков —

Вып. 1. М., 1973; *Он же*. Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI–XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда / XXV Международный конгресс востоковедов; Доклады делегации СССР. М., 1960; *Он же*. Новый источник по истории Кокандского ханства. — Проблемы востоковедения. 1959. № 3 и др.

¹ Рукоп. ИВ АН УзССР. Инв. № 598.

кокандских ханов. Однако взятые в совокупности и сопоставленные с данными других источников, сообщения кокандских авторов могут помочь более полно осветить некоторые моменты из истории кыргызов и Кыргызстана указанного времени»¹.

Главный же недостаток вышеназванных источников заключается в том, что их основное содержание составляет описание деяний ханов и феодалов, акцент делается преимущественно на политические события, а освещение фактов — крайне субъективно и тенденциозно.

Военно-политической обстановке в Кокандском ханстве и соседней Бухаре, а также междоусобной борьбе их правителей посвящен ряд местных сочинений, опубликованных полностью² или частично описанных современными исследователями³ «Тарих-и джеханнума» («Мир показывающая история») Муллы Аваз Мухаммеда, посвященная истории Ферганы и Кокандского ханства с конца XV в. до 1866—

¹ Ромодин В. А. Исторические сочинения ферганских авторов времени Кокандского ханства. — МИКК. Вып. 1. С. 224.

² Мирза Шемс Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Казань, 1861; Саттар-хан Абдул-Гафаров. Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими. — Туркестанские ведомости. 1862. № 26; 1893. № 61; Мирза Абдулазим Сами. Тарих-и салатин-и Мангитийа (История мангытских государей) / Изд. текста. предисл., пер. и прим. Л. М. Епифановой. М., 1962.

³ См.: Набиев Р. Уникальный источник по истории Кокандского ханства. — Изв. АН УзССР. 1947. № 4; Он же. Из истории Кокандского ханства (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент, 1973; Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства (XIX в.). — Изв. АН УзССР. 1957. № 3; Мухтаров А. О некоторых неизвестных источниках по истории Средней Азии XIX в. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ, наук. Вып. 8, 1956; Маджи А. Е. Новый источник по истории Коканда, Кашгара и Бухары. — Изв. АН Тадж. ССР. Отд. обществ, наук. Вып. 1, 1958.

1867 г.¹, «Хуласат ул-ахвал» Абу Убейдуллы, анонимное собрание мусульманских историй о г. Оше из «Трактата о городе Оше»², переписанного в XIX в. и др.

Имеющаяся в этих источниках информация освещает главным образом политические взаимоотношения феодалов и в очень малой степени — отдельные выступления трудящихся в ханстве (в том числе кыргызов), против тяжелого социального и национального гнета.

Несомненный интерес для восполнения отдельных страниц истории кыргызов XVIII в. (и предшествующего столетия) представляют два кашгарских нарративных источника, опубликованные в извлечениях М. А. Салахетдиновой. Это сочинение Мир-Халь ад-Дина «Хидайат-наме» («Книга о руководстве на пути истинной веры», написано в 1143 г. Х. / 1730—31 г.)³ и Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и хаджаган» («Жизнеописание ходжей», написано в 1182 г. Х. / 1768—69 г.)⁴. Обе эти рукописи известны в нескольких списках. Первые упоминания о них имеются уже в научных изданиях XIX в. Их авторов объединяет интерес к политической истории Восточного Туркестана и происходившей там длительной усобице двух противоборствующих теократическо-феодальных группировок — белогорских и черногорских ходжей, марионеток джунгарских ханов.

В названных источниках сведений о кыргызах не так уж много, но они ценны сообщениями об активном их участии в борьбе против калмаков и об установлении крат-

¹ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. С. 329—330.

² Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. С. 321—322.

³ Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. Т. III. Вып. 2. Фрунзе, 1961. С. 133—140.

⁴ Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. Т. I. Вып. 1. Фрунзе, 1959. С. 93—125.

современного политического господства кыргызов в Кашгаре. В частности, данные «Хидайат-наме» позволяют сделать вывод, что в конце XVII — начале XVIII в. кыргызы составляли немалый контингент в калмакской войске, их бии выступали предводителями отрядов и обладали определенным политическим весом. Сообщается, что кыргызские бии владели немалыми богатствами (скотом), имели множество служанок и рабов. Предводители кыргызов выступали на стороне тех или иных враждующих сил — калмаков или ходжей и, играя на их противоречиях, пытались установить свое политическое господство»¹.

Второе сочинение «Тазкира-и ходжаган» повествует об активном участии кыргызов в политических конфликтах 60-х годов XVIII в.: о борьбе черногорских ходжей с киргизами и установлении их политического господства в Кашгарии, о расселении и родоплеменном делении киргизов в Кашгаре, по Или и в окрестностях Андижана². При всей ценности исторических сведений, приводимых в кашгарских сочинениях, следует учитывать, что оба источника явно тенденциозны. Пропитанные мистико-религиозной философией, они нередко отрицательно трактуют действия кыргызов, особенно при описании их выступлений против ходжей.

Первостепенное источниковедческое значение имеют разнообразные и в совокупности многочисленные документы и архивные материалы на русском языке XVIII—XIX вв. для исследования соответствующих периодов внешнеполитической истории края, а также образа жизни и отчасти

¹ См.: *Салахетдинова М. А.* Сообщение о киргизах в «Хидайат-наме» Мир-Халь ад-дина. — Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. III. Вып. 2. Фрунзе, 1961. С. 136.

² См.: *Салахетдинова М. А.* Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и ходжаган» как источник по Истории киргизов. — Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. I. Вып. 1. Фрунзе, 1959. С. 97—100.

культуры кыргызского народа, сохранившиеся до 1917 г. в архивах различных ведомств Российской империи — в центре и на периферии. Ныне они находятся в названных ранее крупнейших архивах Москвы и Ленинграда, центральных государственных архивах Узбекской и Казахской ССР, а также областных архивах в г. Омске и Оренбурге¹ и доступны исследователям.

Наиболее ценны из них документы, содержащие немногие из известных нам упоминаний в России о кыргызах XVIII в.², а также о первых киргизско-русских посольских связях в конце XVIII в. — первой четверти XIX столетия, о взаимоотношениях кыргызов с соседними странами и народами и о политических предпосылках вхождения кыргызского народа в состав России³.

¹ Общие краткие сведения о наличии, содержании и характере документальных материалов о киргизах и Киргизии XVII в. — 70-х годов XIX в. отражены в путеводителях и обзорах материалов соответствующих архивов: Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Ч. 1. М., 1946; Ч. 2. М., 1947; Центральный государственный исторический архив в Москве. Путеводитель. М., 1946; Путеводитель по Центральному государственному военно-историческому архиву. М., 1941; Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Путеводитель. Л., 1956; Центральный государственный исторический архив КазССР. Путеводитель. Ч. 1. Алма-Ата, 1946; Ч. 2. Алма-Ата, 1947; Центральный государственный архив УзССР. Ташкент, 1948; *Халфин Н., Ланда Л.* Документальные материалы центральных государственных архивов Узбекистана. — Вопросы истории. 1952. № 9 и др.

² См. подробнее: *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960. С. 77–82 и др.

³ Отдельные документы из фондов ЦГАДА (ф. Сибирского приказа) и АВПР (ф. Зюнгарские дела) со сведениями о киргизах на Тянь-Шане, их борьбе против джунгар и т. д. изданы в сборниках документов и материалов: Казахско-русские отношения в XVI–XVII веках. Алма-Ата, 1961; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата, 1964, Также см.: *Моисеев В. А.* Поездка приказчика Усена Сеюшева в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1752–1759 гг. — Общество и государство в Китае: Десятая научная конференция. Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1979. С. 14–15, 17, 19.

Непреходящее историческое значение имеют документы, отражающие знаменательное событие в дореволюционной истории Кыргызстана — добровольное вхождение народа горного края в состав России (1855—1876 гг.). Особо важны присяжные листы на подданство России иссык-кульских киргизов из племени бугу (от 17 января 1855 г.) и тянь-шаньских чериков (от 13 октября 1863 г.), составленные их посланцами «депутатами» в Омске. Однотипны и содержание, и форма документов, написанных на чагатайском (или кыргызском) языке арабским алфавитом (в правой части листа). Вместо подписей полномочные кыргызские представители ставили оттиски своих именных печатей. Оригиналы этих и других присяг, хранящихся в Архиве внешней политики России МИД РФ, не вызывают сомнений ни в их подлинности, ни в достоверности волеизъявления кыргызского народа относительно принятия российского подданства как добровольного акта¹.

Небезынтересны и тематически близкие к присягам многочисленные письма и прошения кыргызского населения, в том числе и от киргизов южных районов края, к царским властям с просьбами о принятии их в подданство России², а также сообщения о резко враждебном отношении к русско-кыргызским контактам кокандских и китайских пограничных и центральных властей.

Богатый документальный материал в форме отчетов и записок чиновников туркестанской администрации, обращавшихся к рассмотрению политического состояния,

¹ Существенное значение для изучения истории кыргызского народа середины XIX в. имеют фактические материалы из фонда «Начальника Алатавского округа и киргизов Большой Орды» (1848—1867 гг.) в ЦГА КазССР.

² Воспроизведение присяжных листов (присяга племени бугу и племени черик на русском и чагатайском языках) см.: *Джамгерчинов Б. Д.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959. С. 145—147, 265—268.

хозяйства, национально-освободительной борьбы кыргызов в Кокандском ханстве, отложился в фондах канцелярии туркестанского генерал-губернатора, а также Ферганского, Самаркандского, Сыр-Дарьинского, Семиреченского областных управлений в ЦГА Узбекской и Казахской ССР, в государственных архивах Омской и Оренбургской областей, в Архиве внешней политики России, в Центральном государственном военно-историческом архиве РФ, Историческом архиве РФ и других. Это в первую очередь донесения «о слухах и событиях» в среднеазиатских ханствах и записки политических и торговых агентов, политико-экономические обзоры, справочные материалы и всевозможные официальные отчеты.

Уникальна обширнейшая коллекция документов военного инженера А. Г. Серебренникова о присоединении Средней Азии к России¹, составившая особый фонд в ЦГА УзССР (ф. И-715). В коллекцию, состоящую из 70-ти томов, входят копияные документы и материалы военного, дипломатического и других ведомств и учреждений России, причастных к политике царского правительства в Средней Азии в XIX в.

Основной массив материалов характеризует политическую историю среднеазиатских ханств, включая Кокандское, и их взаимоотношения с Россией; немало документов освещают борьбу кыргызов против Кокандского ханства в середине XIX в. и особенно в 1873–1876 гг., а также многочисленные обращения кыргызского населения с просьбами о покровительстве и принятии в подданство России. Самые ранние документы из этой коллекции (лишь незначительная

¹ Из-за неодобрительного отношения к ним официальных властей была опубликована незначительная часть документов, всего 14 томов. См.: *Серебренников А. Г.* Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. I–IV. Ташкент, 1908–1913; Т. V–VIII. Ташкент, 1914; Т. XVII–XXII. Ташкент, 1914–1915.

часть их опубликована в виде сборника), относящиеся к кыргызам, датируются 1847 г.

В целом официальные документальные материалы требуют осторожного и критического к ним отношения. Однако можно и должно использовать комплексно все имеющиеся источники, в том числе официального характера, при этом не упуская из виду политическую ориентацию составителей документов. Одни из них придерживались мнения о необходимости активных действий для продвижения царизма в Среднюю Азию, отстаивая более активные меры по отношению к Кокандскому ханству, и поэтому нередко сгущали краски относительно положения в центре и на его окраинных землях. Другие занимали сравнительно умеренные позиции и представляли политическую ситуацию в ханстве и в соседних областях, включая Кыргызстан, более стабильной, в несколько розовом свете и порой даже идеализируя патриархально-родовые традиции кыргызской жизни, тормозившие общественный прогресс. При источниковедческом анализе этой группы документальных источников выделяются как сторонники развития экономики национальных окраин по пути капитализма, так и защитники традиционных местных институтов и их использования в интересах царизма и его военно-чиновничьего аппарата. Привлекая в исторических исследованиях материалы официальных изданий, равно как и неопубликованные документы туркестанской администрации, нельзя не учитывать фискально-колониалистские цели их составителей, что, конечно, накладывало свой отпечаток на текст источников. Однако при всем субъективном подходе авторов приводимые ими документальные доказательства в пользу того или иного положения не потеряли своего фактического значения и могут быть использованы современными исследователями-историками в качестве источников политической и социально-экономической истории дореволюционного Кыргызстана.

Заключая краткий обзор рассмотренных источников, следует отметить, что в своей совокупности они представляют значительный по количеству массив документальных и литературных материалов и во многом представляют надежную источниковую базу для научной разработки истории Кыргызстана и кыргызов с конца XVIII в. до 70-х годов XIX в. Правда, отсутствие каких бы то ни было систематизированных статистических сведений того времени — объективных показателей исторических процессов, неполнота и фрагментарность других данных, конечно, затрудняют исследования. Но комплексное использование всех видов источников — рукописных и печатных, документальных, фольклорных, этнографических, изобразительных и других, их анализ и критический подход позволяют в достаточной мере объективно исследовать историю Кыргызстана данного периода.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Актовые и другие документы и источники XVIII в. — 70-х годов XIX в. // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.) / Отв. ред. В. М. Плоских; НАН Кыргызской Республики, 2-е изд., доп. Бишкек: Илим, 2004.

ЭТАПЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Рассматривая историю кыргызской государственности в ракурсе истории Центральной Азии, следует отметить, что в сравнении с некогда грозными современниками кыргызов — гуннами, саками, усунями, кипчаками, а также появившимися позже тюрками, тюркешами, карлуками и многими другими, кыргызы не только не сошли с исторической арены и не ассимилировались с другими народами, но и сохранили свое этническое самоназвание и самобытность.

Заметное своеобразие различных форм общественной жизни, в том числе и политических, позволяет охарактеризовать этот процесс как политогенез. Политогенез можно представить в двух основных формах: организационно-управленческой и военно-аристократической.

Небезосновательно встает вопрос, какая же сила поддерживала этническую группу кыргызов во время опустошительных и всеразрушающих евразийских войн?

Как показывает исторический опыт, главным условием самобытного и самостоятельного этнического развития и сохранения является образование собственной государственности или же относительная изолированность, труднодоступность ареала обитания и наличие таких принципов общественной самоорганизации и самоуправления, которые восполняли бы отсутствие сильной централизованной государственности.

Следует признать, что до сих пор существует немало причин слабой изученности истории кыргызской государственности. Дело в том, что в течение всего XX века аксиомой кыргызской науки (исторической, политической,

философской, юридической и др.) считался тезис, что до революции у кыргызов не было своей национальной государственности. Даже упрямо не согласовывавшийся с этим положением факт великого (по своему времени) кыргызского государства на Енисее и то — либо замалчивался, либо считался не имевшим отношения к современному кыргызскому народу.

Никто даже не хотел (а точнее — не мог) выбраться из наезженной колеи официальной истории. Хотя документальные факты накапливались, вводились в оборот новые, ранее неизвестные восточные первоисточники, как письменные, так и археологические.

Хорошо известно, что самое первое упоминание о кыргазах встречается в китайских исторических сочинениях и относится к 209—201 гг. до н. э. (III в. до н. э.). Именно в это время мощное государство гуннов во главе с Маодунем покорило на севере несколько независимых владений, в том числе государство гэгуней.

Именно в это время, по мнению, впервые высказанному синологом Бичуриным, а затем этнографом Аристовым и историком Бартольдом, в китайских источниках упоминается «царство Гэгунь», а термин «гэгунь» употреблялся для передачи этнонима «кыргыз» и государства Кыргыз.

Ученые пришли к заключению, что при устойчивости этнонима «кыргыз» этнос, который носил этот этноним в качестве самоназвания, находился в постоянном развитии, в непрерывном обновлении в результате сложных этнополитических процессов, протекавших в Центральной Азии в течение двух с лишним тысячелетий.

Соответственно трансформировалась и государственность кыргызского народа, прошедшая несколько этапов своего развития. III—I вв. до н. э. — *первый этап* государственности. Детальное исследование этого сложного и длительного процесса — дело историков. И наши ученые уже серьезно продвинулись в разрешении проблемы

истории кыргызской национальной государственности, хотя многое еще остается неясным и дискуссионным.

Где находилось это первое кыргызское государство — в Монголии, в верховьях Енисея или на восточном Тянь-Шане? — ученые все еще дискутируют. Не обнаружено пока никаких сведений, кто и когда стоял во главе кыргызского владения в III—II вв. до н. э. Но несомненно одно: это было государство ранних форм, временами зависимое, а временами независимое от гуннской империи.

Стоит упомянуть и известное также по китайским источникам Кыргызское государство Ли Лина и его наследников (I в. до н. э.). Гунны, подчинив себе «Владение Кыргыз», со временем устранили коренную кыргызскую династию. В 99 г. до н. э. шаньюй гуннов назначил правителем кыргызов плененного китайского полководца Ли Лина, который основал новую царскую династию кыргызов, правившую, по некоторым сведениям, несколько веков, вплоть до Великодержавия IX—X вв.

Второй этап. Государство енисейских кыргызов (VI—XIII вв. н. э.) — уже более полно освещено источниками.

Письменные и археологические источники подтверждают возрождение кыргызской государственности в середине первого тысячелетия новой эры — в эпоху тюркских каганатов.

Поэтому мы вправе говорить, что кыргызы стояли у самых истоков общетюркской государственности. Этот важный фактор — несомненная историческая заслуга кыргызов, как одного из самых древних носителей государственной идеи среди всех ныне здравствующих народов тюркского корня.

Новое прочтение старых рунических текстов позволило назвать одного из замечательных правителей государства енисейских кыргызов конца — нач. VIII в. Это — кыргызский каган Барс-бег. Он был выдающимся политическим деятелем своего времени. В конце VII в. Барс-бег, ощутив силу своего государства, совершил важный политический

акт: принял ти-тул кагана с тронным именем Ынанчу Алп Бильге.

Он погиб в борьбе с соседним тюркским каганатом в 711 г. Соплеменники в честь Барс-бега воздвигли каменную стелу, где кыргызскими руническими письменами запечатали кошок (плач) на смерть кагана.

Его идея о гегемонии кыргызов в Центральной Азии была осуществлена позже — в IX в., названном академиком В. Бартольдом временем Кыргызского великодержавия.

С. Г. Кляшторным была открыта в Северо-Западной Монголии и прочтена наскальная надпись, принадлежавшая кыргызскому полководцу этого периода Тёпек Алп Солу. Алп Сол несколько раз упоминается также в синхронных китайских документах, содержащих отчет о событиях в Центральной Азии в 842 г. Именно Алп Сол руководил кыргызскими отрядами, вторгшимися в китайскую провинцию Ганьсу и совершившими поход в Восточное Притяньшанье. Он же в 843 г. возглавил кыргызское посольство к императорскому двору, в столицу Китая, и, заключив мир, возвратился с богатыми дарами.

Имена других правителей и владетелей кыргызских государств той далекой эпохи пока еще не выявлены в исторических источниках. Но они, несомненно, есть. Зато хорошо изучен Караханидский каганат, обе столицы которого находились на Тянь-Шане — Баласагун и Кашгар (X—XII вв.).

Третий этап — время утерянной государственности, время борьбы за ее восстановление, иногда успешное (государство Хайду и Мухаммед-Кыргыз), но чаще безуспешное (Алымбек-датха, Ормон-хан). Это период с XIII по XIX вв. Он неплохо исследован кыргызскими историками. Хотя осталось еще очень много белых пятен.

Четвертый этап — период советской государственности: от Кара-Кыргызской автономной области до союзной республики. Хорошо документально освещен, но требует переосмысления.

И пятый этап — история суверенного Кыргызстана, в котором мы живем (с 1991 года).

Прошедшие юбилеи — 1000-летия эпоса «Манас», 3000-летия Оша, конференции, посвященные древней и средневековой истории Кыргызстана и проблемам методологии истории Центральной Азии, конференция по 2200-летию этнонима «кыргыз» и 2200-летию кыргызской государственности, показали, что:

во-первых, богатая и самобытная история кыргызского народа и государственности еще мало исследована и неизвестна широким слоям населения;

во-вторых, существуют многочисленные письменные источники, знакомые узкому кругу специалистов, но не введенные в научный оборот,

в-третьих, наступил методологический вакуум и дискуссионный хаос в оценке многих событий кыргызской истории;

в-четвертых, настало время нового объективно-качественного исследования государственной истории Кыргызстана в контексте всемирной истории и, в частности, истории Центральной Азии.

Новое осмысление истории, новая методология и методика истории должны основываться на введении в научный оборот новых, а также забытых и неопубликованных первоисточников, иметь прочную документальную базу.

Советской исторической наукой накоплен большой пласт первоисточников по истории кыргызов, в том числе переведенных с других языков, которые в силу разных причин не были изданы и хранятся либо в рукописных фондах научных учреждений, либо находятся на руках у отдельных исследователей.

Сейчас появилась возможность впервые опубликовать или переиздать письменные первоисточники в переводах с древнекитайского, древнетюркского, арабского, персидского, уйгурского и других языков.

Эта работа уже началась, в ней принимают участие НАН КР, Национальный университет, Кыргызско-Турецкий университет, Гуманитарный и Педагогический университеты, КРСУ, могут быть задействованы и другие вузы.

Таким образом, в течение 2—3-х лет намечается издание серии как минимум из 10 книг, т. е. свод письменных первоисточников по древней и средневековой истории Кыргызстана. Ученые получают фундаментальную документальную базу для новых исследований и разрешения дискуссионных проблем.

В научном плане эта проблема вполне решаема.

И, наконец, последнее.

Рассматривая исторический процесс и этапы становления кыргызской государственности, следует определить и функциональные признаки государства в его историческом восприятии. Ибо государство XX века совсем не то, что первые государства первобытных времен и древнеочевых цивилизаций.

Какие составляющие признаки государственности можно выделить при определении государства?

Государство — это политическая организация общества с определенной формой правления, которому присущи:

1. Наличие этноса.
2. Определенная территория.
3. Власть главы государства, элиты и армия.
4. Менталитет народа.
5. Общность культуры и идеологии.
6. Общность языка.

Задача обществоведов в комплексном исследовании проблемы.

История кыргызской государственности — это исследование политогенезиса, политического наследия народа во времени и пространстве. 2003 год должен стать кульминационным в этом плане. Все условия и возможности

для этого имеются. Нужно только наше общее желание и энтузиазм.

Необходимо, конечно, сегодня:

1. Поднять все возможные первоисточники по истории кыргызской государственности, особенно древнейшие китайские и ввести их срочно в научный оборот, ликвидировав «белые пятна» истории.
2. Организовать археолого-этнографические экспедиции в сопредельные государства, места истоков и формирования кыргызского этноса и передвижения кыргызов: а это — Китай, Алтай, Хакасия, Монголия.
3. Провести комплексные исследования специалистами разных направлений по истории и перспективам развития суверенного Кыргызстана и совершенствования его управлением.

Это и есть наша ближайшая задача — всех ученых-обществоведов: от историков и востоковедов, до манасоведов, философов, филологов, государственников.

Заключая, хотел бы подвести следующие итоги.

1. 2200-летний юбилей кыргызской государственности, обоснованный в научных трудах и конкретизированный в выступлениях ученых на конференциях, был убедительно инициирован Указом Президента Кыргызской Республики и поддержан мировой общественностью в форме Резолюции Ассамблеи ООН, провозгласившей 2003 год — Годом кыргызской государственности.
2. Кыргызстанские ученые начали фундаментальные исследования по проблемам, ранее не привлекавшим пристального внимания, а именно: генезиса и этапов кыргызской государственности, политогенеза и культурного наследия городов Кыргызстана в зоне Великого Шелкового пути на протяжении более двух тысячелетий. Эти исследования инициируются

³³ Том IX. В. М. Плоских

расширяющимся научным сотрудничеством между специалистами разных стран.

3. Начата публикация кадастра исторических первоисточников в переводе с китайского, арабского, персидского, древнетюркского и других восточных языков.
4. Убедительно показано, что история кыргызского народа, становление и развитие, возрождение кыргызской государственности органически переплетены со всеобщей историей человеческой цивилизации.

Исследование проблем в процессе научных дискуссий позволяет констатировать:

1. Сообщества кочевых племен Центральной Азии VIII—V вв. до н. э., по достаточно определенной характеристике современных им письменных источников, не имели политической организации, выходящей за рамки родоплеменных и военно-демократических институтов.
2. Коренные изменения в их среде произошли в IV—III вв. до н. э., когда сложилась зафиксированная в источниках новая надплеменная политическая организация — раннее государство, управляемое иерархически структурированной военно-племенной аристократией.
3. Имперская структура верховной власти предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах, где резко интенсифицировались процессы политогенеза. Эти процессы нашли свое отражение и в унифицированной для всего центральноазиатского мира политической терминологии источников.
4. Своего классического воплощения новая социально-политическая структура достигла в VI—VIII вв., когда

в рунических текстах орхонских тюрков и енисейских кыргызов появились собственные термины, обозначающие как государственную политическую организацию (эль), так и сохраняющуюся этноплеменную общность (бодун).

5. Развитие кыргызской государственности проходило по евразийскому пути степных обществ и культурогенетических комплексов во взаимодействии с культурными традициями и взаимообогащением соседних народов и государств. Ярким примером этого является тюрко-согдийский синтез Центральной Азии.
6. Факт бесспорной устойчивости этнонима «кыргыз» в условиях этнокультурной динамики в регионе говорит о том, что этнос, который носил этот этноним в качестве самоназвания, находился в постоянном развитии, непрерывном обновлении в результате сложных этнополитических процессов, протекавших в Центральной Азии в течение двух с лишним тысячелетий. Соответственно, трансформировалась и государственность кыргызского народа, прошедшая несколько этапов своего развития. Взлеты и падения кыргызской государственности, возрождение ее в новом качественном облике в конце XX века укрепили национальное самосознание кыргызского народа. Все это дает право гордиться своими предками, воспитывает чувство патриотизма и ответственности за настоящее и будущее своего государства и его народа.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Этапы политогенеза кыргызской государственности // Проблемы истории государства и культуры. Бишкек: КРСУ, 2004.

МИР КОЧЕВНИКОВ: ИССЛЕДОВАНИЯ Ю. Н. РЕРИХА ПО ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Перед нами фундаментальный труд Юрия Николаевича Рериха по истории Центральной Азии, охватывающий период с глубокой древности до XIV столетия. Автор накапливал материал в течение четверти века, не только изучая научные источники, но и имея опыт практического исследования. К сожалению, на родине — в России книга не была издана: методология, примененная автором, не отвечала канонам советской исторической науки. И вот только сейчас, с конца XX века, стали издаваться и переиздаваться научные труды Ю. Н. Рериха — востоковеда, индолога, санскритиста, тибетолога и монголиста, кочевниковеда и евразийца, внесшего свой вклад в развитие нового, планетарного мышления.

Номадистика как историческая дисциплина, изучающая особенности кочевых культур и цивилизаций, в XX столетии пережила мощный подъем. Это не было случайным фактом, ее развитие тесным образом было связано с культурной и научной жизнью эпохи, особенно с Серебряным веком в России. Тема Востока прозвучала как зов Нового мира, который открывал XX век.

Социально-политическая, культурная ситуация в мире начала столетия отличалась большим динамизмом развития, а также новым качеством общественного сознания. В пространстве русской культуры Серебряного века сложилась новая парадигма мышления — космизм. Уже сегодня мы можем говорить об универсальном характере этой мировоззренческой системы, поскольку она многообразно проявилась в сфере научного знания, в философской

мысли, искусстве. Предметом изучения становятся теперь не только очевидные, эмпирически наблюдаемые процессы природы, но и реальность космоса, его скрытой электромагнитной жизни. Л. В. Шапошникова, выдающийся представитель современной исторической науки, характеризует этот феномен русского культурного ренессанса как Духовную революцию, заложившую фундамент нового типа мышления — космического¹. Этот тип мышления, вобрав в себя достижения прежних эпох, культурные накопления Востока и Запада, поднимал человеческую мысль на очередной виток эволюционной спирали. В научной сфере обозначился синтез различных ее направлений, древнего и современного знания.

В ряду имен основоположников космического мировоззрения особое место принадлежит семье Рерихов. Все четверо, родители — Николай Константинович и Елена Ивановна, и их сыновья — Юрий Николаевич и Святослав Николаевич, приняли непосредственное и деятельное участие в формировании нового, планетарного мышления. Семья Рерихов представляла собой уникальнейший синтез талантов. Взаимно дополняя друг друга, Рерихи выполняли ряд чрезвычайно важных и сложных эволюционных задач: осуществляя сотрудничество с Учителями Востока, они закладывали основы нового миропонимания, создавали новое искусство, изучали Восток, открывая его для Запада.

Исследование кочевого Востока явилось одной из наиболее актуальных задач в исторической науке XX века. Традиционная цивилизация кочевников, включавшая в себя мало изменившийся со времен средневековья быт, способ ведения хозяйства, их культура, хранившая предания веков, претерпевали процесс стремительной трансформации. Интерес к кочевому Востоку прозвучал как «вызов»

¹ См.: Шапошникова Л. В. Космическое мышление и новая система познания // Культура и время. 2003. № 3/4. С. 28—36.

времени, угрожавшего навсегда сокрыть в своих глубинах кочевые культуры прошлого.

«История Средней Азии» Ю. Н. Рериха явилась откликом талантливого ученого на историческую ситуацию. На долю этого необыкновенно одаренного и широко образованного человека выпала особая миссия: исследовать самые отдаленные кочевые цивилизации Тибета и Монголии, постичь глубины их культуры и религии, перевести на европейские языки памятники древней письменности.

Эту чрезвычайно трудную задачу Юрию Николаевичу удалось выполнить самым блестящим образом благодаря своим неординарным личностным качествам, прекрасной научной подготовке, целеустремленности, в сотрудничестве и при ближайшей духовной поддержке семьи.

По свидетельству С. Н. Рериха, его старший брат был тем человеком, который с самых ранних лет уже знал свой жизненный Путь и неуклонно следовал ему¹. Совершенно сознательно Юрий Николаевич делает свой профессиональный выбор: в 18 лет он уже сформировавшийся востоковед, у которого есть своя тема и свое направление в науке. В письме к родителям от 31 января 1921 г. Юрий Рерих, студент Гарвардского университета, пишет: «Из лекции Ростовцева еще раз убедился, что Средняя Азия — это Египет будущего, в смысле археологических открытий. Меня очень заинтересовали татары и монголы, особенно их былины и песни кочевий»².

Обучение в Школе восточных языков при Лондонском Университете, в Гарвардском университете на факультете индийской филологии, где Ю. Рериху была присвоена степень бакалавра, а затем в Сорбонне, в школе восточных

¹ Рерих С. Слово о брате // Воспоминания о Ю. Н. Рерихе / Сост. Т. О. Книжник. М.: МЦР, 2002. С. 7.

² Рерих Ю. Н. Письма. Т. 1. М.: МЦР, 2002. С. 31—32.

языков и одновременно на военном и юридическо-экономическом факультетах, позволило ему овладеть самым современным уровнем научных знаний и подготовиться к самостоятельным исследованиям. Учителями Ю. Н. Рериха были выдающиеся востоковеды: Ж. Бако, П. Пеллио, С. Леви, А. Мейе, А. Масперо, В. Ф. Минорский. Известный американский индолог, профессор Ч. Ланман, высоко оценивая дарования своего юного коллеги, считал его будущим светилом востоковедения. В 1923 г., получив ученую степень магистра индийской словесности, Юрий Рерих вместе с родителями отправляется в Индию, где начинался маршрут Центрально-Азиатской экспедиции.

Там же, в Индии, в возрасте 21 года, начинается и его самостоятельная научно-исследовательская работа. В 23 года молодой ученый публикует свой первый серьезный научный труд «Тибетская живопись», а к 26 годам за его плечами уже была грандиозная Центрально-Азиатская экспедиция. В 1930 г. издается книга «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», сделавшая, по выражению Л. Н. Гумилева, «эпоху в науке»¹. В 1931 г. выходит в свет крупное монографическое исследование «По тропам Срединной Азии» на английском языке, поставившее имя Ю. Рериха в один ряд с именами замечательных русских исследователей Азии. Изложенная в нем обстоятельная информация о кочевых народах глубинных районов континента явилась крупным открытием в мировой науке и по сей день сохраняет свою научную значимость.

Юрий Николаевич владел множеством европейских и восточных языков и диалектов, в том числе тибетскими диалектами, что обусловило глубокое проникновение во внутреннюю жизнь изучаемых народов. Это важное обстоятельство создало уникальные возможности

¹ Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М.: МЦР, 1992. С. 20.

для Центрально-Азиатской экспедиции в том, что касалось непосредственных контактов с населением изучаемых стран, работы с первоисточниками — древнейшими манускриптами. Его совершенное владение языками и местными наречиями вызывало искреннее восхищение и уважение ученых лам Монголии, Тибета, исследователей в Индии, располагало к доверительному общению спутников и участников каравана.

Научные интересы Юрия Николаевича отличались необычайной широтой. Отмечая замечательные достижения в области языкознания и филологии, можно с полным правом назвать его и выдающимся историком, искусствоведом, специалистом по религиоведению и этнографии. В синтезе своих разнообразных знаний Ю. Н. Рерих воссоздавал в своих трудах целостный образ истории и культуры Востока.

Получив классическое образование историка и востоковеда, Юрий Николаевич имел возможность пополнять и практически использовать свои знания под руководством своего отца — Н. К. Рериха, опытного археолога, большого знатока древней истории, глубокого и оригинального мыслителя. Практический опыт отца замечательно сочетался с обширными познаниями сына. Сотворчество двух крупных ученых давало необычные и значительные результаты: Рерихи не только открывали неизвестные факты, но и создавали новую методологию исторических исследований, научный материал, собранный экспедицией, нашел свое отражение в многочисленных художественных полотнах Н. К. Рериха, посвященных Востоку.

Рерихи сумели почувствовать и осознать ту огромную роль, которую кочевники сыграли в мировом историческом процессе. Кочевые народы активно влияли на этногенез Евразии. Искусство ранних кочевников, пронизанное мотивами «звериного стиля», стало одним из классических образцов мировой культуры I тыс. до н. э. Закон циклического

развития предрекал великое будущее этому богатому и необычайно жизнеспособному культурному миру, несмотря на определенное отставание кочевых народов в области цивилизации. Волна культурного расцвета должна была снова вернуться в пространство Востока. И кочевая Азия бережно хранила свои духовные сокровища, которые пророчествовали о грядущем веке мирового братства.

Сокровенная, глубинная жизнь Азии, ее сердце, имело свой особенный ритм, который чутко улавливали участники Центрально-Азиатской экспедиции. «Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками?» — задавал вопрос Н. К. Рерих и сам давал на него ответ: «Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; так же и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живет своеобразная мысль. Эти множества людей, совершенно отрезанные от внешнего мира, получающие через многие месяцы какое-то извращенное известие, не умирают. Всякий знак цивилизации, как увидим, встречается ими, как долгожданная весть. Чтобы не отвергнуть возможности, они стараются согласовать религии свои с новыми условиями жизни»¹.

Рерихи считали Центральную Азию колыбелью человечества. И древнейшие Великие переселения народов имели, по их мнению, направление с Востока на Запад. На Востоке следует искать истоки философской мысли и научного знания. С Востоком было тесно связано и прошлое России. Волны миграций, зарождавшиеся во внутреннем пространстве материка, выплескивались на равнины Сибири и России, оставляя свои неизгладимые следы. «Из глубин Азии, — писал Н. К. Рерих, — по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И, пробившись до Океана, эти странники, завершая свой

¹ Рерих Н. К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992. С. 157.

путь через века, снова обернулись к России. И снова принесли ей обновленные формы своей жизни»¹.

Центрально-Азиатская экспедиция Рерихов 1923–1928 гг. провела широкие научные исследования, собрала огромный материал по археологии, этнографии, антропологии, древним и современным религиям, фольклору, языкам Центральной Азии. Вместе с тем экспедиция показала, что научное освоение этого региона еще только начинается.

Совершенно закономерным является создание в во второй половине 1930-х гг. Ю. Н. Рерихом фундаментального труда – «История Средней Азии», в котором он обобщает и систематизирует огромный фактический материал и исследовательский опыт. Труд не был завершен ввиду необходимости ознакомиться с открытиями советской востоковедческой науки, активно осваивавшей в это время пространство среднеазиатских республик. «Вы спрашиваете о ходе моей работы по истории Средней Азии, – читаем в письме Юрия Николаевича своему китайскому корреспонденту от 10 августа 1939 г. – Писал я ее на русском языке, ибо как-то устал от иностранных языков. В основном работа закончена, т. е. доведена до конца Юаньской Династии (1368 г.). Остается дополнить ее данными об археологических находках последнего времени, ибо события истории народов Средней Азии излагались мною не только на основании письменных источников и к характеристике различных эпох привлекались памятники прошлого. В последнее время в этом отношении большая работа проделана на Родине, но получать оттуда книги и журналы довольно трудно. Все это требует времени. Местные же библиотеки не содержат книг на мою тему»².

¹ Рерих Н. К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992. С. 100.

² Рерих Ю. Н. Письма. Т. 2. М.: МЦР, 2002. С. 181.

Во время Второй мировой войны все почтовые сообщения прервались, в первые послевоенные годы решить эту проблему не удавалось. Надеясь на скорое возвращение на Родину, Н. К. Рерих в письме И. Э. Грабарю от 2 апреля 1947 г. с болью пишет: «Печальны Твои сведения о вымирании востоковедов — Юрий и все мы очень огорчились. Да ведь и живые, как Козин, Крачковский и другие, уже в наших годах. Как нужен Юрий — индолог, санскритист, тибетолог и монголист, не только глубоко изучивший источники, но и владеющий языками, — небывалое соединение, так нужное при возросшем значении Азии...

Долго ли под спудом будут труды Юрия — «История Средней Азии», «История Тибета», «Тибетский словарь», исследования о наречьях, об искусстве, о нашей экспедиции, о зверином стиле, о Гесэре и многие сообщения, сделанные в Азиатском обществе? Чего ради весь этот ценный материал, накопленный в течение четверти века, должен лежать под спудом, а не радовать нашу Родину? Азиатское Общество сейчас издает большой труд Юрия (1200 страниц), но по-английски. Когда же по-русски?»¹.

Труд Юрия Николаевича Рериха по истории Центральной Азии, созданный на русском языке, не вышел в свет при жизни ученого. Мы читаем его спустя более полувека с большим сожалением о небрежении к этому прекрасному исследованию, но и с радостью о его публикации, ибо знания, собранные в нем, представляют огромный научный интерес и, несомненно, будут полезны современному востоковедению. И это обуславливается не только тем, что в «Истории Средней Азии» содержатся редкие и ранее неизвестные факты по истории кочевых народов, но прежде всего тем, что этот труд написан с позиций новой методологии, что делает его чрезвычайно актуальным и ценным.

¹ Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1996. С. 333.

Обозначая уровень, с которого ведется исследование, Ю. Н. Рерих называет его «этно-исторической точкой зрения». Он считает, что комплексный культурно-исторический подход, помимо традиционного анализа политических событий, должен включать в себя и обширные сведения по этнологии, сравнительно-историческому языкознанию, религии, искусству. Принцип синхронизма в описании истории различных регионов позволяет воссоздать целостную историческую картину той или иной эпохи. Обилие археологических данных, мощная источниковедческая база исследования насыщают его огромным фактографическим материалом. Чрезвычайно подробно представлена информация о степени изученности той или иной проблемы.

Географическое понятие Центральной Азии получает в труде Ю. Н. Рериха значительное расширение. Это понятие не ограничивается внутренним районом, указанным Рихтгофеном, а включает соседние переходные, а также часть периферических областей: Западный Туркестан, Южный и Восточный Тибет, область верховий Желтой реки и западные окраины Маньчжурии. Ю. Н. Рерих исследует также этнически и исторически родственные центральноазиатскому миру степные пространства Юга России, Южной Сибири, Кавказ, Иран, Афганистан и Северо-Запад Индии. В процессе изложения судеб центральноазиатского мира автор неоднократно касается истории великих культурных очагов Древнего Востока и Византии.

В своем труде Ю. Н. Рерих дает описание Центральной Азии как природного, исторического, культурного целого. Наука XX века широко применяла метод анализа, который позволяет выделить и подробно изучить части целого. Анализ дает дискретную картину элементов, структурных уровней, часто вне их связей и обусловленности. В результате анализа в распоряжении ученого появляется огромный конгломерат фактов, из которых не всегда удается сложить целое. Методология, примененная Юрием Николаевичем,

иная. Ее можно назвать синтезом: в исследовании доминирует идея целого, части вписываются в него, выявляются закономерности их развития, взаимодействия, обозначаются ритмы функционирования этой системы. Увидеть целое как феномен значительно труднее, чем разложить его на составляющие. Видение целого требует от исследователя умения находить аналогии, причинно-следственные связи, действующие как на внутреннем, так и на внешнем уровне, оно требует умения подмечать черты глубинного сходства у объектов, внешне непохожих.

Эта новая методология исследования сложного целого развивается в рамках синергетики в течение последних тридцати лет. Ю. Н. Рерих опередил свое время более чем на полвека. История Центральной Азии как сложная система рассматривается им в контексте более высокого уровня — истории мировой. Стратегия исследования — поиск культурного единства как важнейшего фактора развития региона и исторической интеграции мира. Многочисленные историко-культурные параллели в «Истории Средней Азии» делают этот труд незаменимым источником в развитии такого современного научного направления, как межкультурные коммуникации.

Следуя традиции, сложившейся в рамках евразийства, Ю. Н. Рерих дает во «Введении» к «Истории Средней Азии» описание месторазвития кочевой цивилизации, приводит подробнейшие сведения по географии, орографии, геологии, гидрологии, топонимике. Здесь же звучит основной тезис: «Степь — начало объединительное»¹.

Ученый создает историю степного пояса Евразии, который на разных исторических этапах служил соединительным звеном между странами классического Востока и Запада и оказывал мощное влияние на формирование

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 28.

культуры России. При непосредственном участии кочевых народов неуклонно возрастала степень интегрированности евроазиатского континента.

История Центральной Азии в труде Ю. Н. Рериха предстает в развернутой диахронии: со времен палеолита до XIV в. н. э. В этом огромном временном пространстве ученый выделяет периоды активности той или иной части региона, проявлявшиеся как волны миграций и завоеваний, в результате которых складывался сложный узор азиатской культуры и этнической мозаики.

Цивилизация палеолита по данным археологии охватывает северную оконечность степного пояса, Южную Сибирь, Восточную Монголию, периферические области Восточного и Западного Тибета. Единство способа производства орудий труда из камня, кости, рога позволяет ему сделать вывод о сходстве типов древнейших локальных культур.

Неолит также дает картину культурной гомогенности центральноазиатского региона и автор высказывает утверждение о наличии некоего культурного единства в Туркестане и Сибири в это время.

Значительным достижением эпохи неолита явилась выездка верхового коня в северном степном поясе Центральной Азии. Здесь исторически сложилась одна из ранних форм мировой цивилизации — скотоводческое кочевое хозяйство. Здесь же произошло приручение верблюда, дикой овчарки, горного барана. Неолитические племена северного степного пояса были конными кочевниками. Таковыми были и первые индоевропейские племена, появившиеся на северных границах культурных оседлых стран Древнего Востока в середине III тыс. до н. э. Массовое появление коня в середине III тыс. до н. э. вызвало, как пишет Ю. Н. Рерих, «настоящий международный переворот, повлекший за собой изменения не только в военной так-

тике, но даже в государственном строе и быте народов Древнего Востока»¹.

Период позднего неолита объединяет регионы степно-го пояса искусством расписной керамики. Ю. Н. Рерих отмечает локальные варианты культуры этого времени: андроновская (степи Западной Сибири и Казахстана, Алтая), хвалынская, абашевская, срубная (юг России), обнаруживающие черты сходства в погребальном обряде и типах захоронения, военном снаряжении, бытовой утвари.

Анализируя факты древнейшей культуры, Юрий Николаевич высказывает предположение о прародине индоевропейских племен, связывая ее с территорией северного степного пояса, от Карпат на Западе до Тянь-Шаня на Востоке.

В конце III тыс. до н. э. поднимается первая волна передвижений индоевропейских конно-кочевых племен в направлении Малой Азии, Ирана, Месопотамии. Использование боевого коня, воинские доспехи и оружие из железа создают превосходство этих племен в ведении военных действий. Державы Древнего Востока покоряются пришельцам, создаются новые государства и этнические образования. На арене истории появляются древние индоевропейские племена: луви, касситы, хетты, митанни.

В период 1900–1500 гг. до н. э. происходит крупное передвижение арийских племен из Туркестанского Двуречья в сторону Афганистана и Индии. Эта волна, по мнению Ю. Н. Рериха, дала Индии основы ее арийской культуры, обогатила пантеон древних богов. Так, Индра упоминается в «Ригведе» «как божество, принесенное арийцами со своей прежней родины»². Итогом первой волны арийской экспансии в страны Древнего Востока стала их культурная

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 79.

² Там же. С. 102.

и этническая трансформация. Арии вдохнули свежие силы в умирающие земледельческие цивилизации.

Около 1000 г. до н. э. первая волна арийского переселения сменилась новой волной, которая, по заключению Ю. Н. Рериха, заложила эпоху преобладания иранских племен, эпоху Ахеменидской державы, скифской гегемонии в степях Юга России, Парфянского царства, Кушанской империи. Геополитическое объединение огромных пространств усиливало экономический и культурный обмен между удаленными областями, способствовало распространению более прогрессивных форм хозяйства и государственного управления. «Под сенью Ахеменидской державы вырос и окреп такой крупный среднеазиатский экономический центр, каким была древняя Согдиана, сохранявшая свое значение в течение многих столетий»¹. В центральноазиатских областях происходил значительный рост торговых центров, и этот процесс автор справедливо сравнивает с тенденциями, имевшими место в Причерноморье VI—V вв. до н. э. Непродолжительное существование древних империй давало свои плоды: новое качество культуры и цивилизации.

К VI в. до н. э. устанавливается гегемония ираноязычных кочевых племен скифов на Юге России. В Центральной Азии они назывались саками, и их культура от Монголии и Алтая до Тянь-Шаня и Памира вошла в историю под названием сакской кочевой культуры. Сравнивая культурные и хозяйственные особенности быта кочевников западных и восточных регионов Центральной Азии, Рерих делает вывод об их принадлежности к разным этническим группам, объединенным общностью культуры, которую можно было бы назвать культурой кочевников северного степного пояса. «Только этой общностью культуры и уклада жизни и можно объяснить некоторые особенности скифского

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 151.

быта, давшие повод утверждать тюркское или монгольское происхождение скифов, которые в массе своей, несомненно, принадлежали к иранцам»¹.

Присутствие скифов в северном Причерноморье стало важным фактором развития региона. Под покровительством сильного Скифского царства мощно развивались греческие города-колонии по берегам Черного моря, через посредство которых скифы вступали в оживленные культурные отношения с греческим миром и через него со странами Древнего Востока. Эпоха расцвета скифской кочевой империи была временем интенсивных торговых сношений с центральноазиатскими областями.

Вместе с собой скифы принесли в степи Юга России искусство «звериного стиля», общее для всех кочевых народов Центральной Азии. Этот стиль, давший высокохудожественные образцы мирового уровня, органично вошел в разные культурные системы и сохранился до новейших времен в таких проявлениях, как «русский народный «звериный» узор на книжных заставках и вышивках, «звериная» орнаментика, встречающаяся в искусстве кочевников Северного Тибета, и существовавшее еще в XVIII в. подражание старым образцам среди племен Юго-Восточной Монголии...»².

Последние открытия казахских археологов — раскопки знаменитого сакского кургана Иссык близ Алматы и подводные исследования киргизских ученых на высокогорном озере Иссык-Куль позволяют с уверенностью говорить о древнейшей кочевой цивилизации Центральной Азии (VI—III вв. до н. э.)³ и подтверждают заключения Ю. Н. Рериха.

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 163.

² Там же. С. 170.

³ См.: Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978; Мокрынин В., Плоских В. Иссyk-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988; Плоских В. Проблемы древней цивилизации Иссyk-Куля // Единое образовательное пространство XXI века. Бишкек, 2003. С. 78—97.

³⁴ Том IX. В. М. Плоских

Знаменательным фактом истории последних четырех веков до н.э. явилась империя Александра Македонского, великого завоевателя и не менее великого объединителя древних цивилизаций. В попытке создания греко-иранской империи, на своем историческом уровне реализовалась идея сближения Запада и Востока. «Поход Александра, — пишет Ю. Н. Рерих, — явился мощным толчком к распространению эллинской культуры по всему Среднему Востоку. От этого столкновения двух культурных миров родился тот своеобразный, красочный и многообразный религиозный и культурный синкретизм, который оплодотворил творчество народов Древнего Востока и эллинистического Запада и отголоски которого дошли до Китая вместе с буддийским учением»¹.

Опыт создания таких крупных государственных образований, как империя, не был исключительно европейским. Факты древней истории свидетельствуют, что кочевой Восток внес свой вклад в освоение этой исторической формы государственности. Древнекочевой период отмечен историей империи хунну (III — I вв. до н.э.), ей наследуют тюркские каганаты IV—XIII вв., апогеем становится Монгольская империя, объединившая в своих пределах восточную и западную области Центральной Азии, Малую Азию, Иран, Китай.

В период тюркских и монгольских кочевых империй быстрыми темпами совершенствовалось военное искусство. Идея регулярной, хорошо обученной армии родилась в Азии. Благодаря высокой организации, правильному тыловому обеспечению стали возможны успешные военные походы, маршруты которых пролегли через весь континент. «Походы Чингисхана, — пишет Ю. Н. Рерих, — имеют выдающееся значение для военной истории. Не будет преувели-

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 1. М.: МЦР, 2004. С. 181–182.

чением сказать, что они создали эпоху в истории военного искусства. Многие в тактике монголов настолько современно, что заслуживает самого глубокого изучения»¹.

Факты средневековой истории свидетельствуют о необходимости принимать во внимание особенности менталитета этой эпохи, общие как для народов Востока, так и Запада. В оценке межэтнических отношений важную роль играет фактор времени. Только синхронный анализ, учитывающий факты одного временного поля, позволяет делать объективные выводы. «Многие из мусульманских писателей обличают жестокость монголов. Мы часто читаем о разрушенных городах и об избиении мирных жителей, — пишет Ю. Н. Рерих. — Жестокий век требовал жестоких мер, и массовые избиения и увод в плен представляли собой общепринятые виды вооруженного воздействия против непокорных»². Эту мысль Ю. Н. Рериха подтверждает Л. Н. Гумилев: «Конечно, тогдашние монголы были воинственными кочевниками. В XIII в. миролюбие нигде, включая Европу, не считалось достоинством, и кочевые монголы по степени «свирепости» находились вполне на уровне своего времени»³.

Картина монгольских завоеваний не может быть завершённой без учета другой стороны проблемы: как отразилось дальнейшее пребывание монголов на завоеванных территориях. «Многое в этих сведениях, сообщенных противной стороной, конечно, сильно преувеличено, — утверждает Ю. Н. Рерих, — ибо города, взятые монголами, быстро восстанавливались, и уже при хане Угедее

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 738. Машинопись.

² Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 727. Машинопись.

³ Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспрос, 1993. С. 323.

представляли собой крупные культурные и экономические центры. Именно в монгольскую эпоху особенно расширилась Бухара. Так, Джувейни говорит, что «не было подобно ей города в мусульманском мире»¹. Монгольские ханы, будучи выходцами из степи, смогли по достоинству оценить культурные и цивилизационные достижения завоеванных народов и проводили созидательную экономическую политику. Быстро усваивая опыт управления развитыми странами, монголы стремились к обновлению административных и законодательных систем в соответствии с последними достижениями времени. Городское хозяйство, получившее столь большое развитие в мусульманскую эпоху, не было разрушено, и завоеванные монголами области не вернулись к примитивному натуральному хозяйству. Прогрессивная административная политика, направленная на усиление торгового и культурного обмена между частями империи, подготовка высококвалифицированных чиновников в школах Китая приносили свои плоды: «Так строилась и укреплялась Монгольская империя, превращаясь постепенно из кочевой империи в обширное культурное государство, в котором кочевой элемент сумел спаять воедино оседлые страны и создать единый хозяйственный организм, звенья которого продолжали жить в эпоху Маньчжурской империи и в России—СССР»², — пишет Ю. Н. Рерих в «Истории Средней Азии».

Взаимоотношения Руси и Монгольской империи строились в рамках феодального сюзеренитета. Русские удельные князья, став вассалами монгольского императора, не утратили своей самостоятельности. Ю. Н. Рерих отмечает, что арабские писатели не включали в территорию Золотой

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 728. Машинопись.

² Там же.

Орды русские княжества, которые признавались самостоятельными владениями, платящими дань монгольскому императору¹. Проблема взаимодействия Руси и Монгольской империи была в последующем подробно изучена Л. Н. Гумилевым («Ют Руси до России», «Ритмы Евразии», «Черная легенда»), и его подход находит сегодня все больше сторонников в научных кругах.

В своих работах Л. Н. Гумилев не только констатирует факты, но вслед за Ю. Н. Рерихом дает им объяснение с позиций теории пассионарности. В свете этой теории, учитывающей широкий исторический контекст и энергетический механизм этногенетических процессов, взаимодействие Руси и монголов выглядит как закономерный этап мировой истории, когда пришли в соприкосновение этнос, находящийся в апогее своих энергетических возможностей (монголы), и этнос, переживающий фазу упадка (русская народность, сформировавшаяся в условиях Киевской Руси). В сложившейся ситуации Русь не была способна остановить натиск монголов.

Очевидно, некорректно рассматривать разрушение цивилизации Киевской Руси как единственный итог монгольского вторжения. В этом столкновении с пришельцами из Азии русский этнос пережил обновление: мощное сотрясение вызвало к жизни поколение пассионариев во главе с Александром Невским, которые заложили основы новой государственности и утвердили новые принципы союзных взаимоотношений с восточными соседями. Энергетический импульс, принесенный монголами, стал «пусковым моментом» великорусского этногенеза², на карте мира появилось новое государство — Россия.

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 3. ОР МЦР. Ф. 1, Оп. 1. Вр. № 2337(В). Л. 739. Машинопись.

² См.: Гумилев Л. Н. Черная легенда. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 388.

Вопрос об истории взаимоотношений России и азиатских народов приобрел особую актуальность в советское время, когда в составе огромного государства оказалась практически вся западная часть Центральной Азии. Проблема была решена довольно просто и псевдонаучно. Изложение исторических событий имело крайне обобщенный, идеологизированный характер. Монголы были объявлены поработителями, задержавшими историческое развитие и России, и сопредельных государств. Эта теория, к сожалению, еще и сегодня имеет своих сторонников. Но публикация научных трудов Ю. Н. Рериха, Л. Н. Гумилева, историков-евразийцев разрушает подобные заблуждения и способствует формированию нового взгляда на эту проблему. Пережив ограничения формационного подхода, мы начинаем шире смотреть на всемирную историю и понимать, что нет «неполноценных» этносов, нет этносов «лишних», все они равноценны и у каждого из них своя роль. Объективно оценивая факты прошлого, не следует искать в нем «виновных». Логика событий обусловлена естественными причинами и законами, которые имеют многоуровневую структуру и высшими своими аспектами связаны с жизнью космического пространства.

Особое место в «Истории Средней Азии» занимает тема Тибета. Центрально-Азиатская экспедиция Н. К. Рериха впервые приступила к исследованиям памятников археологии, литературы и искусства этого региона. Предшествующие ей европейские экспедиции дали преимущественно описание флоры и фауны, географических и этнографических особенностей Страны Снегов. Пребывание экспедиции в Северном Тибете, на обратном пути в Индию, было крайне затруднено чиновниками и властями Лхасы, действовавшими согласно указаниям резидента английской разведки полковника Ф. Бейли. Стояние в течение пяти месяцев (1927–1928 гг.) на высокогорном плато Чантанг обернулось для экспедиционного каравана большими поте-

рями: в условиях жестоких морозов и ураганных вихрей на высоте около 4600 м погибали люди и животные, под угрозой находилось здоровье Е. И. Рерих. Участники экспедиции проявили героические усилия и победили: остались в живых и завершили в тяжелейших условиях свой маршрут.

Обстоятельства не остановили намеченную исследовательскую работу. Самый критический период экспедиции оказался необычайно плодотворным. Благодаря прекрасному знанию тибетских наречий Юрий Николаевич сразу же нашел друзей среди местных кочевников-тибетцев. В труднейших условиях он собирал материал о кочевниках хорпа, сохранивших наиболее архаичную форму языка и бытового уклада. В монастыре в Шаругене им было открыто многотомное рукописное собрание текстов добуддийской религии Тибета — древней и загадочной веры бон. Часть этих рукописей была посвящена бонской версии Гесэриады, эпоса Центральной Азии, широко распространенного на территории Тибета, Монголии, Бурятии. По мнению А. Н. Зелинского, ученика Ю. Н. Рериха, именно ему принадлежит наиболее правильная научная датировка легендарного эпоса: «Его создание он относил к середине 1-го тысячелетия н. э. и связывал с сянбийскими кочевыми племенами»¹.

На северном нагорье Тибета, Чантанге, экспедицией были обнаружены и описаны древнейшие мегалитические сооружения и захоронения, «звериная» орнаментика в искусстве современных кочевников, культовые обряды религии бон. Анализируя факты этнографии и антропологии, Рерихи пришли к выводу о тесном взаимодействии кочевых племен Тибета с народами Центральной Азии. Опубликованная в 1930 г. в Праге монография

¹ Зелинский Л. Н. Рыцарь культуры // Рерих Ю.Н. Звериный стиль... М.: МЦР, 1992. С. 8.

Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» содержала совершенно новые научные сведения об этом регионе планеты, представления о котором были значительно расширены и в вышедшей в следующем году книге Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии».

Замечательным вкладом в изучение истории Тибета стал осуществленный Ю. Н. Рерихом перевод на английский язык «Голубых Анналов», сочинения средневекового тибетского историка Гой-лоцзавы Шоннупэла (1392–1481). В этом труде впервые в рамках научного подхода рассматриваются вопросы истории и хронологии Тибета VII–IX вв. До настоящего времени труд сохраняет за собой значение одного из основополагающих в области тибетологии.

Владея материалами китайских хроник и собственно тибетских сочинений, Ю. Н. Рерих понимал, что научное изучение прошлого Тибета, помимо источниковедения, должно опираться на археологические исследования. «Страна изобилует археологическими памятниками, исследование которых может пролить неожиданный свет на все прошлое Центральной Азии, с которой Тибет и его обитатели был всегда тесно связан»¹, — пишет он в «Истории Средней Азии». Еще ранее в статье «Проблемы тибетской археологии»², опубликованной в I томе Ежегодника института «Урусвати» (1931 г.), ученый обозначает перспективы развития этой отрасли востоковедения и делает ценнейшие замечания на основе своих практических наблюдений, которые, несомненно, будут востребованы наукой будущего.

В «Истории Средней Азии» автор разворачивает перед нами широкую панораму исторических событий Тибета VII–XII вв. Вместе с Юрием Николаевичем мы становимся

¹ Рерих Ю. Н. История Средней Азии. Т. 2. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 1. Вр. № 2537(А). Л. 531. Машинопись.

² Рерих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002. С. 50–59.

свидетелями уникального факта: раннефеодальное государство тибетских кочевников, проявившее большую завоевательную активность в VII–VIII вв., трансформируется в центр буддийской религиозной мысли и культуры. Известна точная дата, положившая начало этой трансформации, – 822 год. Начиная с этого времени тибетцы прекращают свои набеги на китайские пограничные линии и страна всецело посвящает себя религиозным исканиям. Тибет становится обителью множества религиозных сект и направлений. История Тибета выступает неким прообразом более поздней истории монголов: после колоссального напряжения на полях сражений XII–XIV вв. монгольский этнос постепенно переходит к освоению духовной культуры буддизма, пришедшего из Тибета в XVI в. Военно-политическое могущество сменяется ростом национального самосознания, проявившимся в замечательном литературном ренессансе XVII–XVIII вв. Эта восприимчивость кочевников-воинов к утонченной и сложной философской системе буддизма раскрывает довольно своеобразную грань их мышления и психологии – способность не только к военной экспансии, но и к созданию мощного религиозного поля своей культуры.

Описывая средневековую историю Тибета и Монголии, Ю. Н. Рерих отмечает социальное положение женщины в правящих династиях и в некоторых случаях и особую ее роль. В кочевых империях Центральной Азии жены великих ханов обладали большими правами и свободами, в случае необходимости могли замещать своих мужей на государственной службе или выступать влиятельными регентшами при малолетних наследниках. В народной памяти тибетцев сохранились имена царицы Вэнь-чэнь, прибывшей из Китая, и царицы Ти-шонь, уроженки Непала, много сделавших для распространения буддизма в Тибете. В истории монголов рядом с именем Чингисхана стоит имя его матери – мудрой Оелун-эке. С особым почтением

киргизы относятся к имени Алайской царицы — Курманджан, управительнице южных территорий Киргизстана в XIX в. В кочевой среде, несмотря на тяготы быта, женщина все же не подвергалась такому социальному бесправию, как в исламизированных странах Ближнего Востока, и это обстоятельство, вероятно, было весьма важным условием формирования свободолюбия как яркой черты национальной психологии.

Изучая памятники архитектуры, литературы и религии Тибета, Ю. Н. Рерих открыл нам эту страну как важное звено в распространении буддизма из Индии в страны, лежащие к северу от Гималаев. Раннесредневековый Тибет, впитав достижения индийской духовной культуры, сохранил их до XX в. практически без изменений. Принятие буддизма оказало влияние на весь строй жизни Тибета: кочевая культура, господствовавшая в Тибете, уступила место новому типу культуры, связанному с оседлым образом жизни.

Освоение буддизма сопровождалось огромным эмоциональным и интеллектуальным подъемом. Для перевода буддийских канонов требовался новый литературный язык. Эта задача была успешно выполнена. На базе живой речи кочевников была создана форма литературного языка, которая давала возможность адекватного перевода сложнейших религиозно-философских формул санскритских источников. «Менее чем за два века, — пишет Ю. Н. Рерих в статье «Приход буддизма в Тибет», — индийские и непальские буддийские ученые и их тибетские коллеги разрешили поистине исключительную и уникальную задачу — создание литературного языка, способного передавать глубокие и трудные для понимания мысли санскритских оригиналов...

Тибетцы, следовавшие индийской традиции, выполнили задачу точного определения значения терминов и довели ее до крайнего, почти художественного совершенства. Поэтому

изучение тибетских источников вносит огромный вклад в наше понимание буддизма»¹.

В распространении буддизма как мировой религии Тибету принадлежит особая роль. Тибетские императоры, оказывавшие покровительство буддизму, ученые-ламы, монахи сумели создать такую высокую степень концентрации духовной мысли, что она стала действовать подобно мощному магниту, излучая свои волны на большие расстояния. Как убедительно свидетельствуют факты тибетской истории, страна не была удалена от столбового направления эволюции средневековья — эпохи становления мировых религий. Тибет усваивал этот культурный опыт столь же напряженно и успешно, как и Европа, Византия, Россия, арабский Восток.

Культурно-философскую систему буддизма Юрий Николаевич называет «главным культурным воспитателем»² Азии. Буддизм оказывал влияние не только на рост сознания азиатских народов, но и усиливал процессы культурного обмена, превращая просторы Азии в единое культурное пространство. Культурный обмен приносил с собою обновление и рост творческих сил, духовное продвижение и консолидацию.

Краткий обзор тем и проблем, задач будущих исследований, намеченных Ю. Н. Рерихом в «Истории Средней Азии», не позволяет исчерпать все их многообразие. В этом замечательном труде великого русского востоковеда мы имеем образец нового научного мышления. «Историю Средней Азии» с полным правом можно назвать энциклопедией древней и средневековой истории кочевого мира. Факты политической и военной истории, культурная жизнь народов,

¹ Рерих Ю. Н. Буддизм и культурное единство Азии. М.: МЦР, 2002. С. 42–43.

² Рерих Ю. Н. История Средней Азии. М.: МЦР, 2004. Т. 1. С. 330

сведения по филологии, этнологии, праву, истории религий поднимают этот труд на уровень современности. Перед нами исторический портрет кочевой Азии, некогда охватывавшей обширную степную зону континента. Книга, созданная гением одного человека, по своему объему, глубине и широте постановки задач могла бы соответствовать труду большого международного коллектива авторов.

В настоящее время трудно назвать аналог этого сочинения. Многочисленные научные труды по отдельным проблемам и регионам, несомненно, представляющие собой выдающиеся достижения исторической науки XX столетия, находятся в дифференцированном состоянии. Имея подробные сведения по историографии, источниковедению, археологии, этнографии, эпиграфике отдельных стран, мы не имеем целостной картины исторической жизни Азии. Труд Ю. Н. Рериха дает образец такого научного подхода, в котором знания мировых, региональных и локальных закономерностей объединены. В этом его непреходящее значение, несмотря на отдельные дополнения, конкретные уточнения, полученные, главным образом, в результате последующих шестидесятилетних археологических изысканий.

Сохраняет свою актуальность и опыт «истинных впечатлений действительности», полученный Юрием Николаевичем на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции и последующих полевых исследований в разных районах Центральной Азии. Многие вехи, расставленные в этой экспедиции Н. К. и Ю. Н. Рерихами, еще не получили должного внимания со стороны современной науки и до сих пор находятся в «архиве», дожидаясь своих исследователей. Страны Внутренней Азии — Монголия, Тибет за последние шестьдесят лет не намного приблизились к нам в плане научного изучения. Рерихи открыли их для нас, но требуется продолжение усилий.

«История Средней Азии» Ю. Н. Рериха приходит к современному читателю как труд, созданный некогда автором

для будущего. Масштабность мышления этого ученого опережала свое время. Зная общее направление мирового исторического процесса, Юрий Николаевич был уверен, что время его труда обязательно наступит. Он был сеятелем, вышедшим на широкую ниву знания. Образ русского исследователя, посвятившего свою жизнь изучению кочевых народов Азии, встает перед нами сегодня как высокий символ ученого Нового мира, ступени которого он слагал своим подвижническим трудом и всевещающим сердцем.

Взгляд на историю кочевников, сложившийся в русском востоковедении, стал выдающимся явлением мировой науки XX столетия. «Полагаю, — писал Л. Н. Гумилев, подводя некоторые итоги развития номадистики, — что ближе всех к решению задач кочевниковедения подошла научная традиция, которую можно назвать русской школой. Ее представители — Н. Я. Бичурин, В. В. Григорьев, Н. А. Аристов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. А. Иностранцев, С. И. Руденко, М. И. Артамонов и ряд других ученых. Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю «раскосыми и жадными глазами» степняков. Благодаря этому наши ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира»¹. К ряду перечисленных славных имен необходимо добавить имена историков-евразийцев П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Н. С. Трубецкого, Ю. Н. Рериха и Л. Н. Гумилева.

В кочевниковедении XX века происходило накопление исторического материала, который был систематизирован, и на этом фундаменте проведены крупномасштабные по охвату времени и территории исторические исследования. Русская наука расширила культурно-историческую картину

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и Ко», 1993. С. 93.

мира: в ней появился ранее неизвестный элемент — кочевой мир Азии.

Это открытие приобретает особую значимость в наши дни, когда формируется новое, космическое, мировоззрение и новое качественное состояние человечества — глобальный мир. Глобализация усиливает процесс объединения стран и народов, информационный, культурный и экономический обмен. На наших глазах формируются новые структурные отношения между этносами и государствами в составе целого — планетарного человечества. Следует отдать должное кочевым народам, накопившим опыт создания крупных этнополитических образований как некий прообраз будущего единства. Великие кочевые империи скифов, гуннов, монголов на протяжении тысячелетий соединяли Восток и Запад, реализуя в своем историческом времени идею единого мира. Реальным фактом евразийской истории было культурное единство. Российские востоковеды обозначили историческую миссию кочевников как объединителей. Творчество кочевых народов проявилось богато и многогранно, в том числе и на уровне планетарных процессов.

К этому необычному творчеству волею судеб была причастна Россия, страна, находящаяся на средостении классического Востока и Запада. Кочевниковедение убедительно показало, насколько плодотворно было для России взаимодействие со степным миром. Огромный заряд пассионарного напряжения периода средних веков кочевая Азия передала России, и вместе с ним — свою объединительную миссию.

В рамках номадистики четко обозначилась новая методология исторических исследований: восхождение от анализа к синтезу, видение частных фактов сквозь призму целого. Этот подход открывает широкие возможности более адекватной оценки событий и понимания всемирного культурно-исторического процесса.

Очень актуально звучит сегодня сформулированный в кочевниковедении тезис о многообразии как естественном,

природном факторе эволюции. «Нашему обществу, как и человечеству вообще, вовсе не противопоказано многообразие, — писал Л. Н. Гумилев. — Так, каждый народ, большой или малый, раскрывает свой талант, а человечество через это проявляет себя как единое целое»¹. Разнообразие структурных уровней системы, согласно постулатам синергетики, усиливает внутренние обменные процессы, увеличивает суммарный потенциал системы, ускоряет ее эволюцию.

Российское кочевниковедение внесло свой вклад в формирование планетарного мышления, утвердив кочевую Азию как полноправного участника мирового исторического процесса. И одна из важнейших ролей в этом принадлежит Ю.Н.Рериху, чей вклад в российскую историческую науку еще недавно недооценивался. Публикуемый научный труд поистине является классическим: он дает пищу для размышлений, стимулирует новые исследования, призывает к дискуссиям во имя достижения научных истин.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М., Троянова Е. В. Мир кочевников: исследования Ю. Н. Рериха по истории Центральной Азии // Ю. Н. Рерих. История Средней Азии. Т. I. М.: 2004.

¹ *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 190.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В КЫРГЫЗСТАНЕ

Известно, что ключевую роль в развитии любой цивилизации играют образование и наука. В связи с этим школа, высшее образование и наука выдвинуты в число стратегических приоритетов социального, экономического и культурного развития многих государств.

XX в. оказался чрезвычайно богат на события — и определившие прогресс человечества, и обусловившие негативные явления, обострившиеся в условиях глобализации. И задача образования, вузовской и академической науки, педагогов и ученых XXI столетия — быть в авангарде, чтобы обеспечить движение вперед и избежать прошлых ошибок.

Сначала об истории — дореволюционной истории русских и русско-туземных школ в Кыргызстане.

Переселенческое движение из России в Среднюю Азию второй половины XIX в. заставило власти Туркестанского генерал-губернаторства (создано 11 июля 1867 г.) решать вопросы расселения, обеспечения земель, а также удовлетворения культурных запросов переселенцев. Поэтому царская администрация приступила к организации светского школьного образования в Туркестане, которое включало в себя несколько типов школ — начальные школы (приходские училища, церковно-приходские и сельскохозяйственные школы и т. д.) и средние школы (гимназии). Изначально предполагалось, что во всех типах школ будут обучаться дети как русских переселенцев, так и местного населения кыргызских детей. Но в реальности для

первой категории населения оказались наиболее характерными приходские училища, для второй — русско-туземные школы.

Рассмотрим таблицу.

Русские школы	
Места расположения	Год основания
<i>I блок Одноклассные училища</i>	
Ош (м)	1878
Пишпек (м)	1879
Беловодское(м)	1880
Карабалтинское (м)	1880
Сокулукское (Ново-Троицкое) (м)	1883
Преображенское (Тюпское) (м)	1885
Сливкинское (Покровское) (м)	1885
Сазоновское(м)	1885
с. Дмитриевское (Таласское)	1888
с. Александровское (Кировское)	1890
с. Покровское	1890
<i>II блок Двухклассные училища</i>	
Ош	1876
Каракольская школа совместного обучения	Преобразовано в 1879 г. в Пржевальское двухклассное училище
Пишпекское двухклассное женское училище	Преобразовано в 1879 г.
Токмак	1880
Беловодское Пишпекского уезда	1880
<i>III блок Русско-туземные школы</i>	
Каракурузское поселение (ок. г. Токмак)	3 октября 1884

Русские школы	
Места расположения	Год основания
Ошская	1887
с. Маршанское (ок. г. Пржевальск)	1894
Токмакская первая	1897

Первая приходская школа в Киргизии открывается 9 февраля 1870 г. в г. Токмаке. Для устройства этой школы, где обучалось 25 детей, было собрано с населения в 1869 г. 560 руб. 08 коп. В 1874 г. была основана Каракольская школа совместного обучения. Затем приходские одноклассные и двухклассные мужские и женские училища начали открываться почти во всех городах и русских селениях Киргизии. В числе первых школ в Пишпекском уезде были: Пишпекские мужское и женское училища, которые начали свою работу с 1879 г. Беловодское и Карабалтинское мужские училища, открытые в 1880 г., и Сокулукское (Ново-Троицкое) мужское училище, действовавшее с 1883 г. В Пржевальском уезде в 1885 г. открылись Преображенское (Тюпское), Сливкинское (Покровское) и Сазоновское мужские училища.

В Таласской долине работали училища в селениях Дмитриевском (ныне Таласское) — с 1888 г., Александровском (ныне Кировское), Покровском — с 1890 г., Грозненском, Ключевском, Романовском и Орловском — с 1893 г. (последние два были немецкие). В Толкановской волости, которая в то время входила в Аулие-Атинский уезд Сыр-Дарьинской области, существовали училища в селении Чалдоварском — с 1885 г., Николаевском (ныне Панфиловское) — с 1890 г. На юге Киргизии первой была открыта Ошская приходская школа совместного обучения в 1878 г.

Таким образом, в среднем 125 лет тому назад в Кыргызстане было положено начало русскому образованию,

которое посредством букваря, ликвидации безграмотности и первых высших учебных заведений привело к современному высшему образованию, науке и культуре, адаптированным к мировому образовательному пространству.

Сегодня наука и образование глубоко взаимосвязаны, они не могут продвигаться вперед независимо друг от друга.

Проблемы роста

Суверенитет и принципы демократии потребовали проведения широкомасштабных и многоэтапных образовательных реформ. Основными задачами реформ стали, с одной стороны, стремление соответствовать общим направлениям и тенденциям развития образования в мире, с другой — развивать собственные национальные традиции. С каждым днем все отчетливее проявляется сознание того, что в образовании необходимо использовать все целесообразное, накопленное мировым сообществом и отечественной традицией.

Качественно новые задачи, требующие реформирования и обновления, стали и перед системой высшего образования. Эти задачи обусловлены кардинальными изменениями, происходящими в последнее время в экономической и социальной сферах, императивами зарождающегося информационного общества, стремительным развитием научных знаний, информационных и коммуникационных технологий.

Становится очевидным, что наша система средней и высшей школы не может развиваться вне глобальных процессов и тенденций, вне запросов мирового рынка труда. Сегодня, решая вопросы развития школы Кыргызстана, нельзя исходить только из критериев национального уровня. Наша высшая школа не сможет готовить специалистов, отвечающих требованиям постиндустриального информационного общества и обеспечить устойчивое развитие страны, развиваясь в замкнутых национальных границах.

Мощные интеграционные процессы, все более захватывающие сферы нашей общественной жизни, требуют адекватных ответов от народного образования. Сегодня необходимы более решительные действия в сторону международной интеграции.

В связи с этим подняты и повсеместно дискутируются вопросы о присоединении к Болонскому процессу, главное содержание которого — интернационализация образования. Фундаментальным камнем создания единого европейского высшего образования провозглашено качество как основа для доверия, мобильности, совместимости и привлекательности. Присоединение Кыргызстана к этому процессу предполагает развитие конкурентной среды в национальной системе высшей школы, повышение качества ее образовательных услуг.

С другой стороны, необходимо все тщательно проанализировать и определиться, что рационально и действительно полезно, а что нам неприемлемо. Мы должны сохранить все лучшее, традиционное, наработанное предшествующим опытом и в то же время не отстать от глобального развития мирового образовательного процесса, в первую очередь, в рамках образовательного пространства стран СНГ. Едва ли есть смысл механически перенимать структуры европейского образования и отказываться от традиционно устоявшихся и хорошо зарекомендовавших себя степеней доктора и кандидата наук в нашем понимании.

Сегодня на первом плане перед нами стоит проблема интеграции школьного образования, вузов и академической науки, проблема становления собственных национальных подходов к образованию и науке в изменившихся геополитических условиях. Но пока, как показывает анализ, больше безрезультатно.

Мы вступили в интереснейшее время — на наших глазах «делается история», мы являемся участниками обновления страны, находимся в поисках новых идеалов, переосмысле-

ния истории и философии, в поисках преемственности народной мудрости и новой идеологии суверенного Кыргызстана.

Историко-культурное образование

Как известно, историческое просвещение и воспитание призваны содействовать приобщению молодежи к духовному миру своего народа, пониманию истоков его культуры, истории, способствовать восприятию народной поэзии, музыки, живописи, воспитанию любви к Родине.

Основными путями формирования исторического сознания и культуры являются: система дошкольного, школьного и вузовского образования, научные исследования, деятельность средств массовой информации, учреждений культуры. На завершающем этапе — наука. Их главная задача — создание в обществе атмосферы знания, уважения, почтения истории и культуры, соприкосновения с историей. История и культура прежних эпох должны стать аурой современного общества.

Историко-культурологическое образование в настоящее время находится в состоянии, можно сказать, «броуновского движения», в процессе неопределенного «реформирования»; требуется его коренная трансформация. Желательно, чтобы она опиралась на принципы:

- историзма и научной объективности;
- методологического и концептуального плюрализма;
- толерантности и непредвзятости;
- приверженности исторической истине.

Важно отойти от схематизации гуманитарных наук, подгонки под старые или новые идеологические догмы. Необходимо воспринять идеи культурно-исторической плюральности, нелинейности истории и культуры, их цикличности.

При обновлении исторического образования следует гуманизировать школьные и вузовские курсы истории,

придать им большую культурологическую направленность, акцентировать внимание на духовных поисках человечества.

Ныне каждая новая страна вводит в школьные общеобразовательные и вузовские программы курсы истории Отечества, т. е. истории своей Родины. В Кыргызстане коллективными усилиями историков НАН КР, КГПУ, КРСУ, КНУ подготовлены и опубликованы программы и учебники по истории для старшекласников и студентов вузов. Однако в школах пока слишком мало часов отводится предмету «История Кыргызстана», не на каждом факультете вузов он включен в программу. Но ведь известно: любовь к Родине воспитывается именно на родной истории, на культуре народа.

На территории республики можно встретить памятники разных времен — от палеолитического человека до современности. Историки составили кадастр таких памятников Кыргызстана, работают над археологической картой историко-культурных памятников страны. И в кадастре этом насчитывается более четырех тысяч наименований! Среди них и уникальные шедевры мировой культуры. К ним относится наскальная галерея «Саймалы-Таш» в горах Тянь-Шаня, где представлено более 100 тыс. петроглифов. Или единственная в своем роде пещера «Ак-Чункур» у подножия пика Хан-Тенгри с росписями охрой, сделанными первобытным человеком! Или последние открытия подводной археологии на дне Иссык-Куля — остатки древнекочевой цивилизации. Или еще одно открытие — письменно (документально) подтвержденное 2200-летие кыргызского этноса и кыргызской государственности.

Затонувшие города Иссык-Куля до сих пор будоражат воображение и влекут аквалангистов-археологов со всего мира. У нас работают москвичи и японцы, россияне и американцы, немцы и итальянцы. Ведь под водами Иссык-Куля ждут своего часа более 10 древних и средневековых городищ, в том числе открытая нами столица древнеусунь-

ского государства Чигу (Чигучен) в Тюпском заливе (выше 2 тыс. лет).

Хочется особо подчеркнуть: Кыргызстан богат своим культурным наследием, насчитывающим не менее 10 тыс. лет, начиная с наскальных рисунков ариев и античных курганов, от тенгрианства и «Авесты» до буддизма, христианства и ислама, до средневековых жемчужин науки и поэзии (Махмуд Кашгари и Жусуп Баласагын). А последние открытия памятников подводного мира на Иссык-Куле, катакомбного христианского монастыря, отмеченного на Каталанской карте 1375 г., имеют буквально мировое значение.

К сожалению, это культурное наследие, не находя должного и своевременного отражения в кыргызской науке, и по частям, и в целом «растаскивается» соседями и получает «свое» место в истории Узбекистана, Казахстана и даже Турции («тюркские империи», «тюркские изваяния», «тюркская руническая письменность» и т. д.).

Дело не в слабости наших ученых — историков, культурологов, философов, лингвистов, а в государственном непонимании значения культурного наследия для идеологии, для воспитания молодежи, для фундамента современной национальной культуры. И дело не только в отсутствии бюджетных средств для изучения и пропаганды истоков народной культуры, а в «лености» ума некоторых руководителей, которые за сиюминутными заботами не хотят или не могут видеть стратегической задачи исторического, духовного и нравственного будущего своего народа, своего Государства.

Ученые приступили к разработке проекта Государственной программы культурного наследия, которая должна явиться фундаментальной основой для дальнейшего развития всех гуманитарных и общественных наук.

В настоящее время группа ученых академии и вузов приступила к созданию красочно оформленного научно-художественного труда под условным названием «Золотые

россыпи древнего культурного наследия Кыргызстана» и «Кыргызы в мировой истории», которые, без сомнения, могут стать прекрасной визитной карточкой обновленного Кыргызстана на мировой арене.

Воссоздание и философское осмысление объективной картины прошлого в современных условиях становится одним из главных факторов формирования общенационального единства и государственной идеологии. Воспитание гражданственности, нравственности и патриотизма должно базироваться на преемственности народной мудрости, традиционной культуре и менталитете народа.

Отрадно, что обществоведами академии на перспективу выдвинута комплексная научно-исследовательская программа «Культурное наследие народов Центральной Азии — глубинные истоки и современные перспективы».

Изучение культурного наследия — одно из важных современных направлений в блоке исторических, философских и культурологических знаний. Культурное наследие, наряду с языком и данными антропологии, является также одним из важнейших источников истории и идеологии народа. Оно должно отличаться стабильностью и преемственностью.

При доминанте традиционализма в культурном наследии сегодня явно проявляются компоненты влияния и заимствования, в основном, на селективной основе.

Народный менталитет является важнейшим идеологическим и поведенческим компонентом культурного наследия. В определенных условиях религиозные представления на поведенческой и обрядовой составляющей могут входить в культурное наследие, характеризуя его черты, специфические для отдельных народов, как, например, народный вариант ислама.

В республике стоит задача создания многолетней государственной программы изучения, сохранения и использования культурного наследия, ее реализации.

В этом мы видим долг обществоведов.

Даже самые гуманные призывы о вечных ценностях, но не защищающие повседневные интересы конкретных людей, никого не будут волновать и не будут поддержаны, как бы их не называли — заповедями, манифестом, программой или идеологией. Следует учесть, что в быту, особенно в условиях рыночных отношений, жизненные интересы различных категорий населения, социальных, этнических и конфессиональных групп не только не совпадают, но чаще противостоят друг другу и государству.

О школьных и вузовских учебниках на русском языке

Время требует постоянной модернизации и совершенствования не только научных исследований, но и подготовки и издания школьных и вузовских учебников.

Ученые КРСУ соучаствуют в разработке учебников нового поколения (так называемых учебников XXI в.), востребованных современным образованием.

В последние десять лет выпущено в свет немало монографий, в основном коллективных, либо целиком посвященных истории кыргызской государственности, либо затрагивающих эту проблему (в частности, «Введение в историю кыргызской государственности», «Кыргызы и их предки», «У истоков кыргызской государственности», «Проблемы политогенеза кыргызской государственности», «Источниковедение древнего и средневекового Кыргызстана» и др.). Но вместе с тем все более высвечивается ряд новых неясных и неисследованных вопросов. До сих пор досконально не определены характер власти в древних государствах, их правовая основа, структура, ветви власти, полномочия правителей и подданных. Специальные исследования в этой области еще впереди, равно как и создание полноценного учебника по истории кыргызской государственности.

³⁵ Том IX. В. М. Плоских

Выпущен и ряд учебников на русском языке для школ и вузов: «История Кыргызстана» для 6–9-х классов русскоязычных школ (В. Мокрынин, В. Плоских, 1995 г.), «История кыргызов и Кыргызстана» — вузовский учебник, выдержавший четыре издания (1995–2003 гг.), коллектив которого получил государственную премию в области науки и техники за 2003 г., и другие.

Кыргызское книгоиздание вступило в новое столетие в сложной ситуации, когда наука, знания, литература оказались вне первостепенного внимания общества и государства. В трудном положении оказались образовательные учреждения, не имеющие современных учебников. Это негативно сказывается на общеобразовательном процессе, на подготовке специалистов в различных областях — знаний.

Учебная книга, в первую очередь, должна отражать последние достижения в конкретной области знаний и соответствовать лучшим мировым изданиям. Хороших учебников остро недостает. Рынок учебных изданий в значительной части заполнен суррогатами учебной литературы, антинаучными и фальсифицированными изданиями, «информационным хламом».

В рамках программы «Учебник XXI века» намечался выпуск в свет учебной литературы, отвечающей следующим критериям: высокий научный и методический уровень; соответствие требованиям государственных образовательных стандартов; наличие современного методического и справочного аппарата; глубокое освещение перспектив развития определенной области знания и практики. Но пока все это — благие намерения. Хотелось бы, чтобы не забывали: культура и цивилизация базируются на учебных книгах, ученые и учителя — элита цивилизованного общества.

И закончить выступление хочется словами великого учителя школы современности Шалвы Александровича Амонашвили:

«Преподнесем начальникам пергаменты, на которых записаны святые слова:

“Нужно возвысить понятие народного учителя так, чтобы он был одним из первых деятелей страны. Пусть во всех странах учителя будут истинными воспитателями народа. Они должны так много дать, что народ должен им устроить жизнь, полную достижений. Народ, забыв учителя, забыл своё будущее. Позаботимся, чтобы учитель был самым ценным лицом среди установлений страны”.

Преподнесем эту мудрость и скажем: это есть Истина школы и корень всякого обновления».

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Проблемы развития гуманитарного образования и общественных наук в Кыргызстане // XXI век – век межкультурного диалога, экономического подъема, духовного возрождения на евразийском пространстве: Международный форум, посвященный 125-летию российского образования в Кыргызстане (8–9 декабря 2005 г. Бишкек, Кыргызстан): В 4 т. Т. I–II. Бишкек: КРСУ, 2006.

ИСТОКИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Историческая память избирательна. Она зависит от политических обстоятельств. Она зависит от летописцев и историков, которые всегда субъективны. Она, наконец, зависит от объективных условий хранения.

Не является исключением в этом и информация об истоках древних и средневековых этно-культурных взаимоотношений современных суверенных стран содружества. Причем истоки исходят не от государственных образований, а берут свое начало на этапе этносов современных стран и даже их предков. Продемонстрируем это на примере кыргызской истории.

Начать следует с кыргызско-китайских отношений, которые хронологически являются самыми древними.

Сейчас уже никем не оспаривается, что самое первое дошедшее до нас упоминание о кыргызах и их владениях встречается в китайских летописях и относится к 201 г. до н. э. (Исторические записки «Ши Цзы» отца китайской историографии Сыма Цяня). Исходят эти сведения к китайскому путешественнику, первооткрывателю торгово-культурной трассы Великого Шелкового пути Чжан Цяню.

Китайские источники свидетельствуют, что именно в 201 г. до н. э. кыргызы (в транскрипции гянь-гунь) и их владения (будучи до этого, вероятно, независимыми) были подчинены гуннами и вошли в состав этой первой кочевой державы.

Позже, в 99 г. до н. э. правителем кыргызского владения был назначен плененный гуннами китайский полководец Ли Лин. С этого времени кыргызы (жившие по Енисею,

в Восточном Туркестане и на Тянь-Шане), находясь на трассе Великого Шелкового пути, были вовлечены в орбиту торгового и культурного взаимодействия со всеми странами, куда шла разветвленная сеть Великого Шелкового пути. С территории Кыргызстана трасса шла через Узбекистан и Таджикистан в Иран и далее — на запад в Византию. Через территорию Казахстана и Туркменистана в Россию, через Казахстан и Восточный Туркестан в Сибирь, на Енисей и в Хакасию.

Через Кыргызстан товары шли транзитом, но частично задерживались и у местного населения: знаменитые китайские зеркала и шелк, предметы быта, одежда и оружие, археологи находят ранние китайские монеты — серебряные и бронзовые. Торгово-экономические и культурные связи скреплялись династийными браками, когда китайский императорский двор выдавал своих принцесс замуж за кочевых владык Средней Азии.

Второй контакт с китайцами произошел в 751 г. на р. Талас. Здесь в жестоком сражении за первенство в Средней Азии столкнулись две армии: китайцев, владевших Восточным Туркестаном, и арабов, чей Халифат начал распространять ислам в Средней Азии. Арабского полководца Зияда ибн Салиха поддержали местные карлукские племена. Китайский полководец Гао Сяньчжи потерпел поражение и бежал. Пленные китайцы, как свидетельствуют источники, положили начало в Средней Азии производству собственной бумаги.

Наиболее активный период дипломатических контактов енисейских кыргызов с китайским императором падает на IX–X вв.

Все последующие годы кыргызы, проживавшие не только на Тянь-Шане, но и в Восточном Туркестане, поддерживали тесные торгово-экономические и культурные связи с китайцами на правах соседей, через чьи территории пролегла трасса Великого Шелкового пути.

Обращаясь к историко-культурным взаимосвязям кыргызов с соседними узбеками, казахами и таджиками, следует, в первую очередь, отметить так называемый тюрко-согдийский культурный синтез в средние века, позволивший соседним народам перенимать и осваивать культурные традиции и опыт, вести межкультурный диалог как в материальной, так и в духовной сферах. Не следует забывать также, что женой главного героя великого кыргызского эпоса «Манас» была таджичка Каныкей. Да и вообще, в кочевой среде династийные браки имели большое значение для налаживания дружеских отношений.

До наших дней сохранился (и опубликован) договор о дружбе между кыргызскими манапами и казахскими султанами. 22 августа 1847 г. казахские султаны и бии Большой Орды (старшего жуза) в присутствии российского пограничного начальника генерал-майора Вишневого, заключили с кыргызскими манапами договор, обязуясь «жить дружно и в спокойствии, не делать баранты, грабежа и смертоубийства».

Печати-тамги кочевых владык скрепили договор, который, к сожалению, не имел практического значения и неоднократно нарушался, несмотря на посредничество соседних сибирских властей.

Дружественные отношения кыргызов с Россией были исторически установлены гораздо позже, чем с другими странами. Зато сохранились документальные свидетельства, выразившиеся во взаимной переписке, обязательствах и, наконец, в присяге кыргызских племен на подданство.

Первое обращение кыргызов в Россию за покровительством и помощью датируется 1785 г. Сарыбагышский манап Атаке-бий летом 1785 г. направляет два письма — одно сибирским властям, другое Екатерине II. Императрице были посланы в подарок «арап», «три барсовые кожи и пять рысьих шкур».

В ответ императрица одарила бия 800 рублями серебром с изъявлением своего «благоволения и правительства» бию и всему подвластному ему народу.

С этого времени связи кыргызов с Россией поддерживались в сфере торговли, дипломатии, культуры, что завершилось принятием присяги от бугинского племени иссык-кульских кыргызов на добровольное подданство России в январе 1855 г. и завершилось указом императора Александра II от 19 февраля 1876 г. о присоединении Кокандского ханства к России (в том числе и Южного Кыргызстана).

С этого времени начинается новый этап взаимоотношений кыргызов с соседями и Китаем, уже не как самостоятельных субъектов, а в русле единой политики с начала Российской империи, затем СССР, и только с обретением суверенитета постсоветских республик эти взаимоотношения начали строиться юридически на двусторонней договоренности, полноправных условиях, как это принято во всем мире.

Историческая память фиксируется в научных публикациях. Как в этом отношении обстоит дело в современном Кыргызстане?

Думаю, удовлетворительно.

Еще в 1973 г. в Москве издательством «Наука» был издан первый выпуск «Материалов по истории кыргызов и Кыргызстана», включающий переводы извлечений из арабских, персидских и тюркских исторических и географических сочинений X–XIX вв., содержащие сведения о взаимоотношениях кыргызов с соседними народами и государствами. В 2002 г. он был переиздан в Бишкеке и опубликован второй выпуск извлечений уже из китайских источников с древности по XIX в. В 2003 г. публикуется внушительный по объему том «Проблемы политогенеза кыргызской государственности», где представлены документы,

исследования и материалы по истории этнокультурных и межгосударственных отношений кыргызов в динамике с древнейших времен.

В этом же году публикуется сборник материалов и документов о формировании кыргызско-китайской государственной границы, а в следующем 2004 г. — книга с документальным приложением «Кыргызстан и Казахстан: граница дружбы и добрососедства», в котором отражены основные этапы развития сотрудничества, проблемы и перспективы по многим приоритетным направлениям кыргызско-казахских отношений.

Десять лет (с 1998 по 2007 гг.) потребовалось, чтобы создать и опубликовать трилогию сборника документов и материалов по истории всесторонних взаимоотношений Кыргызстана и России с XVIII до конца XX вв.

Это — только на русском языке.

В Урумчи в 2004 г. издан фундаментальный сборник материалов по истории Кыргызстана с использованием китайских источников на кыргызском и китайском языках — новый шаг добрососедского сотрудничества двух стран по изучению проблем межгосударственного сотрудничества.

И, наконец, последнее. В 2007 г. Дипакадемией при МИДе КР была издана «Хрестоматия по истории дипломатии Кыргызстана», включающая извлечения из письменных источников на арабском, языках фарси и тюрки, на китайском языке, а также публикации архивных документов по международным отношениям кыргызов и других народов Кыргызстана с соседними народами и государствами (руков. — ректор Дипакадемии, проф. Н. Кемелбаев).

Так учеными Кыргызстана закрепляется историческая память о многовековых взаимоотношениях с соседями. Память, востребованная как творческими, практическими работниками, так и многотысячным отрядом кыргызского студенчества, которому продолжать и развивать в перспективе межгосударственные отношения Кыргызстана.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Истоки взаимосвязей народов центральной азии в исторической памяти //Диалог цивилизаций. Культурно-цивилизационные мосты истории и современность. Бишкек, 2009. № 9.

КЫРГЫЗСКИЙ ЭТНОС И «ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ».

Исторические заметки

Статья посвящена анализу одного из малоизученных периодов этногенеза кыргызов — великому переселению народов в первых веках н. э.

Многонациональное государство с гарантированной свободой развития всех национальных культур» в условиях, когда система прав выстраивается как ответ общества на систему внешних рисков, — это сила, новая по своему внутреннему содержанию. Культурная самоидентификация нации, этносов, индивидуумов впервые прямо и безальтернативно связывается с социально-экономической самоидентификацией общества, с развитием в нем всех составляющих на основе современного видения этого невероятно сложного процесса. Совершенно неоспоримо: «История, опыт, восприятия, образы, интересы, убеждения, традиции, обычаи, ценности, нормы, системы вероисповеданий — это лишь некоторые из многих структур единого комплекса, которые в итоге составляют идентичность общества (*Identität einer Gesellschaft*)»¹, тем более в обстановке синтеза, соответствующей интердисциплинарности нового века.

Давайте предположим, хотя бы условно: если критерии идентичности вырабатываются на основе национальной стратегии и в процессе широкого охвата исторического

¹ *Lapins W. Vorwort // История и идентичность: Кыргызская Республика. Бишкек, Фонд им. Фр. Эберта, 2007. С. 6, 10.*

материала, то нужно учитывать в анализе прошлого все факторы. Так, например: есть устойчивое мнение, что «пропавшая» в кыргызской историографии половинка тысячелетия связана с участием в «гуннском» походе на Запад.

Говоря о культурных корнях, уместно процитировать последний тезис художественно-историческим хроник: подавляющее большинство современных народов, потомков гуннов, смогли сохранить связующую их общегуннскую нить, которая контрастно выделяет их языковые системы из всех прочих языков мира — грамматическую агглютинативность языкового строя, а вместе с языком и сходный образ мышления и действия: упорство, отвагу и решительность.

Естественно, принадлежность к мировым страницам истории важна для самоидентификации кыргызов. Мы знаем, что их предки (каковыми называют бесспорно таких прототюрков, как гунны) принадлежали к цивилизации, давшей миру гениальный принцип остаточного потребления, образцы социального поведения в сохранении природы, великолепные методики сохранения генетического здоровья, и при этом умение не бояться пространств, легко и масштабно организовывать экспансии за пределы известного мира, «за край ойкумены», выстраивая философию личности как часть гармонического целого — рода, племени, народа.

Сегодня сценография международной политической арены — будь то Европа, Россия, Азия — такова, что для всех становится все очевиднее факт: всякое общество представляет собой именно тот социально-исторический «перформанс приоритетов», какой оно само видит в качестве идеала. Наиболее адекватная форма зрелой государственной политики, на которую только и можно рассчитывать и надеяться на ее результаты в обстановке кризиса (а весь XX век демонстрировал нам в той или иной мере «обстановку кризиса») — это выработка ответов на вопросы: «Какой сценарий развития событий соответствует стратегическим

национальным интересам? Какие иные варианты развития ситуации заложены в реальном историческом процессе? Какова степень реалистичности, реализуемости желательного варианта?»¹. Всякий комплекс национальных интересов, формирующийся таким образом, уже по определению требует системного осмысления, осознанного общественного соучастия и исполнения, поскольку он призван осознаваться и осуществляться осуществляется в масштабе нации: речь идет о долговременной стратегии — а значит, о громадной ответственности перед поколениями.

О национальной самоидентификации задумываются целые поколения ученых, со всей неизбежностью устанавливая прямую связь между целью создания правового государства и жизнеспособностью общества, а значит, между различными направлениями духовных и общественных интересов. Для Кыргызстана это отнюдь не менее важно, чем для его соседей, ибо никто не отрицает существование вызовов, грозящих самому существованию государства: наша страна — хотим мы этого или не хотим — будет участвовать в борьбе соседствующих государств за место под солнцем, ей придется выступать как носителю глобальных инициатив и опыта сохранения природных ресурсов (воды, воздуха, флоры и фауны), генетической безопасности, стремлений найти разумный баланс между формами жизни и природным окружением. А значит, чтобы, как говорили на Востоке, «защищать свою тень». Мы должны знать, кто мы и каковы наши права на «защиту тени», каковы силы для этой защиты, откуда мы будем черпать внутренние резервы для роста в будущем.

Культурогенез — проблема, всегда остро (подчас — излишне остро) воспринимаемая в околонучной среде и отсюда распространяемая среди современников. Не что иное

¹ Назарбаев Н. В потоке истории. Алматы, 1999. С. 12.

как История справедливо напоминает нам, что важно не то, откуда мы, а то, каковы мы как носители истории и ее качеств. Еще не до конца изжитое пренебрежительное отношение к кочевым культурам, основывалось, как часто отмечается в традиционной исторической науке, на критериях и ценностях европейской или китайской цивилизаций, и то, что не соответствовало этим критериям, признавалось варварским, а то, что соответствовало, — отсталым.

В подавляющем большинстве исторических фактов это действительно так. И дело даже отнюдь не только в противопоставлении оседлого и кочевого образа жизни. Вот пример, известный специалистам, но избежавший попадания в учебники: когда столкнулись две (оседлые!) цивилизации — Испания и империя инков, культурную непримиримость и войну на уничтожение вызвали не противоречия воинствующего католицизма и «местной» религии, а то, что в храмовых обрядах у инков приняты были массовые убийства, кровавые оргии, которые привели в ужас европейцев. Точно так же, враждебность белых колонистов США в отношении индейцев-охотников вызывало то, что индейцы применяли к захваченным нечеловеческие пытки, перед которыми бледнело искусство инквизиции. С другой стороны, кочевые монголы были абсолютно толерантны по отношению к любой чужой религии в захваченных городах, и даже выказывали ей почтение, но вырезали всех, не оставляя ни одного живого существа, если город вдруг сопротивлялся... Россия и Великобритания много строили и многому учили людей в своих колониях, но англичане, оставив после себя море трупов, пользуются в этих колониях часто всеобщим уважением, а русские, оставив после себя на месте прежних колоний богатые республики, выслушивают гадости от всякого рода местных князьков — зачастую бывших партполитэлит.

То, что академическая наука предполагает опору на диалог культур, делает концепцию особенно актуальной для

общества и государства. В этом плане разработка вопросов наследия, активизация и концентрация исследований, разработок и творческих инициатив на построение культурного фундамента развития общества и государства — всё это важно постольку, поскольку спектр исследований в отношении этой проблемы необыкновенно широк. Стоит вспомнить вызвавшую большой интерес у наших зарубежных коллег интерсемиотическую концепцию национальной игры «Ордо» как микромоделю военно-демократической структуры кыргызского общества. У нас великолепные археология, нумизматика, этноистория, сравнительное литературоведение, теория и история художественного перевода... Перечисление можно сделать бесконечным. У нас есть культурные «объекты», имеющие уникальное содержание и соответствующую исследовательскую ценность.

Вот один пример. Есть мнение, что своим спасением кыргызский народ обязан «айлу», внутриродовой семье, «малому уруку». Там, где на перевалах веков гибли более многочисленные этносы, именно гибкая и, одновременно, сильная структура айла удержала кыргызское общество от распада. И даже в 20-м веке, когда свирепая коллективизация и повальные аресты подорвали силы многих народов страны советов, аил спасал своих лидеров, аил жертвовал многим, но народ удержался как культурная целостность. Так что ценность возврата к наследию — именно в контексте построения адекватной системы ценностей национальной культуры — не подвергается сомнению, поэтому бесспорны значение и роль исторических и мифологических носителей идей объединения, например, Аттилы, Манаса, Мухаммеда-кыргыза, Чингиза Айтматова.

Сразу следует отметить объективную бесспорность этих «брендов» как принадлежащих к супернациональным архетипам. Отношение к ним, внешне порой неоднозначное, отнюдь не влияет на их внутреннюю значимость, не зависящую от конъюнктурных интерпретаций. Так,

не выглядит бесспорным утверждение исследователя о том, что «низкий рейтинг эпоса «Манас», связанных с ним персонажей свидетельствуют о высокой степени апатии населения, его разочаровании и недовольстве тем, как современные политики используют и применяют этот выдающийся памятник устного народного творчества, общее культурно-историческое достояние всех кыргызов для достижения собственных политических целей»¹. Говоря обо «всех», исследователь, надо сказать, не комментирует тот факт, что в ряде регионов страны общенациональный символ таковым не воспринимается, с ним в народном сознании конкурируют символы регионального ряда. — Чубак Манастан кемби — Чем Чубак хуже Манаса? Хотя, разумеется, точка зрения исследователя на нравственную «приватизацию» общенационального духовного символа представляется абсолютно справедливой.

С образом «императора гуннов» Атиллы связано логичное стремление расширить идентификационные императивы нации за счет объективных исторических трактовок.

Растущий интерес к роли великого переселения народов, осуществлявшегося гуннами, важны для авторами данной статьи, один из которых является и автором четырехтомной трилогии «Гунны». Гунны — это «корни нашего мышления и действия». В истории государственности, которую увлеченно выстраивали исследователи во всех странах Центральной Азии, есть «белое пятно» — пять веков истории кыргызов, в течение которых народ как бы исчезает из ближайших геополитических ландшафтов. Проблему эту легче всего было замолчать. Между тем, активная и динамичная часть кыргызского «этноса» в эти века, скорее всего, находилась в длительной и чрезвычайно насыщенной «командировке». Кыргызы Ала-Тоо

¹ Курманов З. К. Об исторической самоидентификации кыргызов. — История и идентичность... Бишкек, 2007. С. 33.

были вовлечены в гигантскую по срокам и масштабам кочевку — в составе племен гуннского суперэтноса наши пращуры ушли в поход на великие центры западной цивилизации — Константинополь и Рим.

Это было величайшее в человеческой истории переселение народов: ни до этого (империя Александра Великого), ни после (империя Чингисхана и его наследников) не было таких примеров многовекового и многомиллионного движения человеческих масс от Китая до Галлии, Германии, Рима — и столь же масштабного планомерного отхода, номадов в традиционные ареалы обитания. В заключительной части трилогии — двух книгах романа «Аттила» — рассказывается о последнем этапе этой небывалой схватки двух цивилизаций. Верховный каган гуннов Аттила, сенир-хан кыргызского племени сабиров, завершил вековой «великий поход»: мировая история готовилась быть переписанной. Но великий военачальник был убит римской контрразведкой, чьи тайные посланцы много лет успешно воевали рядом с ним под видом его соратников — причем, соратников действительно талантливых и полезных, однако бывших таковыми лишь до той поры, пока гуннов можно было направлять на соперничающий Константинополь. Но как только речь зашла о захвате Рима — великий каган Аттила был немедленно убит.

Гуннские племена в разных частях огромного евразийского пространства положили начало образованию новых народностей: акациры, биттогуры и сабиры на «Алты-Тао» (в основном, предки современных кыргызов, а также частично казахов, тувинцев, уйгуров, хакасов и других), ушли в Малую Азию предки современных турок, расселились по северным берегам Гуннского моря предки современных болгар, остались в Паннонии предки современных венгров, перекочевали на реку Эдел (Итиль) предки современных башкир, татар, чувашей, в Предкавказье — предки балкарцев, карачаевцев, осетин... Рядом с гуннами были аланы,

роксоланы, германцы и одни из самых верных их союзников — восточные протославяне, предки русских.

Народ, сохранивший генетические корни такой цивилизации, может органично воспринять черты новой глобальной идеологии, которая позволит сохранить природные ресурсы и саму возможность существования человека в условиях их истощения и конкуренции за землю, воду и продукты питания.

От невероятно далекого, но, тем не менее, реального исторического прошлого протягивается вектор культурно-генетического кода, единства, в центре которого гигантская фигура эпического героя Манаса — символ национальной самоидентификации, персонифицированная метафора национальных надежд и, одновременно, самый величественный в общечеловеческой истории поэтический памятник, который сумело воздвигнуть человечество в бесчисленных попытках «остановить мгновенье» силой бессмертного Слова.

И как факт, утверждающий, что прошлое принадлежит будущему: фигура нашего современника Чингиза Айтматова, великого писателя, ушедшего из жизни, но стремительно входящего в историю с тем, чтобы помочь разместиться на тесном ее планетном пятачке всем тем, кто кочевал на некогда безлюдных, необозримых и неосвоенных пространствах другого мира... Айтматов никогда не противопоставлял два цивилизационных типа, два принципа; ему чуждо было откровенно продуцировать идеологию номадизма. Он предпочитал говорить о диалоге как принципе общения культур. Но сам мир его героев — это мир материнского поля, накрытый звездной чашей Млечного пути, «Саманчынын жолу». Это мир мифологии и народного искусства, мир кочевого быта, когда кочевка перестает быть бесконечным изматывающим странствием и становится гармонически подчиненным циклу природы путем внутри родного мира, родного дома.

Отвечая на предложенный пантеон великих имен, можно сказать, что, к примеру, Атилла — грозный символ гигантских экспансий, когда человечество запоминало свои корни и мучительно осознавало свое предназначение. Герой Манас — колоссальное стремление в этих экспансиях обрести себя как некую историческую общность. Мухаммед-кыргыз — мифологизированный образ «огосударствленной» тенденции всякого народа к великодержавию, одновременно и ощущение того, что роды и племена должны стремиться к единению как народ. Айтматов — высокое завершение акта народной самоидентификации перед лицом тревожащих душу художника великих испытаний, которые скоро предстоит перенести человечеству и его родной земле.

Судьба новых идей — всегда вещь непростая. У отраслей культуры, науки, образования впереди в этом смысле — необозримое поле проблем. Чего стоит затянувшаяся болезнь нашей литературы, которая живет так, будто последних двух десятков лет не было вовсе. А ведь вывести из тени великое национальное наследие под силу, прежде всего, литературе.

Естественно, есть основания ожидать «турбулентности» новых подходов, в частности, новой концепции нomaдизма, равно как и нового взгляда на шаманизм и соотношение конфессий в народной судьбе, открытия новых историко-культурных контекстов на евразийских территориях. Наконец, надо надеяться, отечественная наука придет от описательности к уровню структурного осмысления и перекроет пути дилетантской мифологизации. И самое главное — все это будет подчинено реальным целям и надеждам страны, общества в процессе борьбы за будущее. Таково и проблемное, и «метафорическое» видение проблемы. И оно, по-видимому, имеет все права на существование, ибо культура — явление невероятно многозначное и упрощенными средствами не усваиваемое, особенно в системе понятий нового века.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М., Бекбалаев А. А., Шаповалов В. И. Кыргызский этнос и «великое переселение народов». Исторические заметки // Диалог цивилизаций. Культурно-цивилизационные мосты истории и современность. Бишкек, 2011.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ПАМИРО-АЛАЕ И КУРМАНДЖАН ДАТКА (1875—1895)

Центральная Азия издавна выполняет роль связующего звена между Россией и Южной Азией, а также Средним Востоком и Китаем. В этом заключается стратегической и экономико-географическое значение региона. Анализ концепций российских исследователей подтвердил необходимость союзно-вассальных отношений между Россией и народами Центральноазиатского региона в XIX в. Западные исследователи видели регион лишь с позиции источника могущества и всячески стремились к доминированию над ним.

Исторически Центральноазиатский регион в XIX в. стал объектом пристального внешнеполитического воздействия Российской и Британской империй. В частности, уже с 1813 года, британская дипломатия с беспокойством наблюдала за военными успехами русских войск против Персии, завершившимися подписанием Гюлистанского и Туркманчайского договоров, по которым к России отошла территория современных Армении и Азербайджана. Британские военные занимались обучением и перевооружением персидской армии, снабжали оружием черкасских повстанцев¹. Впоследствии, к концу позапрошлого столетия англо-русское соперничество в Средней Азии лишь усилилось, чему немало способствовало завоевание россиянами Хивы, Бухары и Коканда в царствование Александра II. Тогда же начался процесс присоединения кыргызских

¹ *Широкорад А.* Россия-Англия. Неизвестная война. 1857–1907. М., 2003, – С. 143.

племен к России и возник, как в случае с Хивой и Кокандом, вопрос о подданстве казахов и кыргызов с Цинской империей, а следовательно, появилась проблема территориального разграничения. С этой целью в 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому в общих чертах была проведена граница между сферами влияния России и Китая в данном регионе. Однако вскоре ситуация стала радикально меняться: в 1862 г. вспыхнуло восстание дунган в провинциях Шэньси и Ганьсу, которое к 1864 г. перекинулось в Синьцзян, в результате чего образовалось четыре государства: Джеты-шаар, с центром в Кашгаре; Таранчинский султанат в Кульдже; Калмыкское владение, с центром в Чугучаке, и дунганский союз городов в Урумчи.

Столкновение интересов Российской и Британской империй на фоне возрастающего значения средне-восточной и центральноазиатской политики раскрывает причины англо-русского противостояния в Центральной Азии в XIX в. Этот конфликт восходит к решению «Восточного вопроса». Приобретение Россией стратегических позиций на Востоке крайне противоречило интересам Британской империи и угрожало ее уже и без того пошатнувшемуся статусу мировой сверхдержавы.

Таким образом, во времена Курманджан датки, она и ее народ жили на территории, которая находилась в то время на самом острие противостояния двух мировых сверхдержав — Британии и России. Кыргызы, как подданные Кокандского ханства, оказались в конце позапрошлого столетия в эпицентре нешуточной внешнеполитической игры. Причем, у каждой из сверхдержав был свой, достаточно прагматичный интерес к Центральной Азии. В частности, во внешней политике Британской империи Средний Восток и Центральная Азия были приоритетными направлениями и рассматривались британским руководством не только как возможные подступы к Индии, но и как территории, обладающие стратегическим и ресурсным потенциалом. Для

³⁶ Том IX. В. М. Плоских

оправдания своей агрессивной политики на Востоке Британская империя изобретает «оборонительную» концепцию. Суть ее заключалась в обвинении своего политического противника в захватнических намерениях. Политика британского руководства была направлена на подрыв не только средне-восточных и центральноазиатских интересов России, но и всей ее системы безопасности на южных рубежах. В англо-русском соперничестве именно геополитическому фактору, а не экономическому, отводится ведущая роль.

Чрезмерная активность Британии на Востоке, попытки подчинить своему влиянию Персию и Афганистан, выводят Российскую империю на новый уровень осмысления центральноазиатской внешнеполитической стратегии, которая приобретает твердый и последовательный характер. Проявилось это следующим образом. Для стабилизации обстановки в регионе, четырьмя годами позже после заключения Пекинского договора, Россия и Китай подписали новый, так называемый Чугучакский протокол. В соответствии с ним, «русским владениям отошел бассейн р. Нарын, по которому лежит один из ближайших путей в Кашгар... и эта граница, проходящая менее чем в ста верстах к северу от Кашгара и упиралась в хребет Цунь-Линь, тем самым замыкает нашу новую среднеазиатскую границу, соединяющую Оренбургскую и Сибирскую линии»¹. Что немаловажно для дальнейшего продвижения российской экспансии в Средней Азии, протокол юридически закрепил уже бытовавшую в то время в данной местности практику так называемого двоеданства, когда любой из кочевавших по означенной договором территории народов мог состоять в подданным сразу двух или нескольких подписавших протокол государств. России это было также необходимо для

¹ *Мазаев В.* Об русско-китайских разграничениях в центральной Азии // Записка историко-дипломатического управления МИД СССР, 1971. — С. 3.

стабилизации обстановки в приграничной зоне и удержания местных кыргызов и казахов от грабежей Синцзяня. Дело в том, что в период с 1864 по 1865 годов представители этих двух этносов, российские подданные массами пересекали границу, грабя местных жителей, — китайцев, маньчжур и калмыков. С другой стороны, уже в 1864 году повстанцы из Кашгара стали притеснять кыргызов из рода черик. В результате чего их манап, Турдуке, попросил у россиян защиты от грабежей¹. Но такое стремление России не давать своим подданным провоцировать конфликт двух держав, не находило понимания у представителей местной кыргызской знати. В результате кочевники не раз нападали на российских военнослужащих, учиняя тем самым конфликты с местной колониальной администрацией. Так, например, в мае 1865 года бий (предводитель) кыргызского племени бугу Суанбек. Он напал и захватил несколько стрелков и казаков, посланных остановить его переход через границу².

Анализ внутривосточной обстановки, сложившейся в государствах Центральной Азии накануне продвижения России и Британии в регион, доказывает слабость и неспособность ханств отстаивать свои интересы. Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства не имели потенциала, чтобы самоорганизоваться для борьбы за свои права и интересы в условиях англо-русского геополитического противостояния. Несмотря на то, что государства Центральной Азии были активными акторами региональной геополитики, они все же не имели той мощи, которая позволила бы им защищать свое государство перед серьезной внешней угрозой.

¹ Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1966, — С. 256.

² Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М., 1959. — С. 312.

Нелишне заметить, что основной проблемой центральноазиатских государств была их неспособность сохранить территориальную целостность. Отсутствие четких и стабильных границ между государствами приводило к постоянным столкновениям и существенно расшатывало основы политической власти центральноазиатских правителей. Однако не Британия, которая стремилась превратить Центральную Азию в колонию, а Россия при благоприятных обстоятельствах могла направить развитие региона в выгодном для обеих сторон направлении. В тех исторических условиях, когда раздробленные государственные образования Центральной Азии были фактически не в состоянии отстоять свою независимость, им выгодно было войти в состав Российской империи, которая давала надежду, хотя и не на полноценное, но на достойное существование. Как подчеркивает в своем исследовании кыргызстанский историк Е. Г. Гарбузова, в Туркестане границы обеих колониальных держав постепенно сближались. Образовывались так называемые буферные государства, выражающие интересы той или иной из противоборствующих сторон¹. В частности, в середине XIX века на территории Средней Азии существовали три порой враждующие между собой державы — Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират. Политическая власть в них представляла собой типичную восточную деспотию. Владыкам принадлежало полное владение ресурсами этих стран, а также право безраздельно распоряжаться судьбами своих подданных. Власть таких правителей ограничивалась лишь рамками мусульманского права. Кроме того, в регионе кочевали не имевшие к тому времени своей государственности казахи, кыргызы и туркмены.

¹ *Гарбузова Е. Г.* Геополитический аспект противостояния Российской и Британской империй в Центральной Азии в XIX веке. — Бишкек, 2010. — С. 106.

Очевидную эфемерность своих государств вероятно, осознавали их правители. Поскольку, что чем шире развевалось проникновение Британии в Центральную Азию, тем интенсивнее здесь осуществлялись дипломатические контакты с Российской империей. Последняя же, своими действиями в регионе, неоднократно давала понять британскому руководству, особенно когда дело касалось международных вопросов, что может представлять опасность для владений британцев в Индии. Учитывая этот факт, нетрудно понять, почему действия геополитического противника России, — Британии, были окрашены русофобской деятельностью премьер-министра Бенджамина Дизраэли. Кредо Дизраэли, выраженное в его письме королеве Виктории, состояло в том, что «нашими войсками московиты должны быть выдвинуты из Средней Азии и сброшены в Каспийское море». В подтверждение серьезности своих намерений Дизраэли убедил королеву принять титул «императрицы Индии», причём в пределы «Индийской империи» включался и Афганистан.

На фоне Берлинского конгресса Дизраэли дал распоряжение о начале Второй англо-афганской войны. В январе 1879 года 39 тысяч англичан вошли в Кандагар. Шах пошёл на уступки и подписал с британцами неравный Гандамаский договор. Тем не менее партизанская война продолжалась, и вскоре англичане оказались осаждены в Кабуле почти 100-тысячными силами повстанцев. Военные неудачи получили резонанс в Лондоне, вследствие чего Дизраэли проиграл парламентские выборы 1880 года. Его преемник Гладстон вывел английские войска из Афганистана и подписал с эмиром договор, согласно которому тот обязывался координировать свою внешнюю политику с Лондоном.

В течение последующих двух десятилетий Большая игра заключалась главным образом в разведывательно-шпионской деятельности. Ключевой фигурой в этой игре

был генерал-майор британский спецслужб Ч. Макгрегор¹. Упрочить свое положение в Центральной Азии, во второй половине XIX века, Россия стремилась еще и по причине явно антироссийской политики ряда игравших заметную роль в регионе политических фигур. К числу подобных противников империи можно отнести кашгарского правителя Якуб-бека (1820–1877). В период с 1865 по 1866 годов, пока не эмансипировался от Коканда, он доставил немало неприятностей колониальной администрации. Например, постоянно вмешивался в дела приграничных кыргызов (бугу и чериков), призывая их к борьбе с русскими войсками, а также строил в приграничной полосе укрепления». Лишь после нормализации дипломатических отношений России с Бухарой и Кокандом, Якуб-бек совершил ряд дипломатических уступок империи, продемонстрировав тем самым свое благожелательное к ней отношение.

Далее деятельность России в Центральной Азии имела целенаправленный характер и была довольно успешной. За несколько лет страна вышла к северным границам Афганистана, тем самым ограничив возможности осуществления британской агрессии в центральноазиатские ханства.

Вопреки всем политически интригам Лондона, в Центральноазиатском регионе Российской империи принадлежала решающая роль в противостоянии, и именно ей удалось успешно завершить присоединение центральноазиатских ханств и приблизиться к своим естественным рубежам, начав процесс установления стабильной границы.

В целом, именно политика Британской империи характеризовалась практически неизменной ориентированностью против усиления Российской империи, как в европейских делах, так и в Центральноазиатском регионе.

¹ Хопкирк П. Большая Игра против России, Азиатский синдром. М., 2004. – С. 132.

Трансформация геостратегического положения Российской империи в конце XIX в. и разграничение сфер влияния с Британией явились результатом переговоров между Российской и Британской империями по определению границы в Центральной Азии.

Переговоры начались в 1869 г. и длились вплоть до 1873 г. Причина столь затяжных переговоров состояла в том, что у сторон не было общего представления о сферах предполагаемого разграничения. Британская империя особенно полагалась на отсутствие у России полной информации о разграничиваемых территориях. Россия, благодаря приграничным исследованиям фон Кауфмана, получила информацию о границе ее центральноазиатских территорий с Афганистаном. Безусловно, эта информация расходилась с той, которую представляла на рассмотрение британская сторона.

Англо-русское соглашение 1872–1873 гг. определило свободу действий обеих держав.

Урегулирование англо-русских противоречий и формирование нового геополитического статус-кво в Центральной Азии сосредоточилось вокруг Памира. Установив контроль над этой территорией, от которой расходятся хребты Тянь-Шаня, Гин-дукуша и Гималаев, можно было обеспечить безопасность как центральноазиатских владений Российской империи, так и британских владений в Индии. Овладеть Памиром и доминировать в этом районе пытались как Российская, так и Британская империи. По соглашению 1872–1873 гг. Памир вошел в сферу геополитических интересов России. Но Британская империя не рассматривала Памир территорией Российской империи и подстрекала афганцев и китайцев к территориальным захватам в этом направлении.

В 1887 г. завершила свою деятельность англо-русская пограничная комиссия, и между Российской и Британской империями было подписано соглашение, статьи

которого до сих пор определяют северо-западные границы Афганистана.

В англо-русском соперничестве оставался нерешенным вопрос о статусе Памира. Британская разведка на Памире беспокоила российское правительство, и оно решило отправить туда рекогносцировочные отряды. Исследование Памира русскими отрядами показало, что китайцы и афганцы настроены враждебно по отношению к России и пытаются при поддержке британцев совершить аннексию ряда не принадлежащих им территорий. Российская империя вынуждена была прибегнуть к военным действиям и утвердить свое присутствие на Памире.

11 марта 1895 г. между Российской и Британской империями было заключено обоюдное соглашение о разграничении сфер влияния на Памире. По этому соглашению была установлена государственная граница между Афганистаном и центрально-азиатскими владениями России. Британской империи удалось создать «нейтральную зону» между Британской Индией и территориями России в Центральной Азии. Памирское разграничение определило новый геополитический статус-кво в Центральной Азии и выступило стабилизатором англо-русских двусторонних отношений.

Итак, в комплексе взаимоотношений Российской и Британской империй вопрос об урегулировании территориальных споров занимал особое место и в итоге ликвидировал англо-русскую конфронтацию в Центральной Азии в XIX в.

А какова же роль в этом Курманджан датки?

Рассмотрим это детальнее. Начнем с того, что во времена начала политической карьеры «Алайской царицы», ее владения, как и значительная часть Кыргызстана, были под властью Кокандского ханства. Подчинение кокандцами завоеванных народов — кыргызов, казахов, таджиков, обеспечивалось беспощадным террором. Ханский двор раздирали межродовые усобицы, борьба многочисленных претендентов на престол. Рабство было официально при-

знанным. Налоговая политика основывалась на грубом произволе, поскольку сбор податей ничем не регламентировался. Это была одна из типичных восточных деспотий¹. Под игом этой деспотии кочевники Южного Кыргызстана находились с момента образования ханства и до его падения, а Северного — в периоды с 1825 по 1855—1863 годов.

Исторические документы подтверждают и дают много примеров совместных выступлений кыргызских, казахских кочевников и узбекских дехкан против общих эксплуататоров — кокандских ханов и местных феодалов. Как метко подметил во время одного из многочисленных антикокандских восстаний конца XIX века бывший в то время в Коканде коллежский советник российского императорского двора А. А. Вейнберг в ханстве «... почти без исключения тяготятся... властью². Приближенные хана неизменно стремились использовать недовольство и гнев народных масс, восстания кыргызов в своих интересах и, как правило, безуспешно. Плоды и результаты от восстания и дворцовых переворотов доставались или оппозиционным хану предводителям и родоправителям кыргызов и кипчаков, либо феодальной аристократии Коканда³.

Замечу, кыргызы никогда не чувствовали себя истинными подданными кокандских ханов. Они рассматривали свое подданство прежде всего через призму зависимости от кокандских рынков и расположения многих зимовок в Ферганской долине, находившихся в пределах военного присутствия Коканда, считали зависимость временной. Можно сказать, что это обстоятельство во многом предопределило судьбу Кокандского ханства, как такового — поскольку

¹ История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов — Б.: «Раритет Инфо», 2007. — С. 127.

² ЦГВИА, Ф. ВУА. Д. 6874. Л. 21.

³ Там же. Д. 6874. Л. 22.

кыргызская родоплеменная знать играла решающую роль в фатальном для этого государства событии, восстании 1871 года против гнета Худояр хана. Разумеется, будучи женой видного придворного сановника, а впоследствии и родоправительницей Алая, Курманджан датка не могла не быть в эпицентре этих драматических событий. Что характерно, в ходе произошедшего в 1871 года наиболее массового и фатального для Кокандского ханства восстания против гнета Худояр хана, повстанцы регулярно обращались к русским властям, с просьбой принять их в российское подданство и разрешить перекочевывать из кокандских владений на территорию, занятую Российской империей. Но, к сожалению, ее колониальная администрация, связанная мирным договором с Кокандом, была вынуждена поддерживать не восставших, а Худояр хана. Тогда, в тот один из наиболее трагичных эпизодов кыргызстанской истории, гнев народных масс обернулся не против россиян, а не местных притеснителей. В ответ туркестанские власти отправили на помощь хану войска. Их возглавил генерал М. Скобелев.

Подавление выступлений зачинщика восстания, самозванного Пулат хана осложнялась и известным внутренним противоречием руководства Российской империи. Ее Министерство внутренних дел, боясь политических осложнений с Британией, всячески препятствовало военной кампании, — поскольку считало дальнейшее расширение границ России на Восток дорогостоящим и чреватой нежелательными последствиями акцией. Минобороны же было целиком за успех карательной экспедиции Скобелева: именно военные, как никто другой, отдавали себе отчет в мощи и коварстве геополитического соперника, хрупкости паритета двух сверхдержав. Как мы знаем спор решился в пользу военных, — как говорится, постфактум победой над повстанцами... Поскольку, русские действовали быстро и эффективно, разгромив самопровозглашенного

лидера зачинщиков смуты — муллу Исхака, самозваного «Пулат хана». В итоге все Кокандское ханство, в том числе и Южного Кыргызстана, согласно Указу Императора Александра II от 19 февраля 1876 года была присоединена к России. Здесь считаю своим долгом подчеркнуть, что генерал Скобелев действовал не без помощи местного населения. В частности, он прибег к поддержке манапа северян Шабдана Джантаева. Разумеется, действия этого батыра были бы не столь эффективны, если бы к тому момента не пересмотрела свои политические взгляды Курманджан датка. Выступив поначалу против русских, «алайская царица», в момент своего пленения одним из подразделением армии Скобелева, осознала ошибочность своего шага и всецело перешла на сторону русских. Как политическое завещание звучит одно из писем властительницы Алая к Ферганскому военному губернатору Ионову, сменившему на этом посту М. Д. Скобелева: «... заявляю: весь мой народ, я сама и мои родные никогда не выступят против Вас. От нас никакой неприятности не будет. Если мой народ сделает плохо и станет изменником, тогда накажу виновного самой жестокой мерой, буду вечно мучиться до конца своих дней. В заверение ставлю свою печать — дочь Маматбека Курманджан датка. В связи спотерей печати подписываюсь»¹. Эта клятва родоправительницы о вечной дружбе с Россией, прозвучавшая как мудрый наказ соплеменникам, стала на века духовной основой братских отношений наших народов. Как мы знаем, вклад Курманджан и Шабдана в укрепление мира и стабильности в регионе были отмечены царскими наградами.

Произведенный впоследствии историками анализ событий однозначно указывает на то обстоятельство, что, продвигая свои границы на юг, Россия руководствовалась

¹ Галицкий В., Плоских В. Старинный Ош. Очерк истории. Фрунзе, 1987. — С. 56–57.

прежде всего, стремлением стабилизировать ситуацию в регионе и укрепить рубежи, по возможности нейтрализовав противников. Для этого руководство империи предприняло, как минимум, три шага. Во-первых, исключило опасность обострения с Китаем. Превентивные меры российских политиков в данном направлении строились, исходя из двухсотлетнего опыта взаимоотношений с Пекином, который неоднократно проявлял явно недружественную позицию. Помимо того, при отношениях с новыми государствами россияне руководствовались соображениями безопасности своих подданных, казахов и кыргызов. И наконец, третьим, наиболее важным шагом империи было намерение подчинить себе Кашгар — либо посредством Коканда, или же напрямую.

Таким образом, российская экспансия в Центральной Азии никак не ставила своей целью единственно лишь колонизацию края. Этого нельзя было сказать в отношении главного соперника России в этом регионе, Британии. Последняя, как раз, преследовала исключительно завоевательные планы. Что, разумеется, не могли не принять внимание тогдашние лидеры среднеазиатских народов, — решая дилемму, к какому из участников противостояния им примкнуть.

Последующие десятилетия, особенно события XX века, доказали правильность выбора кыргызов, сделавших в предшествующем столетии ставку на россиян. Мудрость и дальновидность решения кыргызских родоправителей, в том числе и Курманджан-датки, доказана, как минимум, гремевшими обстоятельствами. Во-первых, под защитой «белого царя» кыргызы смогли сохранить свою национальную идентичность, что при другом обороте дела было бы весьма проблематично. Большинство исследователей единодушны во мнении о том, что присоединение Кыргызстана к России в XIX веке стало закономерным итогом развития исторически сложившихся к тому времени политических, социально-экономических

и культурных взаимоотношений наших народов. Одним из позитивных результатов такого шага стала существенная стабилизация социально-политической обстановки в Средней Азии.

Кроме того, последующие годы советской власти стали периодом небывалого за всю историю кыргызстанцев их культурного и экономического прогресса. И, наконец, закономерным итогом взаимоотношений с Россией стало величайшее для кыргызов событие — обретение ими государственного суверенитета. И в этом есть определенный вклад «алайской царицы», которая в свое время отвергла британское покровительство, в пользу россиян. Словом, завет «алайской царицы» кыргызский народ выполнил — дружно жил в составе России, плодотворно развивался, и уже в рамках Советского Союза прошел все ступеньки государственного строительства: от автономной области до суверенной республики.

Сегодня, когда после долгих лет забвения возвращена слава «Алайской царице» и достойной дочери Алая возведены памятники на ее малой родине, а также в Бишкеке, на Иссык-Куле и в «Южной столице», в Оше, нельзя не отметить немаловажную деталь. особенно в последнее время кыргызстанцы слово «Россия» произносят как-то по-особому, с придыханием. А приезжающие из Москвы российские делегации удивляются: оказывается, и за пределами Российской Федерации есть край, жизнь которого в немалой степени протекает по-русски и на русском языке. Здесь действительно по-прежнему в почете русский дух. И, что самое важное, нет стремления его искоренить. Полагаю, в том немалая заслуга Курманджан датки: без ее участия в кыргызско-российских переговорах конца XIX века, без сердечной материнской заботы «алайской царицы» об укреплении достаточно хрупкого в то время паритета взаимоотношений обоих народов, вряд ли такие узы были бы столь крепки, как сейчас. Этот неоценимый ресурс и залог

стабильности, безопасности в регионе сыграл и продолжает играть важнейшую роль стратегического партнерства наших стран.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Внешняя политика России на Памиро-Алае и Курманджан датка (1875–1895) // Диалог цивилизаций. Бишкек, 2011.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ АЗИАТСКОГО СООБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ЕВРОСОЮЗА

1. Процесс европейской интеграции, начало которого относится к 50-м годам XX в., является объективной потребностью европейских государств, членов Сообщества. Актуальная в прошлом веке, интеграция приобретает еще большую актуальность и злободневность в XXI в., в условиях глобализации, усиления конкуренции между различными государствами и регионами мира. Европейская интеграция позволяет его государствам-участникам решать свои важнейшие политические и социально-экономические проблемы.
2. Евросоюз является важнейшим фактором международных отношений и мировой политики, что обусловлено высокой численностью его населения, высоким качеством научно-технических кадров, мощной индустриально-технологической базой, в которой огромный удельный вес занимают информационно-коммуникационные системы, развитая авиапромышленность, биотехнологии, автомобилестроение и т. д. Немаловажный фактор высокого авторитета ЕС на международной арене, реализация его коренных интересов в сфере внешней политики и политики безопасности — мощный интеграционный потенциал, позволяющий выступать консолидировано по многим актуальным вопросам современности, совместно реагировать на глобальные вызовы и угрозы.
3. Евразийская интеграция Кыргызской Республики и Российской Федерации.

На пути к евразийской интеграции КР и РФ прошли двадцатилетний путь двусторонних кыргызско-

российских отношений. У ученых существует различное видение этого вопроса. В соответствии с этапизацией специалистов первый этап (1991–1996 гг.) связан с развалом СССР; второй этап (1996–2000 гг.) характеризуется как период переосмыслений Россией значимости для нее региона, выраженного в попытке возвращения утраченных позиций в ЦА и в КР в частности; третий, современный этап (с 2000 г. по настоящее время) связан с приходом к власти Президента РФ В. В. Путина, когда РФ заявила о стремлении к использованию ОДКБ.

Сфера культуры является самостоятельным направлением политики Евросоюза. Она содействует сплочению его государств-членов и народов, усилению европейской культурной идентичности и позиций ЕС в мировом сообществе. Вместе с тем, в большей или меньшей степени, культурные аспекты наличествуют практически во всех сферах деятельности ЕС: в сельском хозяйстве, образовании, региональной политике, науке и общественной деятельности.

Важнейшей стратегической целью Евросоюза является создание и укрепление единого культурного пространства, реализация в специфическом секторе жизнедеятельности стран ЕС основополагающих принципов единого рынка ЕС — свободы передвижения лиц, товаров, услуг и капиталов. Единое культурное пространство становится реальностью благодаря интенсивной законодательской, организационной и финансовой деятельности Евросоюза.

4. Новые знания о Европейском союзе, его культурной политике могут способствовать более глубоким и продуманным взаимоотношениям стран внутри постсоветского мира и с государствами — членами Европейского союза. Несомненно, европейский опыт особенно актуален в рамках процесса интеграции на постсоветском про-

странстве, получившего новый мощный импульс в ходе ряда саммитов глав государств СНГ.

5. Теперь на фоне решения президента КР о закрытии авиабазы Манас, вероятно, что российско-китайское сотрудничество может принять новые формы, тяготеющие к конкуренции. Несмотря на «доверительный» и «беспроблемный» характер взаимоотношений РФ и КНР, в России сохраняются антикитайские настроения и опасения перед действиями Китая, способными нанести ущерб российским интересам. Таким образом, в отношениях двух стран складывается противоречивое пространство для сотрудничества и взаимодействия. Оба государства заинтересованы в дальнейшей кооперации, но, в то же время, существует ряд проблемных зон, мешающих сотрудничеству. Можно выделить факторы геополитической конкуренции РФ и КНР в ЦА. Среди них: исторический, экономический, включающий в себя энергетический и торговый, культурологический, геополитический фактор восприятия ШОС.

Геополитические интересы Китая в Кыргызстане лежат в политической области, экономической сфере, в области безопасности, культуры и экологии, что полностью соответствует китайской внешнеполитической концепции «гармоничного мира», а также новейшим тенденциям во внешней политике КНР. Реализация геополитических интересов Китая осуществляется им через политическое, торгово-экономическое, военно-техническое, культурологическое, экологическое и прочее двустороннее и многостороннее взаимодействие и сотрудничество с КР. Данные направления сотрудничества соответствуют национальным интересам Кыргызстана.

В то же время тенденция увеличения количества незаконных мигрантов из КНР, стремление китайской стороны к приведению колеи будущей железной дороги к китайским стандартам, а также интерес к освоению

³⁷ Том IX. В. М. Плоских

природных ресурсов КР соответствуют концепции расширения «стратегических границ и жизненного пространства» КНР. Реализация концепции осуществляется в соответствии с наказами Дэн Сяопина. Это вызывает обеспокоенность как значительной части общества, так и политической элиты КР, считающих данные факты потенциальной угрозой национальной безопасности Кыргызстана.

6. С точки зрения России Кыргызстан, разделяя концепцию многополярного мира, строит свою внешнюю политику на основе многовекторности, традиционно практикуя в развитии международных связей прагматичные подходы, отражающие ключевые национальные интересы республики, выступает за всестороннее развитие системы международных отношений на основе равноправного политического и экономического диалога между странами.

Кыргызстан заинтересован во взаимодействии с глобальными факторами в целях нейтрализации либо минимизации угроз национальной безопасности. В современных условиях произошло стирание граней между внутренними и внешними угрозами КР, стала очевидной взаимозависимость национальной и международной безопасности. В этих условиях Кыргызстан заинтересован в участии США, КНР и РФ в разрешении противоречий между странами.

7. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет прийти к выводу о том, что декларируемые цели глобальной и континентальной внешнеполитической стратегии и фактические целеполагания США при реализации кыргызско-американского взаимодействия не совпадают. Декларируемые цели полностью соответствуют национальным интересам Кыргызстана. Однако фактические целеполагания и объективные результаты реализации проектов и программ США наносят ущерб националь-

ным интересам, а также угрожают национальной безопасности Кыргызстана.

8. Эволюция кыргызско-российских отношений представляет собой переход от обоюдного экономического прагматизма, через взаимовыгодный обмен экономическими и геополитическими активами, к формированию монолитного цивилизационного евразийского конфедеративного образования. Евразийская интеграция, обусловленная единством политико-экономических целей, программ и путей развития постсоветских стран — объективный процесс, исторически определенный и закреплённый законодательно приоритетный внешнеполитический вектор КР.

Усиление процессов евразийской интеграции КР и РФ осуществляется посредством совместной разработки и реализации геополитических и геоэкономических программ и проектов, обусловлено единством исторического прошлого, совпадением современных экономических, социальных, политических и культурных измерений народов России и Кыргызстана.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Перспективы создания Азиатского сообщества на примере Евросоюза // Спецкурс «Единая Азия». Бишкек, 2013.

БЕССОННЫЕ ГОДЫ...

КЫРГЫЗСТАН В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

22 июня 1941 г. — для Советского Союза начало величайших испытаний, когда ему пришлось противостоять чудовищной силе не только фашистской Германии, но и подчиненной ею почти всей Европы. Начало войны ознаменовано, с одной стороны, трагедией, с другой — массовым героизмом, стойкостью и мужеством сотен тысяч бойцов. В то же время это был и период бессильной ярости, паники и горькой участи пленных для миллионов наших солдат и офицеров, отступавших под натиском бронированного кулака.

Старшее поколение, которому, к сожалению, уже далеко за восемьдесят, еще помнит это тревожное и трагическое время начала войны. Даже мы, соавторы, будучи в то время еще четырех-пятилетними детьми — один с берегов благословенного Иссык-Куля, другой из печально известного Акмолинска, — смутно, как в тумане, в проблесках детского сознания сохранили смутные воспоминания начала войны, самой разрушительной в мировой истории.

Еще накануне в стране в моде были бравурные марши и песни — «Мы смело в бой пойдём!», «...наш бронепоезд стоит на запасном пути!»... К сожалению, реалии были совсем другие. Никакого бронепоезда не оказалось, и армия была не совсем та, точнее, совсем не та, которую показывали в журналах кинотеатров. Неприкрытые границы, парализованная массовыми репрессиями и «чистками» комсостава армия, ужасающий шквал бомбежек, тысячи, сотни тысяч, миллионы пленных — и враг в первый же год войны оказался у стен Москвы и Ленинграда.

Видимо, не случайно не только немецкие, но и английские и американские военные эксперты предсказывали непродолжительность сопротивления СССР: один — максимум три месяца. Но советский народ нашел тогда силы, позволившие ему опровергнуть пессимистические предсказания и добиться Великой Победы, хотя исключительно дорогой ценой — жизнью 27 миллионов своих сыновей и дочерей.

Столкнулись не только военная мощь двух стран, но и идеологии: национализм в его самом античеловечном проявлении — фашизме, проповедующем сверхисключительность одной нации, ее прав над другими, и идеология равенства и дружбы народов, подкреплённая высшим проявлением чувства патриотизма, ответственности за судьбы единой для всех народов Родины.

Разразившаяся война подняла всех советских людей на священную борьбу во имя высшего долга перед памятью ушедших, за судьбу грядущих поколений.

Буквально на третий день войны газета «Советская Киргизия» писала: «Сегодня состоялся грандиозный митинг. Но был он не совсем обычный, хотя звучала музыка, всюду были цветы и алые стяги. Большинство присутствующих мужчин — строителей БЧК одеты в военную форму. Еще вчера держали они в руках лопаты, а сегодня — ружье. Сразу после митинга они уходили на фронт»¹.

С первых дней войны главные усилия государства и партии были сосредоточены на руководстве Вооружёнными Силами и организации крепкого тыла. В этом плане важное мобилизующее значение имела речь И. В. Сталина, возведенного к тому времени мощнейшей пропагандистской машиной в ранг «гения всех времен», «отца народов».

¹ Советская Киргизия. — 1941, 25 июня.

В годы войны Сталин возглавил Ставку Верховного Главнокомандования. 3 июля 1941 г., выступая по радио, вожьд заявил о смертельной угрозе, нависшей над страной, призвал народ к спасению Отечества.

Обстановка действительно была архисложной. Через считанные месяцы после начала войны промышленный потенциал страны уменьшился наполовину. Металлургия была отброшена до уровня первой пятилетки. Огромный урон был нанесен сельскому хозяйству, которое и до войны было самым уязвимым сектором советской экономики. К тому же врагом были захвачены самые плодородные земли западного региона: сначала Украины, а в 1942 г. — Северного Кавказа.

Тем не менее, несмотря на горечь первых поражений, растерянность, в общественном сознании отсутствовала самая характерная черта всякого поражения — ощущение безысходности. Напротив, невероятно велика была у людей вера в силу единого советского народа, партии, Красной Армии и — что с позиции сегодняшнего дня совершенно парадоксально — вера в Сталина. Страна стала единым боевым лагерем, охваченным мощным порывом победить агрессора во что бы то ни стало. И, в конечном счете, победила.

В Великую Победу внес свой достойный вклад и кыргызский народ. Конкретные документы свидетельствуют: сразу после сообщения о нападении фашистов тысячи кыргызстанцев пришли в военкоматы. Это были кыргызы и русские, узбеки и украинцы, дунгане и уйгуры, казахи и белорусы — представители практически всех этносов, проживающих в Кыргызстане. Только за первые два дня войны во Фрунзенский военкомат поступило 270 заявлений добровольцев, за считанные дни в республике была создана сеть курсов ускоренной военной подготовки. С октября 1941 г. по ноябрь 1943 г. в системе всеобуча Фрунзенской области было подготовлено 51 757, а в Ошской — 6 758 бойцов самых различных военных специальностей.

Повсеместно создавались курсы по обучению медицинских сестер и сандружинниц. Меньше чем через год после начала войны девяносто процентов взрослого населения Кыргызстана сдали нормы комплекса «Готов к противохимической обороне»¹.

В битве за Москву героически сражались бойцы 316-й дивизии, которая была сформирована из лучших сынов Кыргызстана и Казахстана (впоследствии 8-я Гвардейская Панфиловская стрелковая дивизия). Она с честью прошла трудными дорогами Великой Отечественной войны до победного конца.

Кроме Панфиловской дивизии на территории Кыргызстана были сформированы 385-я стрелковая дивизия, 40-я и 153-я отдельные стрелковые бригады, 107-я, 108-я национальные кавалерийские дивизии, на базе Фрунзенской школы пилотов — 660-й, 664-й, 666-й авиационные полки ночных бомбардировщиков, которые достойно проявили себя в боевых действиях.

Рассекреченные и полученные из Подольского военного архива документы по истории 385-й стрелковой дивизии, сформированной в 1941 г. в Кыргызстане и прошедшей с боями от Москвы до Эльбы, где в 1945 г. встретились с войсками союзников, позволяют в деталях рассмотреть весь ее боевой путь и персонально проследить судьбу кыргызстанца — воина Советской Армии Севастьяна Фоменко, погибшего в 1943 г. Это — судьба рядового бойца, отраженная в документах, копии которых предоставлены его сыном — ветераном труда Александром Севастьяновичем и его супругой Раисой Марковной. Живущими в г. Бишкеке.

¹ *Плоских В. М., Джунушалиев Д. Д.* История кыргызов и Кыргызстана (Сер. Классический университетский учебник). — 2-е изд. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2009. С. 238.

Почти каждый четвертый из призванных на войну кыргызстанцев отдал свою жизнь за победу. Среди легендарных 28-ми героев-панфиловцев, насмерть стоявших на рубежах под Москвой, были и наши земляки: Дуйшенкул Шопоков, Николай Ананьев, Иван Москаленко, Григорий Конкин, Григорий Петренко, Григорий Шемякин. Кыргызы Ж. Жабает, И. Бейшеналиев, О. Туралиев, А. Коенкозов стали видными участниками партизанского движения.

В тяжелейших боях на Дону 6 августа 1942 г. совершил свой легендарный подвиг Чолпонбай Тулебердиев.

Краткая справка:

Чолпонбай Тулебердиев погиб 6 августа 1942 г., закрыв своим телом амбразуру немецкого дзота. 4 февраля 1943 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Александр Матросов 23 февраля 1943 г. повторил его подвиг в бою за дер. Чернушки Псковской области. 19 сентября 1943 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Героев, повторивших подвиг Ч. Тулебердиева и А. Матросова, в народе стали называть «матросовцами».

В результате настойчивых поисков инициаторов движения «Наша Победа — Биздин Жениш» и конкретно Светланы Лаптевой удалось установить подвиг третьего кыргызстанца-«матросовца» — исыккульца Акматши Тюменбаева. И вот — последние новости: установлено, что четвертым кыргызстанцем, 12 января 1943 г. повторившим подвиг Тулебердиева, был рядовой Ефрем Пантелеймонович Попушин, уроженец Чуйской долины. Незадолго до своей гибели он был награжден медалью «За боевые заслуги». Его имя внесено в список героев объединенного банка данных ОБД «Мемориал».

Всего «матросовцев», благодаря усилиям энтузиастов-поисковиков, в годы Великой Отечественной войны оказалось 437 героев.

Есть среди Героев Советского Союза и дунганин из Кыргызстана — сержант Мансуз Ванахун. В сентябре 1943 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ныне здравствует и живет в Москве лётчица бомбардировочного авиационного полка, штурман эскадрильи 46-го гвардейского полка Евдокия Пасько, единственная родившаяся в Кыргызстане женщина Герой Советского Союза (уроженка с. Липенка нынешнего Жеты-Огузского района Иссык-Кульской области). Она храбро сражалась на фронтах Великой Отечественной, в октябре 1944 г. удостоена звания Героя Советского Союза «за мужество и доблесть, проявленные в борьбе с врагами». Ей сейчас 95 лет и интервью она не дает.

При том забывается, что даже в Германии сохранили и чтут памятники советским воинам — освободителям от фашизма. Широко известен памятник воину-освободителю, воздвигнутый в честь Великой победы 9 мая 1945 г. в Трептов-парке. Здесь захоронено более 5 тыс. советских солдат и офицеров. Тринадцатиметровый семидесятидвухтонный бронзовый монумент в Берлине привлекает миллионы посетителей.

Но мало кто знает, что первоначально предполагался другой проект. По предложению маршала Ворошилова памятник должен был представлять величавую фигуру И. В. Сталина, держащего в руках глобус, символизировавший, что весь мир у нас в руках. Фронтовой скульптор Е. Вучетич, получивший заказ, на всякий случай сделал и второй вариант: простой русский солдат держит в руках спасенную немецкую девочку. Говорят, вождь, посмотрев на оба варианта, выбрал второй, только попросил заменить автомат в руках солдата на меч, разрубающий фашистскую свастику.

Памятник стоит в парке до сих пор, и немецкие власти не собираются его сносить. А вот в Прибалтике,

на Украине и в соседнем Узбекистане памятники героям войны и труда разрушаются...

В целом, за мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами, 74 воина-кыргызстанца удостоены высшей степени отличия — звания Героя Советского Союза (один из них дважды), 21 воин — ордена Славы трех степеней. За доблесть и отвагу более 150 тыс. сыновей и дочерей Кыргызстана награждены орденами и медалями. А скольким еще во имя восстановления высшей справедливости предстоит воздать должное! Например, отважный кыргызский сокол Исмаилбек Таранчиев, совершивший бессмертный подвиг, был удостоен Золотой Звезды Героя Советского Союза лишь 47 лет спустя (посмертно).

И уже в наше время стал легендой ветеран Великой Отечественной войны, преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына Петр Иванович Чесноков. Как он сам рассказывал на студенческом «круглом столе» в КРСУ, в свое время его мать получила две похоронки на сына, а когда он вернулся домой и постучал в окно, она, увидев его, воскликнула: «Чур меня! Уходи, мой сын погиб на войне», и только с помощью соседей удалось убедить ее, что сын вернулся живым.

Так что и в мирное время наши ветераны в строю — уже воспитателей. К сожалению, патриотическому воспитанию у нас сегодня недостаточно уделяется внимания.

Буквально на днях руководитель проекта «Лица года» Гуля Алмамбетова призналась на конференции в ИА «24 kg»: «Отношение молодежи к празднику Великой Победы стало меня пугать». По ее словам, непонятно, как некоторые гражданские активисты, молодые люди могут говорить, что георгиевские ленты — это «проект Кремля», и требовать запретить их. «Это просто глумление над подвигом ветеранов. Мой отец — фронтовик, инвалид войны. Он ушел на фронт, когда ему было 16 лет, и дошел до Вислы. Он что,

считал тогда, что это проект Кремля? Это кощунственно», — с болью говорит она.

К счастью, подобные примеры единичны. Подавляющее же большинство — обратного характера: выявление и популяризация всё новых фактов героических подвигов.

Последние изыскания энтузиастов и поисковиков позволили установить, что уже в первые дни войны в обороне знаменитой Брестской крепости участвовали и кыргызстанцы.

По инициативе нашего коллеги А. Л. Салиева, изучавшего материалы сайта «Мир и Мы», российской инициативной группе (Р. Алиев, А. Ефименко и Ю. Фомин) стали известны документы из немецкого военного архива во Фрейбурге о неизвестных героях Киргизского полка, павших в первые дни обороны Брестской крепости. Большинство из них погибло, другие попали в плен. Среди них: Кемиль Турдумамбетов, уроженец Токтогульского района, Дуйше Нуров из Наукатского района, Майдун Хайдаров, Бейджан Ахраров, Курбанбай Сапаралиев из Ошской области и др. Все они погибли в первые дни осады Брестской крепости. Это — новые имена, новые эпизоды, новые картинки обороны Брестской крепости, которые выявляются инициативной группой.

Мало кому также известно о формировании на территории Кыргызстана польской армии генерала Андерса (декабрь 1941 — февраль 1942 гг.). В архивах Кыргызской Республики выявлены новые документы, которые были переданы польской стороне, где и опубликованы. Публикация их в Кыргызстане еще ждет своего часа. Об армии В. Андерса рассказывается в данном издании в статье доцента кафедры истории и культурологии КРСУ Л. Р. Скреминской.

* * *

Сколь бы решающими не были собственно военные действия, судьба Великой Отечественной зависела не только

от массового героизма советских людей на фронте или в тылу врага. Повсеместное применение техники, необходимость в эффективном современном оружии требовали большого напряжения экономики, прочного и слаженно действующего тыла.

Для ведения войны нужен был крепкий тыл. Промышленность и сельское хозяйство перестроились на военный лад, росло производство оружия и боеприпасов. Под лозунгом «Всё для фронта — всё для победы!» проходили соревнования за лучшее выполнение заказов фронта. На страницах газет печатались письма рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, в которых они горячо напутствовали бойцов, уходивших на фронт, обещали отдать все силы на обеспечение армии и флота боевой техникой, оружием, продовольствием. Видные писатели, музыканты, художники, актеры не оставались в стороне: их творчество полностью было посвящено происходящим событиям.

Уже с 1942 г. СССР сумел — и в этом заключается его успех, поразивший весь мир, — превзойти противника в производстве вооружения. В дальнейшем по производству таких решающих видов вооружения, как танки, артиллерия, автоматическое стрелковое оружие, советская промышленность сумела опередить все страны, участвовавшие в войне. Единственным исключением было производство самолетов, здесь первенство осталось за США.

Самое удивительное то, что такой перевес был получен при относительно меньшем промышленном потенциале. Это было достигнуто исключительно за счет концентрации всех ресурсов для нужд военного производства в такой степени, какой не знала и не сумела создать ни одна из воюющих стран. За успехом стояло мужество советских людей, трудившихся с первых дней войны по-фронтовому, перенося все лишения и тяготы, совершая подвиги, невозможные по меркам мирного времени. В той исторической обстановке

в определяющей степени сказались преимущества централизованно-планового управления народным хозяйством.

С начала войны партийные организации стали широко пользоваться правом контроля деятельности администрации предприятий, строек, организаций, колхозов и совхозов, установленным еще XVIII съездом ВКП(б) (1939 г.). С целью выявления дополнительных резервов выполнения государственных планов и заказов фронта они стали вторгаться во все сферы производства и работы с людьми.

Для повышения оперативности руководства в партийных комитетах создавались новые отраслевые отделы, а на предприятиях оборонного значения вводились должности партийных организаторов ЦК ВКП(б). В Кыргызстане на крупных предприятиях, отгонных пастбищах были введены должности партторгов ЦК, обкомов и райкомов КП(б) Киргизии.

Произошли изменения и в советских органах. Были созданы новые отделы в исполкомах районных и областных Советов, в частности по государственному обеспечению и бытовому устройству семей фронтовиков, по трудоустройству эвакуированного населения. Поскольку значительная часть депутатов Советов разных уровней была на фронте, в некоторых Советах осталось около 30–40% народных избранников, местным Советам было предоставлено право самостоятельно устанавливать необходимый кворум для сессий, исходя из числа имевшихся на местах.

В сложнейших условиях начального этапа войны удалось быстро создать слаженное и растущее военное хозяйство, особое место в котором занимало массовое перебазирование из фронтовых и прифронтовых районов в глубокий тыл огромного количества предприятий и оборудования. В течение второго полугодия 1941 г. только по железным дорогам было отправлено в тыл более 10 млн. человек, оборудование 2593 промышленных предприятий, для чего потребовалось около 1,5 млн. вагонов.

Одним из надежных бастионов единого военно-хозяйственного организма стал Кыргызстан. Сюда было эвакуировано более 30 заводов и фабрик, 24 из которых — предприятия наркоматов легпрома СССР, РСФСР и УССР. Все они в кратчайший срок вступили в строй.

Было перебазировано много предприятий чисто оборонного значения: Ворошиловградский завод Наркомата вооружения стал на новом месте известен под номером 60; завод им. Фрунзе Наркомата минометного вооружения, слившись с эвакуированным Бердянским сельмашзаводом и местным механическим заводом и артелью «Интергельпо», составил основу завода сельскохозяйственного машиностроения им. Фрунзе. Иссык-Кульский филиал торпедного завода № 175, Ново-Троицкий сахарный, Токмакский консервный заводы, Ошский шелкокомбинат и другие также возникли на базе эвакуированных.

В максимально короткие сроки, прямо с рельсов, устанавливалось и запускалось оборудование оборонных заводов. Самоотверженно, зачастую в недостроенных цехах трудились люди во имя победы над врагом.

Для обеспечения возросшей потребности промышленности в электроэнергии в столице республики в сжатые сроки построены Ворошиловская ГЭС на 4200 квт и ТЭЦ завода № 60 на 5400 квт. В 1944 г. в Кыргызстане на стадии строительства было еще 6 новых электростанций общей мощностью 10600 квт.

Для эвакуированных предприятий в течение 1941–1942 гг. только в одном г. Фрунзе было построено около 50 тыс. кв. м производственных площадей — капитальных и временных. Завод им. Фрунзе параллельно с монтажом оборудования выдал за 1942 г. и I квартал 1943 г. оборонной продукции и запасных частей к сельхозмашинам на 26,3 млн. руб., а в апреле 1943 г. произвел ее на 3,2 млн. руб. Завод № 60, несмотря на изношенность оборудования, дефицит сырья и нехватку высококвалифици-

цированных кадров, в I квартале 1943 г. выпустил продукции в 5,5 раза больше, чем в I квартале 1942 г. и в 1,5 раза больше, чем в IV квартале того же года¹.

Быстрое развитие получила оборонная промышленность республики, базирующаяся на местном сырье. Были введены в действие Кадамжайский и Хайдарканский комбинаты по добыче сурьмы и ртути, свинцовый рудник «Ак-Тюз», предприятия по добыче и переработке редкоземельных металлов «Кашка-Суу», «Саргардон» и др. Уже к концу 1941 г. Кыргызстан давал 85% объема сурьмы, производимой в Союзе в целом. Почти в каждом патроне и взрывателе была ртуть Хайдаркана, который стал основным поставщиком этого стратегического металла. В 1945 г. — по сравнению с 1940 г. — добыча ртути здесь была увеличена в 300 раз.

В условиях прекращения поставок из других регионов страны Кыргызстан по многим видам сырья и материалов вынужден был перейти на самообеспечение. В республике начали заниматься лесозаготовкой, добычей пищевой соли, дубильных веществ, выращиванием каучуконосных культур. В марте 1944 г. было принято решение о строительстве бумажной фабрики на базе использования стеблей хлопчатника.

Поиском новых лекарственных и ценных дикорастущих растений, внедрением в фауну новых промысловых пушных зверей, обоснованием системы мер борьбы с вредителями сельхозкультур, разведкой месторождений полезных ископаемых занимались ученые Киргизского филиала Академии наук СССР, организованного в 1943 г. — в самое трудное время.

За годы войны стоимость основных фондов промышленности республики почти удвоилась, были созданы новые отрасли, производящие вооружение, боеприпасы, снаряжение

¹ Их подвиг будет жить в веках. — Фрунзе: Кыргызстан, 1985. С. 31.

и продовольствие для нужд фронта. Удивительным явлением было и то, что производительность труда рабочих промышленности в целом за годы войны повысилась на 43%, а в оборонной промышленности — на 121%. И это в условиях, когда больше половины рабочих на предприятиях составляли женщины и подростки. Именно они за годы войны увеличили выпуск продукции металлообрабатывающей промышленности в 4 раза, в том числе машиностроительной более чем в 11 раз. Для нужд фронта и страны было изготовлено 1355 тыс. пар кожаной обуви, 474 тыс. м шелковых тканей, 5,7 млн. штук швейных и 2,4 млн. штук трикотажных изделий, 1613 тыс. пар носков и чулок, 177 тыс. т сахара, 94,4 млн. банок мясных консервов и др.¹

С самого начала войны до победного ее завершения, пожалуй, наиболее трудной проблемой являлось обеспечение всех отраслей народного хозяйства республики рабочей силой. Ведь, кроме 360 тыс. ушедших на войну, более 36,6 тыс. человек, 85% из которых составляли кыргызы, были мобилизованы на промышленные предприятия Урала, Сибири и Кузбасса. К тому же в республике после начала войны возникло 38 новых крупных промышленных предприятий, после короткого перерыва возобновилось строительство железной дороги Кант — Рыбачье, Большого Чуйского канала и других крупных строек.

Чтобы представить трудовое напряжение тех лет, достаточно вспомнить, как строилась, к примеру, железная дорога Фрунзе — Рыбачье. Примечательно, что еще в 1907 г. Изыскательное общество Семиреченской железной дороги по поводу строительства этого участка вынесло категорический вердикт: «Сие предприятие не только не целесообразно, но и неосуществимо». Причина такой категоричности — труднодоступный горный ландшафт.

¹ Советский Киргизстан в документах. 1917–1967. — Фрунзе, 1983. С. 35.

Но дорогу все же построили, начав ее прокладку в годы войны. Строили ее те, кто не мог служить в действующей армии, — в основном, старики, женщины и дети. Строили, можно сказать, голыми руками, лопатой, ломом да кайлом — на всей многокилометровой трассе работало лишь несколько маломощных экскаваторов.

Агитаторы, направленные в самые глухие уголки республики для набора строителей дороги, не говорили ничего кроме: «Дорога нужна фронту». И люди шли ее строить. Ритм был напряженный, через месяц — другой исык-кульцев сменяли тяньшаньцы, на смену им приходили колхозники из других мест. Сменялись потому, что им надо было еще растить хлеб — и для себя, и для фронта.

Меры поощрения высокопроизводительного труда также соответствовали условиям тех лет. Ударники стройки премировались фуфайками, сапогами, ситцем. Или же получали дополнительный паек: за выполнение нормы на 110% — пол-литра джармы (похлебка из толченого ячменя или пшеницы), на 120% — литр, а на 130% — полтора литра.

В феврале 1942 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому все трудоспособное неработающее на предприятиях и в учреждениях население городов объявлялось мобилизованным для работы на производстве. Отменялись трудовые отпуска, рабочий день удлинялся до 10 часов с предоставлением руководителям предприятий права на дополнительное его увеличение в случае необходимости (а она была постоянно). Рабочие и служащие военных предприятий и смежных с ними производств закреплялись на них до конца войны. Прогулы, самовольные отгулы, оставление работы приравнивались к дезертирству со всеми вытекающими, характерными для военного времени, последствиями.

Одним из основных источников пополнения рабочей силы в промышленности и на транспорте стали школы

ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. За 1943—1945 гг. ими было подготовлено 14 тыс. рабочих различных специальностей. Молодежь в возрасте 15—25 лет в январе 1945 г. составляла около 36% численности рабочих республики. Отток подростков в производство привел к тому, что только за первые три года войны количество учащихся в общеобразовательных школах сократилось с 281,8 тыс. до 184,3 тыс. Но главной силой производства стали женщины. Их доля в промышленности возросла с 32,9% в 1940 г. до 55,7% в 1943 г. Вернулись к станкам, в забой, на промыслы пенсионеры и инвалиды. К началу 1945 г. в народном хозяйстве республики было занято 23,8 тыс. человек преклонного возраста.

Трудоспособная часть населения в сельской местности в 1945 г. составляла лишь 36,6% против 43,3% в 1940 г. За годы войны количество трудоспособных колхозников-мужчин сократилось со 186,2 тыс. до 74 тыс. человек¹.

Большое количество пригодных тракторов, автомашин и лошадей было взято для нужд армии. Количество тракторов в МТС и совхозах сократилось с 5039 в 1940 г. до 4290 в 1945 г., из 1572 грузовых автомобилей, имевшихся в 1940 г. в МТС, совхозах и колхозах, в 1944 г. осталось всего 286. Техника была изношенной и нуждалась в серьезном ремонте.

Чтобы вовлечь в общественное производство все взрослое население в сельской местности, еще в мае 1939 г. был повышен обязательный минимум трудодней — с 60 до 100, в апреле 1942 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР он был еще более увеличен: для хлопко- и свеклосеющих районов Кыргызстана — до 150, в производстве лекарственных трав и табака — до 120, в зерновых и животноводческих районах — до 100 трудодней в год.

¹ Киргизия в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и мат. лов. — Фрунзе, 1968. С. 81.

Несмотря на такие меры, в 1943 г. лишь 12,4% посевных площадей было засеяно в нормальные агротехнические сроки. По сравнению с 1940 г. сократилось количество поливов сельхозкультур в 3 раза, подкормок минеральными и органическими удобрениями — более чем в 6, а площадь тракторных вспашек — в 2,5 раза. Все это отрицательно сказалось на урожайности многих культур. Так, в 1943 г. по сравнению с 1940 г., урожайность зерновых снизилась на 27%, сахарной свеклы — на 70, хлопчатника — на 64% [6, 51].

И тем не менее, за четыре военных года государственные заготовки сельхозпродуктов были намного больше, чем за соответствующий довоенный период: зерна — на 10%, картофеля — на 36,8, овощей — на 107, мяса — на 57,4, шерсти — на 63,3%. Объясняется это снижением удовлетворения личных потребностей сельских жителей: средняя выдача на один трудодень зерна снизилась с 1,59 кг в 1940 г. до 0,33 кг в 1943 г., удельный вес колхозов, не выдававших на трудодень ни грамма зерна, за этот период увеличился с 15,1 до 24,5% от их общего количества.

Колхозы строго наказывались даже за засыпку семенного фонда до выполнения хлебазаготовок, не говоря уже о раздаче зерна колхозникам на трудодни. Единственным источником существования для сельских жителей в этих условиях были скудные запасы довоенных лет и личное хозяйство, приусадебный участок. Но значительной частью и этого весьма ограниченного источника существования приходилось делиться во имя общей победы, которая воспринималась каждым и как главное условие скорого возвращения собственного сына, брата, отца, мужа, близкого родственника. Ради этого народ шел на любые лишения, тяготы, выдерживал нечеловеческие муки. Часто отказывая себе в самом необходимом, люди помогали фронту: вносили крупные суммы денег, различные ценности, облигации государственных займов, мясо, зерно и другие продукты.

В первые же дни войны в народных массах стихийно возникло патриотическое движение по сбору средств в фонд обороны путем ежемесячного отчисления однодневного заработка. Уже к 1 декабря 1941 г. от трудящихся Кыргызстана в фонд обороны поступило 33,9 кг золота и серебра, 9099 тыс. руб. денег, на 1611,7 тыс. руб. облигаций государственных займов, 11862 ц зерна, 2779 ц мяса, 1788 кг масла.

Руками женщин было изготовлено и направлено в действующую армию свыше полумиллиона теплых вещей. Кроме того, в годы войны из личных запасов населения было собрано для переработки: 121,4 т шерсти, 96,6 тыс. шт. овчин, 2156 шт. кож разных, 11984 шт. пушмехсырья, 11516 м тканей разных. Всего с ноября 1941 г. по 1944 г. кыргызстанцы отправили 195 вагонов помощи, из них 103 вагона — населению г. Ленинграда, 3 вагона — партизанам Ленинградской области, остальные — бойцам и офицерам действующей армии. Кроме того, воинам-фронтовикам было отправлено по почте 38 тыс. индивидуальных посылок-подарков, в среднем по 5,3 кг каждая. Пожалуй, в те годы не было семьи, где не знали бы банковский счет № 14, на который вносились личные сбережения трудящихся в фонд обороны, на строительство танков и самолетов.

Во имя победы крестьяне, рабочие и интеллигенция Кыргызстана отдавали «свободные» средства (по сути, крайне необходимые, последние) займы государству. Всего за 1942—1945 гг. от подписки на военные займы поступило в государственный бюджет 962 млн. руб. и от размещения денежно-вещевых лотерей — 155946 тыс.¹

В годы военного лихолетья Кыргызстан, как и другие восточные регионы страны, стал родным домом для сотен

¹ Киргизия в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и мат. лов. — Фрунзе, 1968. С. 94

тысяч советских людей, бежавших с оккупированных гитлеровцами территорий. Командные методы партии и ее действия позволили в кратчайшие сроки мобилизовать буквально все возможности для размещения и устройства на работу эвакуированных и переселенных граждан. По указанию СНК и ЦК КП(б) Кыргызстана в районах были созданы комиссии по оказанию помощи эвакуированным. В состав их входили председатель райисполкома, представители райкома и райсобеса, они занимались поиском помещений для жилья, устройством на работу, выявляли на местах остро нуждающихся в материальной помощи и организовывали выдачу им денежных пособий, топлива, продовольствия.

На 1 декабря 1942 г. в Кыргызстане было размещено уже 138 тыс. человек, не считая рабочих и их семей, прибывших вместе с демонтированными предприятиями. Всего республика приняла более 150 тыс. эвакуированных советских людей.

В 1943 г. в Кыргызстан в соответствии с решением СНК СССР было направлено 21 500 польских граждан. Это была часть из почти 390 тыс. поляков, ранее арестованных и высланных из западных областей Украины и Белоруссии, находившихся в тюрьмах, лагерях и спецпоселениях, а в августе 1941 г. амнистированных.

В апреле 1944 г. правительство республики приняло постановление, которым обязывало Наркомторг и Кыргызпотребсоюз выдавать польским гражданам сверх существующих норм снабжения дополнительный продовольственный паек. Польским семьям, «по какой-либо причине не получающим полагающегося по закону пособия или пенсии, — указывалось в постановлении, — в трехдневный срок назначить пособия или пенсии и произвести выплаты за прошлый период в том же порядке, как это установлено для семей военнослужащих Красной Армии». Для эвакуированных

польских детей были открыты 15 школ на 1 197 учащихся, преподавание в которых велось на польском языке.

Кыргызстан взял на себя заботу и о многих тысячах детей, эвакуированных из временно оккупированных и прифронтовых районов. До сентября 1942 г. в республику были перевезены 3433 воспитанника 41 детского дома из Одессы, Ленинграда, Москвы, Курской, Ворошиловградской и Смоленской областей.

В годы войны в республике было развернуто 25 военных госпиталей на 9 тыс. коек, где прошли лечение 39902 воина. Поправив здоровье, 47% из них вернулись в действующую армию.

Как итог грубейшего нарушения Сталиным и его подручными элементарной законности в отношении многих народов (чеченцев, карачаевцев, калмыков и др.) с конца 1943 г. в республику начали прибывать большие группы спецпереселенцев. По данным отдела спецпоселений НКВД СССР, на 1 октября 1944 г. их было 120 858 человек, позже, в марте 1944 г., сюда переселили еще более 10 700 балкарцев.

Что же делалось в тех местах, куда направлялись спецпереселенцы? В Кыргызстане, например, задолго до начала вселения, 19 января 1944 г., принимается совместное постановление СНК и ЦК КП(б) республики, которым утверждается план расселения переселенцев – около 90 тыс. человек, которым предусматривалось быстрейшее расселение прибывающих из расчета не менее 50 семей на территории одного населенного пункта и вовлечение их в производство. В районах расселения срочно были созданы «тройки» – председатель облрайисполкома, первый секретарь облрайкома партии и начальник УНКВД, в обязанность которых входила подготовка к 15 февраля помещений для жилья, не менее 15-дневного запаса топлива, транспорта для вывоза людей от станции разгрузки до места вселения.

16 июня 1944 г. СНК и ЦК КП(б) Киргизии принимают другое постановление – о выдаче скота, продовольственного зерна спецпереселенцам в обмен на принятый от них скот и зерно в местах выселения. В соответствии с этим постановлением подлежало распределению среди спецпереселенцев 9926 голов лошадей, 24472 головы крупного рогатого скота, 60000 овец и коз, 24700 ц зерна, 30 тыс. куб. м лесоматериала и др.

24 августа 1944 г. те же инстанции принимают постановление о размещении в республике турок, курдов и хемшилов. Оно обязывало местные партийные, советские и хозяйственные органы отремонтировать жилой фонд с 10-процентным резервом, заготовить не менее чем на 30 дней запас топлива, завершить размещение, наделение приусадебными землями, хозяйственно-трудовое устройство спецпереселенцев не позднее 1 ноября 1944 г., обеспечить выдачу им зерна, скота взамен принятого от них по старому месту жительства по имеющимся у них обменным квитанциям, а также ссуду в размере до 7 тыс. руб. на семью с рассрочкой на 7 лет. Правда, все это было ничто по сравнению с тем, что перенесли эти народы. Но в этом не было вины кыргызстанцев.

В целом же, в годы войны Кыргызстан принял более 300 тысяч новых жителей.

В Кыргызстане, как и в других восточных районах СССР, в годы войны значительно выросло промышленное производство, в основном за счет перебазирования в республику предприятий из западных регионов. Выпуск валовой промышленной продукции в 1945 г. здесь был выше, чем в довоенный 1940 г., на 22%. Увеличилось производство электроэнергии, станков, ткани, кожаной обуви, консервов, но вместе с тем снизились добыча угля, производство хлопка-волокна, шерстяных тканей, сахара и некоторых других видов продукции.

Война нанесла большой урон сельскому хозяйству Кыргызстана, как и других тыловых районов страны.

Из 186,6 тыс. трудоспособных мужчин, занятых в колхозном производстве в 1940 г., к 1946 г. осталось немногим более 60 тыс. По технической вооруженности сельское хозяйство было отброшено на уровень середины 30-х гг. Из-за нехватки рабочих рук не использовались значительные площади пригодных земель, резко снизилась урожайность, сократились поголовье и продуктивность скота, вследствие чего возникли продовольственные и сырьевые трудности.

Таким образом, Советский Кыргызстан в единой семье народов СССР, будучи глубоко тыловой республикой, внес свой вклад в разгром фашизма и победу над Германией.

* * *

Каждый «круглый» юбилей победы советской армии на фронтах Великой Отечественной войны широко и торжественно отмечается многонациональным народом Кыргызстана.

Широко отмечают и регулярно освещаются эти события в средствах массовой информации, публицистических статьях в журналах и научных монографиях. Если взять, к примеру, сравнительно молодой вуз — Кыргызско-Российский Славянский университет, то он за 20 лет своего существования опубликовал около 20 монографий, научных сборников и материалов международных конференций, посвященных юбилейным военным датам. На спецсовете по защите докторских и кандидатских диссертаций (от ВАКа РФ) за это время только по военной тематике было защищено пять докторских диссертаций и около двадцати кандидатских, с выпуском монографий по темам исследования. К 70-летию юбилею Победы советского народа в Великой Отечественной войне только в первой половине 2015 г. опубликовано два фундаментальных научных труда: «Подвиги кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны» и «Подвижники науки, образования и культуры Кыргызстана в годы Великой Отечественной войны»,

опубликован красочный альбом о кыргызстанцах — героях войны и тружениках тыла, проведены научные конференции и т. д.

В столице, в Доме кино, прошла презентация документального фильма «Подвиг Ванахуна», посвященного Герою Советского Союза Мансузу Ванахуну.

В Кыргызстане будет выпущен биографический альманах «Великой Победе — 70 лет». В Книгу памяти войдут фотографии и биографии фронтовиков-кыргызстанцев. Консультантом проекта выступает глава организации ветеранов войны и труда Тарас Алиевич Токомбаев.

Отдавая дань глубокого уважения великому подвигу ветеранов Великой Отечественной войны и в целях оказания им дополнительной социальной поддержки, в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне Указом главы государства из президентского фонда социальной защиты и поддержки предусматривается увеличение пожизненной стипендии Президента ветеранам Великой Отечественной войны (3 тыс. сомов) на 7 тыс. сомов; с 1 мая текущего года она составит 10 тыс. сомов в месяц. Указом главы государства к празднованию 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне предусматривается выплата единовременного денежного пособия в размере 10 тыс. сомов инвалидам и участникам войны, блокадникам Ленинграда, узникам концлагерей, семьям военнослужащих, погибших во время Великой Отечественной войны, и вдовам ветеранов войны. По последним данным Министерства социального развития, сейчас в Кыргызстане проживает всего 1236 кыргызстанских ветеранов Великой Отечественной войны, из них 334 инвалида и 835 участников войны, 35 блокадников Ленинграда и 32 молодых узника концлагерей.

Отдать дань памяти отцам и дедам, отстоявшим свободу единой Родины, выстоявшим в боях с фашизмом, и героическим труженикам тыла, обеспечившим победу, — священный долг любого гражданина своей страны, в каком

бы государстве он не проживал, к какой бы национальности не принадлежал. В суверенном Кыргызстане эта заповедь выполняется.

Публикуется по изданию:

Джунушалиев Д. Д., Плоских В. М. Бессонные годы... Кыргызстан в великой отечественной войне // Диалог Цивилизаций № 1 (19). Бишкек. 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
У ИСТОКОВ ДРУЖБЫ	5
Предисловие	7
Полномочные посланники Петра	9
Посольство Ф. Беневени	14
Посольство И. Унковского	19
Знакомство с киргизами	30
Оренбургский корреспондент	30
Странник поневоле	38
По следам рукописи капитана Андреева	48
Впервые в Россию	57
На пути в Индию	76
Глазами гарнизонного лекаря	95
Незримая дуэль	113
«Странствователь»... в сердце Тянь-Шаня	137
Дневник одного путешествия	156
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
АНТОЛОГИЯ НАУЧНОГО ПОИСКА	177
Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии	179
Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в.	189
О структуре населения дореволюционной Киргизии ...	223
Оригинальные источники по истории Киргизстана	236
Кокандско-Китайские отношения и кризис национально-колониальной политики Цинской империи в Синьцзяне	148
Древние разработки глазами ученых	262
В поисках рукописей и книг	287
Уникальная рукопись Джами	297

К вопросу о чековой форме землепользования в Киргизии	308
Этногенез и политическая история кыргызов	325
Происхождение кыргызского народа	325
Барс-бег и великодержавие кыргызов	359
Трайбализм: истоки и состояние	375
Феномен трайбализма и его сущность	382
Кыргызский трайбализм в колониальную эпоху	404
Борьба с трайбализмом в советскую эпоху	410
Причины и вероятные последствия нового всплеска трайбализма	424
Раннее христианство и тюркский мир Центральной Азии	431
Воспитание историей и культурой	450
Приоритеты исторических и культурологических знаний	541
Проблемы исторической и культурологической науки	452
Перспективы исторического образования и просвещения	454
Историко-культурное наследие	457
В чем же состоит содержание истории?	459
Университет и школа	461
О создании учебников нового поколения	462
О духовности воспитания	464
Взаимодействие оседлых цивилизаций и кочевых обществ как геополитический фактор в истории Центральной Азии (по материалам христианского наследия)	468
Современные проблемы методологии и комплексного исследования истории государственности центральноазиатского региона	475
«Гордиев узел» Тянь-Шаня	483
Актовые и другие документы и источники XVIII в. – 70-х годов XIX в.	491
Этапы политогенеза кыргызской государственности ..	507

Мир кочевников: исследования Ю. Н. Рериха по истории Центральной Азии	516
Проблемы развития гуманитарного образования и общественных наук в Кыргызстане	544
Проблемы роста	547
Историко-культурное образование	549
О школьных и вузовских учебниках на русском языке	553
Истоки взаимосвязей народов центральной азии в исторической памяти	556
Кыргызский этнос и «великое переселение народов». Исторические заметки	562
Внешняя политика России на Памиро-Алае и Курманджан Датка (1875 – 1895)	572
Перспективы создания Азиатского сообщества на примере Евросоюза	588
Бессонные годы... Кыргызстан в Великой Отечественной Войне	592

Владимир Михайлович Плоских
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Проблемы истории Кыргызстана
в исследованиях разных лет
ТОМ IX

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*
Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 21.11.2020. Заказ № 48.

Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Объем 38,75 п. л.

Тираж 500 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

